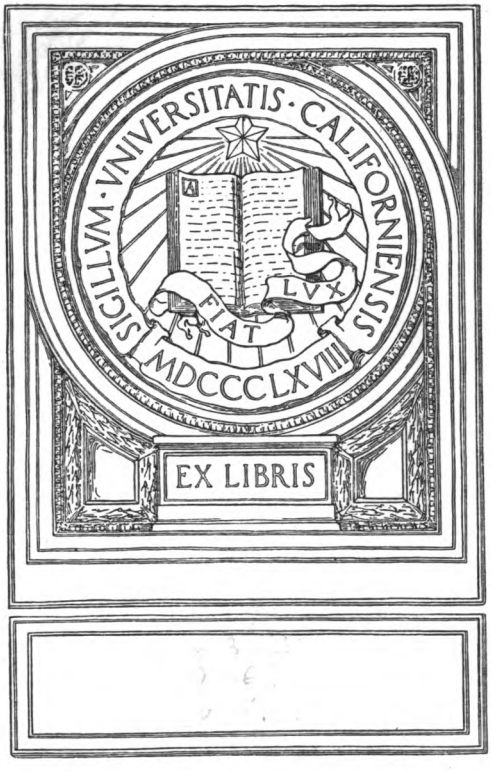
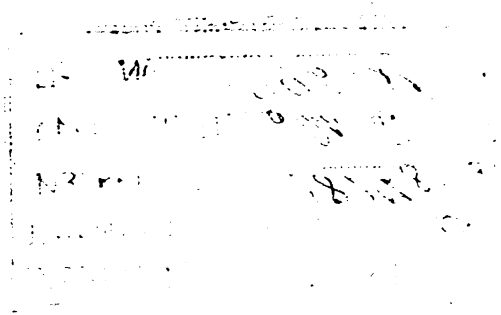
1817-5
M-8-
1896-XI





Годъ V-й. № 11-й.

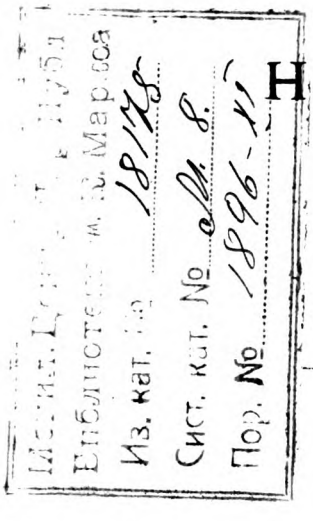
МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.



НОЯБРЬ

1896 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1896.

Дозволено цензурою 28-го октября 1896 года. С.-Петербургъ.

AP50
M47
1896 v.11
MAIN

СОДЕРЖАНІЕ.

		стр.
1.	МИШУРИСЪ. (Изъ жизни маленькихъ людей). **И. Потапенко**.....	1
2.	СТИХОТВОРЕНІЕ. **Вл. Ладыженскаго**.....	36
3.	СТРАНА СВОБОДЫ И «СРЕДНЯГО ЧЕЛОВѢКА». (По поводу швейцарской національной выставки въ Женевѣ). **В. Агафонова**.....	37
4.	АРТИСТЫ. Разсказъ Э. Лундквиста. Пер. съ шведскаго **В. Фирсова**...	58
5.	РАБОЧІЕ КЛУБЫ ВЪ АНГЛІИ. **Л. Давыдовой**.....	76
6.	О ЦѢННОСТИ ЖИЗНИ. Прив.-доцента **Г. Челпанова**.....	88
7.	ВЪ СѢТЯХЪ. Повѣсть **Вацлава Сѣрошевскаго**. (Продолженіе).....	109
8.	ПИСЕМСКІЙ. **Ив. Иванова**. (Продолженіе).....	138
9.	ТРИ ЖЕНСКИХЪ КОНГРЕССА. ***.....	174
10.	ПРОШЛОЕ НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ ВСЕЛЕННОЙ. Космологическія письма **Гери. Клейна**. Перев. съ третьяго нѣмецкаго изданія подъ редакціей **К. Пятницкаго**. (Продолженіе).....	188
11.	СЭРЪ ДЖОРЖЪ ТРЕССЕДИ. Романъ **Гемпфри Уордъ**. Переводъ съ англійскаго **А. Анненской**. (Продолженіе).....	222
12.	ОЧЕРКИ ПО ИСТОРІИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ. **П. Н. Милюкова**. (Продолженіе).....	250
13.	КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ. «Въ мірѣ отверженныхъ» г. Мельшина.—Каторга сорокъ лѣтъ назадъ.—Рѣзкая разница между «Мертвымъ домомъ» и «Міромъ отверженныхъ».—Этапный путь.—Типы преступниковъ у г. Мельшина.—Несостоятельность современной системы наказанія. **А. Б.**.....	279
14.	РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ. **На родинѣ**. Введеніе земской реформы въ новыхъ областяхъ.—Количество труда на русскихъ фабрикахъ.—Церковно-приходскія школы на югѣ.—Послѣдствія дурнаго питанія.—Дѣло о взысканіи недоимокъ.—Новая секта.—Воспоминаніе о декабристахъ.....	288
15.	**За границей**. Борьба съ пауперизмомъ на Западѣ.—Французскіе метисы въ Канадѣ.—Дѣтское войско въ Америкѣ.....	302
16.	**Изъ иностранныхъ журналовъ**. «Cornhill Magazine»—«Revue des Deux Mondes».....	309
17.	ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) ОСНОВНЫЯ ИДЕИ ЗООЛОГІИ ВЪ ИХЪ ИСТОРИЧЕСКОМЪ РАЗВИТІИ СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ ДО ДАРВИНА. (La philosophie soologique). **Эдмона Перье**. Переводъ съ франц. доктора зоологіи **А. М. Никольскаго и К. П. Пятницкаго**.....	227
18.	2) ИСТОРІЯ ЦИВИЛИЗАЦІИ. **Г. Дюкудрэ**. Средніе вѣка. Переводъ съ французскаго **А. Позенъ**, подъ редакціей **Д. А. Коропчевскаго**....	355
19.	БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ ЖУРНАЛА «МІРЪ БОЖІЙ». Беллетристика.—Публицистика.—Исторія литературы.—Исторія всеобщая и русская.—Философія и психологія.—Новости иностранной литературы.—Новыя книги, поступившія въ редакцію.....	1
20.	ОБЪЯВЛЕНІЯ.	

884281

[illegible]

Могил. Ц...
Библиотека им. К. Маркса
Ив. кат. № 18175
Сист. кат. № 31. 8.
Пор. № 1896-XI

МИШУРИСЪ.

(Изъ жизни маленькихъ людей).

I.

Сегодня въ головѣ Ицека такое множество мыслей, что даже непостижимо, какъ онѣ всѣ тамъ помѣщаются. И вѣдь голова-то у него совсѣмъ маленькая, до того маленькая, что, когда онъ покупаетъ себѣ на базарѣ картузъ изъ чернаго плиса, что случается въ семь лѣтъ одинъ разъ, то приходится сдѣлать на немъ складку,—до того онъ широкъ, а меньше ужъ нѣтъ во всемъ городѣ.

Ицекъ и самъ удивляется, какъ это голова можетъ выдержать такой сильный напоръ. Мысли перекатываются въ ней изъ конца въ конецъ, цѣпляются другъ за дружку, шуршатъ и жужжатъ, какъ маленькіе жучки.

Такой день выпалъ. Милліонъ заботъ и все надо устроить съ такимъ же совершенствомъ, какъ Ицекъ всегда устраивалъ, всегда, т. е. всю жизнь. А его короткая, широкая, очень густая борода почти совсѣмъ уже бѣлая, значитъ, жизнь имѣла достаточно времени, чтобы показать ему себя. Еслибъ Ицекъ считалъ годы, то навѣрно насчиталъ бы ихъ болѣе шестидесяти. Но онъ предпочелъ бы считать деньги, а денегъ у него не было, поэтому онъ ничего не считалъ.

Да, много важныхъ дѣлъ предстоитъ сегодня Ицеку, но онъ этого не боится. Онъ не боится и Бороха, съ которымъ вчера вышла такая непріятная исторія. Онъ боится только господина Френкеля. Френкель—хозяинъ гостинницы и потому можетъ сдѣлать, что захочетъ. А вчера вечеромъ онъ разсердился и сказалъ: „Я этого не позволю. Я васъ обоихъ вышвырну за дверь“. И очень легко можетъ вышвырнуть. Для этого надо только, чтобы онъ захотѣлъ.

Виноватъ былъ, разумѣется, Борохъ,—Ицекъ совсѣмъ не былъ виноватъ. Странный человѣкъ этотъ Борохъ! Кажется,

ужъ столько лѣтъ прожилъ на свѣтѣ, что надо бы сдѣлаться умнымъ, а онъ все дуракъ. Отъ этого у него и практика плохая. А онъ, вмѣсто того, чтобы стараться, мечтаетъ, т. е. думаетъ не о томъ, что есть и что возможно, а о томъ, чего нѣтъ и никогда не будетъ. Сруль (этотъ ужасный Сруль, ужасный тѣмъ, что онъ очень уменъ и ловокъ, что въ ихнемъ дѣлѣ, гдѣ все достигается умомъ и ловкостью, опасно)—Сруль у него изъ подъ носа вытаскиваетъ такія дѣла, которыя, можно сказать, были уже у него, у Бороха, въ карманѣ. Вчера офицеръ, который остановился въ 23 номерѣ, пожелалъ купить тысячу папиросъ, чтобъ онѣ были хороши и дешевы. Это всегда легко сдѣлать и на этой тысячѣ Борохъ могъ бы нажить по крайней мѣрѣ, 60 копѣекъ, Борохъ — при его небольшомъ умѣ, а человѣкъ съ такимъ умомъ, какъ у Сруля, и больше. Сруль это доказалъ. Борохъ сбѣгалъ въ лавку и принесъ оттуда папиросы, подъ названіемъ „губернаторскія“, а офицеръ ихъ не принялъ, потому что онъ могъ это сдѣлать и безъ Бороха: пошелъ въ лавку и купилъ. А Сруль тутъ какъ тутъ, принесъ папиросы безъ всякаго названія и безъ... ну, да зачѣмъ говорить? и заработалъ цѣлый карбованецъ,—однимъ словомъ—умный человѣкъ.

Вчерашняя исторія съ Борохомъ вышла изъ-за такого предмета, что даже странно сказать: изъ-за полковницы Стыдовской. Какъ будто полковница—какая-нибудь пара старыхъ сапогъ, которую можно продать или промѣнять на трубку. Ицекъ уже много лѣтъ практикуетъ у полковницы. Ну, онъ не говоритъ, что это невыгодно, онъ прямо всѣмъ говоритъ: выгодно. Полковница пріѣзжаетъ въ городъ раза два въ мѣсяцъ и ужъ Ицекъ всякій разъ отъ нея наживаетъ не меньше, какъ три рубля, и это ужъ самое малое, но случается и четыре, и пять, и шесть. За два дня—это очень хорошо. Правда, въ эти два дня онъ никакой другой практики имѣть не можетъ, потому что надо бѣгать для полковницы съ утра до поздней ночи. За эти два дня полковница выжметъ изъ него всѣ соки, но за то вѣрный заработокъ, потому что она платитъ благородно.

И Борохъ присталъ къ нему. Онъ сказалъ:

— Ицекъ, уступи мнѣ полковницу.

Ицекъ посмотрѣлъ на него, какъ на сумасшедшаго. Сперва онъ принялъ это за шутку, но потомъ увидѣлъ, что Борохъ говоритъ серьезно. Онъ возразилъ:

— Это мнѣ нравится! Почему же ты не говоришь, чтобъ я уступилъ тебѣ свой кафтанъ? а?

— Нѣтъ, Ицекъ, кафтанъ у меня есть, а полковница... это другое дѣло. Ты уже довольно отъ нея поживился, надо и другому...

— Да ты, Борохъ, и въ самомъ дѣлѣ съ ума сошелъ. Съ какой стати я откажусь отъ своего счастья? Этого ни одинъ человѣкъ, если только онъ не дуракъ, не сдѣлаетъ...

— Я не хочу даромъ,—сказалъ Борохъ—я заплачу тебѣ отступного. Я дамъ тебѣ пять рублей и даже могу сейчасъ достать деньги...

— Отстань отъ меня, Борохъ, съ этими глупостями.

Но Борохъ не отставалъ. На другой день онъ прибавилъ рубль, только съ условіемъ, что Ицекъ сейчасъ получитъ пять, а остальной рубль черезъ недѣлю. А вчера, узнавши, что утромъ должна пріѣхать полковница, Борохъ началъ просто изъ себя выходить. Онъ уже давалъ семь рублей и былъ очень взволнованъ. Конечно, всякому пріятно имѣть такой вѣрный заработокъ. Онъ плакалъ, говорилъ, что у него 11 душъ дѣтей и ихъ кормить нечѣмъ (и это правда) и, наконецъ, началъ кричать и ругаться и дошелъ до того, что пообѣщалъ убить Ицека.

Ицекъ не зналъ, что ему дѣлать. Все это происходило вечеромъ въ полутемномъ корридорѣ гостинницы, гдѣ они, сидя на длинномъ сундукѣ съ горбатой крышкой, проводили свою жизнь, въ ожиданіи порученій отъ пріѣзжихъ господъ. Они кричали и бранились на своемъ странномъ языкѣ, на которомъ, конечно, не говорили ни Авраамъ, ни Исаакъ, ни Іаковъ и никто другой изъ праотцовъ, и это было ужасно, потому что многіе изъ постороннихъ уже легли спать. Какой-то чахоточный чиновникъ, пріѣхавшій изъ Кіева для какой-то ревизіи, выскочилъ изъ своего номера въ туфляхъ и въ бѣльѣ, крайне раздраженный, стрѣлой побѣжалъ въ контору и заявилъ, что онъ коллежскій ассесоръ и пожалуется губернатору, что такъ нельзя обращаться съ публикой, что это не гостинница, а кабакъ.

Вотъ тогда-то господинъ Френкель и разсердился, выбѣжалъ въ корридоръ съ красной рожей и съ раздувшимися ноздрями и объявилъ, что онъ этого не позволитъ и вышвырнетъ ихъ обоихъ за дверь. При этомъ онъ извинился передъ коллежскимъ ассесоромъ, указывая на Ицека и Бороха, что виноватъ не онъ, а „вотъ эти паршивыя дряни“.

Борохъ понялъ, разумѣется, что ему грозитъ опасность потерять мѣсто на длинномъ сундукѣ съ горбатой крышкой,— а вѣдь тутъ вся его жизнь,—и замолчалъ. Но Френкель очень разсердился и даже не захотѣлъ разговаривать съ Ицекомъ, когда тотъ пытался объяснить ему, что виноватъ не онъ, а Борохъ.

Впрочемъ, Френкель отходчивъ, и, должно быть, сегодня уже все забылъ. А полковница пріѣдетъ по желѣзной дорогѣ въ 8 часовъ. Ицекъ знаетъ это навѣрно. Онъ вчера встрѣтилъ на конскомъ базарѣ приказчика изъ имѣнія полковницы и тотъ сказалъ ему.

Это хорошо, что онъ узналъ заранѣе. Полковница любитъ, чтобъ все было готово. Онъ зайдетъ въ гостинницу и попроситъ приготовить номеръ. Кстати 8-й номеръ, въ которомъ почему-то любитъ останавливаться полковница, хотя у Френкеля всѣ номера одинаково грязны,— свободенъ. Потомъ онъ возьметъ коляску, которая будетъ ждать на вокзалѣ, и, когда полковница появится, кучеръ скажетъ:

— Пожалуйте, ваше превосходительство.

Это все надо предусмотрѣть. Въ томъ и ремесло.

Теперь семь часовъ. Славное утро. Тихо, прохладно, хотя черезъ полчаса начнется іюльская жара и будетъ душно. На базарѣ толкотня. Хохлы, пріѣхавшіе изъ деревень, успѣли уже продать свои продукты: молоко, творогъ, масло, капусту, лукъ, выпили магарычъ и теперь, подвыпивши, говорятъ вдвое громче, размахиваютъ руками и всячески шумятъ. Евреи въ длиннополыхъ кафтанахъ (ихъ много въ городѣ) снуютъ между возами и подъ шумокъ дѣлаютъ свои маленькіе, но ужасно хитрые гешефты. Хозяйки и кухарки съ корзинами покупаютъ провизію и торгуются громко, на весь базаръ. Нищіе обходятъ торговокъ и вымаливаютъ свой завтракъ.

Все это на Ицека производитъ подбадривающее дѣйствіе. Онъ любитъ движеніе. Онъ самъ всю жизнь былъ въ движеніи, и видъ оживленнаго базара, гдѣ люди такъ или иначе зарабатываютъ свой хлѣбъ, пріятно волнуетъ, даже вдохновляетъ его.

Онъ идетъ въ гостинницу и думаетъ: „ну, что Борохъ? пришелъ ли онъ уже? сидитъ ли на сундукѣ съ горбатой крышкой, или боится еще Френкеля“. Въ сущности ему жаль Бороха, потому что онъ—несчастный человѣкъ. Онъ потому несчастный человѣкъ, что взялся не за свое дѣло. Какой же онъ мишурисъ? У мишуриса долженъ быть тонкій умъ,

это прежде всего. Кромѣ того, мишурисъ долженъ знать все: и гдѣ что купить подошевле, и гдѣ что продать подороже. Онъ долженъ также понимать человѣка, онъ долженъ тонко понимать человѣка: иному можно предложить, что угодно, все возьметъ, лишь бы подешевле. А бываютъ такіе господа, что принесешь ему табакъ въ газетной бумагѣ, онъ сейчасъ возьметъ, да и отвезетъ околоточному. Настоящій мишурисъ, мишурисъ съ врожденными способностями къ своему дѣлу, никогда не попадется. Онъ только взглянетъ въ лицо человѣку и сейчасъ же видитъ, что за господинъ. А Борохъ, бѣдный, глупый Борохъ, сколько разъ онъ попадался!

Но это далеко не всѣ мысли, какія были въ головѣ у Ицека, и это даже были не главныя мысли. Онъ поставилъ ихъ на первый планъ потому, что ихъ нужно было привести въ исполненіе раньше другихъ. Но главныя мысли были семейныя. Къ его третьей дочери (двѣ уже были замужемъ) присватался женихъ... Впрочемъ, объ этомъ онъ будетъ думать основательно послѣ того, какъ уѣдетъ полковница, потому что много зависитъ отъ того, сколько она дастъ ему заработать. Дорогой женихъ, очень дорогой. Хочетъ сорокъ рублей деньгами. Это надо достать. Конечно, изъ того, что онъ пообѣщаетъ, еще не слѣдуетъ, что онъ непремѣнно дастъ эту сумму. Дать можно половину или, для круглаго счета, 25 карбованцевъ, но пообѣщать надо всѣ 40, иначе онъ не женится. А это очень важно—выдать дочь замужъ. Уже двѣ младшія подросли и тоже жениховъ требуютъ. Выдастъ Ривку, надо искать для Сарры, а потомъ и для Хаи. Женихъ у Ривки неважный, даже просто скверный женихъ. Молодой человѣкъ, а спереди уже зубовъ нѣтъ,—куда онъ ихъ дѣвалъ? Ицеку больше 60-ти, а зубы, какъ у крысы. Да, прежде люди дѣлались крѣпче. Что изъ него будетъ черезъ 10—20 лѣтъ, изъ этого Хилкиса (такъ его зовутъ)? Онъ мѣдникъ и жестянщикъ, должно быть, это отъ ремесла. Всѣ мѣдники и жестянщики такіе. Зарабатываетъ мало. 40 рублей ему нужны, чтобы открыть свою мастерскую. Гм... мастерская! Это гдѣ-нибудь подъ навѣсомъ сядетъ и будетъ запаивать кастрюли и лудить самовары, которые принесутъ кухарки. Копѣекъ тридцать въ день заработаетъ. Да, плохо жить бѣдному еврею, такъ же плохо, какъ богатому хорошо. Вотъ Френкелю хорошо жить. А вѣдь началъ съ того, что былъ мишурисомъ при этой самой гостинницѣ. Хозяинъ умеръ, а хозяйка въ него влюбилась,

онъ женился и сдѣлался хозяиномъ. Теперь хозяйка у него и пикнуть не смѣетъ. Вотъ какой характеръ! И оттого, должно быть, Френкель такъ презрительно смотритъ на мишурисовъ и такъ обидно съ ними разговариваетъ: повернется бокомъ и говоритъ, а въ глаза никогда не посмотритъ. Оттого, что самъ прежде былъ мишурисомъ. Это всегда такъ бываетъ. Еще какимъ мишурисомъ былъ Френкель! Его главныя дѣла были по женской части... Тьфу!.. Ицекъ этого не любитъ. Онъ, конечно, исполняетъ всякія порученія, потому что мишурисъ долженъ все дѣлать, на то онъ и мишурисъ. Если бы кто-нибудь захотѣлъ проѣздиться на немъ верхомъ, то пришлось бы подставить спину. Съ этого живешь. Но это противно, то-есть то, чѣмъ особенно занимался Френкель. Да, а теперь какой важный господинъ! Сидитъ въ конторѣ и командуетъ. На немъ открытый жакетъ и бѣлая жилетка, а на толстомъ животѣ тяжелая золотая цѣпь съ золотыми часами. На пальцахъ перстни съ брилліантами и изумрудами. Борода у него клиномъ, усы кверху, волосы стрижетъ низко, а прежде пейсы носилъ и длинный кафтанъ, какъ всѣ порядочные евреи въ городѣ. Деньги портятъ человѣка.

— Вотъ и гостинница. Гм... странно! Борохъ ходитъ по улицѣ взадъ и впередъ. Не впустили его, что ли? Вотъ это хорошо! Можетъ быть, и его, Ицека, не впустятъ? Что жъ тогда будетъ?

— Добрый день, Борохъ, — говоритъ Ицекъ на томъ языкѣ, котораго не знали праотцы.

Борохъ не только не отвѣчаетъ, но даже не смотритъ на него. Однако, онъ, значитъ, не на шутку разсердился.

— Почему жъ ты молчишь, Борохъ? Развѣ я тебѣ сдѣлалъ какое-нибудь зло? можетъ быть, ты думаешь, что это черезъ меня тебя не пускаютъ? Ты думаешь, что я просилъ Френкеля объ этомъ? И не думалъ. Я всегда желаю тебѣ хорошихъ заработковъ, Борохъ, только я же не виноватъ, что у тебя нѣтъ такого тонкаго ума, который нуженъ для мишуриса...

Но Борохъ не пожелалъ слушать, онъ надменно заложилъ руки за спину и горделиво пошелъ въ другую сторону.

Да, подумалъ Ицекъ,—это правда, что деньги портятъ человѣка, но и нужда тоже портитъ. Вотъ у Бороха дѣла плохи, очень плохи. Я это знаю. И онъ мнѣ позавидовалъ. Теперь врагами будемъ. А сколько лѣтъ сидѣли на одномъ сундукѣ и курили скверный табакъ изъ одной трубки!

Онъ больше не тревожилъ Бороха и пошелъ въ гостинницу. Его впустили. Привратникъ даже не подумалъ остановить его и привѣтливо сказалъ на томъ же языкѣ: „Здравствуй, Ицекъ“.

— Сегодня будетъ полковница!—отвѣтилъ Ицекъ вмѣсто привѣтствія, потому что это было лучше всякаго привѣтствія. Отъ полковницы всѣмъ хорошо перепадало.—А Бороха не впускаютъ?

— Не велѣлъ. Вчера очень напугалъ его чиновникъ...

— Ай-ай-ай, жалко Бороха. Что онъ будетъ ѣсть?

— Онъ дуракъ, — отвѣтилъ привратникъ.—Не умѣетъ вести свои дѣла. А ты скажи хозяину, что полковница будетъ, онъ тогда станетъ добрѣе и проститъ Бороха.

— Я скажу.

Френкель сидѣлъ уже въ конторѣ и ѣлъ какое-то очень сложное кушанье, составленное изъ овощей, селедки и маслинъ съ большимъ количествомъ лука и перца. Передъ нимъ стояла водка, настоянная на лимонныхъ коркахъ, и пиво въ бутылкѣ. Онъ наслаждался, это было видно по его лицу. Глаза его горѣли и ноздри слегка раздувались. Онъ былъ въ томъ состояніи, когда человѣкъ не способенъ обидѣть ближняго, хотя бы этотъ ближній былъ даже мишурисъ.

— Добрый день, господинъ Френкель!—сказалъ Ицекъ.—Я пришелъ объявить вамъ, что сегодня будетъ полковница Стыдовская. Сейчасъ я привезу ее съ желѣзной дороги.

Френкель улыбнулся.

— А ты, Ицекъ, должно быть депешу отъ нея получилъ?—пошутилъ онъ.

— Вродѣ того,—отвѣтилъ шуткой Ицекъ.—Такъ надо 8-й номеръ приготовить...

— Вели номерному, пусть приготовитъ.

— Господинъ Френкель,—промолвилъ Ицекъ, помолчавъ немного:—а бѣдный Борохъ по улицѣ ходитъ... Его не впускаютъ...

— Ну, да, я хотѣлъ проучить его... Этотъ Борохъ никуда не годится. Мишурисъ? какой онъ мишурисъ? Ему изъ подъ курицъ вынимать яйца и торговать ими, а не мишурить. Пускай его впустятъ.

Ицекъ быстро спустился по деревянной лѣстницѣ и вышелъ на улицу.

— Борохъ,—кликнулъ онъ.—Иди, Френкель простилъ тебя. Ну, иди же.

Но Борохъ продолжалъ ходить, заложивъ руки за спину, какъ будто и не слышалъ.

— Онъ, кажется, помѣшался, этотъ Борохъ, — сказалъ Ицекъ, обратившись къ привратнику.

— Нѣтъ, это онъ гордость показываетъ. Онъ потомъ войдетъ, когда ты уйдешь.

Ицекъ пожалъ плечами. Какая у мишуриса можетъ быть гордость? Онъ сбѣгалъ наверхъ, распорядился, чтобъ приготовили 8-й номеръ, и затѣмъ пустилъ свои тонкія, длинныя ноги скорымъ маршемъ, держа путь на вокзалъ.

Когда Ицекъ скрылся, Борохъ дѣйствительно вошелъ въ гостинницу и занялъ свое мѣсто на сундукѣ съ горбатой крышкой, ожидая, когда проснется кто-нибудь изъ жильцовъ и дастъ ему какое-нибудь грошевое порученіе.

II.

Ицекъ, весь мокрый, пришелъ къ вокзалу, когда осталось минутъ пять до прихода поѣзда. Онъ ужасно спѣшилъ. А у него еще было дѣло. Надо было выбрать коляску получше. Слѣдуетъ, впрочемъ, сказать, что въ скверномъ губернскомъ городѣ извозчичьи коляски были превосходны. Трудно понять, почему это такъ: чѣмъ хуже городъ, тѣмъ лучше коляски. Но за то возницы были одѣты нищими, и когда они, съ кнутами въ рукахъ, обступали пріѣзжаго, предлагая ему свои услуги, то онъ могъ принять это за нападеніе разбойниковъ.

Ицекъ выбралъ такого, у котораго были сапоги, и сказалъ ему:

— Ты стой тутъ и жди. Ты повезешь полковницу. Хорошая госпожа. Она тебѣ отлично заплатитъ...

Черезъ минуту онъ уже былъ на платформѣ и съ волненіемъ смотрѣлъ по полотну дороги въ ту сторону, откуда долженъ былъ показаться поѣздъ. Когда онъ увидѣлъ вдали дымокъ, то старательно оправилъ свой кафтанъ, надвинулъ на затылокъ плисовый картузъ и осторожно пригладилъ волосы на вискахъ.

Поѣздъ пришелъ. Ицекъ побѣжалъ къ единственному вагону 1-го класса и, не давъ даже поѣзду остановиться какъ слѣдуетъ, вихремъ влетѣлъ туда. Вагонъ былъ пустъ. Только два дивана были завалены подушками и узлами, при видѣ которыхъ сердце Ицека начало усиленно биться, какъ

будто все это принадлежало его дорогимъ родственникамъ. Онъ узналъ вещи полковницы и сейчасъ же снялъ картузъ и сдѣлался ниже ростомъ.

Полковница была не одна, а съ взрослой дочерью и 9-тилѣтнимъ племянникомъ.

— Ицекъ?—съ изумленіемъ воскликнули они всѣ разомъ:—Ицекъ? Онъ тутъ.

— О, Ицекъ будетъ вездѣ, гдѣ только надо, чтобъ онъ былъ для полковницы.

Этой фразой Ицекъ началъ свою службу мишуриса и очень хорошо началъ. Онъ низко поклонился и прибавилъ:

— Не угодно ли пожаловать! Вещи всѣ будутъ въ исправности! Коляска готова...

— Ахъ, Ицекъ, Ицекъ! Какое же ты золото!—воскликнула полковница:—но какъ же ты узналъ, что мы пріѣдемъ?

— О, мнѣ приснилось это!—почтительно шутилъ Ицекъ, съ удивительнымъ искусствомъ забирая своими длинными, цѣпкими руками десятки вещицъ, которыя, какъ казалось, занимали такъ много мѣста.—И даже номеръ готовъ, 8-й номеръ, любимый номеръ полковницы.

Полковница была тронута этой заботливостью. Уже за полчаса до остановки ее начала мучить мысль о томъ, что надо звать носильщика, смотрѣть за узлами, чтобы они не растерялись, потомъ искать извозчика, а они всѣ такіе разбойники... Но съ той минуты, какъ она увидѣла передъ собой длинную, хотя и нѣсколько наклоненную, фигуру Ицека, она вдругъ почувствовала, что съ души ея упало бремя. Ицекъ здѣсь, значитъ, все сдѣлано. Никакихъ хлопотъ, ничего не растеряешь, ничѣмъ не огорчишься.

Ицекъ шелъ впереди, весь обвѣшанный узлами, подушками и сумками, которые, казалось, сами цѣплялись за него, какъ будто живые, а полковница съ дочкой и племянникомъ слѣдовали за нимъ. Онъ ежеминутно оглядывался и повторялъ:

— Пожалуйте за мной, сюда, сюда! Я самую лучшую коляску взялъ, какая только есть въ городѣ. У губернатора такой нѣтъ. Вотъ вы увидите.

Коляска, разумѣется, оказалась самой обыкновеиной. Ицекъ посадилъ въ нее полковницу съ дѣвицей и мальчикомъ, а самъ съ узлами сѣлъ въ простую бричку, которая стоила дешевле. Минутъ черезъ 20 они были въ гостинницѣ.

Хотя полковница занимала всего только одинъ номеръ о 2-хъ комнатахъ, но Ицекъ наполнилъ полковницей всю

гостинницу. Онъ стрѣлой мчался изъ 8-го номера въ контору, въ кухню, во дворъ, таскалъ полотенца, воду, мыло, посуду. Онъ спотыкался и путался въ фалдахъ своего кафтана, но, казалось, не замѣчалъ этого. Во всѣхъ концахъ раздавались его возгласы:

— Полковницѣ то-то! Неси въ 8-й номеръ! Полковница требуетъ того-то...

Весь міръ въ эти минуты для него олицетворялся въ полковницѣ и онъ совершенно забылъ, что въ гостинницѣ есть другіе постояльцы. Онъ предоставилъ ихъ Бороху и Срулю. Полковница была его добыча.

Когда въ 8-мъ номерѣ всѣ вымылись и переодѣлись и полковница съ своими родственниками, по разсчету Ицека, засѣла за столъ съ самоваромъ, Ицекъ сталъ у двери въ корридорѣ и терпѣливо ждалъ, пока его позовутъ для приказаній. Сруль въ это время обрабатывалъ дѣла въ двухъ корридорахъ одновременно, успѣвая дѣлать разомъ десять дѣлъ, въ чемъ помогалъ ему его тонкій умъ, а Борохъ сидѣлъ на сундукѣ съ мрачнымъ видомъ и изподлобья смотрѣлъ на счастливаго товарища.

Онъ рѣшительно не одобрялъ Ицека. Къ чему эта суетливость? И развѣ это дѣло мишуриса—носить воду и посуду, бѣгать въ кухню и тащить самоваръ? Для этого есть номерной. Мишурисъ долженъ обрабатывать болѣе тонкія дѣла. Размышляя такимъ образомъ, Борохъ не сознавалъ, что въ немъ говоритъ зависть и что еслибъ ему какимъ-нибудь чудомъ досталась полковница, то онъ чистилъ бы ей башмаки, если нужно—заплеталъ бы ей косу и дѣлалъ парикмахерскую прическу и, ужъ конечно, не отходилъ бы отъ двери ни на шагъ. Но у Бороха сегодня не было еще никакого заработка, а дома онъ не оставилъ ни гроша, поэтому онъ не могъ быть справедливымъ.

Ицекъ, въ свою очередь, смотрѣлъ на него и думалъ о томъ, какой онъ несчастный. Вѣдь вотъ, поди, хитроумный Сруль уже за это время заработалъ не одинъ гривенникъ, а онъ, Борохъ, сидитъ у моря и ждетъ погоды. Сруль не ждетъ, Сруль самъ себѣ отыскиваетъ практику. Онъ зорко слѣдитъ за каждой изъ дверей, выходящихъ въ оба корридора гостинницы и прислушивается къ каждому шороху за этими дверями. Слухъ у него тонкій, какъ у зайца, и когда раздается легкій скрипъ кровати, онъ по неуловимому оттѣнку чувствуетъ, повернулся ли постоялецъ просто на дру-

гой бокъ, чтобы опять заснуть, или у него есть намѣреніе встать. Въ первомъ случаѣ онъ не безпокоитъ. Зачѣмъ? Это вѣрный способъ только разсердить господина и быть отосланнымъ къ чорту. А это совсѣмъ не въ его интересахъ. Нѣтъ, онъ подождетъ, пока господинъ совсѣмъ проснется; тогда онъ осторожно надавливаетъ ручку двери и пробуетъ—отперта ли дверь? Если нѣтъ, онъ ждетъ, когда позовутъ лакея и входитъ вслѣдъ за лакеемъ. Если же дверь отперта, онъ чуть-чуть пріотворяетъ ее и, устроивъ себѣ щелочку, наблюдаетъ, дѣйствительно ли господинъ проснулся. Если это была ошибка, дверь съ такою же осторожностью затворяется и Сруль терпѣливо ждетъ дальнѣйшихъ примѣтъ, подходя въ это время къ другимъ дверямъ и прислушиваясь къ нимъ.

Но вотъ совершенно очевидно, что господинъ проснулся. Сруль пріотворяетъ дверь нѣсколько больше и старается скрипнуть ею; если же этого не выходитъ, кашляетъ, прикрывъ ротъ рукою. Господинъ приподымается на постели и поворачиваетъ голову.

— Кто тамъ?

Но на первый окликъ отвѣта не получается; вмѣсто него въ дверяхъ появляется какой-то острый рыжій клинъ,—это срулева борода, а изъ за улыбающихся губъ выглядываютъ крупные желтые зубы.

— Кто такой?—повторяется вопросъ уже съ оттѣнкомъ изумленія.

— Это я, господинъ, — тихо, таинственно заявляетъ Сруль:—это только я.

Послѣ этого дверь пріотворяется больше и въ нее просовывается уже половина Сруля, т. е. голова, правое плечо, рука, правый бокъ, нога.

— Что тебѣ надо? — сурово спрашиваетъ постоялецъ, оглядывая съ ногъ до головы странную фигуру.

— Мнѣ ничего... А, можетъ, господину что-нибудь надо? Я все могу достать...

Въ это время Сруль незамѣтно просовываетъ свою особу въ дверь больше и больше и, наконецъ, оказывается весь въ комнатѣ и тотчасъ притворяетъ за собою дверь. Когда ему это удалось, онъ уже считаетъ себя до извѣстной степени побѣдителемъ. По крайней мѣрѣ, онъ знаетъ навѣрное, что его не такъ-то легко выслать за дверь. Онъ не теряетъ времени и сейчасъ же, пока постоялецъ не освоился съ положеніемъ, начинаетъ перечислять прелести, которыми онъ думаетъ плѣнить господина.

— Можетъ быть, надо мыла, настоящаго заграничнаго мыла, или духовъ, которые пахнутъ, какъ розы... или табакъ, настоящій турецкій табакъ, и совсѣмъ за безцѣнокъ; а если господинъ любитъ сигары, то я могу предоставить такія, что пс... (при этомъ Сруль цѣлуетъ собственные пальцы). Прямо изъ самой Вѣны привезены и такъ дешево, такъ дешево, какъ даромъ... Если господину нужно, чтобъ я сбѣгалъ и купилъ что-нибудь, такъ ужъ я куплю самое лучшее, что только есть на свѣтѣ... А то, можетъ быть, что-нибудь продать Я и это могу, какъ никто не можетъ сдѣлать; а если господинъ (онъ оглядывается и сильно понижаетъ голосъ)...

— Пошелъ вонъ отсюда!—гнѣвно кричитъ господинъ, цѣломудріе котораго возмущено послѣднимъ предложеніемъ. Но Сруль, разумѣется, и не думаетъ уходить. Онъ продолжаетъ стоять у дверей и только извиняется, простирая къ гнѣвному господину обѣ руки.

— Ну, извините, господинъ... Я же не знаю, что кому надо. Ну, если не нужно, такъ и не нужно... Я могу и по всякой другой части... Зачѣмъ же обижаться, добрый господинъ? Одному нужно то, а другому это...

— Ахъ, негодяй! Скажите пожалуйста, что онъ предлагаетъ!—возмущается постоялецъ:—да я тебя за это въ полицію, я тебя...

Онъ встаетъ съ постели, обнаруживая намѣреніе надѣть сапоги, какъ бы затѣмъ, чтобы вести Сруля въ полицію и обвинить въ оскорбленіи общественной нравственности. Сруль со всѣхъ ногъ бросается подъ кровать, достаетъ оттуда сапогъ и, любовно стеревъ съ него пыль рукавомъ собственнаго кафтана, подставляетъ господину такимъ образомъ, что тому остается только впихнуть туда ногу.

— Это что такое?—спрашиваетъ тотъ, по всей вѣроятности чувствуя, какъ его обезоруживаютъ.

— Такъ вамъ будетъ удобнѣе, господинъ. Право, такъ удобнѣе будетъ.

— Оставь, не надо...

Но гнѣвъ уже исчезъ. Какъ можно сердиться на человѣка, который подаетъ вамъ сапоги въ то время, когда вы грозите предать его въ руки полиціи?

Сруль ставитъ сапогъ, но весьма неохотно. Очевидно, это ему доставило огорченіе. Какъ бы для того, чтобъ хоть сколько-нибудь утѣшить себя, онъ достаетъ изъ подъ кровати другой сапогъ, точно также стираетъ съ него пыль рукавомъ кафтана и ставитъ его рядомъ съ первымъ.

— И много васъ тутъ такихъ негодяевъ?— спрашиваетъ господинъ, натягивая сапоги на ноги.

Сруль осклабляется, придавая этому значеніе шутки.

— Насъ много,—говоритъ онъ, подавая господину жилетъ и брюки съ такимъ привычнымъ видомъ, словно онъ подавалъ все это ему въ продолженіи многихъ лѣтъ.—Насъ много, да не всякій съумѣетъ, какъ слѣдуетъ, обдѣлать дѣло. Это надо имѣть умъ.

— Ишь ты!

— Да, надо имѣть много ума, чтобы всякому угодить. Вотъ господинъ хотѣлъ выгнать меня и въ полицію отдать, а между прочимъ, я съумѣлъ расположить... И, можетъ, для какого-нибудь дѣла послужу...

— Такъ, такъ. А ну-ка слей мнѣ воды на руки... Мыло-то какое отчаянное...

— Такъ у меня же есть мыло... Хмм... какое мыло! Прямо отъ французской королевы. Я сейчасъ.

И Сруль, чувствуя, что онъ уже начинаетъ быть полезенъ, а скоро станетъ необходимъ, мчится за мыломъ отъ французской королевы, потомъ сливаетъ воду на руки господину, затѣмъ угощаетъ папиросой, навязываетъ ему табакъ, потомъ провожаетъ пріѣзжаго при осмотрѣ города и вообще не даетъ ему сдѣлать ни одного шага безъ его помощи. Если это человѣкъ дѣловой, онъ впутывается въ его дѣла, если это человѣкъ, ищущій развлеченій, онъ приноситъ ему билеты, однимъ словомъ, работаетъ надъ нимъ безъ устали. И за это ему въ концѣ концовъ даютъ какую-нибудь мелочь, да на мылѣ и табакѣ онъ что-нибудь заработаетъ, и живетъ себѣ Сруль на свѣтѣ.

Борохъ этого не умѣетъ дѣлать. Онъ тоже пріотворяетъ двери и тоже просовываетъ бороду, но когда ему скажутъ: „пошелъ вонъ“ (а съ этого начинается довольно часто), то онъ тотчасъ же скрывается и опять занимаетъ свое мѣсто на сундукѣ!

И у Сруля есть постоянные кліенты, вродѣ полковницы у Ицека, это ближайшіе помѣщики, имѣющіе постоянныя дѣла въ городѣ; но, разумѣется, такихъ доходныхъ, какъ полковница,—нѣтъ. Только Борохъ, несчастный Борохъ, лишенный тонкаго ума, не съумѣлъ пріобрѣсти себѣ ничего прочнаго, а между тѣмъ для него это было крайне необходимо, потому что оскудѣніе доходовъ совпало съ особеннымъ случаемъ, когда они всего нужнѣе. Въ то время, какъ у Ицека выросла дочь, которая была одна изъ девяти, у Бороха под-

росъ сынъ, который былъ одинъ изъ одиннадцати. Борохъ находилъ, что онъ славный малый и отличный стекольщикъ. Не слѣдуетъ, однако, думать, что онъ дѣлалъ стекло; нѣтъ, онъ только рѣзалъ его алмазомъ и вставлялъ въ рамы при помощи замазки. Но это все равно, — все-таки онъ былъ отличный стекольщикъ и во всѣхъ отношеніяхъ нравился Бороху, и Борохъ хотѣлъ доставить ему высшее счастье, какого только можетъ достигнуть человѣкъ на землѣ: женить его. Онъ держался мнѣнія, что человѣкъ, пока онъ не женился, въ сущности, еще не человѣкъ, и вотъ онъ хотѣлъ сдѣлать своего сына человѣкомъ.

Женить сына, въ особенности, если онъ отличный стекольщикъ, гораздо легче, чѣмъ выдать замужъ дочь,—это не подлежитъ сомнѣнію. Но все же этого никакъ нельзя сдѣлать, если въ домѣ нѣтъ ни одного гроша, а домъ Бороха именно былъ въ такомъ положеніи: населеніе его было неисчислимо, а денегъ вовсе не было. Вотъ почему Борохъ смотрѣлъ такъ мрачно, и вотъ почему онъ уже за нѣсколько дней передъ этимъ обнаруживалъ крайнее волненіе, и умъ его, и безъ того не отличавшійся тонкостью, помрачился до того, что онъ началъ мечтать о невозможномъ и даже неестественномъ,—чтобъ Ицекъ, ни съ того, ни съ сего, отказался отъ своего блага и уступилъ это благо ему. Конечно, человѣку съ непомраченнымъ умомъ никогда бы это не пришло въ голову.

Но сказать, что Борохъ былъ мраченъ, это мало. Въ то время, какъ Ицекъ стоялъ у двери восьмого номера, оправляя кафтанъ и прихорашивая волосы на вискахъ, онъ кидалъ на него такіе острые взгляды, какъ будто думалъ, что это стрѣлы, которыя пронзятъ Ицека въ самое сердце.

Кажется, что Борохъ что-то замышляетъ. Рѣшительно, у него что-то такое сидитъ въ головѣ.

III.

Ицекъ долго стоялъ у двери восьмого номера и, наконецъ, ему показалось, что о немъ просто забыли. Тогда онъ тихонько постучалъ въ дверь.

— Кто тамъ?—послышался голосъ полковницы.

— Это я... Ицекъ.

— А, Ицекъ? Ну такъ войди же.

Ицекъ вошелъ. Всякій другой на его мѣстѣ, увидѣвъ то, что онъ увидѣлъ, тотчасъ ушелъ бы или по крайней мѣрѣ

повернулся бы лицомъ къ двери. Но Ицеку это даже въ голову не пришло. Онъ нашелъ, что это въ порядкѣ вещей. Всякій дѣлаетъ то, что ему надо. Ему надо получить отъ полковницы какія-нибудь порученія, потому что онъ отъ этого что-нибудь заработаетъ, а полковницѣ надо кончать свой туалетъ—это ея дѣло.

Полковница же, которая въ свое время училась въ институтѣ благородныхъ дѣвицъ и знала подробно всѣ правила приличія, разсуждала такъ: Ицекъ? Развѣ онъ мужчина? Ицекъ—мишурисъ и только. Поэтому она, когда вошелъ Ицекъ, осталась передъ зеркаломъ въ одной бѣлой юбкѣ и въ тонкой рубашкѣ, которая совсѣмъ сползла съ одного плеча, а она въ это время заплетала косу.

Полковница была дама лѣтъ за сорокъ, очень моложавая и недурна лицомъ. Она давно уже овдовѣла и замужъ не собиралась, но любила еще красиво наряжаться и кокетничать съ мужчинами, преимущественно военными, обладающими чиномъ не ниже полковничьяго. Она къ Ицеку не обернулась, да въ этомъ и не было надобности, потому что онъ весь отражался въ зеркалѣ, въ которое и она глядѣлась, и онъ видѣлъ ее всю въ томъ же зеркалѣ. Дочь и племянникъ сидѣли за столомъ на диванѣ и пили чай. И они тоже, очевидно, находили, что Ицекъ не мужчина, а только мишурисъ и что его нельзя стѣсняться.

— Ицекъ,—сказала полковница,—можешь ты мнѣ найти модный журналъ, самый послѣдній?

— Моду?—спросилъ Ицекъ:—чтобы Ицекъ не нашелъ? да онъ найдетъ вамъ такую отличную моду, какой и у губернаторши нѣтъ...

— Нѣтъ, ты на счетъ моды не безпокойся, Ицекъ, потому что ты въ ней ничего не понимаешь, а ты мнѣ найди журналъ.

Ицекъ пожалъ плечами.

— Ицекъ не понимаетъ? Ицекъ все понимаетъ! —проворчалъ онъ и это было его глубокое убѣжденіе: всѣми признано, что Ицекъ хорошій мишурисъ. Въ этомъ давно уже никто не сомнѣвается, а въ такомъ случаѣ—какъ же онъ можетъ что-нибудь не понимать?

— Журналъ?—спросилъ онъ.—Послѣдній журналъ?

— Да, послѣдній модный журналъ. Въ этомъ дрянномъ городѣ ничего порядочнаго не достанешь. Только у одного портного, у Мовши Капсуля, и есть. Остальные шьютъ по своей фантазіи.

— Мовша Капсуль? Я знаю Мовшу Капсуля. Я могу къ нему сбѣгать, я могу сію минуту сбѣгать. Это тутъ два шага... Онъ для полковницы дастъ.

И Ицекъ уже повернулся, чтобъ сейчасъ же исполнить порученіе.

— Нѣтъ, нѣтъ... это нельзя. Прошлый разъ, когда я пріѣзжала, этотъ негодяй испортилъ мнѣ лифъ и я его прогнала. Теперь, конечно, онъ не дастъ. Вѣдь онъ гордый... Первый портной! Скажите, пожалуйста!..

— Не дастъ!—съ сожалѣніемъ промолвилъ Ицекъ.

— Не дастъ. Нѣтъ, ты это сдѣлай какъ-нибудь отъ себя... Ну, ужъ это тамъ твое дѣло, Ицекъ, а ты долженъ достать мнѣ послѣдній журналъ.

— И я думаю, долженъ... Ицекъ все долженъ достать и достанетъ!—отвѣтилъ Ицекъ съ напускной увѣренностью. Онъ еще не зналъ, какимъ образомъ ему удастся провести Мовшу Капсуля, перваго портного.

— Ну вотъ. Такъ ты этимъ и займись. Ступай же.

— И больше ничего?—съ удивленіемъ спросилъ Ицекъ.

— Тамъ увидимъ. Мнѣ журналъ нуженъ.

— Хорошо, я достану журналъ.

Ицекъ сталъ пятиться, но въ его движеніяхъ видна была явная неохота. Не любилъ онъ такихъ порученій. Что можно нажить на этомъ журналѣ? Ровно ничего. И что такое этотъ журналъ? Картинка какая-нибудь? Онъ любилъ что-нибудь купить или продать. Тутъ ужъ непремѣнно что-нибудь наживешь. А журналъ... ну, а все-таки его надо достать.

Когда Ицекъ вышелъ въ корридоръ, мимо него съ чрезвычайно дѣловитымъ видомъ пробѣжалъ Сруль, выбѣжавъ изъ одного номера и прошмыгнувъ въ другой. Очевидно, онъ, пользуясь тѣмъ, что Ицекъ сосредоточился на полковницѣ, захватилъ всю гостинницу, а Борохъ въ это время сидѣлъ на сундукѣ и въ лицѣ его было столько мрачнаго страданія, что Ицеку сдѣлалось жаль его; онъ подождалъ, когда изъ номера вышелъ Сруль, и, отведя его въ сторону, тихо сказалъ:

— Слушай, Сруль, у тебя большая практика? а?

— Есть!—самодовольно отвѣтилъ Сруль.—Такъ у тебя же полковница, это получше всякой практики.

— Ну, да, я ничего и не говорю, а я говорю: ты далъ бы что-нибудь Бороху... Ну, что-нибудь тамъ пустое... А то онъ, бѣдный, чуть не плачетъ, ему не везетъ... я не могу дать, потому что у меня полковница.

— Ну,—воскликнулъ Сруль:—что мнѣ за дѣло? Развѣ это я его сдѣлалъ такимъ дуракомъ... Онъ совсѣмъ глупъ, этотъ Борохъ... Я же не виноватъ, что онъ глупъ...

И Сруль убѣжалъ. „Онъ безсердечный, этотъ Сруль. Охъ, какой жохъ!“ подумалъ Ицекъ и ему еще больше сдѣлалось жаль Бороха. Онъ былъ бы готовъ раздѣлить полковницу на части и одну часть, конечно, меньшую, отдать Бороху. Но это было невозможно.

Онъ вышелъ на улицу и сталъ обдумывать планъ предстоящихъ дѣйствій. Журналъ, журналъ! Вѣдь вотъ же оказывается, есть такія вещи на свѣтѣ, которыхъ не знаетъ мишурисъ. Можетъ быть, это выкройка? Или матерія такая? Кого бы распросить? Конечно, въ городѣ, среди его знакомыхъ, есть люди, которые хорошо знаютъ, что такое журналъ, потому что у Ицека есть знакомство среди образованныхъ людей; но развѣ онъ можетъ тратить столько времени на розысканіе этихъ людей, когда онъ долженъ не терять ни минуты? Вѣдь полковница проживетъ въ городѣ какихъ-нибудь два-три дня и ему нужно изъ каждой минуты извлечь хоть маленькую пользу.

А Капсуль дѣйствительно жилъ въ двухъ шагахъ. Его мастерская помѣщалась на главной улицѣ, на самомъ чистомъ мѣстѣ, какое только было въ городѣ. На этой же улицѣ были сосредоточены всѣ лучшія учрежденія, какъ-то: лучшая аптека, лучшій ресторанъ, дворянскій клубъ и лучшіе магазины. И мостовая на этой улицѣ была такого рода, что по ней можно было ѣздить, рискуя только здоровьемъ, а не жизнью, чего нельзя было сказать про другія улицы. Въ хорошую погоду здѣсь толпились горожане, заглядывая въ окна магазиновъ и передавая другъ другу городскія сплетни. Словомъ, улица эта замѣняла и бульваръ, и клубъ. Очень естественно, что на ней помѣстился и главный портной. Надъ дверью была большая вывѣска золотыми буквами: „дамскій портной изъ Кіева Мовша Капсуль“. А по обѣ стороны входной двери красовались длинныя и широкія доски, на которыхъ были изображены сцены изъ жизни Мовши Капсуля, указывающія и на его спеціальность. Съ правой стороны была нарисована дама съ чрезвычайно длинной шеей и короткими руками; лицо у нея было совершенно бѣлое. На ней было платье съ шлейфомъ такой невѣроятной длины, что для него на вывѣскѣ не хватало мѣста, и онъ, очевидно, не доведенный до конца, внезапно прекращался. Мовша Капсуль

(по всей вѣроятности, это былъ онъ) стоялъ передъ нею на колѣняхъ и снималъ мѣрку сантиметромъ. Съ лѣвой стороны сцена изображала эпизодъ изъ внутренней жизни мастерской главнаго портного. Тотъ же самый Мовша стоялъ надъ столомъ съ большими ножницами въ рукахъ; передъ нимъ пышными складками стелилась голубая матерія неопредѣленнаго качества, а онъ, очевидно, что-то изъ нея выкраивалъ.

Ицекъ постоялъ съ минуту передъ окнами, любуясь сидѣвшими въ мастерской и усердно работавшими иголками подмастерьями въ однихъ жилетахъ, и подумалъ: „должно быть, Мовша Капсуль зарабатываетъ больше, чѣмъ мишурисъ. Вишь, сколько у него работы. Хорошо быть портнымъ, а въ особенности первымъ портнымъ“.

Въ это время одинъ изъ подмастерьевъ повернулся къ окну и, увидѣвъ Ицека, привѣтливо кивнулъ ему головой. Ицекъ сперва не узналъ его, но, приглядѣвшись, понялъ, что это Лейба Безикъ, который приходился ему даже родственникомъ. „Какъ же это я забылъ,—подумалъ онъ,—что Безикъ шьетъ у Капсуля? Развѣ это не то, что мнѣ нужно? Безикъ непремѣнно сдѣлаетъ мнѣ это. Онъ троюродный племянникъ Анны, тетки моей жены, онъ долженъ мнѣ это сдѣлать“. И съ этой мыслью Ицекъ вошелъ въ мастерскую перваго портного.

Капсуль былъ тутъ, въ первой комнатѣ, гдѣ принимали посѣтителей. Онъ стоялъ за стойкой и отмѣривалъ матерію отъ штуки. Онъ, конечно, сейчасъ же узналъ Ицека, котораго всѣ въ городѣ знали. Ицекъ былъ такой давній мишурисъ при гостинницѣ, что, когда встрѣчались съ нимъ, тотчасъ непремѣнно думали о гостинницѣ. Это все равно, что увидѣть издали колокольню: сейчасъ же всякій догадается, что тутъ должна быть и церковь, и непремѣнно объ этомъ подумаетъ. И Капсуль, увидѣвъ Ицека, сказалъ:

— А, мишурисъ! Здравствуй. Ну, что, какъ у васъ тамъ въ гостинницѣ? А? Господинъ Френкель еще не лопнулъ отъ жира?

— Нѣтъ, онъ не лопнулъ. Добрый вамъ день, господинъ Капсуль. Господинъ Френкель никогда не лопнетъ. Господину Френкелю хорошо.

— Я думаю, хозяиномъ гостинницы быть лучше, чѣмъ факторомъ.

— Я тоже думаю такъ, господинъ Капсуль.

— Ну, а ты, Ицекъ, пришелъ заказать платье для своей дочки?—снисходительно пошутилъ Капсуль.

Ицекъ усмѣхнулся. — Нѣтъ,—сказалъ онъ, — моя дочка изъ Парижа выписываетъ себѣ платья. Вамъ не угодить ей, господинъ Капсуль. Она у меня капризная.

И онъ самъ разсмѣялся надъ своей выдумкой, которая развеселила и Капсуля. Это уже было хорошо, потому что, когда человѣку весело, онъ бываетъ добрѣе. Ицекъ хорошо зналъ человѣка. Это входило въ кругъ обязанностей мишуриса. Вѣдь, вся должность его была построена на знаніи человѣческихъ слабостей. Онъ прибавилъ:

— Я хотѣлъ бы сказать два слова Безику.

— Безику? Развѣ онъ тебѣ пріятель?

— Онъ мнѣ даже родственникъ, господинъ Капсуль.

— А! Я не зналъ. Ну, а скажи, твоя полковница еще не пріѣзжала?

— Какая же она моя полковница? Она не моя!—сказалъ Ицекъ.—Сегодня я ей практикую, а завтра Сруль, а тамъ Борохъ, ей все равно... Нѣтъ, не пріѣзжала, господинъ Капсуль. Еслибъ пріѣхала, такъ ужъ непремѣнно къ вамъ бы съ заказомъ пришла... Ужъ безъ этого полковница не можетъ обойтись.

— Ну, нѣтъ, она не придетъ. Ужъ это я вѣрно знаю, что полковница ко мнѣ не придетъ.

— Какъ? почему же она не придетъ?—спросилъ Ицекъ и при этомъ очень искусно принялъ видъ человѣка, который ничего не знаетъ о трагической исторіи, происшедшей между Капсулемъ и полковницей по поводу испорченнаго лифа.

— О, ужъ это такъ. Полковница никогда ко мнѣ не заглянетъ, потому что мы съ ней поссорились. А я вотъ посмотрю, кто ей сошьетъ платье. Я это посмотрю. Она вздорная.

— Да, это есть немного...

— Ну, вотъ и ты замѣтилъ... Такъ пройди туда. Безикъ тамъ... Я не зналъ, что онъ тебѣ родственникъ.

— Да, онъ родственникъ моей жены, — сказалъ Ицекъ и прошелъ въ сосѣднюю комнату, притворивъ для осторожности дверь за собою. Тутъ сидѣло человѣкъ шесть рабочихъ, всѣ безъ сюртуковъ, а только въ жилетахъ, всѣ съ иголками и съ шитьемъ. На столѣ, вокругъ котораго они всѣ расположились, на проволочной подставкѣ стоялъ утюгъ, отъ котораго вѣяло теплomъ.

Ицекъ отозвалъ родственника въ сторону и сказалъ такъ тихо, какъ только могъ.

*

— Лейба, окажи мнѣ услугу...

— Ну?—промолвилъ Безикъ.

— Я тебѣ потомъ объясню. Только мнѣ нуженъ послѣдній журналъ...

— На что онъ тебѣ?

— Такъ, нуженъ. Я потомъ объясню. И всего только на полчаса! Понимаешь? И ты не думай, Безикъ, что это какъ-нибудь такъ... Я тебѣ заработать дамъ... Ну, тамъ немного, много я не могу, я самъ бѣдный, ты же знаешь, но всежъ таки не даромъ... Ужъ ты такъ это, для родственника сдѣлай... Анни тебѣ кланяется, я ее видѣлъ сегодня, и Сарра тоже... И Ривка спрашивала, какъ онъ поживаетъ, Безикъ, и отчего не заходитъ? Такъ ты сдѣлай это, Лейба.

— Гм... А ты думаешь это легко, Ицекъ? — задумчиво спросилъ Безикъ. — Это очень трудно. Столько глазъ смотритъ, а самые большіе глаза у Капсуля. Ты же знаешь! Журналъ это его секретъ. Онъ въ строгомъ секретѣ держитъ его.

— Ну, какъ-нибудь, Лейба! Мнѣ безъ этого нельзя. Ты знаешь, я мишурисъ,—мишурису нельзя, чтобъ онъ чего-нибудь не досталъ. Это скандалъ.

— Я знаю. Ну, я постараюсь для тебя, Ицекъ; я не говорю, что сдѣлаю, а только хорошо постараюсь. Ты же знаешь, я для тебя готовъ. Но не сейчасъ, а такъ черезъ полчаса. Я пойду домой кушать, а ты заходи ко мнѣ. Если удастся, ты получишь. Только не понимаю, Ицекъ, зачѣмъ тебѣ журналъ... Можетъ быть, для Ривкиной свадьбы платье будешь шить? а?

— О! Вотъ сказалъ! Развѣ я могу? Развѣ я такой богачъ? Нѣтъ, это другое... Я потомъ объясню тебѣ. Такъ я зайду, Лейба.

Проходя черезъ первую комнату, Ицекъ скромно поклонился Капсулю и сказалъ:

— Желаю вамъ здоровья, господинъ Капсуль, прощайте.

— Ну что, поговорилъ съ Безикомъ? — спросилъ Капсуль.—Я никогда не мѣшаю. Я не препятствую. Когда есть дѣло, отчего не поговорить?

— Э, тамъ пустяки, пустой разговоръ...

И онъ вышелъ на улицу. Черезъ три минуты Ицекъ былъ уже въ гостинницѣ. Когда онъ вошелъ въ корридоръ, то первымъ дѣломъ увидѣлъ, разумѣется, Бороха. Но странно, что Борохъ, остававшійся и на этотъ разъ, повидимому, безъ

дѣла, не сидѣлъ на сундукѣ, а съ волненіемъ ходилъ взадъ и впередъ, выбравъ для этой прогулки очень маленькое пространство въ корридорѣ. А при его появленіи онъ быстро подошелъ къ большому окну, выходившему въ грязный гостинничный дворъ, и сталъ глядѣть въ него, повернувшись спиной къ Ицеку.

Ицекъ, однако, не придалъ этому значенія. Онъ подумалъ, что Бороху просто надоѣло сидѣть на сундукѣ съ горбатой крышкой и вотъ онъ сталъ ходить, а потомъ ходить надоѣло, такъ онъ сталъ глядѣть въ окно. Чтожъ дѣлать, когда человѣку не везетъ и если онъ не за свое дѣло взялся?.. И Ицекъ увѣренной рукой, какъ человѣкъ, уже исполнившій дѣло, которое для всякаго другого было неисполнимо, постучалъ въ дверь 8-го номера.

— Это я, это Ицекъ! — сказалъ онъ успокоительнымъ тономъ, имѣя въ виду то обстоятельство, что если дамы не совсѣмъ въ порядкѣ, то, узнавъ, что это Ицекъ, онѣ не станутъ безпокоиться.

Онъ стоялъ въ ожиданіи, держась за ручку двери, и до его чуткаго слуха долетѣлъ такой разговоръ:

— Это Ицекъ стучитъ, тетя. Что ему сказать?—спросилъ племянникъ, очевидно, изъ первой комнаты.

— Да его просто прогнать слѣдуетъ, этого негодяя,— отвѣтила полковница изъ другой комнаты.

Ицекъ вытянулся и глаза его сдѣлались такими большими, какими никогда не были; „что такое?—мысленно воскликнулъ онъ:—Ицека прогнать? Ицекъ негодяй? Ицекъ?“

— Нѣтъ, мама, какъ же можно? Надо сперва разобрать дѣло,—возразила дочь.

— А, что... стану я еще разбирать. Этотъ народъ... отъ него всего ожидать можно...

— Что такое? что такое? — думалъ Ицекъ, просто отказываясь вѣритъ тому, что у него есть уши и что онъ дѣйствительно слышитъ ими все это. „Дѣло? какое дѣло? сейчасъ только разговоръ былъ... любезность и все, какъ слѣдуетъ, и послѣдній журналъ и вдругъ... Это просто чудо какое то“.

— Нѣтъ, все же... — промолвила дочь: — такъ нельзя. Можетъ быть, это и неправда.

— Ну, ладно.., Позови его. Позови, Митя!

— Ицекъ, войди!—крикнулъ племянникъ.

Ицекъ вошелъ, но въ головѣ его въ это время стоялъ

какой-то туманъ, а по спинѣ пробѣгала струя холода. Онъ ничего не понималъ. Это походило на скверный сонъ. Только во снѣ, въ скверномъ снѣ можетъ показаться, что полковница, съ которой у него столько было дѣлъ, которая такъ довѣряла ему, можетъ говорить о немъ такимъ образомъ. Развѣ не полчаса тому назадъ она поручила ему достать послѣдній журналъ? Развѣ это не такъ? Или, можетъ быть, всего этого не было? Можетъ быть, онъ еще не вставалъ сегодня съ постели. Онъ спитъ еще и ему все это кажется? Можетъ быть, онъ вовсе и не мишурисъ, и не Ицекъ? Тутъ все можетъ быть, потому что это сверхъестественно.

Совершенно подавленный, Ицекъ даже забылъ о послѣднемъ журналѣ и о своемъ блестящемъ дѣлѣ у Капсуля, онъ просто перезабылъ въ эту минуту все, что когда-нибудь зналъ, и стоялъ у двери молча, съ необыкновенно глупымъ видомъ.

— Эй, послушай ты! Ты какъ это смѣешь разсказывать про меня такія гадости?—грозно набросилась на него полковница, выйдя изъ спальни.—Безстыдникъ ты старый!

Ицекъ захлопалъ вѣками.—Я?.. про васъ?.. я про госпожу полковницу, про ваше превосходительство?.. Гадость?.. О, это что-то небывалое... Развѣ я дуракъ или сумасшедшій, чтобъ про такую личность говорить?.. — съ большимъ чувствомъ промолвилъ Ицекъ.

— Ну, да, разсказывай. Ты отлично умѣешь прикидываться святымъ; тебя допускаютъ такъ близко, тебѣ довѣряютъ, передъ тобой не стѣсняются, а ты гадости сочиняешь, будто у полковницы плохое бѣлье.

— У полковницы плохое бѣлье?—съ ужасомъ воскликнулъ Ицекъ.—Ай-ай-ай! Этого даже дуракъ не можетъ подумать.

— Какъ? Ты не разсказывалъ, что видѣлъ на моей рубашкѣ заплаты и что чулки у меня въ дыркахъ?

— Чулки?.. въ дыркахъ?..

Ицекъ поднялъ плечи и развелъ руками и вся его фигура выразила глубочайшее недоумѣніе и непониманіе. Если бы онъ былъ не въ столь трагическомъ положеніи, то былъ бы очень смѣшонъ.

— Ты не разсказывалъ этого Бороху?

— Бороху? Это Борохъ сказалъ?

— Да, Борохъ сказалъ это.

— Борохъ!

Ицекъ поблѣднѣлъ, потому что понялъ все. Ужъ онъ болѣе не выражалъ недоумѣнія, его тонкая фигура не корчилась и не принимала смѣшныхъ формъ. Лицо его было серьезно и печально. Онъ произнесъ дрожащимъ голосомъ, съ чувствомъ глубокой жалости:

— Борохъ — несчастный человѣкъ... Онъ только несчастный...

IV.

Да, Ицекъ понялъ все и почти точно представилъ себѣ все, какъ было.

Борохъ задумалъ это дѣло еще утромъ, а, можетъ быть, даже вчера, послѣ того, какъ Ицекъ наотрѣзъ отказался продать ему полковницу, а затѣмъ Френкель, вслѣдствіе его бурнаго поведенія, которое обезпокоило пріѣзжаго коллежскаго ассесора, выгналъ его вонъ. У несчастнаго старика, которому такъ страшно не везло, въ сущности, потому, что онъ пристроился не къ своему дѣлу, злоба давно уже накипала въ сердцѣ. Всѣмъ бѣднымъ людямъ скверно живется на свѣтѣ. Но когда у человѣка есть умъ, то все же онъ какъ-нибудь изворачивается. И Ицеку скверно живется, и Срулю неважно. Развѣ это хорошо, если человѣкъ, чтобъ добыть пропитаніе на сегодня, долженъ быть и лошадью, и осломъ, и собакой, и кошкой, и даже соловьемъ, а иной разъ и тѣмъ долженъ быть, что даже и назвать неловко? Нѣтъ, это не значитъ хорошо. Человѣку надо быть человѣкомъ, а не всякой дрянью. Но, по крайней мѣрѣ, у Ицека и у Сруля отъ этого какой-нибудь заработокъ есть. А у Бороха ничего нѣтъ, или такъ мало, что все равно, что ничего. А Борохъ старикъ, да еще взялъ и для чего-то размножился непомѣрно. Ну, положимъ, это не отъ него — это отъ Бога. Человѣкъ можетъ долго терпѣть. Ни одно животное не можетъ терпѣть такъ долго, какъ человѣкъ. Но наконецъ и онъ не выдерживаетъ и озлобляется.

Борохъ озлобился и его небольшой умъ померкнулъ. Это видно было давно, а вчера совсѣмъ обнаружилось. Онъ потерялся и сталъ, должно быть, считать Ицека причиной всѣхъ своихъ бѣдствій. А тутъ еще вышло такое дѣло, что Ицекъ долженъ былъ отказать ему, въ его сумасшедшемъ требованіи — продать полковницу за семь рублей... Вотъ Борохъ и рѣшилъ своимъ помраченнымъ умомъ: „если я на-

говорю на Ицека какую-нибудь скверность, то полковница прогонитъ его и дастъ мнѣ практику".

Борохъ долго думалъ надъ тѣмъ, что сказать на Ицека. Не даромъ онъ безъ дѣла сидѣлъ на горбатомъ сундукѣ. Свободнаго времени у него было много. Къ тому же, и злоба, она всегда помогаетъ человѣку придумать дурное. Онъ и придумалъ. И какъ только Ицекъ вышелъ отъ полковницы и отправился искать послѣдній журналъ, Борохъ постучался въ 8-й номеръ и его впустили. Мишуриса всегда впускаютъ.

— Что ты скажешь, Борохъ? — спросила полковница, которая, хотя никогда не давала порученій Бороху, тѣмъ не менѣе, знала его очень хорошо.

Борохъ смотрѣлъ изподлобья и голосъ у него былъ какой-то сухой и неровный.

— Имѣю къ вамъ особенное дѣло! — сказалъ онъ.

— Вотъ какъ? особенное?

— Особенное! — подтвердилъ Борохъ. — Имѣю дѣло на Ицека.

— Что такое на Ицека?

— Ицекъ нехорошій человѣкъ...

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Да, у Ицека языкъ нехорошій... Онъ, какъ приближенное лицо, можетъ видѣть, а потомъ разсказывать...

— Что-о? Что же такое разсказываетъ Ицекъ?

— Даже сказать обидно... Нехорошо разсказываетъ...

— Ну, ничего, ничего... началъ, такъ говори все...

— На счетъ бѣлья говорилъ... Будто въ заплатахъ... такъ и сказалъ: полковница только сверху, на показъ, дорого одѣвается, а на рубашкѣ заплаты...

— Онъ съ ума сошелъ!

— Должно быть, сошелъ... А чулки всѣ въ дыркахъ...

— Какой негодяй! — воскликнула полковника, сверкая глазами. — И это Ицекъ, Ицекъ, которому я всегда довѣряла... Вотъ какіе вы всѣ мерзавцы...

— Мы не всѣ; только Ицекъ такой.

— Ну, какъ же! И ты такой же!..

— Нѣтъ, я могу честно служить...

— Ахъ негодяй Ицекъ! а? Какъ вамъ понравится? У меня бѣлье въ заплатахъ, чулки въ дырьяхъ? Ну, спасибо, что сказалъ! Можешь убираться.

— Я могу честно служить! — повторилъ Борохъ свою фразу, которая собственно и была цѣлью всего предпріятія.

— Ахъ, да мнѣ же ничего не надо. Какой ты надоѣдливый, Борохъ!—Уходи, пожалуйста.

— Я могу все исполнить, госпожа полковница,—пролепеталъ Борохъ голосомъ, въ которомъ уже слышалось отчаяніе.

— Да убирайся ты къ чорту!—наконецъ, не выдержала и выругалась полковница.

Борохъ посмотрѣлъ на нее сверкающими глазами и вышелъ. Съ этой минуты онъ, не останавливаясь, ходилъ по корридору, переживая муки человѣка, который сдѣлалъ безполезную подлость.

Ицекъ произнесъ свою фразу о Борохѣ дрожащимъ голосомъ, съ чувствомъ глубокой жалости, но полковница этого не замѣтила. Можетъ быть, она и замѣтила, но не придала этому значенія, подумавъ: „знаемъ мы эти штуки". Поэтому она сказала:

— Нѣтъ, нечего вилять теперь! Ай, какой ты подлый, Ицекъ! Я никогда отъ тебя не ожидала.

— Ицекъ подлый? Нѣтъ, Ицекъ никогда не былъ подлымъ,—съ горячимъ убѣжденіемъ промолвилъ Ицекъ.

— Такъ значитъ Борохъ подлый? Кто-нибудь изъ двухъ...

— Нѣтъ, и Борохъ не подлый! Борохъ несчастный...

— Да что ты свои глупости зарядилъ: несчастный да несчастный? Ужъ что-нибудь да было. Ужъ что-нибудь такое ты разсказывалъ. Не могъ же это онъ все выдумать.

— Какъ же не могъ, когда онъ выдумалъ?

— И ты ничего подобнаго не говорилъ?

— Пускай я буду не Ицекъ, а самая паршивая собака, если я говорилъ.

— И ты при Борохѣ скажешь это?

— При милліонѣ тысячъ Бороховъ.

— Хорошо!—Полковница отворила дверь въ корридоръ и крикнула:—иди сюда, Борохъ.

Борохъ вошелъ не спѣшно и безшумно и остановился у самой двери, плотно прижавшись къ ней спиной, какъ будто хотѣлъ занять какъ можно меньше пространства въ комнатѣ. Онъ не смотрѣлъ ни на полковницу, ни на Ицека, а, какъ казалось, внимательно разсматривалъ солнечное пятно, дрожавшее на полу. Лицо его было блѣдно, въ глазахъ игралъ неровный, неспокойный блескъ.

— Борохъ,—сказала полковница, — ты можешь повторить то, что говорилъ про Ицека?

— Могу повторить!—глухо произнесъ Борохъ.

— Ну, вотъ!

— Что же ты знаешь про Ицека? — спросилъ самъ Ицекъ, съ глубокой жалостью глядя на печальную фигуру товарища.

Борохъ не взглянулъ на него, а все продолжалъ разсматривать солнечное пятно.

— Что я сказалъ!.. То самое...—отвѣтилъ Борохъ.

— Нѣтъ,—возразила полковница:—ты скáжи ясно: Ицекъ говорилъ, что у меня бѣлье въ заплатахъ и чулки въ дырьяхъ?

— Говорилъ...—еще болѣе глухо и неясно произнесъ Борохъ.

— Ну, вотъ видишь? И ты еще будешь отпираться, а?

Но Ицекъ даже не взглянулъ на полковницу, онъ выразительно покачалъ головой и промолвилъ съ безконечнымъ укоромъ:

— Борохъ, Борохъ! И тебѣ не стыдно, Борохъ!?. Тебѣ не стыдно такъ говорить на Ицека? Что же я тебѣ сдѣлалъ, Борохъ? а?

У Бороха вздрогнули плечи и зашаталась голова. Онъ низко опустилъ голову и молчалъ, а Ицекъ продолжалъ тѣмъ же тономъ:

— Ай-ай-ай, Борохъ, что такое съ тобой сдѣлалось? Развѣ мы не товарищи? Развѣ ты не знаешь меня, а я тебя съ самыхъ дѣтскихъ лѣтъ? Развѣ мы не тридцать лѣтъ практикуемъ съ тобой въ этой гостинницѣ и все сидимъ на одномъ сундукѣ? Сколько хозяевъ перемѣнилось, а мы все тутъ, все сидимъ на томъ же мѣстѣ. И ты же знаешь, Борохъ, — я такой же бѣдный человѣкъ, какъ ты,—ну, мнѣ немного лучше, у меня практики больше, а все же я бѣдный и мнѣ скверно, и оба мы—вотъ уже старики,—сгибаемъ спины, какъ кошки, и бѣгаемъ, какъ собаки, чтобъ заработать какой-нибудь злотъ. И ты же знаешь, Борохъ, какъ это трудно достается и что мишурисъ не король. О, совсѣмъ не король, а самый послѣдній человѣкъ на свѣтѣ. Онъ самый послѣдній человѣкъ потому, что всякій можетъ заставить его дѣлать то, что ему хочется, хотя бы самую глупую глупость, а онъ никого не можетъ заставить... Его никто не послушаетъ, потому что онъ маленькій человѣкъ, потому что онъ мишурисъ. Ай, нѣтъ, Борохъ, ты несчастный, у тебя умъ помрачился, а то бы ты не могъ... И зачѣмъ ты такое выдумалъ? Ну, сказалъ бы тамъ что-нибудь: что Ицекъ воръ или разбойникъ тамъ... что-нибудь. Ну, Ицекъ убилъ человѣка. Пускай! Но чтобы Ицекъ

могъ говорить такую пакость про госпожу полковницу, которая всегда даетъ ему заработать,—это уже хуже всего... И для чего? Ты же самъ и скажешь, ну, вотъ сейчасъ скажешь, что этого никогда не было... а?

Но Борохъ ничего не сказалъ. Вдругъ глаза его наполнились слезами, ротъ искривился въ плачевную мину и все лицо сдѣлалось жалкимъ, а самъ онъ весь какъ-то согнулся и съежился. Онъ молча повернулся къ двери, нажалъ ручку и совсѣмъ-совсѣмъ тихо исчезъ.

Полковница отвернулась. Вся эта сцена произвела на нее тяжелое впечатлѣніе. А, можетъ быть, ей было немного стыдно передъ Ицекомъ за то, что она такъ скоро повѣрила такой небылицѣ про него,—про него, который такъ усердно служилъ ей много лѣтъ.

— Вотъ видите, мама,—сказала дочь,—я говорила, что надо разобрать дѣло...

— Удивительно! — воскликнула полковница, — не могу только понять, зачѣмъ онъ это сдѣлалъ?

— Я вамъ скажу,—вмѣшался Ицекъ.—Онъ несчастный, этотъ Борохъ. У него нѣтъ ума для мишуриса. Развѣ это простое дѣло мишурисомъ быть? О, трудное дѣло! Ну, и у него никакой практики нѣтъ... а семейство большое. 11 дѣтей, и сынъ—стекольщикъ, жениться хочетъ. Вотъ горе его и помрачило. Вотъ для чего онъ и сдѣлалъ это. Думалъ, ему тогда лучше будетъ, и ошибся. Только и всего. Я же говорю вамъ, что Борохъ несчастный.

Ицекъ, однако, не рѣшился разсказать о томъ, какъ Борохъ хотѣлъ купить у него полковницу за семь рублей. Съ него достаточно было того, что онъ разсѣялъ всякое сомнѣніе въ своей честности и возстановилъ довѣріе къ нему полковницы. Онъ перешелъ къ дѣлу.

— А я таки досталъ послѣдній журналъ,—съ нѣкоторымъ выраженіемъ хвастовства, заявилъ онъ.

— Неужели? у кого?

— У самаго Капсуля... Онъ даже спросилъ: не пріѣзжала ли полковница? А я не дуракъ, я сказалъ: нѣтъ, не пріѣзжала; я же знаю, что надо сказать. Ицекъ всегда скажетъ то, что надо. Онъ лишняго не скажетъ. А Капсуль на васъ обиженъ.

— Ну и чортъ съ нимъ. А гдѣ же журналъ?

— А вотъ сейчасъ... Надо еще сходить за нимъ и только на полчаса. Больше нельзя. А то Капсуль узнаетъ и скушаетъ меня. Капсуль даже и не думаетъ, что у него жур-

налъ уйдетъ изъ квартиры. Онъ себѣ будетъ кроить, а журналъ въ это время придетъ къ полковницѣ. Вотъ какъ тонко Ицекъ ведетъ дѣла. Но только ужъ вы, пожалуйста, госпожа полковница, если когда-нибудь съ Капсулемъ помиритесь, а ужъ вы съ нимъ непремѣнно помиритесь, потому что никто вамъ не можетъ такъ платья шить, какъ Капсуль... Такъ если помиритесь, не говорите ему про журналъ.

— Хорошо, хорошо... а ты вотъ что Ицекъ: сбѣгай къ Фудиму,—знаешь, портной?

— Фудимъ? Онъ мой своякъ.

— Ну, вотъ и отлично, пустъ придетъ ко мнѣ, я ему дамъ работу... Только смотри, ты ему скажи, чтобъ хорошо сдѣлалъ.

— О, онъ сдѣлаетъ! Для полковницы онъ сдѣлаетъ! Это—честь.

— Потомъ зайди на Сѣнную и понюхай тамъ, какъ цѣна на сѣно... Подымется ли? Понимаешь? У меня двѣ скирды сѣна стоитъ... Только это надо сдѣлать ловко... Ну, ты это умѣешь... Не мнѣ учить тебя, Ицекъ. А затѣмъ вотъ тебѣ деньги, зайди въ рыбную лавку и закажи мнѣ балыкъ, фунтовъ пятнадцать... Да смотри, чтобъ балыкъ былъ хорошъ, сочный и какъ слѣдуетъ прокопченный... Ты вѣдь знаешь, какой я люблю. Впрочемъ, тебя не надуешь... А потомъ ты мнѣ будешь нуженъ.

Ицекъ повеселѣлъ. Какая практика! А главное—покупка на наличныя деньги. Тутъ ужъ непремѣнно заработаешь. Пятнадцать фунтовъ, можно по три копѣйки съ фунта, сорокъ пять копѣекъ—это деньги.

— О,—воскликнулъ онъ почти восторженно, — я для полковницы такой балыкъ куплю, какого не бываетъ даже и у губернатора.—Вообще губернаторъ у Ицека существовалъ какъ бы исключительно для обозначенія самаго лучшаго и совершеннаго, что только есть въ природѣ.

Онъ взялъ кредитку, спряталъ ее подъ кафтанъ, за рубашку, у самаго сердца, и вышелъ.

Борохъ сидѣлъ на сундукѣ, совсѣмъ согнувшись и закрывъ лицо обѣими руками. У него былъ видъ человѣка, глубоко подавленнаго, даже изломъ шеи и наклонъ головы выражали отчаяніе. Ицеку стало ужасно жаль его. Когда просидишь съ человѣкомъ рядомъ бокъ-о-бокъ на одномъ сундукѣ съ горбатой крышкой 30 лѣтъ, когда выкуришь съ нимъ изъ одной трубки пуда три скверпаго табаку, то начинаешь чувствовать къ нему родство.

Ицекъ подошелъ къ Бороху и сказалъ.

— Э, что тамъ, Борохъ! Зачѣмъ думать? Ну, это уже прошло!

Борохъ приподнялся и открылъ лицо.

— Ицекъ! я теперь самый послѣдній человѣкъ въ свѣтѣ. Я самый послѣдній человѣкъ!—повторилъ онъ, ударивъ себя кулакомъ въ грудь: — я хуже собаки. Я противъ своего пошелъ...

— Ну, да, мишурисъ противъ мишуриса!—мягко сказалъ Ицекъ,—это плохо... Только ты, Борохъ, отъ горя... Я же знаю... Ну, я и не сержусь... Слушай, Борохъ, я тебѣ дамъ маленькую практику.

— Ицекъ! — воскликнулъ Борохъ, пораженный великодушіемъ товарища.

— Дамъ практику... Ну, тамъ пустой заработокъ, а все-таки что-нибудь! Сходи ты на Сѣнную и тихонько разузнай, какъ цѣна на сѣно... Не подымется ли? У тебя есть кто-нибудь на Сѣнной?

— А какъ же? мой шуринъ тамъ работаетъ приказчикомъ.

— Такъ это хорошо... Вотъ ты и ступай.

— Ахъ, Ицекъ!—голосомъ, вырвавшимся откуда-то изъ глубины груди, промолвилъ Борохъ, совершенно потрясенный, и не нашелъ словъ, чтобъ поблагодарить его. Глаза его опять сдѣлались влажны и вѣки начали вздрагивать. Онъ махнулъ рукой, надвинулъ свой старый засаленный картузъ на затылокъ и пошелъ внизъ.

Ицекъ оглянулся и увидѣлъ у окна Сруля, который, повидимому, слышалъ ихъ разговоръ. Сруль неодобрительно покачалъ головой. Какъ очень ловкій мишурисъ, обладающій тонкимъ умомъ, чего не отрицалъ рѣшительно никто, онъ, весьма оживленно занимаясь практикой, обладалъ способностью въ это же время какимъ-то образомъ знать все, что бы ни случилось въ гостинницѣ, и ему была уже доподлинно извѣстна вся исторія, происшедшая въ 8-мъ номерѣ.

— Я бы такъ не сдѣлалъ съ нимъ,—сказалъ Сруль:— онъ поступилъ, какъ самый послѣдній мошенникъ.

— Оставь, Сруль! Ты не можешь понимать это. Я знаю, ты не можешь... оставь,—промолвилъ Ицекъ и, холодно взглянувъ на рыжаго Сруля, тоже пошелъ внизъ. Онъ думалъ: Сруль не можетъ понимать этого. У Сруля маленькое сердце.

Онъ рѣшилъ прежде всего добыть журналъ, потомъ позвать Фудима и затѣмъ уже заняться балыкомъ.

Мы не будемъ разсказывать всѣхъ дальнѣйшихъ обстоя-

тельствъ Ицековой практики у полковницы; можемъ только сказать, что она была на этотъ разъ въ высшей степени плодотворна. Полковница оставалась въ городѣ цѣлыхъ пять дней и всѣ эти дни Ицекъ чувствовалъ себя такъ, какъ будто его опустили въ котелъ съ кипяткомъ и клокочущая вода швыряетъ его изъ стороны въ сторону, то погружая на дно, то выбрасывая на поверхность. У него было по горло дѣла, и когда его о чемъ-нибудь спрашивали или хотѣли дать ему какое-нибудь порученіе со стороны,—онъ на бѣгу за какимъ-нибудь дѣломъ только подымалъ руку и проводилъ ею себѣ поперекъ шеи, желая сказать этимъ, что у него столько дѣла, что хоть зарѣжься. Полковница собиралась не пріѣзжать цѣлый мѣсяцъ.

Но больше всего хлопотъ доставило ему платье. Фудимъ, конечно, старался изо всѣхъ силъ. Мало того, у него даже явились нѣкоторыя заманчивыя мечты. Онъ давно съ завистью посматривалъ на мастерскую Капсуля, въ которую то и дѣло ходили и выходили изъ нея лучшія дамы губернскаго города. Проходя мимо и наблюдая это, онъ мысленно высчитывалъ, сколько Капсуль долженъ имѣть выгоды отъ этихъ дамъ. И хуже всего то, что сколько бы онъ, Фудимъ, ни старался, что если бы онъ сшилъ платье даже геніально, то все равно этого никто бы не замѣтилъ, и такъ это и пропало бы даромъ. Имя, имя прежде всего! У Капсуля было громкое имя, а про Фудима всѣ говорили съ снисходительной усмѣшкой. Капсулю повезло, вотъ и все. Но къ Фудиму не пойдетъ ни одна порядочная дама, и геніально сшитое имъ платье (если бы онъ его сшилъ) было бы безъ пользы для его имени сношено какой-нибудь городской мѣщанкой или чиновницей также точно до послѣдней возможности, какъ снашиваютъ они платья, сшитыя имъ скверно. И вотъ случай. Онъ будетъ шить полковницѣ. Полковница—важная дама, она бываетъ въ большомъ обществѣ. Ицекъ говорилъ, что въ этомъ платьѣ она поѣдетъ на балъ къ предводителю, тамъ будутъ всѣ заказчики Капсуля. И если увидятъ на полковницѣ платье; сшитое имъ, Фудимомъ, сшитое, конечно, превосходно, то всѣ узнаютъ это и сейчасъ же перемѣнятъ мнѣніе о Фудимѣ. Вѣдь съ этого случая, можетъ быть, для Фудима начнется новая жизнь, можетъ быть, въ городѣ будетъ тогда два первыхъ портныхъ, а можетъ быть, и одинъ, но онъ будетъ называться не Капсуль, а Фудимъ. И Фудимъ страшно старался. Но стараніе не прибавило ему искусства. Все-таки онъ былъ плохой портной и до Капсуля ему было такъ же

далеко, какъ душѣ грѣшника до неба. Началось съ того, что онъ послѣ долгаго изученія журнала ничего въ немъ не понялъ, потому что онъ всю жизнь шилъ безъ всякихъ журналовъ, а это вѣдь требуетъ практики. Но Фудимъ—и это хуже всего—не зналъ этого. Глядя въ журналъ, онъ думалъ, что понимаетъ все отлично, и, придя домой, смѣло, рѣшительно скроилъ платье. Сметавъ его на живую нитку, онъ принесъ полковницѣ для примѣрки и полковница пришла въ ужасъ. Матерія была испорчена, фасонъ не имѣлъ ничего общаго съ журналомъ и пришлось журналъ доставать вторично. Это было уже для Ицека, а въ особенности для Безика, дѣломъ рискованнымъ. Безикъ былъ вовсе не глупъ и онъ только дѣлалъ видъ, что не понимаетъ, для чего Ицеку нуженъ журналъ, въ особенности, когда Ицекъ попросилъ во второй разъ, онъ совсѣмъ догадался въ чемъ дѣло, а догадавшись, онъ понялъ, что тутъ есть рискъ, а тамъ, гдѣ есть рискъ, есть непремѣнно и выигрышъ, и онъ потребовалъ съ Ицека цѣлый рубль. Безъ сомнѣнія, этотъ рубль заплатила полковница, но Ицеку были большія огорченія. Одно время онъ уже думалъ, что во второй разъ журнала не достанетъ. Безикъ напугалъ его, сказавъ, что Капсуль спряталъ журналъ. Безикъ, конечно, просто хотѣлъ взять съ него побольше. Во второй разъ Фудимъ хотя и отнесся къ журналу серьезнѣе и принялъ во вниманіе нѣкоторыя поясненія полковницы, но фасонъ испортилъ еще больше и его пришлось прогнать.

Полковница была въ отчаяніи. Балъ на носу, что она не будетъ на этомъ балу—это немыслимо, что она поѣдетъ на этотъ балъ въ одномъ изъ старыхъ платьевъ—этого даже вообразить нельзя было. Оставалось одно—такъ или иначе примириться съ Капсулемъ. Тогда у Ицека явилась новая задача, съ перваго взгляда казавшаяся даже неразрѣшимой: онъ долженъ былъ уговорить Капсуля забыть оскорбленіе и придти къ полковницѣ. Не полковницѣ же самой идти къ Капсулю, это было бы слишкомъ. Вотъ тутъ-то Ицекъ пустилъ въ ходъ весь свой тонкій умъ и показалъ, что такое настоящій мишурисъ, для котораго нѣтъ ничего невозможнаго и который поэтому ни отъ чего не долженъ отказываться. Дѣло было такъ.

Ицекъ вошелъ въ пріемную комнату перваго портного съ необыкновенно серьезнымъ, но въ то же время таинственнымъ видомъ. У Капсуля въ это время сидѣла заказчица, поэтому Ицекъ скромно подошелъ къ нему и тихо сказалъ

— Господинъ Капсуль, я имѣю къ вамъ большое дѣло.

Капсуль посмотрѣлъ на него съ изумленіемъ. Какое дѣло, да еще большое, можетъ имѣть къ нему этотъ бѣднякъ? Ицекъ понялъ его недоумѣніе и прибавилъ:

— Это отъ полковницы. Большой интересъ, господинъ Капсуль.

— А, такъ она теперь кается? а?

— И я думаю, кается...

— Ты посиди минутку въ мастерской. Ну, поговори съ Безикомъ.

Хотя Капсуль сдѣлалъ видъ, что онъ совершенно равнодушенъ къ этому сообщенію, но голосъ его свидѣтельствовалъ о другомъ. Видно было, что онъ сильно заинтересовался „большимъ дѣломъ“, съ которымъ пришелъ Ицекъ.

И Ицеку пришлось не долго сидѣть въ мастерской. Капсуль хотѣлъ сейчасъ же узнать о затрудненіяхъ, въ которыя навѣрно попала полковница. Это была его побѣда. Поэтому онъ поторопился отпустить заказчицу, и позвалъ Ицека.

— Ну, такъ что жъ твоя полковница?—спросилъ онъ насмѣшливо.

— Полковница ничего!—отвѣтилъ Ицекъ:—она такъ и осталась полковницей.

— Гм... А, можетъ, ее въ генеральши произвели? съострилъ Капсуль и самъ разсмѣялся своей остротѣ.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ Ицекъ,—этого нѣтъ. А только у нея затруднительныя дѣла.

— Ага, это по какой же части?

— По части платья, господинъ Капсуль, по вашей части.

— Это до меня не касается!—гордо сказалъ Капсуль.

— Нѣтъ, касается, господинъ Капсуль. Я вамъ скажу,—такое было дѣло. Полковница прямо, можно сказать, оскандалилась. Я вамъ, господинъ Капсуль, говорю это по совѣсти, потому что я васъ уважаю. Я говорилъ полковницѣ: этого не надо дѣлать, потому что Фудимъ не можетъ угодить такой особѣ...

— Фудимъ?—съ изумленіемъ спросилъ Капсуль.—Она дошла до Фудима?

— Ей нечего было больше дѣлать. Ну, какъ я говорилъ, такъ и сдѣлалось. Фудимъ изрѣзалъ матерію, а платья не сдѣлалъ. Онъ даже и не дѣлалъ его, господинъ Капсуль, онъ просто испугался и даже такъ прямо и сказалъ: это только одинъ господинъ Капсуль можетъ сдѣлать. Видите, даже Фудимъ сказалъ.

— Скажи, пожалуйста, Ицекъ, съ какой стати ты ко мнѣ съ этимъ пришелъ?

— Потому что полковницѣ больше нечего дѣлать. Ей нельзя же безъ платья.

— Я полковницѣ платья не шью. Полковница очень капризная дама, она находитъ, что Капсуль портитъ, а если Капсуль портитъ, такъ пускай ей шьетъ кто-нибудь другой. Капсуль никому еще не портилъ, только полковницѣ. Полковница такая уже важная барыня, что ей даже Капсуль не можетъ сшить.

И онъ презрительно пожалъ плечами.

— Нѣтъ, вы этого не говорите, господинъ Капсуль. Конечно, вы вправѣ это сказать,—только не слѣдуетъ. Я вамъ скажу: вы знаете, у князя Рыльскаго,—онъ предводитель,—такъ у него въ усадьбѣ каждый годъ бываетъ большой балъ. И теперь будетъ; уже вотъ черезъ недѣлю будетъ этотъ балъ. Огромнѣйшій балъ. Много важныхъ господъ пріѣдетъ... Полковницѣ надо дорогое платье шить.

— Ну, ужъ это ей кто-нибудь другой сошьетъ!—гордо сказалъ Капсуль.

— Этого невозможно, господинъ Капсуль: развѣ на такую даму можетъ сшить кто-нибудь другой, кромѣ васъ? Я же вамъ говорю, Фудимъ просто испугался. Самъ Фудимъ сказалъ, что никто, кромѣ Капсуля, не можетъ сшить. И полковница никого не желаетъ, она васъ желаетъ, господинъ Капсуль.

— Если она желаетъ, то развѣ она не знаетъ, гдѣ я живу?

— Господинъ Капсуль! Полковница не можетъ придти къ вамъ. Вы же это знаете. Полковница не такая дама, чтобъ сама приходила. Вы всегда прежде къ ней ходили.

— То прежде... а теперь не пойду... У меня тоже есть своя гордость!

— Господинъ Капсуль, гордость это одно, а выгода другое...

— Пф... выгода. У меня, слава Богу, и безъ полковницы много заказовъ...

— Нѣтъ, я не про это... Я говорю, господинъ Капсуль, что у предводителя большой балъ и много гостей будетъ, ну, и всѣ же, вся губернія знаетъ, что полковницѣ шьетъ первый портной—господинъ Капсуль. Теперь... ну, хорошо, вотъ вы не пошли къ полковницѣ. Платье же ей нужно, она не можетъ на балъ поѣхать безъ платья. И тогда ей уже сошьетъ какой-нибудь тамъ Фудимъ (при этомъ Ицекъ сдѣ-

лалъ брезгливую мину) и скверно сошьетъ, ужъ какъ нельзя хуже. И всякій будетъ смотрѣть и думать: какъ скверно сшилъ полковницѣ платье первый портной Капсуль, и никто даже не подумаетъ, что это Фудимъ, никому и въ голову не придетъ, а всѣ будутъ дурно думать о господинѣ Капсулѣ. Развѣ я не правду говорю? Я же хочу угодить вамъ больше, чѣмъ полковницѣ. Что такое мнѣ полковница? Сегодня она здѣсь, а завтра, можетъ быть, въ Кіевъ укатитъ и у меня съ нею никакой практики не будетъ, а васъ, господинъ Капсуль, я всегда уважалъ, и вотъ говорю: у меня сердце заболитъ, когда такъ дурно подумаютъ о господинѣ Капсулѣ.

Хотя все это было сдѣлано очень наивно, но Капсуль, какъ человѣкъ чувствительный къ вопросу о чести своего портняжнаго имени, сталъ поддаваться и въ концѣ концовъ совсѣмъ сдался и пошелъ къ полковницѣ.

Какъ только онъ явился къ ней, тотчасъ же выяснилось, что эта размолвка была простымъ недоразумѣніемъ. Полковница поняла, что она никоимъ образомъ не можетъ обходиться безъ Капсуля, а Капсуль почувствовалъ, что такая заказчица, какъ полковница, почти необходимая принадлежность его мастерской. Они даже не вспомнили о роковомъ лифѣ, который послужилъ поводомъ къ размолвкѣ, и сразу заговорили о платьѣ, которое надо было сшить. Послѣ этого полковница окончательно увѣровала во всемогущество Ицека.

Вообще, этотъ пріѣздъ полковницы былъ для Ицека рядомъ тріумфовъ. Балыкъ, который онъ купилъ для нея въ рыбной лавкѣ, оказался превосходнымъ. Конечно, Ицекъ здѣсь былъ ни причемъ, это была совершенная случайность, что балыки въ этомъ году вышли необыкновенно удачными. Но когда полковница восторженно похвалила покупку, Ицекъ приписалъ ея достоинства себѣ и сказалъ:

— Развѣ же Ицекъ можетъ купить что-нибудь скверное? Ицекъ всегда покупаетъ все самое превосходное.

Повезло Ицеку также и на сѣнѣ. Онъ, конечно, занималъ такое скромное амплуа, что не могъ повліять на повышеніе цѣнъ. Безъ сомнѣнія, это находилось въ зависимости отъ болѣе глубокихъ экономическихъ причинъ. Но такъ или иначе, а сѣно повысилось въ цѣнѣ и такъ хорошо повысилось, что полковница тотчасъ же телеграфировала управляющему приказаніе продать сѣно и продала его очень выгодно.

Сотня мелкихъ порученій была исполнена точно также блестяще. Когда же полковница уѣзжала, то не пожалѣла

красной бумажки, а когда Ицекъ посчиталъ еще то, что заработалъ на покупкахъ, то рѣшилъ, что теперь и его семейныя дѣла пойдутъ хорошо.

Онъ пришелъ домой и сказалъ своей женѣ:

— Ну, теперь мы можемъ пообѣщать мѣднику сорокъ рублей... Ты слушай: сорокъ рублей я ему не дамъ. Зачѣмъ ему? будетъ съ него и двадцать пять. Но пообѣщать можно. Когда у человѣка въ карманѣ есть двадцать пять карбованцевъ, то онъ всегда можетъ обѣщать сорокъ.

Ривка, услышавъ, что она, наконецъ, достанется мѣдныхъ и жестяныхъ дѣлъ мастеру, была совершенно счастлива.

Мы должны сказать, что и дѣла Бороха съ этого времени пошли лучше. Ицекъ какъ-то сталъ больше обращать на него вниманія и отъ времени до времени давалъ ему порученія. При этомъ онъ, хотя это было нѣсколько поздно, дѣлалъ ему наставленія и старался обучить его ремеслу мишуриса. Борохъ, благодаря этимъ порученіямъ, чаще попадался на глаза постояльцамъ и иногда получалъ отъ нихъ уже самостоятельную практику. Мало-по-малу Ицеку удалось выгнать изъ головы стараго Бороха мечтательность, которая такъ много вредила ему.

— Слушай, Борохъ,—говорилъ онъ своему старому товарищу:—я знаю, ты честный еврей; такъ развѣ жъ я хуже тебя? Развѣ ты знаешь, чтобы я кого-нибудь обокралъ или какъ-нибудь обманулъ? Вѣдь я же не обманулъ ни тебя, ни Сруля, ни Френкеля. Я никого не обманулъ. Но .. вотъ что я тебѣ скажу, Борохъ: ты мишурисъ и я мишурисъ. А знаешь ты, что это значитъ? Нѣтъ? не знаешь? Такъ пойди спроси какого нибудь мальчишку на улицѣ, онъ тебѣ скажетъ, что это значитъ. Онъ скажетъ, что мишурисъ это все равно, что мошенникъ... Ну, понялъ? И теперь спроси ты кого хочешь изъ постояльцевъ, которые пріѣзжаютъ сюда и которымъ мы разную практику дѣлаемъ. Ты думаешь, кто-нибудь не считаетъ тебя мошенникомъ? Всякій такъ на тебя и смотритъ. И когда ты говоришь, что это стоитъ рубль, то уже онъ знаетъ, что ты на десять копѣекъ совралъ. Онъ такъ и думаетъ: онъ мишурисъ, а значитъ мошенникъ. И если уже всѣ тебя считаютъ мошенникомъ, такъ... ну, такъ ты понялъ теперь Борохъ?

Борохъ кивнулъ головой въ знакъ того, что онъ понялъ.

И. Потапенко.

Опущенъ занавѣсъ. Огни погашены
И брошены кулисъ ненужныя громады,
И—мѣсяца лучомъ едва озарены—
Во мракъ таинственный уходятъ колоннады.

Все пусто и темно. А между тѣмъ, давно-ль
Актеръ разряженный здѣсь тѣшилъ насъ игрою,
И съ паѳосомъ читалъ затверженную роль,
И сыпались вѣнки поддѣльному герою!

Въ нарядныхъ лоскутахъ толпилась нищета,
И преступленіе, обрызганное кровью,
Смѣялось дерзостно надъ гибнущей любовью,
И въ скорби, и въ слезахъ являлась красота.

Но занавѣсъ упалъ. Торжественныхъ огней
Погасъ мгновенно блескъ, и лучъ луны печальной,
Смѣясь, колоннамъ шепчетъ:—нѣтъ, въ толпѣ людей
Спектакль причудливѣй, чѣмъ въ залѣ театральной.

Тамъ также борятся, страдая, съ нищетой,
Тоскуя, ждетъ любовь у злобы приговора,
И ложь даритъ людей личиной расписной,
А смерть, нѣмая смерть—играетъ режисера!

Вл. Ладыженскій.

СТРАНА СВОБОДЫ И „СРЕДНЯГО ЧЕЛОВѢКА".

(По поводу швейцарской національной выставки въ Женевѣ).

I.

«Модный оттягивающій пластырь — это всемірныя выставки. Пластырь и болѣзнь вмѣстѣ, какая-то перемежающаяся лихорадка съ перемѣнными центрами. Все несется, плыветъ, идетъ, летитъ, тратится, домогается, глядитъ, устаетъ, живетъ еще неудобнѣе, чтобы слѣдить за *успѣхомъ*—чего? Ну, такъ за успѣхами. Какъ будто въ три-четыре года можетъ быть такой прогрессъ во всемъ, какъ будто при желѣзныхъ дорогахъ такая крайность возить изъ угла въ уголъ — домы, машины, конюшни, пушки, чуть не сады и огороды»...

Такъ писалъ Герценъ въ 1866 году. Что бы сказалъ онъ теперь, когда и всемірныя выставки стали чаще, да и «національныя» грозятъ пріобрѣсти всѣ характерные признаки всемірныхъ—являясь, съ одной стороны, «оттягивающими пластырями», съ другой — интернаціональными кафе-шантанами, въ которыхъ развлекается и играетъ въ патріотизмъ герой нашего вѣка — буржуа...

Женевскія газеты не называютъ своей выставки иначе, какъ національнымъ дѣломъ, и когда незадолго до открытія выставочные рабочіе устроили стачку, требуя повышенія платы, всѣ—и консерваторы, и радикалы—въ одинъ голосъ начали кричать объ измѣнѣ національному дѣлу, объ отсутствіи патріотизма у стачечниковъ. Кончилось тѣмъ, что администрація Женевскаго государства выслала наиболѣе видныхъ изъ стачечниковъ, какъ иностранцевъ, нарушающихъ спокойствіе и добрую славу города. Интересно то, что иностранцевъ въ Женевѣ гораздо больше, чѣмъ гражданъ и что «иностранцемъ» считается даже постоянный житель Женевы, но только не натурализованный въ кантонѣ, хотя бы

онъ былъ даже изъ какого-нибудь пограничнаго мѣстечка другого кантона *)...

Меня заинтересовала «національная швейцарская выставка»; я думалъ здѣсь найти разрѣшеніе хоть нѣкоторыхъ вопросовъ, которые возникли у меня при столкновеніи съ швейцарской жизнью. Всякій русскій интеллигентъ, если онъ ѣдетъ за границу не для того, чтобы лѣчить свою печень, не для того только, чтобы «созерцать, какъ солнце пурпурное погружается въ море лазурное», если онъ ѣдетъ первый разъ и особенно, если молодъ еще,— смотритъ на эту «заграницу», какъ на книгу за семью печатями, которую стоитъ только раскрыть, — и расширятся горизонты, и станетъ яснымъ то, что теперь покрыто туманомъ... Пріѣзжаетъ,— проходитъ мѣсяцъ, другой въ очарованіи новизной, но, наконецъ, молодая критика вступаетъ въ свои права и послѣ недавнихъ еще восторговъ наступаетъ разочарованіе,—особенно разочарованіе въ людяхъ, въ личностяхъ. «Какъ,—возмущается онъ,—здѣсь среди такой дивной природы, съ такимъ историческимъ прошлымъ, съ такими политическими учрежденіями—*такіе* люди, совсѣмъ какъ у насъ, нѣтъ, даже хуже,—развѣ встрѣтишь здѣсь такую интеллигенцію, какъ у насъ, гдѣ здѣсь найдешь «идеалистовъ»?

Я не хочу вдаваться въ критику этого разочарованія, желая только намѣтить то настроеніе, въ которое впадаетъ часто русскій заграницей.

Каюсь, и самъ я испытывалъ и часто испытываю нѣчто подобное. Съ первыхъ же дней меня начали раздражать вѣчно самодовольныя, большей частью красныя лица женевцевъ. Женевецъ доволенъ всѣмъ, что связано съ его существомъ—и своимъ синимъ пиджакомъ, и гусарскими усами, и всею своею плотной фигурой, и своимъ metier, будь то хотя стрижка волосъ, хоть продажа распивочно, хоть профессура... Въ газетахъ, въ книгахъ тоже самодовольство: нѣтъ страны выше Швейцаріи, нѣтъ государства благоустроеннѣе Женевскаго кантона... отечество, патріотизмъ, національное дѣло такъ и сверкаютъ чуть не каждыя 10

*) Весьма поучителенъ быстрый ростъ иностраннаго населенія въ Женевскомъ кантонѣ. Въ 1822 году въ Женевскомъ государствѣ числилось:

Всего населенія	51.113 чел.
Женевцевъ	34.881 »
Иностранцевъ	16.232 »

Въ 1888 г. населеніе кантона удвоилось, причемъ число иностранцевъ стало въ *4 раза* больше, число женевцевъ увеличилось крайне незначительно— на 14,7%; такъ что въ 1888 г. — коренныхъ жителей стало около 38.000, а иностранцевъ около 65.000. Этотъ процессъ, конечно, не останавливается и теперь.

строчекъ. Разъ дѣло касается женевской выставки, всѣ эти эпитеты сыплются уже съ безумною, наглою роскошью; женевскія газеты хвастаются своею выставкой, какъ ребята своими игрушками, но врядъ-ли всегда такъ же искренне. Особенно характернымъ мнѣ показался слѣдующій эпизодъ. Одна женевская газета горько жаловалась, что парижская пресса замалчиваетъ швейцарскую выставку; не безъ наивности она разсказывала своимъ читателямъ, что за каждый отзывъ, какое-нибудь «эхо», «за границей» и т. д. приходилось платить построчно, какъ за рекламу. «Швейцарскіе подписчики большихъ парижскихъ изданій сдѣлаютъ «*патріотическое дѣло*», если запросятъ редакціи этихъ газетъ, почему они замалчиваютъ нашу выставку, — это національное предпріятіе, начатое и доведенное до конца благодаря участію и деньгамъ всѣхъ (?!) и покровительству высшихъ властей»,—такъ заканчиваетъ авторъ свою филиппику противъ подкупности парижской прессы и pour la bonne bouche даетъ еще одинъ маленькій совѣтецъ: разослать тѣмъ французскимъ литераторамъ, которые даютъ иногда свои «конференціи» въ Женевѣ, программу швейцарской выставки, украшенную цвѣтками незабудокъ. «Такимъ деликатнымъ (!) образомъ мы имъ скажемъ: «не забывай меня».

За литераторами слѣдуютъ ученые. *Рауль Пиктэ* *), извѣстный физикъ, въ лекціяхъ, читаемыхъ имъ на выставкѣ, до того увлекается патріотизмомъ, что всю современную физику выводитъ изъ Женевы. Вѣроятно, съ благословенія этого же ученаго, вывѣшена въ его павильонѣ громадная таблица—*Le Pantheon Genevois*, въ которой какой-то оженевившійся англичанинъ доказываетъ эту мысль въ еще болѣе общей формѣ—«Женева—центръ умственной дѣятельности». Чтобы достигнуть такого вывода, этотъ патріотъ не своего отечества прибѣгнулъ къ довольно оригинальному пріему—причислилъ къ знаменитымъ женевцамъ, съ одной стороны, «знаменитыхъ иностранцевъ, жившихъ въ Женевѣ и находившихся подъ вліяніемъ женевской мысли», а съ другой—«женевцевъ, отличившихся въ другихъ странахъ». Пріемъ, нельзя сказать, чтобъ статистическій.

---

*) Р. Пиктэ устроилъ на выставкѣ особый громадный павильонъ, въ которомъ демонстрируетъ физическое, химическое и физіологическое дѣйствіе низкихъ температуръ. При павильонѣ находится особый залъ (вмѣстимостью на 500—600 чел.) для лекцій и... какъ ни странно—особый ресторанъ, гдѣ можно достать все, что угодно, а также и замороженные коньяки, ликеры... Въ виду громаднаго значенія вопроса о низкихъ температурахъ какъ въ наукѣ, такъ и въ техникѣ, мы посвятимъ имъ особую статью, въ которой опишемъ и павильонъ Рауля Пиктэ.

Самодовольство и дѣтскій патріотизмъ характеренъ, вообще, для всякаго мѣщанина, какой націи онъ ни будь, характеренъ для всей современной буржуазіи, но въ Щвейцаріи имѣются и другія причины. Я говорю въ *Швейцаріи*, такъ какъ самодовольствомъ и *мѣстнымъ* патріотизмомъ блещетъ не только женевецъ, но вообще и всякій другой швейцарецъ; женевецъ является только однимъ изъ наиболѣе идеальныхъ представителей...

Когда я докапывался до причинъ этого самодовольства и самовозвеличенія, то, конечно, не квасной патріотизмъ руководилъ мною.

Когда вы юношей первый разъ входили въ университетъ, вы ждали отъ него духовнаго перерожденія, вы мечтали найти тамъ новый міръ, жрецовъ истины, друзей по духу, а не по однимъ только прожитымъ вмѣстѣ годамъ. Черезъ 2—3 мѣсяца вы разочаровывались и по свойственной юности страстности махали на университетъ рукой, по крайней мѣрѣ, на время—такъ было горько за поруганную мечту. Но въ концѣ концовъ вы поняли, что, какъ бы тамъ ни было, а все же университетъ безконечно выше гимназіи и многому можно въ немъ поучиться.

«Заграница» для насъ, русскихъ, университетъ, куда мы пріѣзжаемъ изъ гимназіи, и если здѣсь дѣйствительность тоже оказывается ниже мечты, то нужно же разобраться: почему? Но и разбираясь и критикуя, мы должны помнить, что мы въ университетѣ, гдѣ есть чему поучиться.

И мы это помнимъ, но, къ сожалѣнію, не всѣ.

Когда передъ вами скромное зданіе «Palais électoral» и крестьяне окрестныхъ деревень, вмѣстѣ съ профессорами, журналистами, адвокатами и банкирами вотируютъ, принять ли тотъ или иной законъ, вы чувствуете, что вы въ университетѣ; когда 52 тысячи гражданъ требуютъ пересмотра конституціи, чтобы ввести въ нее новый законъ «о правѣ на трудъ» *), о правѣ каждаго гражданина требовать работы, заработка,—вы чувствуете, что вы въ университетѣ; когда вы вспомните, что въ Швейцаріи одинъ университетскій городъ отстоитъ отъ другого на 2-часовомъ разстояніи, что почти каждый крестьянинъ и рабочій выписываетъ газету, что школа въ деревнѣ лучшее зданіе, а въ городѣ—дворецъ,—вы чувствуете глубокое превосходство университета сравнительно съ вашей бѣдной гимназіей, вы краснѣете за нее и вамъ ее безконечно жаль... Но когда вы узнаете, что предложеніе о

*) Законъ о правѣ на трудъ былъ предложенъ иниціативой 52.387 швейцарскихъ гражданъ 3-го іюня 1894 года, но отвергнутъ 308 289 голосами противъ 75.880

«правѣ на трудъ» провалено громаднымъ большинствомъ, что почти половина гражданъ не пользуется своимъ правомъ голоса на федеральныхъ вотахъ, а на кантональныхъ воздерживающихся отъ голосованія еще больше, что швейцарецъ выпиваетъ въ годъ спиртнаго на 80 франковъ на душу, считая женъ и дѣтей *), что число смертей отъ алкоголизма въ швейцарскихъ городахъ достигаетъ 11% общей мѣстной смертности **), что въ Женевѣ, а, слѣдовательно, и въ другихъ городахъ, есть дома, близкіе нашимъ вяземскимъ лаврамъ, что католическіе патеры до сихъ поръ еще держатъ въ своихъ цѣпкихъ рукамъ населеніе многихъ кантоновъ, что швейцарская женщина такъ называемаго интеллигентнаго класса, несмотря на нужду въ заработкѣ, къ высшему образованію питаетъ отвращеніе, что, наконецъ, женевецъ *превыше всего* ставитъ Женеву, а цюрихчанинъ Цюрихъ, когда, повторяю, вы узнаете все это,—то поневолѣ вашъ университетъ уже не покажется вамъ такимъ свѣтлымъ, какимъ казался до Вержболова.

II.

Я надѣялся, что швейцарская національная выставка поможетъ мнѣ хоть нѣсколько разобраться въ различныхъ диссонансахъ швейцарской жизни... Насколько оправдались эти надежды, мы увидимъ изъ нижеслѣдующаго.

Зданія швейцарской національной выставки поразили меня пестротой красокъ и обиліемъ украшеній—такъ строятъ у насъ загородные рестораны въ quasi-русскомъ стилѣ. Швейцарцы увѣряютъ, что это національный стиль, но, конечно, не всѣ,—болѣе освѣдомленные, менѣе ослѣпленные «патріотизмомъ», знаютъ, конечно, что швейцарскую національную архитектуру найдешь только въ горахъ—это грубые шалэ, сложенные изъ громадныхъ бревенъ и камня; я видѣлъ ихъ въ горныхъ деревняхъ Валлисскаго кантона, они произвели на меня тяжелое впечатлѣніе — мрачныя, грубыя, грязныя. Архитектура же старыхъ городскихъ до-

---

*) Эта цифра взята мною изъ одной лозанской газеты; она даетъ слѣдующія указанія: Швейцарія выпиваетъ 240.000 литровъ вина, 240.000.000 литровъ сидра, 18.000.000 литровъ спирта. Чтобы,—вычисляетъ газета,—вмѣстить это количество спиртнаго, нужно вырыть ровъ въ 2 метра шириною, въ 1 метръ глубиной и *320 километровъ* длиной.

**) «Statistisches Jarhbuch der Schweizer» за 1895 г. даетъ слѣдующія цифры: для 15 населеннѣйшихъ городовъ Швейцаріи на 100 смертей мужского пола пришлось отнести на алкоголизмъ: въ 1892 г.—10,8, въ 1893—10,8, въ 1894—11,2. На 100 женскихъ въ 1892—2, въ 1893—2 и въ 1894 г.—1,7.

мовъ и особенно общественныхъ зданій цѣликомъ заимствована изъ Италіи, Франціи и Германіи и представляетъ либо чистые образцы того или иного иностраннаго стиля, или же мѣшанину нѣсколькихъ. Частью изъ такихъ гебридовъ, частью изъ современныхъ «шалэ» и состоитъ «Village Suisse» (Швейцарская деревня)—«гвоздь» женевской выставки.

На пространствѣ 20.000 квадр. метр. (около $^1/_{60}$ квадр. версты) распредѣлено 59 chalet различной величины, различныхъ эпохъ и различныхъ кантоновъ; нѣкоторые изъ нихъ являются точными снимками съ домика какого-нибудь рыцаря, шута, бюргера; въ сторонкѣ, на «горѣ» деревни, тѣснятся жалкіе mazots валлисцевъ. Въ деревнѣ нѣсколько улицъ, площадь, небольшая церковь съ старинной живописью. На площади женевская молодежь, ряженая въ національные костюмы различныхъ кантоновъ, танцуетъ національные танцы подъ звуки своеобразнаго горнаго оркестра; дѣти поютъ хоромъ; горецъ выдѣлываетъ горломъ какіе-то странныя, подчасъ дикія, трели—альпійскую пѣсню. Въ домикахъ продаютъ различныя бездѣлки, въ двухъ-трехъ—дѣвы въ національныхъ костюмахъ ткутъ и вышиваютъ; но самые большіе и наиболѣе красивые дома заняты ресторанами, кофейнями, винными лавками на старый фасонъ, винными лавками на новый фасонъ, слишкомъ много фасоновъ... и слишкомъ много вина.

Но несмотря на это, «Village Suisse» производитъ очень пріятное впечатлѣніе: оригинально, уютно, свѣтло, много движенія, веселья, необычные, разноцвѣтные костюмы «населенія деревни», необычная обстановка какого-нибудь стариннаго кабачка «Шаламала». Я не удивляюсь, что находятся любители, которые проводятъ въ «Village Suisse» цѣлые дни, переходя изъ одной Шаламалы въ другую.

Но, признаюсь, я ожидалъ отъ «Village Suisse» большаго, чѣмъ декораціи, хотя и выдержанной, и стильной, и оживленной, я все же питалъ хотя «слабую» надежду, что здѣсь-то встанетъ предо мною швейцарскій крестьянинъ, какъ-то спрятанный отъ обыкновеннаго туриста, здѣсь я увижу всѣ кантональныя разновидности его, увижу его внѣшнюю жизнь, а можетъ быть, и частичку его «души». Вѣдь это не такъ ужъ трудно сдѣлать маленькому трехмилліонному, грамотному и благоденствующему государству...

Но «мужикъ» былъ бы интереснъ очень немногимъ; большинству, какъ мѣстному, такъ и иностранному, гораздо интереснѣе «Шаламала», національные костюмы, которыхъ почти уже не носятъ, и горловыя трели горца. А такъ какъ «Village Suisse», какъ и вся національная выставка, предпріятіе прежде всего ком-

мерческое, то, конечно, и должно быть разсчитано на большинство. Поэтому я ни чуть не удивляюсь, встрѣтивъ на выставкѣ поразительное количество ресторановъ различныхъ названій и ранговъ, кафе, brasserie (по нашему портерныхъ) и т. п. учрежденій. Швейцарецъ любитъ выпить, но пьетъ «съ толкомъ»—не торопится проглотить заранѣе громадное количество, какъ нашъ россійскій гражданинъ, и не мѣшаетъ напитковъ—одного съ другимъ: утромъ до обѣда онъ пьетъ абсентъ, за обѣдомъ красное вино, въ промежуткѣ пиво или бѣлое вино, за ужиномъ опять что-нибудь одно. Это меню средняго гражданина; у «тѣхъ, которые чиномъ повыше», конечно, и разнообразія больше. Вслѣдствіе этой выдержанности и «умѣнья», швейцарецъ рѣдко допивается до безчувствія, на улицахъ вы почти не встрѣчаете пьяныхъ, но за то безногихъ и паралитиковъ отъ алкоголизма масса.

Швейцарія 2-я страна въ мірѣ (1-я—Франція) по потребленію спиртнаго. Мы уже представили читателю приблизительныя количества вина, сидра и водки, выпиваемыя Швейцаріей; если къ этому прибавить еще пиво и перечислить все это на чистый спиртъ, то на каждую швейцарскую душу (считая женщинъ и дѣтей) придется 11 литровъ (во Франціи 13 литровъ). Федеральное правительство давно уже выступило на борьбу съ алкоголизмомъ, оно добилось монополіи на спиртъ и продаетъ по очень дорогой (по здѣшнему) цѣнѣ $1^1/_2$ франка за литръ; для другихъ же надобностей, для горѣнія, напр., спиртъ продается по 50—55 сантимовъ за литръ (втрое дешевле), но только спиртъ *денатурализованный*, т. е. не очищенный, и благодаря присутствію различныхъ примѣсей, имѣющій отвратительный вкусъ. Вмѣстѣ съ правительствомъ выступило на борьбу и общество, выпуская сотни тысячъ брошюръ, основывая лиги борьбы противъ алкоголизма, сотни различныхъ обществъ «воздержанія» и «трезвости», какъ для взрослыхъ, такъ и для юношей. Я просматривалъ нѣкоторые изъ журналовъ этихъ обществъ—литература жалкая, бездарная, наивная, какъ-то по-институтски составленныя статьи; онѣ напомнили мнѣ разсказы про Степку-растрепку, про Гришу, который кусалъ свои ногти и не ѣлъ супу, и тому подобную педагогическую литературу, которой пугали насъ наши гувернантки. Оговариваюсь, что я видѣлъ относительно очень мало этихъ журналовъ и брошюръ, борющихся противъ пьянства. Утверждаютъ и устно, и письменно, что онѣ имѣютъ громадное значеніе и сильно понижаютъ потребленіе спиртныхъ напитковъ; ссылаются на примѣръ Англіи и особенно Швеціи, гдѣ якобы, главнымъ образомъ, подобныя общества имѣютъ громадный успѣхъ, что Швеція, въ началѣ ны-

нѣшняго столѣтія стоявшая во главѣ всѣхъ странъ потребленія алкоголя, а теперь занимающая послѣднее мѣсто, обязана этимъ, главнымъ образомъ, обществамъ трезвости.

Приходится вѣрить, но все же свѣжаго человѣка поражаетъ громадное количество ресторановъ и кафе въ любомъ, самомъ маленькомъ швейцарскомъ городкѣ, а также и то, что подавляющее большинство этихъ учрежденій разсчитано именно на *средняго* потребителя. Его же — этого средняго потребителя—имѣла въ виду и швейцарская выставка, и потому цѣны на яства и питія и здѣсь очень умѣренныя, исключая двухъ-трехъ, разсчитанныхъ на избранную публику, главнымъ образомъ на иностранцевъ; напр., цѣны «Pavillon de l'Industrie Hôtelerie» напомнили мнѣ нашихъ петербургскихъ татаръ и московскаго Тѣстова. «Pavillon de l'Industrie Hôtelerie» — большое зданіе причудливой архитектуры, въ которомъ отельщики всей Швейцаріи хотѣли демонстрировать свою «индустрію», но этой демонстраціи они отвели всего 4 комнаты, гдѣ представлены спальня и салонъ хорошаго номера, разставлены различныя хозяйственныя принадлежности — рекламы соотвѣтственныхъ магазиновъ и виситъ нѣсколько жалкихъ таблицъ, говорящихъ о ростѣ отельнаго дѣла и о все большемъ наплывѣ иностраннаго туриста: вотъ и все. А жаль, такая «отельная индустрія», вѣроятно, одна изъ наиболѣе значительныхъ швейцарскихъ индустрій: по скромному разсчету иностранный *туристъ* оставляетъ въ Швейцаріи не меньше 70, 80 милліоновъ франковъ въ годъ. Если произвести ариѳметическую метаморфозу и превратить этого временнаго туриста въ осѣдлаго жителя (т. е. 365 туристскихъ дней считать за 1-го осѣдлаго жителя), то населеніе, напр., Граубюнденскаго кантона увеличивается *туристомъ* почти на 4%. Осѣдлыхъ иностранцевъ мы не принимаемъ здѣсь въ разсчетъ, о нихъ рѣчь впереди. Патріотъ-швейцарецъ знаетъ это, но, конечно, не любитъ, когда ему напоминаютъ объ «отельной индустріи»; вѣроятно, благодаря швейцарскому патріотизму, такъ трудно и достать точныя свѣдѣнія объ отельномъ дѣлѣ. По крайней мѣрѣ, даже въ статистическомъ отдѣлѣ выставки я не нашелъ ихъ; указано только, что въ Швейцаріи 7.637 отелей съ 118.112 кроватей.

Швейцарское статистическое бюро достигло уже такой высоты, что о немъ стоитъ сказать нѣсколько словъ. Еще въ срединѣ текущаго столѣтія въ Швейцаріи почти не знали статистики и не придавали ей никакого значенія. Когда въ 1851 и 1852 годахъ, Stefano Franscini выпустилъ свои «Матеріалы для статистики Швейцаріи», то пресса прошла почти молчаніемъ появленіе этого капитальнѣйшаго произ-

веденія, положившаго начало швейцарской статистикѣ, многія газеты даже иронизировали надъ чудакомъ, затратившимъ громадныя деньги на такіе пустяки. Такой индифферентизмъ къ статистикѣ царилъ еще долго среди швейцарскаго общества, только въ 1865 году основано было наконецъ «Федеральное статистическое бюро». Прошло 30 лѣтъ, и къ 1895 году бюро выпустило 100 томовъ, касающихся различнѣйшихъ вопросовъ народной жизни Швейцаріи. На національной выставкѣ Бюро прекрасно демонстрировало свои труды громадными таблицами; вотъ уже 5-й годъ, какъ оно выпускаетъ прекраснѣйшіе сводные сборники: «Statistisches Jahrbuch der Schweizer».

Изъ этого-то сборника я и извлекъ весьма интересныя данныя относительно иностранцевъ, осѣвшихъ уже въ Швейцаріи, но не натурализовавшихся. Вотъ, напр., весьма поучительная табличка.

Въ Швейцаріи было иностранцевъ.	Всего.	На 1.000 жителей.
Въ 1850 году	71.570	30
» 1860 »	114.983	46
» 1870 »	150.907	57
» 1880 »	211.035	74
» 1888 »	229.650	79

Къ сожалѣнію, въ сборникѣ, хотя и самоновѣйшемъ—за 1895 г., нѣтъ цифръ за 90-е года, во всякомъ случаѣ, и этихъ довольно, чтобы видѣть, какъ быстро растетъ число иностранцевъ въ Швейцаріи: за 38 лѣтъ оно утроилось и въ 1888 году достигло 230 тысячъ—почти 8% всего населенія! Конечно, въ настоящее время, въ 1896 году, и абсолютное число, и процентное отношеніе иностранцевъ увеличились, сравнительно, съ 1888 годомъ.

Что же гонитъ иностранца въ Швейцарію? Статистическое бюро не даетъ отвѣта, не встрѣчалъ я соображеній по этому поводу и въ швейцарскихъ газетахъ. Но кое-что сообразить, мнѣ кажется, все же можно.

Два теченія, не имѣющія ничего общаго между собой, издавна гнали иностранца въ Швейцаріи: «beau-sejour»—комфортъ и красоты природы и политика. Богатѣйшія виллы по роскошнымъ берегамъ швейцарскихъ озеръ, особенно по Женевскому, Люцернскому и Лаго-Маджіоре, чуть не на половину принадлежатъ иностранцамъ; послѣ освобожденія крестьянъ, говоритъ Герценъ, «почти все пространство между Веве и Вейто застроилось подмосковными».

Но стремленіе къ beau-sejour не можетъ дать большого количества *осѣдлаго* иностранца; любитель природы предпочитаетъ

кочевать. Политика, конечно, даетъ гораздо большій процентъ и Швейцарія издавна была страной изгнанниковъ. Въ XVI столѣтіи десятками тысячъ бѣжали сюда итальянцы, спасаясь отъ инквизиціи и іезуитовъ, такими же массами бѣжали изъ Франціи гугеноты; бѣжали французы до великой французской революціи, бѣжали послѣ нея; бѣжали отовсюду въ тридцатыхъ, сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ нашего столѣтія; наконецъ, даже въ семидесятыхъ годахъ Щвейцарія приняла около 20.000 французскихъ рефюжье. Къ сожалѣнію, я не могу остановиться здѣсь и, хотя бы въ краткихъ чертахъ, показать, какое громадное значеніе сыграли всѣ эти изгнанники не только въ умственномъ и культурномъ, но даже и въ матеріальномъ развитіи Швейцаріи.

Но въ настоящее «мирное» время и политика не можетъ дать такого большого прилива иностранцевъ, — переселяются теперь, главнымъ образомъ, изъ-за куска хлѣба.

Нельзя думать, однако, чтобы въ Швейцаріи былъ ужъ такъ сладокъ этотъ кусокъ хлѣба, нельзя думать уже потому, что швейцарцевъ переселяется въ другія страны гораздо больше, чѣмъ приливаетъ въ Швейцарію иностранцевъ. Слѣдовательно, нужно предположить, что шелъ и идетъ въ Швейцарію такой иностранный рабочій, которому на родинѣ у себя ужъ совсѣмъ плохо, а въ дальнее странствіе—въ Америку, сколотиться не на что.

Идетъ въ Швейцарію, главнымъ образомъ, нѣмецъ, прежде шелъ также французъ, итальянецъ и австріецъ. Вотъ табличка, весьма интересная, касающаяся этого вопроса.

Число иностранцевъ, живущихъ въ Швейцаріи.

Годъ переписи.	Общее число иностранц.	Нѣмцевъ.	Французовъ.	Итальянц.	Австрійц.
1880 . . .	211.035	95.262	53.653	41.645	12.735
1888 . . .	229.650	112.342 (!)	53.627	41.881	13.737

Какъ видно изъ этой таблички, число французовъ, итальянцевъ и австрійцевъ почти не измѣнилось за восемь лѣтъ; число же нѣмцевъ страшно возросло. Не смотря на такой громадный приливъ иностранцевъ въ Швейцарію, *эмиграція* не только уравновѣшиваетъ этотъ приливъ, но даже далеко превосходитъ его. Напр., за промежутокъ въ 8 лѣтъ съ 1880 по 1888 годъ этотъ перевѣсъ эмиграціи надъ иммиграціей былъ 87.143 челов , т. е. *въ годъ* Швейцарія теряла за этотъ промежутокъ времени, въ среднемъ по 10 тысячъ человѣкъ.

Изъ какихъ же областей, главнымъ образомъ, бѣжитъ швейцарецъ, въ какія области Швейцаріи переселяется нѣмецъ? То же центральное статистическое бюро даетъ прекрасный отвѣтъ на этотъ вопросъ, отвѣтъ опять въ видѣ простой таблички, гдѣ однѣ голыя цифры. Но въ такихъ громадныхъ и въ то же время простыхъ вопросахъ я предпочитаю цифру — она всегда ясна, не лжетъ, не лицемѣритъ и не прикрывается патріотизмомъ. Если бы и намъ, русскимъ, побольше такихъ общихъ, всѣмъ понятныхъ и краснорѣчивыхъ чиселъ! Вотъ эта таблица.

ОБЛАСТИ ШВЕЙЦАРІИ.	Все населеніе Швейцаріи.		Увеличеніе или уменьшеніе населенія за промежутокъ 1880—1888 г. вслѣдствіе излишка:			
			рожденій.	иммиграціи или эмиграціи.	рожденій.	иммиграціи или эмиграціи.
	1888 г.	1880 г.	Всего.		Въ 1 годъ и на 1.000 жителей.	
Области, гдѣ господствуетъ индустрія . . .	1.438.656	1.341.880	84.039	12.737	7,6	1,1
Смѣшанныя области	1.039.592	1.046.435	63.197	—70.040	7,4	—8,2
Области, гдѣ господствуетъ земледѣліе. . .	439.506	443.472	25.874	—29.840	7,2	—8,3
Всего . .	2.917.754	2.831.787	173.110	—87.143	7,5	—3,8

Изъ этихъ цифръ ясно, что *швейцарецъ выселяется изъ земледѣльческихъ областей*, *а нѣмецъ* (и вообще иностранецъ) *идетъ въ фабричные центры* и, главнымъ образомъ, въ города; вслѣдствіе этого, населеніе областей, гдѣ господствуетъ индустрія, растетъ, населеніе смѣшанныхъ областей нѣсколько падаетъ, населеніе же земледѣльческихъ областей сильно уменьшается, и это уменьшеніе обязано только эмиграціи, которая значительно превышаетъ естественный ростъ населенія (отъ рожденій).

Какъ же сказывается этотъ процессъ на общемъ ростѣ населенія швейцарской конфедераціи? Конечно, страшно понижаетъ его. Какъ легко вычислить изъ этой таблицы, ежегодный приростъ швейцарскаго населенія 0,37%, т. е. 37 челов. на 10.000 населенія. Не помогаетъ даже и иностранецъ!

Куда же бѣжитъ швейцарскій переселенецъ? Главнымъ образомъ въ Америку: изъ 57.423 челов., выселившихся изъ Швейцаріи «за море» въ промежутокъ времени отъ 1887 до 1894 года—50.258 челов. приходится на Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты, 5.347 на Аргентину, и всего около 2.000 на другія государства Америки, на Африку, Азію и Австралію.

Больше трети эмигрантовъ, какъ и слѣдовало ожидать, земледѣльцы. Къ сожалѣнію, свѣдѣній о швейцарской эмиграціи въ европейскія государства я достать не могъ, да, кажется, ихъ и не существуетъ, по крайней мѣрѣ въ пяти сборникахъ «Statistisches Jahrbuch der Schweiz», выпущенныхъ статистическимъ бюро, ихъ нѣтъ.

Итакъ, два могучіе потока измѣняютъ коренное населеніе Швейцаріи—одинъ депопуляризируетъ эту маленькую страну, другой—наводняетъ иностранцемъ. Какъ выйдетъ Швейцарія изъ этого трагическаго для ея патріотизма положенія, угадать трудно. Одно можно сказать, что выходъ найти не легко, если вспомнимъ, что даже изъ жалкаго прироста швейцарскаго населенія 0,37% добрыхъ 0,07% нужно отнести на бѣднаго нѣмца, которому даже въ Швейцаріи все же легче заработать, чѣмъ на родинѣ. Чтобы найти этотъ выходъ, швейцарскому гражданину прежде всего придется отказаться отъ самовлюбленности и дѣтскаго патріотизма и взглянуть правдѣ смѣло въ глаза. Но, можетъ быть, если съ нимъ произойдетъ такая метаморфоза, то онъ и «выхода» искать не станетъ.

Одно еще маленькое замѣчаніе читателю: да не подумаетъ онъ, что мы утверждаемъ, что въ другихъ европейскихъ и внѣевропейскихъ странахъ жить легче и лучше, чѣмъ въ Швейцаріи,—этого мы отнюдь не говоримъ, мы указываемъ только, что *даже* и въ Швейцаріи есть свои темныя пятна, свои проклятые вопросы, и жизнь вовсе ужъ не такая свѣтлая и идейная, какъ кажется намъ изъ какого-нибудь Миргорода. Но у швейцарцевъ есть всѣ возможности стереть эти пятна и разрѣшить эти вопросы.

Кромѣ эмиграціи внѣшней, въ Швейцаріи идетъ эмиграція и *внутренняя*: между кантонами и между городомъ и деревней, между фабрикой и полемъ. Мы не можемъ, за недостаткомъ мѣста, останавливаться на этомъ, тоже весьма интересномъ, вопросѣ, скажемъ только, что и здѣсь характеръ процесса тотъ же — населеніе движется изъ деревни на фабрику.

Много данныхъ даетъ статистическое бюро и по массѣ другихъ, чрезвычайно важныхъ вопросовъ. Напримѣръ, цѣлую груду

цифръ, съ замѣчательной ясностью демонстрирующихъ, что «провалы» на федеральныхъ вотахъ законовъ соціалистическаго или централистическаго характера, обязаны консерватизму католическихъ нѣмецкихъ кантоновъ (Швицъ, Ури, Унтервальденъ, Люцернъ) и боязни французской Швейцаріи быть поглощенной нѣмцемъ—Цюрихомъ и Берномъ и потерять хоть пядь своей «независимости». Въ сущности, эта боязнь только ширмочка, за которую прячется тотъ же консерватизмъ, но въ иныхъ случаяхъ она имѣетъ свой raison d'être (но не оправданіе), напр., въ тѣхъ вопросахъ, когда дѣло идетъ объ усиленіи финансовой силы федеральнаго правительства, или же о нѣкоторомъ приближеніи ихъ арміи къ характеру европейскихъ—постоянныхъ.

Страшно интересно было бы разобраться во всѣхъ федеральныхъ вотахъ законовъ, предложенныхъ какъ федеративнымъ правительствомъ, такъ и иниціативой самихъ гражданъ. Но это вопросъ крайне сложный и, главное, крайне долгій: пришлось бы прежде всего познакомить читателя съ исторіей политическихъ учрежденій Швейцаріи, съ постепеннымъ развитіемъ *референдума*, т. е. съ правомъ народа вотировать новый законъ, предлагаемый ему правительствомъ федеративнымъ или кантональнымъ, а также и съ параллельнымъ ему развитіемъ права *народной иниціативы*, т. е. права гражданъ самимъ ставить на народный вотъ какой-либо новый законъ. Только познакомившись съ этой исторіей народнаго законодательства, читатель могъ бы понять, что происходитъ на современныхъ вотахъ Швейцаріи, но для выясненія этого пришлось бы посвятить отдѣльную статью.

Теперь же обратимся къ другимъ отдѣламъ выставки.

Прежде всего бросается въ глаза, особенно русскому человѣку, характерное умѣнье швейцарца устроиться уютно и свободно на небольшомъ пространствѣ. Мы, русскіе, даже на безконечныхъ нашихъ равнинахъ съумѣли какъ-то развести тѣсноту и грязь; причина лежитъ въ коренной нашей особенности — жаться другъ къ другу; швейцарецъ же, какъ мы это видимъ вездѣ, испоконъ вѣку расположенъ къ «особняку». Выйдите въ русское поле во время работы,—толпа, шумъ, говоръ... На швейцарскомъ полѣ—ничего подобнаго: копошатся въ отдѣльныхъ углахъ какіе-то черные муравьи; положимъ, у швейцарскаго крестьянина нѣтъ нашей страды, но въ общемъ работаетъ онъ нисколько не меньше, если даже не больше русскаго мужика, но работаетъ какъ-то исподоволь, незамѣтно. Повторяю, и на выставкѣ поражаетъ это умѣнье. На небольшомъ, сравнительно, пространствѣ, въ 350.000 квадр. метровъ, которое занимаетъ площадь Plain-Palais (Плэнка, какъ

зовутъ ее русскіе студенты въ Женевѣ) разбросана масса отдѣльныхъ корпусовъ и павильоновъ; они окружены парками, масса зелени, деревьевъ, цвѣтовъ; уютно и просторно и внѣ зданій, и въ нихъ самихъ.

Капитальнѣйшее зданіе выставки—это машинный отдѣлъ, онъ построенъ цѣликомъ изъ желѣза и стекла. Здѣсь, на пространствѣ 13.200 квадр. метровъ, размѣщено все, начиная съ маленькихъ токарныхъ станковъ и кончая паровыми гигантами въ 500 лошадиныхъ силъ. Чудовищные колеса, цилиндры, ремни движутся легко, плавно, какъ-то торжественно, почти безъ шума, какъ бы сознавая всю великую тайну своей работы, тайну превращенія энергіи.

Рауль Пиктэ, обращая вниманіе читателей «Journal de Genève» на *молчаливость* швейцарскихъ машинъ, совершенно вѣрно замѣчаетъ, что это лучшій признакъ точнаго выполненія отдѣльныхъ частей машины, такъ какъ машина становится тѣмъ молчаливѣе, чѣмъ меньше она воспроизводитъ ненужныхъ толчковъ, чѣмъ меньше тратитъ энергіи на треніе, а это возможно только при идеально точномъ выполненіи отдѣльныхъ частей и при идеальной смазкѣ машины. «Идеальной» же смазки можно достигнуть только сдѣлавъ ее автоматической.

Во всѣхъ выставленныхъ швейцарскихъ машинахъ смазка воспроизводится автоматически-особыми приспособленіями. Благодаря этому, получается большая экономія въ смазочномъ матеріалѣ, такъ какъ масло, совершивъ свое дѣло, возвращаетъ излишекъ въ пріемникъ. Описывая совершенное устройство этого смазочнаго приспособленія въ швейцарскихъ машинахъ, Пиктэ впадаетъ даже въ паѳосъ. «Забота о жизни рабочихъ, о ихъ безопасности и здоровьѣ руководила инженерами въ этихъ изысканіяхъ, но въ концѣ концовъ они оказались выгодными для всѣхъ. Можно сказать, что здѣсь добродѣтель не осталась безъ вознагражденія».

Благодаря точности выполненія отдѣльныхъ частей и идеальной смазкѣ, *полезная работа* увеличивается, но еще болѣе увеличивается она вслѣдствіе введенія машинъ высокаго давленія (достигающаго 13, 14 атмосферъ), двигатель которыхъ снабженъ *тремя* цилиндрами (machine à triple expansion), которые приводятся въ движеніе одинъ за другимъ однимъ и тѣмъ же количествомъ пара. Такія машины сначала ставились только на большихъ трансатлантическихъ пароходахъ; швейцарцы первые, на дѣлѣ, такъ сказать, ввели ихъ на фабрики. Благодаря всѣмъ этимъ усовершенствованіямъ, швейцарская машина является на международномъ рынкѣ первой по процентному отношенію полез-

ной работы *), спросъ на нее увеличивается и дома, и заграницей. За 4 года—съ 1891 по 1894 (включит.)—швейцарское машинное производство возросло на 25%; въ 1894 г. было вывезено швейцарскихъ машинъ за границу на 25.440.000 франковъ, тогда какъ ввезено иностранныхъ всего на 14.667.000 франковъ.

Какъ видитъ читатель, масса народнаго труда, энергіи и мысли тратится въ Швейцаріи на машину. Но въ чемъ же выразился здѣсь швейцарскій геній, гдѣ его изобрѣтенія? — *Ихъ нѣтъ*. Отдѣлка частей, идеальная смазка, введеніе машинъ высокаго давленія въ тѣ области, гдѣ они не были еще введены... но, вѣдь, это только усовершенствованія, это работа, такъ сказать, низшаго порядка, работа *средняго человѣка*.

Также тщетно, среди всѣхъ этихъ изящныхъ гигантовъ искалъ я того, кто воспроизвелъ ихъ, искалъ швейцарскаго рабочаго. Пиктэ самъ сознается, что если Швейцарію можно поставить во главѣ другихъ государствъ, по тщательной выдѣлкѣ машинъ, то это только благодаря «настоящимъ династіямъ прекрасныхъ рабочихъ, создававшимся съ большимъ трудомъ, благодаря тѣмъ здоровымъ традиціямъ, которые заставляли ихъ проявлять величайшую точность въ исполненіи работъ».

Я думалъ, что здѣсь, среди созданій этихъ «династій» (или гдѣ-нибудь неподалеку, на выставкѣ вообще) я узнаю, какимъ же таинственнымъ процессомъ творились онѣ, какъ расло во время этого процесса благосостояніе рабочихъ, что здѣсь нужно приписать «добродѣтели» фабрикантовъ и что̀ заботѣ ихъ... о смазочномъ маслѣ; я думалъ, что увижу дворцы этихъ династій, ихъ меню, ихъ доходы, ихъ развлеченія и ихъ мысли, однимъ словомъ, говоря по просту, я думалъ, что мнѣ дадутъ хоть какое-нибудь представленіе о жизни швейцарскаго рабочаго. Вѣдь, этого можно и, мнѣ кажется, даже должно было ожидать на національной выставкѣ демократическаго государства, правительство котораго даже радикальнѣе, чѣмъ самъ народъ. Но не все должное осуществляется. Не только въ машинномъ отдѣленіи, но нигдѣ и въ другихъ мѣстахъ выставки я не видѣлъ этой дани швейцарскому рабочему, кромѣ какъ у шеколаднаго фабриканта Сюшара и, отчасти, только на выставкѣ группы «соціальной экономіи».

Сюшаръ, одинъ изъ шеколадныхъ царей, дѣйствительно, высказалъ нѣкоторую «добродѣтель» по отношенію къ своимъ рабо-

*) Пиктэ говоритъ, что вообще за послѣднія 15 лѣтъ усовершенствованія въ 4 раза уменьшили затраты на топливо: 15 лѣтъ тому назадъ, чтобы произвести часовую работу одной паровой лошади нужно было затратить 2 килограмма угля, теперь та же работа получается съ 600 и даже съ 500 граммами.

чимъ. Онъ учредилъ акціонерное общество, которое довольствуется, дивидендомъ въ $1^1/_2$ процента и на собранный капиталъ выстроилъ своимъ рабочимъ отдѣльные домики; каждый домикъ на двѣ семьи. За 210 франковъ (около 80 рублей) въ годъ каждая семья имѣетъ 4 комнаты (считая кухню), 2 въ верхнемъ и двѣ въ нижнемъ этажѣ, свѣтлыя, высокія, что называется со всѣми удобствами, съ шкафами для бѣлья и посуды, съ погребомъ и съ садикомъ, въ которомъ можно разбить маленькій огородъ.

На выставкѣ выстроенъ такой домикъ; онъ очень веселенькій съ своей черепичной крышей, съ зелеными жалюзи, съ большими, свѣтлыми окнами. Говорятъ, уже многіе фабриканты въ Швейцаріи заводятъ у себя такіе домики для рабочихъ; такъ, братья Зульцеръ въ Винтертурѣ, одна изъ самыхъ большихъ машиностроительныхъ фирмъ, выставили въ группѣ «соціальной экономіи» планы такихъ домовъ; залъ для собраній рабочихъ, библіотека, а также и данныя о сберегательной кассѣ, о страхованіи среди своихъ рабочихъ и т. п.

Не знаю только, всѣ-ли фабриканты довольствуются такимъ малымъ процентомъ, какъ акціонерная компанія Сюшаръ; по крайней мѣрѣ, когда депутатъ рабочей партіи г. Тибо внесъ въ Большой Совѣтъ (Grand Conseil) Женевскаго кантона проектъ постройки для рабочихъ домиковъ, которые по истеченіи извѣстнаго срока становились бы ихъ собственностью, то проектъ встрѣтилъ массу возраженій финансоваго характера и, конечно, не былъ принятъ, но послужилъ поводомъ для созданія особой коммиссіи, выработавшей свой проектъ особаго рабочаго квартала, гдѣ будутъ построены большіе дома и комната будетъ отдаваться за 100 франковъ въ годъ. Основа этого проекта, кажется уже принятаго, чисто коммерческая — дать Женевскому государству новое предпріятіе, приносящее хорошій процентъ. Въ той же «соціальной» группѣ 26 «обществъ для улучшенія жилищъ» выставили свои отчеты и планы. Все это предпріятія чисто коммерческія, дающія прекрасный, по западно-европейскимъ условіямъ, дивидендъ отъ 4% до $4^1/_2$%.

Хотя представители этихъ акціонерныхъ компаній также заикаются иногда о «добродѣтели», но здѣсь даже Пиктэ долженъ былъ бы сознаться, что ихъ претензіи неосновательны.

Какъ ни какъ, хотя и чисто на коммерческихъ основаніяхъ, но все же «общества улучшенія жилищъ» дѣлаютъ хорошее дѣло:— они оздоровляютъ города, такъ какъ возводятъ свои дома, согласуясь съ требованіями самоновѣйшей гигіены, все разсчитано, предусмотрѣно, вычислено; кромѣ того, нужно замѣтить, что они

строятъ, главнымъ образомъ, маленькіе домики, стоимостью отъ 4 до 25 тысячъ франковъ, слѣдовательно, дѣятельность ихъ сосредоточена въ бѣдныхъ кварталахъ, гдѣ дома, порой дѣйствительно ужасны, какъ, напр., въ Женевѣ, въ старомъ городѣ. Особенно интенсивна дѣятельность Цюрихскаго общества «Actienbauvereiп», которое въ теченіе 25 лѣтъ возвело въ Цюрихѣ 141 домъ, общею цѣнностью 1.800.000 франковъ, и Винтертурскаго, выстроившаго 148 домовъ. Въ Россіи такія общества врядъ ли мыслимы безъ «добродѣтели», по крайней мѣрѣ вначалѣ, такъ какъ обыкновенный смертный, вкладывающій свой капиталъ въ предпріятіе, требуетъ у насъ бѣшенаго процента; слишкомъ мало еще капитала и слишкомъ великъ процентъ. «За 4 процента пускай лучше въ банкѣ лежитъ», подумаетъ русскій рантье. А на «добродѣтель» надежда, конечно, плоха: бываетъ оно, бываетъ, кто споритъ, да не вѣрно; то ли дѣло, когда необходимость погонитъ капиталиста на добродѣтельныя дѣла,—вѣрнѣе будетъ.

Мысль о томъ, что я «въ Европѣ» не оставляла меня во время странствій по просторнымъ и красивымъ заламъ женевской выставки. Шелковыя, хлопчатобумажныя издѣлія, машины, химическіе продукты, часы *), вотъ что вывозитъ за границу швейцарецъ, но всего этого вдоволь оставляетъ и на свою потребу. И *куда* вывозитъ—не въ Азію, какъ мы свой ситецъ, а въ Англію, Францію, Германію и Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты, въ наиболѣе промышленныя страны всего міра. Туда не стоитъ везти дряни и низкаго сорта, тамъ можно взять только добротностью товара и совершенствомъ выполненія. И дѣйствительно, пробѣгая по безконечнымъ заламъ, гдѣ выставлены шелковыя и хлопчатобумажныя матеріи, поневолѣ удивляешься ихъ разнообразію и красотѣ. О часахъ и говорить нечего, всякій еще изъ учебника, блаженной памяти, Смирнова помнитъ, что Швейцарія, а особенно Женева, издавна славилась производствомъ часовъ, ихъ точностью и изяществомъ. Когда я любовался тысячными хронометрами, еще болѣе дорогими дамскими часиками, величиной чуть не съ горошину, мнѣ вспомнился Евгеній Сю. Видно, никогда не сбудется одна его маленькая мечта, чтобы на вещи стояло имя

---

*) Въ 1894 году швейцарскій вывозъ равнялся 621.199.263 франкамъ; изъ нихъ:

Шелковыхъ фабрикатовъ на. .	148.655.000 фр.	430.473.000 фр.
Хлопчатобумажныхъ фабр. » .	122.158.000 »	
Часовъ на	85.915.000 »	
Машинъ »	25.444.000 »	
Химическихъ продуктовъ на . .	21.301.000 »	

мастера, сдѣлавшаго его, а не имя хозяина или фирмы. Многое, о чемъ, можетъ быть, и не мечталъ Сю, осуществлено уже въ Швейцаріи, возьмемъ хоть ея политическія учрежденія, а на массивныхъ золотыхъ крышкахъ хронометровъ по прежнему виднѣются Patek, Vacheron et Constantin и проч. Впрочемъ, слѣдуетъ оговориться, что мечта Сю въ данномъ случаѣ и не могла бы осуществиться, такъ какъ каждая вещь современной промышленности является продуктомъ труда массы, а не одного рабочаго.

Уже тотъ фактъ, что швейцарецъ производитъ и сбываетъ заграницу только «тонкій» товаръ *), говоритъ о высокой культурѣ и высокомъ благосостояніи страны: такой товаръ можетъ производить только культурный рабочій, а такому рабочему нужно хорошо платить. Изъ земледѣльческихъ продуктовъ швейцарецъ высылаетъ заграницу почти только сыръ **), остальное все съѣдаетъ самъ, вино свое почти сплошь выпиваетъ у себя дома— внутри страны ***). Мнѣ приходилось живать у швейцарскихъ крестьянъ средняго достатка; питаются они такъ, какъ дай Богъ питаться русскому среднему интеллигенту; на счетъ мяса только слабо. Вообще, Швейцарія, можетъ быть болѣе, чѣмъ какая-либо европейская страна достигаетъ уже средняго довольства, она почти приблизилась къ тому внутреннему равновѣсію, когда масса имѣетъ возможность удовлетворить первыя свои потребности — пищу и кровъ и начинаетъ уже стремиться къ тому, чтобы то и другое были лучшаго качества. Стремленіе укрѣпить за собой *право* удовлетворять свои матеріальныя потребности и *право* разнообразить и множить ихъ охватываетъ уже все швейцарское населеніе и объясняетъ тотъ общій тонъ «gagner l'argent» (дѣлать деньги), который намъ, русскимъ интеллигентамъ, такъ не симпатиченъ, ибо мы не видимъ сразу той глубокой, но простой основы, изъ которой исходитъ этотъ эгоизмъ, ибо у насъ, *какъ у націи*, не выработалось еще *сознанія* этого права.

Параллельно съ этимъ процессомъ, вѣроятно, даже въ нѣкоторой зависимости отъ него, въ Швейцаріи идетъ другой: выработка средняго идеала, средней морали, средняго развитія, однимъ словомъ, *средняго человѣка*; оригинальность во всѣхъ ея проявленіяхъ, какъ уродливыхъ, такъ и великихъ, исчезаетъ, талантъ

*) Да и въ этомъ «тонкомъ» товарѣ главную часть составляетъ наитончайшій, въ шелковомъ производствѣ — матеріи и ленты, въ химическомъ — красящія вещества.

**) Въ 1894 году швейцарскаго сыру вывезено на 37.715.000 франковъ.

***) Въ 1894 году изъ Швейцаріи вывезено вина на ничтожную сумму 566.000 франковъ.

постепенно замѣщается талантливостью, и даже просто династіями хорошихъ работниковъ, экстазъ, порывъ, вдохновеніе стынутъ и замѣняются подогрѣтымъ паѳосомъ и декламаціей. Я не стану здѣсь вдаваться въ подробности, не стану выяснять, что въ этомъ процессѣ общаго всей современной Европѣ, что характерно только для Швейпаріи, не стану также развивать и взаимной связи этихъ двухъ процессовъ—перваго матеріальнаго и второго духовнаго,—я хочу только констатировать фактъ, что въ Швейцаріи эти два процесса идутъ параллельно.

Направимся въ отдѣлъ «современнаго искусства». Больше 1.000 различнѣйшихъ художественныхъ произведеній и ни одного, которое бы васъ сильно взволновало, очаровало или растрогало, а вѣдь тутъ собраны швейцарскіе художники за весь XIX-й вѣкъ. Передъ одной вещью я остановился въ умиленіи—передъ проектомъ памятника Песталоцци. Громадная, больше чѣмъ въ человѣческій ростъ, ласково сгорбленная фигура старика и около него двое ребятокъ, мальчикъ и дѣвочка, довѣрчиво прильнувшихъ къ своему обожаемому учителю. Лицо Песталоцци, съ крупными чертами, почти некрасивое, почти обыкновенное, и только материнская нѣжность и любовь къ этимъ малюткамъ, которою проникнуты и глаза, и губы, и каждая складка этого лица, дѣлаютъ его и красивымъ, и трогательно-привлекательнымъ.

Этотъ памятникъ, это старческое дивное лицо лучше, чѣмъ всякія патріотическія рѣчи и самохвальство заставятъ иностранца, и особенно русскаго, преклониться передъ Швейцаріей: здѣсь ея сила и слава въ народной школѣ. Школа сыграла не малую роль въ развитіи того благосостоянія, о которомъ мы только-что говорили, и сыграетъ еще большую, если не замретъ на первой ступени, а будетъ развиваться и превратится со временемъ въ народный университетъ. Но такихъ тенденцій въ Швейцаріи, къ сожалѣнію, не замѣтно пока.

Среди картинъ преобладаетъ пейзажъ; альпійскій, конечно, на первомъ планѣ, но много картинъ и не швейцарской природы: Италія, Алжиръ, Палестина, Голландія дали много полотенъ. Пейзажъ, въ общемъ, хорошъ; часто останавливаешься, чтобы полюбоваться снѣжнымъ гигантомъ, тихо умирающимъ съ послѣдними лучами солнца, или роскошной долиной, окаймленной далекими горами въ дымкѣ.

Но да простятъ профану современные швейцарскіе художники,—мнѣ ихъ *старина* начала и средины нынѣшняго столѣтія, Calame, Diday, Lugardon, нравятся куда больше, передъ ними почти только и стоишь. Современные художники хвастаются,

что они лучше и тоньше понимаютъ природу; можетъ быть, но передаютъ они ее, во всякомъ случаѣ, гораздо хуже, да кромѣ того начинаютъ ужъ слишкомъ сильно пахнуть квинтэссенціей современности — импрессіонизмомъ, символизмомъ и т. п. тонкостями. Впрочемъ, я не думаю, чтобы ересь, которой я придерживаюсь, была мало распространена между самими швейцарцами; по крайней мѣрѣ «Journal de Genève», отдавъ критику отдѣла «современное искусство» представителю новыхъ теченій въ живописи, въ редакторскомъ предисловіи снимаетъ съ себя всякую отвѣтственность за статьи своего сотрудника и горячо защищаетъ «стариковъ».

Жанра у «современниковъ» почти нѣтъ, съ десятокъ картинъ, совсѣмъ не замѣтныхъ; впрочемъ, и «старики» предавались этому роду живописи очень рѣдко, предпочитая ему историческій жанръ.

На выставкѣ вы найдете историческій жанръ различныхъ эпохъ, начиная съ «Визита Фареля къ Кальвину» Hornung'a, «Вильгельма Теля» Lugardon'a и кончая громаднымъ полотномъ Burnand'a «Бѣгство Карла Смѣлаго послѣ битвы при Моратѣ». Но историческій жанръ швейцарцевъ правильнѣе назвать патріотическимъ, такъ какъ предъ нами не воспроизведеніе характера той или иной эпохи, а въ большинствѣ случаевъ, хорошо выписанная иллюстрація къ какому-нибудь высокоторжественному историческому моменту. Только времена «давно минувшихъ дней» представлены на швейцарскихъ картинахъ съ большей историчностью, съ болѣе широкимъ захватомъ, напр., картина Böcklin'a «Вторженіе готовъ», Ravel'я «Судъ у Гельветовъ» и «доисторическій пейзажъ» Contan. Я давно хотѣлъ познакомиться съ картинами Böcklin'a, меня интересовалъ вопросъ, почему наиболѣе талантливый изъ современныхъ швейцарскихъ художниковъ въ то же время стоитъ какъ-то особнякомъ, но на выставкѣ Böcklin представленъ такъ плохо и количественно (три картины), и качественно, что я, къ сожалѣнію, не могъ составить о немъ никакого представленія.

Нѣтъ жанра въ швейцарской живописи, почти нѣтъ и крестьянина; едва ли наберется съ десятокъ картинъ, гдѣ вы увидите его, не какъ аксессуаръ къ пейзажу, а какъ центръ, основу картины; да и среди этого десятка большинство представляетъ отдѣльныя фигуры — охотника, пастуха и т. п. Только картины женевскаго художника Gaud'a «Жатва» и «Хлѣбъ изъ первой копны» даютъ сцены изъ жизни швейцарскаго крестьянина. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ мѣста для разбора ихъ. Тяжелое впечатлѣніе производитъ на меня художественный отдѣлъ женевской выставки: какъ-то досадно за швейцарскаго художника и какъ-то жаль его.

Досадно, что все болѣе и болѣе отрывается онъ отъ жизни, уходитъ въ мелочи, въ салонную живопись, въ декадентство наконецъ; жаль, такъ какъ встаетъ вопросъ, да что жъ ему и дѣлать? Сами швейцарцы проговариваются иногда на эту тэму. Такъ, вышеупомянутый критикъ «Journal de Genève» развиваетъ ту мысль, что искусство въ *маленькихъ* странахъ зависитъ отъ сосѣднихъ большихъ народностей, съ которыми ихъ связываетъ единство расы, языка, религіи. Авторъ здѣсь ясно намекаетъ на не самостоятельность швейцарскаго искусства, и стремится объяснить это небольшими размѣрами страны; но, мнѣ кажется, достаточно вспомнить Голландію, чтобы увидѣть, что дѣло тутъ не въ размѣрѣ территоріи и не въ количествѣ народонаселенія... Національное, самостоятельное искусство можетъ создать только народъ, нація; конгломератъ изъ различныхъ національностей не можетъ создать его; не существуетъ австрійскаго искусства, хотя есть нѣмецкое, венгерское и чешское; существуетъ только австрійскій императоръ Францъ-Іосифъ и его армія. Въ Швейцаріи нѣтъ народа, нѣтъ націи, общаго только и есть нѣкоторыя историческія воспоминанія, и конфедерація, которой боятся почти всѣ кантоны. Нѣтъ народа—нѣтъ и самостоятельнаго искусства; можно говорить объ отдѣльныхъ швейцарскихъ художникахъ, но нельзя говорить о швейцарской живописи, какъ нельзя говорить и о швейцарской литературѣ,—ихъ нѣтъ, да и быть не можетъ...

Но что же придаетъ Швейцаріи внѣшнюю видимость единаго государства, что даетъ надежду, что она все же можетъ въ концѣ концовъ слиться въ одно цѣлое и создать единый швейцарскій народъ? Ея естественныя границы, ея *средній* человѣкъ, добивающійся средняго благосостоянія, и ея политическія учрежденія, дающія возможность добиваться этого, а затѣмъ и многаго другого, не въ одиночку, а общими усиліями.

В. Агафоновъ

АРТИСТЫ.

Разсказъ Э. Лундквиста.

Однажды, въ субботу, вернувшіяся изъ сельской школы дѣти разнесли по всему селу маленькія желтыя афиши слѣдующаго содержанія:

«Извѣщеніе!

Сегодня, въ субботу, 8-го іюля, въ 7 часовъ пополудни, въ церкви села Глимсты состоится

БОЛЬШОЙ КОНЦЕРТЪ

духовной музыки и церковнаго пѣнія. Исполнителями будутъ виртуозъ игры на органѣ и на гитарѣ композиторъ **Софроній Гальворзенъ** изъ Копенгагена и знаменитая пѣвица

Розальба Деа Марина,

съ небывалымъ успѣхомъ выступавшая уже въ главнѣйшихъ городахъ Швеціи и Даніи и которая теперь, проѣздомъ въ Италію, согласилась выступить единственный этотъ разъ въ Глимстинской церкви.

Билеты по 30 эре; для народа—15 эре. Дѣти за входъ платятъ всего 10 эре.

Просятъ о распространеніи этого извѣщенія».

Пасторъ Арнборгъ и его молодая жена сидѣли уже за обѣдомъ, когда служанка подала такую афишу, доставленную на пасторскую кухню маленькой дочерью сосѣдняго арендатора. Пасторъ лишь мелькомъ взглянулъ на афишу, въ которой не было для него ничего новаго, такъ какъ самъ онъ за нѣсколько дней передъ тѣмъ письменно разрѣшилъ датскому музыканту дать духовный концертъ въ церкви. При томъ пасторъ былъ теперь всецѣло поглощенъ выбираніемъ костей изъ окуня.

Зато госпожа Эльса, молодая пасторша, забыла и объ ѣдѣ, такъ ее заинтересовала афиша и напечатанная на оборотѣ афиши

программа концерта. Подумать только, концертъ въ Глимстинской церкви! Это было цѣлое происшествіе, въ особенности для нея. Она выросла и воспитывалась въ деревнѣ, среди лѣсовъ, потомъ короткое время была учительницей сельской школы и наконецъ сдѣлалась сельской же пасторшей. Ни въ театрахъ, ни въ концертахъ она въ жизнь свою не бывала.

— Мы, конечно, пойдемъ, Гаральдъ?—спросила она съ волненіемъ.

— Охота тебѣ обращать вниманіе на всякихъ шарлатановъ!—возразилъ тотъ, не отрываясь отъ своего окуня.

— Шарлатановъ? Кто тебѣ сказалъ, что эти артисты шарлатаны? Розальба Деа Марина... кажется, это звучитъ достаточно громко!

Пасторъ поднялъ голову и его красивыя мужественныя черты освѣтились добродушной улыбкой.

— Ты права, это звучитъ достаточно громко!—сказалъ онъ съ юморомъ.—Только все же, дитя мое, ступай ужъ ты одна! Купи мнѣ билетъ, конечно, но сопровождать тебя я не могу. Сегодня вѣдь суббота и, какъ ты знаешь, я долженъ заняться своей проповѣдью.

Такая досада! Всякій разъ, когда ей приходило въ голову идти куда-нибудь съ мужемъ, оказывалось, что была суббота. Она просто ненавидѣла эти противныя субботы, являвшіяся всегда некстати! Но помочь горю было нечѣмъ; когда Гаральдъ задумывался надъ своими проповѣдями, онъ становился просто невозможнымъ. Въ такія минуты онъ забывалъ даже о женѣ и не переставалъ размышлять, пока проповѣдь не оказывалась готовой. Да что, она была увѣрена, что и теперь онъ уже успѣлъ задуматься о проповѣди! Она замѣчала это по механическому движенію, съ какимъ онъ ѣлъ свою гигантскую порцію простокваши, въ то время какъ она забывала о своей собственной крошечной порціи. Съ ловкостью и видомъ лунатика отправлялъ онъ полныя ложки въ ротъ, но ни единой капельки не ронялъ на густую черную бороду, хотя видимо думалъ совсѣмъ о другомъ.

Послѣ обѣда онъ разсѣянно поцѣловалъ жену и ушелъ къ себѣ въ кабинетъ, а госпожа Эльса проводила его долгимъ взглядомъ и легонько вздохнула. Что ни говорите, а тяжело двадцати лѣтъ отъ роду быть замужемъ за такимъ серьезнымъ господиномъ, который вѣчно ходитъ тяжелой поступью, точно неся на своей широкой спинѣ цѣлый ворохъ священныхъ обязанностей! Иногда ею овладѣвала непреодолимая потребность порѣзвиться и тогда ей приходили въ голову смѣшныя школьническія мысли. Такъ ей хо-

тѣлось иногда подставить ему ножку или просто толкнуть его, чтобы онъ споткнулся и чтобы священная ноша слетѣла съ него. Тогда бы она съ хохотомъ схватила его за руку и увлекла бы его побѣгать въ пятнашки на дворъ, на солнечный свѣтъ! Хоть бы изрѣдка пошалить, чтобы не забывать, что они еще молоды! Потомъ она бы сама помогла ему подобрать священную ношу и снова бы взвалила ему на плечи, благо сама не годилась носить такія тяжести... Но онъ былъ такъ серьезенъ, что никогда не хватало духу подурачиться съ нимъ!

Ахъ, отчего онъ не простой помѣщикъ! Она бы всюду бродила съ нимъ, по полямъ, по лугамъ, на скотный дворъ—съ утра до вечера! Во всемъ бы она могла раздѣлять его труды и къ обѣду они являлись бы одинаково усталые, голодные и счастливые! Но теперь каждый изъ нихъ долженъ былъ идти своимъ путемъ... Какой же смыслъ въ брачной жизни, когда мужъ съ утра до вечера сидитъ въ кабинетѣ, а жена ходитъ одна, скучаетъ и ни въ чемъ не можетъ быть ему полезна? И развѣ не сказано въ писаніи: нехорошо человѣку оставаться одинокимъ? А Гаральдъ только и добивался того, чтобы его оставляли въ покоѣ! Хорошо же онъ соблюдалъ Законъ Божій!

Ну, Богъ съ нимъ! Если бы не эти злополучныя субботы, можно бы со многимъ примириться, потому что Гаральдъ, во всякомъ случаѣ, былъ самый милый, самый чудный человѣкъ на свѣтѣ! И не его вина, что онъ вдвое старше и сто разъ умнѣе ея! Сама она виновата, что все еще точно дѣвочка, хотя уже пасторша... Надо же и правду сказать!

Среди подобныхъ размышленій отправилась госпожа Эльса на веранду, гдѣ ее ожидало большое блюдо черной смородины, и, вооружившись маленькими ножницами, стала чистить ягоды для варенья. Отъ времени до времени она поглядывала на лежавшую на столѣ желтую афишу. Она раздумывала о «знаменитой пѣвицѣ» и старалась себѣ представить впечатлѣніе, какое произведетъ на нее необыкновенно хорошее пѣніе артистки. Притомъ она пыталась угадать наружность и костюмъ такой артистки.

Розальба Деа Марина! Никогда Эльсѣ не доводилось слышать такого пышнаго тройного имени. Она тихонько повторяла про себя это имя и передъ нею рисовалась стройная, обворожительно прекрасная женщина большого роста съ золотистыми волосами, одѣтая въ богатое платье изъ лиловаго бархата.

Но вотъ ей бросились въ глаза послѣднія строчки объявленія: «Билеты по 30 эре; для народа 15 эре»... Пришлось согласиться, что воображеніе унесло ее слишкомъ далеко. Во всякомъ

случаѣ, низкая цѣна билетовъ не соотвѣтствовала представленію о гордой красавицѣ въ бархатномъ платьѣ. Нѣтъ, нѣтъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, пѣвица бѣдна и скромна. Можетъ быть, это бывшая примадонна, достигшая уже значительнаго возраста и потерявшая съ годами голосъ? Можетъ быть, бѣдняжка скромно выступитъ въ черномъ шелковомъ платьѣ уже не первой свѣжести?.. Непремѣнно такъ! Тѣмъ важнѣе, чтобы сборъ оказался хорошимъ. Къ сожалѣнію, если бы собрались собственники со всей волости, если бы даже они привели въ церковь всю свою прислугу, сборъ не могъ превысить тридцати или тридцати пяти кронъ—это пасторша вычислила по пальцамъ. И съ этого приходилось еще скинуть расходы на путешествіе, на содержаніе въ гостинницѣ, на туалетъ... Бѣдные артисты! Ахъ какъ жаль, что уже такъ поздно! Иначе бы можно послать нарочнаго къ окрестнымъ помѣщикамъ и собрать на концертъ многочисленныхъ друзей и знакомыхъ. Ей, какъ женѣ пастора, слѣдовало даже сдѣлать это. Но она не виновата, что узнала о концертѣ такъ поздно.

Оставалось только надѣяться, что помѣщики сами догадаются исполнить свою обязанность относительно бѣдныхъ артистовъ, и самой купить столько билетовъ, на сколько хватитъ ея денегъ. Денегъ у нея было очень мало, но Гаральдъ не станетъ же упрекать ее... У него такое отличное сердце, а по субботамъ онъ самъ не велѣлъ безпокоить его по пустякамъ. По субботамъ ей предоставлялось дѣлать все, что угодно, лишь бы она не стучалась въ запертыя двери кабинета, гдѣ онъ маршировалъ изъ угла въ уголъ съ папиросой въ зубахъ и съ размышленіями о проповѣди въ головѣ.

Сообразивъ это, она поручила служанкѣ дочистить ягоды и отправилась по селу раздавать деньги налѣво и направо, съ условіемъ, чтобы получатели отправились вечеромъ въ концертъ. Кромѣ того, она съ той же цѣлью выдала по пятнадцати эре обѣимъ своимъ служанкамъ, всѣмъ батракамъ арендатора, даже почтальону Августу, который какъ разъ въ это время принесъ пасторскую почтовую сумку, и батрачкѣ Лизѣ, которую она замѣтила изъ окна въ своемъ огородѣ.

Около шести часовъ она надѣла воскресное платье, отдѣланное чернымъ кружевомъ, и свою «дамскую» шляпку. Эту дамскую шляпу она носила только изъ угожденія Гаральду, который ужасно заботился о ея солидности. Сама она предпочитала простыя дѣвичьи шляпки... Но мужчины вѣдь всегда тщеславны! Затѣмъ она направилась въ церковь.

Она нарочно собралась такъ рано, чтобы все село видѣло, что

жена пастара спѣшитъ исполнить свою обязанность относительно обездоленныхъ ближнихъ. При томъ она сгорала отъ любопытства увидѣть артистовъ и ей интересно было знать, кто изъ сосѣдей явится поощрить искусство.

Поднявшись на холмъ уже возлѣ самой церкви, она оглянулась по сторонамъ и непритворно обрадовалась, увидѣвъ, что со всѣхъ сторонъ люди направлялись къ церкви. Возлѣ кладбищенской ограды мелькали уже свѣтлыя платьица дѣвочекъ доктора Экгофа, а у самой паперти виднѣлся красный зонтикъ ихъ старшей сестры, Фанни; на большой дорогѣ раздавался даже стукъ колесъ и приближалось, между прочимъ, большое ландо изъ имѣнья Бьёрнэ— навѣрное, это ѣхала Магги съ ея гувернанткой. Какъ мило съ ихъ стороны! На площадкѣ передъ церковью была уже вся семья викарія и тамъ же сидѣли на скамейкѣ обѣ дочери ленсмана. Положительно, все мѣстное маленькое общество было на лицо! Всѣ съ жадностью ухватились за случай хоть чѣмъ-нибудь перебить однообразіе сельской жизни. Жаль только, что общество было такое ужасно маленькое!

Но вотъ пасторша на церковной площадкѣ и ее обступили знакомыя.

Оказывается, что Фанни Экгофъ уже видѣла Софронія Гальворзена и Розальбу Деа Марину! Да, да, это случилось очень просто. Усадьба Экгофовъ расположена вѣдь возлѣ самой большой дороги. Такъ вотъ, сидѣла вся семья за кофеемъ на верандѣ и вдругъ появляются на дорогѣ артисты: онъ—со своей гитарой въ футлярѣ за плечами; она—съ толстой сумкой въ рукахъ. Пѣшкомъ! И какими они оба казались бѣдными, жалкими! Скотница Лотти, доившая коровъ ни скотномъ дворѣ у самой дороги успѣла даже поговорить съ ними. Ей они разсказали, что прибыли съ четырехъ-часовымъ поѣздомъ, но возлѣ станціи не нашли лошадей—это, конечно, неправда!—и принуждены были идти четыре версты пѣшкомъ. Они даже попросили чего-нибудь напиться и съ удовольствіемъ выпили ковшикъ не цѣженнаго еще молока. При этомъ госпожа Розальба Деа Марина спрашивала Лотту, не знаетъ ли она, гдѣ они могутъ за сходную плату переночевать. По ея словамъ, на постояломъ дворѣ они спрашивали, но всѣ комнаты оказались занятыми. Это, разумѣется, тоже неправда! О каждомъ пріѣзжемъ въ селѣ вѣдь извѣстно... Лотта ничего не нашлась имъ посовѣтовать, и они пошли дальше, не поблагодаривъ даже за молоко. Поручикъ Авелянъ взобрался тогда на вышку и сталъ слѣдить за ними съ помощью своего большого морского бинокля. Онъ видѣлъ, какъ они шли къ церкви, заходя во всѣ по-

путные дворы, вѣроятно, на поискахъ пріюта на ночь. Повидимому, однако, они такъ и не нашли себѣ пристанища...

Госпожа Эльса охотно бы послушала дальнѣйшія подробности о необыкновенныхъ артистахъ, но стрѣлка башенныхъ часовъ на колокольнѣ показывала уже безъ четверти семь и пора было войти въ церковь. Въ качествѣ жены настоятеля прихода ей подобало войти въ церковь одной изъ первыхъ и, во всякомъ случаѣ, занять мѣсто на первой скамейкѣ. Она знала, что Гаральдъ придавалъ такимъ вещамъ значеніе.

Въ попыхахъ, не позаботившись даже пригласить Фанни Экгофъ или кого-нибудь другого изъ знакомыхъ занять мѣсто рядомъ съ нею, она поспѣшила въ ризницу, чтобы взять два билета, для себя и для Гаральда, какъ онъ самъ просилъ. Билеты продавала очень молодая дѣвушка, почти подростокъ, сидѣвшая за особымъ маленькимъ столикомъ и принявшая деньги за билеты, сказавъ: «Mercі, madame!»

Какъ странно было слышать эти иностранныя слова у входа въ Глимстинскую церковь! «Mercі, madame»? Она внимательнѣе посмотрѣла на продавщицу билетовъ. У той было дѣтское, порядкомъ загорѣвшее личико, довольно миловидное и свѣжее. На темныхъ волосахъ кокетливо сидѣла маленькая соломенная шляпа, украшенная смѣло торчавшими кверху цвѣтами. Глаза дѣвушки были такіе же темные, какъ и волосы. Очевидно, это была иностранка! Вотъ какіе эти артисты не практичные! Возятъ съ собой иностранку для продажи билетовъ, когда это могъ дѣлать любой церковный сторожъ!

Пасторша отдала свой билетъ стоявшему въ дверяхъ звонарю и направилась въ церковь. Въ это время позади нея иностранка говорила какому-то мужику, купившему билетъ: «Mercі, monsieur... Passez, s'il vous plaît». Но госпожа Эльса удержалась отъ смѣха, потому что шла уже въ церкви, по главному проходу, и должна была держать себя съ достоинствомъ.

Передняя скамья была не занята. Вообще, въ церкви оказалось гораздо меньше народа, чѣмъ Эльса предполагала. Всюду зіяли пустыя мѣста; лишь кое-гдѣ виднѣлись группы людей, и то преимущественно бабъ въ платкахъ. Впрочемъ, цѣлыхъ три скамейки были биткомъ набиты дѣвочками изъ мѣстной школы, которыхъ несказанно забавляло то, что онѣ пришли въ церковь не молиться, а для своего удовольствія, и которыя безъ всякаго стѣсненія шептались и пересмѣивались. Пасторша сочла своимъ долгомъ остановиться и кинуть дѣтямъ укоризненный взглядъ. Но изъ этого ничего не вышло, такъ какъ когда она оберну-

лась къ дѣвочкамъ, солнце ударило ей прямо въ глаза и она принуждена была отвернуться.

Эльса заняла свое мѣсто, и когда публика, повидимому, была вся въ сборѣ—по крайней мѣрѣ, никто уже больше не входилъ, она наскоро пересчитала присутствующихъ. Двадцать семь билетныхъ... одиннадцать человѣкъ изъ народа... тридцать два ребенка... Итого на тринадцать кронъ и пятьдесятъ пять эре!.. Вѣдь это было просто ужасно! Бѣдные, бѣдные артисты, это вѣдь чистый убытокъ. Но, можетъ быть, концертъ не состоится?

Концертъ, однако, состоялся, и какъ разъ, когда пасторша задала себѣ этотъ вопросъ, старый органъ немилосердно завылъ и застоналъ; началось исполненіе перваго нумера программы, величественной фуги, сочиненія Софронія Гальворзена, какъ и большая часть прочихъ нумеровъ. Эльсѣ очень хотѣлось обернуться, чтобы посмотрѣть на артиста, но такъ какъ она только что передъ тѣмъ оборачивалась, чтобы сосчитать публику, она не рѣшилась этого сдѣлать. Въ ея положеніи жены настоятеля вертѣться въ церкви было неприлично. Впрочемъ, пьеса была не длинная и кончилась раньше, чѣмъ публика успѣла уловить мелодію. Осталось смутное впечатлѣніе чего-то въ родѣ ссоры дискантовъ между собою и грознаго голоса учителя, который басомъ приказывалъ имъ вести себя тише. Въ концѣ концовъ ссора была благополучно прекращена, и все утихло.

Наступила пауза, въ продолженіе которой слышался только шопотъ разговаривавшихъ между собой школьницъ и шелестъ переворачиваемыхъ афишъ. «Quando corpus morietur, арія Софронія Гальворзена, исполнена будетъ госпожей Розальбой Деа Мариной», стояло на желтой афишѣ, и всѣ головы, за исключеніемъ пасторши, обернулись къ органу. Но вотъ послышались въ главномъ проходѣ шаги, тяжелые мужскіе шаги подъ акомпаниментъ легкаго постукиванія женскихъ каблучковъ. Въ слѣдующее мгновеніе прямо передъ пасторшей у амвона стояли оба артиста: онъ—съ гитарой у груди, она—съ нотной тетрадкой въ рукахъ.

Но что это? Вѣрить ли своимъ глазамъ? Розальба Деа Марина, эта красавица въ бархатномъ платьѣ фіолетоваго цвѣта, какъ представляла ее себѣ пасторша, въ дѣйствительности оказывалась той самой юной продавщицей билетовъ, которая передъ тѣмъ сидѣла въ ризницѣ. Она оставалась даже въ томъ же черномъ шерстяномъ платьицѣ и вся разница была лишь въ томъ, что она сняла теперь шляпу и украсила грудь какимъ-то кружевнымъ галстучкомъ, напоминавшимъ пасторскій воротникъ!

Надо отдать ей справедливость, она была недурна, бѣдняжка, и ея черные глазки сверкали, какъ угольки, а пунцовый ротикъ имѣлъ что-то въ высшей степени привлекательное. Но видно было что она очень стѣснялась, и сколько ни старалась казаться развязной, сколько ни встряхивала головкой, подражая настоящимъ актрисамъ, еле справлялась со своей застѣнчивостью. Во время длинной прелюдіи на гитарѣ Эльса успѣла даже замѣтить, чѣмъ дѣвушка стѣснялась въ особенности: на ея худыхъ загорѣлыхъ рукахъ не было перчатокъ. Она пробовала даже спрятать руки за спину, но убѣдилась, что такая поза никуда не годится, и удовольствовалась тѣмъ, что, по возможности, прятала руки за нотную тетрадку.

Наконецъ, она запѣла: Quando corpus... У нея было довольно хорошее сопрано, но голосъ ея оказывался уже слишкомъ натруженнымъ и потому крикливымъ. Притомъ, въ ея манерѣ пѣть было что-то, напоминавшее мужицкое пѣніе; такъ, высокія ноты она ухарски обрывала, а когда брала низкія ноты—вся надувалась и такъ топорщила шею, что можно было предположить у нея флюсъ или свинку. Исполненіе выходило до смѣшного плохо. Но Эльса замѣчала лишь печальную сторону дѣла. Она видѣла лишь крайнюю нищету въ наружности бѣдной дѣвочки и слышала только то, что ея натруженный голосъ звучалъ, какъ голосъ сорока-лѣтней женщины, тогда какъ сама она была еще почти ребенкомъ. Плакать хотѣлось, глядя на пѣвицу, и, вмѣсто восторговъ, она вызывала лишь печальныя размышленія о голодѣ, о безпріютности, объ униженіяхъ, которымъ съ дѣтства подвергаются такія несчастныя...

Арія закончилась высокой нотой, которую пѣвица нетерпѣливо взвизгнула, послѣ чего чуть не бѣгомъ поспѣшила къ ризницѣ. У амвона остался Софроній Гальворзенъ одинъ. Онъ долженъ былъ исполнить третій нумеръ программы: «Fantaisie brillante», для гитары, своего собственнаго сочиненія.

Теперь только Эльса обратила на него вниманіе. Это былъ старикъ, высокаго роста, но сгорбленный, съ блѣднымъ, плохо выбритымъ лицомъ и съ длинными сѣдыми волосами, прямыми и жесткими, какъ конская грива. На немъ былъ заношенный черный сюртукъ при бѣломъ галстукѣ. Плохіе сапоги были совсѣмъ пыльные и невольно напоминали о продолжительныхъ странствіяхъ пѣшкомъ.

Прищуриваясь и съ восторженной улыбкой на блѣдныхъ губахъ, исполнилъ онъ какую-то очень трудную, но не мелодичную пьесу на гитарѣ. Игралъ онъ хорошо, но изумительнѣе всего была бѣглость его пальцевъ. Его длинные блѣдные пальцы такъ

и мелькали, извлекая изъ инструмента цѣлое наводненіе звуковъ, которые толпились, погоняли другъ друга, гонялись въ пространствѣ, какъ бѣшеные, кувыркались и, наконецъ, лопались въ оглушительныхъ, рѣзкихъ аккордахъ. Школьницы со своихъ скамеекъ смотрѣли на артиста разинувъ ротъ; но когда онъ закончилъ, наконецъ, свою фугу, сдѣлалъ изящное движеніе рукой и, встряхнувъ гривой, легкой рысцой направился къ хорамъ, дѣвочки переглянулись и дружно фыркнули, точно передъ ними окончилась самая забавная арлекинада.

Послѣ этого должна была снова появиться госпожа Розальба. Но она заставила себя ждать и позади органа послышались какія-то горячія препирательства. Въ концѣ-концовъ появился, однако, композиторъ, а немного позже вышла къ амвону и пѣвица, послѣ чего была исполнена молитва «Ave Maria» Гуно. Но Розальба Деа Марина на этотъ разъ такъ торопилась пѣть, что аккомпаньяторъ остался на много позади, и пьеса отъ этого жестоко пострадала. Съ такой же лихорадочной торопливостью исполнены были остальные нумера программы, и не было еще восьми часовъ, когда раздались громовые звуки заключительнаго марша изъ «Трубадура». Благодаря варіаціямъ талантливаго композитора, этотъ маршъ перешелъ постепенно въ нѣчто оглушительное, живо воспроизвелъ грохотъ большого сраженія и сразу очистилъ церковь отъ народа. Въ потрясенномъ могучими аккордами воздухѣ витала только пыль, поднятая бѣглецами...

Софроній Гальворзенъ приводилъ свои ноты въ порядокъ, а Розальба Деа Марина надѣвала уже шляпу, когда къ нимъ приблизилась незнакомая дама.

— Извините,—сказала она съ нѣкоторымъ смущеніемъ,—я жена настоятеля здѣшняго прихода... Удалось ли вамъ, господа, найти себѣ помѣщеніе на ночь?

Датчанинъ смѣрилъ пасторшу взглядомъ съ головы до ногъ.

— Къ сожалѣнію, нѣтъ!—сказалъ онъ угрюмо.—Въ гостинницѣ всѣ комнаты были заняты.

— У насъ въ пасторатѣ есть комнатка для гостей... Если барышнѣ угодно?.. Но только барышнѣ, потому что другой свободной комнаты у насъ нѣтъ...

— Тысячу разъ спасибо вамъ, сударыня!—вскричалъ старикъ, и слышно было по его голосу, что пасторша освободила его отъ большой заботы. Онъ прибавилъ, что для себя всегда найдетъ помѣщеніе въ какой-нибудь избѣ... Чего не найдешь за деньги? А завтра утромъ онъ будетъ имѣть честь явиться въ пасторатъ за госпожей Розальбой... Въ десять часовъ они должны быть на

желѣзнодорожной станціи, чтобы не опоздать на поѣздъ. Вечеромъ они даютъ концертъ въ сосѣднемъ приходѣ.

Ноты были сложены въ сумку и, взявъ эту сумку подъ мышку, Розальба Деа Марина послѣдовала за своей покровительницей.

— Отчего вы не отдали эту тяжелую сумку господину Гальворзену?—спросила Эльса, когда онѣ уже были на дорогѣ. Пасторшѣ тяжело было видѣть усиліе, съ какимъ худенькая дѣвочка тащила свою ношу, пригибавшую ее къ землѣ.

— Гдѣ ему таскать ноты!—проговорила Розальба пренебрежительно.—Старикашка самъ себя еле носитъ. Нѣтъ, это мое дѣло... носить ноты!.. А другой разъ отъ станціи до церкви бываетъ верстъ пять и болѣе. Тогда и у меня спина трещитъ, не то что у него. Да, будьте покойны! Вначалѣ онъ бралъ лошадей; такъ вѣдь мы условились. Но кататься мнѣ пришлось не долго, лишь первыя недѣли, пока мы были въ Сконіи и онъ боялся, что я убѣгу отъ него назадъ въ Мальмэ. Съ тѣхъ поръ мы бродимъ пѣшкомъ, какъ нищіе, и ѣздить приходится только въ тѣхъ случаяхъ, когда находится добрый человѣкъ, который берется насъ подвезти даромъ.

Молоденькая пѣвица болтала безъ стѣсненія и, несмотря на ношу, бодро шагала возлѣ пасторши. Идти приходилось по длинной аллеѣ, соединявшей пасторатъ съ церковью.

Пасторша искоса поглядывала на свою спутницу и чувствовала не то жалость, не то любопытство. Она предложила даже облегчить ношу дѣвушки. На это пѣвица охотно согласилась и передала пасторшѣ нѣсколько самыхъ тяжелыхъ тетрадей. Затѣмъ разговоръ возобновился.

— Какъ это странно!—сказала пасторша.—У васъ иностранная фамилія, а сами вы изъ Мальмэ и говорите по-шведски, какъ природная шведка.

Пѣвица засмѣялась.

— Ни одного правдиваго слова въ программѣ нѣтъ!—сказала она.—Зовутъ меня Женни Ольсонъ, а всѣ остальныя штуки только украшенія... Да! Въ прошлое лѣто съ нимъ ѣздила наша же дѣвушка, Анна Бострэмъ, ее онъ называлъ Корнеліей Сальвіати. Вотъ какъ у насъ шикарно! Впрочемъ, она разсорилась съ нимъ среди лѣта. Теперь она замужемъ за однимъ литейщикомъ въ Лагольмѣ.

— Вотъ какъ! Значитъ, господинъ Гальворзенъ давно уже даетъ такіе концерты?

— Еще бы! Онъ ежегодно объѣзжаетъ Швецію, Норвегію, Данію и Финляндію, всегда съ новой пѣвицей. Ни одна не согла-

шается возобновить контрактъ на второй годъ. Зимой онъ даетъ уроки музыки въ Мальмэ и служитъ регентомъ въ одномъ обществѣ пѣвчихъ.

— Онъ выглядитъ ужасно бѣднымъ...

— Конечно, онъ бѣднякъ. Но не совѣтую говорить ему это. Онъ такъ гордъ, что не хочетъ признаваться въ своей бѣдности, а, между тѣмъ, другой разъ нельзя понять, какъ онъ остается живъ, такъ ему приходится голодать. Должно быть, онъ ѣстъ тогда ноты. Во всякомъ случаѣ, онъ всю жизнь былъ помѣшанъ на музыкѣ... Впрочемъ, лѣтомъ онъ зарабатываетъ довольно много. Ну, хоть бы сегодня: мы собрали болѣе тринадцати кронъ!

— Развѣ это много?

— А то какъ же! Другой разъ намъ не остается и двухъ кронъ. Но какіе же у насъ расходы? Только проѣздъ... Онъ всегда такъ устраиваетъ, что помѣщеніе и пища достаются намъ даромъ. Правда, ему придется еще выплатить мнѣ жалованье—двѣсти кронъ за лѣто; но столько мы всегда заработаемъ. Всѣ дѣвушки, ѣздившія съ нимъ раньше меня, получили все сполна и безъ придирокъ. Онъ вѣдь честный, даромъ что такой странный. Труднѣе добиться, чтобы онъ одѣвалъ меня прилично.

— Одѣвалъ?

— Да, онъ вѣдь обязался одѣвать меня въ продолженіе лѣта. Но, видите ли, это онъ считаетъ глупостями! Легче снять звѣзду съ неба, чѣмъ заставить его расщедриться на мой туалетъ. Это платье у меня свое, изъ дому; оно расползается по всѣмъ швамъ. Хорошо еще, что въ домѣ одного помѣщика мнѣ подарили этотъ галстучекъ... Не правда ли, онъ хорошенькій и скрываетъ потертыя мѣста платья? Шляпу я сама сдѣлала, а эти цвѣты на ней живые; я всегда запасаюсь въ полѣ маленькими цвѣточками къ предстоящему концерту. И то сказать, въ церквахъ бываетъ обыкновенно темновато и люди въ деревняхъ не требовательны! Но все-таки низко со стороны старика не исполнять условія. Хорошо ли, напримѣръ, что сегодня я осталась безъ перчатокъ? Мои старыя перчатки совсѣмъ развалились и такъ облупились, что походили на ломтики вяленой рыбы. Что же вы думаете, старикъ согласился купить новыя? Нѣтъ, по его понятіямъ, это вздоръ! «Пѣвица должна плѣнять людей пѣніемъ, а не перчатками!» — вотъ что онъ отвѣтилъ мнѣ сегодня утромъ, когда мы были въ городѣ и я напомнила о перчаткахъ. Благодарю покорно! Позволительно ли пѣть въ концертѣ безъ перчатокъ? Господи, какъ я злилась на него! Ему пришлось щипать меня, чтобы заставить выйти къ амвону, а то бы я не вышла. Вѣдь это срамъ! Потомъ,

когда я увидѣла, что всѣ смотрѣли на мои руки, я опять отказалась пѣть. Ужъ онъ и сердился, и упрашивалъ мена, и грозилъ... Въ концѣ концовъ я согласилась продолжать. По счастью, у меня руки такъ загорѣли, что на нѣкоторомъ разстояніи можно подумать, что на мнѣ длинныя коричневыя перчатки...

— Но какъ же вы рѣшились ѣхать съ нимъ?

— Господи, соблазнительно вѣдь пострaнствовать, да и голосъ у меня хорошій. При томъ, я думаю, большая разница: быть артисткой или идти въ услуженіе. Мой отецъ—онъ былъ машинистомъ—умеръ, а мать моя только и существуетъ тѣмъ, что ходитъ убирать невѣстъ да покойниковъ. Вотъ и приходилось рѣшиться на что-нибудь. Сначала Гальворзенъ выбралъ мою старшую сестру, но потомъ нашелъ, что она слишкомъ стара...

— А сколько ей лѣтъ?

— Девятнадцать. Мнѣ вѣдь только шестнадцать! — пояснила она и гордо вскинула свою хорошенькую головку.—И знаете, какъ онъ попался? Онъ началъ было выставлять въ афишахъ мои года, но люди стали говорить, что ихъ хотятъ угостить дѣтскимъ крикомъ, а не пѣніемъ, и это отразилось на сборахъ... Впрочемъ, онъ сейчасъ спохватился. Вы не повѣрите, какой онъ лукавый, даромъ, что такой ребячливый! Чего онъ только не выдумываетъ, чтобы заманить публику! Вотъ, напримѣръ, придумалъ же онъ выучить меня этимъ французскимъ словамъ... при продажѣ билетовъ. На мужиковъ это такъ дѣйствуетъ, что они ротъ разѣваютъ отъ удивленія! А развѣ не хороша его выдумка насчетъ проѣзда въ Италію? Всѣ мы поемъ проѣздомъ въ Италію, и ни одна изъ насъ дальше Копенгагена въ ту сторону не ѣздила. Что до меня касается, такъ я мечтаю въ будущемъ году отправиться въ Стокгольмъ, чтобы поступить въ консерваторію. Боюсь только, что къ тому времени у меня не останется голоса. Шутка ли пѣть ежедневно, да еще въ разныхъ сырыхъ церквахъ! Ухъ, какъ это мнѣ надоѣло!

— Вы не особенно довольны вашей артистической поѣздкой, повидимому?—сказала пасторша довольно сухо. Ей начинало казаться, что дѣвушка болтала слишкомъ непринужденно и совсѣмъ забывала, что говоритъ съ женой настоятеля прихода...

— Ничего!—безпечно проговорила Розальба и переложила свою сумку подъ лѣвую руку. Сухости въ тонѣ пасторши она и не замѣтила.—Скучновато только и надоѣдливо. Впрочемъ, разъ я повеселилась. Это было въ усадьбѣ одного причетника, гдѣ-то въ Сконіи... забыла уже, какъ называлось село. Такъ вотъ, насъ пригласили переночевать въ домѣ причетника, и вечеръ мы провели

на лугу. Тамъ было четыре дѣвушки, приблизительно, моего возраста, и два мальчика помоложе... Господи, какъ мы веселились! Мы играли въ горѣлки, въ пятнашки, въ мячъ; мы бѣгали, какъ угорѣлые, и оставались на лугу до полуночи. А мой старикъ спалъ себѣ и думалъ, что я тоже давно въ постели... иначе бы онъ помѣшалъ намъ оставаться на росѣ; онъ ужасно боится за мой голосъ. Да, это былъ самый веселый вечеръ во все лѣто.

Между тѣмъ онѣ уже пришли въ пасторатъ и поднимались на крыльцо. Эльса пригласила свою гостью посидѣть на верандѣ, а сама поспѣшила къ мужу. Она уже забыла о мимолетномъ неудовольствіи, вызванномъ въ ней безцеремонностью Розальбы, и думала только о томъ, какъ отнесется ко всему этому Гаральдъ.

Пасторъ, по обыкновенію, задумчиво ходилъ взадъ и впередъ по своей комнатѣ. Онъ думалъ о проповѣди, которую сочинялъ. Когда Эльса вошла, онъ кивнулъ ей и разсѣянно улыбнулся. Такъ онъ всегда принималъ ее по субботамъ... На этотъ разъ однако это не возмутило ее. Наоборотъ, она почувствовала, что опасаться нечего и, вкратцѣ разсказавъ о концертѣ, сообщила, что пригласила къ себѣ переночевать маленькую Розальбу. Въ качествѣ жены настоятеля прихода, она сочла своимъ долгомъ позаботиться о бѣдной дѣвочкѣ...

Гаральдъ все одобрилъ и на все согласился. Онъ прибавилъ, что уже поужиналъ въ восемь часовъ, какъ всегда, не предполагая, что концертъ кончится такъ рано. Теперь онъ предпочелъ бы не выходить изъ своей комнаты и просилъ извиниться передъ гостьей. Такъ же и на слѣдующее утро. Онъ просилъ, чтобы кофе ему прислали въ кабинетъ. Онъ не хотѣлъ разсѣеваться передъ служеніемъ. По первому слову жены онъ обѣщалъ дать почтовыхъ лошадей для переѣзда артистовъ на станцію. Онъ сдѣлаетъ сейчасъ распоряженіе и къ девяти часамъ лошади будутъ у крыльца. Онъ соглашался на все, что угодно, добиваясь только, чтобы его оставили въ покоѣ и не мѣшали обдумывать проповѣдь.

Эльса поцѣловала его и направилась къ дверямъ.

— Кстати,—сказалъ онъ, какъ бы вспомнивъ что-то,—не забудь при случаѣ сказать молодой пѣвицѣ что-нибудь серьёзное, что могло бы пробудить въ ней благочестіе и укрѣпить ее на случай испытанія. Ты понимаешь вѣдь? Умная и доброжелательная женщина всегда находитъ случай заронить хорошую мысль, въ особенности, когда дѣло идетъ о душѣ другой женщины, менѣе твердой на пути къ благу. Лишь одно какое-нибудь слово... Никогда вѣдь не знаешь впередъ, на какую почву упадетъ зерно...

— Милый Гаральдъ, ты всегда такой добрый!—замѣтила Эльса и вышла изъ кабинета.

За ужиномъ Розальба ѣла съ аппетитомъ и потому не находила времени разговаривать. Въ этотъ день она не обѣдала, пояснила она въ видѣ извиненія своей жадности. Послѣ ужина, къ пріятному изумленію пасторши, она тихонько и, какъ бы украдкой, помолилась. Нѣтъ сомнѣнія, что молитва была очень коротка и нѣсколько неряшлива; но, во всякомъ случаѣ, это была молитва, и Эльса тотчасъ же подумала, что съ удовольствіемъ разскажетъ объ этомъ Гаральду. Въ заключеніе дѣвушка попросила, чтобы ее провели въ садъ. Осматривать сады было ея любимымъ удовольствіемъ.

Къ сожалѣнію, садъ былъ крошечный и на его осмотръ не потребовалось много времени. Огородомъ же пѣвица вовсе не интересовалась. Зато отъ ягодныхъ кустовъ, не смотря на то, что ягоды были еще не зрѣлыя, ее трудно было оттащить. Особенно нравилась ей черная смородина. Она съ наслажденіемъ ѣла кислыя ягоды и увѣряла, что это вкуснѣе всего на свѣтѣ.

Но вдругъ она подняла голову и стала прислушиваться.

— Что это за блеянье?—спросила она.—Неужели это баранъ?

— Нѣтъ,—отвѣчала Эльса,—это козелъ. Дѣти арендатора завели козла, который пасется на огороженной лужайкѣ, сейчасъ за этимъ заборомъ.

— И онъ очень злой?

— Козелъ? О нѣтъ! Онъ только очень игривъ. Это еще совсѣмъ молодой козликъ...

— Такъ пойдемте же къ нему!

И прежде, чѣмъ Эльса успѣла что-либо отвѣтить, ея гостья была уже возлѣ изгороди и однимъ прыжкомъ перескочила черезъ нее. Вслѣдъ затѣмъ за заборомъ раздался взрывъ смѣха и маленькія восклицанія Розальбы; она уже возилась съ козломъ. Пасторша сочла своимъ долгомъ послѣдовать за гостьей, но въ качествѣ жены настоятеля прихода не рѣшилась лѣзть черезъ заборъ, а предпочла обойти кругомъ, черезъ калитку.

Когда она вышла на лужайку, мимо нея пронеслась хохочущая Розальба Деа Марина съ развѣвавшимися по вѣтру юбками и распустившейся косой, а за нею козелъ, выкидывавшій на бѣгу изумительнѣйшіе прыжки и лансады.

— Онъ бода... бодается!.. Онъ бода-ается!..—кричала Розальба, задыхаясь отъ хохота.—Смотрите! Онъ бодается!

И она ловко увертывалась отъ нападавшаго козла, оглашая окрестности руладами неудержимаго дѣтскаго хохота.

— Ниссе!—строго позвала Эльса козла.—Не смѣй, Ниссе! Иди сюда, иди сейчасъ сюда, Ниссе!

Ниссе узналъ знакомый голосъ и тотчасъ же повиновался. Онъ рысцой подбѣжалъ къ пасторшѣ и подставилъ ей голову, добиваясь обычной ласки. Но пока Эльса поглаживала его и щекотала за ушами, онъ все еще притопывалъ ногой и быстро повиливалъ короткимъ хвостикомъ. Слишкомъ ужъ онъ разыгрался. Потомъ, когда услышалъ за собой приближеніе незнакомки, онъ внезапно взвился на заднія ноги, красиво изогнулъ голову и, сдѣлавъ прыжокъ въ сторону, такъ сильно боднулъ Розальбу, что она едва устояла на ногахъ. Въ отместку за это она тотчасъ же дернула козла за бороду и снова началась бѣготня черезъ всю лужайку.

— Удержите его! Онъ хочетъ забодать меня!—кричала смѣющаяся дѣвушка. — Держите его! Дер... Ай-ай-ай!.. О, Господи, какъ смѣшно!

Оживленіе начинало сообщаться и пасторшѣ. Она бѣгомъ послѣдовала за воюющими, чтобы удержать козла за рога. Но когда ей удалось, наконецъ, сдѣлать это, Розальба усѣлась на козла верхомъ, тотъ вырвался изъ рукъ пасторши, и наѣздница понеслась впередъ маршъ-маршемъ.

— Прощайте! Мы поскакали въ Сконію! — кричала Розальба въ восторгѣ.

Но вслѣдъ затѣмъ она оказалась уже на землѣ, ея тоненькія ножки въ черныхъ чулкахъ барахтались въ воздухѣ, а Ниссе продолжалъ скакать, очевидно, торжествуя побѣду.

— Не ушиблись ли вы?—вскричала подбѣжавшая Эльса.

— О, нисколько! Но я, кажется, захохочусь до смерти!—простонала та и, вскочивъ на ноги съ упругостью резиноваго мяча, побѣжала за козломъ.

— Хотите, я поймаю и подержу его, а вы сядете? — вскричала она вдругъ. — Теперь ваша очередь! Только надо поймать нашу верховую лошадь...

И она побѣжала дальше, а пасторша послѣдовала за ней, не зная, на что рѣшиться. Ей ужасно хотѣлось тоже прокатиться на козлѣ, но она боялась за свое достоинство... въ качествѣ жены настоятеля прихода... Впрочемъ, кто ее увидитъ здѣсь, на огороженной лужайкѣ?

Поймать козла оказывалось, между тѣмъ, не легкая задача. Онъ носился какъ бѣшеный и не давался въ руки. Въ концѣ концовъ, однако, Розальбѣ удалось схватить его за рога.

— Садитесь! Садитесь скорѣй!—крикнула она пасторшѣ, едва сдерживая разгоряченное животное.

— Ему не снести меня! — замѣтила все еще не рѣшавшаяся Эльса.

— Вздоръ! Вы нисколько не тяжелѣе меня. Садитесь же скорѣе.

Искушеніе было слишкомъ сильное.

И вотъ жена настоятеля прихода оказалась на козлѣ, по-дамски, опустивъ обѣ ноги на одну сторону и крѣпко ухватившись за длинную шерсть Ниссе. Въ то же время Розальба выпустила его и Ниссе понесся впередъ.

Началась манежная ѣзда на козлѣ. Обѣ молодыя женщины скакали поочередно и поочередно падали на землю. Но велика важность! Трава была мягкая, да и падать приходилось не съ большой вышины... Никогда еще Эльса не веселилась такъ, какъ въ этотъ вечеръ! Ѣздить верхомъ ей прежде не приходилось. Ниссе былъ силенъ и несъ свою молодую хозяйку такъ легко, точно на немъ ничего не было. А сзади бѣжала Розальба и обѣ хохотали, какъ помѣшанныя. Въ слѣдующую минуту пасторша летѣла съ козла на землю и Ниссе бодалъ ее, не давая встать. Тогда становилось еще веселѣе и пасторша смѣялась громче прежняго. Она такъ расходилась, что ея голосъ покрывалъ даже голосъ Розальбы.

Однако, надо было и потанцовать съ козломъ, не все же на немъ ѣздить! Это придумала сама жена настоятеля прихода, перещеголявшая даже Розальбу. Заставить козла взвиться на дыбы было не трудно. Затѣмъ Эльса схватила его въ объятія и стала съ нимъ вальсировать, напѣвая какой-то вальсъ. Розальба Дея-Марина каталась тѣмъ временемъ по травѣ и хохотала такъ, что слезы выступили ей на глаза.

— Розальба!—кричала пасторша.—Смотрите же... Онъ обнимаетъ меня!.. Право, обнимаетъ... Ай! теперь онъ наступаетъ мнѣ на мозоль!..

Она выпустила изъ рукъ Ниссе и тотъ убѣжалъ отъ нея въ дальній уголъ огороженной лужайки. Тамъ онъ сталъ въ оборонительную позицію и не безъ смущенія поглядывалъ на своихъ мучительницъ. Вальсъ ему, очевидно, не понравился.

По всѣмъ вѣроятіямъ забава возобновилась бы. Но вдругъ Эльса замѣтила свѣтящуюся точку, мелькавшую на темномъ фонѣ раскрытаго въ пасторской спальнѣ окна. Очевидно, зто была сигара Гаральда! Эльса смутилась, мгновенно перестала смѣяться и начала оправлять на себѣ платье.

— Господи, какъ мы дурачились!—сказала она. — Вы очень веселая барышня...

— А вы не менѣе веселая барыня!—отвѣтила та.—Съ вами ужасно весело. Съ вами бы я живо сдружилась...

Эльса вдругъ вспомнила, что она жена настоятеля прихода, и сдѣлала надъ собой усиліе, чтобы вернуть себѣ подобающую величавость. Но изъ этого ничего ее вышло. Нельзя же было серьезно смотрѣть, какъ Розальба прощалась съ козломъ, обнимала его и громко цѣловала его въ лобъ, желая ему покойной ночи...

Тѣмъ не менѣе, онѣ ушли домой, а немного позже пасторша почти церемонно пожелала своей гостьѣ покойнаго сна.

На слѣдующе утро, ровно въ восемь часовъ, появился въ пасторатѣ Софроній Гальворзенъ. Принявшая его на верандѣ пасторша была въ воскресномъ платьѣ и держала себя съ достоинствомъ; Розальба Деа Марина еще не выходила.

Начался церемонный разговоръ, причемъ датскій композиторъ разсказалъ, что въ одномъ изъ ближайшихъ хуторовъ ему удалось найти отличную комнату за сравнительно умѣренную цѣну, и что онъ переночевалъ съ комфортомъ. Если онъ говорилъ правду, то становилось непонятнымъ, почему въ волосахъ и кое-гдѣ по швамъ сюртука у него засѣла сѣнная труха. Было бы правдоподобнѣе, если бы онъ разсказалъ, что ночевалъ на лугу, подъ копной сѣна...

Онъ держалъ себя очень чопорно; но въ его блѣдномъ, небритомъ лицѣ было выраженіе какого-то нетерпѣливаго ожиданія, и когда онъ думалъ, что на него не смотрятъ, онъ вытягивалъ шею и съ жадностью поглядывалъ въ сторону столовой, изъ которой доносился запахъ кофе и чего-то жаренаго. Наконецъ, появилась Розальба. Оказалось, что она была занята починкой своего платья, побывавшаго въ слишкомъ близкомъ соприкосновеніи съ рогами Ниссе, и потому опоздала.

Напряженное выраженіе въ лицѣ артиста исчезло, когда пасторша пригласила своихъ гостей къ завтраку. И аппетитъ же оказался у старика! Боже правый, такого аппетита не было даже наканунѣ у Розальбы. Вокругъ него тарелки съ закусками, и корзинка съ хлѣбомъ, и сухарница—все пустѣло съ невѣроятной быстротой. Чтобы отвлечь вниманіе, между проглатываемыми кусками онъ говорилъ о безсмертномъ Моцартѣ и о тайнахъ контрапункта; но больше всего онъ говорилъ о своей гитарѣ, необыкновенномъ шедеврѣ великаго итальянскаго мастера прошлаго столѣтія, помѣченной «Tommaso Rossa, Cremona 1791». По словамъ

господина Гальворзена, за эту гитару ему предлагали двѣ тысячи кронъ. Но онъ не намѣренъ разстаться съ нею и не отдастъ ее за цѣлое королевство. Онъ возьметъ гитару съ собой въ могилу!

Поданы были почтовыя лошади и, такъ какъ было болѣе девяти часовъ, артисты заторопились. Черезъ минуту они сидѣли уже въ повозкѣ и выѣхали со двора, не замѣтивъ корзинки съ провизіей, которую заботливая хозяйка приказала поставить подъ сидѣніе и передать имъ на станціи.

Молодая пасторша осталась на крыльцѣ и взглядомъ провожала удалявшуюся повозку. Ей становилось ужасно грустно при мысли о томъ, что ожидало впереди этого старика и этого ребенка. Въ особенности ей жаль было Розальбы, которая промелькнула въ ея жизни, какъ лучъ солнечнаго свѣта, какъ взрывъ дѣтскаго смѣха среди однообразія повседневной серьезности.

Эльса вздохнула и направилась въ кабинетъ мужа, чтобы спросить его, не пора ли собираться въ церковь. Вдругъ она остановилась, какъ вкопанная. Она вспомнила, что не исполнила порученія мужа. Сказать дѣвушкѣ хорошее, ободрительное слово, заронить въ ея душу благочестивую мысль... Объ этомъ она совсѣмъ позабыла вчера, когда возилась съ козломъ.

Она поникла головой и стояла сконфуженная и красная. Но вдругъ она подняла голову. Нѣтъ, она не раскаявалась въ своемъ вчерашнемъ увлеченіи! Славно было хоть на минутку сбросить съ себя достоинство жены настоятеля прихода, и, по совѣсти говоря, вчерашній вечеръ былъ самый веселый изъ всѣхъ, всѣхъ ея вечеровъ со времени замужества! Нѣтъ, она не раскаявалась!

Пер. съ шведскаго **В. Фирсовъ.**

РАБОЧІЕ КЛУБЫ ВЪ АНГЛІИ.

T. S. Peppin — Club-Land of the Toiler. London, 1895.

I.

Маленькая книжечка Пеппина затрогиваетъ въ высшей степени важный и животрепещущій вопросъ — какъ проводятъ свободное время фабричные рабочіе, чѣмъ они наполняютъ свой досугъ. Пеппинъ подробно описываетъ одно изъ учрежденій, поставившихъ себѣ задачей помочь рабочимъ съ пользою и удовольствіемъ проводить свои свободные часы — такъ называемый «Союзъ рабочихъ клубовъ и учрежденій». Рабочіе клубы представляютъ чисто народныя учрежденія, устраиваемыя самими рабочими для себя. Изъ дальнѣйшаго читатель увидитъ, что, хотя толчекъ къ возникновенію рабочихъ клубовъ былъ данъ частной благотворительностью, они начали процвѣтать только, когда сдѣлались совершенно независимыми отъ нея.

Начало рабочихъ клубовъ относится къ 1862 г. Въ этомъ году былъ основанъ «Союзъ рабочихъ клубовъ и учрежденій» (Working Men Club and Institute Union), поставившій себѣ цѣлью содѣйствовать рабочимъ при устройствѣ клубовъ и обществъ, гдѣ они могутъ встрѣчаться для разговоровъ, дѣловыхъ сношеній и умственныхъ занятій, гдѣ они будутъ пользоваться различными развлеченіями, могущими отвлечь ихъ отъ кабаковъ. Клубы эти въ то же время могутъ быть обществами взаимопомощи. Первымъ предсѣдателемъ Союза былъ лордъ Броугэмъ, и въ составъ совѣта входили пэры, лорды, представители высшаго духовенства — вообще, по преимуществу лица высокопоставленныя и далекія отъ народа. Дѣятельность Союза должна была выражаться въ помощи возникавшимъ клубамъ: книгами, инструментами, иногда и денежными займами. Клубы, входившіе въ составъ Союза, находились подъ непосредственнымъ наблюденіемъ его членовъ, которые должны были посѣщать ихъ и слѣдить за ходомъ дѣлъ.

Таковы были задачи новообразовавшагося общества. Въ первый же годъ члены его издали нѣсколько брошюръ, разъясняющихъ значеніе рабочихъ клубовъ, и устраивали митинги въ Лондонѣ и въ провинціи для пропаганды своихъ взглядовъ. За этотъ первый годъ имъ удалось основать 22 рабочихъ клуба и нѣсколько уже существовавшихъ раньше присоединились къ Союзу. Слѣдующіе годы продолжалась та же работа, но результаты были не такъ блестящи, какъ ожидали организаторы Союза. Рабочіе клубы привились въ Англіи и число ихъ возрастало съ каждымъ годомъ, такъ что уже въ 1873 г., т. е. черезъ 10 лѣтъ послѣ основанія Союза, число ихъ превышало 500, но главная цѣль Союза, заключающаяся въ объединеніи всѣхъ этихъ клубовъ и руководительствѣ ими, не была достигнута: связь между отдѣльными клубами и Союзомъ была очень слаба, большинство изъ нихъ сторонилось Союза, даже не присылало центральному учрежденію никакихъ отчетовъ; денежные взносы поступали плохо, и Союзъ все время долженъ былъ прибѣгать къ частнымъ пожертвованіямъ, чтобы покрывать свои убытки. Въ 1873 г., напр., королева Викторія пожертвовала Союзу 50 фун. стерл., а герцогъ Бедфордскій—100 фун., и только благодаря этому имъ удалось свести концы съ концами. Однимъ словомъ, развитіе рабочихъ клубовъ совершалось само по себѣ, независимо отъ Союза, и благотворители, стоявшіе во главѣ его, чувствовали, что они все болѣе и болѣе теряютъ почву. Такъ шло дѣло до 1884 г., который былъ знаменательнымъ годомъ въ исторіи клубовъ. Въ этомъ году былъ измѣненъ уставъ Союза, и въ управленіе его дѣлами было введено новое начало — начало представительства. Въ составъ совѣта входили уже не только люди, сдѣлавшіе денежныя пожертвованія въ пользу Союза, но и представители рабочихъ клубовъ, объединенныхъ Союзомъ. Въ отчетѣ послѣдняго за данный годъ это измѣненіе устава мотивируется слѣдующимъ образомъ: «...Опытъ предшествовавшихъ лѣтъ показалъ, что дѣятельность Союза покоится на невѣрныхъ основаніяхъ. До тѣхъ поръ, пока задача заключалась въ томъ, чтобы основывать клубы, онъ выполнялъ эту задачу съ большимъ успѣхомъ; но теперь, когда толчокъ извнѣ уже данъ, и Союзъ долженъ только объединять и контролировать уже существующіе многочисленные клубы, то очевидно, что его уставъ долженъ быть нѣсколько видоизмѣненъ. Въ своемъ прежнемъ видѣ онъ носилъ печать покровительства и благотворительности—этой язвы, отъ которой погибало столько обществъ, задававшихся самыми благими намѣреніями. Союзъ направлялъ всѣ свои усилія къ созданію самостоятельныхъ клубовъ, которые

должны были существовать на свои средства; и то, что эти клубы не принимали никакого участія въ управленіи дѣлами большого клуба, или Союза, въ составъ котораго они входили, было аномаліей, которая не могла долго продолжаться. Теперь это измѣненіе сдѣлано, и Союзъ является представительнымъ учрежденіемъ... Такъ какъ наше общество является союзомъ лицъ, вѣрящихъ въ значеніе рабочихъ клубовъ, то оно, естественно, состоитъ, главнымъ образомъ, изъ рабочихъ, чувствующихъ потребность въ такихъ учрежденіяхъ; но, кромѣ того, въ составъ его входятъ многіе, которые, не будучи сами «рабочими» въ общепринятомъ смыслѣ слова, тѣмъ не менѣе, понимаютъ желательность и необходимость рабочихъ клубовъ. Обѣ эти категоріи лицъ должны имѣть своихъ представителей въ Союзѣ. Настоящее измѣненіе устава слѣдующимъ образомъ распредѣляетъ ихъ голоса: рабочіе клубы посылаютъ въ совѣтъ Союза 56 избранныхъ представителей, а посторонніе члены, дѣлающіе ежегодные взносы въ пользу Союза — 24 представителей. Такимъ образомъ, лица, дѣлающія денежные взносы, также являются членами Союза и прилагаютъ свой трудъ самымъ лучшимъ и плодотворнымъ образомъ—работая *вмѣстѣ* съ тѣми, которымъ они желаютъ помочь, а не только *для* нихъ».

Результатъ этого измѣненія устава блестяще доказалъ его цѣлесообразность. Прежде всего, онъ вполнѣ обезпечилъ экономическую независимость Союза. До сихъ поръ, какъ мы видѣли, дѣла его шли довольно плохо, клубы неаккуратно вносили требуемую отъ нихъ сумму, и для покрытія дефицита требовались экстренныя, случайныя пожертвованія. Но, начиная съ 1884 г., т. е. со времени «демократизаціи устава», денежные взносы клубовъ постоянно возростаютъ. Въ 1883 г., напр., общая сумма взносовъ, дѣлаемыхъ всѣми клубами, входящимя въ составъ Союза, равнялась всего 329 ф.; въ 1889 г., т. е. черезъ 5 лѣтъ послѣ измѣненія устава, она уже увеличилась болѣе чѣмъ вдвое, и равнялась 877 ф. Въ 1883 г. Союзъ имѣлъ въ концѣ года дефицитъ въ 80 ф. Въ слѣдующемъ году, при новомъ уставѣ, дѣла пошли настолько лучше, что уже въ концѣ года получился избытокъ въ 42 ф., а черезъ 10 лѣтъ, въ 1893 г. этотъ годовой избытокъ составлялъ уже крупную сумму въ 1.273 ф. При этомъ характерно, что финансовое процвѣтаніе Союза шло рука объ руку съ уменьшеніемъ всякихъ пожертвованій извнѣ. Въ прежніе годы пожертвованія составляли почти половину всѣхъ доходовъ Союза; теперь же сумма пожертвованій настолько уменьшилась, что она не играетъ никакой роли въ финансовыхъ операціяхъ

Союза. Въ 1893 г., напр., когда чистый доходъ Союза, за покрытіемъ всѣхъ расходовъ, равнялся 1.273 ф., пожертвованій было сдѣлано всего на ничтожную сумму—175 ф.

Таково было вліяніе демократизаціи устава на финансовое положеніе Союза. Маленькое благотворительное общество, еле сводящее концы съ концами, развилось въ крупное общественное учрежденіе, существующее на свои собственныя средства и располагающее ежегодно тысячами фунтовъ стерлинговъ. Но еще гораздо важнѣе были другого рода результаты, достигнутые этой перемѣной. Съ тѣхъ поръ, какъ управленіе дѣлами Союза перешло въ руки представителей рабочихъ клубовъ, нравственное значеніе самого Союза возросло въ огромной степени. Въ настоящее время, т. е. болѣе чѣмъ черезъ 30 лѣтъ послѣ основанія Союза, онъ служитъ объединяющимъ звеномъ для многихъ сотенъ рабочихъ клубовъ, раскинутыхъ по всей Англіи и насчитывающихъ болѣе 34.000 членовъ. Каждый, вновь возникающій рабочій клубъ прежде всего добивается чести принадлежать къ Союзу. И дѣйствительно, при настоящемъ положеніи вещей, принадлежность къ Союзу представляетъ большія выгоды для каждаго клуба. Самый фактъ его присоединенія къ Союзу дѣлаетъ его членомъ могущественной общественной организаціи и даетъ ему возможность общенія со всѣми подобными учрежденіями.

Дѣятельность «Союза рабочихъ клубовъ и учрежденій» заключается въ слѣдующемъ: онъ является своего рода справочнымъ учрежденіемъ, гдѣ всѣ могутъ получать нужныя указанія относительно того, какъ устраивать клубы и какъ управлять клубными дѣлами. Союзъ располагаетъ библіотекой въ 4.000 томовъ, которыми могутъ пользоваться всѣ его члены. Онъ устраиваетъ состязанія и выдаетъ призы по всевозможнымъ видамъ спорта: атлетической борьбы, плаванія, крикета, билліарда, гонки на лодкахъ и пр. Онъ дѣлаетъ испытанія и выдаетъ награды за сочиненія по исторіи, политической экономіи и соціальнымъ вопросамъ, устраиваетъ по субботамъ еженедѣльныя экскурсіи для обозрѣнія достопримѣчательностей Лондона и его окрестностей, снабжаетъ клубы волшебными фонарями, картами, глобусами и другими принадлежностями для публичныхъ лекцій; находясь въ сношеніяхъ съ «рабочимъ колледжемъ» (Working Men's College), онъ помогаетъ клубамъ находить подходящихъ лекторовъ и сговаривается съ ними относительно цѣны; устраиваетъ конкурсы и выдаетъ стипендіи для поступленія въ различныя учебныя учрежденія; издаетъ ежемѣсячный журналъ, посвященный рабочимъ клубамъ и пр. Такова разнообразная дѣятельность

Союза. Но главное значеніе его заключается въ томъ, что онъ служитъ объединяющимъ центромъ для всѣхъ англійскихъ рабочихъ клубовъ, является однимъ изъ учрежденій, пріучающихъ рабочихъ къ совмѣстной, корпоративной дѣятельности, къ корпоративной организаціи.

Въ 1893 г. «Союзъ рабочихъ клубовъ» осуществилъ, наконецъ, давнишнюю завѣтную мечту своихъ членовъ—черезъ 30 лѣтъ послѣ своего основанія онъ пріобрѣлъ собственный домъ, прекрасно приспособленный для потребностей такого обширнаго учрежденія. Въ просторныхъ залахъ новаго помѣщенія на Clerkenwell Road представители различныхъ клубовъ встрѣчаются съ представителями другихъ учрежденій, направленныхъ къ поднятію рабочаго класса. Члены парламента, руководители рабочихъ союзовъ, разные соціальные реформаторы приходятъ на митинги, устраиваемые Союзомъ.

По словамъ м-ра Пратта, президента Союза, много лѣтъ потрудившагося на этомъ поприщѣ и оказавшаго дѣлу рабочихъ огромныя услуги, «Союзъ рабочихъ клубовъ» представляетъ въ настоящее время центръ, откуда распространяются знанія по всѣмъ вопросамъ, касающимся рабочаго населенія. Помѣщеніе Союза является трибуной, съ которой могутъ высказываться люди самыхъ противоположныхъ взглядовъ, сходиться на общей почвѣ и стараться понять другъ друга. Одна изъ главныхъ особенностей и одно изъ достоинствъ Союза заключается въ томъ, что онъ не принадлежитъ ни къ какой партіи.

II.

Въ чемъ же заключается образовательная дѣятельность рабочихъ клубовъ? Въ политическихъ клубахъ, въ которыхъ вообще этой сторонѣ придается больше значенія, еженедѣльно устраиваются публичныя лекціи на самыя разнообразныя темы, главнымъ образомъ, касающіяся вопросовъ текущей соціальной и экономической жизни. Иногда такія лекціи устраиваются по 2 раза въ недѣлю—по воскресеньямъ утромъ, и вечеромъ въ одинъ изъ будничъ дней. Посѣщаются такія лекціи весьма различно, въ зависимости отъ состава членовъ даннаго клуба, отъ интереса, представляемаго темой, отъ репутаціи лектора, отъ разныхъ случайныхъ причинъ. По словамъ Пеппина, здѣсь очень трудно установить среднюю цифру, потому что численность аудиторіи колеблется между 15 и 200. На лекціи съ волшебнымъ фонаремъ иногда собирается даже болѣе 200 человѣкъ.

Кромѣ отдѣльныхъ лекцій, многіе клубы устраиваютъ для своихъ членовъ законченные курсы по разнымъ предметамъ, причемъ по окончаніи курса выдаются особыя свидѣтельства. Пеппинъ, къ сожалѣнію, не сообщаетъ, какого рода предметы преподаются на этихъ курсахъ, и упоминаетъ только о бухгалтеріи и французскомъ языкѣ.

Однимъ изъ наиболѣе важныхъ образовательныхъ средствъ въ клубахъ является клубная библіотека. Болѣе или менѣе обширныя библіотеки существуютъ почти во всѣхъ клубахъ; тѣ же клубы, которые не имѣютъ своей библіотеки, получаютъ книги изъ богатой библіотеки Союза. Въ среднемъ, каждый политическій клубъ имѣетъ библіотеку въ 422 тома; въ такъ называемыхъ «соціальныхъ» клубахъ, въ которыхъ вообще образовательная дѣятельность стоитъ на второмъ планѣ, библіотеки какъ это ни странно, почти вдвое богаче: тамъ на каждый клубъ въ среднемъ приходится библіотека въ 860 томовъ. Больше всего читается, конечно, беллетристика. Любимыми авторами рабочихъ, по словамъ Пеппина, являются Диккенсъ, Джорджъ Эліотъ и Кингслей. Вообще же библіотекой пользуются только наиболѣе развитые и интеллигентные рабочіе; большинство клубныхъ посѣтителей довольствуются газетой и не требуютъ иной духовной пищи.

Обширная библіотека «Союза рабочихъ клубовъ» предназначается, главнымъ образомъ, для провинціи, куда разсылаются летучія библіотечки. Въ Лондонѣ, гдѣ изобилуютъ всяческія образовательныя учрежденія, даровыя читальни и библіотеки, рабочій, при желаніи, всегда можетъ достать себѣ ту или иную книгу. Иначе обстоитъ дѣло въ провинціи, гдѣ книги далеко не такъ доступны. Изъ отчетовъ Союза видно, что онъ разсылаетъ въ годъ по провинціальнымъ клубамъ около 150 ящиковъ съ книгами, причемъ каждый ящикъ содержитъ въ себѣ 34 тома. Считая, что каждый томъ читается, въ среднемъ, 2 раза, мы получимъ, что эти библіотечки доставили чтеніе болѣе чѣмъ 10.000 человѣкамъ.

Въ 1892 г. при «Союзѣ рабочихъ клубовъ» образовалось «Общество для обсужденія экономическихъ вопросовъ», которое собирается въ новомъ зданіи Союза для систематическаго обсужденія экономическихъ и соціальныхъ вопросовъ. Вопросы эти трактуются съ самыхъ различныхъ точекъ зрѣнія, такъ какъ въ составъ Союза входятъ клубы различныхъ направленій: радикалы здѣсь встрѣчаются съ консерваторами, сторонники церкви — съ свободомыслящими.

Говоря объ образовательной дѣятельности рабочихъ клубовъ,

слѣдуетъ упомянуть также о петиціи, поданной «Союзомъ рабочихъ клубовъ» совмѣстно съ «Ассоціаціей вечернихъ классовъ для рабочихъ» въ Лондонскій школьный совѣтъ (London School Board).

Въ петиціи этой высказываются, между прочимъ, слѣдующія пожеланія:

«Чтобы всѣ вечерніе классы для рабочихъ были безплатными».

«Чтобы рабочіе принимали непосредственное участіе въ управленіи этими классами, чтобы имъ поручались извѣстныя обязанности (напр., посѣщать отсутствующихъ учениковъ и узнавать причины ихъ пропусковъ, назначать темы для лекцій и пр.), какъ это дѣлается инспекторами изъ рабочихъ въ Ноттингэмскомъ школьномъ совѣтѣ».

Результатомъ этой петиціи было то, что Лондонскій школьный совѣтъ назначилъ 13 членовъ рабочихъ клубовъ школьными инспекторами (school-managers).

Рабочіе клубы не упускаютъ также изъ виду эстетическія потребности своихъ членовъ. Въ клубныхъ библіотекахъ всегда находятся изданія поэтовъ, но, какъ общее правило, эти книжки чаще украшаютъ собою полки, чѣмъ находятся въ употребленіи. Вообще говоря, стихи читаются довольно мало. Но зато литературные вечера, на которыхъ тѣ же стихи декламируются съ эстрады, имѣютъ большой успѣхъ. Хорошая декламація всегда увлекаетъ слушателей. Пеппинъ описываетъ, какое впечатлѣніе произвело въ одномъ рабочемъ клубѣ чтеніе извѣстной баллады Теннисона «Месть» (Revenge), въ которой звучными стихами описываются геройскіе подвиги англійскихъ моряковъ временъ королевы Елизаветы. Рабочіе слушали съ напряженнымъ вниманіемъ; нѣкоторыя строфы, производившія особенное впечатлѣніе, вызывали бурные апплодисменты, прерывавшіе чтеніе. По окончаніи стихотворенія чтецу была устроена настоящая овація. Эти отзвуки далекой старины, не имѣющіе ничего общаго съ практическими вопросами, съ ежедневными заботами и мелочами жизни, очевидно подѣйствовали на воображеніе слушателей и затронули въ нихъ поэтическую струну. Такихъ примѣровъ, по словамъ Пеппина, можно было бы привести множество. Такъ, напр., величавая, серьезная музыка Генделя, которая кажется скучной многимъ образованнымъ людямъ, имѣетъ огромный успѣхъ въ рабочей публикѣ.

III.

Какъ мы уже видѣли, многіе рабочіе клубы устраиваютъ для своихъ членовъ публичныя лекціи, вечерніе классы и пр.,—эта

образовательная дѣятельность въ большинствѣ случаевъ играетъ лишь второстепенную роль, и главная задача рабочихъ клубовъ, какъ и всякихъ другихъ клубовъ, заключается въ томъ, чтобы дать своимъ членамъ возможность пріятно проводить свободное время. До устройства клубовъ единственнымъ мѣстомъ, гдѣ рабочій могъ проводить свободное время, былъ кабакъ. Теперь, вмѣсто кабака, онъ ходитъ въ клубъ, гдѣ видится съ товарищами, играетъ на биллiардѣ, въ шахматы и пр., и можетъ, при желаніи также почитать газету, получить книжку, послушать музыку. Любопытно, что въ деревняхъ устройство клубовъ чрезвычайно затруднительно, потому что фермеры всѣми силами противятся ему: они боятся, что если ихъ рабочіе сдѣлаются членами какого-нибудь клуба, они начнутъ читать, разсуждать и критиковать, и въ нихъ проснется желаніе улучшить свое положеніе. И несомнѣнно, со своей точки зрѣнія фермеры правы: не смотря на то, что рабочіе приходятъ въ клубъ просто отдохнуть и повеселиться, они всегда имѣютъ тамъ возможность нѣсколько расширить свой горизонтъ и пріобрѣсти новыя познанія.

Въ 60-хъ годахъ, когда рабочіе клубы только еще начинали распространяться въ Англіи, ими хотѣли воспользоваться, чтобы отучить рабочихъ отъ спиртныхъ напитковъ. Союзъ рабочихъ клубовъ запрещалъ продажу вина въ клубахъ. Но эта попытка оказалась неудачной: рабочіе не имѣли ни малѣйшаго желанія дѣлаться членами обществъ трезвости и не присоединялись къ такимъ клубамъ, или же въ скоромъ времени бросали ихъ, когда интересъ новизны былъ исчерпанъ. Поэтому, уже въ 1871 г. эту мысль пришлось оставить и разрѣшить продажу вина въ клубахъ. Но, разрѣшая въ своихъ стѣнахъ умѣренное потребленіе вина и пива, каждый клубъ зорко слѣдитъ за тѣмъ, чтобы не было пьянства. Для этого принимаются всевозможныя мѣры: рабочіе, которые позволяютъ себѣ выпить лишнее, тотчасъ же исключаются изъ членовъ клуба, а тотъ клубъ, въ которомъ произошла какая-нибудь попойка, перестаетъ числиться членомъ «Союза рабочихъ клубовъ», что считается самымъ большимъ позоромъ. Конечно, и здѣсь случаются злоупотребленія, но въ общемъ можно сказать, что рабочіе въ клубахъ пьютъ сравнительно немного. Изъ отчетовъ видно, что въ лондонскихъ «политическихъ» клубахъ каждый членъ въ недѣлю тратитъ, въ среднемъ, 1 шил. 4 п. (около 50 к.) на спиртные напитки, а въ провинціальныхъ клубахъ—всего 8 пенсовъ (около 25 к.) въ недѣлю. Уже однѣ эти цифры показываютъ, какъ нелѣпы обвиненія, которыя часто поднимаются въ Англіи противъ рабочихъ клубовъ,—обвиненія въ томъ,

что въ нихъ рабочихъ спаиваютъ такъ же, какъ въ кабакахъ. Наоборотъ, администрація клубовъ прилагаетъ всѣ старанія, чтобы члены его не предавались излишествамъ и не портили репутаціи клуба.

Какія же развлеченія получаетъ рабочій въ стѣнахъ своего клуба? Въ каждомъ клубѣ есть прежде всего биллiардъ, карточный столъ и бирюльки, но игра вездѣ ведется безъ денегъ. Въ нѣкоторыхъ клубахъ устраиваются также гимнастическія упражненія, гонки на лодкахъ, партіи крикета. Всѣ подобныя упражненія очень полезны для рабочихъ, проводящихъ столько времени за машинами въ душныхъ фабричныхъ помѣщеніяхъ. Кромѣ того, разъ въ недѣлю въ клубахъ устраиваются музыкально-драматическіе вечера, куда рабочіе могутъ приводить своихъ женъ и дѣтей. «Союзъ рабочихъ клубовъ» устраиваетъ для всѣхъ желающихъ членовъ еженедѣльныя «субботнія экскурсіи» по Лондону и его окрестностямъ, для обозрѣнія достопримѣчательностей. Онъ организуетъ также и болѣе далекія экскурсіи, напр., въ Антверпенъ и другіе города на континентѣ.

Наилучшее понятіе о томъ, какъ проводятъ время въ рабочихъ клубахъ, можетъ дать одна небольшая глава въ книгѣ Перріп'а озаглавленная: «Посѣщеніе рабочаго клуба».

«— Я пришелъ въ клубъ съ однимъ изъ моихъ друзей,—говоритъ Пеппинъ,—и просилъ секретаря, м-ра Джонса, показать ему всѣ достопримѣчательности. Какъ членъ «Союза рабочихъ клубовъ», я лично имѣю право входить во всякій клубъ, но вводить друзей я могу только въ тотъ клубъ, въ которомъ самъ состою членомъ. Но мнѣ хотѣлось показать своему другу именно этотъ клубъ, потому что онъ считается однимъ изъ самыхъ благоустроенныхъ. Поэтому, мнѣ потребовалось особое разрѣшеніе секретаря.

«Мы прошли буфетъ и читальню, и очутились въ библіотекѣ, гдѣ нашли м-ра Джонса, погруженнаго въ счеты. Должность секретаря въ большомъ клубѣ съ 700 членами отнюдь не является синекурой и требуетъ усиленнаго труда.

«М-ръ Джонсъ принялъ насъ очень любезно, но попросилъ подождать, пока кончитъ считать.

«Ждать пришлось не долго. Пальцы м-ра Джонса быстро забѣгали по счетамъ съ удивительной легкостью и вскорѣ вычисленія были кончены.

«Мы начали свой осмотръ съ библіотеки. Это—большая комната, содержимая въ образцовомъ порядкѣ. На полкахъ, за стеклянными дверцами, запертыми на ключъ, стоятъ 800 томовъ.

М-ръ Джонсъ объясняетъ моему другу, что зданіе его клуба является однимъ изъ немногихъ, которыя были выстроены спеціально для этой цѣли. Большинство рабочихъ клубовъ помѣщается въ обыкновенныхъ домахъ, часто въ прежнихъ магазинахъ. Этотъ же домъ является собственностью акціонеровъ, большинство которыхъ состоятъ въ то же время членами клуба. Поэтому, устройство его гораздо удобнѣе и болѣе приспособлено къ своимъ спеціальнымъ цѣлямъ, чѣмъ въ большинствѣ другихъ клубовъ. Въ первомъ этажѣ помѣщается библіотека, читальня, буфетъ и умывальная комната. Библіотека и читальня раздѣлены, тогда какъ во многихъ клубахъ онѣ помѣщаются въ одной комнатѣ. Буфетъ находится въ большой и хорошо вентилированной залѣ.

«Изъ перваго этажа мы спустились въ подвальный этажъ, гдѣ, впрочемъ, нечего было осматривать, кромѣ большихъ запасовъ каменнаго угля и кегельбана. Мы вернулись наверхъ и черезъ буфетъ прошли во второй этажъ. М-ръ Джонсъ провелъ насъ въ залу, куда уже начала собираться публика для вечерняго представленія. Зала большая, хорошо освѣщенная и хорошо вентилированная. Въ ней можетъ помѣститься около 500 человѣкъ. За сценой устроена водокачалка на случай пожара.

«Представленіе имѣло обычный характеръ такого рода увеселеній. На сценѣ сначала появился молодой человѣкъ въ бѣлой фланелевой фуфайкѣ съ пестрымъ кушакомъ. Публика привѣтствовала его бурными рукоплесканіями. Онъ началъ пѣть безконечные куплеты, въ которыхъ описывались различныя столкновенія съ полиціей. Мы не дождались конца пѣсни и отправились продолжать осмотръ. Весь третій этажъ занятъ билліардной. Тамъ стоятъ 4 билліарда. Мы застали ихъ всѣ занятыми. Надъ каминомъ красуется большое стѣнное зеркало—трофей, выигранный клубомъ на одномъ изъ билліардныхъ состязаній.

«Но это еще не все. Мы опять поднимаемся по лѣстницѣ и выходимъ на плоскую крышу клуба, откуда открывается широкій видъ на сіяющій огнями Лондонъ. Эта терраса представляетъ нововведеніе, которымъ м-ръ Джонсъ очень гордится. Клубъ стоитъ на высокомъ мѣстѣ и крыша его находится на одномъ уровнѣ съ большими фабричными трубами, чернѣющими кругомъ. Въ лѣтніе мѣсяцы эта терраса служитъ любимымъ сборнымъ пунктомъ для членовъ клуба.

«Осмотрѣвши все, мы возвращаемся въ ресторанъ и спрашиваемъ по стакану пива. Члены клуба ие платятъ денегъ въ буфетѣ. Здѣсь примѣняется слѣдующая система: въ одномъ изъ угловъ комнаты стоитъ небольшая конторка, въ которой продаются

билеты. Здѣсь вы, при входѣ, платите деньги и получаете билетъ, на которомъ обозначена внесенная вами сумма. Вы отдаете билетикъ въ буфетѣ и получаете, что потребуете. Многіе клубы придерживаются этой системы. Она является однимъ изъ многихъ средствъ, придумываемыхъ клубами для того, чтобы внести порядокъ и контроль въ ту область, гдѣ они наиболѣе нужны.

«За буфетомъ продаетъ женщина, что то же случается очень часто въ клубахъ. Женщина-буфетчица имѣетъ большія преимущества: самый буфетъ содержится гораздо чище; кромѣ того, присутствіе женщинъ хорошо вліяетъ на рабочихъ. Они понимаютъ, что имъ дѣлаютъ извѣстное испытаніе, и дѣйствительно, становятся тише и ведутъ себя сдержаннѣе. Мнѣ ни разу не приходилось слышать, чтобы такого рода нововведеніе оказывалось неудачнымъ».

Вотъ какую картину представляетъ средній лондонскій рабочій клубъ. Мы видимъ, что клубы англійскихъ рабочихъ, въ сущности, мало чѣмъ отличаются отъ тѣхъ клубовъ, въ которыхъ проводятъ свободное время ихъ болѣе состоятельные соотечественники. Казалось бы, трудно имѣть что-нибудь противъ такихъ невинныхъ учрежденій, дающихъ рабочимъ возможность пріятно проводить часы досуга и пріучающихъ ихъ къ приличному («decent) обращенію. Но тѣмъ не менѣе, рабочіе клубы въ Англіи имѣютъ много противниковъ. Многіе добродѣтельные граждане возстаютъ противъ нихъ, утверждая, что они только приносятъ вредъ и отучаютъ рабочихъ отъ семейной жизни. Пеппинъ горячо возстаетъ противъ такихъ обвиненій. «Почему,—говоритъ онъ,—никому не приходитъ въ голову требовать, чтобы чиновникъ, докторъ, банкиръ и другіе, возвращаясь вечеромъ со службы, проводили все свое свободное время въ семейномъ кругу, и только отъ однихъ рабочихъ требуются какія-то сверхъестественныя семейныя добродѣтели?» Не слѣдуетъ забывать, что семейный очагъ рабочаго обыкновенно очень далекъ отъ идеала; маленькая квартирка въ 2 комнаты часто вмѣщаетъ въ себѣ семью въ 8—9 человѣкъ. Естественно, что рабочій стремится проводить вечера внѣ дома, хотя бы уже ради того, чтобы не обременять собою и безъ того уже переполненную квартирку. Раньше ему не было другого выхода, какъ идти въ кабакъ. Теперь онъ можетъ идти въ свой клубъ. Клубъ, съ своей стороны, также заботится о томъ, чтобы поддерживать семейныя связи своихъ членовъ: на еженедѣльныя представленія и музыкальные вечера рабочіе имѣютъ право приводить своихъ женъ, и это является главнымъ условіемъ успѣха такихъ вечеровъ. Празднества «безъ дамъ» почти никогда не

удаются; получая увѣдомленіе о какомъ-нибудь предстоящемъ клубномъ развлеченіи, рабочій прежде всего спрашиваетъ: «будутъ ли допускаться дамы?» На публичныя лекціи жены рабочихъ также имѣютъ доступъ; онѣ пользуются книгами изъ клубной библіотеки, и, такимъ образомъ, до нѣкоторой степени пріобщаются къ духовнымъ интересамъ своихъ мужей. Огромный успѣхъ имѣютъ также рождественскія ёлки, устраиваемыя клубами для семейныхъ членовъ. Сотни дѣтей наполняютъ тогда все помѣщеніе клуба, разукрашенное, по англійскому обычаю, омелой, получаютъ угощеніе, подарки и веселятся цѣлый вечеръ.

IV.

Какое же мѣсто занимаютъ рабочіе клубы въ ряду другихъ рабочихъ организацій? Каково ихъ общественное значеніе? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ можетъ служить рѣчь президента «Союза рабочихъ клубовъ», м-ра Пратта, о которомъ мы уже упоминали выше, сказанная имъ на годовомъ собраніи Союза 2 сентября 1894 года. М-ръ Праттъ говоритъ, между прочимъ, слѣдующее: «...Въ то время, какъ политическія лиги, рабочіе союзы и кооперативныя общества образуются для извѣстной опредѣленной дѣятельности, клубы въ значительной степени были образованы для того, чтобы воспитать людей ко всѣмъ этимъ дѣятельностямъ, также какъ и къ общимъ обязанностямъ гражданина. Вы видите, что я употребляю слово воспитаніе въ очень широкомъ смыслѣ... Въ клубѣ рабочій проводитъ свободное время, и именно въ это время онъ имѣетъ возможность составить себѣ извѣстныя мнѣнія, пріобрѣсти тѣ или иные взгляды, которые накладываютъ отпечатокъ на всю его жизнь. До тѣхъ поръ, пока рабочій проводилъ свободные часы въ кабакѣ, онъ былъ окруженъ вредными вліяніями, которыя мѣшали его умственному и нравственному воспитанію... Теперь же я вѣрю въ то, что многія тысячи людей, бывшіе членами нашихъ клубовъ въ теченіе послѣднихъ 30 лѣтъ, сдѣлались вслѣдствіе этого, болѣе полезными гражданами, сознательнѣе подходятъ къ избирательной урнѣ и лучше выполняютъ свои обязанности въ качествѣ членовъ разныхъ другихъ организацій». Другими словами: рабочіе клубы, своимъ дисциплинирующимъ вліяніемъ на рабочаго и своей «культурной» обстановкой, обезпечиваютъ бо́льшій успѣхъ всѣмъ другимъ рабочимъ организаціямъ, въ которыхъ участвуютъ члены различныхъ клубовъ.

Л. Давыдова.

О цѣнности жизни.

(Изложеніе и критика пессимистической философіи).

Прив.-доцента Г. Челпанова.

> Сочти радостные часы, которые ты пережилъ; сочти дни, свободные отъ тоски, и знай, что есть нѣчто лучшее: не существовать. *Байронъ.*

Имѣетъ ли жизнь какую-нибудь цѣнность? Стоитъ ли жизнь того, чтобы жить? *) какъ спрашиваютъ англичане. Такой вопросъ все чаще и чаще поставлялся тѣми философами, которыхъ называютъ пессимистами. Цѣль жизни, по всеобщему признанію, есть наслажденіе, счастье, но эта цѣль совсѣмъ не достигается, потому что въ жизни гораздо больше страданій, нежели наслажденій. Если же жизнь не достигаетъ своей конечной цѣли, то она никакой цѣны не имѣетъ; въ сущности, не жить лучше, чѣмъ жить. Таковъ взглядъ пессимистовъ-философовъ *Шопенгауэра* и *Гартманна* на цѣнность жизни.

Хотя въ настоящее время едва ли найдется много людей, которые считали бы состоятельной философскую систему Шопенгауэра или Гартманна, но сочиненія ихъ, трактующія о страданіяхъ жизни, вызываютъ теперь такой же живой интересъ, какъ и тогда, когда они впервые появились. Многіе видятъ въ этомъ доказательство того, что пессимизмъ еще не отжилъ своихъ дней, что онъ еще живетъ въ сознаніи интеллигентныхъ классовъ, но это едва ли справедливо.

Пессимизмъ въ широкомъ смыслѣ слова нельзя считать порожденіемъ одного какого-либо десятилѣтія. Его даже нельзя считать «болѣзнью вѣка», какъ это дѣлаютъ нѣкоторые. Его скорѣе можно назвать періодически возвращающеюся болѣзнью человѣчества. Мысль о ничтожествѣ жизни нельзя считать продук-

*) «Is life worth of living».

томъ современной философіи; она высказывалась очень давно. Мы встрѣчаемъ ее уже въ древнѣйшихъ религіозныхъ системахъ (напр., въ буддійской), даже жизнерадостное античное міровоззрѣніе не было свободно отъ него. Въ нашемъ столѣтіи эта мысль въ системахъ Шопенгауэра, Гартманна и др. получила только философское выраженіе.

Говоря о пессимизмѣ, мы должны дать точное опредѣленіе его. Существуютъ разные виды пессимизма: есть пессимизмъ въ собственномъ смыслѣ, т. е. *пессимизмъ философскій*, есть пессимизмъ *настроенія*, и пессимизмъ, который можно было бы назвать, пожалуй, *эмпирическимъ*. Разница между ними слѣдующая. Подъ пессимизмомъ въ обширномъ смыслѣ слова, какъ мы только что видѣли, разумѣется то ученіе, по которому въ жизни гораздо больше страданій, чѣмъ удовольствій или, что то же самое, въ мірѣ зло преобладаетъ надъ добромъ. Такого рода утвержденіе можетъ доказываться различнымъ образомъ. Если я въ силу тѣхъ или другихъ психологическихъ и физіологическихъ особенностей моего существа (напр., меланхолическаго темперамента) склоненъ предполагать, что въ мірѣ зло преобладаетъ надъ добромъ, то такой взглядъ можетъ оказаться субъективнымъ и ни для кого не обязательнымъ; этотъ пессимизмъ—*пессимизмъ настроенія*, не можетъ быть предметомъ философскаго разсмотрѣнія.

Не можетъ философія считаться также и съ пессимизмомъ, который является результатомъ того, что насъ не удовлетворяетъ дѣйствительное положеніе вещей, потому что дѣйствительность въ настоящее время можетъ быть неудовлетворительной въ зависимости отъ различныхъ случайныхъ обстоятельствъ, которыя могутъ быть устранены, и тогда дѣйствительность приметъ иной, лучшій видъ. Это пессимизмъ *эмпирическій*.

Мы будемъ говорить о *философскомъ* пессимизмѣ, который утверждаетъ, что міру зло присуще *необходимо*, независимо отъ тѣхъ или иныхъ случайныхъ обстоятельствъ, что *міру зло присуще вслѣдствіе внутренней природы вещей*, что никакія измѣненія дѣйствительности не будутъ въ состояніи улучшить міръ. Философы-пессимисты думали, что они могутъ это доказать съ полной очевидностью. Вотъ это то ученіе собственно и слѣдовало бы называть *міровой скорбью* (Weltschmerz) или міровымъ бѣдствіемъ (Weltelend).

Философскій пессимизмъ, имѣющій притязанія на строгую достовѣрность утверждаемыхъ положеній, мы находимъ въ системахъ Шопенгауэра и Гартманна, со взглядами которыхъ мы и предполагаемъ познакомить нашихъ читателей.

Шопенгауэръ *).

Чтобы понять пессимистическую теорію Шопенгауэра, нужно предварительно ознакомиться съ его ученіемъ о *сущности дѣйствительности*. Мы знаемъ, что современный читатель сочтетъ страннымъ, что вообще можно поставлять вопросъ о сущности дѣйствительности, но онъ не долженъ забывать, что Шопенгауэръ былъ метафизикъ и именно потому, что онъ признавалъ законность постановки подобныхъ вопросовъ; и мы не поймемъ, въ чемъ, собственно, заключается философскій **) пессимизмъ, если не разсмотримъ этого вопроса въ системѣ Шопенгауэра.

Когда философъ задается вопросомъ о сущности дѣйствительности, то для него представляется возможнымъ признать, что она состоитъ въ *матеріи*, т.-е. что реально существуетъ только матерія или матеріальные атомы, изъ которыхъ складывается вся дѣйствительность. Это взглядъ матеріалистическій; его Шопенгауэръ отвергалъ. По его мнѣнію, сущность міра можно узнать только въ томъ случаѣ, если мы обратимся къ своему самосознанію. Обращаясь же къ самосознанію, мы находимъ тамъ нѣчто *психическое*, которое Шопенгауэръ называетъ *волей*.

Замѣтивши это, намъ не трудно понять основную мысль Шопенгауэра, что міръ извѣстенъ намъ съ двухъ сторонъ, такъ сказать, извнѣ и извнутри. Міръ, воспринимаемый нами посредствомъ органовъ чувствъ, извѣстенъ намъ какъ матерія, но тотъ же міръ обладаетъ еще и внутренней стороной — волей, о которой мы узнаемъ изъ нашего самосознанія. *Все, что въ мірѣ существуетъ, имѣетъ своею внутренней стороной волю*; все, что въ мірѣ совершается, совершается въ силу дѣйствія воли, напр., камень падаетъ на землю въ силу дѣйствія воли; магнитная стрѣлка направляется къ сѣверу благодаря волѣ; кристаллы образуются въ силу дѣйствія воли. Само собой разумѣется, что Шопенгауэръ, употребляя въ данномъ случаѣ терминъ «воля», имѣетъ въ виду не человѣческую волю, а волю въ обширномъ смыслѣ слова. Если такъ, если атомъ притягивается другимъ атомомъ въ силу дѣйствія воли, то понятно утвержденіе Шопенгауэра, что міръ есть воля, что *сущность міра есть воля* и что эту сущность мы можемъ познать только изъ самосознанія и что все, познаваемое

---

*) Нѣмецкій философъ 1788—1861 г.

**) Или что то же *метафизическій*.

нами посредствомъ органовъ чувствъ, есть только внѣшнее обнаруженіе, или, какъ онъ выражается, объективація воли *).

Изъ этого пониманія сущности міра, какъ воли, слѣдуетъ доказательство той мысли, что міръ представляетъ сплошное страданіе и жизнь всегда и неизбѣжно состоитъ изъ страданій.

Въ самомъ дѣлѣ, воля, психологически разсматриваемая, есть *стремленіе*, стремленіе дѣйствовать, а стремленіе необходимо предполагаетъ страданіе. «Всякое стремленіе вытекаетъ изъ недостатка и изъ неудовлетворенности своимъ положеніемъ, оно, слѣдовательно, есть страданіе до тѣхъ поръ, пока не удовлетворено. Никакое удовлетвореніе не бываетъ продолжительно, но всегда является только исходнымъ пунктомъ новаго стремленія». Такъ какъ стремленіе составляетъ сущность воли, которая, въ свою очередь, составляетъ неизмѣнный элементъ нашего существа, то, очевидно, что постоянное удовлетвореніе воли невозможно, и, что напротивъ, мы находимся въ состояніи вѣчнаго неудовлетворенія, т. е. страданія. «Наша природа, можно сказать, есть вѣчное стремленіе; ее можно сравнить съ ненасытнымъ голодомъ». Слѣдовательно, воля сама по себѣ есть источникъ вѣчнаго страданія. **).

Но предположимъ, что стремленіе удовлетворено. Казалось бы, должно наступить удовольствіе, однако, по Шопенгауэру, это не такъ. «Какъ только мы освобождаемся отъ страданія, сопровождающаго вообще недостатокъ, мы тотчасъ становимся добычею *скуки*». «Если у человѣка нѣтъ предметовъ желанія (стремленія),

---

*) Эту довольно сложную философскую мысль Шопенгауэръ доказываетъ слѣдующимъ образомъ: «Наше тѣло дается намъ не только какъ *представленіе*, подобно другимъ объектамъ, но въ то же время и инымъ способомъ, именно какъ то, что каждому непосредственно извѣстно (изъ самонаблюденія) и что обозначается словомъ «*воля*». Наше тѣло движется по мотивамъ, вслѣдствіе нашей *воли*, но въ то же время каждый волевой актъ есть *тѣлесное движеніе*, и каждое воздѣйствіе на *тѣло* есть въ то же время воздѣйствіе на *волю*». Другими словами, Шопенгауэръ находитъ, что наше тѣло извѣстно намъ съ двухъ точекъ зрѣнія, съ точки зрѣнія внѣшняго наблюденія (какъ матерія) и съ точки зрѣнія внутренняго наблюденія (какъ воля), но *то и другое представляетъ по существу одно и то же.* Если это справедливо относительно нашего тѣла, то мы можемъ думать, что оно справедливо и относительно всего, существующаго подобно нашему тѣлу.

**) См. его Собраніе сочиненій въ изд. Grieseбach'a въ Коллекціи Universalbibliothek, B. I. § 56, а также русскій переводъ «Міръ какъ воля и представленіе» перев. А. Фета. М. 1888. Для ознакомленія съ философской системой Шопенгауэра мы рекомендуемъ превосходное сочиненіе *Куно-Фишера* «Артуръ Шопенгауэръ». М. 1896.

такъ какъ легкость удовлетворенія тотчасъ же ихъ у него отнимаетъ, то имъ овладѣваетъ страшная пустота и скука». Слѣдовательно, въ жизни человѣка одно изъ двухъ: или неудовлетворенное стремленіе, или скука. «Человѣческая жизнь вращается между страданіемъ и скукой. Эти два состоянія въ дѣйствительности являются самими существенными элементами жизни. Жизнь человѣка качается, подобно маятнику, взадъ и впередъ между страданіемъ и скукой. Это весьма странно высказалось въ томъ, что послѣ того, какъ человѣкъ всѣ страданія и муки перенесъ въ адъ, для неба осталась одна скука». Такимъ образомъ, вся жизнь человѣка складывается или изъ страданія, или изъ скуки, которая, въ свою очередь, есть опять-таки страданіе. Скуку ни въ коемъ случаѣ не слѣдуетъ считать маловажнымъ зломъ: она подъ конецъ налагаетъ на лицо отпечатокъ истиннаго отчаянія. Какъ нужда представляетъ бичъ народа, такъ скука представляетъ бичъ знати *).

Итакъ, желаніе по природѣ своей есть страданіе: достиженіе его скоро порождаетъ пресыщеніе, вслѣдъ за которымъ является безсодержательность, пустота, скука, борьба съ которой на столько же мучительна, какъ и съ нуждой. Слѣдовательно, сущность воли такова, что она необходимо порождаетъ страданія. Но этого мало.

Страданія жизни увеличиваются прямо пропорціонально увеличенію сознательности. Низшія животныя чувствуютъ страданія въ самой слабой степени, у человѣка же оно достигаетъ самой высшей степени. Чѣмъ развитѣе человѣкъ, тѣмъ глубже его страданія; тотъ, въ комъ живетъ геній, страдаетъ болѣе всѣхъ. Въ этомъ отношеніи справедливо выраженіе: «Qui auget scientiam, auget et dolorem» **). Шопенгауэръ находитъ, что отношеніе между умственнымъ развитіемъ и страданіемъ хорошо изображено на картинѣ одного художника. Въ верхней части ея нарисована группа женщинъ, у которыхъ уводятъ дѣтей. Женщины въ различныхъ группахъ и позахъ разнообразно выражаютъ материнскую скорбь, страхъ, отчаяніе. Нижняя половина картины изображаетъ овецъ, у которыхъ отнимаютъ ягнятъ, такъ что каждой человѣческой головѣ, каждой человѣческой позѣ верхней половины картины внизу соотвѣтствуетъ аналогичное у животныхъ, и изъ сравненія этихъ обѣихъ половинъ для насъ становится яснымъ, какъ относится страданіе, возможное въ глухомъ животномъ сознаніи, къ страданію, возможному только вслѣдствіе ясности познанія. И все

*) «Міръ какъ представленіе и воля», т. I, § 56.

**) «Кто умножаетъ познанія, тотъ умножаетъ и страданія».

это оттого, что человѣкъ обладаетъ высшей волей и носитъ въ себѣ наибольшую сумму потребностей *).

Далѣе, *удовольствіе всегда имѣетъ характеръ отрицательный.* Это положеніе въ пессимистической доктринѣ имѣетъ огромную важность. Оказывается, что *реально* существуютъ только лишь страданія, а удовольствія какъ чего-либо реальнаго вовсе даже нѣтъ. Оно есть не что иное, какъ только отрицаніе страданія. То состояніе, которое мы испытываемъ, когда *отсутствуетъ страданіе*, мы и называемъ удовольствіемъ. «Желаніе, т. е. недостатокъ, есть условіе, предшествующее всякому наслажденію. Вмѣстѣ съ удовлетвореніемъ прекращается желаніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и страданіе, слѣдовательно, удовольствіе или состояніе счастья не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ только избавленіемъ отъ страданія или отъ потребности». Если мы что-либо *чувствуемъ*, то мы чувствуемъ боль, а не состояніе безболѣзненности. Мы чувствуемъ заботу, а не беззаботность. Мы болѣзненно чувствуемъ отсутствіе удовольствій или радостей, отсутствіе же страданій не даетъ себя чувствовать такъ же безотлагательно. Самое большее: мы вспоминаемъ лишь о немъ по своему произволу. Поэтому, мы до тѣхъ поръ не придаемъ цѣны тремъ величайшимъ благамъ жизни: здоровью, молодости и свободѣ, пока мы пользуемся ими, и, только лишившись ихъ, начинаемъ цѣнить, ибо эти блага только отрицательныя величины. Что нѣкоторые дни нашей жизни бываютъ счастливыми, мы узнаемъ впервые только тогда, когда они смѣняются несчастными. Другими словами, это значитъ: *страданіе есть нѣчто положительное*: когда оно отсутствуетъ, оно не дѣйствуетъ на насъ, какъ все истинно реальное **).

Это доказательство отрицательнаго характера удовольствій у Шопенгауэра явилось результатомъ полемики съ оптимистами прошлаго столѣтіи, а именно съ Лейбницемъ, который, будучи поставленъ въ затрудненіе при разрѣшеніи вопроса, отчего въ нашемъ мірѣ, этомъ, по его мнѣнію, «лучшемъ изъ всѣхъ міровъ», зло все-таки существуетъ, отвѣчалъ въ томъ смыслѣ, что въ мірѣ реально существуетъ только благо, а что зло или страданіе создано только для того, чтобы рѣзче выдѣлить благо. Оно, такъ сказать, есть какъ бы тѣнь, предназначенная для того, чтобы блага жизни обрисовывались тѣмъ отчетливѣе. Вотъ почему Шопенгауэру нужно было показать, что дѣло обстоитъ совсѣмъ иначе, что реально только страданіе, зло, добро же есть только отрицаніе зла.

*) Ib. § 56.
**) Ib. § 58.

Отношеніе между страданіемъ и удовольствіемъ таково, что *страданіе всегда больше удовольствія.* Вспомните, напр., чувства, которыя испытываютъ: животное пожирающее и животное пожираемое, и тогда вы легко убѣдитесь, что количество страданій не уравновѣшивается количествомъ удовольствій *).

Всѣ эти доказательства Шопенгауэра въ пользу преобладанія страданій надъ наслажденіями основываются на томъ признаніи, что сущность міра есть воля и что сущность воли есть стремленіе; такъ какъ это признаніе имѣетъ характеръ апріорный, то и самыя эти доказательства могутъ быть названы *апріорными.* Но къ тѣмъ же выводамъ можно придти и *апостеріорнымъ* путемъ, т. е. наблюденіемъ надъ фактами человѣческой жизни.

«Кто очнулся отъ первыхъ грезъ юности,—говоритъ Шопенгауэръ,—кто внимательно оглянется на собственный опытъ и опытъ другихъ, кто знакомъ съ жизнью, съ исторіей прошлыхъ вѣковъ и съ исторіей своего времени, кто, кромѣ того, серьезно изучалъ произведенія великихъ поэтовъ,—тотъ согласится, что человѣческій міръ есть царство случая и заблужденія, которыя немилосердно въ немъ хозяйничаютъ. Что касается жизни отдѣльнаго человѣка, то *каждая исторія жизни есть исторія страданій.* Никогда человѣкъ при концѣ своей жизни, если онъ благоразуменъ и въ то же время чистосердеченъ, не захочетъ пережить ее еще разъ, а скорѣе гораздо охотнѣе предпочтетъ этому совершенное небытіе».

«Если провести упорнѣйшаго оптимиста по больницамъ, лазаретамъ и по тюрьмамъ, комнатамъ пытокъ и невольничьимъ хлѣвамъ, чрезъ поля сраженій и мѣста казней, затѣмъ раскрыть передъ нимъ всѣ мрачныя обители нищеты, куда она заползаетъ отъ взоровъ холоднаго любопытства, то онъ бы напослѣдокъ убѣдился, какого рода этотъ лучшій изъ міровъ. Откуда же иначе Данте взялъ матеріалъ для своего ада, какъ не изъ нашего дѣйствительнаго міра? И, тѣмъ не менѣе, вышелъ очень изрядный адъ. Напротивъ, когда онъ дошелъ до задачи изобразить небо и его блаженство, передъ нимъ оказалось непреоборимое затрудненіе, именно потому, что нашъ міръ не представляетъ матеріала для чего-либо подобнаго» **).

Прежде чѣмъ высказывать, что жизнь есть желательное благо, нужно сравнить сумму радостей, которыя человѣкъ можетъ получить въ своей жизни, съ суммой страданій, которыя могутъ вы-

*) См. его Афоризмы и Максимы. Спб. 1887. Стр. 305.

**) Міръ какъ воля и представленіе т. I. § 59.

пасть на его долю. Шопенгауэръ думаетъ, что подвести итоги будетъ совсѣмъ не трудно. Даже и спорить не стоитъ относительно того, чего въ жизни больше, добра или зла, потому что уже самое существованіе зла рѣшаетъ вопросъ, такъ какъ *существующее зло не можетъ уравняться благомъ*. «Mille piaceге non vagliono un tormento», говорилъ Петрарка *). То обстоятельство, что тысячи людей жили въ счастьѣ и блаженствѣ, никогда не будетъ въ состояніи уравновѣсить страха и мученія смерти. Если бы, поэтому, зла на свѣтѣ было во сто разъ меньше, чѣмъ на самомъ дѣлѣ, то уже самого существованія его было бы достаточно, чтобы обосновать ту истину, что мы вовсе не должны радоваться бытію міра, а, напротивъ, должны огорчаться; что его *небытіе нужно предпочесть его бытію*, что оно собственно есть нѣчто такое, чего не должно было бы существовать **).

Жизнь, по Шопенгауэру, *такъ же безцѣнна, какъ и несчастлива*: въ ней совершенно отсутствуетъ содержаніе, которое могло бы сдѣлать ее цѣнной. Добродѣтель и мудрость представляютъ исключенія, безнравственность и глупость правила. Шопенгауэръ такимъ образомъ изображаетъ человѣка: люди—это дешевый товаръ, изготовляемый природой по правиламъ массоваго производства—дешево и плохо. Злость и глупость суть двѣ основныя характеристическія черты средняго человѣка. Большая часть людей, это—жалкіе и голодающіе, безъ всякой высшей духовной жизни, стремятся только лишь къ тому, чтобы свое печальное существованіе, единственнымъ содержаніемъ котораго является забота о пищѣ, продолжить на сколько возможно дольше, чтобы вызвать къ бытію потомство для подобнаго же счастья. Съ завистью и ненавистью смотрятъ они на тѣхъ, кто превосходитъ ихъ духовными и тѣлесными преимуществами, богатствомъ и положеніемъ. То, что люди считаютъ добродѣтелями, если только ближе ихъ разсмотрѣть, обладаетъ сомнительнымъ характеромъ. Они дружественны изъ тщеславія, сострадательны изъ самолюбія, почтительны изъ страха, миролюбивы изъ трусости, благотворительны изъ суевѣрія. Зло одерживаетъ перевѣсъ надъ глупостью, и, такъ какъ съ болѣе сильной волей обыкновенно соединяются бо́льшія умственныя способности, то законы обыкновенно не въ состояніи удержать ихъ отъ того, чтобы они не нападали на другихъ, подобно хищнымъ животнымъ. Если одни, подобно овцамъ, полны страха и ограниченности, то другіе, подобно волкамъ и лисицамъ,

*) «Тысяча удовольствій не равняется одному мученію».

**) Міръ какъ представленіе и воля т. II. § 46.

полны насилія и лжи. Мудрость и добродѣтель очень рѣдки. Произвести геній природѣ удается два или три раза въ столѣтіе, святые являются столь же рѣдко. Представляетъ ли жизнь какую-нибудь цѣну при такомъ содержаніи? Конечно, нѣтъ.

«Но жизнь теперь такъ не хороша; можетъ быть, впослѣдствіи, вмѣстѣ съ прогрессомъ, жизнь будетъ значительно лучше?» спроситъ читатель. На это Шопенгауэръ отвѣчаетъ: «всякій прогрессъ, какъ выраженіе интеллектуальнаго развитія, приводитъ неизбѣжно къ увеличенію страданія, такъ что міръ становится хуже, а не лучше».

Изъ всѣхъ этихъ разсужденій Шопенгауэра слѣдуетъ, что въ мірѣ больше зла, чѣмъ добра, что въ жизни человѣческой больше страданій, чѣмъ наслажденій, что, другими словами, не жить лучше, чѣмъ жить. Какой же выходъ предлагаетъ Шопенгауэръ изъ такого рокового положенія? Казалось бы, самое простое средство избавиться отъ мукъ жизни — *самоубійство*; но Шопенгауэръ съ этимъ несогласенъ, такъ какъ оно рѣшительно ни къ чему не ведетъ; и это не трудно понять, если мы вспомнимъ основныя положенія метафизики Шопенгауэра. Онъ говорилъ, что сущность міра есть воля, что все нами воспринимаемое есть только лишь проявленія этой воли, лежащей въ основѣ міра. Каждый человѣкъ, какъ и всякая другая вещь, есть только лишь обнаруженіе сущности міра, которая сама въ себѣ есть воля. Страданіе въ человѣческой жизни есть слѣдствіе воли; поэтому, единственное средство избавиться отъ страданій—это *подавленіе, отрицаніе воли*; между тѣмъ, самоубійство не только не есть отрицаніе воли, но, напротивъ, оно есть подтвержденіе воли (къ жизни). Сущность отрицанія воли состоитъ въ томъ, чтобы гнушаться не страданій, а наслажденій жизнью. Самоубійца желаетъ жизни и только не доволенъ условіями, при которыхъ она протекаетъ; поэтому, самоубійство, при которомъ вещь сама въ себѣ остается неприкосновенной, есть безумный поступокъ. Слѣдовательно, Шопенгауэръ отрицаетъ обыкновенное самоубійство, но онъ находитъ, что существуетъ другой способъ отрицанія воли къ жизни, а именно — *медленное самоубійство* черезъ истощеніе, напр., голодомъ. «Кажется,—говоритъ онъ,—что совершенное отрицаніе воли можетъ достигнуть степени, на которой даже воля, необходимая для роста тѣла посредствомъ принятія пищи, исчезаетъ».

«Конечно, немногіе способны на такой подвигъ, но изъ того положенія, что основа страданія есть воля, логически вытекаетъ и способъ освобожденія отъ страданія. Это подавленіе воли, *аске-*

тизмъ, преднамѣренное сокрушеніе воли посредствомъ отказа отъ пріятнаго, и изысканіе непріятнаго. Самоизбранное житіе покаянія и самонаказаніе, для непрестаннаго умерщвленія воли».

Таковы выводы пессимистической философіи Шопенгауэра.

Гартманнъ.

Другой видный представитель философскаго пессимизма — Эдуардъ *Гартманнъ* *), философія котораго имѣетъ много сходнаго съ философіей Шопенгауэра. У Шопенгауэра сущность міра—*воля*, у Гартманна—*безсознательное*. У Шопенгауэра міръ есть объективація воли, у Гартманна—объективація безсознательнаго. Это «безсознательное» (первооснова міра) составляется, такъ сказать, изъ двухъ элементовъ: изъ неразумной *воли* и изъ *представленія* (элемента разумнаго). Твореніе воспринимаемаго нами міра начинается съ того, что слѣпая, неразумная «воля къ жизни» переходитъ изъ сущности въ явленіе, изъ міра сверхъ-бытія въ бытіе и увлекаетъ вмѣстѣ съ собою въ своемъ неразумномъ стремленіи къ существованію и представленіе. Такимъ образомъ получается нашъ эмпирическій міръ. Высшею цѣлью этой міровой жизни, по мнѣнію Гартманна, нужно считать *счастье*, которое, однако, совсѣмъ недостижимо, потому что жизнь полна бѣдствій, горе безмѣрно преобладаетъ надъ радостью.

Не взирая на это, Гартманнъ считаетъ существующій міръ за лучшій между всѣми возможными, потому что лучшій между возможными еще не значитъ совсѣмъ чуждый недостатковъ. Если предположить, что невозможенъ никакой міръ, въ которомъ не преобладали бы печаль и горе, то и лучшій изъ міровъ будетъ по необходимости міромъ, полнымъ страданій. Другими словами, невозможенъ какой-либо міръ, кромѣ исполненнаго бѣдствій. Но въ такомъ случаѣ какъ объяснить самое существованіе міра? Если цѣлью бытія можетъ быть только счастье, а въ дѣйствительности возможно только страданіе, то не лучше ли было бы, если бы ничего не существовало? Гартманнъ совершенно согласенъ съ тѣмъ, что лучшій изъ міровъ все-таки *хуже простого небытія*, и поэтому, чтобы оправдать премудрость безсознательнаго, допустившаго бытіе міра, для него остается единственное средство, именно показать, что въ твореніи міра премудрость не принимала

*) Родился въ 1842 г.; въ 1869 году написалъ свое знаменитое сочиненіе «Философія безсознательнаго». Въ настоящее время живетъ въ деревнѣ Gross-Lichterfelde, близъ Берлина, въ качествѣ частнаго ученаго.

никакого участія. По его мнѣнію, міръ созданъ неразумной волей: жаждущая бытія воля—виновница того, что міръ существуетъ.

Отсюда легко видѣть, въ чемъ состоитъ цѣль мірового развитія по метафизикѣ Гартманна. Если единственной цѣлью мірового процесса можетъ быть лишь счастье, если эта цѣль не только не достигается, но оказывается столько горя, что небытію должно быть оказано предпочтеніе передъ бытіемъ, то міръ не можетъ имѣть иной цѣли, какъ только лишь *избавленіе отъ мукъ существованія*, покой небытія, возвращеніе воли и представленія изъ пространственнаго и временнаго состоянія въ первобытное, т. е. въ состояніе абсолюта необнаружившагося, потому что, по метафизическимъ воззрѣніямъ Гартманна, абсолютъ самъ по себѣ имѣетъ существованіе внѣ пространства и времени.

Итакъ, по ученію Гартманна, жизнь есть продуктъ слѣпой воли или акта безумія, и потому она является источникомъ зла и страданій.

Человѣчество, въ силу различныхъ причинъ, оцѣнивая жизнь, вѣритъ въ достижимость счастья, впадаетъ въ *иллюзію* и въ этомъ отношеніи переживаетъ три стадіи.

Первая стадія—наивная вѣра дѣтства и древнихъ вѣковъ. Люди вѣрятъ, что счастья можно достигнуть при данномъ уровнѣ развитія міра, что оно достижимо для человѣка въ этой жизни.

Вторая стадія—юношества и среднихъ вѣковъ состоитъ въ увѣренности, что счастья человѣкъ можетъ достигнуть въ загробной жизни, послѣ смерти.

Третья стадія—зрѣлости и современной жизни, когда человѣчество думаетъ, что счастье будетъ достигнуто въ одинъ изъ послѣдующихъ періодовъ мірового развитія.

Гартманнъ стремится показать, что всѣ эти вѣрованія неосновательны, потому что существуютъ моменты, показывающіе *преобладаніе страданій надъ удовольствіями.*

Наслажденія, какъ и страданія, возбуждаютъ нервную систему и производятъ родъ утомленія, которое при высшихъ степеняхъ наслажденія можетъ дойти до смертельнаго изнеможенія, такъ что является потребность, чтобы наступило прекращеніе или ослабленіе чувства (удовольствія или страданія). Эта потребность, корень которой находится въ нервномъ утомленіи, въ случаѣ чувства страданія порождаетъ прямое отвращеніе къ перенесенію страданій; въ случаѣ чувства наслажденія она дѣйствуетъ противоположно желанію продолжать наслажденіе и всегда уменьшаетъ это послѣднее. Вслѣдствіе этого, страданіе бываетъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ дольше оно продолжается, а наслажденіе чѣмъ дольше оно

продолжается, тѣмъ сильнѣе вызываетъ равнодушіе и даже надоѣдаетъ. Итакъ, удовольствіе и страданіе одинаково связаны съ дѣятельностью нервной системы и съ утомленіемъ ея, но удовольствіе всегда оказывается въ потерѣ, потому что *при одинаковыхъ условіяхъ удовольствіе уменьшается, а страданіе увеличивается* *).

На удовольствіе въ большинствѣ случаевъ слѣдуетъ смотрѣть какъ на нѣчто *косвенное*, возникающее изъ прекращенія страданія, но для всякаго ясно, что *удовольствіе, возникающее вслѣдствіе прекращенія страданія (напр. отъ зубной боли), значительно меньше, чѣмъ само страданіе.*

Страданіе мы сознаемъ непосредственно, между тѣмъ какъ *удовольствіе* мы воспринимаемъ только *посредственно*, путемъ воспоминанія предыдущихъ состояній. Чувство страданія или *неудовлетворенія воли* всегда должно быть сознаваемо, потому что воля никогда не можетъ желать собственнаго неудовлетворенія. Чувство удовольствія или *удовлетворенія воли* можетъ быть само по себѣ несознаваемо, потому что когда воля удовлетворяется, то не возникаетъ ничего такого, что становилось бы въ противорѣчіе съ ней. У новорожденныхъ можно замѣчать, что они очень хорошо выражаютъ свои страданія уже за много недѣль до того, какъ мы въ состоянія прочесть даже самые незначительные слѣды удовольствія въ ихъ мимикѣ и тѣлодвиженіяхъ **).

Преобладаніе страданія надъ наслажденіями доказывается также *непродолжительностью* удовлетворенія, которое проносится какъ мгновеніе, между тѣмъ какъ неудовлетвореніе длится столько же времени, сколько заявляетъ о себѣ воля, а такъ какъ нѣтъ ни единаго мгновенія, въ которое не существовало бы какого-нибудь желанія, то *неудовлетвореніе*, такъ сказать, *пребываетъ вѣчно.*

Такъ какъ эти четыре пункта являются *необходимымъ* результатомъ природы воли по отношенію къ удовольствію и страданію, то изъ этого, очевидно, слѣдуетъ, что невозможно создать міръ, въ которомъ страданія не превышали бы наслажденій.

На вопросъ, *можетъ ли наслажденіе вообще уравновѣшивать страданія* и сколько разъ нужно повторить какую-либо степень наслажденія, чтобы оно уравновѣшивало для сознанія такую же степень страданія, Гартманнъ отвѣчаетъ въ томъ смыслѣ, что *никакая степень наслажденія не можетъ уравновѣсить страданія*:

---

*) «Philosophie des Unbewussten» 1882. B. I, стр. 296. См. также его Zur Geschichte u. Begründung des Pessimismus. Русскій переводъ первой книги: Сущность мірового процесса или философія безсознательнаго, перевод. А. А. Козлова. 2 т. М. 1873. Главнымъ образомъ т. 2-й. Гл. XI—XII.

**) Ib., стр. 300.

«если я могу выбирать между тѣмъ, чтобы: или ничего не слушать, или сперва въ теченіе пяти минутъ слушать дисгармоническіе звуки, а затѣмъ въ теченіе пяти минутъ хорошую музыку; если я могу выбирать между тѣмъ, чтобы: или ничего не нюхать, или сперва нюхать дурной запахъ, а потомъ благовоніе; если я могу выбирать между тѣмъ, чтобы: или ничего не вкушать, или же сперва отвѣдать что-либо невкусное, а потомъ вкусное,—то я во всѣхъ случаяхъ рѣшусь ничего не слушать, не нюхать, не вкушать. Отсюда я заключаю, что удовольствіе по степени должно быть замѣтно больше, чѣмъ однородное съ нимъ страданіе для того, чтобы они для нашего сознанія показались равными». Слѣдовательно, мы можемъ сказать съ увѣренностью, что *наслажденіе и страданіе въ томъ случаѣ, когда они однородны, не могутъ уравновѣсить другъ друга* *).

Послѣ этого Гарманнъ изслѣдуетъ жизнь индивидуума, разнообразныя положенія и дѣятельности, чтобы опредѣлить, что въ жизни преобладаетъ, удовольствіе или страданіе. Мы укажемъ только на нѣкоторые выводы, полученные изъ такого рода изслѣдованій.

Здоровье, *молодость*, *свобода* и *богатство* считаются величайшими благами жизни, но они не доставляютъ никакого положительнаго удовольствія; они имѣютъ характеръ чисто отрицательный: они суть *отсутствіе* старости, *отсутствіе* болѣзни, рабства и нужды. Въ самомъ дѣлѣ, когда мы здоровы, мы не ощущаемъ наслажденія вслѣдствіе этого, мы радуемся здоровью только послѣ прекращенія болѣзни, только нервно-больной чувствуетъ, что у него есть нервы, только больной глазной болѣзнью чувствуетъ, что у него есть глаза. То же можно сказать и о свободѣ. Мы страдаемъ только вслѣдствіе потери свободы, но когда мы пользуемся свободой, то находимъ это такимъ естественнымъ, что нисколько не радуемся. Молодость есть тотъ возрастъ, въ которомъ только и можно пользоваться полнымъ здоровьемъ тѣла и духа. Молодость поэтому обладаетъ *способностью* къ наслажденію, но все-таки это только возможность, а не самое наслажденіе. Матеріальная обезпеченность есть только отсутствіе голода, холода и т. п. Это опять-таки только conditio sine qua non счастливой жизни. Если бы жизнь, обезпеченная въ условіяхъ существованія, представляла положительное благо, то простое бытіе само по себѣ должно было бы удовлетворять насъ, однако истиннымъ оказывается какъ разъ противоположное. Обезпеченное существованіе является мученіемъ, если только оно не наполняется чѣмъ-нибудь;

*) Ib. 303—304.

это мученіе, которое выражается въ скукѣ, можетъ быть на столько несноснымъ, что даже страданія и зло дѣлаются желательными, лишь бы только избѣжать его.

Если, вообще, разумно здоровье, молодость, свободу и беззаботное существованіе считать величайшими благами, то изъ только что сказаннаго слѣдуетъ, что предметомъ нашихъ стремленій является состояніе, которое представляетъ только свободу отъ страданій. Но что такое *свобода отъ страданій?—Небытіе*, и только; слѣдовательно, положительныя блага стоятъ ниже нулевой точки ощущенія, на которой постоянно находится небытіе; по этому они стоятъ ниже небытія. Наравнѣ съ небытіемъ могла бы стоять только абсолютно удовлетворенная жизнь, если бы таковая существовала, но ея нѣтъ, потому что даже самый довольный человѣкъ не можетъ считаться довольнымъ вполнѣ и во всѣхъ отношеніяхъ; слѣдовательно, *всякая жизнь по цѣнности находится ниже абсолютнаго довольства, т. е. небытія* *).

Принято думать, что существуетъ такой источникъ наслажденій, какъ *дружба* и *семейное счастье*. Гартманнъ съ этимъ не соглашается. Дружбу онъ объясняетъ тѣмъ, что человѣкъ есть общественное животное, что онъ нуждается въ общеніи съ себѣ подобными; въ дружбу человѣкъ вступаетъ единственно изъ сознанія собственной слабости въ перенесеніи страданій. Удовлетвореніе же этой потребности, подобно здоровью и свободѣ, даетъ только *возможность* достигнуть нѣкоторыхъ положительныхъ наслажденій, но въ то же время она безспорно приноситъ реальныя страданія, налагая на человѣка извѣстныя стѣсненія; именно, изъ общенія возникаетъ взаимный интересъ, т. е. повышенное *сочувствіе* (или *состраданіе*). Если бы люди вообще испытывали больше наслажденій, чѣмъ страданій, то общественная жизнь и дружба, повышая сочувствіе, доставляли бы массу положительныхъ наслажденій; теперь же, принимая во вниманіе перевѣсъ страданій надъ наслажденіями у отдѣльнаго человѣка, мы должны признать, что это повышенное сочувствіе служитъ только источникомъ страданій. Конечно, въ дружбѣ мы стремимся къ утѣшенію, но какое можно доставить утѣшеніе, когда въ нашей собственной жизни такъ много непріятностей, что мы способны испортить хорошее настроеніе нашего друга!

Счастье дружбы основано, главнымъ образомъ, на совмѣстности интересовъ, и нигдѣ не бываетъ такой сильной общности интересовъ, какъ въ *бракѣ*, тѣмъ не менѣе, большинство браковъ служатъ источникомъ страданій. Только одинъ инстинктъ влечетъ

*) Ib., 305—308.

человѣка къ браку, разсудокъ не могъ бы одобрить его. Дѣти въ брачной жизни точно такъ же являются источникомъ страданій. Они никогда не приносятъ родителямъ столько радостей, чтобы эти послѣднія превысили то количество заботъ, огорченій и непріятностей, которыя они причиняютъ. Къ этому присоединяются постоянныя опасенія за жизнь дѣтей и страданія отъ ихъ преждевременной смерти, и за все это родители не имѣютъ ничего, кромѣ надежды на будущее *).

Многіе находятъ, что удовлетвореніе *честолюбія*, *тщеславія* можетъ доставлять удовольствіе, но Гартманнъ и съ этимъ не соглашается. *Гордость*, или высокое мнѣніе о себѣ, есть завидное свойство, все равно, будетъ ли оцѣнка ложной или истинной, лишь бы только мы ее считали истинной, но безмятежная гордость встрѣчается очень рѣдко, чаще же всего приходится бороться съ сомнѣніями по отношенію къ себѣ, а это доставляетъ больше страданій, чѣмъ удовольствіе, доставляемое чувствомъ гордости; кромѣ того, гордость увеличиваетъ чувствительность и побуждаетъ надѣвать лицемѣрную маску скромности для избѣжанія непріятностей. Что касается *тщеславія*, то оно основано на иллюзіи и причиняетъ гораздо больше страданій, чѣмъ наслажденій. «Честолюбіе похоже на соленую воду, которую чѣмъ больше пьешь, тѣмъ больше пить хочется» **).

Если далѣе мы разсмотримъ такое положеніе въ жизни, какъ *безнравственность*, то мы увидимъ, что оно увеличиваетъ страданія жизни. Безнравственное дѣйствіе является неизбѣжнымъ слѣдствіемъ человѣческаго эгоизма и заключается въ томъ, что человѣкъ, чтобы получить наслажденіе или избѣжать страданія, доставляетъ одному или нѣсколькимъ лицамъ страданіе. Но, само собой разумѣется, наслажденіе, пріобрѣтаемое угнетателемъ вслѣдствіе безнравственнаго дѣйствія, меньше того страданія, какое испытываетъ угнетенный. Въ нашемъ же несчастномъ мірѣ оно переполняетъ чашу бѣдствій, ибо ни одно страданіе не чувствуется такъ горько, какъ то, которое причиняютъ намъ ближніе.

Справедливость не можетъ увеличить счастья, ибо это только возстановленіе нарушенныхъ правъ, уничтоженіе страданія. Правда, положительная благотворительность увеличиваетъ счастье, но и тутъ нужно признать, что гораздо больше несчастій заключается въ томъ, что есть люди, которымъ нужно благодѣтельствовать, чѣмъ счастье въ томъ, что находятся благодѣтели ***).

---

*) Ib., 323—328.
**) Ib., 328—335.
***) 337—338.

Что касается *научныхъ* и *художественныхъ* наслажденій, то взгляды Гартманна на нихъ сводятся къ слѣдующему: художественный и научный экстазъ выпадаютъ только на долю избранныхъ натуръ, да и то очень рѣдко; если же изъ всѣхъ жителей земного шара найдется только весьма незначительный процентъ людей, способныхъ получать наслажденія отъ занятій науками и искусствами, и еще болѣе незначительный процентъ изъ нихъ способенъ создавать себѣ высшія наслажденія посредствомъ собственнаго творчества въ этихъ областяхъ, то, само собой разумѣется, количество наслажденій, доставляемыхъ занятіями наукой и искусствомъ должно быть очень не велико. Притомъ, когда мы судимъ о количествѣ лицъ, занимающихся науками и искусствами, мы должны исключить изъ ихъ числа тѣхъ, которые привлечены къ наукѣ и искусствамъ различными посторонними соображеніями: модою, надеждою на составленіе карьеры, честолюбіемъ, тщеславіемъ.

Творчество въ области науки и искусства, являющееся несомнѣннымъ источникомъ наслажденій, дается очень не легко. Великіе ученые и великіе художники не падаютъ съ неба: необходима продолжительная и трудная подготовка. Во всякомъ искусствѣ нужно преодолѣть технику, а въ наукѣ нужно усвоить уже добытые результаты. Сколько скучныхъ книгъ нужно прочесть только для того, чтобы добросовѣстно убѣдиться, что въ нихъ нѣтъ ничего годнаго, и сколько нужно прочесть другихъ книгъ, чтобы изъ кучи мусора выбрать крупинку золота. Далѣе, тому, кто творитъ въ наукѣ или искусствѣ, необходима техническая обработка творенія, а это связано со множествомъ страданій. Кромѣ того, если принять въ соображеніе, что люди, впечатлительные къ наслажденіямъ отъ занятій наукой и искусствами, дѣлаются болѣе впечатлительными ко всѣмъ бѣдствіямъ жизни, то мы легко поймемъ, что сумма наслажденій, доставляемыхъ науками и искусствами, очень не велика *). Изъ всѣхъ этихъ многочисленныхъ фактовъ съ очевидностью слѣдуетъ, что *страданія значительно превышаютъ наслажденія въ жизни.*

На разсмотрѣніи второй стадіи иллюзіи мы не станемъ останавливаться, такъ какъ Гартманнъ отрицаетъ возможность загробной жизни.

Говоря о третьей стадіи иллюзіи, Гартманнъ находитъ, что нѣтъ надежды на такое усовершенствованіе человѣческой жизни, которое могло бы повести за собою уничтоженіе или даже ослабленіе человѣческихъ страданій. Такъ, напр., какъ бы быстро ни развивалась медицина, болѣзни такъ же будутъ возрастать, притомъ

*) Стр. 338—343.

быстрѣе, чѣмъ изобрѣтаются противъ нихъ средства. Всегда жизнерадостная юность будетъ составлять только часть человѣчества, а другая часть будетъ склоняться къ печальному возрасту. Самые счастливые народы—это народы некультурные, а изъ культурныхъ народовъ необразованные классы; съ возрастающимъ развитіемъ народа, какъ извѣстно, возрастаетъ и недовольство.

Въ нравственномъ отношеніи человѣчество вовсе не улучшается. Безнравственность первоначальнаго человѣческаго общества не сдѣлалась меньше, только форма, въ которой обнаруживается безнравственность, измѣняется. Если мы сравнимъ нынѣшнія и прошедшія времена, то увидимъ, что отношеніе между эгоизмомъ и любовью къ ближнимъ остается тѣмъ же самымъ. Если нѣкоторые указываютъ на жестокость и грубость прошедшихъ временъ, то не слѣдуетъ забывать, съ одной стороны, честности и благоговѣйнаго отношенія къ священнымъ нравамъ у древнихъ народовъ и, съ другой стороны, обмана, лжи, коварства, неуваженія къ собственности, которыя возрастаютъ съ цивилизаціей. Воровство, обманъ, поддѣлки увеличиваются, не взирая на наказанія, въ гораздо болѣе быстрой прогрессіи, чѣмъ уменьшаются грубыя и тяжкія преступленія, какъ, напр., грабежъ, убійство, насиліе. Самое грубое своекорыстіе уничтожаетъ безстыднѣйшимъ образомъ священныя связи семьи и дружбы всякій разъ, какъ оно приходитъ съ ними въ столкновеніе, и только наказаніе, налагаемое обществомъ, сдерживаетъ гнусные порывы, которые тотчасъ проявляются и обнаруживаютъ человѣческую животность въ ея полной силѣ, какъ только связи закона и порядка потрясены и разорваны. Вспомнимъ, напр., ужасы парижской коммуны въ 1871 году. Нѣтъ, себялюбіе человѣка не уменьшилось, а только запружено плотинами закона, но оно умѣетъ найти тысячи щелей, сквозь которыя легко просачивается. Степень безнравственнаго настроенія остается тою же самой, но только ходитъ не въ рубищѣ, а во фракѣ. Вещь и слѣдствіе остаются тѣми же самыми, только форма дѣлается болѣе элегантной. Далѣе, такъ какъ нравственный масштабъ вмѣстѣ съ культурой возростаетъ, то это все равно, что сказать, что безнравственность возрастаетъ, такъ какъ человѣчество становится все болѣе и болѣе чувствительнымъ по отношенію къ ней.

Что касается двухъ другихъ моментовъ, относительно которыхъ говорятъ, что они производятъ преобладаніе удовольствія надъ страданіемъ—*науки* и *искусства*,—то ихъ положеніе въ будущемъ сильно измѣнится.

Открытія въ наукѣ съ теченіемъ времени будутъ дѣлаться все больше и больше не людьми, одаренными необычайнымъ геніемъ,

а совокупной дѣятельностью многихъ посредственныхъ умовъ. Вслѣдствіе этого произойдетъ то, что наслажденіе, связанное съ творчествомъ генія, будетъ утрачено; для человѣчества останется только то удовольствіе, которое связано съ воспріятіемъ научныхъ данныхъ, и, слѣдовательно, значительное количество удовольствій, которое вызываетъ научная дѣятельность, въ будущемъ будетъ потеряно. Въ искусствѣ, точно такимъ же образомъ, творческихъ геніевъ становится все меньше и меньше. Оно съ успѣхами цивилизаціи перестанетъ быть предметомъ чистаго наслажденія, къ которому стремятся ради него самого, и превратится въ средство развлеченія послѣ труда, въ своего рода опіатъ, успокоительное средство, избавляющее людей отъ непріятнаго чувства скуки.

Если мы внимательно присмотримся къ столь прославляемымъ результатамъ прогресса, то убѣдимся въ ихъ крайней ничтожности. Теоретическое знаніе нисколько не способствуетъ счастью человѣчества; его вліяніе на нравственное развитіе человѣчества безконечно мало. Практическое знаніе или изобрѣтеніе сдѣлало, безъ сомнѣнія, много для предохраненія насъ отъ зла, но оно сдѣлало мало для увеличенія положительнаго счастія. Единственный положительный результатъ научныхъ изобрѣтеній и матеріальныхъ улучшеній это — освобожденіе извѣстнаго количества человѣческой силы, уходившей до сихъ поръ на борьбу съ матеріальными нуждами, для болѣе высокой духовной работы, которая должна споспѣшествовать міровому прогрессу. Соціальный и политическій прогрессъ устраняютъ только условія, мѣшающія счастью, но не дѣлаютъ ничего для увеличенія положительныхъ радостей жизни. Всѣ задачи государства имѣютъ отрицательный характеръ: защита *противъ*, предохраненіе *отъ* и т. д. Вмѣстѣ съ тѣмъ не слѣдуетъ забывать, что развитіе ума и чувства ведетъ къ болѣе ясному сознанію преобладанія страданій, и это сознаніе, равняясь увеличенію самихъ страданій, болѣе чѣмъ уравновѣшиваетъ незначительныя благодѣянія прогресса» *).

По мнѣнію Гартманна, это такъ и должно быть: *увеличеніе страданій жизни составляетъ необходимую стадію въ процессѣ мірового развитія*. Конечную цѣль жизни человѣчества Гартманнъ рисуетъ слѣдующимъ образомъ: «Какъ человѣкъ сначала въ дѣтствѣ живетъ съ минуты на минуту, потомъ въ юности бредитъ трансцендентными идеалами, потомъ въ зрѣломъ возрастѣ стремится къ славѣ и позднѣе къ богатству и практическому знанію, пока, наконецъ, въ старости, познавши тщету всяческаго стремленія, склоняетъ на покой свою усталую, жаждущую отдыха го-

*) Ib., 368—387.

лову, точно такъ и человѣчество». И для человѣчества настанетъ старческій возрастъ. «Тогда оно, подобно всякому престарѣлому и обладающему яснымъ познаніемъ самого себя старцу, будетъ имѣть только одно желаніе,—желаніе покоя, безмятежности, вѣчнаго сна безъ сновидѣній, въ которомъ оно могло бы найти отдыхъ отъ усталости. Послѣ трехъ стадій иллюзій, надежды на положительное счастье, человѣчество, наконецъ, увидитъ безуміе своихъ стремленій и, отказавшись отъ положительнаго счастья, будетъ стремиться только къ *абсолютной безболѣзненности*, къ Нирванѣ, къ ничто, къ уничтоженію». Таковъ долженъ быть единственный конецъ третьей и послѣдней стадіи иллюзіи. Гартманнъ считаетъ возможнымъ высказать даже нѣкоторыя предположенія о томъ, какимъ образомъ можно было бы достигнуть уничтоженія воли. Онъ не соглашается съ ученіемъ Шопенгауэра объ аскетизмѣ. «Положимъ,—говоритъ Гартманнъ, что извѣстный индивидуумъ перестанетъ быть орудіемъ для воли, но что значитъ для абсолюта одинъ индивидуумъ? Если бы даже вымерло все человѣчество, задавшись идеей аскетизма, осталось бы царство животныхъ, и «безсознательное» (первооснова міра), конечно, успѣло бы воспользоваться первымъ удобнымъ случаемъ для созданія новаго человѣка». Гартманнъ полагаетъ, что для того, чтобы подавить волю къ жизни, необходимо, чтобы несравненно большая часть духовной жизни, обнаруживающейся въ мірѣ, соединилась въ человѣчествѣ, чтобы, по крайней мѣрѣ, большая часть человѣчества была проникнута этой задачей, чтобы существовало настолько удобное сообщеніе между населеніемъ на землѣ, чтобы могло быть *принято одновременное рѣшеніе къ самоубійству*. При такихъ условіяхъ цѣль можетъ быть достигнута.

Итакъ, по философіи Гартманна, нѣкогда все человѣчество придетъ къ рѣшенію повальнаго самоубійства и къ уничтоженію всего живущаго на землѣ. Такимъ образомъ будетъ достигнута цѣль міровой жизни—*уничтоженіе страданія*.

«Если читателю этотъ результатъ покажется неутѣшительнымъ, говоритъ Гартманнъ, то я долженъ ему объяснить, что онъ находился въ заблужденіи, если хотѣлъ найти въ философіи утѣшеніе и надежду. Для этого существуетъ религія; философія же изслѣдуетъ истину, не обращая вниманія на то, нравятся ли тѣ результаты, къ которымъ она приходитъ. Философія тверда, холодна и безчувственна, какъ камень; витая въ эфирѣ чистой мысли, она стремится къ познанію того, что существуетъ, его причины и его сущности» *).

*) Ib, 39 .

Нитче.

Есть еще одинъ философъ, который своими произведеніями въ послѣднее время вызвалъ много шуму и котораго многіе считаютъ пессимистомъ, но, по нашему мнѣнію, онъ пессимистъ не въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы называемъ Шопенгауэра или Гартманна—это именно *Нитче.*

Нитче не удовлетворенъ современнымъ культурнымъ идеаломъ, онъ его считаетъ во всѣхъ отношеніяхъ негоднымъ, приводящимъ къ полному *вырожденію.* По его мнѣнію, современная культура возникла слѣдующимъ образомъ. Сначала люди съ естественной природой, обладающіе несокрушимыми силами и жаждой власти, напали на расы болѣе слабыя и болѣе мирныя, одержали надъ ними перевѣсъ и стали господствовать надъ ними, и пока это продолжалось, былъ *золотой вѣкъ.* Но потомъ все измѣнилось подъ вліяніемъ альтруистической *) морали. Она изъ человѣка, хищнаго животнаго, создала прирученное и цивилизованное животное. На мѣсто дикихъ, первоначальныхъ инстинктовъ человѣка-хищника посредствомъ культуры и ея орудій возникаетъ прирученный, обузданный человѣкъ.

Мораль альтруизма, которая лишила человѣка его первоначальныхъ свойствъ, никакъ не можетъ удовлетворить Нитче; онъ полагаетъ, что *первоначальное положеніе вещей должно возвратиться.* Въ основаніи нынѣшней высшей расы, по мнѣнію Нитче, нельзя не узнать хищнаго животнаго, бѣлокураго звѣря (Blonde Bestie): эта скрытая основа животнаго въ человѣкѣ должна опять обнаружиться, *должна опять возвратиться въ первоначальное, дикое состояніе.* Въ немъ долженъ обнаружиться римскій, германскій герой, гомерическій герой, скандинавскій викингъ!

Современный культурный идеалъ, который заключался въ совершенномъ уничтоженіи всѣхъ дикихъ первоначальныхъ инстинктовъ, оказывается, по мнѣнію Нитче, ложнымъ, потому что подъ его вліяніемъ все цивилизованное человѣчество *дегенерировало* (выродилось). Нашъ культурный идеалъ не есть что либо желательное. «Не есть ли то, что мы называемъ прирученіемъ,—спрашиваетъ Нитче,—противно природѣ? Не есть ли то, что мы называемъ смягченіемъ нравовъ, на самомъ дѣлѣ, изнѣживаніе? Не есть ли *вырожденіе* то, что мы называемъ *нравственностью?* Не произошло ли вслѣдствіе воздѣйствія культуры то, что первобытный бѣлокурый звѣрь постепенно превратился въ типъ современнаго человѣка, который наполняетъ наши салоны и курорты?» По Нитче,

*) Т. е. христіанской.

духовная культура способствовала *вырожденію* человѣка; поэтому, мы находимъ у него требованіе *культа тѣла* и тѣлесной жизни *).

Мы не намѣрены подробно излагать теорію Нитче,—теорію, полную противорѣчій, которыя, впрочемъ, маскируются тѣмъ, что онъ не создалъ какой-нибудь связной системы, а довольствовался только лишь одними афоризмами.

Читатель легко можетъ видѣть, что Нитче пессимистъ не въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы называли Шопенгауэра и Гартманна; его пессимизмъ совсѣмъ не такъ безнадеженъ, какъ пессимизмъ этихъ послѣднихъ. Онъ только недоволенъ современной культурой и тѣмъ ходомъ, который она приняла, но если бы она пошла по тому пути, какой ей указываетъ Нитче, то, само собой разумѣется, опять воротился бы золотой вѣкъ. У Шопенгауэра и Гартманна мы видѣли, что міръ *безнадежно* дуренъ и полонъ страданій **).

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

*) См. главнымъ образомъ его сочиненіе Zur Genealogie d. Moral. Zweite Auflage. Lpz. 1892.

**) Нужно указать еще двухъ писателей, которые болѣе или менѣе оригинально высказывались въ пользу пессимистическаго ученія. Это французскій критикъ *Брюнетьеръ* и русскій психіатръ *В. Ф. Чижъ*. «Если пессимизмъ,—говоритъ Брюнетьеръ,—есть болѣзнь, то болѣзнь органическая, сросшаяся съ человѣческой натурой, родившаяся съ нами, и человѣчество избавится отъ нея лишь вмѣстѣ съ прекращеніемъ своего существованія». Пессимизмъ, по мнѣнію Брюнетьера, происходитъ, главнымъ образомъ, по слѣдующимъ причинамъ. Во-1-хъ, *страхъ смерти* неразрывно связанъ съ нашей организаціей,—причина, отъ вліянія которой мы избавляемся только съ прекращеніемъ нашего существованія. Невѣроятно, что мы когда-нибудь восторжествуемъ надъ смертью. Во-2-хъ, *ограниченность человѣческаго познанія*. Метафизическая тоска имѣетъ свои жертвы. Есть умы, которые мучатся сознаніемъ своего невѣжества. Въ-3-хъ, *нищета, несправедливость, грѣхъ*, царящіе повсюду. Человѣчество такъ же мало избавится отъ нищеты и несправедливости, какъ отъ грѣха, и такъ же мало отъ грѣха, какъ и отъ невѣжества и смерти. (См. его «Источники пессимизма». Од. 1895).

Профессоръ *Чижъ* стремится обосновать пессимизмъ біологически, потому что доказать психологически, что въ мірѣ страданій больше, чѣмъ наслажденій, не представляется никакой возможности. «Я постараюсь доказать,—говоритъ онъ,—что научно мы вполнѣ ясно и точно можемъ опредѣлить, чего больше въ человѣческой жизни, страданія или наслажденія. Не имѣя возможности измѣрять чувствованія сами по себѣ, мы должны искать причину чувствованій, т. е. органическій процессъ, сопутствующій чувствованіямъ. Понятно, что мы можемъ полнѣе и точнѣе изучить органическій процессъ, чѣмъ психическое явленіе, потому что физіологическая сторона явленія намъ болѣе извѣстна, чѣмъ психическая. Разъ мы знаемъ, какіе органическіе процессы соотвѣтствуютъ чувствованіямъ, мы можемъ измѣрять эти органическіе процессы, и тѣмъ самымъ косвенно, посредственно измѣрять самыя чувствованія. Мы знаемъ, что чувство удовольствія сопровождается повышеніемъ дѣятельности организма; что страданіе сопровождается пониженіемъ дѣятельности его; что удовольствіе соотвѣтствуетъ жизни организма, а страданіе смерти организма. Мы можемъ доказать, что физіологическіе процессы, соотвѣтствующіе увеличенію жизненности организма въ *количественномъ* отношеніи меньше, чѣмъ процессы, соотвѣтствующіе увеличенію дѣятельности организма, а отсюда слѣдуетъ, что *количество страданій превосходитъ количество удовольствій*. Это есть біологическое доказательство пессимизма». (См. его статью «Біологическое обоснованіе пессимизма», въ журналѣ «Неврологическій вѣстникъ». 1895).

ВЪ СѢТЯХЪ.

Повѣсть Вацлава Сѣрошевскаго.

*(Продолженіе *).*

IV.

— Русскій... а русскій! Уйми собаку и ставь чайникъ!— кричали со смѣхомъ дѣвушки, постукивая снаружи въ дверь. Внутри Аяксъ оглушительно лаялъ и метался; дѣвочка плакала. Александръ всего этого не слышалъ, онъ въ сосѣдней рощѣ искалъ подходящаго дерева на пятку къ плугу. Только когда визгъ и гвалтъ достигли необычныхъ размѣровъ и громкій лай раздался на дворѣ, онъ всполошился и побѣжалъ домой. Двери стояли раскрытыя настежъ; дѣвушки ютились высоко на заваленкѣ, въ ужасѣ подбирали вверхъ и прижимали къ себѣ платье, спасаясь отъ зубовъ прыгающаго къ нимъ Аякса. Изъ-за порога выглядывало заплаканное личико Сони.

— Что вы тутъ надѣлали?

— Уйми собаку, противный русскій! Развѣ не видишь: съѣсть насъ хочетъ!

— Зачѣмъ вы двери открыли? Дѣйствительно, собака могла васъ порвать!

— А зачѣмъ ты не шелъ? Ну, нѣтъ: мы тоже не дуры, мы заранѣе влѣзли на заваленку. У...уу... какая злая! Зачѣмъ тебѣ такая злая собака? Развѣ ты кого-нибудь боишься?

Той вошла въ избу, разстегнула зипунъ и присѣла на лавку; ея подруга совсѣмъ не раздѣвалась. Обѣ онѣ еще не пришли въ себя отъ испуга, были блѣдны, но глаза ихъ уже смѣялись. Александръ развелъ огонь и поставилъ чайникъ.

— Что слышно, Той?

---

*) См. «Міръ Божій», № 10, октябрь 1896.

— Ничего не слышно. Яковъ отъ тебя уѣхалъ, это ты вѣдь знаешь!.. Бѣда съ вами, русскими...

— Что жъ: снова что-нибудь?

— Да все тоже: путаются люди, таскаютъ всѣхъ, работать не даютъ. Посельщикъ путаетъ. Сына Нохчогоя старика засѣдатель въ амбаръ посадилъ, вещи у него, говорятъ, нашлись...

— Когда онъ ѣдетъ?

— Не знаю. Дочка-то у тебя, правда, красавица. Похожа ли на мать? Глазки, какъ небо, волосики—золото. Не бойся, дѣвочка, подойди ко мнѣ! Мы съ твоимъ отцомъ друзья, хотя онъ и русскій баринъ, а я черная якутка...

Она съ нѣжностью наклонилась къ ребенку; товарка ея тоже подвинулась къ нимъ.

— Тѣло—мягкое, платье—тонкое! Эхъ, красивые люди, вы, русскіе!

— Чѣмъ вздоръ болтать, взяла бы ты, Той, платьице моей дочки починила, а подруга твоя пусть сдѣлаетъ лепешку. Будемъ чай пить. Вотъ тебѣ игла и нитка!

Якутки сбросили шубы.

— Всѣмъ вы, русскіе, хороши,—продолжала Той, разбирая тряпки,—а только никогда съ вами не знаешь, что будетъ! Вотъ Палкинъ: жилъ, жилъ, столько лѣтъ жилъ и вдругъ... И любить бы васъ можно, хотя вы—бородачи съ ледяными глазами!

Другая якутка усердно мѣсила тѣсто, изподлобья посматривая то на подругу, то на Александра.

— Страшно васъ! А любила бы я тебя, Ликсандра, еслибъ ты не былъ русскій... ухъ! крѣпко любила!

— Да кто тебя проситъ, Той?

— Ну, ужъ будто ты совсѣмъ безкровный?!—разсмѣялась дѣвушка.—А и то правда: не слышно, чтобъ ты съ женщинами путался, за то тебя и люблю!

— Ты лучше разскажи, какъ дѣло съ татарами. Скоро ли уѣзжаетъ засѣдатель? Собирали ли сходку по поводу моей земли? Отецъ твой, слышу, постоянно ходитъ туда...

— Много отъ него узнаешь, бормочетъ старикъ что-то непонятное! Никогда отъ него ничего не узнаешь. Мой отецъ вѣдь совсѣмъ дикій человѣкъ. А слышала я, что наслегу дѣло это стоитъ денегъ... не приведи Богъ! Были татары, брали татары, нѣтъ татаръ, все равно, берутъ! Только и есть у насъ якутовъ, что... улыбнуться!

— Когда уѣзжаетъ засѣдатель? Пробудетъ еще день или нѣтъ?

— Не знаю... Все ты только о себѣ, вижу, думаешь!— укорила его со вздохомъ якутка.

Александръ посмотрѣлъ на нее, чуть покраснѣлъ и умолкъ. Той прилежно шила, не подымая глазъ; двѣ толстыя косы съ серебряными побрякушками сползли съ плечъ на грудь, лицо покрылось потомъ отъ бьющей съ камина жары. У стола Соня изъ остатковъ тѣста лѣпила лепешку; подруга Той сидѣла на скамьѣ съ лѣниво опущенными на колѣни руками.

Послѣ чаю гостьи сейчасъ же ушли.

Какъ ни противно было Александру какъ разъ теперь обращаться къ засѣдателю, но дѣлать было нечего. Власти сюда въ глушь являлись только по экстреннымъ случаямъ, а двухлѣтняя тяжба съ якутами убѣдила Александра, что тѣ отведутъ землю только подъ напоромъ полиціи.

— Мерзость!.. Но я не виноватъ,—размышлялъ онъ, расхаживая широкими шагами по юртѣ. — Якуты впослѣдствіи убѣдятся... Я отблагодарю, я щедро отплачу имъ... А теперь нечего хныкать!

Онъ, не медля, запрягъ лошадь и поѣхалъ. Какъ и въ прошлый разъ, онъ нашелъ засѣдателя за столомъ среди толпы якутовъ.

— А... Здравствуйте!—сухо встрѣтилъ его чиновникъ. Онъ обрюзгъ, опухъ и видимо былъ измученъ.

— Хорошо, что явились. Что же вашъ товарищъ со мной дѣлаетъ? Почему не ѣдетъ на мѣсто? Мнѣ опять губернаторъ послалъ выговоръ... Не знаешь, куда и дѣться отъ всѣхъ отъ васъ. Якуты путаютъ, вы законъ нарушаете... Когда же конецъ этому будетъ?

— Товарищъ мой уже уѣхалъ...— мрачно прервалъ его Александръ.— Непріятности вообще быстрѣе приводятся въ исполненіе!

— Такъ!.. Упреки?!—Онъ повернулся спиной къ Александру.—Что? Привели?—крикнулъ онъ на якутскихъ старшинъ.

— Привели, господинъ нашъ!—съ низкимъ поклономъ отвѣтили тѣ. Бѣдно одѣтый якутъ робко выступилъ впередъ. Побѣлѣвшія губы его сильно тряслись, рука порывисто теребила порваный край рукава.

— Ты свидѣтель?

— Да...а... не-ѣтъ!..—бормоталъ, тотъ кланяясь.

— Значитъ не видѣлъ? Что же ты сплетни тутъ распускаешь!.. Народъ мутишь... Путаешь?! Сознался бы кто и дѣлу конецъ .. А то путаютъ, путаютъ, безмозглые... Всѣхъ заберу, всѣ вы знали!..

— Нѣтъ, мы не знали... ничего мы не знали, господинъ нашъ...—жалобно хоромъ отвѣчали старшины.

— Мы не знали...—заученно подхватили остальные.

— Жеребячьи вы морды!.. Такія ли вамъ дѣла дѣлать... Посадить и этого!..—злобно закричалъ засѣдатель. — Откажусь отъ дѣла, отдамъ другому!.. Пусть васъ судятъ, дураковъ!...

— Пощади насъ, господинъ, отецъ нашъ!.. Пожалѣй!..

— Господинъ... я все скажу... всю правду, какъ было отъ начала до конца,—заговорилъ вдругъ съ рѣшимостью высокій парень съ лихорадочно горѣвшими глазами, стоявшій въ кругу обвиняемыхъ.

Всѣ притихли. Даже засѣдатель опѣшилъ. Одно мгновеніе присутствующіе, казалось, не дышали, не двигались, такъ что слышно было постукиваніе зубовъ у болѣе взволнованныхъ. Наконецъ писарь подвинулъ къ себѣ бумагу и навострилъ уши. Обвиненный быстро обвелъ глазами присутствующихъ и что-то безконечно тоскливое промелькнуло въ его лицѣ.

— Въ шестомъ году,—началъ онъ колеблющимся голосомъ,—когда привезли къ намъ татаръ, я былъ еще парнишка. Татаре поселились въ наслежной избѣ. Тамъ они жили до весны... ѣли, пили... хорошо жили... Каждый день три раза ѣли... хорошо жили... Случалось, и меня угощали. Наслегъ отпускалъ имъ масло, мясо, муку... Сколько отпускалъ, не знаю, господа старшины, должно быть, знаютъ, а только собирали съ насъ, когда деньгами, когда масломъ. Хорошо жили! Затѣмъ наслегъ имъ землю отвелъ, домы выстроилъ недалеко отъ моей усадьбы... Хорошо жили... хлѣбъ сѣяли... Хорошіе были люди... Моей земли кусокъ захватили... Хорошо сѣяли... Родило у нихъ... И за озеромъ сѣяли, тамо тоже земля хорошая... хорошо рожаетъ... бугоръ, глинистая земля...

— Торопись... къ дѣлу!

— Ну вотъ: все имъ не хватало, все требовали, все просили... Наслегъ уважалъ... Шибко нашъ наслегъ уважаетъ татаръ. А только къ нимъ ходило много людей: хо-

дили русскіе, ходили черкесы, ходили цыгане... Всѣ народы ходили. Лошадей крали, быковъ крали... все рѣзали, ѣли... Войдешь: всегда мясо въ котлѣ кипитъ... Хорошо жили!.. Сынъ ихъ Абдулка, наѣзникъ былъ, нельзя сказать: первый былъ человѣкъ!.. Весело жили: въ карты играли, водку пили... Хорошо жили!..

Разсказчикъ вздохнулъ, взглянулъ на засѣдателя, затѣмъ—въ открытое окно, гдѣ виднѣлись залитыя солнцемъ веселыя дали, и что-то лукавое блеснуло вдругъ въ его темныхъ матовыхъ глазахъ.

— Ну??

— Играли... водку пили... людей ходило много... вотъ и сгорѣли... — равнодушно добавилъ онъ. По толпѣ пронесся ропотъ.

— Ты пилъ, ты игралъ?

— Случалось, пилъ и я. Зачѣмъ пить не буду? А только не якуты убили южныхъ людей. Развѣ якуты могли убить такихъ богатырей? Русскіе ихъ убили. Русскіе постоянно тамъ бывали. Правда, я ходилъ туда, водку пилъ, но я слабый человѣкъ... гдѣ у ружья дуло, не знаю... Я былъ все время на сѣнокосѣ... Меня тамъ видѣлъ сынъ Ніохора. Да и друзья они, татары, мнѣ были. Зачѣмъ убивать стану друзей моихъ? Мы друзей шибко почитаемъ... и русскихъ почитаемъ... Нѣтъ, я скажу тебѣ, господинъ начальникъ, какъ это было: русскіе убили русскихъ и затѣмъ сожглись!.. Всѣ сожглись!..

— Тьфу ты!.. Мелетъ, мелетъ и все тоже. Вонъ! Готовить повозки!

Обвиненныхъ увели, якуты гурьбой высыпали за ними на дворъ.

— Ѣду, укладывать вещи!—заторопился засѣдатель.—Вамъ землю?—обратился къ Александру.—Хорошо. Вышлю изъ города... изъ окружного... распоряженіе. А теперь прощайте!

— Наврядъ ли подѣйствуетъ распоряженіе. Было ихъ три...

Засѣдатель съ досадой причмокнулъ.

— Какъ вы не понимаете? Не могу я теперь. Сами поторопитесь... сойтись... уладить! Эхъ, сидѣли бы тихо, брали, что даютъ! Хотите, я устрою: вамъ якуты прибавятъ?

— Оставьте, Инокентій Васильевичъ!—съ досадой остановилъ его Александръ.

— Ну, какъ знаете! Чего опять?—обратился онъ къ толпѣ якутовъ, вновь наводнившихъ юрту. Впередъ высту-

пили родовые старшины, князья при кортикахъ и медаляхъ, важные, сѣдые старики, разодѣтые богатѣи. Дальше столпился сѣрый народъ. По серединѣ круга, ближе къ засѣдателю, выдвинулся съ посохомъ въ рукахъ нищій, согбенный, совсѣмъ плѣшивый, старичекъ. Онъ ощупалъ посохомъ землю, кашлянулъ и вдругъ опустился на колѣни. Взволнованный засѣдатель вскочилъ.

— Господинъ нашъ!—заговорилъ старикъ, протягивая руки:—Я виновенъ, я убилъ русскихъ. Хитро я прятался до сихъ поръ изъ опасенія гнѣва твоего. Теперь я сознаюсь въ моемъ согрѣшеніи... Я убилъ ихъ потому, что обижали они насъ... меня. Больше, чѣмъ дикіе звѣри, медвѣди и волки, поѣли они нашего скота. Добро наше убавилось, сердца ожесточились. . Точно вередъ выросла юрта ихъ въ нашемъ околоткѣ. Женщины боялись днемъ даже проходить мимо нея; парни наши научились пить и играть... перестали работать, полюбили грабежъ... Мочи не стало отъ пропажъ и обидъ. Самъ знаешь, самъ не разъ дознаніе дѣлалъ... Все оправдывались, еще больше свирѣпѣли... Поэтому мы убили ихъ... я убилъ ихъ!—поправился онъ.—Отпустите невинныхъ, возьми меня, суди меня. Я одинъ виновенъ.

— Съ ума ты сошелъ, дряхлый, слѣпой, чуть ходишь... Ты ихъ убилъ, трехъ взрослыхъ татаръ!.. Да на тебя и не указываетъ Палкинъ...

— Палкинъ мнѣ и помогалъ убивать. Вначалѣ мы убили одного, а послѣ рѣшили всѣхъ, одинъ отвѣтъ, что за всѣхъ, что за одного...

— Встань, старикъ, будетъ молоть. Гдѣ ты жилъ?

— Да тутъ жилъ, по юртамъ скитался... Отпусти дѣтей нашихъ, возьми меня, суди... я одинъ всѣхъ убилъ, я виновенъ...—бормоталъ старикъ.—Сжалься! Мнѣ все равно, гдѣ умирать, близокъ мой конецъ!.. Отпусти дѣтей нашихъ...

— Возьми его!..—просили якуты.—Пожалѣй насъ, тебѣ все равно, кого представить въ губернію... Ты взялъ лучшихъ, молодыхъ. Сколько женщинъ и дѣтей плакать и голодать будетъ...

— Всѣ будемъ плакать... Кто подати платить станетъ? Возьми старика. Онъ хорошій... Его примутъ въ губерніи... Совсѣмъ крѣпкій еще старикъ!..

— Возьми меня... отпусти дѣтей нашихъ!..—повторялъ нищій.

— Перестаньте! Князь, что все это значитъ?

— Я имъ говорилъ, что ничего не выйдетъ!—хмуро отвѣтилъ якутъ.

Якуты продолжали толпиться.

— Сдѣлай опросъ... опроси... Увидишь, какъ онъ гладко все тебѣ разскажетъ.

Засѣдатель вышелъ изъ себя, затопалъ ногами и закричалъ громовымъ голосомъ:

— Вонъ!.. Опять... Еще кого впутаете?!.. Вонъ!.. Князь, повозки!..

Юрту очистили. Полчаса спустя, позванивая бубенцами, понеслась по дорогѣ засѣдательская кошева. Во дворѣ копошились вооруженные люди, усаживая на сани арестантовъ. Неподвижно стояли зрители и только сдержанный женскій плачъ раздавался въ толпѣ.

— Не пойду... не пойду!.. Куда я пойду?!—вдругъ истерически воскликнулъ сынъ Ніохора и обхватилъ руками столбъ коновязи. Десятскіе бросились къ нему. Молча крякхтѣли оттаскивающіе его мужики. Парень сопѣлъ, скрипѣлъ зубами отъ натуги. Наконецъ, онъ разомкнулъ усталые пальцы, его повалили на спину и привязали къ санямъ. Съ помертвѣлымъ лицомъ, въ истерзанномъ платьѣ онъ лежалъ безъ движенія, не охая, какъ убитый или тяжело раненный. Голова его болталась на вѣсу. Кортежъ тронулся.

— Заморозите его... Окалѣчите человѣка... Прикройте!..— закричалъ имъ въ догонку Александръ. Провожатые верхомъ на лошадяхъ, съ винтовками за спиной, даже не повернулись къ нему. Александръ подождалъ, пока они не отъѣхали подальше, и двинулся въ путь. Но Воронъ, продрогшій отъ продолжительной выстойки и взбудораженный общимъ движеніемъ, закусилъ удила. Бурей пронесъ онъ его мимо печальнаго каравана, оставилъ скоро всѣхъ позади, и только колокольчикъ засѣдателя звенѣлъ впереди, постоянно, все также далекій и тихій.

V.

Перерывчатыя струйки южнаго, весенняго вѣтра, незамѣтно, какъ стая эльфовъ, прокрадывались по тайгѣ, обнаруживая свое присутствіе лишь слабымъ шелестомъ вѣтокъ да чуть замѣтнымъ покачиваніемъ болѣе выстающихъ верхушекъ. Только вырвавшись на просторъ, на луга, онѣ принимались шумѣть, кружить вороха прошлогоднихъ листьевъ,

теребили кисти пожелклыхъ осеннихъ травъ, расплескивали въ тысячи мелкихъ волнъ голубое зеркало свѣже набѣжавшихъ снѣговыхъ водъ. Подъ мягкимъ ихъ прикосновеніемъ быстро таяли зимніе покровы, темнѣла ихъ бѣлизна и замѣщали ее вездѣ сверкающіе лужи и потоки. Многочисленные ключи бурлили въ глубокихъ рытвинахъ и пѣнистые водопады лились тамъ по ледянымъ уступамъ. Воздухъ былъ полонъ влаги и тепла, ласково глядѣло солнце съ высокаго неба, лучи его проникали всюду, въ самую глубину еще оголенныхъ лѣсовъ. Только въ ложбинѣ Алдана по прежнему господствовала зима, все было тамъ по прежнему бѣло и неподвижно, да изрѣдка тѣ же южные вѣтры вкатывали на небо изъ-за горъ комья бѣлыхъ снѣговыхъ тучъ. Какъ громадные обвалы, застрявшіе временно на гребняхъ, онѣ нависали надъ долиной, отбрасывая мрачную тѣнь. Опять возвращалась зима; въ воздухѣ пахло мятелью, меркнули воды, умолкали птицы... Но еще мгновеніе и... оказывалось, что все это веселая весенняя шутка, что грозная туча только важно проплываетъ надъ долиной, но дыханіе ея мягкое, влажное, а темныя тѣни—теплы; перелетныя птицы обгоняютъ ее съ веселымъ крикомъ, и только шалунъ вѣтеръ подъ ея прикрытьемъ громче смѣется надъ долиной.

Александръ съ ружьемъ за спиною и длинной палкой въ рукахъ стоялъ надъ Алданомъ, на краю пропасти и смотрѣлъ внизъ. Ему необходимо было пробраться на ту сторону рѣки; онъ узналъ отъ благопріятелей, что якуты рѣшили устроить тамъ весеннее собраніе. Земли ему, конечно, они до сихъ поръ не выдѣлили. Необходимо было еще разъ по этому поводу лично переговорить со сходомъ и старшинами. Александръ смотрѣлъ на бѣлое полотно рѣки, на черныя пятна тамъ и сямъ обнажившихся острововъ и соображалъ, какъ лучше пройти, не рискуя провалиться въ проталину. Онъ зналъ, что обычная дорога была испорчена. Тамъ теченіе во многихъ мѣстахъ прорвало ледъ и образовались щели. Теперь онъ раздумывалъ, гдѣ можно обойти эти проломы, не дѣлая большого крюку. Спустившись, онъ прежде всего перепрыгнулъ неширокую закраину быстро плывущей воды. Такія „забереги“ тянулись уже вдоль береговъ вездѣ, куда глазъ хваталъ. Влажный и скользкій ледъ, совершенно лишенный снѣга, затруднялъ движеніе. Приходилось скользить, какъ на конькахъ. Александръ быстро скользилъ, упираясь палкой. Сверху пекло, снизу

продувало влажнымъ холодомъ. Колеблющіяся струи нагрѣтаго воздуха дрожаніемъ своимъ смягчали рѣзкія воздушныя дали, внизу, подъ ними, на яркомъ фонѣ снѣговъ, всѣ точки, прутики, столбы и пятна обозначались чрезвычайно отчетливо и спокойно. Въ этомъ сочетаніи трепещущаго воздуха и холодной, неподвижной земли была чарующая прелесть начала весны. Два раза Александръ встрѣтилъ на дорогѣ стадо перелетныхъ гусей, отдыхающихъ на отмеляхъ, но мѣстность была черезчуръ открыта, и не было возможности подползти къ нимъ на выстрѣлъ. Другой разъ неожиданно набѣжалъ онъ на пару лебедей, присѣвшихъ за бугромъ, но спохватился поздно, когда царственныя птицы уже съ шумомъ поднялись.

Бѣлый снѣгъ, бѣлыя птицы, да еще солнце проклятое въ глаза!—оправдывалъ онъ себя, поправляя шапку и не переставая слѣдить за улетающей добычей. Вблизи большихъ проталинъ носились стаи чаекъ и воронъ. Завидѣвъ его, онѣ подымали задолго неистовый крикъ и, описывая надъ нимъ частые круги, провожали его. Мѣстами въ протокахъ, среди быстрины, Александру приходилось дѣлать замысловатыя петли въ поискахъ прочнаго льда. Особенно надоѣдали ему неглубокіе провалы, полные наледной воды. Ихъ можно было бы пройти въ бродъ, еслибъ не скользкая покатость ихъ дна и не щели въ немъ,—поскользнувшись туда, легко было нырнуть навсегда. Тамъ, гдѣ края полыньи были обрывисты, а ширина незначительна, Александръ перепрыгивалъ, упираясь палкой въ берегъ. Все это было для него не ново и доставляло ему живое наслажденіе, какъ воспоминаніе былыхъ охотничьихъ экскурсій. Такъ неутомимо шелъ онъ впродолженіи нѣсколькихъ часовъ, безъ отдыха и остановокъ. Жара и необходимость постоянно быть на сторожѣ дали себя таки въ концѣ чувствовать. Александръ съ удовольствіемъ вздохнулъ, когда выбрался на материкъ рѣки, гдѣ прочный, саженный ледъ стоялъ еще крѣпко, точно громадная вымощенная мраморомъ панель. Отсюда ясно виднѣлся противуположный возвышенный берегъ, до котораго осталось не больше двухъ верстъ. Бодрый, но томимый сильной жаждой, подошелъ, наконецъ, Александръ къ первому жилищу зарѣчныхъ якутовъ, къ юртѣ старшины, прозываемаго за умъ и изворотливость Меиляхомъ—„башковатымъ“. Небогатый старшина пользовался не въ примѣръ другимъ большимъ вліяніемъ, умѣлъ дружить со всѣми и все обращать на свою пользу.

— Здравствуйте, Катерина Авксентьевна!— проговорилъ Александръ, останавливаясь у открытыхъ дверей и снимая съ плеча ружье.

— Здравствуйте, Ликсандра Ивановичъ!—отвѣтилъ звучный голосъ изъ глубины юрты.—Сказывайте... Заходите... Милости просимъ...

— Старшина дома?

— Нѣтъ; ушелъ на собраніе. Во всемъ околоткѣ нѣтъ мужиковъ дома, всѣ ушли на собраніе. Остались мы, бабы, на своей полной волѣ...—разсмѣялась женщина. Она бросила работу и подошла къ гостю съ протянутой рукой. Одѣта она была, какъ всѣ зажиточныя якутки, въ ситцевую длинную рубаху и черный съ перехватомъ въ тальи кафтанъ съ буфистыми рукавами. Длинныя серебряныя серьги свѣшивались вдоль смуглыхъ щекъ низко на полныя круглыя плечи и высокую грудь, гдѣ висѣлъ на ажурной, кованной серебряной тесьмѣ серебряный крестъ. Въ этой рамкѣ ея восточное лицо съ продолговатыми черными глазами и яркими губами не лишено было изящества. Шелковый малиновый платокъ чуть прикрывалъ густые, старательно причесанные черные волосы. Платье, обувь, все подогнано было старательно и сидѣло ловко. Она слыла въ окрестности красавицей и кокеткой; жила нѣкоторое время въ городѣ, знала немного по русски и сама считала себя по происхожденію русской, и дѣйствительно въ ней сказывалась примѣсь русской крови.

— Одолжи, во вѣкъ не забуду, напой кумысомъ... Умираю отъ жажды!..

— А можетъ самоваръ поставить... Чай пить останешься?..

— Нѣтъ, тороплюсь! Да и мужъ тебя бить будетъ, что безъ него поишь чаемъ прохожихъ мужчинъ.

— Бьютъ мужья... и за дѣло и безъ дѣла!—разсмѣялась женщина и тихо ушла въ глубину юрты. Александръ задумался о предстоящемъ собраніи.

— Шей, русскій, на здоровье, будешь крѣпокъ!..—проговорила вернувшись хозяйка, протягивая ему большой рѣзной деревянный кубокъ, до краевъ полный бѣлаго напитка; большіе куски масла плавали на его поверхности, напитокъ слегка шипѣлъ, выдѣляя газъ, и дрожалъ, повторяя дрожь подающей руки. Женщина сильно наклонилась впередъ, почти припала передъ гостемъ на одно колѣно, и когда тотъ протянулъ къ сосуду руки,—быстрымъ, смѣлымъ движеніемъ взглянула ему снизу въ глаза.

— Ты, правда, красивый!—проговорила она, чуть смущаясь.—Мужъ не скоро вернется!..

Александръ поднялся.

— Давно онъ ушелъ на собраніе?

— Давно!.. Напрасно ты просишь земли, лучше взялъ бы деньги или пищу... Деньги тебѣ всегда дадутъ, только скажи слово... И спокойнѣе, и скорѣе... Это можно всегда сдѣлать, можно сдѣлать и завтра. Завтра еще не разойдутся.

— Это твой мужъ говоритъ?

— Нѣтъ, нѣтъ! Онъ ничего не говоритъ. Онъ какъ общество! Но онъ противъ не скажетъ. Онъ, ты же знаешь, любитъ русскихъ...—усмѣхнулась она и поправила волосы. Когда Александръ возвратилъ ей бокалъ и сталъ искать по карманамъ денегъ, она презрительно сжала губы.

— Не безпокойся!..

Тѣмъ не менѣе, она приняла отъ него мелкую серебряную монету.

На этотъ разъ, во дворѣ родового правленія, мало стояло лошадей, а людей и совсѣмъ не было видно. Въ избѣ за столомъ сидѣло всего нѣсколько обѣдающихъ „тоёновъ“ (господъ). Меиляхъ былъ въ ихъ числѣ. Александръ, по обычаю, поздоровался за руку со всѣми, даже съ толстякомъ-незнакомцемъ, сидѣвшимъ на первомъ мѣстѣ.

— Что, дорога хорошая? Какъ прошелъ? На меня прошелъ?—спросилъ Меиляхъ, когда Александръ по общей просьбѣ подсѣлъ къ столу.—У меня былъ? Жену видѣлъ? Чай пилъ?—добавилъ онъ по русски съ неопредѣленной тревогой во взглядѣ. Александръ замѣтилъ это, и съ досадой почувствовалъ, что краснѣетъ...

— Былъ. Пилъ... кумысъ!

— Съ масломъ?—уже насмѣшливо допрашивалъ якутъ.

— Что: собраніе скоро будетъ?

— Было уже... Теперь обѣдаютъ. Опять будетъ. Почему ему не быть? Дѣлъ-то у наслега много. А ты: все тоже?

Александру, въ видѣ рѣдкой привилегіи, подали кусокъ мяса на тарелкѣ. Якуты болтали про свои дѣла, но видимо стѣснялись его. Послѣ обѣда толстый тоёнъ рыгнулъ протяжно и всталъ, крестясь и кивая головой. Онъ вскорѣ ушелъ изъ юрты, а за нимъ пошли и другіе. Остался одинъ Меиляхъ.

— Землю... все землю требуешь!—заговорилъ онъ ласково: — Взялъ бы самъ, и только... Кто отымать станетъ... Посѣешь и только... Попусту только ходишь... еще утонешь!..

— Конечно, возьму, если не дадите.

— Не-да-димъ...—протянулъ якутъ...—Намъ дать нельзя! Самъ возьмешь — другое дѣло. Земля вѣдь, какъ женщина: ты ее взялъ, она твоя, другой пришелъ взялъ — она его!.. Ей все равно. Она рожаетъ и только... А мужики изъ-за нея дерутся... А что, развѣ драки изъ-за земли не бываетъ? Бываетъ... даже больше, чѣмъ изъ за женщины!.. А чьи около тебя земли?

— Капитона.

— Ну, вотъ и прекрасно. Князь не станетъ защищать Капитона, они въ ссорѣ. А ты развѣ боишься кого-нибудь? Ты, говорятъ, и медвѣдя не боишься!..—Онъ прищурилъ узкіе глаза и хитро посмотрѣлъ на иностранца.

— Что ему отъ меня нужно?—соображалъ Александръ.

— Ты, вѣрно, думаешь—я о себѣ хлопочу?—догадался якутъ.—Напрасно. Жена моя русская, вотъ я о васъ, русскихъ, и хлопочу. Хорошо тебѣ говорю, вѣрь мнѣ!

— Все-таки нужно общество спросить.

— Спрашивай, спрашивай... Почему не спросить? А только не дастъ тебѣ общество земли. Нельзя! Эй, паря!—крикнулъ онъ на грѣющагося у камина юношу:—гдѣ князь? Иди сейчасъ, сбѣгай, скажи, что пришелъ русскій, землю проситъ!.. Сейчасъ!

— У попа былъ да ушелъ.

— Иди, иди, поищи!

Подростокъ поцарапалъ ухо и неохотно вышелъ. Мало-по-малу сталъ собираться народъ, они уже наполнили юрту, но князь все не приходилъ.

— Гдѣ же князь?

— Посылали за нимъ. Вѣрно, не разыскали.

Пришелъ и Капитонъ, разодѣтый въ пухъ и прахъ, въ бобровой шапкѣ, крытой плисомъ шубѣ, подпоясанный серебрянымъ поясомъ. Онъ подозрительно покосился на Александра и сталъ искать мѣста, гдѣ бы присѣсть.

— Садись, старина, вотъ сюда,—приглашалъ его Меиляхъ, дѣлая мѣсто около себя.—Хорошое я тебѣ уготовилъ мѣстечко, теплое!.. спокойное!..

— Гдѣ же князь?

— Да кто его знаетъ? можетъ, и потерялся... Водку у попа пьетъ!

Якуты шептались и мало-по-малу стало рѣдѣть въ юртѣ.

— Пойду, я его самъ поищу! — энергично заявилъ, наконецъ, Александръ. Ему, по мѣрѣ того, какъ приближался

вечеръ, все больше недосужилось, все тревожнѣе думалось о Сонѣ.

— Иди, иди!.. Ты его ужъ заставишь придти... Покажите русскому, гдѣ князь...—кричалъ Меиляхъ.

Александръ въ сопровожденіи мальчика отправился по сосѣдямъ. Конечно, князя нигдѣ не оказалось, и спустя часа два онъ злой и усталый возвратился въ родовое правленіе. Тамъ осталось уже очень мало якутовъ.

— Что же собраніе? Не будетъ?!

— Кто его знаетъ?.. Безъ князя развѣ можемъ? Должно быть, завтра...

Солнце склонялось къ западу; Александръ рѣшительно всталъ.

— Уходишь? Гдѣ же ночевать станешь?—съ нѣкоторой тревогой спрашивалъ Меиляхъ.—Останься здѣсь!..

— Нѣтъ, я пойду домой! Приду завтра! Онъ вскинулъ ружье на плечо и быстро пошелъ по тропинкѣ въ лѣсъ къ берегу. Ему было досадно, что его дурачатъ, а въ этомъ онъ не сомнѣвался. Онъ зналъ, что если теперь онъ не добьется рѣшительнаго отвѣта, ему не получить его раньше будущаго года. Завтра никакого собранія не будетъ. Между тѣмъ подходило время посѣва, затѣмъ придетъ сѣнокосъ, якуты разбредутся по лугамъ, по островамъ и лѣтникамъ; никакіе приказы ихъ не разыщутъ и не соберутъ. Все это бѣсило его, и уже въ лѣсу онъ рѣшилъ вернуться. Дѣйствительно, онъ не ошибся: его дурачили. Притаившись за стволомъ дерева на краю лѣса, онъ видѣлъ, какъ вошли обратно въ юрту вышедшіе наблюдать за нимъ якуты, какъ оттуда выбѣжалъ мальчикъ и вслѣдъ затѣмъ стали сходиться отовсюду родовичи, и на тропѣ показался князь. Александръ былъ увѣренъ, что онъ вышелъ изъ того дома, гдѣ недавно онъ тщетно искалъ его. Онъ подождалъ, пока всѣ войдутъ въ родовое правленіе, и поспѣшно направился туда. Въ юртѣ громко разговаривали и смѣялись.

— Гдѣ же князь? Идите, позовите князя,—искусственнымъ басомъ говорилъ Меиляхъ, очевидно подражая его голосу.

— Что же тебѣ, проклятый русскій, нужно?

— Пусть онъ мнѣ землю Капитона, бабу и всѣ хозяйскіе порядки...

— Бабу, такъ развѣ твою дадимъ...—защищался Капитонъ.—Она тоже русская! Твою бабу, мою землю... я согласенъ.

— А кукушку не хочешь?—показалъ ему Меиляхъ дулю. „Конечно: дать русскому кукушку!“—рѣшилъ князь.

Двери раскрылись. Появленіе Александра произвело впечатлѣніе. Никто не двинулся, всѣ остались, какъ сидѣли.

— Здравствуй, русскій... Ты, вѣрно, забылъ что-нибудь... А между тѣмъ и князь нашелся. Хорошо, что вернулся.

Александръ былъ сильно взволнованъ, но, насколько могъ, учтиво и сдержанно поздоровался съ княземъ.

— Прошу васъ раньше всего рѣшить мое дѣло. Я тороплюсь, скоро сумерки, и я не успѣю перебраться къ ночи за рѣку.

— Какое дѣло?

— Насчетъ земли. Зачѣмъ, князь, притворяешься? Весь день ты отъ меня прятался, а теперь притворяешься.

Якутъ вспыхнулъ и выпрямился.

— Мы ничего дурного не сдѣлали, чтобы прятаться. Чужого не просимъ... Отвѣтъ отъ губернатора не пришелъ, мы не можемъ составить рѣшенія.

— Зачѣмъ вамъ отвѣтъ? Вѣдь вы тамъ просите, чтобы выгнали мою дочь, а я-то вѣдь останусь. На счетъ земли вамъ уже изъ города, я это знаю, три бумаги посылали.

— На эти мы отвѣтили.

— Такъ отказываете? Вѣдь ты князь самъ обѣщалъ, совѣтовалъ тогда?!—съ раздраженіемъ спросилъ Александръ.

— Я тутъ при чемъ? Все міръ. Около тебя всѣ земли заняты, обработаны... Тамъ земли Капитона, а онъ не соглашается

— Мои ли, чужіе ли... а только нѣтъ у насъ земель...—запальчиво прервалъ Капитонъ:—Всѣ нужны, всѣ я въ этомъ году запашу... Хочешь, переводи его къ себѣ, князь, или... за рѣку. Такъ ли говорю, народъ?

— Нѣтъ у насъ земель...—загалдѣли якуты, въ числѣ которыхъ Александръ замѣтилъ и Туса, и отца Той, и даже Лягушечьи Глаза...

— За рѣку... развѣ на мѣсто татаръ?—ехидно шепнулъ Меиляхъ.

На мгновеніе воцарилось мрачное молчаніе.

— Что тутъ толковать: нигдѣ нѣтъ земель,—рѣшительно махнулъ рукою князь.

— Неправда, есть земля. Втунѣ лежатъ, вы сами не пользуетесь и другимъ не даете. Хочешь, князь, я покажу, гдѣ есть еще не тронутыя, годныя земли?

— Пускай будутъ! Пригодятся нашимъ дѣтямъ.

— Слушайте,—сдержанно и задушевно заговорилъ Але-

ксандръ, опять садясь на лавку.—Послушайте, вѣдь вы меня знаете. Два года живу у васъ, развѣ я сдѣлалъ вамъ что-нибудь дурное? Развѣ кто-нибудь изъ васъ слышалъ отъ меня грубое слово?..

— Это вѣрно,—соглашались они,—дурного мы пока не видѣли... Будь такой, просимъ, и дальше.

— Вѣдь, дали вы мнѣ домъ, даете пищу... Все это стоитъ денегъ.

— Еще бы... Вотъ, видишь, мы любимъ тебя.

— Я не хочу этого, я у васъ прошу землю, потому что хочу работать... хочу быть, какъ вы, какъ всѣ люди... Вѣдь, даете вы поселенцамъ, разбойникамъ...

— Боимся, потому даемъ! А давать бы не слѣдовало.

— Послушай, русскій!—въ тонъ ему заговорилъ князь.—Ты говоришь: земли у насъ много. Сами не пашемъ... Зачѣмъ намъ земля? Такъ ли говорю?—хорошо. Ты просишь немного, десять десятинъ дать бы можно, если бы было... Хорошо: даемъ. Ты построишься, пахать станешь... Хорошо. Поля ваши обширныя, не то что наши: всюду изгороди, заборы... Наставите кольевъ, загородите тропы, взроете лучшія пастбища на буграхъ, гдѣ растутъ сладкія травы, гдѣ жирѣетъ нашъ скотъ... Скотъ нашъ ходитъ глупый и голодный, всюду встрѣчая жерди... На пастбища долженъ уходить далеко отъ дому, не наѣдается, отъ того уменьшается его молочность: худѣетъ онъ. Мы живемъ отъ скота, вы живете отъ земли... Ты поселился, богатѣешь, разростаешься, а мы бѣжать должны... И какая намъ отъ этого польза? Скажи правду. А, вѣдь, земля то наша, дѣдовъ нашихъ... Когда мы пришли сюда, ничего не было, кромѣ звѣря и комаровъ... Звѣрей мы прогнали, машкару истребили дымомъ огней. Куда пойдемъ мы? Скажи, русскій, если бъ мы къ вамъ пришли и стали нашимъ скотомъ топтать ваши поля, развѣ вы остались бы довольны? Земля наша, и мы не должны уступать ее! Что скажутъ дѣти наши? Отцы были дураки и моты, промотали не свое добро, оставили намъ пустой камень! Какая намъ отъ этого польза, что въ нашихъ хорошихъ мѣстахъ живутъ хорошіе русскіе? Мы тоже хотимъ быть хорошіе! И мы современемъ будемъ пахать и сѣять, и теперь уже сѣемъ понемногу... Не сразу же зарѣзать намъ весь свой скотъ. Хлѣбъ не всегда здѣсь родитъ, а трава родится всегда... Да и всѣ русскіе здѣсь скотъ держутъ... Такъ почему же отымаете наше добро?

Мучительная тѣнь промелькнула по лицу Александра.

— Не я писалъ законы... Законъ за меня...—сухо отвѣтилъ онъ.

— Законъ? Послушай, русскій, не мы пишемъ законы, а вы—что захотите, то напишете... Думаю, себя не обидите?

— Не согласны, не согласны!..—шумѣли якуты.—Пиши отказъ!

— Поселенцу, вору навѣрное бы дали!

— Съ поселенцемъ мы бы такъ не разговаривали,—остановилъ его князь.

— Дали бы, но только... засѣдателю!—разсмѣялся Тусъ.

— Послушай, Ликсандра, мы прабавимъ тебѣ за твое хорошее поведеніе... Я согласенъ,—вмѣшался Капитонъ.

— Да, міръ прибавитъ...—высокомѣрно прервалъ его князь.—Мы знаемъ, у тебя дочь. Пудъ мяса и пудъ молока на лѣто... Осенью опять посовѣтуемся... Довольно ли будетъ?

— Бери, русскій!

Капли пота выступили на лбу Александра отъ духоты и волненія; онъ вытеръ ихъ платкомъ.

— Это только отсрочка все того же вопроса,—подумалъ онъ.

— Нѣтъ!.. Землю...

— Земли нѣтъ!..

— Земля разъ уходитъ къ русскимъ, не возвращается къ намъ!..

— Поселился одинъ русскій, а черезъ годъ—два, глядь, цѣлая ихъ деревня!.. Пойдутъ опять кражи и разбои...

— Всѣ они на словахъ хороши... всѣ они вначалѣ добры... Видѣли мы... Нѣтъ согласія!.. Кто тебя знаетъ, какой будешь? За хорошее не посылаютъ!..—галдѣли якуты.

— Возьму самъ, если не дадите!..

— Самъ?.. Бери, если можешь!—усмѣхнулся князь.—А только мы не даемъ...

Александръ взялъ шапку и безъ поклона направился къ выходу.

— Русскій, русскій!—окликнулъ его Капитонъ.—Послушай одно слово...

— Что?

— Чью ты землю взять хочешь?

Александръ, молча, отвернулся и вышелъ.

Солнце только что закатилось въ большую сѣрую тучу. Та одной стороной упиралась въ дальнія горы, а съ боковъ выпустила далеко на небо причудливыя мохнатыя лапы. Всѣ

цвѣта зари зажглись вскорѣ на ней: золото, пурпуръ, серебро унизали ея края; фіолетовыя, алыя и оранжевыя пятна легли во всю ширь странными, измѣнчивыми мазками. Точно художникъ писалъ картину и постоянно, обмакивая кисть, мѣнялъ тона и смѣшивалъ краски. Остальная часть неба была прозрачна, и блѣдныя звѣзды загорались на ней. Дали потемнѣли и затуманились.

Александръ сильно запоздалъ. Онъ проворно шелъ, не оглядываясь; движеніе развлекало его. Сверкающая искрами и задорными въ окнахъ огнями юрта Меиляха осталась позади; сквозь рѣдкій лѣсъ просвѣчивало бѣлое полотно рѣки. Но и ночь торопилась, и засвѣтло онъ успѣлъ пройти только главное русло. Между тѣмъ, опасная часть пути начиналась съ той его стороны. Опять пришлось прыгать черезъ щели, обходить промоины, кружиться по протокамъ, въ поискахъ болѣе прочнаго льда. Снѣгъ чуть бѣлѣлъ подъ ногами, а дальше ямы и полыньи совершенно сливались съ темнотою ночи. Нерѣдко онъ замѣчалъ ихъ только тогда, когда длинная его палка попадала въ пустоту или шлепалась въ черную, какъ чернила, воду. Нѣсколько разъ онъ проваливался, но благополучно, выбирался, чуть смочивъ платье. Двигаться впередъ становилось все опаснѣе. Тамъ въ положеніи льдовъ за день произошли какія-то перемѣны, которыхъ онъ не помнилъ и которыя путали его соображенія. Онъ сознавалъ опасность и только образъ Сони, ночующей въ грязной, полной насѣкомыхъ юртѣ Лягушечьихъ Глазъ, да отвращеніе къ неизбѣжной въ случаѣ возвращенія ночевкѣ у Меиляха, удерживали его. Онъ брелъ совсѣмъ тихо, высунувъ палку впередъ, напрягая зрѣніе и слухъ: не блеснетъ ли вода, не шепчетъ ли теченіе? Главный шиверъ рѣки былъ недалеко. Провалиться въ него было не опасно, тамъ мелко, но въ какомъ положеніи кругомъ быстрины закраины льда, гдѣ онъ подмытъ, гдѣ лежитъ на землѣ, гдѣ плаваетъ? Здѣсь вездѣ отмели и глубины чередовались самымъ прихотливымъ образомъ. Онъ зналъ это, не разъ плавалъ здѣсь въ лодкѣ. Онъ становился все медлительнѣе и осторожнѣе въ движеніяхъ, постоянно стучалъ палкой и прислушивался къ шуму льда. Повидимому, все въ порядкѣ... Вдругъ ледъ гдѣ-то позади тихо треснулъ, и Александръ почувствовалъ, что скользитъ все быстрѣе по наклону и падаетъ. Ноги его шлепнулись въ воду. Мгновеніе онъ лежалъ неподвижно на боку и инстинктивно прижимался изо всей мочи къ льдинѣ, которая плавно качалась.

Ступни его торчали на вѣсу. Глубоко тамъ подъ ними или мелко? Вѣроятно, глубоко, иначе ледъ не качался бы. Онъ могъ измѣрить палкой, которой не выпустилъ изъ рукъ, но онъ боялся шевельнуться, чувствуя, что достаточно малѣйшей неловкости, и онъ соскользнетъ въ невѣдомую глубь, и льдина закроется за нимъ, какъ створка. Наконецъ, колебанія прекратились; Александръ осторожно вынулъ изъ подъ себя правую руку и сталъ выдергивать изъ чехла ножъ. Какъ ни ловко онъ это дѣлалъ, льдина опять стала качаться, и тѣло его чуть-чуть скользнуло. Наконецъ, онъ досталъ ножъ, продвинулъ руку насколько могъ выше головы и легкими ударами сталъ долбить дырочку. Шилообразный толстый якутскій ножъ прекрасно дѣлалъ свое дѣло. Минуту спустя, онъ воткнулъ въ углубленіе тотъ же ножъ и, не мѣняя позы, осторожно подтянулся. Льдина сразу стала устойчивѣе. Онъ повторилъ маневръ еще и еще, пока не убѣдился, что безъ опасенія можетъ встать на колѣни. Тогда уже на колѣняхъ онъ поползъ дальше отъ воды, рокотаніе которой въ такомъ положеніи онъ слышалъ совершенно явственно. Наконецъ, онъ привсталъ и увидѣлъ сбоку большую темную пропасть. На днѣ ея сіяли звѣзды; трепетныя ихъ отраженія постоянно затуманивались и поглощались какими-то сѣрыми бугрями. Тусклый ихъ блескъ, правильное колыханіе и бѣлые фосфорическіе всплески объяснили дѣло. Это была не пропасть, а шиверъ. Александръ ободрился, оттуда было совсѣмъ близко до дому. Онъ сталъ обходить шиверъ, изрѣдка наклоняясь, чтобы, ударяя черенкомъ ножа, узнать, на вѣсу ли ледъ, или нѣтъ. Конецъ палки размочалился и не давалъ звука. Темная полоса берега была совсѣмъ близко. Александръ свернулъ къ тальниковой рощѣ, оттѣняющей глухую „курью“, гдѣ онъ обыкновенно ставилъ лѣтомъ сѣти. Это былъ болѣе длинный путь, но болѣе вѣрный. Выскочивъ на берегъ, онъ быстро, бѣгомъ почти, направился къ юртѣ Лягушечьихъ Глазъ. Свободное движеніе вернуло теплоту и гибкость его окоченѣлымъ членамъ.

Долго стучалъ онъ въ двери, пока откликнулись на его зовъ; не менѣе долго сопѣла и кряхтѣла якутка, отстегивая затворъ.

— Дочки твоей здѣсь нѣтъ—она дома!

— Какъ дома? Одна?

— Одна! Я понесла ее туда вечеромъ и сидѣла при ней, пока она не уснула...

— Молодецъ старуха! Изъ города непремѣнно тебѣ платокъ привезу... Растопи огонь, дай платье высушить, въ воду попалъ. Дома стучать—ребенка разбудишь!

— Айкабанъ! — всплеснула руками якутка, когда при свѣтѣ огня она увидѣла заиндевѣлую и промокшую фигуру Александра.—Ну и отчаянный же ты, русскій! Кто рѣшится... кто можетъ рѣшиться въ такую темень теперь пройти по рѣкѣ?!

Александръ улыбнулся. Да... конечно, не имъ, якутамъ, съ нимъ тягаться.

VI.

Много ловкости и терпѣнія пришлось потратить Александру, чтобы заставить пахать Воронка. Горячій конь плохо былъ объѣзженъ въ оглобляхъ, а тутъ необычная вещь— что-то тащится по землѣ, шуршитъ, сопротивляется и дергаетъ. Сначала Воронокъ совершенно отказывался ходить, становился на дыбы, бросался въ сторону. Плужокъ нѣсколько разъ сильно пострадалъ отъ него. Александръ, упрямый, но недостаточно опытный пахарь, всю надежду полагалъ въ послушаніи и любви къ нему коня. Позвать на помощь якутовъ нечего было и думать; даже Легушечьи Глаза, съ тѣхъ поръ, какъ Александръ принялся за обработку земли, сталъ видимо его сторониться. Соня, единственная свидѣтельница его опытовъ, визжала отъ страха и ее пришлось удалить въ юрту, вмѣстѣ съ Аяксомъ, тоже усердно лаявшимъ на строптиваго друга. Александръ, раздраженный и озабоченный, находилъ всякій разъ удивительное облегченіе, когда, обернувшись къ юртѣ, замѣчалъ въ окнѣ прильнувшее къ стеклу личико дочери.

— Изъ меня выйдетъ, есть надежда, замѣчательно нѣжный отецъ,—думалъ онъ, улыбаясь.

Наконецъ, послѣ безчисленныхъ поглаживаній, цоканій, проваживанія съ опрокинутымъ плугомъ на-легкѣ и съ плугомъ чуть-чуть воткнутымъ въ землю, лошадь поняла, чего отъ нея требуютъ, и стала ходить бороздой быстро и ровно. У Александра, конечно, не было ни клока земли, заготовленной съ осени. Якуты этой мѣстности старыя пажити пахали обыкновенно передъ самымъ посѣвомъ и заблаговременно подымали только нови. Александръ въ этомъ году рѣшилъ поступить такъ же, съ тѣмъ, чтобы постепенно ввести

болѣе раціональные порядки. Онъ запахалъ ближайшій къ своей юртѣ участокъ на южномъ склонѣ бугра, гдѣ замѣтны были слѣды прежней пахоты. Почва тамъ дѣйствительно оказалась болѣе рыхлой и обѣщала сносно разбороniться. Присутствіе нѣкоторыхъ растеній указывало на ея плодородіе. Александръ задумалъ захватить весь этотъ бугоръ у озера, гдѣ было годной для обработки земли десятины четыре, но сѣмянъ у него было много меньше, и на этотъ разъ онъ запахалъ только нѣсколько сотъ саженъ. Затѣмъ, нужно было дать обсохнуть землѣ отъ лишней влаги, но такъ какъ вспашка длилась нѣсколько дней, то часть поля обвѣтрило и можно было сѣять хоть сейчасъ.

День выдался облачный, но теплый и лучистый. По Алдану съ грохотомъ двигались льды. По долинѣ, то позлащенной солнцемъ, то прикрытой мягкой тѣнью проплывающихъ тучъ, гулялъ перемѣнчивый вѣтерокъ. Стаи перелетныхъ птицъ летѣли густо и оживленно. Надъ головой Александра то и дѣло раздавалось гоготаніе гусей, трубные металлическіе звуки журавлиныхъ стай, крики чаекъ... Стада утокъ летѣли молча, но рѣзкій шумъ ихъ полета глушилъ пѣніе другихъ птицъ. Пары лебедей проносились плавно и беззвучно, какъ изящныя бѣлыя тѣни. На озерахъ, на болотахъ, по лугамъ и сухимъ утокамъ голосили, свистѣли, перекликались хоры куликовъ, плавунчиковъ, пѣтушковъ... Въ лѣсу куковала кукушка.

Александръ поставилъ мѣшокъ съ сѣменами въ углу пашни и отсыпалъ зерна въ берестяной „чыбычахъ“. Онъ волновался, у него дрожали руки и сильно билось сердце. Онъ чуть-было не перекрестился, какъ это дѣлаютъ въ началѣ посѣва якуты, но спохватился и только снялъ шапку. И такъ... начинается новая жизнь! Дурна ли будетъ, хороша ли, а будетъ другая... Всѣ жильцы его юрты присутствовали при этомъ торжествѣ. На краю нивы стояла Соня въ соломенной шляпкѣ на затылкѣ, съ букетомъ золотистыхъ якутскихъ анемонъ въ рукахъ. Около нея сидѣлъ Аякс и, развѣсивъ длинныя уши, съ большимъ вниманіемъ слѣдилъ за всѣмъ, что дѣлаетъ хозяинъ, даже Воронъ, привязанный къ ближайшему дереву, въ упряжи, приготовленной для бороньбы, повертывалъ къ нему свою умную головку. Александръ взялъ горсть ячменю: полныя, жирныя на ощупь зернышки сѣмянъ пріятно щекотали его огрубѣлую ладонь. Дѣло, впрочемъ, оказалось далеко не такъ просто. Первый

взмахъ вышелъ черезчуръ силенъ, второй слишкомъ слабъ. Получались огрѣхи, цѣлыя незасѣянныя пятна, которыя Александръ присѣвалъ, посыпая ихъ тщательно зерномъ, щепотью, подобно тому, какъ солятъ хлѣбъ. Отъ досады и напряженія потъ градомъ лился по его лицу. Ничего не помогало, зерно ложилось неровно. Тогда онъ рѣшилъ предварительно подучиться; взялъ въ посуду желтаго песку и попробовалъ идти и разсѣвать его болѣе свободно. Онъ смутно вспоминалъ видѣнное имъ когда-то на родинѣ. Шагъ впередъ... горсть песку полукругомъ къ правому боку, шагъ другой... горсть песку полукругомъ къ лѣвому боку... Разъ... два, разъ... два!.. Вскорѣ онъ съ присущей ему физической ловкостью приспособился настолько, что могъ приняться за сѣмена. Не успѣлъ онъ засѣять и половины поля, какъ замѣтилъ на противуположномъ берегу озера трехъ всадниковъ: одинъ впереди, два сзади на одномъ конѣ. Они переправились въ бродъ у юрты Лягушечьихъ Глазъ и направились по тропинкѣ прямо къ нему. Что они ѣхали къ нему, въ этомъ не могло быть сомнѣнія.

Тѣмъ и хорошо было положеніе его усадьбы, что къ ней вела одна дорога, и никто не могъ приблизиться незамѣченнымъ. Обрывъ Алдана защищалъ ее съ тыла, а кругомъ была просторная голая равнина, рѣдкіе кусты которой не мѣшали слѣдить за приближающимися. Кажется, вначалѣ якуты сами выбрали для него это мѣсто ради удобствъ наблюденія, но теперь это, въ свою очередь, оказалось и для него удобнымъ.

Александръ безъ труда узналъ во всадникахъ Капитона съ сыномъ и работникомъ. Онъ поспѣшно забросилъ на спину ружье, которое привыкъ носить съ собою всюду и которое только на время оставилъ около мѣшка, ради удобствъ работы. Якуты въѣхали на поле и слѣзли съ сѣделъ. У нихъ не замѣтно было другого оружія, кромѣ обычныхъ ножей; работникъ Капитона слылъ, впрочемъ, въ околоткѣ за борца и силача.

— Капсе...—поздоровался политично Капитонъ.

— Капсе!

— Что ты, русскій, дѣлаешь? Вправду вздумалъ сѣять... Вѣдь земля-то чужая... Наслегъ тебѣ не далъ... Земля-то наша... моя!.. Я не долженъ дать тебѣ... Не по закону...

— И вы не по закону... Я вѣдь вамъ говорилъ. А землю-то ты сколько уже лѣтъ не сѣялъ? Она тебѣ не нужна...

— Нужна ли, не нужна... ты меня спроси! Я не долженъ за весь наслегъ отвѣчать... Уходи!

— Стыдно тебѣ, старикъ... Много ли я ее у тебя взялъ? Уйду со временемъ, останется, съ собою не унесу... Лучше обработанная останется, чѣмъ у кого-либо—увидишь!..

— Твоего мнѣ не нужно, а стыдиться мнѣ нечего... Что, я укралъ что-либо? Уходи, уходи... безъ спору и тебѣ лучше будетъ, и мнѣ!..

Александръ пожалъ плечами и притворился, что хочетъ дальше сѣять. Якуты стали ему поперекъ дороги.

— Ты и не думай! Ты силой—и мы силой!..

— Ты, старикъ, вижу, съ ума сошелъ! Уходи прочь, не мѣшай работать... Жалуйся... засѣдателю жалуйся!

— Это само собою! А теперь не дадимъ!..—онъ протянулъ руку къ туесу.—Эй, Василій!—крикнулъ онъ на работника,—тащи зерно!..

Василій отдалъ поводъ своей лошади подростку, сыну Капитона; Александръ поблѣднѣлъ и медленно снялъ съ плечъ ружье.

— Слушай, старикъ, не дури! Я хлѣбъ посѣю и соберу, это какъ Богъ на небѣ. Ты говоришь: земля твоя! Хорошо, я согласенъ въ этомъ году уплатить тебѣ аренду, сколько присудитъ засѣдатель... А теперь... уходи! Я засѣю, хоть вы на головахъ тутъ ходите!..

— Зачѣмъ намъ на головахъ ходить?.. Мы тоже подати платимъ! Денегъ я самъ тебѣ дамъ, русская болячка! а сѣять не позволю... Вотъ опрокину зерно и только!..

Якутъ угрожающе протянулъ ногу къ мѣшку, но Александръ въ тотъ же мигъ отбилъ ее ударомъ своей ноги такъ сильно, что тотъ покачнулся.

— Посмотрите... посмотрите... Онъ еще дерется!

— Убирайтесь! Мое поле!.. У моего дома и мое!..—закричалъ, въ свою очередь, Александръ, ударяя энергично прикладомъ въ землю... Вонъ!

Якуты попятились и сбились въ кучу около лошадей, но не уходили. Положеніе было глупое, стоять противъ якутовъ на одномъ мѣстѣ ни къ чему не вело, а уйти работать отъ мѣшка съ хлѣбомъ было опасно. Еще опаснѣе было начинать боронить, нарочно испугаютъ лошадь, она понесетъ и наколется сама или его поранитъ желѣзной бороной. Якуты, очевидно, угадали это.

— Мы вотъ такъ здѣсь и ночевать будемъ, а своего не

дадимъ... У-у... разбойникъ!.. Глаза-то, какъ гвозди! Живьемъ человѣка проколоть хотятъ!..

— Аяксъ... Аяксъ сюда!..—свистнулъ Александръ на собаку, которая ушла было съ Соней въ рощу. Аяксъ, какъ стрѣла, понесся на зовъ, дѣвочка тоже вышла за нимъ на край лѣса. Александръ почувствовалъ испугъ, что и она придетъ и будетъ присутствовать при безобразной сценѣ.

— Аяксъ, ложись—сюда... смирно... карауль!—укладывалъ онъ собаку около мѣшка. Та послушно легла и положила морду на вытянутыя лапы. Якуты съ нескрываемымъ страхомъ смотрѣли на мохнатое южное чудовище, грозно уставившее на нихъ свирѣпые, желтые глаза. Александръ принялся сѣять, собственно посѣва осталось мало, но онъ нарочно растягивалъ работу, разсчитывая, что сосѣдство Аякса въ его отсутствіи не понравится якутамъ, и они уѣдутъ. Дѣйствительно, они, немного спустя, сѣли на лошадей и поѣхали за нимъ.

— Сѣй... сѣй... Ликсандра! Будемъ собирать, Богу за тебя молиться... Какъ молимся за души татаръ!—вскричалъ, наконецъ, Капитонъ, свертывая на тропинку.

— Хорошо... хорошо!.. Проваливайте и... не попадайтесь!..

Онъ наблюдалъ за ними, пока они окружали озеро, они оглядывались нѣсколько разъ и даже остановились и, поповернувъ бокомъ лошадей, очень долго и горячо разсуждали, указывая руками. Около юрты Лягушечьихъ Глазъ они спустились съ сѣделъ и вошли въ избу.

— Трусы... пустое!—успокоивалъ себя Александръ.—Уйди, дочка!.. Иди домой!.. Будь добренькой... Воронокъ боится тебя!..—урезонивалъ онъ Соню, прибѣжавшую съ разспросами.

— Якуты приходили... Дурные якуты... Землю не даютъ?..—спрашивала дѣвочка, заглядывая въ сердитое лицо отца.—Они насъ не убьютъ?

— Иди, иди, Сонечка, домой... и Аякса возьми съ собою.—Они ушли. Александръ остался одинъ, запрягъ Воронка и прошелся разъ по полю, ведя коня подъ уздцы; затѣмъ онъ сдѣлалъ передышку. Соня давно просила ѣсть и его самого сильно мучила жажда. Послѣ обѣда, онъ усердно принялся за работу; дня оставался не большой уже запасъ.

Солнце закатилось. Воронокъ усталый уже не шалилъ, онъ смирно ходилъ въ поводу. Александръ чувствовалъ себя

сильно разбитымъ всѣми дневными приключеніями, ноги отказывались ходить и голова кружилась отъ безчисленныхъ поворотовъ по крошечному полю. Пора кончать, отдохнуть, поужинать, уложить спать дочку. Влажная земля стала плохо разбораниваться, быстро затвердѣвала отъ повѣявшаго съ рѣки холода; желѣзные зубья все чаще и звучнѣе постукивали о ледяную подпочву, которая тоже стала наростать снизу. Александръ отпрегъ коня и повелъ его домой. Онъ минуту колебался: принести ли и борону домой; ему очень не хотѣлось тащить такой тяжести, но видъ засѣдланной лошади, все еще стоявшей у юрты Лягушечьихъ Глазъ, заставилъ его рѣшиться. Онъ со вздохомъ пошелъ обратно и принесъ борону во дворъ на плечѣ. Только когда онъ присѣлъ ужинать вмѣстѣ съ дѣвочкой, сталъ рѣзать теплую свѣже-испеченную лепешку и разливать ароматный чай, тихое спокойствіе, почти нѣга вернулись къ нему. Первый день, первый день во всю жизнь настоящаго труда. Онъ у основъ. Между нимъ и природой нѣтъ никакихъ посредниковъ.

— Ѣшь, дочка... Будетъ и у насъ скоро своя лепешка...

— Съ масломъ?

— Можетъ быть, и съ масломъ...

Огонь ярко пылалъ, его вспышки прихотливо прыгали по косымъ стѣнамъ; въ кругу свѣта, передъ низкимъ шесткомъ камина возсѣдалъ важно Аяксъ и внимательно слѣдилъ за клокочущей въ горшкѣ похлебкой: онъ зналъ, что это для него. Только теперь усталость всего рабочаго дня обнаружилась, разломила кости и мышцы Александра. Его тянуло прилечь, вытянуться, глаза слипались. Между тѣмъ, нужно уложить Соню, которая уже склонила на ученки сонную головку, нужно накормить Аякса, положить въ ясли сѣна для Воронка. Онъ вылилъ похлебку для собаки въ корытцо и приготовилъ постель для дѣвочки.

— Папа... папа!.. Гдѣ мои цвѣты?.. Они у меня за куклу... Ты позволь мнѣ положить ихъ съ собою!..—лепеталъ, засыпая, ребенокъ. Онъ положилъ ей на подушку букетъ, одѣтый въ тряпочки.

Съ кормленіемъ коня вышла задержка; онъ черезчуръ вспотѣлъ и не обсыхалъ. Онъ тихо, умоляюще ржалъ все время, пока Александръ ворочалъ въ ясляхъ сѣно, но кормить его было невозможно. Александръ совершенно вытрезвѣлъ въ работѣ на свѣжемъ прохладномъ воздухѣ. Вечеръ былъ тихій, росистый, даже легкій дневной вѣтерокъ уснулъ.

Небо чистое. Алое зарево заката охватило весь почти небосклонъ, воздухъ былъ напитанъ розовымъ его свѣтомъ, имъ окрасились и прозрачныя туманы, струящіеся изъ влажной земли, и курчавыя облака, повиснувшія надъ пропастью Алдана, гдѣ вдругъ замолкли и остановились весь день громыхавшіе льды ледохода. Розовымъ блескомъ подернулись и лиловыя вдали горы, и черная тайга. Парочка утокъ порывисто пролетѣла надъ долиной и присѣла за ближайшими кустами, гдѣ чуткое ухо Александра улавливало сдержанное гоготаніе и говоръ многочисленной засыпающей птицы. Тамъ было болотце, вѣрнѣе, низменная лужайка, заливаемая ранней весною снѣговыми водами. Ее густо заросталъ ракитникъ и она вплоть прилегала къ руслу Алдана, только была значительно выше его, слѣдовательно, теплѣе. Все это дѣлало ее любимымъ пристанищемъ перелетной птицы. Александръ взялъ ружье и направился туда. Тамъ у него была „засѣдка“ — огромный пень вырваннаго съ корнемъ дерева, неизвѣстно какъ сюда попавшій, очевидно занесенный особенно высокимъ разливомъ рѣки. Онъ подкрадывался всегда къ болотцу подъ защитой этого пня. На этотъ разъ онъ долго не могъ замѣтить птицъ. Черная поверхность воды, испещренная серебристыми и алыми пятнами блеска, тонкая сѣрая сѣть ракитника и желтыхъ травъ совершенно скрывали ихъ. Только голоса, всплески и колыханіе травы убѣждали Александра, что онъ не ошибся. Дѣйствительно: когда онъ вплоть подползъ ко пню и прилегъ за нимъ, то безъ труда замѣтилъ, что болотце кишмя-кишитъ утками.

Большая часть ихъ держалась, впрочемъ, въ томъ концѣ, далеко отъ подозрительнаго пня. Наконецъ, какая-то болѣе легкомысленная или увлекшаяся парочка выплыла на середину алаго просвѣта. Александръ выждалъ, когда онѣ стали въ одну линію, и выстрѣлилъ. Поднялся невообразимый гвалтъ, съ шумомъ вспорхнули стаи утокъ, чайки съ жалобнымъ плачемъ простерли свои длинныя, узкія крылья, и черная туча гусей тяжело поднялась съ песчанаго откоса.

— Тьфу!.. Гуси... Какъ я не замѣтилъ ихъ!? — волновался Александръ, заряжая ружье. Онъ досталъ убитыхъ утокъ и опять неподвижно прилегъ за свой пень.

Опять тихо; только въ ложбинѣ Алдана, наполненной до краевъ сгрудившимися льдами, шелестятъ обсыпающіеся съ глыбъ ледяныя иглы, или глухо застонетъ рѣка, тщетно стараясь приподнять и отбросить дальше хрустальную запруду.

Еще рано, еще мало накопилось воды! Тихо; меркнутъ послѣдніе отблески дня, ночь сыплетъ съ неба все густѣющій мракъ. Стая утокъ съ рѣки пронеслась надъ болотцемъ; надъ пнемъ онѣ вдругъ взвились выше и, окруживъ еще разъ болото, улетѣли.

— Увидѣли!..— съ досадой думалъ Александръ.

Немного спустя пара чирковъ присѣла на томъ концѣ и стала чиркать.

— Ладно!..

Вновь пронеслась съ рѣки стая утокъ. Александръ даже лицо закрылъ шапкой, чтобы на пнѣ не было замѣтно ни малѣйшаго бѣлаго пятнышка. Въ летъ, особенно вечеромъ, онъ стрѣлять не рѣшался. Онъ терпѣливо ждалъ, не сядетъ ли еще парочка по удобнѣе, пока окончательно не потухъ свѣтъ. Гдѣ-то недалеко гнусили гуси. Пара лебедей вылетѣла изъ-за зубчатаго лѣса и наискось поплыла надъ долиной къ рѣкѣ.

— Это съ горныхъ озеръ!—подумалъ Александръ.

Плавно, спокойно, вытянувъ гибкія шеи и согласно ударяя крыльями, летѣла царственная пара. Она окружила долину и исчезла за лѣсомъ, но вскорѣ опять появилась, значительно понизивъ полетъ. Она искала удобнаго ночлега. Александръ притаилъ дыханіе; онъ все забылъ: дочку, коня, посѣвъ, весь сосредоточился въ вопросѣ: сядутъ или нѣтъ, пролетятъ на выстрѣлъ или стороной?.. Вдругъ позади раздался заливистый лай Аякса и вслѣдъ затѣмъ топотъ лошадей... Александръ живо вскочилъ на ноги и бросился туда; всполошенныя утки опять загалдѣли, лебеди нѣсколькими сильными взмахами поднялись вверхъ и повернули назадъ. Александръ бѣгомъ бѣжалъ къ дому, а топотъ также удалялся отъ него. Когда онъ выскочилъ на дорогу, то увидѣлъ, что вдали мчится всадникъ и уводитъ въ поводу его Ворона. У него отъ бѣшенства закружилась голова, онъ мгновенно приложился, но вмѣстѣ съ тѣмъ сознаніе вернулось къ нему и онъ вмѣсто выстрѣла, закричалъ пронзительно...

— Стой!.. стой!..

Якутъ на скаку оглянулся и, увидя направленное въ себя дуло, выпустилъ поводъ. Воронокъ, задравши хвостъ побѣжалъ дальше, а ѣздокъ шарахнулся въ кусты. Немного дальше, онъ опять показался на дорогѣ и уже спокойно сталъ огибать озеро по направленію къ дому Капитона. У юрты Лягушечьихъ Глазъ исчезла засѣдланная лошадь. Александръ и безъ того догадался, кто похитители. Онъ забросилъ ружье

на спину и быстро пошелъ по дорогѣ. Пока онъ добрался къ юртѣ Капитона, короткая полярная ночь окончилась, и на смугломъ утреннемъ небѣ горѣла новая заря.

У Капитона все, казалось, погружено было въ глубокій подозрительный сонъ, только собака на плоской крышѣ взвыла при появленіи Александра; никто не вышелъ, не пошевелился. Раньше чѣмъ войти, Александръ снялъ ружье и послѣ нѣкотораго раздумья оставилъ его по обычаю на дворѣ. Спящіе сильно храпѣли въ юртѣ. Напрасно онъ кашлялъ, шумѣлъ, и затопилъ на каминѣ огонь, они все храпѣли.

— Эй, кто тамъ? Капитонъ!.. Старикъ!..— заговорилъ наконецъ Александръ, приближаясь къ хозяйской кровати. За ровдужной ея занавѣской зашевелились.

— А...аа! Кто зоветъ? Чего нужно?

— Встань, старикъ... у меня дѣло къ тебѣ!

— Дѣло? Можетъ быть, опять меня бить хочешь?.. Приходи днемъ!

— Безъ шутокъ, старикъ!.. Твой работникъ у меня коня увелъ. Я его видѣлъ...

Молчаніе.

— Увелъ коня... ишь какой разбойникъ! А ты его поймалъ? Ну что жъ: накостыляй ему хорошо въ шею!.. А можетъ быть, онъ не нашъ работникъ, если ты его не руками поймалъ... Конь-то развѣ у насъ во дворѣ?..

— Оставь, старикъ, болтать пустое! Коня ты взять приказалъ, я пришелъ его получить обратно!

— Откуда возьму? У тебя конь потерялся, а у меня и конь, и работникъ. Ужасный воръ этотъ мой работникъ, оказывается. Придется прогнать негодяя. Такъ безпокоить господина русскаго... Чѣмъ же ты завтра доборонишь поле, бѣдняжка!? Я тебѣ завтра дамъ Николая сынишку, онъ тебѣ поможетъ поймать коня!..

— Нѣтъ, ты мнѣ долженъ дать коня, я самъ поѣду. Затѣмъ и пришелъ.

— Коня?! Да его нѣтъ у меня! Кто же согласится дать коня въ такое рабочее время? Ты, пожалуй, боронить на немъ вздумаешь, а у насъ кони неученые, себя поранятъ или тебя убьютъ... Бѣда! Нѣтъ, я тебѣ посовѣтую, русскій: ты коня не проси, а завтра я тебѣ пошлю сына Никушу...

— Хорошо, — согласился, подумавши, Александръ: — а только помни, Капитонъ: если что-нибудь случится съ моимъ конемъ, ты въ отвѣтѣ!

— Что же ты со мной сдѣлаешь? Рѣзать меня будешь?

Старикъ высунулъ голову изъ за занавѣси и глаза ихъ встрѣтились.

— Ужъ тамъ увидимъ!

— Бѣдовый!.. А только... будетъ тебѣ пусто!

Александръ вышелъ. Положеніе было дѣйствительно затруднительное. Онъ могъ жаловаться князю, но жаловаться князю значило жаловаться Капитону. Хотя они и враждовали съ собою, но несогласія ихъ не переходили ненависти къ пришельцамъ. Между тѣмъ, онъ долженъ сразу показать имъ, что такимъ путемъ они ему не помѣшаютъ. Сильно озабоченный, онъ возвращался домой.

За Алданомъ всходило солнце. Лучи его не взлетѣли еще на плоскогоріе, но пропасть рѣки полна была ихъ сіяніемъ. Верхушки повисшихъ на краю сосенъ, пучки травъ и кусты уже зажглись золотыми искрами. Туманъ надъ лугами тихо колыхался.

Александръ быстро шелъ по ровной, убитой тропинкѣ, вьющейся среди черныхъ, недавно выжженныхъ луговъ и раздумывалъ, гдѣ бы могъ находиться теперь Воронокъ. Онъ убѣжалъ, по всей вѣроятности, къ табунамъ, а табуны ушли въ лѣсъ. На лугахъ только что пущены обычные весенніе палы. Тамъ нѣтъ корма. Не скоро его теперь найдешь.

Въ усадьбахъ, мимо которыхъ онъ проходилъ, спали. Да и тщетно было спрашивать совѣта или указанія. Онъ на этотъ счетъ не обманывался. Когда онъ проходилъ мимо юрты Той, дверь стукнула и кто-то оттуда выглянулъ. Развѣ спросить дѣвушку? Онъ перепрыгнулъ черезъ изгородь. Быкъ съ кольцомъ въ носу, спавшій посрединѣ двора, всталъ и удивленно повернулъ къ нему свою голову; собаки узнали его и стали вилять хвостами. Когда онъ открылъ двери, раздувавшая на каминѣ огонь полу-одѣтая Той стыдливо прикрила рукою обнаженную грудь и попятилась назадъ въ темноту.

— Что отецъ... спитъ?

Дѣвушка не отвѣтила.

— Чего тебѣ русскій? Ночью ходишь, кто тебя не знаетъ, подумаетъ, скотъ осматриваешь. Съ охоты идешь? Утокъ много?

— Да нѣтъ!.. Слушай, Степанъ, — сообразилъ онъ вдругъ,—дай ты мнѣ быка на сегодня... боронить!

— Боронить? А конь твой?

— Конь убѣжалъ.

— Убѣжалъ? Самъ убѣжалъ или какъ?..

Хозяинъ съ необычной живостью присѣлъ, какъ былъ нагишемъ, на краю кровати.

— Да... а! А зачѣмъ къ тебѣ Капитонъ ѣздилъ вчера?

— Да такъ!.. Зачѣмъ тебѣ знать?.. Да ты вѣрно и знаешь. Дай быка, я прошу!

— Ну, это не скоро можно сдѣлать... Мы люди маленькіе... Быкъ-то у насъ одинъ. Ты, пожалуй, быка испортишь... Ты вѣдь больше на лошадяхъ ѣздишь... Ты бы пошелъ къ Капитону, лошадь попросилъ. Лошадей у него много...

— Прошу тебя, старикъ, очень прошу... Вѣдь, жили мы хорошо съ тобою по сосѣдски... Если я сегодня не забороню зерна, вороны все выклюютъ... Коня, когда еще найдешь, ушелъ далеко, а ходить искать... грязно!

— И то правда! Понимаю!.. Какъ не понять... А только почему ты не взялъ быка у Лягушечьихъ Глазъ?.. Не могу я тебѣ дать быка... Развѣ силой, какъ землю, возьмешь?!.

— Силой я не возьму, а прошу тебя, сильно прошу... Отблагодарю...

— Отблагодаришь? Ну, ты это оставь. Ты человѣкъ вольной земли. Сегодня здѣсь, завтра тамъ, а сосѣди всегда со мной останутся... Нельзя... Съѣдятъ меня за это...

Александръ всталъ; было очевидно, что не получить ему быка. Онъ уже былъ у воротъ, когда якутъ выскочилъ изъ дому и закричалъ вслѣдъ ему:

— Русскій!.. а русскій!.. Что ты... Вернись... Давай три рубля и бери быка, только не говори, что я давалъ.

— Три рубля дорого... Хочешь рубль?

— Вотъ видишь: ты говорилъ отблагодарю, а три рубля дорого... Ну, ладно, давай рубль!.. Скоро!—заторопился онъ, увидѣвши, что Той вышла на дворъ съ подойникомъ въ рукахъ.

Александръ незамѣтно сунулъ ему бумажку.

— Что же ты, русскій, насильничать вздумалъ? Смотрите, смотрите: онъ вправду беретъ у меня быка! Ой люди... люди! Какой грѣхъ!..—визжалъ старикъ все время, пока Александръ уводилъ со двора животное.

За воротами Александръ перебросилъ поводъ между рогъ, сѣлъ на быка и поѣхалъ. Ему было и смѣшно, и противно.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ПИСЕМСКІЙ.

*(Продолженіе *).*

XXIII.

Ананій Яковлевъ—единственная фигура во всей русской народнической литературѣ, по истинѣ эпическая, грандіозная, своего рода король Лиръ мужицкаго царства. У него и рѣчь отмѣнная, простая, народная—съ какимъ-то неуловимымъ оттѣнкомъ своеобразной силы и важности, въ трагическіе моменты—она становится необычайно внушительной, почти величественной. Такъ можетъ говорить человѣкъ, всецѣло проникнутый сознаніемъ своей личности, успѣвшій испытать свою мощь и умъ и стать на исключительную высоту сравнительно съ другими. Это впечатлѣніе сопровождаетъ всѣ сцены, гдѣ является Ананій: съ женой, съ деревенскимъ пьяницей, съ бариномъ, съ властями.

Ананія совершенно, повидимому, не коснулись рабскія вліянія крѣпостного состоянія, у него нѣтъ и намека на безсознательную покорность, онъ рѣшительно не способенъ на униженія, баринъ ему не рисуется въ особомъ свѣтѣ привилегированныхъ правъ на него, какъ крѣпостного. Ананій, среди общаго самоотреченія и безправія, доросъ до понятія о *своемъ* «честномъ имени», о *своемъ* правѣ; за нихъ онъ готовъ пойти на поселенье, не продастъ ихъ ни за какія деньги, отважится на какую угодно борьбу и съ какимъ угодно противникомъ...

Какимъ чудомъ могъ родиться, вырости и даже достигнуть благосостоянія подобный человѣкъ тамъ, гдѣ отъ бурмистра до послѣдняго мужика *всѣ* господскую *волю* считаютъ *закономъ*, страхъ предъ гнѣвомъ барина полагаютъ выше всякой нравственности и справедливости, о чести же, честномъ имени—*ни одинъ* изъ односельчанъ Ананія не имѣетъ даже самаго смутнаго представленія? Даже больше. Бурмистра, какъ истаго выученика раб-

---

*) См. «Міръ Божій», № 10, октябрь 1896 г.

ской пиколы, приводитъ въ ярость малѣйшій проблескъ свободы и человѣческаго достоинства именно у *мужика*. Онъ, въ столкновеніяхъ съ Ананіемъ, не столько старается заслужить предъ бариномъ, сколько съ исконнымъ хамскимъ инстинктомъ борется за *свои* интересы, за свое рабское самолюбіе. Ананій, весь какъ онъ есть, живой укоръ ему, бурмистру, его подневольной жизни и постыдному сомоуничиженію. Недаромъ бурмистръ непрестанно напоминаетъ Ананію, какъ служили и слѣдуетъ служить господамъ, какъ онъ, бурмистръ, «нѣмѣлъ и трепеталъ взгляду господскаго». Въ его глазахъ Ананій—нѣчто противоестественное и противозаконное: «султанъ великій», «король—моголъ великій»,— осыпаетъ онъ Ананія саркастическими эпитетами, готовый жизнью и кровью защищать старые рабскіе порядки. Явленіе въ высшей степени любопытное въ теоретическомъ и бытовомъ смыслѣ! Самая вопіющая неправда и беззаконнѣйшій строй жизни могутъ съ теченіемъ времени выработать самоотверженныхъ и убѣжденныхъ защитниковъ, своего рода рыцарей, могутъ окончательно извратить человѣческую природу, и она дѣйствительно и вполнѣ искренне будетъ тосковать о «неволѣ и цѣпяхъ» и до глубины души ненавидѣть всякія внѣшнія стремленія къ свободѣ и личному достоинству.

Послушайте, съ какой гордостью, да—именно *съ гордостью* повѣствуетъ бурмистръ о чемъ же? о какихъ-либо подвигахъ отваги и мужества?—нѣтъ, о *трепетѣ* и *нѣмотѣ* предъ однимъ взглядомъ господина, и какъ они, старики, «кажинный часъ ждали и чаяли, что вотъ разразится гроза», столь же безсмысленная, несправедливая, фантастическая, какъ, напримѣръ, удары кнута, которыми пьяный погонщикъ осыпаетъ забитое, ни въ чемъ не повинное, безгласное животное. Гордость положеніемъ, на какое въ баснѣ сѣтуетъ даже оселъ!

И вы чувствуете всю жизненность изображеннаго явленія, и оно говоритъ вамъ о прошломъ злѣ съ неотразимымъ краснорѣчіемъ, вызывая нескончаемую вереницу думъ и воспоминаній. Но въ нашемъ случаѣ оно особенно краснорѣчиво рядомъ съ личностью совершенно не крѣпостническаго закала. Если бурмистръ представляетъ обычный *нормальный* продуктъ крѣпостного права, если во всей деревнѣ мы не видимъ ни одного мужика «инако мыслящаго», тѣмъ замѣчательнѣе фактъ появленія въ такой средѣ Ананія, на рабскій сарказмъ бурмистра держащаго такой отвѣтъ:

«Великій, коли самъ себя знаю!..»

«Самъ себя знаю»,—вѣдь это подлинное, *человѣческое самосознаніе*—тамъ, гдѣ ни жизнь, ни законъ не признаютъ за мужи-

комъ индивидуальности, его личнаго *я*, слѣдовательно, даже не предполагаютъ возможности такого психологическаго курьеза, какъ «*самъ себя* знаю».

Таковъ герой... Но всякій героизмъ пріобрѣтаетъ цѣну и смыслъ въ зависимости отъ сцены, гдѣ онъ раскрывается. А сценъ для крѣпостного героя можетъ быть великое множество и, если мы обратимся къ нашему автору, онѣ окажутся въ большинствѣ одинаковыми. Мы знаемъ помѣщиковъ «съ тонкими вкусами», отдѣляющими себя отъ «этого народа» «управителями», знаемъ паничей-идеалистовъ и, наконецъ, идеально-хозяйственныхъ господъ. Разсказъ *Старческій грѣхъ* показываетъ цѣлую галлерею новыхъ фигуръ. Это въ нѣкоторомъ родѣ отрывокъ изъ поѣздки Чичикова, но только у Писемскаго свои собственные герои.

Главный герой разсказа, ищущій по помѣщикамъ денегъ взаймы, пріѣзжаетъ сначала къ маіору Одинцову: это — вѣчно пьяный, но безумный любитель танцовальнаго искусства, ежеминутно готовый избить до полусмерти не только подданныхъ, но и всякаго перваго встрѣчнаго. Дальше, личность совершенно другого типа: г. Гавриловъ, несказанно изящный гастрономъ, гостепріимный хозяинъ, тонкій собесѣдникъ. Фигура, повидимому, необычайно пріятная, но самъ авторъ не можетъ сдержать чувства негодованія на джентльмена, таящаго подъ европейской внѣшностью неисчерпаемую бездну эгоизма, разсчетливости, неумолимаго безсердечія. Съ виду благопристойная жизнь выходитъ въ дѣйствительности сплошнымъ «преступленіемъ». Даже американскій плантаторъ симпатичнѣе: тотъ, по крайней мѣрѣ, борется съ природой, иногда съ дикими племенами и звѣрями, а здѣсь сибаритъ, «рабъ лѣнивый ни разу не добылъ своимъ плечикомъ копѣйки», не вступалъ ни въ какую борьбу, а спокойно ѣлъ тонкіе обѣды и копилъ изъ любви къ искусству... Въ заключеніе галлереи помѣщица въ родѣ Коробочки.

Вотъ одинъ изъ уголковъ крѣпостническаго царства. Вообразите Ананія «подданнымъ» у кого-либо изъ подобныхъ господъ, хотя бы даже у лучшихъ среди нихъ—у полковника Вихрова или у героя разсказа *Батька*. Допустили бы они мысль, что мужикъ можетъ *самъ себя знать*,—положимъ, тотъ же полковникъ, отвѣчающій розгами на гораздо болѣе невинное заявленіе Макара Григорьева? А чтобы сдѣлалъ съ Ананіемъ маіоръ Одинцовъ или, еще лучше, г. Гавриловъ? Даже Коробочка навѣрное догадалась бы «подмаслить» исправника или засѣдателя, чтобы смирить «султана великаго».

И для насъ было бы въ высшей степени поучительнымъ зрѣ-

лищемъ видѣть Ананія лицомъ къ лицу съ кѣмъ бы то ни было изъ помѣщиковъ Писемскаго. Совершеннѣйшіе изъ нихъ превосходно *знаютъ себя* и, конечно, это господское самосознаніе менѣе всего способно ужиться съ мужицкимъ. Столкновеніе могло бы выйти и драматическимъ, и, снова повторяемъ, поучительнымъ. Иной авторъ именно и изобразилъ бы его, вовсе не подъ вліяніемъ либеральной тенденціи. Онъ просто взялъ бы наиболѣе распространенный типъ помѣщика - крѣпостника, среди героевъ самого же Писемскаго, и поставилъ бы рядомъ съ нимъ столь же реальную, хотя и исключительную, личность Ананія.

Но Писемскій уклонился отъ этого вполнѣ естественнаго пріема,— уклонился отнюдь не преднамѣренно: просто человѣческій и писательскій инстинктъ не влекъ его къ особенно яркимъ мотивамъ *общественаго культурнаго содержанія*, а больше къ мотивамъ нравственнымъ и психологическимъ. Въ результатѣ Ананій, какъ крѣпостной, поставленъ въ самыя благопріятныя условія, какія только можно вообразить въ дореформенную эпоху. Но и такой оборотъ, помимо его смысла для авторскаго творчества, не менѣе важенъ и для общественнаго вопроса, какъ бы авторъ ни стоялъ далеко отъ этой задачи.

Молодой помѣщикъ, Чегловъ-Соковинъ до такой степени укрощенъ и сокращенъ, если такъ можно выразиться, въ своей роли барина, что не будь предъ нами произведеніе Писемскаго, можно было бы автора заподозрить въ нѣкоторомъ умыслѣ. По направленію ума, Чегловъ нѣчто въ родѣ Чацкаго: у него тѣ же взгляды на службу, на общество, та же симпатія къ народу. По характеру, нашъ герой еще замѣчательнѣе: нервный, добрый, въ отношеніи «къ мужикамъ плутамъ»—Тентентниковъ, вообще въ жизни— слабый, безвольный юноша, знающій лишь два средства противъ непріятныхъ положеній — водка и истерика. Очевидно, подобный помѣщикъ менѣе всего можетъ представлять какой бы то ни было типъ *крѣпостного барина*, даже вообще барина, и въ его сношеніяхъ и столкновеніяхъ съ мужиками не будетъ, на сколько это зависитъ отъ него лично, ничего крѣпостническаго и просто барскаго. Находитъ же онъ возможнымъ вполнѣ серьезно предложить Ананію дуэль, не смущаясь поднять его до себя, какъ человѣка и какъ члена общества, потому что дуэль, по понятіямъ времени—дѣло исключительно людей свободныхъ и благородныхъ.

Очевидно, слѣдовательно, Чегловъ, *какъ личность*, органически и принципіально *не можетъ быть* повиненъ въ какой бы то ни было несправедливости, насиліи, вообще крѣпостнической неправдѣ, и если въ его жизни возникнетъ драма и съ его личностью спле-

тется неправда, то вины всему этому слѣдуетъ искать *внѣ* Чеглова, какъ человѣка... Гдѣ же именно?

Драма складывается у Писемскаго не менѣе любопытно въ общественномъ смыслѣ, чѣмъ характеры главныхъ героевъ.

Ананій является домой послѣ продолжительнаго отсутствія и находитъ въ домѣ ребенка, прижитаго его женой съ бариномъ. Всѣмъ извѣстно, до какой степени исторія крѣпостного права богата донъ-жуанскими подвигами господъ и даже ихъ камердинеровъ, управителей и просто близкихъ людей. Повѣсть о женскомъ позорѣ, несомнѣнно одна, изъ обширнѣйшихъ главъ въ крѣпостническомъ мартирологѣ, и у васъ, при одномъ намекѣ на интригу барина съ крестьянкой, невольно складывается обычное представленіе о подобномъ событіи. Баринъ «приказалъ», староста «свелъ», и все прочее въ томъ же родѣ.

Что же у Писемскаго?

Насильникомъ оказывается вовсе не баринъ, а мужикъ, именно Ананій. За него выдали Лизавету противъ ея желанія, онъ приневолилъ ее быть ему женой, *завѣдомо убѣжденный*, что она не любитъ его; но вѣдь «коли въ церкви Божіей повѣнчаны,—надо жить по закону!» все равно, даже если жена буквально видѣть не можетъ безъ чувства отвращенія своего суженаго. Именно такова участь Лизаветы. Выходитъ,—она жертва мужика-мужа, а не барина-любовника. Опять, слѣдовательно, Чегловъ и въ романической роли чистъ и благороденъ. Тѣмъ болѣе чистъ, что Лизавета на самомъ дѣлѣ любитъ его, еще до замужества, и отдается ему, по влеченію сердца, какъ сдѣлала бы это, «будь она барыня, крестьянка, купчиха, герцогиня, все равно»... Такъ заявляетъ Чегловъ Ананію, и совершенно справедливо.

При такой постановкѣ вопроса является невольный, повидимому, вполнѣ логическій выводъ: въ драмѣ нѣтъ никакой крѣпостнической основы, и Чегловъ могъ и не быть бариномъ Ананія, и Ананій могъ состоять въ какихъ угодно общественныхъ отношеніяхъ къ Чеглову,—событіе нисколько не измѣнилось бы ни по формѣ, ни по содержанію. Въ сущности, предъ нами обыкновенная исторія измѣны жены нелюбимому мужу ради любимаго человѣка. Такое заключеніе долженъ имѣть въ виду и авторъ, старательно устранившій со сцены всѣ признаки обычныхъ крѣпостническихъ любовныхъ исторій и отнявшій у героя барина всѣ характерныя черты и *героя*, и *барина*. И это заключеніе вполнѣ обосновано, насколько вопросъ касается начала, нравственныхъ мотивовъ драмы, но смыслъ ея совершенно мѣняется въ развитіи и катастрофѣ.

Представьте отцомъ ребенка Лизаветы не Чеглова, а кого-либо, не имѣющаго законныхъ правъ вмѣшиваться въ семейную жизнь Ананія и распоряжаться его личностью. Въ худшемъ случаѣ,—Лизавета уѣхала бы съ мужемъ въ Петербургъ и, судя по настроенію Ананія послѣ перваго взрыва гнѣва и обиды и послѣ бесѣды съ священникомъ, жизнь ея врядъ ли стала бы хуже въ Петербургѣ, чѣмъ раньше была въ деревнѣ. Ананій не изъ мелкихъ, мстительныхъ и отъ природы жестокихъ натуръ! При всемъ своемъ громадномъ самолюбіи, онъ находитъ возможнымъ «истерзаючись всѣмъ сердцемъ», «со слезами на очахъ своихъ» просить жену образумиться и жить, «какъ и прочіе добрые люди». Онъ только человѣкъ принципа и глубокой неистребимой любви даже и къ женѣ-измѣнницѣ.

Но Чегловъ—отецъ ребенка и, какъ баринъ, можетъ располагать судьбой своего крѣпостного. Онъ самъ, лично, не способенъ на насиліе, но мы уже знакомы съ бурмистромъ, и вотъ ему-то именно предстоитъ съ безпощадной послѣдовательностью осуществить собственно не волю Чеглова, какъ любовника Лизаветы, а Чеглова, какъ барина, точнѣе осуществить священный для крѣпостного раба исконный крѣпостной порядокъ. На сцену выступаетъ, слѣдовательно, извѣстный *строй жизни*, какъ *стихійная сила*, независимо отъ личностей. Чегловъ самъ по себѣ можетъ быть какимъ угодно хорошимъ человѣкомъ, можетъ лично становиться съ Ананіемъ «на одну доску», можетъ кричать ему о своемъ «трупѣ», какъ искупленіи за Лизавету,—*независимо* отъ всего этого и даже *противъ* личныхъ желаній и намѣреній *господина* явятся *рабы*, гораздо глубже его самого проникнутые его правами, настоящіе фанатики-роялисты рядомъ съ гуманнымъ и терпимымъ королемъ. Крѣпостной строй, самъ по себѣ, по своимъ жизненнымъ основамъ, по своему нравственному духу выработалъ *себѣ* слугъ и защитниковъ, себѣ, *какъ принципу*, *устою*, *обычаю*, *закону*, и эти слуги не отступятъ ни шагу отъ своего господина—не отдѣльной личности, а вошедшаго въ ихъ плоть и кровь жизненнаго уклада. Народная мудрость знаетъ это явленіе: «милуетъ царь, да не милуетъ псарь»,—многовѣковая поговорка, сложившаяся на почвѣ именно рабскаго жестокаго усердія въ противовѣсъ высшей снисходительности. Драма *Писемскаго*—одна изъ блестящихъ, и что особенно поучительно, отнюдь не преднамѣренныхъ иллюстрацій этой мудрости.

Кажется, всѣ данныя, чтобы даже изъ столь напряженной завязки не вышла трагическая катастрофа, до послѣдней степени гуманизированъ и обезличенъ носитель крѣпостнической власти, а

между тѣмъ, именно эта-то власть и затягиваетъ узелъ и влечетъ страшный исходъ. Результатъ оказывается самый общественно-тенденціозный, хотя авторъ менѣе всего думалъ и объ общественномъ вопросѣ, и о какой бы то ни было тенденціи. Сдѣлай онъ главнымъ героемъ Золотилова-Пѣночкина въ смягченной формѣ, иной зритель могъ бы сообразить: да, конечно, Золотиловы—отрицательное явленіе и могутъ причинить много зла, но вѣдь не всѣ же русскіе помѣщики Золотиловы, и авторъ, въ сущности, выставилъ въ дурномъ свѣтѣ самое большее развѣ *одинъ изъ типовъ* крѣпостныхъ властителей. А дурные типы вездѣ возможны, и нисколько не подрываютъ самого учрежденія, *всего строя*. Такъ именно разсуждала Екатерина II, считая участь подданныхъ у добрыхъ помѣщиковъ чуть ли не высшимъ блаженствомъ.

Но вотъ является авторъ и выводитъ на сцену несомнѣнно *добраго* помѣщика, даже болѣе чѣмъ добраго,—и результатъ оказывается все-таки самый не блаженный. Кто же виноватъ? Не Чегловъ, конечно, не Ананій и не бурмистръ, а нѣчто, всѣхъ ихъ охватывающее единой темной желѣзной властью, нѣчто, стоящее выше отдѣльныхъ личностей, древній человѣкъ сказалъ бы *судьба*, мы скажемъ проще,—извѣстный строй общественной жизни,—вполнѣ опредѣленный кругъ выработанныхъ этимъ строемъ инстинктовъ, чувствъ, понятій и людей.

Такое заключеніе составляется у *насъ* при чтеніи *Горькой судьбины*, но *мысль автора* въ немъ неповинна, только его творчество—идеально жизненное и правдивое—выдвигаетъ общій истинный смыслъ изображаемыхъ явленій именно потому, что оно жизненно и правдиво. Но мы должны помнить, этотъ *общій смыслъ*—наше пріобрѣтеніе, авторъ къ нему равнодушенъ и даже пожалуй, почувствовалъ бы нѣкоторое смущеніе и недовѣріе, если бы ему изложили *идейныя* соображенія. Потому что, у него есть свой общій взглядъ на народную жизнь и взаимныя отношенія баръ и крестьянъ: это ничто иное, какъ «житейская мудрость» даровитыхъ, здравомыслящихъ, по-своему добрыхъ кулаковъ изъ того и другого лагеря. И при крѣпостномъ правѣ возможны случаи, когда барина горькими слезами оплакиваютъ его подданные и когда эти подданные достигаютъ великихъ практическихъ результатовъ, становятся богачами и живутъ и мыслятъ, «какъ добрые люди». А что касается неправды и злоупотребленій, ихъ вездѣ не мало, они въ природѣ человѣка и въ законахъ нашей планеты. Недаромъ авторъ одаренъ такой проницательностью на счетъ всего уродливаго и смѣшного, недаромъ онъ безпощадно обнаруживаетъ и то, и другое у лучшихъ своихъ героевъ,—На-

стеньки и Калиновича. Ее, напримѣръ, сравниваетъ съ «тараканомъ въ клюковномъ морсѣ», до такой степени героиня забавна на провинціальномъ балу, въ провинціальномъ костюмѣ, а Калиновича—умнаго, честнаго, даровитаго, сильнаго—считаетъ особенно доступнымъ лести. И, наконецъ, недаромъ въ разсказѣ *Виновата ли она* онъ не оплакиваетъ безвременной кончины идеальнаго юноши: вѣдь «какъ знать, что бы принесла Леониду жизнь, особенно если взять въ разсчетъ его прекрасную, но все-таки странную натуру!..» Странную—въ смыслѣ исключительности по своему идеализму...

Да, авторъ не изъ оптимистовъ и мечтателей—мы это давно знаемъ, и не станетъ возводить «на пескѣ» красивыхъ сооруженій. Мы только что видѣли, какъ онъ покончилъ съ крѣпостнымъ вопросомъ, самымъ жгучимъ и существеннымъ въ эпоху сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ. Но имъ не ограничивались общественныя задачи дореформенной эпохи: крѣпостничество было только основаніемъ, корнями многовѣтвистаго дерева, и впослѣдствіи, когда преобразователь коснулся корней, онъ неизбѣжно долженъ былъ наложить руку на все дерево, т. е. на весь общественный и бюрократическій строй русской жизни. Съ своей точки зрѣнія это сдѣлалъ и нашъ авторъ. Онъ съ изумительной полнотой изобразилъ отрицательныя явленія чиновничества и общества, и въ результатѣ неизбѣжно у него постепенно вырисовалась положительная картина, т. е. положительный чиновникъ и положительный членъ общества.

Первой задачѣ посвященъ романъ *Тысяча душъ*, напечатанный въ одинъ—1858—годъ съ *Горькой судьбиной*: драма въ *Библіотекѣ для Чтенія*, романъ въ *Отечественныхъ Запискахъ*.

XXIV.

Въ русской литературѣ мало найдется произведеній, гдѣ бы важнѣйшее общественное содержаніе развивалось рядомъ съ такимъ глубокимъ, вдумчивымъ и художественнымъ психологическимъ анализомъ, какъ въ *Тысячѣ душъ*. Уже самъ по себѣ герой романа—фигура въ высшей степени любопытная по своему душевному складу, независимо отъ какихъ бы то ни было драматическихъ положеній. Здѣсь въ біографію одного человѣка заключена вѣчная исторія личнаго таланта въ борьбѣ съ косностью и предразсудками общества. Калиновичъ—своего рода русскій Фигаро, и если героя французской комедіи называли подлиннымъ выразителемъ исторической судьбы французскаго третьяго сосло-

вія, Калиновичъ, по всей справедливости, долженъ быть признанъ типичнѣйшимъ представителемъ обширнѣйшаго класса русской интеллигенціи, разночиннаго пролетаріата. Калиновичъ, подобно Фигаро, не одинъ разъ принимается излагать повѣсть своей Одиссеи и любитъ—себя, даровитаго, многострадальнаго плебея, сравнивать съ привилегированными баловнями фортуны.

Одиссея совершенно заурядная и въ жизни она никому не бросается въ глаза. Отца Калиновича разорили, когда еще герой нашъ былъ ребенкомъ; виновникъ разоренія рѣшилъ стать благодѣтелемъ и взялъ мальчика къ себѣ—заниматься съ его двумя дѣтьми. Ученики оказываются тупыми и неспособными, за нихъ все дѣлаетъ бѣдный нахлѣбникъ; имъ располагаютъ «какъ вещью», превозносятъ способности богатыхъ идіотовъ, и на каждомъ шагу подвергаютъ его нравственнымъ униженіямъ... Дальше университетъ и почти непрерывная голодовка. Курсъ оконченъ, бездарности, умѣющія забѣгать съ задняго крыльца, получаютъ командировки за границу, а онъ принужденъ порвать со всѣми надеждами и планами, и схоронить себя въ захолустномъ уѣздномъ училищѣ...

Вотъ краткая, но въ высшей степени значительная исторія... Раньше, чѣмъ оцѣнить это значеніе, позвольте напомнить нѣкоторый психологическій пріемъ одного изъ любимѣйшихъ поэтовъ нашего автора. Вы обратили вниманіе, какимъ путемъ Шекспиръ создаетъ злодѣевъ, въ родѣ Яго, Ричарда III, Эдмунда, личностей, на первый взглядъ едва вѣроятныхъ, мелодраматическихъ? И они у Шиллера, напримѣръ, именно таковыми и вышли бы, у англійскаго драматурга ихъ душа—безусловно жизненное и логическое явленіе. И основа его самая простая и естественная. Она слагается изъ двухъ фактовъ: чрезвычайно развитого личнаго убѣжденія въ личныхъ достоинствахъ и преимуществахъ надъ другими и полнаго несоотвѣтствія внѣшняго положенія—собственнаго и другихъ, внутреннимъ даннымъ.

«Я умнѣе его, несравненно талантливѣе, я, слѣдовательно, имѣю всѣ права на почести и на всякія другія блага; онъ глупецъ, трусъ, бездарность, и между тѣмъ ему почетъ и слава, а мнѣ—скромнѣйшій удѣлъ смертнаго. Гдѣ же справедливость?»

Это—всѣмъ доступная и отнюдь не преступная логика, но прибавьте къ ней страстный, стихійный темпераментъ, бросьте оскорбленнаго эгоиста въ горнило безъисходной трагической борьбы, поставьте мощный характеръ лицомъ къ лицу съ людьми слабыми или наивными, и предъ вами столь же логически развернутся драмы Отелло, Глостера, беззащитныхъ англійскихъ принцевъ и

принцессъ. Шекспиръ всегда съ самаго начала заставляетъ своихъ героевъ *лично* объяснять намъ свое положеніе въ окружающей средѣ, и оно, послѣ признаній Ричарда и Эдмунда, несчастливцевъ, заклейменныхъ самой природой, послѣ рѣчей Яго, обстоятельствами и людьми заслоненнаго и униженнаго,—оказывается таковымъ, что иного исхода, кромѣ борьбы на жизнь и смерть, для этихъ героевъ нѣтъ.

Мы далеки, конечно, отъ мысли приравнивать героя Писемскаго къ гигантскимъ фигурамъ Шекспира, но вопросъ не въ трагическомъ размахѣ, а въ психологической сущности. А эта сущность у Калиновича объясняется съ совершенной точностью имъ самимъ и ничто иное, какъ сознаніе *личныхъ духовныхъ преимуществъ и унизительнаго общественнаго положенія*. Сильный характеръ неизбѣжно ожесточается при такихъ условіяхъ и голосу совѣсти грозитъ сильнѣйшая опасность...

Вотъ какой сценой заканчивается автобіографическій разсказъ Калиновича.

«Грустно и тошно становится», почти воскликнулъ Калиновичъ, ударивъ себя въ грудь.—«Наконецъ злоба беретъ, когда оглянешься на свое прошедшее: хоть бы одна осуществившаяся надежда! Неблагодарные труды и вѣчныя лишенія—вотъ все, что дала мнѣ жизнь!.. Какъ хотите, съ какимъ бы человѣкъ ни былъ рожденъ овечьимъ характеромъ, невольно начнетъ ожесточаться!» «И вы, Петръ Михайлычъ,—обращается онъ къ отцу Настеньки,—еще часто укоряете меня за безсердечіе! Но, Боже мой! Какъ же я стану питать къ людямъ сожалѣніе, когда большая часть изъ нихъ страдаютъ или потому, что безнравственны, или потому, что дѣлали глупости, наконецъ, лѣнивы, небрежны къ себѣ. Я ни въ чемъ этомъ не виноватъ, и все-таки страдаю... Я хочу и буду вымещать на порочныхъ людяхъ то, что самъ несу безвинно».

«При послѣднихъ словахъ лицо молодого человѣка приняло какое-то ожесточенное выраженіе».

«— Вы совершенно правы въ вашихъ чувствахъ,—сказала Настенька.

«— Я, сударь, не осуждаю васъ, а желаю только, чтобъ Богъ умирилъ ваше сердце, только!—проговорилъ Петръ Михайлычъ».

Да, онъ—эта олицетворенная сердечность и незлобивость, даже онъ, очевидно, считаетъ настроеніе Калиновича законнымъ! Но онъ говоритъ объ «умиреніи сердца»... Легко сказать! Будь Калиновичъ изъ породы галокъ, по выраженію Базарова, его сердце здѣсь же на мѣстѣ и умирилось бы на груди Настеньки. Но

вся натура его протестуетъ противъ такого умиренія, онъ нравственно задыхается отъ наплыва неисчерпанныхъ и рвущихся на волю силъ, и это ощущеніе сильнѣе его самого, сильнѣе разсудка, совѣсти, внушеній сердца. И Калиновичу столь же тяжело существовать «въ бѣдной долѣ» прямо физически, какъ орлу сидѣть въ канареечной клѣткѣ. Эта мука силы, не нашедшей приложенія, неосуществленныхъ талантовъ, скованной энергіи, можетъ разрѣшиться и разрѣшается весьма различно, въ зависимости отъ внѣшнихъ побужденій, или просто отъ окружающихъ обстоятельствъ, и въ худшихъ случаяхъ можетъ привести даже къ преступленію, къ вполнѣ отчаянному «вымещенію» накопившейся желчи на первыхъ подвернувшихся подъ руку, все равно, «порочные» ли они или праведные. И именно подобныя явленія должны были Достоевскому на каторгѣ подсказать на первый взглядъ странную мысль: ужъ не лучшія ли силы томятся въ цѣпяхъ и въ тюрьмахъ, заклейменныя преступленіемъ!

Но это исключительно-трагическія случайности, обратимся къ исторіи нашего героя—не преступника.

Первый его подвигъ—романъ съ Настенькой и разлука съ ней. Если вы припомните, съ какой сердечностью и даже поэтичностью изображена эта героиня нашимъ, совершенно не идиллическимъ авторомъ, если вы представите одинокую, опозоренную дѣвушку въ омутѣ житейской борьбы за кусокъ хлѣба, если вы отдадите справедливость ея благороднѣйшимъ душевнымъ и умственнымъ качествамъ и ея беззавѣтной любви,—вы и этотъ подвигъ Калиновича, не обинуясь, назовете преступленіемъ.

Да, преступленіе; но, можетъ быть, еще никогда съ большей справедливостью, чѣмъ здѣсь, нельзя примѣнить извѣстной истины: «понять—значитъ простить», что́ и дѣлаетъ сама Настенька.

Калиновичъ ни на минуту не перестаетъ любить ее, онъ плачетъ, покидая ее, онъ женится на «тысячѣ душъ», будто совершая свои собственные похороны, а потомъ, на верху бурной карьеры, онъ съ юношеской безумной радостью и почти дѣтской беззавѣтной довѣрчивостью склоняетъ свою голову на ея колѣни... Врядъ ли какой-либо самый романтическій любовникъ могъ переживать столь мучительныя и искренне-глубокія потрясенія.

И все-таки, Калиновичъ бросаетъ бѣдную невѣсту ради богатой жены. Всякій пошлякъ и аферистъ способенъ на такое дѣло, но съ одной разницей: пошлякъ и аферистъ продастъ себя съ разсчетомъ на тунеядную веселую жизнь, Калиновичъ идетъ на настоящую безпощадную борьбу съ людьми и самою жизнью, именно совершая свое первое и послѣднее преступленіе. Съ буд-

ничной практической точки зрѣнія онъ, несомнѣнно, проигрываетъ: если раньше онъ въ 27 лѣтъ «старообразенъ», теперь за десять лѣтъ борьбы онъ превратится въ совершеннаго старика, успѣетъ измочалить нервы, въ конецъ отравить свою душу, и впасть въ какое-то холодное, длящееся отчаяніе. Онъ—богачъ, «ведетъ почти аскетическій образъ жизни», видный и покровительствуемый чиновникъ, «работаетъ день и ночь» и изнываетъ въ гоненіяхъ на неправды и зло. Очевидно, есть же у этого человѣка нѣчто, ставящее его выше обычныхъ корыстныхъ и сибаритскихъ вожделѣній, бросающее его въ неприглядную пучину приказной кривды и общественной пошлости—во всеоружіи энергіи и таланта.

И замѣтьте, Калиновичъ вовсе не фанатикъ честолюбія и не аскетъ по натурѣ. Онъ умѣетъ цѣнить комфортъ не хуже какого-нибудь князя Ивана и придаетъ этому комфорту тѣмъ больше значенія, чѣмъ неприглядиѣе было его дѣтство и молодость. Авторъ особенно рѣзко подчеркиваетъ эпикурейскія наклонности своего героя. Въ Петербургѣ Калиновичъ не можетъ равнодушно смотрѣть на зеркальныя окна роскошныхъ магазиновъ, богатыхъ домовъ, чувство зависти душитъ его при взглядѣ на цвѣты, люстры, канделябры, картины въ золотыхъ рамахъ, блестящіе экипажи. Ему, повидимому, совершенно недоступно философское пренебреженіе къ суетѣ житейской. Онъ, какъ истый, наголодавшійся пролетарій, въ тонкомъ обѣдѣ и прочихъ благахъ роскоши мнитъ найти послѣднее слово земного благополучія.

Но лишь только все это достается ему, немедленно высшіе благородные задатки берутъ верхъ надъ инстинктами, и онъ, едва вкусивъ роскоши, налагаетъ на себя жесточайшій искусъ—неумолимаго труда и рискованной борьбы. Во имя чего же?

Честолюбія? Но его, при извѣстныхъ порядкахъ, можно удовлетворить не только безъ борьбы, но даже и безъ труда. Изображаетъ же Писемскій цѣлый рядъ завѣдомыхъ ничтожествъ и тунеядцевъ на высшихъ ступеняхъ чиновничьей лѣстницы, и мы до точности знаемъ, какъ составлялись самыя блестящія карьеры въ дореформенную эпоху. Калиновичъ, напротивъ, избралъ самый неблагодарный путь, обнаруживая необычайную ретивость въ раскрытіи всевозможныхъ служебныхъ золъ.

Очевидно, что-то помимо честолюбія воодушевляетъ энергію Калиновича, и это именно ставитъ его на недосягаемую высоту среди современнаго ему чиновничества и всего интеллигентнаго общества.

Настенька сравниваетъ Калиновича съ Бѣлавинымъ, добро-

дѣтельнымъ петербургскимъ бариномъ, богачемъ и сибаритомъ, очень благороднымъ въ идеяхъ и рѣчахъ и совершенно равнодушнымъ къ ихъ практическому осуществленію. И вотъ Настенька сопоставляетъ этого праведника, не имѣвшаго ни случая, ни повода согрѣшить, съ Калиновичемъ.

«Я тебѣ узнала цѣну, сравнивъ его съ тобой: ты тоже эгоистъ, но ты живой человѣкъ, ты вѣкъ свой стремишься къ чему-нибудь, страдаешь, ты, наконецъ, чувствуешь къ людямъ и къ ихъ извѣстнымъ убѣжденіямъ либо симпатіи, либо отвращеніе, и сейчасъ же это выразишь въ жизни; а Бѣлавинъ—онъ обо всемъ благородно разсудитъ и дальше не пойдетъ! Ему легко жить на свѣтѣ, потому что онъ тряпка, безъ крови, безъ сердца, съ однимъ только умомъ».

И Калиновичъ выигрываетъ отъ сравненія не только съ благонамѣренными эпикурейцами, а рѣшительно со всѣми и болѣе достойными и самыми яркими представителями дореформенной интеллигенціи. Мы знаемъ этихъ представителей: не Батмановымъ и не Шатиловымъ идти рядомъ съ человѣкомъ, дѣйствительно *убѣжденнымъ* и томящимся жаждой — *осуществить свои* идеи. Сліяніе такихъ качествъ—своего рода чудо для русскаго дѣятеля. Калиновичъ въ письмѣ къ Настенькѣ говоритъ о своей *безпокойной душѣ*. Это не новость,—людей съ безпокойными душами было сколько угодно въ поколѣніи Калиновича, даже и г-да Батмановы предъявляютъ права именно на такую душу, другими словами: на чувство неудовлетворенности дѣйствительностью. Но весь вопросъ *изъ за чего* и *ради чего* безпокоиться и не удовлетворяться? У демоновъ, и даже Рудиныхъ, мы напрасно стали бы искать удовлетворительнаго и стоющаго отвѣта: демоны и сами себя не понимаютъ и даже считаютъ свою непонимаемость высшимъ знакомъ отличія демонизма, а Рудины не отдаютъ отчета—ни въ цѣляхъ, ни въ средствахъ—своего безпокойства, въ лучшемъ случаѣ это смутная романтическая тоска «прекрасной души». Калиновичъ *знаетъ*, *что* его безпокоитъ и *какимъ путемъ* достигнуть спокойствія.

И знаніе это пріобрѣтено личнымъ опытомъ, личной расплатой за нищету, низкое общественное положеніе, за чувство человѣческаго достоинства, за *свои* опредѣленныя убѣжденія. Все это, отнюдь не порочное и не преступное по существу, превращается въ порокъ и преступленіе при извѣстномъ складѣ общественнаго мнѣнія. И Калиновичъ въ своемъ личномъ гнѣвѣ на чиновничьи неправды и общественную косность и малодушіе несетъ чувства громаднаго множества такихъ же безправныхъ и униженныхъ умственныхъ илотовъ. Его «эгоизмъ» и «честолюбіе» поднимаютъ

на высоту общественнаго явленія, потому что на его личномъ примѣрѣ раскрывается многообразная, повседневная, хотя и не всегда такая яркая,—борьба культурной, самосознающей личности съ общественнымъ строемъ, основаннымъ на преданіяхъ и матеріальной силѣ.

Но какимъ же путемъ вести эту борьбу?

Сороковые и пятидесятые годы вопросъ рѣшали обыкновенно такъ: литературной или просвѣтительной дѣятельностью, надо стать писателемъ или учителемъ и постепенно поднять общественную мысль и нравственную энергію. И дѣйствительно, даровитѣйшіе люди эпохи выполняли эту программу, именно съ сороковыхъ годовъ литература, даже среди провинціальной публики, начала пріобрѣтать общественный и гражданскій смыслъ; по свидѣтельству современника, самое наименованіе «литераторъ», «писатель» слилось съ представленіемъ о дѣятелѣ, на которомъ лежитъ высшая нравственная отвѣтственность *). Отъ самого Писемскаго мы знаемъ, — въ сороковые годы литература служила для провинціальной интеллигенціи единственнымъ источникомъ высшей умственной жизни и благородныхъ настроеній. Не менѣе глубоко интересовалъ молодое поколѣніе эпохи и вопросъ о народномъ просвѣщеніи: объ этомъ свидѣтельствуютъ біографіи всѣхъ извѣстнѣйшихъ современниковъ, начиная съ Тургенева, Грановскаго и Станкевича.

Предъ Калиновичемъ, слѣдовательно, пути были намѣчены, и онъ въ самомъ дѣлѣ вступаетъ на оба одновременно: становится смотрителемъ уѣзднаго училища и пытается работать въ литературѣ. Но что значило смотрительство для «безпокойной души» нашего героя! Сколько бы силъ и усердія онъ ни прилагалъ къ своей службѣ, она не исчерпывала и малой доли его энергіи и даровитости. Еще печальнѣе—опытъ на поприщѣ литературы. Произведеніе начинающаго писателя даже не сочли нужнымъ прочесть и только по счастливой случайности оно могло появиться въ печати. Но даже и не въ этомъ дѣло, а въ извѣстной уже намъ истинѣ: литературѣ въ дореформенной Россіи «не водъ», и Калиновичу первымъ наставленіемъ отъ начальника будетъ — прервать литературные опыты и сношенія съ «этими господами», т. е. писателями: «которые между нами на дурномъ счету»..

Требовалась, очевидно, исключительная нравственная выносливость и художественная талантливость, чтобы проложить дорогу къ литературной славѣ. Страстная натура Калиновича горѣла не-

*) Анненковъ. *Воспоминанія и очерки*, III, 192.

терпѣніемъ и пожирающей жаждой широкой, вліятельной дѣятельности и во всемъ его существѣ успѣло накопиться слишкомъ много боли и желчи, чтобы еще дольше вести ему мелкую, изнурительную борьбу. Онъ рѣшается кончить вопросъ однимъ ударомъ. Представляется случай жениться на богатой, вліятельной и родовитой дѣвушкѣ, и онъ, скрѣпя сердце, съ порывами искренняго отчаянія, идетъ на «подлость»: такъ онъ самъ именуетъ свой поступокъ, и авторъ, конечно, не ради мелодраматическаго эффекта, разсказываетъ жестокія страданія своего героя наканунѣ «подлости» и въ первую брачную ночь... Вѣдь тотъ же авторъ позаботился раньше собрать всѣ предосудительныя черты въ характерѣ Калиновича, но неуклонно и прочно установилъ одинъ фактъ: Калиновичъ становится петербургскитъ чиновникомъ съ искренними, честными принципами, съ подавляющей энергіей, съ самоотверженнымъ стремленіемъ принести пользу государству и обществу. Повидимому, всѣ данныя для успѣха и торжества. Но результатъ оказывается совершенно неожиданный: герой кончаетъ свой путь—разочарованный, разбитый, уничтоженный...

Почему?—вопросъ, не столько важный для исторіи самого героя, сколько для *общаго вывода*, для *общественнаго смысла* изображенныхъ авторомъ явленій. Этотъ смыслъ—ничто иное, какъ послѣднее авторское слово о дореформенномъ порядкѣ вещей во всѣхъ главнѣйшихъ областяхъ русской жизни, въ администраціи и обществѣ.

XXV.

По поводу Ананія Яковлева мы указали, какъ драмы при крѣпостномъ правѣ создавались не столько отдѣльными личностями, сколько самымъ строемъ дѣйствительности, и что личности могли даже обладать извѣстными нравственными совершенствами, и все-таки общій духъ и ходъ жизни неизбѣжно превращалъ однихъ въ жертвы, другихъ—въ насильниковъ.

Тотъ же выводъ вполнѣ подтверждается и судьбой Калиновича, только здѣсь трагическій рокъ не крѣпостное право непосредственно, а высшіе и средніе слои общества.

Калиновичъ до карьеры успѣлъ постарѣть среди униженій и безъисходной злобы на обидчиковъ и горькую судьбу. Пессимистическое настроеніе и больные нервы — такое наслѣдство молодости приноситъ нашъ герой на свое новое поприще. Послѣдній ударъ нервамъ нанесенъ первыми петербургскими впечатлѣніями. Калиновичъ, пріѣхавъ въ столицу, центръ умственной и

административной дѣятельности, вдругъ почувствовалъ себя здѣсь совершенно ненужнымъ, еще болѣе ничтожнымъ, чѣмъ въ провинціальномъ салонѣ какой-нибудь аристократки. А между тѣмъ, «великіе» не могли внушить ни малѣйшаго уваженія «ничтожеству». Калиновичъ видитъ, какими средствами достигается оффиціальное величіе, понимаетъ настоящій смыслъ на видъ необычайно серьезной и глубокомысленной чиновничьей суеты, и его новый знакомый, исконный петербуржецъ, Бѣлавинъ подтверждаетъ его отчаянный взглядъ на канцелярское величіе. Бѣлавинъ такъ отзывается о петербургскихъ «юпитерахъ» и ихъ государственной мудрости:

«Все, что, кажется, самаго простого, а тѣмъ болѣе человѣка развитого при другомъ порядкѣ вещей стало бы непремѣнно шокировать, поселять смѣхъ, злобу, досаду, они всѣмъ этимъ безконечно услаждаются. Зная, напримѣръ, очень хорошо, что въ дѣятельности ихъ нѣтъ ничего плодотворнаго, живого, потому что они или скользятъ по поверхности жизни, или гнутъ, ломаютъ ее, они въ то же время великолѣпнѣйшимъ образомъ драпируются въ свою внутреннюю пустоту, думая, что никто этого даже и не подорѣваетъ. Невообразимо, что такое... невообразимо!»

Если такъ возмущенъ Бѣлавинъ, что же могъ чувствовать Калиновичъ, третируемый какъ школьникъ или нищій, взывающій къ казенной благотворительности! Да, нищій, и не только въ глазахъ канцелярскихъ громовержцевъ, и наивный мечтатель, и жалкій литераторъ не только для директора департамента, но даже для князя Ивана.

Если бы личныя униженія Калиновича ограничились его молодостью и женитьба обезопасила его въ этомъ отношеніи, тогда, можетъ быть, злоба и жажда мести улеглись бы въ его душѣ. Но бѣдность и «ничтожество» до конца остаются проклятіемъ. Драматическій исходъ карьеры Калиновича неразрывно связанъ съ его личной судьбой—*жениха* и *мужа*. Именно особыми семейными условіями усложняется общественная роль героя, и романъ развивается въ такомъ смыслѣ, что безъ этихъ условій является невозможнымъ служебный разгромъ.

Зачѣмъ авторъ связалъ интригу въ такой узелъ? Не проще ли сдѣлать Калиновича просто жертвой собственнаго слѣпого, хотя и честнаго азарта и внѣшнихъ темныхъ силъ? Мы достаточно подготовлены авторомъ къ самой печальной судьбѣ благороднаго дѣятеля среди высшихъ и низшихъ бюрократовъ дореформенной эпохи...

Но вмѣсто подобнаго плана, предъ нами семейная драма, какъ

первоисточникъ всей катастрофы. Княжна Полина, потомъ г-жа Калиновичъ, и ея родственникъ, князь Иванъ,—главнѣйшіе злые геніи, низвергающіе Калиновича.

На первый взглядъ можетъ показаться,—авторъ такимъ пріемомъ придалъ болѣе мелкій характеръ содержанію и смыслу романа, поставивъ въ главу угла «семейныя дѣла» своего необыкновеннаго общественнаго дѣятеля. Но впечатлѣніе было бы ошибочно: въ дѣйствительности идея романа становится глубже и шире.

Князь—возлюбленный Полины, ея неограниченный господинъ, и онъ убѣждаетъ ее выйти замужъ именно за Калиновича. Молодой человѣкъ изъ *ихъ круга*, навѣрное, вызвалъ бы нѣкоторыя затрудненія, боязнь,—во всякомъ случаѣ признали бы нужнымъ приготовиться къ возможнымъ осложненіямъ. Не то съ Калиновичемъ.

«Мы, — разсуждаетъ князь, — его беремъ какъ полунагого и голоднаго нищаго на дорогѣ: онъ будетъ всѣмъ намъ обязанъ. Не давъ вамъ ничего, онъ, поневолѣ долженъ будетъ взглянуть на многое съ закрытыми глазами, и если бы даже захотѣлъ ограничить васъ въ чемъ-нибудь, такъ на вашей сторонѣ отнять у него все».

Слѣдовательно, бракъ съ самаго начала выходитъ для Калиновича едва ли не самымъ жестокимъ нравственнымъ униженіемъ. Онъ остается на всю дальнѣйшую жизнь безусловно одинокимъ и притомъ еще съ ежечасной мыслью о нанесенной ему обидѣ. Конечно, «по дѣломъ вору и мука», можетъ сказать иной строгій моралистъ, но только «мука» нашего героя досталась ему не за «дѣла». Князь Иванъ, по крайней мѣрѣ, его бракъ съ Полиной признаетъ поступкомъ совершенно законнымъ и тоску Калиновича по Настенькѣ считаетъ результатомъ «глупаго университетскаго воспитанія», «великолѣпныхъ чувствительныхъ идеекъ». И тотъ же князь не менѣе справедливымъ полагаетъ вовсе не считаться съ настроеніями Калиновича, какъ мужа, не за дѣла, конечно, а за его «нищету», за его общественное безправіе. Вотъ источникъ невыносимой драмы, начавшейся для Калиновича съ перваго же дня брачной жизни, заставившей его искать смерти на пожарѣ немедленно послѣ вѣнчанія.

И съ такой змѣей въ груди онъ долженъ приниматься за самую энергическую и разностороннюю дѣятельность, какая только доступна чиновнику. Естественно, этой энергіи часто сообщается крайнее ожесточеніе и нетерпимость, герой нашъ въ свои служебныя дѣла невольно вноситъ болѣзненный трепетъ отравленной

души, безпрестанно утрачиваетъ самообладаніе и не только преслѣдуетъ *зло*, но именно мститъ *злымъ* и притомъ еще месть обставляетъ необычайно шумными драматическими сценами. Предъ нами сплошной крикъ не только благороднаго *дѣятеля*, но и несчастнаго *человѣка*. Калиновичъ здѣсь уподобляется Чацкому, когда у грибоѣдовскаго героя идейное негодованіе сливается съ чувствомъ личной обиды.

Отсюда безпощадная жестокость съ княземъ Иваномъ, стремительныя, трагическія угрозы богачу Четверикову, зятю князя, отсюда истерическій крикъ на статскаго совѣтника Опенкина, когда Калиновичъ отдаетъ оффиціальныя распоряженія, «колотя себя въ грудь».

Но это все *внѣшняя сторона* исторіи, есть другая, болѣе существенная, она касается не эпизодовъ, не сценъ, а самаго смысла и результата дѣятельности Калиновича. Чацкій, оскорбленный Софьей и осмѣянный московскимъ обществомъ, могъ сѣсть въ карету и пуститься на поиски за укромнымъ уголкомъ. Другой вопросъ, конечно, найдется ли такой уголокъ для возмущеннаго духа бѣглеца, но фактъ бѣгства на лицо. Калиновичъ гораздо несчастнѣе: онъ *не можетъ* и *не хочетъ* спасаться по способу Чацкаго. Онъ, истый плебей, съ дѣтства закаленный въ борьбѣ, въ презрѣніи къ окружающей средѣ и непоколебимомъ чувствѣ самоуваженія, почелъ бы измѣной этому чувству—добровольное отступленіе. Онъ—одинъ въ полѣ воинъ, но именно это-то обстоятельство и взвинчиваетъ его нравственныя силы. Въ сущности, онъ съ самаго начала былъ одинъ, преуспѣвая въ петербургскихъ канцеляріяхъ, а потомъ въ провинціи одиночество стало еще безпросвѣтнѣе и безнадежнѣе.

И въ результатѣ предъ нами единственная въ русской художественной литературѣ картина: даровитѣйшій и безусловно сильный, убѣжденный администраторъ становится лицомъ къ лицу съ бюрократическимъ зломъ и общественной косностью. И замѣтьте, всѣ интересы, отвлеченныя и личныя, сосредоточены у Калиновича на его задачѣ, вопросъ *общаго* успѣха неразрывно переплетается съ *личной* жаждой мести, и такое сліяніе мотивовъ сообщаетъ энергіи героя подавляющую и неистощимую мощь. Правда, по временемъ о героѣ можно сказать, — онъ «слишкомъ зарвался» и ведетъ себя, какъ мелодраматическій персонажъ, но основа личныхъ взрывовъ *чувства* и безпримѣрнаго мужества *идеи* одна и та же, и опрометчивость въ отдѣльныхъ поступкахъ Калиновича-мужа вполнѣ вознаграждается упорной послѣдовательностью во всемъ его поведеніи, какъ администратора.

Это одно. А потомъ, какъ бы неумѣстнымъ ни казалось намъ вмѣшательство личной драмы въ общественную карьеру, оно безусловно логично и практически необходимо именно въ карьерѣ пролетарія-разночинца. Калиновичъ, въ качествѣ таковаго, не могъ выплыть на поверхность безъ многообразныхъ нравственныхъ личныхъ крушеній, не могъ при извѣстныхъ общественныхъ условіяхъ. Какой-нибудь князь Иванъ могъ миновать эти крушенія, но Калиновичъ съ улицы вступилъ въ салонъ, и долженъ принести немалую жертву за такое передвиженіе. Прямыхъ путей для разночинца и нищаго не существуетъ, или они выпадаютъ на его долю лишь въ самыхъ ничтожныхъ случаяхъ, и онъ, какъ настоящій Фигаро, принужденъ извиваться змѣей и пускать въ ходъ сложнѣйшую и не всегда безупречную политику, чтобы выйти на болѣе или менѣе свѣжій, вольный воздухъ и преодолѣть чисто стихійныя препятствія.

Припомните сцену Калиновича съ граціозной баронессой: онъ даетъ солидную взятку подругѣ вліятельнаго лица,—*кто виноватъ*? Дальше, онъ обязанъ проиграть въ карты достаточную сумму нѣкоему директору—опять *кто виноватъ*? Наконецъ, вообще, ни его талантъ, ни его искреннее желаніе работать рѣшительно никого не интересуютъ, но счастливая женитьба заставляетъ всѣхъ обратить на него вниманіе,—и здѣсь *кто виноватъ*?

Мы назвали цѣлый рядъ «подлостей», совершенныхъ нашимъ героемъ, онъ и самъ такъ выражается, но кто изъ толпы баронессъ, директоровъ, князей Ивановъ и, наконецъ, изъ вообще петербургскаго общества и чиновничества, начиная съ Бѣлавина, можетъ *по совѣсти* бросить камнемъ въ Калиновича? Если человѣку нужно подняться на гору, и между вершиной и подошвой лежитъ болото, онъ, конечно, можетъ и долженъ замараться въ грязи и тинѣ, но потому, что иного пути, какъ только черезъ грязь, на вершину нѣтъ, и можно сколько угодно возмущаться грязными пятнами на костюмѣ путника, но только это значитъ—рѣшать вопросъ съ конца.

И въ результатѣ путь Калиновича—новая и едва ли не самая краснорѣчивая иллюстрація къ дореформеннымъ административнымъ порядкамъ, уже извѣстнымъ намъ изъ другихъ произведеній автора.

Но путь конченъ. Герой на вершинѣ, онъ почти независимый правитель губерніи и имѣетъ дѣло непосредственно съ самимъ обществомъ. До появленія Калиновича оно находилось подъ властью взяточниковъ и ихъ креатуръ, въ родѣ Мишки Трофимова и князя Ивана. Сверху до низу совершались беззаконія и злоупотребленія и ихъ всѣ знали, и Мишка Трофимовъ, величайшій

изъ плутовъ, даже самой администраціи заявляетъ о своемъ неограниченномъ вліяніи на всѣхъ и на все. Калиновичъ съ головокружительной и явно безкорыстной энергіей принялся вычищать губернскія конюшни... Не естественно ли лучшимъ и интеллигентнѣйшимъ людямъ примкнуть къ благородному администратору? Вѣдь предъ ними отнюдь не выспренній мечтатель и не романтическій преобразователь, а самый реальный практическій дѣятель: лихоимцевъ онъ замѣняетъ честными людьми, въ конецъ сокращаетъ міроѣдовъ и казнокрадовъ, становится на сторону слабѣйшаго противъ насилія, является рыцаремъ справедливости и законности. Не имѣетъ ли онъ права ожидать отъ общества, если не признательности, то *пониманія* своихъ цѣлей и дѣйствій?

Да, разсуждая логически, но въ дѣйствительности—менѣе всего.

Общество оказывается въ томъ самомъ положеніи относительно администраціи, въ какомъ мы видѣли крѣпостныхъ мужиковъ относительно своихъ помѣщиковъ. Это положеніе нравственно характеризуется чувствами отчужденности, безсознательнаго недовѣрія, отчасти пренебреженія и въ лучшихъ случаяхъ равнодушія «Боюсь данайцевъ и дары приносящихъ»,—вотъ классическая фраза, которую высказываютъ не буквально, конечно, а иносказательно, поступками и намеками, мужики по поводу реформъ юнаго Вихрова и обыватели по поводу дѣятельности Калиновича.

Тамъ, въ деревнѣ, недовѣрчиво и неохотно принимали несомнѣнно, повидимому, благодѣтельныя распоряженія благонамѣреннаго панича, здѣсь никакъ не хотѣли вникнуть въ достоинства новаго административнаго курса. Въ отвѣтъ на замѣну взяточниковъ честными людьми, губернія начинаетъ инсинуировать: «шайку подбираетъ». Насчетъ успѣховъ Калиновича и его ужъ слишкомъ отважныхъ дѣйствій у общественнаго мнѣнія находится лишь одно объясненіе: «Больше всего чай надо полагать, что письмами отъ Хованскаго онъ очень хорошую себѣ рекомендацію дѣлаетъ»... И такъ до конца: будто о каменную стѣну разбиваются всѣ благія намѣренія и спасительныя дѣйствія Калиновича, и даже онъ самъ, весь порывъ и энергія, начинаетъ негодовать и жаловаться. Онъ безмѣрно счастливъ, что неожиданно издалека во тьму его смертной борьбы упалъ лучъ давно знакомаго завѣтнаго свѣта въ лицѣ Настеньки, и онъ съ ней первой изливаетъ накипѣвшую годами обиду и жгучую желчь.

«Про меня тысячи языковъ говорятъ, что я человѣкъ сухой, тиранъ, злодѣй; но отчего же никто не хочетъ во мнѣ замѣтить хоть одной хорошей человѣческой черты, что я никогда не былъ подлецомъ и никогда ни предъ чѣмъ не сгибалъ голову?..»

Легко сказать, общество должно во мгновеніе ока въ чиновникѣ открыть *человѣка* и *гражданина*, послѣ того, какъ оно, въ ряду необозримыхъ поколѣній, видѣло въ чиновникѣ нѣчто совершенно другое. Прислушайтесь къ философіи Мишки Трофимова, въ особенности къ его отзыву о «питерскихъ»,—допустите ли вы, что этотъ Мишка Трофимовъ вдругъ прозрѣетъ и увѣруетъ въ идеально-честнаго питерскаго человѣка въ мундирѣ? Это было бы совершеннымъ чудомъ. Мишку можно запугать, но онъ останется при своемъ твердомъ убѣжденіи: новый вице-губернаторъ, правда, взятокъ не беретъ, но, во-первыхъ, это еще не достовѣрно: видали мы такихъ праведниковъ за спиной секретарей-грѣшниковъ, а потомъ—здѣсь что-то неладно, и весь вопросъ, съ какого конца подойти, можетъ быть, тонкимъ обѣдомъ или г-жей Пиколовой можно доѣхать страшное начальство. Однимъ словомъ, у Мишки явится сколько угодно соображеній, и ни одно изъ нихъ не будетъ направлено на Калиновича *человѣка* и *не-подлеца*.

И самъ Калиновичъ отлично понимаетъ сущность явленія: *у общества не развито понятіе о чести, о справедливости*, и оно ко всѣмъ людямъ и фактамъ прилагаетъ, разумѣется, только ту мѣрку, какую имѣетъ: мѣрку, созданную среди умственной тьмы, нравственныхъ униженій, административныхъ неправдъ, мѣрку человѣка, выросшаго въ очагѣ исключительно матеріальной борьбы за матеріальную безопасность и спокойствіе.

Но мѣркой, какой бы то ни было, пользуется только дѣятельная часть общества, непосредственно заинтересованная въ перемѣнахъ и переворотахъ на административномъ горизонтѣ. Громадное большинство не имѣетъ непосредственныхъ связей съ властью, и относится къ административнымъ и общественнымъ явленіямъ такъ, какъ, напримѣръ. купецъ города Энска принялъ сообщеніе Петра Михайлыча о литературномъ первенцѣ Калиновича, т. е. совершенно безучастно, съ тупымъ равнодушіемъ: «моя хата съ краю»... Это уже безпросвѣтное провинціальное болото, безслѣдно засасывающее все свѣжее и живое. Оно, конечно, ни на минуту не всколыхнется ради чьихъ бы то ни было человѣческихъ и честныхъ подвиговъ, и именно эта мертвенная неподвижность едва ли еще не тлетворнѣе для всякой благородной энергіи, чѣмъ стихійное недовѣріе и открытая вражда.

Съ такимъ обществомъ пришлось имѣть дѣло Калиновичу... Ни поддержки, ни сочувствія, ни даже вниманія. Только нѣсколько чиновниковъ изъ «университетскихъ» заявили себя на его сторонѣ, но что значилъ восторженный тостъ, теплое слово человѣка, лично не имѣющаго никакой реальной силы, никакихъ обществен-

ныхъ и оффиціальныхъ связей! Вся армія Калиновича—два-три такихъ же пролетарія, какъ онъ самъ, а все остальное—или противъ него, или, во всякомъ случаѣ, не съ нимъ.

И вотъ этотъ талантливый, мужественный дѣятель рыдаетъ, «какъ малый ребенокъ», при встрѣчѣ съ покинутой дѣвушкой, взываетъ къ ней съ мольбой: «не оставь меня, другъ мой!»... На верху власти, въ самый разгаръ благородныхъ подвиговъ онъ одинокъ болѣе, чѣмъ когда-либо. И конецъ ясенъ и неотвратимъ. Достаточно малѣйшаго толчка сверху, только намека на враждебное вліяніе, и герой нашъ будетъ свергнутъ и сравненъ съ прахомъ. А такой толчокъ всегда возможенъ, гдѣ существуютъ грацiозныя баронессы. Въ результатѣ—самая безнадежная мораль, о какой только могъ подумать авторъ.

Онъ оканчиваетъ романъ далеко не идиллически: свѣтлаго счастья не будетъ Калиновичу и Настенькѣ, теперь его женѣ. И совершенно естественно: счастье съ трудомъ прививается къ растерзаннымъ сердцамъ и многовыстрадавшимъ душамъ. Счастье любитъ дѣвственную почву молодости и идеальныхъ воззрѣній на міръ. Но для насъ еще важнѣе конецъ *не романа* собственно, а общественной, точнѣе—служебной *исторіи* героя и его психологіи—не мужа или любовника, а дѣятеля, исключительно даровитаго и сильнаго администратора.

Здѣсь разгромъ еще болѣе драматическій, чѣмъ въ романѣ. Калиновичъ заканчиваетъ свое поприще *подсудимымъ*, въ глазахъ общества прямо преступникомъ, въ глазахъ другихъ судей, по меньшей мѣрѣ, человѣкомъ подозрительнымъ и безпокойнымъ... Понимаетъ ли авторъ смыслъ факта?

Онъ обнаруживаетъ изумительную жестокую положительность въ романическихъ вопросахъ, можно сказать безпримѣрную въ нашей художественной литературѣ. И жертвой положительности является никто другой, какъ Настенька, явно близкая сердцу автора, безконечно симпатичная, умная, сильная нравственно и практически. И вотъ, этой то героинѣ, единственной въ своемъ родѣ, авторъ влагаетъ въ уста самый холодный, прозаическій взглядъ на женскую любовь,—основу всякаго романа и романическаго счастья.

Настенька лично осталась незапятнанной, но отнюдь не по принципу и не по идеальнымъ инстинктамъ, а просто — *не пришлось*. Да, такой смыслъ въ слѣдующей морали:

«Послушай, если когда-нибудь женщина увѣряла или станетъ увѣрять, что вотъ она любила тамъ мужа или любовника, что ли... онъ потомъ умеръ или измѣнилъ ей, а она все-таки продолжала

любить его до гроба, повѣрь ты мнѣ, что она или ничего еще въ жизни не испытала, или лжетъ. Всѣ мы имѣемъ не ту способность, что вотъ любить именно одно существо, а просто способны любить или нѣтъ. У одной это чувство больше развито, у другой—меньше, а у третьей и ничего нѣтъ».

Судить о любви прозаичнѣе и даже безпощаднѣе врядъ ли возможно. Авторъ, очевидно, далекъ отъ всякихъ иллюзій и убѣжденъ, что Настенька, при всемъ своемъ умѣ и внѣшнихъ достоинствахъ, можетъ быть смѣшна, и при всей честности и сердечности можетъ испытать и первую, и вторую, и даже, пожалуй, третью любовь. Разрѣшать вопросъ досконально не представляетъ интереса, для насъ поучителенъ трезвый и правдивый взглядъ на *поэзію*. Чего же мы должны ждать отъ него насчетъ *прозы*, т. е. не романа, а исторіи Калиновича? Какой выводъ логически обязанъ сдѣлать авторъ изъ своего произведенія? Другими словами: гдѣ же спасеніе, если лучшіе и талантливѣйшіе люди кончаютъ такъ печально на самомъ, повидимому, цѣлесообразномъ и вліятельномъ пути къ добру, не на литературномъ, столь скользкомъ и загнанномъ, а на административномъ? При всякой драмѣ у зрителя невольно возникаютъ вопросы: кто виноватъ? Какъ же слѣдовало жить и дѣйствовать, чтобы избѣжать катастрофы?

Такъ и въ нашемъ случаѣ: кто виноватъ?—и отвѣтъ дается ясный и точный въ самомъ романѣ: общество и нѣкіе господа, поддавшіеся, очевидно, на искушенія жены Калиновича и на политику князя Ивана. Слѣдовательно, общій выводъ по существу дѣлится на двѣ части: Калиновича должны были поддержать поставившіе его, а для того имъ надлежало самимъ проникнуться его идеалами справедливости и законности, а потомъ общество обязано было соединиться вокругъ честнаго и дѣльнаго администратора. Но какъ же достигнуть той или другой цѣли?

Мы поставили неизбѣжный и въ то же время для Писемскаго рискованный вопросъ. Чиновники и администраторы не должны брать взятокъ, не увлекаться произволомъ и беззаконіями: это такая азбучная и очевидная истина! И даже не истина, а труизмъ, избитая банальная аксіома. Стоило ли ради нея изображать такую мрачную необъятную перспективу зла и несправедливости? А потомъ, какой смыслъ быть честнымъ и справедливымъ, если, все равно, рано или поздно придется испить чашу Калиновича? Выходить заколдованный кругъ, и только случайно и будто мимоходомъ авторъ наталкивается на его центръ.

Мы видѣли, у Калиновича—единственные сочувственники «университетскіе», слѣдовательно, высшее образованіе—гарантія слу-

жебной честности? И два главные героя Писемскаго—Вихровъ и Калиновичъ, благородные чиновники—дѣйствительно воспитанники университета. Потомъ, авторъ называетъ Калиновича «представителемъ молодой администраціи», усвоившей извѣстные административные принципы на «университетскихъ скамейкахъ».

Принципы эти мы знаемъ: «проведеніе безстрастной идеи государства съ отпоромъ всѣхъ домогательствъ сословныхъ и частныхъ».

Такъ рѣшается одна часть вопроса... Но это рѣшеніе самимъ же Калиновичемъ подвергается сильнѣйшему сомнѣнію: герой оказывается безпомощнымъ и разочарованнымъ по винѣ *общества*, лишеннаго понятій о чести и справедливости. Онъ не считаетъ нужнымъ даже вспомнить о своихъ оффиціальныхъ врагахъ, но со всею страстью и гнѣвомъ побѣжденнаго обрушивается на *общественное мнѣніе* и именно его клеймитъ предъ Настенькой, сходя со сцены. Мы, слѣдовательно, пришли къ первоисточнику, точнѣе, къ первой глубочайшей основѣ—паденія людей честныхъ и торжества беззаконниковъ: нравственная тупость общественной среды, ея полнѣйшая слѣпота въ вопросахъ общаго характера и стадное равнодушіе къ внутреннему смыслу окружающей дѣйствительности. Выводъ непосредственный: въ интересахъ даже «представителей молодой администраціи», долженъ кореннымъ образомъ измѣниться духъ общества, должны возникнуть другіе «представители общественнаго мнѣнія». Это необходимо не только для очищенія административной атмосферы. Мы видѣли, какія опустошенія производятъ въ обществѣ господа Батмановы, Бахтіаровы, Шамиловы, Эльчаниновы, именно потому, что они кажутся *лучшими* въ данной средѣ. Если уровень среды повысится, несомнѣнно, прекратятся и подвиги столичныхъ слетковъ демоническаго или рудинскаго типа. Но какъ повысится этотъ уровень, т. е. кто на своихъ плечахъ вынесетъ достоинство общества?

Мы приходимъ къ вопросу о *положительныхъ герояхъ* Писемскаго, объ его *идеалахъ* въ области ума и нравственности. Они имѣются у всякаго истиннаго художника, хотя онъ можетъ и не съ одинаковымъ искусствомъ изображать «добродѣтельнаго» и «порочнаго» человѣка. Талантъ Писемскаго—преимущественно сатирическій, и естественно его идеальные герои и героини сравнительно блѣдны, но они постоянно присутствуютъ на его сценѣ. Ихъ характеристика ничего не прибавитъ къ нашимъ свѣдѣніямъ о *художественной силѣ* Писемскаго, но только послѣ нея мы сможемъ вполнѣ точно оцѣнить *публицистическое направленіе*, почти безраздѣльно завладѣвшее нашимъ авторомъ съ начала шестидесятыхъ годовъ.

XXVI.

Среди сочиненій Писемскаго существуетъ критическая статья о второй части *Мертвыхъ душъ*. Статья написана въ 1855 году, т. е. въ цвѣтущее время творчества нашего автора. Здѣсь съ большой проницательностью оцѣненъ талантъ Гоголя въ изображеніи отрицательныхъ явленій и полнѣйшая неудача въ идеальныхъ характерахъ. Эта проницательность не составляла особенной личной заслуги Писемскаго,—свойства гоголевскаго генія были очевидны для всѣхъ его современниковъ, и для насъ любопытны не критическія соображенія автора на счетъ Гоголя, а его общіе художественные взгляды. Мы узнаёмъ, — Писемскій рѣшительный противникъ *напряженности*, т. е. искусственности, приподнятости, «стремленія сказать больше своего пониманія, выразить страсть, которая сердцемъ не пережита—словомъ, создать что-то выше своихъ творческихъ силъ», вообще *сочинительства*, *книжности*. Отсюда логическое требованіе, чтобы писатель слѣдовалъ свободному влеченію своего дарованія и не ставилъ себѣ преднамѣренныхъ задачъ въ какомъ бы то ни было направленіи.

Много лѣтъ спустя, именно въ 1877 году, Писемскій еще энергичнѣе поддерживалъ этотъ взглядъ *) и жестоко напалъ на Гоголя за положительные типы второй части *Мертвыхъ душъ* и за *Переписку*. Всякое проповѣдничество прямо ненавистно художественной натурѣ нашего автора и онъ пытался даже Жоржъ Зандъ, любимую писательницу своей молодости, оправдать отъ подозрѣній на этотъ счетъ. Одновременно Тургеневу по поводу *Нови* Писемскій высказывалъ ту же истину о свободномъ творчествѣ: «художникъ прежде всего долженъ быть объективнымъ и безпристрастнымъ и вовсе не обязанъ писать для услады какихъ-либо партій».

Всѣ эти *теоретическія* заявленія вполнѣ опредѣленны, но дѣло въ томъ, что еще Мефистофелю была извѣстна безплодность и безцѣльность весьма многихъ теорій и, съ другой стороны, мощь живой жизни. Такъ и здѣсь. Писемскій именно въ *Нови* мнилъ видѣть объективность и безпристрастіе, и можно смѣло сказать,—подобное впечатлѣніе—его исключительно личное открытіе. Послѣдній романъ геніальнаго художника переполненъ публицистикой и весьма «напряженными» мотивами. Но даже если бы Писемскій взялъ не *Новь*, а свои собственныя произведенія, онъ могъ бы свободно вычитать въ нихъ не мало положительныхъ и идеальныхъ внушеній публикѣ.

*) Въ письмѣ къ проф. Буслаеву, С. Венгеровъ. *О. С.*, стр. 102 etc.

И это—законъ природы. Вполнѣ «объективно» можно воспѣвать развѣ только «трели соловья», «лепетъ», «робкое дыханье», т. е. по энергическому выраженію Пушкина, сочинять «бредни» и «праздно врать», но разъ предметъ авторскаго творчества жизнь мыслящихъ и чувствующихъ существъ, подъ его кистью неизбѣжно появятся и *свѣтъ*, и *тѣни*, обнаружатся его сочувствія и антипатіи, и у читателя непремѣнно останется весьма ясное представленіе объ *идеяхъ* автора, хотя бы и искренне-безпристрастнаго и объективнаго.

Гоголь, конечно, впалъ въ трагикомическое положеніе съ своей Улинькой и съ своимъ Костанжогло, но отнюдь не потому, чтобы самый замыселъ писателя изобразить идеалы представлялъ нѣчто неестественное и фальшивое, а потому что эти изображенія не удались ему практически и по свойству его таланта, а главное, по лихорадочной стремительности во что бы то ни стало, немедленно послѣ Чичиковыхъ и Собакевичей, показать публикѣ добродѣтельнаго русскаго человѣка и прекрасную славянскую женщину. Гоголь всегда смотрѣлъ на свою литературную дѣятельность, какъ на службу отечеству и всегда мечталъ сказать своимъ согражданамъ важное и полезное слово. Необычайно быстрый ростъ славы долженъ былъ еще выше поднять въ писателѣ сознаніе своей писательской нравственной и гражданской отвѣтственности; отсюда болѣзненная страстность къ поученіямъ, проповѣдямъ—словами и образами, отсюда совершенно искреннее убѣжденіе Гоголя, что родина смотритъ на него очами, исполненными ожиданія и надежды...

Что же касается самихъ фигуръ Улиньки и Костанжогло, онѣ дѣйствительно идеалы не только Гоголя, а цѣлаго ряда другихъ писателей одного типа съ великимъ творцомъ *Мертвыхъ душъ*. Мы знаемъ основныя нравственныя черты этого типа, и если бы вы обратились съ запросомъ къ Фонвизину, Крылову, Гончарову на счетъ идеала женщины и гражданина, въ общемъ предъ вами воскресли бы образы именно гоголевскихъ мертворожденныхъ созданій. Все несчастье Гоголя—не сумѣть и не смочь отвлеченное представленіе превратить въ живое, творчески-вдохновенное лицо, но безконечно добрая сердцемъ и невинная духомъ дѣвица, практически-энергичный и здравомыслящій русскій человѣкъ—все это Софьи, Ольги, Стародумы, Штольцы, и Писемскій, справедливо указывая на *художественные* изъяны гоголевскихъ идеаловъ, самъ раньше воспроизвелъ *нравственную* сущность тѣхъ же идеаловъ въ своихъ положительныхъ герояхъ.

Мы уже слышали мужицкіе отзывы о *добрыхъ*, *справедливыхъ*,

настоящихъ господахъ и хозяевахъ-помѣщикахъ и видѣли, какое невыгодное освѣщеніе получали университетскіе идеологи народолюбцы рядомъ съ почвенными мудрецами дѣйствительности. Подобный контрастъ является у автора и въ другихъ случаяхъ.

Вы знаете безпощадность Писемскаго къ демонамъ и Рудинымъ, но вы не должны думать, будто автору не на комъ и не на чѣмъ успокоить свой возмущенный взоръ. Напротивъ, рядомъ съ Эльчаниновымъ дѣйствуетъ Савелій, «простой и необразованный человѣкъ», рядомъ съ Шамиловымъ «Степочка», съ Калиновичемъ отставной капитанъ, дядя Настеньки, и въ позднѣйшихъ произведеніяхъ, читатели Бѣлинскаго и Конта, въ родѣ негодяя—донъ-жуана студента Салова, поклонники г-жи Жоржъ-Зандъ—въ родѣ Вихрова, оттѣняются грубыми, непосредственными фигурами первобытныхъ юношей Замина, Петина. Въ *Масонахъ*, докторъ Сверстовъ и капитанъ Звѣревъ «простой, но все-таки поэтическій человѣкъ», заканчиваютъ эту богатую галлерею славныхъ русскихъ людей, добрыхъ малыхъ, сердечныхъ и душевныхъ.

То же самое и среди героинь.

Намъ извѣстна привлекательнѣйшая изъ нихъ Настенька, но привлекательность ея подвергается сильному риску съ того времени, когда героиня начинаетъ утрачивать свою естественную простоту. А происходитъ это, конечно, отъ чтенія книгъ, въ особенности отъ знакомства съ французскимъ языкомъ и французской литературой.

Авторъ довольно подробно изображаетъ новыя настроенія дѣвушки, и здѣсь каждый фактъ представляетъ особый интересъ.

«Все это (французскій языкъ и чтеніе), конечно, образовало и развило ее въ умственномъ отношеніи, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, сильно раздражило ея воображеніе. Она начала жить въ какомъ-то особенномъ мірочкѣ, наполненномъ Гомерами, Орасами, Онѣгиными, героями французской революціи. Любовь женщины она представляла себѣ не иначе, какъ чувствомъ, въ основаніи котораго должно было лежать самоотверженіе, жизнь въ обществѣ мученьемъ, общественный судъ вздоромъ, на который не стоитъ обращать вниманія. Окружавшая ее среда сдѣлалась для нея невыносимою. Добродушный и всегда довольный Петръ Михайловичъ (отецъ) сталъ ее возмущать, особенно, когда кого-нибудь хвалилъ изъ городскихъ, или разсказывалъ какія-нибудь происшествія, случавшіяся въ городѣ, и даже когда онъ съ удовольствіемъ обѣдалъ, словомъ, она начала дѣлаться для себя, для отца и для прочихъ домашнихъ какой-то маленькой тиранкой, и съ каждымъ днемъ больше и больше обнаруживать странностей»...

Вотъ что значитъ утратить первобытную простоту! Любопытнѣе всего, что авторъ ограничивается общими замѣчаніями о дурномъ вліяніи на свою героиню чтенія и французскаго языка. Правда, мы дальше узнаемъ, какъ Настенькѣ вдругъ захотѣлось поѣхать верхомъ и непремѣнно галопомъ, притомъ, на «непроѣзженной» лошади. Приключеніе окончилось благополучно, хотя Настенька вернулась «блѣдная» и «вся дрожала». Но всѣ наши старанія уяснить, при чемъ здѣсь книги, были бы совершенно тщетны. Да и нечего намъ доискиваться объясненія: авторъ просто хотѣлъ лишній разъ показать, до какой степени простота ума и непосредственность чувствъ выше такъ называемаго развитія.

Въ виду этого, онъ не менѣе жестоко отзывается и о другой, столь же симпатичной героинѣ, изъ повѣсти *Бракъ по страсти*. Варвара Александровна во всѣхъ отношеніяхъ безупречна, но ей вдругъ хочется казаться передовою, «развитой» дамой и она принимается курить, да такъ неудачно, что обжигаетъ себѣ губы въ минуты сильныхъ волненій... И здѣсь «развитіе» попало какъ-то странно, окольнымъ путемъ, потому что Варвара Александровна отъ начало до конца не проявляетъ никакихъ другихъ признаковъ эмансипаціи и злотворнаго просвѣщенія.

Обратите вниманіе, всѣ эти частности отмѣчены Писемскимъ въ дореформенную эпоху дѣятельности, когда ему еще не приходилось разсчитываться съ дѣйствительно «развитыми» и «эмансипированными» дѣвицами и дамами. Уже тогда у него противъ Чайльдъ-гарольдовъ и Рудиныхъ стояли «простые и необразованные люди», противъ «развитыхъ» женщинъ—родныя дочери и сестры пушкинской Татьяны, даже еще «скромнѣе» и «проще».

Высшая ступень идеальной женщины, по представленію Писемскаго, Евпраксія—героиня *Взбаламученнаго міра*. Мы знаемъ, отъ самого автора, это—двойникъ его жены, по прозвищу «ледешка», человѣкъ необычайно уравновѣшенный, разсудительный, прямой, честный, безъ капли романтизма и фантазерства, врагъ праздныхъ идей и «пустыхъ словъ».

Всѣ эти достоинства съ особымъ блескомъ обнаружатся на исключительно оживленномъ и идейномъ фонѣ преобразовательнаго десятилѣтія. Рядомъ съ безпокойной молодежью, лихорадочно хватающейся за новыя мысли и преисполненной новыми, часто смутными, но тѣмъ болѣе мучительными и властными идеалами, «ледешка» по истинѣ монументальное явленіе. Она прежде всего *ничего не читаетъ*, ничего знать не хочетъ изъ современныхъ волненій и увлеченій, рѣшительно ничѣмъ не интересуется, разъ это лежитъ за предѣлами ея домашняго благоустройства. И по-

добныя жены и матери кажутся автору единственной надеждой Россіи! Страна не погибла, пока существуютъ Евпраксіи: такъ провозглашаетъ идеальнѣйшій герой романа—Варегинъ.

Но спасаютъ ли они дѣйствительно, если не «страну», то хотя близкихъ имъ людей, своихъ мужей, дѣтей?

XXVII.

Въ романическихъ исторіяхъ Писемскій повсюду снабжаетъ ролями спасителей и подвижниковъ «простыхъ» людей. Савелій сравнительно съ Эльчаниновымъ—герой и джентльменъ, онъ настоящій рыцарь несчастной Анны Павловны. Предъ нимъ рѣчистый и блестящій Рудинъ теряется не находитъ словъ, невольно выказываетъ всю свою мелочность, эгоизмъ, нечистую совѣсть, даже недомысліе. Савелій столь же высокъ своей честной простотой, какъ сама Анна Павловна «нравственнымъ инстинктомъ женщины».

Еще эффектнѣе исторія *Богатаго жениха*. Здѣсь «простота» положительнаго героя усилена пропорціонально внѣшнему блеску представителя просвѣщенія. Шамиловъ гораздо «интереснѣе» Эльчанинова, но зато и Степочка неизмѣримо «проще» Савелія, онъ просто глупъ, и въ началѣ является всеобщимъ посмѣшищемъ, но въ результатѣ—его гуманность, его вѣрное и глубокое чувство совершенно уничтожаютъ блескъ и даже человѣческое достоинство умнаго и талантливаго фразёра. Степочка поднимается до самоотверженія, Шамиловъ падаетъ до постыдной рабской роли «мужа своей жены».

Подобное лестное положеніе выпадаетъ на долю и «простымъ» героинямъ: рядомъ съ идеалогами, романтиками и другими сложными и непонятными натурами г-жа Масурова изъ повѣсти *Тюфякъ* недосягаемо выше, благороднѣе и разумнѣе Бахтіарова, а она только вѣрная жена, любящая мать, безъ всякихъ выспренихъ порывовъ и безпокойныхъ идей. То же самое и Вѣра изъ повѣсти *Богатый женихъ*, предшественница Евпраксіи: умная, невозмутимо спокойная и разсудительная, честная и искренняя, она прямо подавляетъ своимъ превосходствомъ вѣчно мятущагося, безотчетно-фразирующаго и по временамъ жалкаго и малодушнаго «Рудина». Всѣ эти господа требуютъ сверхъестественныхъ пламенныхъ страстей, замышляютъ великіе подвиги и кончаютъ полнымъ упадкомъ нравственныхъ силъ и практическимъ ничтожествомъ. «Простыя» женщины высятся предъ ними, будто памятники неумирающаго классическаго искусства, тѣмъ болѣе

прекрасные и жизненные, чѣмъ печальнѣе окружающее разрушеніе...

Да, намѣренія художника не подлежатъ сомнѣнію, точнѣе, не намѣренія, а инстинкты. Онъ безпрестанно говоритъ именно объ *инстинктахъ* своихъ положительныхъ героевъ и героинь, объ ихъ стихійной натурѣ—простой, открытой, честной, часто поэтической, и противоставляетъ ее суетному фальшивому блеску благопріобрѣтенныхъ украшеній. Во всѣхъ дореформенныхъ произведеніяхъ Писемскаго мы не находимъ сильной и доблестной личности, стоящей на уровнѣ современныхъ умственныхъ и идейныхъ теченій. Сила и доблесть будто несовмѣстимы съ идейностью и передовымъ просвѣщеніемъ. Авторъ будто стремится набрать побольше доказательствъ для извѣстной намъ гоголевской истины: «изъ просвѣщенія-то мы все-таки выберемъ то, что погаже; наружность его схватимъ, а его самаго не возьмемъ»...

И естественно—«просвѣщеные» вездѣ и всегда развѣнчиваются и безпощадно унижаются въ пользу «простыхъ».

Таковъ результатъ творчества Писемскаго въ самую раннюю пору. Можно представить, какую форму приметъ это воззрѣніе, когда среди «просвѣщенныхъ» появятся герои, несравненно болѣе притязательные и опасные, чѣмъ Батмановы и Шамиловы, когда, дѣйствительно, на сцену выступитъ вопросъ о преимуществахъ новыхъ идей и традиціонной простоты!

Но на основаніи тѣхъ же произведеній Писемскаго получается и еще одинъ выводъ, въ высшей степени важный. Положимъ «простые и необразованные люди» въ самомъ дѣлѣ достойнѣе и даже практически выше господъ съ тонкимъ европейскимъ просвѣщеніемъ, собственно не съ просвѣщеніемъ, а съ его «внѣшностью», но ограждаютъ ли они русское общество отъ заблужденій и «гадостей»? Въ тѣхъ же романахъ лучшія и умнѣйшія женщины непремѣнно увлекаются не простыми и добрыми малыми, а Бахтіаровыми и Шамиловыми. Мало этого. Узнавъ даже основательно все ничтожество пышныхъ фразёровъ, тѣ же разсудительныя героини не могутъ стряхнуть съ себя самообмана и роковаго очарованія. Г-жа Масурова, достаточно, повидимому, освѣдомленная въ донъ-жуанскихъ предпріятіяхъ Бахтіарова и въ истинномъ смыслѣ его «страданій», не въ силахъ противостать его демоническимъ аллюрамъ и только послѣ вопіющей подлости съ ея братомъ рѣшается порвать съ нимъ знакомство. Еще изумительнѣе участь Вѣры, жертвы Шамилова. Самъ авторъ объясняетъ намъ, какъ умная дѣвушка шагъ за шагомъ проникаетъ въ тайники мелкой натуришки своего героя, и все-таки сердце

ея обливается кровью при одной мысли о разлукѣ съ нимъ. Даже идеальная Евпраксія, только послѣ длинныхъ лѣтъ опыта и семейной пытки, усваиваетъ холодный и презрительный взглядъ на своего романтическаго мужа, да и то, кажется, потому, что ея чувству нашелся выходъ въ любви къ дѣтямъ.

Слѣдовательно, при всей несостоятельности блестящихъ героевъ, имъ принадлежитъ первое мѣсто по вліянію и власти даже среди лучшихъ женщинъ, т. е. тамъ, гдѣ авторъ нашъ полагаетъ надежду на будущее своей родины. И этотъ законъ весьма давнишняго происхожденія: еще пушкинская Татьяна, столь близкая сердцу автора, была загублена московскимъ Чайльдъ-Гарольдомъ, лермонтовская Вѣра, не менѣе симпатичная и поэтическая—безнадежно запутывается въ сѣтяхъ подобнаго же демона. И если бы вы обратились за объясненіями къ самимъ героинямъ, онѣ всѣ: единогласно повторили бы отзывы г-жи Масуровой о Бахтіаровѣ ихъ герои въ ихъ средѣ *выше* другихъ, умнѣе, образованнѣе и «интереснѣе». . И пусть послѣ этого авторъ убѣждаетъ ихъ, что Савеліи, Сверстовы—честнѣе и лучше и что именно они достойны любви! Только развѣ на краю могилы или въ минуты полнаго разгрома нравственной жизни рѣшится Вѣра протянуть руку простѣйшему изъ смертныхъ—Степочкѣ! И она сама будетъ смотрѣть на этотъ поступокъ, какъ на самоубійство...

Въ результатѣ—дилемма: пока противоядіемъ отъ демонизма и рудинства останется «простота и необразованность», до тѣхъ поръ «надежда» Россіи въ непрестанной смертной опасности. Слѣдовательно, или надо противопоставить отравѣ болѣе сильнаго противника, или у женщинъ и дѣвушекъ уничтожить нравственную почву, столь воспріимчивую для столь тлетворнаго яда. Это совершенно логическія заключенія, но для Писемскаго, какъ и всѣ другіе *общіе* выводы, они не существуютъ. Онъ неизмѣнно будетъ стоять за «простоту». А между тѣмъ, вопросъ явно рѣшается съ другого конца—съ «образованія» и «развитія».

Батмановъ и Шамиловъ смѣшны и ничтожны,—но что же можетъ разоблачить ихъ смѣхотворность и ничтожество? Они прикрываются ореоломъ просвѣщенія и высшихъ стремленій: пусть люди поймутъ *настоящее* просвѣщеніе, проникнутся *подлинными* высшими стремленіями, и *эксплуататоры* исчезнутъ, какъ призраки предъ законными *собственниками*. У самихъ благородныхъ, хотя и простыхъ героинь вы не въ состояніи убить жажды чего то другого, помимо «простоты» и «житейской мудрости». Вы не въ силахъ заставить вашу идеальную Татьяну хотя бы въ мечтахъ не уноситься за предѣлы будничной прозы и кухонной суеты.

Разъ русская семья выбита изъ домостроевской колеи,—дѣло непоправимо. Да и въ домостроевскомъ царствѣ можетъ напасть нравственная, совершенно невольная истома на какую-нибудь Катерину. Что вы будете дѣлать съ ней? Укажете на Тихона—несомнѣнно «очень простого и необразованнаго» парня, наговорите ей сколько угодно умныхъ вещей, результатъ получится не лучшій, чѣмъ послѣ проповѣдей Кабанихи. Борисъ, все-таки, останется болѣе привлекательнымъ и, главное, *высшимъ* человѣкомъ, чѣмъ законный «простой» мужъ.

Очевидно, не въ «простотѣ» спасеніе. Въ чемъ же? Одна сторона вопроса—романическая—была рѣшена очень давно, когда еще Писемскій былъ студентомъ. Мы видѣли, Невѣдомовъ изъ романа *Люди сороковыхъ годовъ* очень неодобрительно отзывался о нѣкоторыхъ статьяхъ Бѣлинскаго и, несомнѣнно, этому отзыву, съ точки зрѣнія идеальнаго художника должна подлежать рѣчь знаменитаго критика по поводу пушкинской Татьяны. Бѣлинскій, съ большой—на этотъ разъ незаслуженной благосклонностью отнесся къ Онѣгину, высоко оцѣнилъ и *натуру* героини, но произнесъ безпощадный приговоръ надъ Татьяной, питомицей извѣстной среды, представительницей извѣстной семейной морали. Критикъ изобразилъ всю удручающую пошлость, все рабское лицемѣріе и умственную тупость общества, создающаго мечтательныхъ и въ то же время нравственно безличныхъ дѣвицъ и женъ. Онъ вполнѣ послѣдовательно объяснилъ и «романы», и брачные союзы Татьянъ въ менѣе всего идеальномъ свѣтѣ и показалъ, почему не только Онѣгины, а вообще какіе-угодно «интересные кавалеры» являются истинной моровой язвой въ столичныхъ и провинціальныхъ муравейникахъ. Нѣтъ сознательной мысли, нѣтъ человѣческаго воспитанія, нѣтъ чувства личнаго достоинства и независимости, а только мечты, кукольная дрессировка, томительная, часто подневольная жажда—завоевать мужа—и въ результатѣ мишура сходитъ за золото, комедіантство за героизмъ, пустота за таинственность, и участи именно самыхъ «идеальныхъ» дѣвицъ оказываются наиболѣе трагикомическими.

И такъ останется на всегда въ томъ обществѣ, гдѣ Бахтіаровы и Шамиловы являются единственными яркими представителями ума и образованія, гдѣ дѣвушки и женщины, по натурѣ возвышающіяся надъ общимъ уровнемъ, могутъ остановить свои взоры только на подобныхъ личностяхъ. Измѣнить порядокъ вещей можно лишь однимъ путемъ: воздѣйствуя на общественную культуру и личное умственное развитіе *всѣхъ* — и героевъ, и героинь, т. е. преобразовывая самыя основы идейной жизни и нрав-

ственности. Этотъ путь—совершенная противоположность идеаламъ «простоты» и непосредственности, т. е. идетъ въ разрѣзъ съ положительными представленіями Писемскаго о спасеніи отечества. А между тѣмъ, *неизбѣжность* коренныхъ преобразованій именно *общественныхъ* устоевъ наглядно вытекаетъ изъ произведеній нашего автора,—вытекаетъ не благодаря тенденціи, а правдивому, искреннему изображенію дѣйствительности. И тѣмъ поучительнѣе и существеннѣе результаты!

Но онъ, снова повторяемъ, внѣ *сознательнаго* кругозора писателя, совершенно такъ же, какъ *общій смыслъ Ревизора* и *Мертвыхъ душъ* ускользалъ отъ проницательности ихъ автора. Единственное, сознательное цѣлебное средство противъ общественныхъ и чиновничьихъ пороковъ для Гоголя и Писемскаго состоитъ въ *нравственномъ* совершенствованіи отдѣльныхъ *личностей*: въ крѣпостномъ строѣ добрый и справедливый баринъ, въ оффиціальной службѣ—благородный и неподкупный чиновникъ, въ обществѣ—умный и простой человѣкъ, сердечная и простая женщина. А что касается почвы, на которой предстоитъ расцвѣтать этимъ высшимъ растеніямъ, она можетъ оставаться при томъ же составѣ и съ тѣмъ же удобреніемъ. Всё дѣло не въ порядкахъ, не въ стремленіяхъ, даже не въ умахъ, а въ добронравіи, въ чувствахъ, въ инстинктахъ. Такъ проповѣдывалъ Стародумъ, такою же проповѣдью закончилъ свою «службу гражданина» Гоголь, къ ней пришелъ и Писемскій наканунѣ шестидесятыхъ годовъ. Гоголю пришлось выслушать страстное негодованіе Бѣлинскаго, правда необычайно даровитаго и вліятельнаго писателя, но, все-таки отдѣльнаго частнаго дѣятеля, и мы знаемъ, сколько желчи и обиды подняло въ сердцѣ автора *Мертвыхъ душъ* единственное письмо критика. Геніальный сатирикъ не могъ удержаться — не бросить камнемъ въ противника даже на страницахъ своей великой поэмы, въ минуты, повидимому, христіански-проникновеннаго писательскаго подвига. Что же должно было совершиться съ настроеніемъ другого автора, отнюдь не бравшаго на себя роли смиренія и всепрощенія, и встрѣтившаго противъ себя не одного или нѣсколькихъ писателей, а цѣлое поколѣніе умственныхъ и практическихъ дѣятелей на самыхъ разнообразныхъ поприщахъ? И притомъ какихъ дѣятелей! Каждымъ нервомъ, каждымъ помышленіемъ стоявшихъ на стражѣ своихъ идей и стремленій.

Мы закончили характеристику дѣятельности Писемскаго въ первый дореформенный періодъ. Онъ заключается 1858 годомъ, самымъ блестящимъ и плодороднымъ за всю жизнь нашего автора. Одновременно появились *Тысяча душъ*, *Горькая судьбина*, *Старче-*

скій трилогъ истинно-классическія произведенія всей русской литературы. Авторъ стоялъ на вершинѣ славы и вліянія. Двумя годами раньше онъ былъ посланъ морскимъ министерствомъ въ этнографическую командировку на берега Каспійскаго моря, т. е. попалъ въ число изслѣдователей, которымъ министерство поручало въ это время изученіе быта наименѣе извѣстныхъ мѣстностей Россіи. Результатомъ были *Путевые очерки*, мало содержательные, переполненные не жизненными наблюденіями, а историческими справками, нѣчто въ родѣ позднѣйшаго романа *Масоны*. Очевидно, выборъ министерства оказался не особенно удачнымъ. Болѣе подходящими для Писемскаго явились, несомнѣнно, обязанности редактора *Библіотеки для Чтенія*. Онъ сталъ во главѣ журнала съ 1858 года и оставался до 1863, т. е. въ самый горячій періодъ новаго движенія въ государственной и общественной жизни Россіи. Прославленный писатель обладалъ всѣми средствами заявить открыто свое личное отношеніе къ новымъ людямъ и ихъ задачамъ, и онъ заявилъ болѣе чѣмъ искренно и открыто. Почему—свѣдущіе люди могли не только объяснить, но даже предсказать, съ перваго появленія Писемскаго на литературную сцену.

XXVIII.

Писемскій до 1853 года жилъ въ провинціи, поддерживая связи съ петербургскими и московскими журналами *разнаго* направленія, *Москвитяниномъ* Погодина и *Современникомъ* западнической редакціи. Оба журнала пребывали во взаимной полемикѣ, но междоусобица не затрогивала Писемскаго и онъ, на сколько можемъ судить, врядъ ли вообще интересовался ея цѣлями и смысломъ. Въ 1853 году Писемскій пріѣзжаетъ въ Петербургъ, гдѣ уже давно цѣнили его талантъ и встрѣтили какъ драгоцѣннаго сотрудника. Съ первыхъ же словъ гостя петербургскіе литераторы и вообще интеллигенты почувствовали предъ собой человѣка другой планеты, *диковинку*, по выраженію одного изъ нихъ *). Кругомъ рѣяли разныя европейскія идеи, послѣднія слова науки и цивилизаціи, стремительная жажда передового просвѣщенія, восторги предъ западной культурой, часто основательныя свѣдѣнія о европейскихъ литературахъ и порядкахъ, и вдругъ среди всего этого шума, страстныхъ споровъ и увлеченій является человѣкъ, несомнѣнно, замѣчательно умный, тонко наблюдательный, насмѣшливый, блестяще одаренный—и не обнаруживаетъ рѣшительно никакой склонности

*) Анненковъ. *А. Ф. Писемскій какъ художникъ и простой человѣкъ.*

вступить въ споръ, просто даже заинтересоваться спорными вопросами. Онъ ведетъ себя относительно просвѣщенныхъ петербуржцевъ совершенно какъ его народный философъ Илья Мосѣичъ относительно господъ. Для него петербургская интеллигентная суета такіе же *пустяки*, какъ для Ильи Мосѣича вообще барское образованіе, онъ также ежеминутно преисполненъ ироніи и полуснисходительнаго, полупрезрительнаго чувства къ «господамъ съ тонкими вкусами», и не прочь сразить бойкаго «барчика» загадочной, но ядовитой притчей и жесткимъ русскимъ словцомъ. Иной провинціалъ, попавъ въ столичное общество, всѣми силами старается не ударить лицомъ въ грязь по части просвѣщенія и манеръ, этотъ, напротивъ, находитъ будто особенное удовольствіе бравировать петербургскіе привычки и взгляды и повергать въ смущеніе редакторовъ и писателей провинціальнымъ акцентомъ, до крайности откровенными сужденіями о житейскихъ вопросахъ и о нихъ самихъ, редакторахъ и издателяхъ, яркими отголосками чисто домостроевской мудрости на счетъ женщины, и исконными московскими чувствами на счетъ Петербурга и его цивилизаціи...

И когда же появился такой человѣкъ! Именно въ тотъ моментъ, когда не отвлеченно, не мечтательно, а практически, принципіально была объявлена война подобнымъ отголоскамъ и чувствамъ. И если это новое настроеніе не ощущалось особенно сильно въ первой половинѣ пятидесятыхъ годовъ, ему предстояло все будущее, неудержимый ростъ съ каждымъ годомъ. А между тѣмъ, припомните изліянія Калиновича по адресу Петербурга: они написаны какъ разъ въ самый разгаръ новыхъ вѣяній, и дышатъ тоской, отчаяніемъ, звучатъ проклятіями. «Lasciate ogni speranza voi ch'entrate», читаетъ Калиновичъ на въѣздныхъ воротахъ Петербурга—«для честныхъ бѣдняковъ». И судьба героя оправдываетъ эту надпись, но авторъ намѣренно слишкомъ рѣзко и ярко подчеркиваетъ полнѣйшую безнадежность петербургской атмосферы. Это, очевидно, его личный лиризмъ, не допускающій ни единаго просвѣта на сплошномъ мрачномъ фонѣ...

А вѣдь, когда былъ оконченъ романъ, уже въ теченіи трехъ лѣтъ въ петербургскомъ воздухѣ чувствовалась несомнѣнная свѣжесть, нѣчто новое и жизненное и одинъ изъ симптомовъ даже путешествіе самого Писемскаго съ изслѣдовательскими цѣлями. Но все это такъ же мало трогало его крѣпкіе почвенные инстинкты, какъ и чисто-внѣшнія явленія петербургской культуры. Онъ, напротивъ, неизбѣжно становился все дальше отъ живой современности и, конечно, рано или поздно долженъ сознать это, — *онъ*, одинъ изъ популярнѣйшихъ писателей, давно при-

выкшій и къ славѣ, и къ лести, давно и законно признавшій себя силой! А теперь, являются молодые отважные люди, вооруженные, повидимому, словами съ чужого голоса, и требуютъ во имя «развитія» и «заимствованнаго ума»—безраздѣльнаго вліянія, не обращая вниманія на *художественныя*, *чисто-литературныя* заслуги какого бы то ни было писателя. Издаютъ даже диссертаціи, подрывающія окончательно кредитъ *искусства* и полагающія во главу угла *направленіе*. И во имя чего *направленіе*? Во имя *теорій*, *идей*, не только не почтенныхъ для автора, а стихійно-неспособныхъ проникнуть въ его умъ и душу. Въ результатѣ—совершенно логическое неотвратимое столкновеніе, и оно съ самаго начала будетъ отмѣчено страстностью и нетерпимостью съ обѣихъ сторонъ.

И эта нетерпимость не будетъ даже виной отдѣльныхъ личностей, Писемскаго и застрѣльщиковъ прогрессивнаго лагеря. Столкнутся не люди, даже не партіи, а міросозерцанія, точнѣе *типы* и *психологіи*, искони лежавшія въ основѣ русской культурной исторіи. Московская Русь и петербургская Россія дадутъ другъ другу генеральное сраженіе, и можно ли говорить здѣсь о личныхъ пристрастіяхъ, партійныхъ тенденціяхъ, когда всякое чувство и идея цѣликомъ покрываются стихійными силами?

Въ эпоху реформы среди русскаго общества и въ литературѣ существовало не мало людей съ тѣмъ же нравственнымъ и національнымъ складомъ натуры, какимъ обладалъ Писемскій. Но вся тяжесть борьбы и ея роковыя послѣдствія выпали на долю нашего автора, именно потому, что онъ возвышался надъ всѣми общественными и литературными пережитками московской старины, онъ оказывался сильнѣйшимъ защитникомъ здраваго смысла и національнаго инстинкта противъ вторженія идей и иноземныхъ вліяній. И онъ долженъ былъ явиться достопамятнѣйшимъ искупленіемъ за всѣ многообразныя покушенія отжившихъ чувствъ и понятій на неотразимо грядущій разумный порядокъ вещей, высшей жертвой въ борьбѣ московской самобытности съ общечеловѣческой культурой.

Борьба открылась *публицистическимъ* произведеніемъ Писемскаго и уже этотъ фактъ указывалъ на характеръ и смыслъ одной изъ любопытнѣйшихъ междоусобицъ, какія когда-либо переживались общественными силами Россіи.

Ив. Ивановъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ТРИ ЖЕНСКИХЪ КОНГРЕССА.

Возможность организаціи въ одномъ и томъ же году трехъ конгрессовъ по женскому вопросу и успѣхъ, достигнутый двумя изъ нихъ, женевскимъ и берлинскимъ, составляютъ явленіе, до нѣкоторой степени освѣщающее тѣ перемѣны, которыя произошли въ міровоззрѣніяхъ европейскаго общества и его отношеніяхъ къ женщинѣ.

Женское движеніе всего рѣзче и сильнѣе выражается въ Англіи. Тамъ оно уже пришло къ весьма существеннымъ результатамъ, и англійскія женщины въ правѣ гордиться достигнутымъ успѣхомъ. Общественное мнѣніе Англіи высказывается все болѣе и болѣе въ пользу женщинъ, энергично борющихся съ рутиной и смѣло проникающихъ въ двери даже такихъ консервативныхъ университетовъ, какъ оксфордскій и кэмбриджскій. Въ одномъ только упорно отказываютъ имъ—въ предоставленіи ученыхъ степеней. Въ англійской общественной жизни женское движеніе является довольно важнымъ факторомъ; въ литературѣ оно вызвало появленіе новаго женскаго типа (New woman) и цѣлой плеяды женщинъ писательницъ, воплощающихъ въ литературныхъ образахъ стремленія и взгляды современной англичанки. Во всѣхъ англійскихъ колоніяхъ женщинамъ открытъ свободный доступъ къ высшему образованію, и даже къ управленію (Новая Зеландія).

Въ другихъ европейскихъ странахъ, почти вездѣ женщинамъ удалось завоевать себѣ право на высшее образованіе. Въ Швейцаріи первый университетъ, открывшій двери женщинамъ, былъ цюрихскій, а за нимъ послѣдовали и другіе. Въ Швеціи доступъ женщинамъ къ высшему образованію открытъ уже съ 1870 года, и, какъ извѣстно, наша знаменитая соотечественница Софья Ковалевская занимала тамъ профессорскую каѳедру. Въ Норвегіи женщинамъ предоставлены совершенно одинаковыя права со студентами, и онѣ не могутъ пользоваться только университетскими стипендіями. Въ Даніи, Бельгіи, Голландіи, Италіи, даже въ Испа-

ніи и Румыніи, двери университетовъ для нихъ широко раскрыты. Во Франціи всѣ факультеты давно уже доступны для женщинъ, и только Германія и Австрія не дозволяютъ женщинамъ вступать въ храмъ науки и ревниво оберегаетъ его двери.

Несмотря, однако, на преобладаніе въ нѣмецкомъ обществѣ традиціонныхъ взглядовъ на женщину, мы можемъ наблюдать въ Германіи очень быстрое возникновеніе и распространеніе женскаго движенія, успѣхъ котораго не только поразилъ, но даже засталъ врасплохъ нѣмцевъ, не подозрѣвавшихъ у своихъ женщинъ ни малѣйшаго стремленія къ самостоятельности.

Въ самомъ дѣлѣ, женское движеніе въ Германіи народилось и разрослось необыкновенно быстро. Это явленіе очень характерное. Въ странѣ, гдѣ, казалось, такъ властно господствуютъ традиціи, гдѣ идеаломъ женщины является «Hausfrau» и гдѣ милитаризмъ долженъ былъ наложить свою тяжелую десницу на всю соціальную жизнь, трудно было ожидать такого быстраго успѣха пропаганды въ пользу правъ женщины. Года три-четыре тому назадъ всеобщій взглядъ былъ таковъ, что нѣмка вполнѣ довольна своей судьбой и своею сферой дѣятельности, которая ограничивается «порогомъ кухни и дѣтской». Кому бы могло придти въ голову, что молоденькая нѣмочка, изучая подъ руководствомъ матери домашнее хозяйство, стоя у плиты и приготовляя любимое кушанье для главы семейства, или разглаживая крахмальныя сорочки своимъ братьямъ студентамъ, будетъ мечтать о расширеніи своихъ познаній, о доступѣ въ университеты и объ уравненіи правъ?

Съ понятіемъ о нѣмкѣ всегда соединялось представленіе о существѣ довольно ограниченномъ, сантиментальномъ, высшимъ идеаломъ котораго является образцовый порядокъ въ домашнемъ хозяйствѣ и комфортъ. Но тѣмъ болѣе чести ей, если, несмотря на такія неблагопріятныя условія, она все-таки съумѣла расправить крылья и устремиться къ свѣту. Лучшіе люди въ Германіи давно уже стали сознавать несостоятельность господствующихъ воззрѣній на женщину. Агитація въ пользу высшаго образованія женщинъ началась еще въ 70-хъ годахъ. Но только въ 1891 году баденская палата депутатовъ приняла резолюцію, допускающую женщинъ, выдержавшихъ экзаменъ на аттестатъ зрѣлости, къ слушанію лекцій въ университетѣ, но и то въ видѣ исключенія, и притомъ каждый разъ съ согласія того профессора, лекціи котораго онѣ собираются посѣщать. Въ виду отсутствія такихъ заведеній, гдѣ бы женщины могли подготовиться къ аттестату зрѣлости, баденское правительство сдѣлало большой шагъ впередъ, открывъ въ 1893 г. женскую классическую гимназію. Но самымъ передовымъ

оказался физико-математическій факультетъ гейдельбергскаго университета, допустившій въ свои аудиторіи женщинъ въ 1891 г., несмотря на протесты университетскаго совѣта.

Естественно, нѣмка прежде всего должна была почувствовать стремленіе къ расширенію сферы своихъ знаній, такъ какъ только это давало ей право выступить равноправной конкурренткой мужчины. Въ германскій рейхстагъ и сеймы стали постоянно поступать петиціи, требующія признанія правъ женщины на высшее образованіе. Женщины устраивали ассоціаціи съ цѣлью агитаціи въ пользу своихъ правъ. Движеніе разросталось, и германское правительство увидѣло себя вынужденнымъ сдѣлать нѣкоторыя, хотя очень незначительныя уступки, къ числу которыхъ принадлежитъ, между прочимъ, и разрѣшеніе женщинамъ-врачамъ медицинской практики въ Германіи, хотя дипломъ врача онѣ все-таки не могутъ получить въ Германіи, а должны получить его въ какомъ-нибудь иностранномъ университетѣ. О разрѣшеніи слушать лекціи въ университетѣ *съ согласія* профессора мы уже говорили. Но это разрѣшеніе часто сводится къ нулю именно вслѣдствіе того, что требуется *согласіе* профессора. Какъ относятся сами профессора къ стремленію женщинъ къ высшему образованію, доказываетъ, напримѣръ, слѣдующій случай, бывшій не далѣе, какъ года полтора тому назадъ. Знаменитый германскій историкъ, профессоръ Трейчке, однажды замѣтилъ съ каѳедры, что среди его слушателей находится женщина, усердно записывающая его слова. Онъ тотчасъ же прервалъ лекцію и, пробравшись между изумленными студентами, подошелъ къ дерзновенной, предложилъ ей руку и торжественно вывелъ ее изъ аудиторіи. Совершивъ это, профессоръ вернулся и сказалъ своимъ слушателямъ: «Я не терплю женское сословіе въ своей аудиторіи и приказалъ сторожу гнать каждую, которая вздумаетъ проникнуть сюда».

Мы должны съ сожалѣніемъ признать, что выходка профессора Трейчке не возбудила никакого протеста со стороны его молодыхъ слушателей. Каждый изъ нихъ готовъ былъ видѣть въ такой женщинѣ дерзкаго узурпатора своихъ правъ и прерогативъ. Удивляться тутъ нечему. Всѣ эти молодые люди были воспитаны въ томъ убѣжденіи, что женщина должна быть только хозяйкой, «Hausfrau», должна заботиться объ ихъ удобствахъ, а наука не для нея существуетъ.

Сильные своею властью германскіе законодатели ополчились на передовую женщину и при помощи законовъ старались укрѣпить ее въ томъ положеніи, которое она занимала до сихъ поръ.

Новое гражданское законоположеніе въ Германіи, вызвавшее такія горячія пренія въ германскомъ рейхстагѣ, служитъ явнымъ доказательствомъ, что нѣмцы начинаютъ серьезно побаиваться возмущенія своихъ женъ и дочерей и пускаютъ въ ходъ могущественное оружіе—законъ—имѣющееся у нихъ въ рукахъ, чтобы закрѣпостить женщину въ узкомъ семейномъ кругу и окончательно подчинить ее своей волѣ. Дѣйствительно, новые гражданскіе законы Германіи лишаютъ замужнюю женщину всякой самостоятельности, права на свой заработокъ, на свою собственность и не даютъ ей даже права голоса въ семьѣ. Она не можетъ распорядиться ни своимъ имуществомъ, ни дѣтьми, и ставится въ полную зависимость отъ мужа.

Отвѣтомъ на вотированіе новыхъ гражданскихъ законовъ былъ грандіозный женскій «митингъ протеста», устроенный въ Берлинѣ лѣтомъ, на которомъ присутствовало болѣе полуторыхъ тысячъ женщинъ, а также и международный женскій конгрессъ, состоявшійся тамъ же въ первыхъ числахъ сентября этого года.

Лучшая часть германскаго общества и печати, всѣ передовые общественные и политическіе дѣятели открыто стали на сторону женщинъ. По странной ироніи судьбы, на сторонѣ женщинъ въ данномъ случаѣ очутились не только передовыя германскія партіи, но и различныя религіозныя корпораціи, за исключеніемъ католическихъ, и на евангелическомъ конгрессѣ въ Эрфуртѣ, въ іюнѣ этого года, женщина была допущена къ чтенію доклада «о положеніи женщинъ». Это безпримѣрный случай въ лѣтописяхъ религіозныхъ конгрессовъ.

Обратимся теперь къ Франціи, которая до сихъ поръ считалась передовою націей. Картина мѣняется совершенно. Защитниками женщины были такіе люди, какъ Кондорсэ и Сійесъ, но конвентъ въ 1792 году отвергъ законъ о равноправности. Однако, это не мѣшало женщинамъ пользоваться большимъ вліяніемъ въ общественной жизни и въ особенности въ литературѣ и политикѣ. Много женщинъ даже прославилось учеными трудами (Дюпьери, Лезардьеръ, Софи Жерменъ и др.). Французское общество было уже подготовлено къ тому, чтобы открыть доступъ женщинѣ къ высшему образованію и уравнять ея права въ этомъ отношеніи. Поэтому высшія учебныя заведенія во Франціи не выказали особеннаго протеста противъ вступленія женщинъ, и въ Сорбоннѣ, въ семидесятыхъ годахъ, женщина была даже допущена къ занятію профессорской каѳедры, и теперь всѣ факультеты Франціи открыты для женщинъ. Такимъ образомъ, женщинамъ во Франціи досталось безъ борьбы то, на достиженіе чего въ другихъ странахъ онѣ потратили столько усилій и труда.

Можно было бы думать послѣ этого, что француженки станутъ во главѣ движенія и что Франція по отношенію къ женщинамъ оправдаетъ свое названіе передовой націи. Ничуть не бывало! Если положеніе женщины гдѣ-нибудь въ Европѣ можно назвать унизительнымъ для ея достоинства, такъ именно во Франціи, гдѣ она имѣетъ широкій доступъ во всѣ университеты и можетъ сколько ей угодно удовлетворять свое стремленіе къ высшему образованію. Нѣмецъ опасается конкурренціи женщинъ, опасается что его домашній комфортъ, его удобства пострадаютъ, если женщина разорветъ тѣсный кругъ семейныхъ обязанностей, въ который она замкнута традиціями и законами. Онъ не скрываетъ этого и пользуется своимъ правомъ сильнаго въ борьбѣ съ ней. Онъ воздвигаетъ ей препятствія за препятствіями, но самая ожесточенность его борьбы и средства, употребляемыя имъ, указываютъ, что онъ видитъ въ ней сильнаго противника, съ которымъ надо считаться. Такіе способы борьбы, какъ бы они ни были несправедливы, не унижаютъ достоинства женщины и только сильнѣе возбуждаютъ въ ней протестъ и энергію.

Французъ поступаетъ наоборотъ. Со свойственною ему любезностью, онъ широко раскрываетъ двери женщинамъ въ храмъ науки. «Вы желаете учиться? Пожалуйте. Но помните, что съ той минуты, какъ вы переступите порогъ этого святилища, вы становитесь безполыми существами, вы перестаете быть женщиной, эфирнымъ созданіемъ, воспѣтымъ поэтами, и т. д. Я былъ у вашихъ ногъ, но теперь я буду насмѣхаться надъ вами». И французы пускаютъ въ ходъ страшное оружіе, которымъ они владѣютъ въ совершенствѣ—насмѣшку. Намъ пришлось слышать отъ одного очень образованнаго француза, передового по своимъ политическимъ убѣжденіямъ, слѣдующій отвѣтъ на нашъ вопросъ, какъ относятся профессора и студенты къ женщинамъ, поступающимъ въ университеты. «Bah! On les supporte» (Ба! Ихъ переносятъ). Этотъ отвѣтъ весьма характеренъ для француза. Дѣйствительно, французъ только «переноситъ» женщину, стремящуюся къ самостоятельности, но въ глубинѣ души презираетъ ее и смѣется надъ ней при каждомъ удобномъ случаѣ. Характерно также то, что въ Парижѣ изъ всего числа женщинъ, изучившихъ медицинскую профессію, нѣтъ ни одной, которая бы имѣла практику въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Только одна изъ нихъ зарабатываетъ порядочныя деньги, да и то массажемъ. На выраженное нами удивленіе по поводу этого одинъ французскій врачъ сказалъ: «Видите ли, это не въ нравахъ нашего общества. Я не могу себѣ представить, какъ бы я сталъ консультировать съ женщиною-врачемъ. Это

просто неудобно. Я не имѣю ни малѣйшаго основанія заподозрить женщинъ въ недостаточности медицинскихъ познаній; на экзаменахъ и въ клиникахъ онѣ зарекомендовали себя съ лучшей стороны, несмотря на то, что многіе профессора и студенты относятся къ нимъ недоброжелательно. Но все-таки онѣ—женщины и намъ, мужчинамъ, трудно отрѣшиться отъ своего взгляда на нихъ, какъ на существо другого пола, и мы не можемъ видѣть въ нихъ такихъ же врачей, какъ мы сами».

Быть можетъ, если бы во французской женщинѣ не столь рѣзко были выражены черты національнаго характера французовъ, она съумѣла бы побѣдить и измѣнить эти воззрѣнія посредствомъ энергіи и настойчивости. Но она не рѣшается идти на проломъ, опасаясь одиночества. Кругомъ ей всѣ кричатъ: «Il faut rester femme!», ей съ насмѣшкой указываютъ на тѣхъ, которыя, позабывъ требованія изящнаго вкуса, углубились въ книги, не заботясь о женственности и граціи. Въ литературѣ она встрѣчаетъ только изящные типы дамъ, занимающихся лишь одною любовью и окруженныхъ поклоненіемъ мужчинъ. Чтобы жить такою жизнью, ей не нужно знаній; ей нужны красота, изящество, умѣнье одѣваться и только! Ни въ одномъ изъ произведеній современной французской беллетристики не говорится о высшихъ задачахъ человѣчества, тамъ только воспѣвается любовь и красота, и на этихъ струнахъ разыгрываются удивительныя симфоніи. Ни одинъ французскій писатель не рѣшится даже въ шутку выставить героиней передовую женщину. Какъ ни уродливы бываютъ иногда тѣ крайніе типы новыхъ женщинъ, которые встрѣчаются въ остальной европейской литературѣ, тѣмъ не менѣе они все же указываютъ, что эта «новая женщина» занимаетъ уже мѣсто въ литературѣ и общественной жизни и что съ ея стремленіями и ея притязаніями надо считаться. Во Франціи ничего подобнаго! Французъ много-много, что осмѣетъ такую женжину въ бульварной газетѣ, да изобразитъ ее въ каррикатурѣ. Въ общей литературѣ онъ ее совершенно игнорируетъ; тамъ властно царитъ женщина-любовница и женщинѣ-человѣку въ ней нѣтъ мѣста.

Единственное право, въ которомъ французъ не отказываетъ женщинѣ, это—заниматься «патріотическою» политикой. Именно «патріотической», потому что всякая другая также не есть дѣло женщины. Поэтому, игнорируя женщинъ-ученыхъ и труженицъ, онъ ставитъ на первое мѣсто такихъ, какъ подозрительная во многихъ отношеніяхъ г-жа Аданъ, играющая несомнѣнную роль въ современномъ французскомъ обществѣ, и дру-

гихъ подобныхъ же дѣятельницъ на поприщѣ патріотической политики.

При такихъ условіяхъ можно было, конечно, заранѣе предсказать, что женскій международный конгрессъ въ Парижѣ будетъ такъ же ничтоженъ, какъ и все женское движеніе во Франціи. Дѣйствительно, конгрессъ этотъ, въ противоположность двумъ другимъ конгрессамъ, о которыхъ рѣчь будетъ ниже, отличался необыкновенною шумностью своихъ засѣданій и ознаменовался даже довольно бурными сценами, когда на засѣданіе явилась группа студентовъ съ явнымъ намѣреніемъ произвести скандалъ. Имъ удалось это, и они удалились послѣ жаркой перепалки на словахъ, но курьезнѣе всего, что многія изъ француженокъ приняли ихъ сторону и перепалка продолжалась уже между дамами, членами конгресса.

Серьезная печать обошла этотъ конгрессъ молчаніемъ, не посвятивъ ему ни одной статьи; бульварные же листки осмѣяли его до послѣдней степени. Но было бы несправедливо осуждать огуломъ все, что дѣлалось на этомъ конгрессѣ, и всѣхъ его участницъ. Кромѣ иностранныхъ делегатокъ, которыя были въ меньшинствѣ, нашлось на конгрессѣ не мало и француженокъ, высказавшихъ очень дѣльныя мысли, особенно по вопросу о регулированіи женскаго труда. Къ обсужденію этого вопроса были привлечены сами работницы, которыхъ въ шутку прозвали «jupons de laine» (шерстяныя юбки) въ отличіе отъ большинства дамъ конгресса, щеголявшихъ въ шелковыхъ юбкахъ. Только эта часть конгресса, посвященная обсужденію вопросовъ о трудѣ и заработкѣ, и заслуживаетъ дѣйствительнаго вниманія; большинство же ораторскихъ упражненій на излюбленныя темы женскаго вопроса не представляло ничего интереснаго.

Совсѣмъ иное впечатлѣніе получается отъ двухъ другихъ женскихъ конгрессовъ, въ Женевѣ и Берлинѣ. Женевскій конгрессъ не былъ международнымъ, а только національнымъ и назывался «Congrès des Intérêts feminins». Характеръ швейцарскаго народа сказался на этомъ конгрессѣ, такъ какъ всѣ вопросы были поставлены исключительно на практическую почву. Необходимо урегулировать положеніе женщины въ виду того, что она все чаще и чаще бываетъ вынуждена заботиться не только о своемъ собственномъ существованіи, но и о существованіи свой семьи. «Мы желаемъ лишь выполнять свои обязанности по отношенію къ обществу и семьѣ и требуемъ только справедливости, не думая о преобладающей роли въ политической, экономической и общественной жизни,—говорятъ швейцарскія женщины. — Если жен-

щины до сихъ поръ обнаруживали индиферентизмъ къ вопросамъ, касающимся ихъ положенія и интересовъ, то лишь потому, что большинство изъ нихъ не вполнѣ сознавали еще важность своей соціальной миссіи, какъ члена человѣческой общины, той миссіи, которую большинство изъ нихъ легко можетъ выполнить, не пренебрегая нисколько своимъ домашнимъ очагомъ. Было бы безумiемъ возбуждать соперничество половъ, такъ какъ женскіе интересы касаются не только женщинъ, но тѣсно соприкасаются съ интересами семьи и всего человѣчества».

О соперничествѣ половъ, дѣйствительно, не было и рѣчи на конгрессѣ. Всѣ мужчины, принявшіе въ нихъ участіе, открыто высказались въ пользу женщинъ. Замѣчательное единодушіе царило также и между представителями всѣхъ политическихъ партій и вѣроисповѣданій. Засѣданія конгресса происходили въ актовой залѣ женевскаго университета, гдѣ нѣкогда Карлъ Фохтъ и Пикте читали свои лекціи.

Организаціонный комитетъ въ своемъ воззваніи заявилъ что конгрессъ займется обсужденіемъ женскаго вопроса «исключительно только въ Швейцаріи», не касаясь его международнаго положенія. Вотъ программа конгресса:

1) Дѣятельность женщинъ въ области практической пользы (Отчетъ женскаго комитета въ Бернѣ).

2) Вопросы воспитанія и обученія, какъ-то: a) совмѣстное воспитаніе обоихъ половъ; b) высшее женское образованіе; c) коммерческое и техническое образованіе; d) больничныя сидѣлки и фельдшерицы; e) кулинарныя школы и школы домоводства.

3) Вопросъ о заработкѣ въ различныхъ женскихъ профессіяхъ.

4) Страхованіе отъ безработицы, несчастныхъ случаевъ и болѣзней.

5) Участіе женщинъ въ общественной администраціи (школы, пріюты, больницы, общественная помощь, санитарная служба и т. д.).

6) Положеніе женщины въ юридическомъ отношеніи.

Всѣ рѣшительно высказались въ пользу расширенія программы женскаго образованія и въ пользу высшаго женскаго образованія, но каждый изъ ораторовъ настаивалъ на томъ, что женщина предварительно должна изучать домоводство. Съ этимъ согласились и сами участницы конгресса. При обсужденіи вопроса о положеніи женщины съ юридической точки зрѣнія, такіе авторитеты, какъ женевскіе профессора Вуазенъ и Бридель, самымъ рѣшительнымъ образомъ высказались противъ исключительнаго положенія женщины передъ закономъ. Женщина мо-

жетъ быть такимъ же хорошимъ гражданиномъ, какъ и мужчина, и нѣтъ основанія отказывать ей въ дѣятельности на какомъ бы то ни было поприщѣ на томъ лишь основаніи, что она женщина. Женщинѣ должна быть предоставлена первенствующая роль въ семьѣ и во всѣхъ тѣхъ учрежденіяхъ, которыя своею организаціей напоминаютъ семью. Что же касается другихъ учрежденій, то участіе въ нихъ женщинъ можетъ только принести пользу, благодаря тому, что женщины замѣняютъ грубую силу кротостью.

Конгрессъ единогласно вотировалъ резолюцію, требующую пересмотра швейцарскаго законодательства въ пользу женщины. Такія же резолюціи были вотированы и относительно всѣхъ другихъ вопросовъ, обсуждавшихся на конгрессѣ, и нѣтъ сомнѣнія, что онѣ не останутся мертвою буквой. Какъ только будетъ собрано достаточное число подписей въ пользу реформы, объявленъ будетъ референдумъ по этому вопросу, и можно заранѣе предсказать, что рѣшеніе будетъ благопріятно, и швейцарскія женщины въ правѣ будутъ говорить, что онѣ не даромъ потрудились надъ устройствомъ своего конгресса.

Мы забыли упомянуть еще объ одной чертѣ, характеризующей практичность швейцарскихъ женщинъ. Сознавая необходимость заручиться прежде всего содѣйствіемъ мужчинъ, онѣ скромно предоставили имъ первое мѣсто на своемъ конгрессѣ. На всѣхъ засѣданіяхъ, кромѣ послѣдняго, предсѣдательствовали мужчины. На первомъ засѣданіи былъ предсѣдателемъ Ришаръ, директоръ департамента народнаго просвѣщенія въ Женевскомъ кантонѣ; на второмъ—пасторъ Рёрихъ изъ Женевы и на третьемъ—профессоръ офтальмологіи Маркъ Дюфуръ.

Германскія женшины до сихъ поръ не принимали участія въ конгрессахъ, собиравшихся для обсужденія женскаго вопроса. Обыкновенно принято было думать, что на поддержку нѣмокъ разсчитывать нечего и что онѣ вовсе не стремятся къ эмансипаціи. Нынѣшній годъ блистательно опровергъ это предвзятое мнѣніе. Вскорѣ послѣ митинга протеста, о которомъ мы упоминали выше, было обнародовано воззваніе къ нѣмецкимъ женщинамъ г-жею Линой Моргенштернъ, приглашающее ихъ собраться для совмѣстнаго обсужденія вопросовъ, касающихся ихъ положенія.

Энергичная и дѣятельная старушка, г-жа Лина Моргенштернъ давно уже пользуется заслуженною извѣстностью въ Германіи. Еще въ царствованіе Вильгельма I она снискала популярность устройствомъ первыхъ народныхъ кухонь въ Берлинѣ. Множество женскихъ союзовъ обязаны ей своимъ починомъ. Кромѣ того, она редактируетъ еженедѣльную газету для хозяекъ и извѣстна какъ

авторъ многихъ брошюръ по женскому вопросу и двухтомнаго сочиненія о выдающихся женщинахъ XIX вѣка.

На воззваніе Лины Моргенштернъ откликнулись женщины изъ разныхъ уголковъ Германіи, и спустя четыре недѣли уже были организованы восемь комитетовъ для разработки вопроса по устройству международнаго женскаго конгресса въ Берлинѣ. Это было въ іюнѣ и уже въ первыхъ числахъ сентября состоялся конгрессъ, предсѣдательницей котораго, разумѣется, была выбрана Лина Моргенштернъ. Знаменательнымъ фактомъ является то, что берлинская дума уступила свою залу для засѣданій женскаго конгресса, что несомнѣнно указываетъ на возрастаніе симпатій къ женскому движенію въ Германіи. Даже бюргерская печать не рѣшалась открыто высказываться противъ женщинъ и стала заявлять о своей симпатіи къ стремленіямъ женщинъ расширить свое образованіе и кругъ дѣятельности. Мужчины нѣмцы, явившіеся на женскій конгрессъ, пришли туда вовсе не съ цѣлью осмѣянія или скандала, какъ это сдѣлали французскіе студенты. Нѣмцы дѣйствительно были заинтересованы невиданнымъ доселѣ зрѣлищемъ и хотѣли посмотрѣть, что это за «новыя женщины», требующія для себя правъ человѣка. Никто изъ мужчинъ не позволилъ себѣ ни одной неприличной выходки, ни одной безтактной шутки по отношенію къ членамъ конгресса, и даже завзятые противники женскаго движенія сознавались, что они вынесли хорошія впечатлѣнія изъ залы собраній.

Программа конгресса захватывала самые разнообразные вопросы, относящіеся къ положенію женщины въ обществѣ, въ семьѣ, въ литературѣ и т. д. Всѣхъ докладовъ было сдѣлано около 80-ти, и эта широта программы, также какъ и обиліе докладовъ, дали поводъ многимъ упрекнуть въ поверхностности конгрессъ и его работы. Но если этотъ упрекъ и можетъ быть справедливъ по отношенію къ нѣкоторымъ докладамъ, то, во всякомъ случаѣ, большинство отличалось содержательностью, а нѣкоторые даже заслуживаютъ названія выдающихся.

Въ первыхъ засѣданіяхъ былъ сдѣланъ общій обзоръ положенія женскаго вопроса въ разныхъ странахъ, и доклады объ этомъ были прочитаны представительницами тѣхъ странъ, о которыхъ шла рѣчь. На конгрессъ явились делегатки всѣхъ европейскихъ государствъ и Америки, при чемъ француженки оказались въ меньшинствѣ, такъ какъ ихъ было только двѣ.

Не одно только молодое женское поколѣніе Германіи приняло горячее участіе въ конгрессѣ. Вотъ, напримѣръ, что писала конгрессу 85-ти-лѣтняя графиня Бутлеръ, проживающая въ Мюнхенѣ и лично не присутствовавшая на конгресѣ:

«Я видѣла своими глазами четыре поколѣнія женщинъ; изучая исторію, я познакомилась съ отдаленнѣйшими временами, но и въ жизни, и въ исторіи передо мною проходили только картины униженія и рабства. Только въ послѣдніе годы я, наконецъ, стала замѣчать симптомы пробужденія. Нельзя не признать знаменательнымъ фактомъ, что сто тысячъ нѣмецкихъ женщинъ выступили съ протестомъ противъ законоположенія, осуждающаго ихъ на полнѣйшее подчиненіе въ семьѣ, даже въ отношеніи своего заработка. Разумѣется, это только еще начало борьбы, потому что милліоны женъ и матерей еще не проснулись окончательно и ихъ надо разбудить и организовать. Поймите, что это безсиліе распоряжаться своимъ имуществомъ, что это лишеніе права руководить своими дѣтьми—унизительно; это цѣпи, связывающія васъ. Думайте не о себѣ, а о своихъ дѣтяхъ, и вы найдете силы бороться. Будьте недовольны настоящимъ, ибо недовольство — залогъ прогресса, къ которому вы будете стремиться. Мои старые глаза уже различаютъ берегъ свободной земли».

Этотъ «берегъ свободной земли» явился девизомъ всѣхъ женщинъ, присутствовавшихъ на конгрессѣ. Справедливо считая образованіе лучшимъ средствомъ къ достиженію своихъ цѣлей, конгрессъ отвелъ этому вопросу самое большое мѣсто въ своей программѣ. Нѣмецкія женщины требовали, чтобы имъ былъ открытъ свободный доступъ ко всякому образованію, среднему, высшему и профессіональному, доказывая, что отъ этого не могутъ пострадать семейныя основы и что семья только выиграетъ отъ повышенія культуры женщинъ. Женщины вѣдь добиваются не только расширенія своихъ правъ, но онѣ стремятся и къ расширенію круга своихъ обязанностей и отвѣтственности. Не мало женщинъ доказали свои способности,—справедливо ли ихъ осуждать на бездѣйствіе?

Всѣ доклады, относящіеся къположенію женскаго образованія въ различныхъ странахъ, отличались большою содержательностью и интересомъ. Любопытныя свѣдѣнія сообщила баронесса Александра Гриппенбергъ, представительница Финляндіи. По ея словамъ, финляндскія женщины находятся въ сравнительно выгодныхъ условіяхъ, такъ какъ онѣ не встрѣчаютъ препятствій въ своемъ стремленіи къ образованію и могутъ учреждать общества и союзы, содѣйствующіе женскому движенію. Такой союзъ, напримѣръ, существуетъ въ Гельсингфорсѣ, и въ немъ принимаютъ участіе женщины всѣхъ классовъ, какъ аристократки, такъ и простыя крестьянки и работницы.

Одно изъ засѣданій конгресса было посвящено вопросу о по-

ложеніи женщины въ литературѣ. Докторъ философіи Лола Ментъ указала на то, что литература—единственная область, въ которой человѣчество всегда будетъ признавать право сильнаго, поэтому женщина на литературномъ поприщѣ могла стоять рядомъ съ мужчиной, если ея собственныя силы дозволяли это. Но главный интересъ заключается не въ этомъ, а въ томъ, какъ изображаетъ женщину мужская литература. Женскіе типы нѣмецкихъ классиковъ не были живыми людьми, а только абстракціей извѣстныхъ добродѣтелей; только Гёте позналъ всю женщину, со всѣми струнами ея души. Но когда литература порвала съ культомъ красоты, то исчезъ и культъ женщины. Это сразу повліяло благотворно на литературную дѣятельность женщинъ; міръ для нея раскрылся и въ ея твореніяхъ стала обнаруживаться непосредственность и оригинальность, чего до сихъ поръ не было, такъ какъ раньше она только подражала. Лола Ментъ признаетъ, что женщина-писательница еще не создала ничего великаго, но вѣдь міръ для нея открылся лишь недавно! Ораторша полагаетъ, что женщина все-таки, благодаря своему врожденному такту и литературному вкусу, съумѣетъ удержаться отъ тѣхъ преувеличеній и уродливостей, которыми характеризуется декадентское направленіе. Другая докладчица, Наталья фонъ-Мильде, обрисовала стремящуюся къ знанію и свѣту, сильную и образованную женщину. Нужда заставила ее выйти изъ міра грезъ, въ которомъ она находилась до сихъ поръ, но тѣмъ лучше!—эта нужда разбудила въ ней человѣка. До сихъ поръ женщина была слѣпа, потому что ее не учили раскрывать глаза, не учили работать. Она не могла оставаться безъ опоры и искала мужчину, который долженъ былъ заключать для нея весь міръ, и какъ часто мужчинамъ приходилось горько расплачиваться за то, что они культивировали въ женщинѣ лишь тепличное созданіе, куклу, способную только служить развлеченіемъ! Теперь женщина нашла себя; «Ich habe mich gesucht und mich gefunden» (я искала себя и нашла)—можетъ она сказать и, сознавъ въ себѣ человѣка, она уже болѣе не хочетъ быть игрушкой мужчины, а стремится быть его равноправнымъ товарищемъ и другомъ».

Конгрессъ удѣлилъ также много вниманія положенію женщинъ-работницъ въ промышленности и торговлѣ, и на этой почвѣ произошло характерное столкновеніе,—единственное, нарушившее правильный ходъ засѣданій конгресса. Какъ извѣстно, женское движеніе въ Германіи развилось на почвѣ соціальнаго вопроса и долгое время шло рука объ руку съ рабочимъ движеніемъ. Вожди рабочаго движенія соединили воедино дѣло женщинъ съ дѣломъ

рабочихъ и одинъ изъ нихъ даже объявилъ, что женщина и рабочій—это «современные негры, къ эмансипаціи которыхъ должны стремиться всѣ истинные друзья человѣчества». Такимъ образомъ, женскій вопросъ первое время былъ нераздѣльнымъ отъ рабочаго, но, разростаясь постепенно, женское движеніе удалилось отъ своего первоисточника, захвативъ и другія сферы общества. Женщины средняго круга, примкнувшія къ движенію, слишкомъ далеки отъ работницъ и не могутъ имѣть яснаго представленія объ ихъ положеніи, и потому неудивительно, если женское движеніе какъ бы раскололось на двѣ части: въ одной очутились всѣ интеллигентныя женщины, въ другой—работницы. Съ другой стороны, и сами работницы, также какъ ихъ интеллигентныя руководительницы, будучи не въ состояніи отрѣшиться отъ партійныхъ взглядовъ, съ предвзятою подозрительностью относятся къ движенію, въ которомъ такое горячее участіе принимаютъ именно женщины изъ буржуазіи. Такое отношеніе и дало поводъ къ конфликту. Починъ сдѣлала г-жа Гижицкая-Браунъ, прочитавшая очень интересный докладъ о работницахъ въ Германіи.

Благодаря этой рѣчи и тому, что группа женщинъ, стоящая во главѣ, такъ сказать, «второго русла женскаго движенія», не приняла предложенія конгресса, засѣданіе получило нѣсколько полемическій характеръ. Одна изъ участницъ конгресса, г-жа Шверинъ, съ горячностью заявила, что «между рабочей партіей и женскимъ движеніемъ существуетъ много точекъ соприкосновенія».—«Мы такъ же, какъ и вы,—сказала она, обращаясь къ Гижицкой,—стремимся какъ можно больше расширить народное образованіе и придать народной школѣ характеръ школы для всѣхъ сословій. Мы такъ же, какъ и вы, стоимъ за женскіе рабочіе союзы, вмѣстѣ съ мужчинами или отдѣльно, добивающіеся повышенія заработной платы, и за поднятіе уровня всего рабочаго класса. Вы найдете въ насъ людей, честно стремящихся къ пониманію положенія работницъ и къ его улучшенію».

Другая ораторша, Анита Аугсбургъ, указала на то, что «народныя массы еще не созрѣли для осуществленія высшихъ цѣлей, да и трудно имъ созрѣть, такъ какъ, пока остальныя соціальныя условія останутся въ прежнемъ видѣ, о перевоспитаніи народныхъ массъ не можетъ быть и рѣчи». Тѣ же мысли высказали и нѣкоторыя другія ораторши, доказывавшія, что женское движеніе «не есть движеніе какого-нибудь сословія, поэтому никакого антагонизма интересовъ существовать не можетъ».

Однако, представительницы рабочей партіи не были съ этимъ согласны и поставили на видъ, что въ настоящее время женское

движеніе старается какъ будто выставить противоположность интересовъ пола, тогда какъ соціальное движеніе занято преимущественно противоположностью интересовъ различныхъ классовъ общества. «Борьба за освобожденіе всего человѣчества должна быть выше борьбы за освобожденіе одного пола!»—воскликнула одна изъ сторонницъ рабочаго движенія.

Жаркія пренія, происходившія по этому вопросу, если и не провели къ его практическому разрѣшенію, все же обнаружили, что женское движеніе начинаетъ уклоняться въ сторону. Связь между поборницами женскаго прогресса и руководительницами работницъ, доказывающими, что прежде всего надо позаботиться о разрѣшеніи соціальнаго вопроса, сильно ослабѣла, но все же не совсѣмъ еще порвана. Однако, нѣтъ сомнѣнія, мы присутствуемъ теперь при эволюціи женскаго движенія въ Германіи еще не вылившагося въ окончательную форму. Во всякомъ случаѣ, и эти уклоненія, и весь характеръ движенія, также какъ и его происхожденіе, все это свидѣтельствуетъ о его силѣ и прочности. Самый же конгрессъ, несмотря на то, что онъ не пришелъ ни къ какимъ практическимъ выводамъ, несмотря на всю теоретичность поднятыхъ на немъ вопросовъ,—все-таки имѣетъ немаловажное значеніе и въ исторіи женскаго движенія займетъ одно изъ первыхъ мѣстъ, потому что онъ разрушилъ предвзятое мнѣніе о германской женщинѣ, сложившееся въ европейскомъ обществѣ, и указалъ на нѣмку, какъ на новаго фактора въ современной жизни. Германская женщина можетъ сказать, что труды ея не пропали даромъ, даже если конгресъ и не дастъ никакихъ непосредственныхъ результатовъ въ смыслѣ улучшенія ея положенія: идеи, брошенныя конгрессомъ въ нѣдра германскаго общества, не могутъ пропасть безслѣдно, а въ этомъ-то и заключается главное значеніе конгресса.

***

ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ ВСЕЛЕННОЙ.

Космологическія письма Герм. Клейна.

Переводъ съ третьяго нѣмецкаго изданія К. Пятницкаго.

(*Продолженіе* *).

ПИСЬМО VII.

Древность солнечной системы и земли.

Сравнительная древность отдѣльныхъ планетъ.—Образованіе отдѣльныхъ планетъ слѣдовало съ возростающей быстротою.—Законъ планетныхъ разстояній.—Почему онъ расходится съ дѣйствительностью—особенно для далекихъ планетъ.—Древность земли.

Благодаря успѣхамъ точной науки, происхожденіе солнечной системы извѣстно. Вопросъ этотъ выясненъ съ такою точностью и полнотою, что отъ дальнѣйшихъ работъ въ этой области можно ждать лишь незначительныхъ измѣненій въ общепринятой теоріи. Въ иномъ положеніи вопросъ, сколько времени существуетъ солнечная система: сколько милліоновъ лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ шарообразная туманность отдѣлила первое кольцо раскаленной матеріи и дала начало самой дальней изъ планетъ?—какой промежутокъ времени отдѣляетъ нашу эпоху отъ момента, когда появились нижнія планеты или сама земля? Эти вопросы въ высшей степени интересны. Но рѣшить ихъ такъ трудно, что лишь недавно осмѣлились поставить ихъ. Раньше же,—сорокъ или пятьдесятъ лѣтъ назадъ,—не пытались даже думать надъ такими задачами. Боялись упрека въ праздныхъ умозрѣніяхъ. Въ настоящее время можно спокойно поставить и освѣтить вопросъ о древности солнечной системы и отдѣльныхъ ея членовъ. Разъ онъ перешелъ въ эту стадію, его не оставятъ, пока какой-нибудь остроумный и счастливый изслѣдователь не найдетъ рѣшенія, на которомъ,—по крайней мѣрѣ, временно—можетъ успокоиться мыслящій человѣкъ. Спѣшу оговориться, что удовлетворительное рѣ-

*) См. «Міръ Божій», № 10, октябрь 1896 г.

шеніе задачи, которой мы намѣрены заняться, не по силамъ нашему времени. Разсмотримъ все-таки, какъ далеко можно идти въ этомъ направленіи, опираясь на точные факты.

Извѣстно, что геологи различаютъ нѣсколько періодовъ въ исторіи земли; не хватаетъ только хронологическаго масштаба. Мы слышимъ въ геологіи о кембрійскомъ и силурійскомъ времени, о юрской и мѣловой эпохѣ; но у насъ нѣтъ масштаба, чтобы измѣрить продолжительность этихъ эпохъ, чтобы узнать, сколько лѣтъ заключалось въ каждой изъ нихъ. Лишь послѣ многихъ усилій удалось геологамъ найти сравнительную древность отдѣльныхъ пластовъ, соотвѣтствующихъ различнымъ періодамъ. Такъ, мы знаемъ, что остатки органической жизни, найденные въ силурійской формаціи, древнѣе каменноугольныхъ окаменѣлостей; эти послѣднія древнѣе третичныхъ, а третичныя окаменѣлости древнѣе дилювіальныхъ. Установить сравнительную древность пластовъ—это было большимъ успѣхомъ: понадобилось много труда, чтобы точно опредѣлить послѣдовательность пластовъ и каждому пласту указать соотвѣтствующее мѣсто. Въ космологіи мы стоимъ предъ такою же задачею: нужно опредѣлить сравнительную древность планетъ. Трудностей здѣсь меньше. Согласно съ теоріей, дальнія планеты должны быть древнѣе, чѣмъ близкія къ солнцу. Слѣдовательно, самою древнею планетою является Нептунъ, самою молодою—Меркурій. Но можно идти дальше; можно взять двѣ опредѣленныхъ планеты и поставить вопросъ: во сколько разъ наружная планета древнѣе внутренней? Данныя, которыми располагаемъ мы для рѣшенія такихъ вопросовъ, въ настоящее время еще очень немногочисленны. Первичная туманность простиралась когда-то за орбиту Нептуна. Она постепенно сжималась; наконецъ, ея экваторъ почти совпалъ съ современною орбитою Нептуна. Тогда, благодаря быстрому вращенію, отъ нея оторвалось кольцо туманной матеріи; изъ него, въ концѣ-концовъ, образовалась планета Нептунъ. Гдѣ приходилась граница центральной туманности послѣ отдѣленія кольца,—нельзя указать съ полной точностью; во всякомъ случаѣ, туманность заходила за орбиту Урана. Прошло много лѣтъ; туманность постепенно уплотнялась и, наконецъ, ея границы приблизились къ современной орбитѣ Урана. Послѣдовало отдѣленіе новаго кольца; изъ него образовалась планета Уранъ. Дальнѣйшій ходъ развитія понятенъ. Въ общемъ, можно принять, что образованіе колецъ и отдѣленіе планетъ шло все быстрѣе и быстрѣе—по мѣрѣ того, какъ возростало сжатіе. При прочихъ равныхъ условіяхъ, лучеиспусканіе зависитъ отъ величины поверхности. Извѣстно, что поверхности шаровъ относятся, какъ квадраты радіусовъ; объемы же относятся, какъ кубы радіусовъ; поэтому у мелкихъ шаровъ поверхность больше, сравнительно съ объемомъ, чѣмъ у крупныхъ. Примемъ солнце за центръ, а среднія разстоянія планетъ за радіусы; опишемъ этими радіусами нѣсколько шаровыхъ поверхностей; шаръ, описанный радіусомъ орбиты Нептуна, будемъ считать за единицу. При этихъ условіяхъ получатся слѣдующія отношенія между поверхностями и объемами описанныхъ шаровъ.

Планета.	Объемъ.	Поверхность.
Нептунъ	1	1
Уранъ	$\frac{1}{4}$	$\frac{2}{5}$
Сатурнъ	$\frac{1}{31}$	$\frac{1}{10}$
Юпитеръ	$\frac{1}{133}$	$\frac{1}{33}$
Марсъ	$\frac{1}{770}$	$\frac{1}{389}$
Земля	$\frac{1}{27000}$	$\frac{1}{904}$
Венера	$\frac{1}{72000}$	$\frac{1}{1728}$
Меркурій	$\frac{1}{470000}$	$\frac{1}{6034}$

Какой выводъ слѣдуетъ изъ этой таблицы? Мы видимъ, что объемъ туманности постепенно уменьшался, потеря же теплоты вслѣдствіе лучеиспусканія постепенно возростала, но только съ бо́льшей скоростью. Вотъ почему сжатіе туманности и образованіе колецъ шло все быстрѣе и быстрѣе. Для образованія Нептуна понадобился очень большой промежутокъ времени; зато Уранъ отдѣлился скорѣе, Сатурнъ еще скорѣе, наконецъ, промежутокъ между образованіемъ Меркурія и солнца былъ самымъ короткимъ. Понятно, затѣмъ, почему дальнія планеты,—по крайней мѣрѣ, Юпитеръ и Сатурнъ,—донынѣ остаются раскаленными, тогда какъ внутреннія планеты, отъ Марса до Меркурія, давно остыли. Дальнія планеты крупнѣе, теплоты въ нихъ больше; потеря же теплоты происходила медленнѣе, потому что поверхность ихъ мала, сравнительно съ громадной массой. Еслибъ всѣ планеты отдѣлялись отъ туманности чрезъ одинаковые промежутки времени, разница въ лучеиспусканіи могла бы уравновѣшиваться еще бо́льшею разницей во времени: даже Юпитеръ, не смотря на свои громадные размѣры, могъ бы къ настоящей эпохѣ остыть, какъ маленькій Меркурій. Тоже было бы, еслибъ образованіе планетныхъ міровъ относилось къ безконечно-отдаленной эпохѣ. Слѣдовательно, солнечная система возникла сравнительно недавно; она далеко не пережила всѣхъ фазъ своего существованія и находится теперь въ періодѣ юности. Это заключеніе подтверждается состояніемъ солнца, насколько извѣстно оно въ настоящее время. Солнце обнаруживаетъ крайне высокую температуру; во всякомъ случаѣ, оно находится въ состояніи раскаленной до—бѣла жидкости и окутано раскаленной атмосферой, гдѣ многія трудноплавкія тѣла носятся въ видѣ тончайшаго пара. Слѣдовательно, солнце очень далеко отъ того момента, когда поверхность его начнетъ затягиваться корой. Правда, на разныхъ мѣстахъ его поверхности мы видимъ пятна, какъ продукты охлажденія, но существованіе ихъ непродолжительно, и сумма ихъ поверхностей крайне мала, сравнительно со всей поверхностью огненнаго шара.

Здѣсь умѣстно сказать нѣсколько словъ о первоначальномъ состояніи той туманности, изъ которой развилась планетная система. Предположимъ, что до образованія планетъ вся матерія была равномѣрно распредѣлена въ пространствѣ, простиравшемся

за орбиту Нептуна; допустимъ даже, что этотъ сфероидъ былъ очень сплюснутъ; легко вычислить, что его плотность была въ десять милліоновъ разъ меньше плотности водорода. При такой малой плотности туманность не могла долго сохранять высокую температуру: она охладилась, и началось уплотненіе, явившееся новымъ источникомъ теплоты. Спектральный анализъ также дѣлаетъ вѣроятнымъ, что нѣкоторыя туманности, наблюдаемыя въ настоящее время, обладаютъ не очень высокою температурою. Даже въ ту эпоху, когда отъ земли отдѣлялась луна, первая оставалась еще газообразной: вычисленіе показываетъ, что средняя плотность земли была тогда въ пять разъ меньше плотности водорода.

Въ прежнее время дѣлались неоднократныя попытки открыть закономѣрность въ разстояніяхъ отдѣльныхъ планетъ отъ солнца. Берлинскій астрономъ *Боде* съ особенной любовью работалъ надъ этою задачею. Воспользовавшись указаніемъ *Titiyca*, онъ, дѣйствительно, нашелъ родъ прогрессіи, представляющей разстоянія планетъ отъ солнца. Прогрессія получается слѣдующимъ образомъ. Берутъ геометрическую прогрессію: 3, 6, 12, 24 и т. д. Приписываютъ къ ея началу 0 и прибавляютъ ко всѣмъ членамъ ряда по 4. Полученныя числа соотвѣтствуютъ разстояніямъ планетъ отъ солнца, если разстояніе земли принимается за 10.

ПЛАНЕТА.	Рядъ чиселъ Боде.	Дѣйствительныя разстоянія.	Разница.
Меркурій.	0 + 4 = 4	3,9	0,1
Венера	3 + 4 = 7	7,2	0,2
Земля	6 + 4 = 10	10,0	0,0
Марсъ	12 + 4 = 16	15,2	0,8
Малыя планеты.	24 + 4 = 28	21—43	—
Юпитеръ	48 + 4 = 52	52,0	0,0
Сатурнъ	96 + 4 = 100	95,4	4,6
Ураиъ	192 + 4 = 196	191,9	4,1
Нептунъ	384 + 4 = 388	300,6	87,4

Это и есть такъ-называемый «законъ» *Titiyca - Боде.* Впослѣдствіи *Вурмъ* лучше согласилъ его съ дѣйствительностью. Онъ принялъ разстояніе земли за 1000 и затѣмъ выразилъ среднія разстоянія планетъ слѣдующей формулой:

$$387 + 2^{n-2} \cdot 293.$$

Если произвести вычисленіе, найдемъ разстоянія отдѣльныхъ планетъ. Въ слѣдующей таблицѣ рядомъ съ числами, вытекающими изъ формулы *Вурма*, приведены дѣйствительныя разстоянія планетъ отъ солнца.

ПЛАНЕТА.	Разстоянія планетъ по формулѣ Вурма.	Дѣйствительныя разстоянія.	Разница.
Меркурій.	387	387	—
Венера	680	723	+ 43
Земля	973	1.000	+ 27
Марсъ.	1.559	1.524	— 35
Юпитеръ	5.075	5.203	+ 128
Сатурнъ	9.763	9.539	— 224
Ураиъ.	19.193	19.182	+ 43
Нептунъ.	37.891	30.070	— 7.821

Числа, выведенныя теоретически, соотвѣтствуютъ дѣйствительности; исключеніемъ является Нептунъ. Было бы все-таки ошибкой, еслибъ мы приняли, что коеффиціенты формулы *Вурма* соотвѣтствовали дѣйствительности въ ту эпоху, когда отдѣлялись туманныя кольца и возникали планеты. Современныя разстоянія планетъ могутъ отличаться отъ первоначальныхъ; разстоянія могли уменьшаться вслѣдствіе сопротивленія эфира, длившагося милліоны лѣтъ; при прочихъ равныхъ условіяхъ, эта убыль тѣмъ значительнѣе, чѣмъ древнѣе данная планета. Можно думать поэтому, что наибольшимъ измѣненіямъ подверглись орбиты наружныхъ планетъ; внутреннія же планеты наименѣе отклонились отъ первоначальныхъ путей. Поэтому, чтобы вывести общую формулу для первоначальныхъ разстояній планетъ, мы должны обратить особенное вниманіе на внутреннія планеты. Итакъ, воспользуемся формулою *Вурма*, но, опредѣляя для нея обѣ «постоянныя», будемъ имѣть въ виду современныя разстоянія Меркурія и Венеры; получимъ слѣдующую формулу для *первоначальныхъ* разстояній планетъ:

$$387 + 2^{n-2} \cdot 336.$$

Вотъ таблица, гдѣ приведены первоначальныя и современныя разстоянія планетъ; указана также разница между обѣими величинами.

ПЛАНЕТА.	Первоначальное (теоретическое) разстояніе отъ солнца.	Современное разстояніе отъ солнца.	Разница.
Меркурій.	387	387	
Венера.	723	723	
Земля	1.059	1.000	— 59
Марсъ.	1.731	1.524	— 207
Юпитеръ.	5.763	5.023	— 560
Сатурнъ	11.139	9.539	— 1.600
Ураиъ.	21.891	19.182	— 2.709
Нептунъ	43.395	30.070	13.325

Изъ этой таблицы видно, что современныя разстоянія планетъ меньше первоначальныхъ; чѣмъ дальше планета отъ солнца, другими словами, чѣмъ она старше, тѣмъ значительнѣе разница. Еслибъ въ послѣдней колоннѣ нашей таблицы хоть одно число оказалось меньше предыдущаго, это было бы доказательствомъ, что мое предположеніе ошибочно, что разстоянія отдѣльныхъ планетъ не отличаются существенно отъ первоначальныхъ. Теперь же можно сдѣлать обратный выводъ: всѣ планеты за время своего существованія замѣтно приблизились къ солнцу вслѣдствіе сопротивленія эфира; особенно сильно перемѣстились наружныя планеты. Отъ этого произошли перемѣны въ «вѣковыхъ возмущеніяхъ» планетныхъ орбитъ. Я не хочу указывать дальнѣйшихъ слѣдствій, сдѣлаю одно только замѣчаніе: были произведены вычисленія относительно формы земной орбиты, обнимавшія милліоны лѣтъ; ими хотѣли объяснить явленія ледниковаго періода; теперь эти вычисленія теряютъ всякое значеніе.

Я сказалъ выше, что солнечная система переживаетъ періодъ юности, что древность ея не велика. Въ дѣйствительности, она существуетъ милліоны лѣтъ; но этотъ промежутокъ можетъ показаться незначительнымъ, если сопоставить его съ тѣмъ громаднымъ рядомъ лѣтъ, на который можетъ растянуться ея существованія.

Нельзя ли хоть приблизительно опредѣлить возрастъ какой-нибудь планеты, выразивши его въ годахъ или, вѣрнѣе, въ милліонахъ лѣтъ? Тогда явилась бы возможность сдѣлать рядъ интересныхъ выводовъ, особенно относительно размѣровъ механической силы, которая въ видѣ теплоты покоится въ солнцѣ и столько времени изливается изъ него въ міровое пространство. Я пытался сдѣлать такое опредѣленіе относительно земли. Но эта попытка даетъ лишь предѣльную величину для возраста земли, ту величину, которой дѣйствительный возрастъ земли не можетъ ни перейти, ни достигнуть. Затѣмъ мои вычисленія простираются только до той эпохи, когда земля начала уже покрываться твердою корою.

Размышляя надъ вопросомъ, какъ устроено ядро земли, неизбѣжно придемъ къ выводу, что въ строеніи внутреннихъ областей нашей планеты должна господствовать симметрія: центръ тяжести окруженъ со всѣхъ сторонъ концентрическими слоями, плотность которыхъ постепенно убываетъ, если приближаться отъ центра къ поверхности. Безъ такого правильнаго распредѣленія массъ внутри земли большая часть астрономическихъ изысканій была бы совершенно немыслима. На поверхности земли мы видимъ уклоненія отъ концентрическаго расположенія пластовъ. Причиной ихъ являются то вулканическія, то нептуническія вліянія. Вулканы, землетрясенія, плутоническія силы, механическое и химическое дѣйствіе воды—все это создало неправильности на самой поверхности земли и въ областяхъ, лежащихъ непосредственно подъ нею. Сравнительно со всѣмъ объемомъ земли, эти неправильности ничтожны. Еслибъ можно было срыть европейскія горы и равномѣрно разсыпать ихъ по всей поверхности Европы, средняя высота этой части свѣта возросла бы на 914 футовъ. Сѣверная Америка при тѣхъ же условіяхъ повысилась бы на 702 фута, Южная Америка—на 1.080 футовъ, Азія—на 1.062 фута. Между тѣмъ радіусъ земли представляетъ длину въ 19.632.000 футовъ. Рядомъ съ этой величиной, неровности земной поверхности представляются совершенно незамѣтными.

У полюсовъ земля сплюснута. Въ послѣднее время размѣры этой сплюснутости опредѣлены съ большою точностью. *Бессель*, написавшій классическую работу о сжатіи земли, даетъ для него среднюю величину $\frac{1}{299}$. Позднѣйшія изслѣдованіи показали, что земля сжата сильнѣе. Предѣльной величиной можно считать дробь: $\frac{1}{289}$.

Сплюснутость нашей планеты доказываетъ, что въ началѣ своего существованія земля находилась въ огненно-жидкомъ состояніи. Она свидѣтельствуетъ также, что земля уже въ ту эпоху вращалась около оси. Еслибъ не было вращенія, земля представляла бы совершенно правильный шаръ. Лишь послѣ того, какъ

началось вращательное движеніе, экваторіальные пласты поднялись надъ прежнимъ уровнемъ и образовали вдоль экватора выпуклость, которая превратила шаръ въ сфероидъ.

Представимъ жидкій шаръ величиною съ землю; представимъ, что плотность всѣхъ слоевъ его одинакова, что онъ вращается

Бессель.

около оси и заканчиваетъ полный оборотъ въ то же время, какъ земля. Вычисленіе показываетъ, что такой жидкій шаръ долженъ получить сплюснутость, равную $\frac{1}{231}$. Но эта сплюснутость больше той, какую въ дѣйствительности находимъ у земли. Чтобы вывести сплюснутость величиною въ $\frac{1}{289}$, пришлось бы допустить,

что въ прежнія эпохи земля вращалась медленнѣе, чѣмъ теперь. Но такое предположеніе ни на чемъ не основано; мало того: ему противорѣчатъ самые вѣскіе факты.

Представимъ теперь шаръ величиною съ землю, у котораго центръ безконечно плотнѣе, чѣмъ прочія части, у котораго, слѣдовательно, вся масса сосредоточена въ центрѣ. Заставимъ этотъ шаръ дѣлать оборотъ около оси въ одно время съ землей: въ 23 часа 56 минутъ. Вычисленіе приводитъ къ выводу, что этотъ шаръ долженъ превратиться въ сфероидъ со сжатіемъ въ $\frac{1}{578}$. Эта сплюснутость вдвое меньше современной сплюснутости земли. Чѣмъ объяснить такую разницу? Тѣмъ, что центру воображаемаго шара приписана безконечно-большая плотность. Отсюда слѣдуетъ, что только центръ обладаетъ массою, прочія же части шара—нѣтъ; это предѣльный случай, который никогда не достигается въ дѣйствительности. Затѣмъ мы допустили предположеніе, что вращеніе земли оставалось все время такимъ, какъ нынѣ. Это также ошибочно: мы увидимъ, что вращеніе нашей планеты должно постепенно замедляться. Спрашивается: какъ велика должна быть продолжительность вращенія, чтобы при безконечной плотности центра воображаемый шаръ получилъ точно такую сплюснутость, какая наблюдается теперь у земли? Вычисленіе показываетъ, что для этого оборотъ вокругъ оси долженъ заканчиваться въ $17\frac{1}{4}$ часовъ. Съ другой стороны, еслибъ всѣ пласты земного шара представляли одинаковую плотность, и въ то же время оборотъ его около оси совершался въ $17\frac{1}{4}$ часовъ, сплюснутость шара достигла бы значительной величины въ $\frac{1}{120}$. Мы еще не выяснили, по какому закону наростаетъ плотность съ приближеніемъ къ центру земли. Однако ясно, что современное состояніе земного шара приходится между двумя намѣченными предѣлами: шаръ съ безконечно-плотнымъ центромъ и шаръ, у котораго всѣ пласты представляютъ одинаковую плотность. Какъ бы ни измѣнялось состояніе земли между этими предѣлами, ни въ какомъ случаѣ не могла она дѣлать оборотъ около оси скорѣе, чѣмъ въ $17\frac{1}{4}$ часовъ. Почему же? Потому, что въ такомъ случаѣ сплюснутость была бы больше, чѣмъ наблюдается въ дѣйствительности. Въ настоящее время продолжительность вращенія—23 часа 56 минутъ. Слѣдовательно, сколько бы лѣтъ ни существовала земля, она не успѣла еще замедлить свое вращеніе на $6\frac{3}{4}$ часа.

Передъ нами три величины: продолжительность вращенія, сплюснутость, законъ наростанія плотностей. Математика показываетъ, что если двѣ изъ нихъ даны, третью можно опредѣлить вычисленіемъ. Этимъ путемъ нашли, напримѣръ, что если имѣть въ виду современную продолжительность вращенія и современную величину сплюснутости, квадратъ плотности внутреннихъ пластовъ измѣняется, какъ давленіе. Но вѣдь въ прошлыя эпохи, когда произошла сплюснутость, продолжительность вращенія была короче, чѣмъ теперь. Значитъ, найденный законъ наростанія плотности не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Во всякомъ случаѣ, установлено, что наростаніе плотности съ приближеніемъ къ центру земли должно быть крайне значительнымъ: объ этомъ говоритъ большая

средняя плотность земли. Въ извѣстномъ смыслѣ, землю можно сблизить съ шаромъ, у котораго центръ обладаетъ безконечно-большой плотностью; это значитъ: первоначальная продолжительность вращенія заключалась между $17^1/_4$ и 24 часами. Мы уже не разъ указывали, что не знаемъ закона, по которому наростаетъ плотность съ приближеніемъ къ центру земли; остается обратиться къ теоріи вѣроятностей: по ея указаніямъ, первоначальная продолжительность вращенія равна $20^6/_{10}$ часа. Что эта величина не слишкомъ отклоняется отъ истинной, можно показать вычисленіемъ.

Когда *Лапласъ* сдѣлалъ извѣстныя предположенія относительно сжатія внутренней массы земли, онъ получилъ для земли сплюснутость въ $^1/_{360}$, считая, что оборотъ около оси продолжается 24 часа. Эта величина меньше дѣйствительной. Оставляя тѣ же предположенія, какія были сдѣланы *Лапласомъ*, я измѣнилъ это вычисленіе въ одномъ направленіи: я старался опредѣлить не сплюснутость, а продолжительность оборота, при которой могла получиться сплюснутость, наблюдаемая нынѣ. Я получилъ отвѣтъ: $21^1/_2$ часъ. Сравнимъ эти двѣ величины, полученныя совершенно разными путями: $20^6/_{10}$ и $21^1/_2$. Какъ видите, разница меньше, чѣмъ можно было бы ожидать. Принимая, что оборотъ около оси совершался въ $20^6/_{10}$ часа, мы, во всякомъ случаѣ, не дѣлаемъ большой ошибки: несомнѣнно, что первоначальная продолжительность оборота была гораздо меньше, чѣмъ современная, и гораздо больше, чѣмъ предѣльная—$17^1/_4$ ч. Еслибъ теперь удалось найти среднюю величину замедленія для такого періода, продолжительность котораго извѣстна,—вопросъ о хронологическомъ возрастѣ земли былъ бы рѣшенъ.

До послѣдняго времени думали, что скорость вращенія земли въ теченіе историческаго періода не подверглась никакимъ измѣненіямъ. Въ подтвержденіе этого взгляда обыкновенно ссылались на изслѣдованіе *Лапласа* относительно средняго движенія луны. Попытаюсь выяснить принципъ этихъ изслѣдованій. Уже *Галлей* пришелъ къ выводу, что со времени греческаго астронома *Гиппарха* среднее движеніе луны сдѣлалось быстрѣе. Лучшіе геометры того времени напрасно тратили усилія, стараясь найти причину такого страннаго явленія. Что такое среднее суточное движеніе луны? Это—дуга, которую луна описываетъ на небѣ въ теченіе сутокъ. Допустимъ, что въ теченіе сутокъ луна пробѣгаетъ дугу ровно въ 13 градусовъ и что вращеніе земли внезапно замедлилось на $^1/_{13}$, другими словами: что сутки внезапно сдѣлались длиннѣе на $^1/_{13}$ своей прежней величины. Эта перемѣна отразилась бы на среднемъ движеніи луны: дуга, проходимая луною въ продолженіе сутокъ, увеличилась бы на $^1/_{13}$. Наблюдателю казалось бы, что среднее движеніе луны ускорилось на $^1/_{13}$. Такимъ образомъ, еще во времена *Галлея* можно было бы объяснить ускореніе въ движеніяхъ луны: стоило принять, что вращеніе земли замедляется. Но послѣднее считалось неизмѣннымъ, и *Лагранжъ* показалъ впослѣдствіи, что, дѣйствительно, существуетъ обстоятельство, которое ускоряетъ движенія луны независимо отъ измѣненій вращенія. Это обстоятельство — уменьшеніе эксцентрицитета земной орбиты. Большая полуось земной орбиты остается неизмѣн-

ной, но, вслѣдствіе общаго воздѣйствія планетъ, эллиптическая форма орбиты постепенно приближается къ круговой. Среднее разстояніе между землей и солнцемъ при этомъ увеличивается, вліяніе солнца на луну становится меньше. Къ чему сводилось это вліяніе? Къ тому, что тяготѣніе луны къ землѣ ослабѣвало и луна нѣсколько отдалялась отъ земли. Разъ вліяніе солнца на луну уменьшится, тяготѣніе луны къ землѣ возрастаетъ и окружность лунной орбиты, соотвѣтственно съ этимъ, суживается. Отъ наблюдателя не ускользнетъ такое сокращеніе лунной орбиты: луна постоянно будетъ оказываться впереди того мѣста, которое занимала бы, еслибъ на нее не вліяло уменьшеніе эксцентрицитета. Всѣ эти соображенія вполнѣ согласуются съ наблюденіемъ. Спрашивается однако, существуетъ ли соотвѣтствіе между величиной «ускоренія» и уменьшеніемъ эксцентрицитета земной орбиты. На

Галлей.

этотъ вопросъ можно было отвѣтить только съ помощью высшаго анализа. *Лаплас*ъ произвелъ необходимыя изслѣдованія съ такою полнотою, что задача казалась рѣшенною. Для величины «ускоренія» онъ нашелъ такое выраженіе:

$$10{,}72\ t^2 \text{ секунды;}$$

t означаетъ число столѣтій, протекшихъ съ 1750 года. Вслѣдствіе «ускоренія» измѣняется положеніе луны на небесномъ сводѣ; отъ этого положенія зависятъ явленія солнечныхъ и лунныхъ затменій. Вотъ почему старинныя наблюденія затменій доставляютъ хорошее средство вывести величину «ускоренія» прямо изъ наблюденій. Этимъ путемъ *Ганзен*ъ получилъ величину: 12,18 секунды. Разница между нею и той величиной, которую *Лаплас*ъ вывелъ теоретически, очень не велика: 1,56 секунды. Легко было придти къ убѣжденію, что измѣненіе эксцентрицитета земной орбиты—единственная и вполнѣ достаточная причина, вызывающая «ускореніе» въ движеніи луны. Изъ результата, полученнаго *Лаплас*омъ, вывели еще одно крайне важное слѣдствіе: за послѣднія двѣ тысячи лѣтъ продолжительность сутокъ не измѣнилась даже на

сотую долю секунды. Еслибъ продолжительность вращенія возрасла на эту величину, вѣковое движеніе луны было бы теперь на 2.000 секундъ больше, чѣмъ 2.000 лѣтъ назадъ. Наблюденія не подтверждаютъ этого.

Адамсъ и *Делонэ* первые рѣшились оспаривать справедливость выводовъ *Лапласа*. Независимо другъ отъ друга, они провѣрили его вычисленія и внесли поправку: измѣненіемъ эксцентрицитета земной орбиты можно объяснить только половину вѣкового ускоренія луны,—только 6,11 секунды. Откуда взялась вторая половина? Должна существовать другая причина, которая также вліяетъ на движеніе луны. Такой причиной признается замедленіе вращенія земли.

Гдѣ та сила, которая можетъ замедлить вращеніе земли? Этой силой является притяженіе, которое оказываетъ луна на жидкія части земной поверхности. Благодаря этому притяженію, на землѣ ежедневно приходитъ въ движеніе 120 кубическихъ миль воды. Развивается треніе; этого достаточно, чтобы вращеніе земли замедлилось.

Англійскій математикъ *Адамсъ* вычислилъ, что, вслѣдствіе вліянія приливной волны, земля въ теченіе столѣтія отстанетъ на 22 секунды, сравнительно съ часами, идущими совершенно правильно. Къ тому же результату пришелъ *Жоржъ Дарвинъ*, вычисляя вѣковое ускореніе въ движеніи луны. Итакъ, благодаря замедленію вращательныхъ движеній, столѣтіе удлиняется на 22 секунды, а день—на 0,00000003 секунды. Такъ какъ въ столѣтіи заключается 36.525 дней, длина сутокъ, по истеченіи столѣтія, возрастетъ на 0,001 секунды, а по истеченіи 100.000 лѣтъ — на 1 секунду.

Величина замедляющаго дѣйствія обусловлена массою приливной волны. Эта послѣдняя, въ свою очередь, зависитъ: 1) отъ массы луны; 2) отъ разстоянія луны; 3) отъ величины земного радіуса, и 4) отъ глубины океана. Первые три фактора можно считать безусловно постоянными; масса приливной волны, насколько она зависитъ отъ этихъ факторовъ, во всѣ времена оставалась одинаковой. Этого нельзя сказать о четвертомъ факторѣ, о глубинѣ океана. Въ высшей степени вѣроятно, что въ различные геологическіе періоды эта глубина измѣнялась. Во всякомъ случаѣ, можно принять, что глубина океана никогда значительно не отклонялась отъ извѣстной средней величины: количество воды въ океанѣ такъ громадно, что, если бы вся суша погрузилась ниже его уровня, онъ все-таки сохранилъ бы порядочную глубину. При такихъ условіяхъ возможно утверждать, что данная выше величина замедленія останется вѣрной для всего прошлаго земли.

Чтобы выразить возрастъ земли въ годахъ, сопоставимъ нѣкоторыя изъ найденныхъ величинъ. Вращеніе земли первоначально совершалось въ $20^{6}/_{10}$ часа; къ настоящему дню оно замедлилось на $3^{2}/_{5}$ часа или на 12.000 секундъ. Чтобы продолжительность сутокъ увеличилась на 1 секунду, должно пройти 100.000 лѣтъ. Слѣдовательно, на 12.000 секундъ сутки могли удлиниться въ 100.000×12.000, т. е. въ 1.200 милліоновъ лѣтъ. Такова древ-

ность земли. При этомъ вычисленіи не принята во вниманіе первая эпоха, когда земля только-что покрылась твердою корою, и эта послѣдняя была еще настолько горяча, что вся вода носилась въ атмосферѣ въ видѣ пара. Пока вода не осѣла на поверхность и не образовала океановъ, притяженіе луны не вызывало приливныхъ волнъ. Но сравнительно съ длиною всей земной исторіи, этотъ промежутокъ представляется очень незначительнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, горныя породы, составляющія земную кору, извѣстны, какъ дурные проводники теплоты. Мы видимъ, напримѣръ, въ Исландіи, что внутри потока лавы масса остается раскаленною, тогда какъ на застывшей поверхности потока, на разстояніи какихъ-нибудь двухъ метровъ лежитъ снѣгъ. То же было на землѣ въ первую эпоху: какъ только явилась тонкая кора, атмосферная вода стала опускаться на поверхность. Кромѣ того, *Вильямъ Томсонъ* путемъ остроумнаго анализа доставилъ математическое доказательство, что даже въ самые ранніе періоды земной исторіи вліяніе внутренней теплоты на кору должно было быстро упасть до незамѣтной величины. Почва и атмосфера быстро охладились, и океаны произошли гораздо раньше, чѣмъ принято думать.

Я долженъ самымъ рѣшительнымъ образомъ напомнить, что все вычисленіе, изложенное на предыдущихъ страницахъ, можетъ доставить лишь самое грубое опредѣленіе древности земли. Таковъ характеръ вопроса, и я ничуть не скрываю отъ себя гипотетичности основныхъ предположеній.

Вспомнимъ о вліяніи, какое луна оказываетъ на вращеніе земли. Дѣйствіе луны сводится къ тому, что вращеніе земли постепенно замедляется. Легко придти къ выводу, что это замедленіе будетъ постепенно возростать до тѣхъ поръ, пока земля не станетъ заканчивать оборотъ около оси въ то самое время, какое нужно лунѣ, чтобы сдѣлать одинъ кругъ около земли или, вѣрнѣе, около общаго центра тяжести. Кончится тѣмъ, что и луна, и земля будутъ обращать другъ къ другу постоянно одну и ту же сторону. Что касается луны, для нея это состояніе давно наступило. Она всегда обращена къ намъ одной и той же стороной; время вращенія равно у ней времени обращенія вокругъ земли; совпаденіе настолько полное, что при самыхъ точныхъ изслѣдованіяхъ не могли открыть никакой разницы, никакой *физической либраціи*. Существуетъ только *кажущаяся* либрація луны, благодаря которой мы видимъ то у одного, то у другого края луны нѣкоторую часть противоположнаго полушарія, но для нашего вопроса эти колебанія не имѣютъ значенія. Такимъ образомъ, время вращенія луны около оси равно времени ея обращенія вокругъ земли. Но средняя скорость движенія луны, въ свою очередь, измѣняется: мы видѣли, что причина этого—измѣненіе эксцентрицитета земной орбиты, которое подчинено періоду въ 30.000—40.000 лѣтъ. Слѣдовательно, продолжительность вращенія луны въ теченіе этого громаднаго періода также должна немного измѣняться: иначе луна не могла бы обращать къ намъ одной и той же стороны своей поверхности. Замѣчательное совпаденіе двухъ указанныхъ движеній луны вызвано притяженіемъ

земли, которое поднимало на лунной поверхности приливную волну. Все это могло происходить въ очень отдаленныя времена, когда луна была огненно-жидкою, или когда поверхность ея была покрыта обширнымъ и глубокимъ океаномъ. Въ настоящую эпоху, когда луна является твердою, земля не можетъ оказывать такого дѣйствія на ея поверхность. Вычислимъ размѣры волны, которая должна была подниматься на поверхности совершенно жидкаго шара луна подъ вліяніемъ притяженія со стороны земли. Найдемъ, что средняя высота приливной волны должна была доходить до 130—140 футовъ. Треніе такой громадной массы должно было сильно замедлять вращеніе луны; нѣтъ ничего удивительнаго, что это замедленіе давно достигло тамъ крайняго предѣла, тогда какъ земля еще очень далека отъ него. Существованіе вѣкового измѣненія во вращеніи луны доказываетъ также, что она не можетъ быть вполнѣ шарообразна: скорѣе она нѣсколько вытянута по направленію къ землѣ. По всей вѣроятности, луна отвердѣла уже послѣ того, какъ наступило полное равенство между временемъ вращенія и временемъ обращенія. Такимъ образомъ, отклоненіе отъ шарообразной формы—не что иное, какъ застывшая приливная волна. Величина отклоненія не противорѣчитъ такому предположенію: вздутіе равно, приблизительно, 1.000 футамъ; если же допустить, что луна стала твердѣть, начиная съ центра, размѣры отклоненія вполнѣ соотвѣтствуютъ указаніямъ теоріи.

Какъ бы то ни было, твердо установлено, что земля своимъ притяженіемъ замедлила вращеніе луны до крайняго предѣла. Если луна окажется въ состояніи сдѣлать тоже съ вращеніемъ земли, продолжительность его будетъ увеличиваться, пока не сравняется съ продолжительностью луннаго оборота. Что же произойдетъ тогда? Вѣдь не одна луна поднимаетъ на земной поверхности приливную волну: то же дѣлаетъ солнце, только его вліяніе вдвое слабѣе. Поэтому солнце также стремится замедлить вращеніе земли. Еслибъ при землѣ не было луны, вліяніе солнца, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, могло бы привести къ тому, что продолжительность вращенія земли сравнялась бы съ продолжительностью обращенія ея около солнца. Но луна существуетъ, и приливное воздѣйствіе ея сильнѣе; вліяніе солнца поддерживается луною лишь до того момента, когда время вращенія земли сдѣлается равнымъ продолжительности луннаго оборота; послѣ этого луна будетъ противодѣйствовать вліянію солнца и уничтожитъ его, потому что оно слабѣе. Но какіе громадные промежутки времени должны пройти, пока вращеніе земли замедлится, благодаря лунѣ, до крайняго предѣла! Голова кружится, когда думаешь о нихъ. Впрочемъ, вліяніе луны, по всей вѣроятности, не будетъ такимъ продолжительнымъ. Допустимъ даже, что солнце просуществуетъ еще сотни милліардовъ лѣтъ; во всякомъ случаѣ, оно не будетъ тогда давать потоковъ свѣта и теплоты, оно будетъ потухшимъ. Но разъ прекратится изліяніе теплоты, вся земля сдѣлается пустыней, и вся вода обратится въ ледъ. Приливное дѣйствіе луны прекратится само собою, замедленію вращенія наступитъ конецъ.

Здѣсь я кончу. Изъ глубины прошлаго мы поднялись къ настоящему и прослѣдили спокойное, но мощное и непрерывное вліяніе силы тяготѣнія. Затѣмъ мы бросили взглядъ на будущее, и должны ограничиться этимъ мимолетнымъ взглядомъ.

Письмо VIII.

Обитаема ли луна?

Вопросъ о жителяхъ луны въ настоящее время не можетъ быть рѣшенъ прямымъ наблюденіемъ.—Умозрѣнія Груитуйзена относительно органической жизни на лунѣ.—Луна обладаетъ въ высшей степени тонкою амосферою.—Туманные покровы на глубокихъ частяхъ лунной поверхности.—Правильное измѣненіе окраски нѣкоторыхъ пятенъ; связь этого явленія съ солнечною теплотою.—Возможность существованія низшихъ растеній въ извѣстныхъ частяхъ луны.—Температура на лунѣ днемъ и ночью.—Теоретическій разборъ этого вопроса Гирномъ.—Опытныя изслѣдованія Ланглея.—Заключеніе.

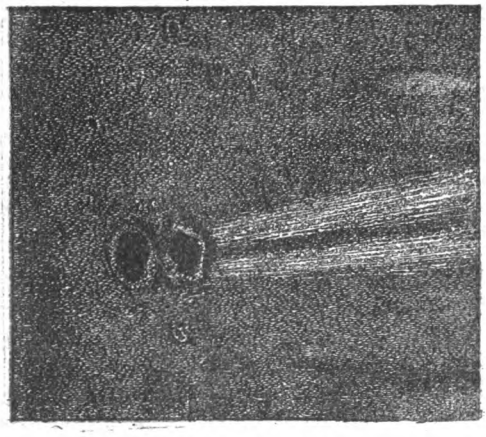
Когда публика обращается къ спеціалисту-астроному, чаще всего слышится вопросъ: есть ли на лунѣ живыя и мыслящія созданія, подобныя людямъ? Причина та, что луна очень близка къ намъ, и астрономическія изслѣдованія подробно познакомили насъ съ ея поверхностью. Но удастся ли когда-нибудь, съ помощью величайшихъ телескоповъ и микрофотографіи, разсмотрѣть на лунной поверхности предметы такихъ же размѣровъ, какъ человѣческое тѣло? Вотъ вопросъ, котораго въ наши дни нельзя отвергать безъ разсмотрѣнія, какъ это дѣлалось еще десять лѣтъ назадъ. Но теперь мы далеки отъ такихъ успѣховъ, и когда спрашиваютъ, обитаема ли луна, приходится идти къ рѣшенію вопроса непрямымъ путемъ.

Въ первой четверти нашего столѣтія наблюденіями надъ луной занимался *Груитуйзенъ*; онъ полагалъ, что въ различныхъ образованіяхъ лунной поверхности можно признать слѣды дѣятельности мыслящихъ существъ. Особенное вниманіе обратилъ онъ на одинъ двойной кратеръ. На картахъ луны этотъ кратеръ обозначаютъ именемъ *Мессье*. Отъ одной изъ сторонъ его тянется широкая, свѣтлая полоса; *Груитуйзенъ* считалъ ее искусственнымъ сооруженіемъ. Вотъ изображеніе кратера *Мессье*, какъ онъ представлялся мнѣ при моихъ наблюденіяхъ.

Рисунокъ расположенъ такъ, что на верху приходится югъ, внизу сѣверъ, направо—востокъ и налѣво—западъ. Оба кратера представляются эллиптическими и почти не отличаются по направленію и величинѣ; только западный кратеръ немного больше. Отъ восточнаго края отходитъ свѣтлая полоса; въ срединѣ ея замѣтенъ темный промежутокъ. Изъ этихъ двухъ кратеровъ западный носитъ названіе *Мессье*, восточный означается, какъ *Мессье* А; окружающая сѣрая равнина называется «Моремъ изобилія».

Эта свѣтлая полоса, дѣйствительно, крайне своеобразна. На лунѣ много свѣтлыхъ полосъ, но всѣ онѣ становятся замѣтными лишь тогда, когда солнце стоитъ высоко надъ соотвѣтствующей частью луннаго ландшафта. Между тѣмъ полосу *Мессье* можно видѣть сряду же послѣ солнечнаго восхода. Повидимому, она со-

стоитъ изъ свѣтлыхъ линій, между которыми просвѣчиваетъ темная почва луны. *Груитуйзенъ* признавалъ даже, что эти линіи, въ свою очередь, составлены изъ свѣтлыхъ точекъ; по его словамъ, темнаго промежутка въ срединѣ свѣтлой полосы иногда совсѣмъ не было. 13 февраля 1826 года онъ видѣлъ, что темная черта пересѣкалась нѣсколькими свѣтлыми мѣстами. «Мнѣ казалось,—замѣчаетъ онъ,—что эти мѣста не оставались неподвижными». Прибавимъ къ этому, что внѣшній видъ обоихъ кратеровъ подвергается замѣчательнымъ измѣненіямъ, которыя повторяются періодически. Уже *Груитуйзенъ* подмѣтилъ этотъ фактъ и удивлялся ему. Впослѣдствіи *Медлеръ*, составляя большую карту луны, былъ пораженъ обстоятельствомъ, совершенно противоположнымъ: оба кратера представляли поразительное соотвѣтствіе во всѣхъ отношеніяхъ; величина поперечника, форма, высота и глубина, окраска внутренней области, даже расположеніе отдѣльныхъ вершинъ на кольцевомъ валу — все это совпадало. Приходилось признать, что здѣсь предъ наблюдателемъ—удивительная игра случая, или же дѣйствіе закона природы, еще неизвѣстнаго намъ. Но я долженъ замѣтить, что такого соотвѣтствія между обоими кратерами въ настоящее время нѣтъ; это фактъ, который, во всякомъ случаѣ, заслуживаетъ вниманія. Что же касается взглядовъ *Груитуйзена*, вотъ что говоритъ онъ въ своей работѣ: «О слѣдахъ органической жизни на поверхности луны»:



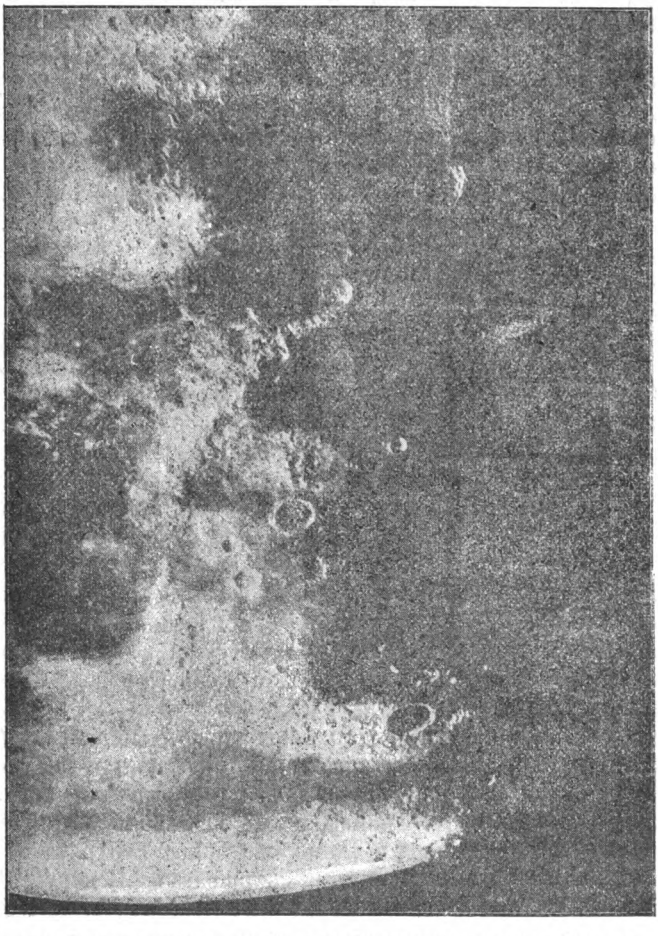
Двойной кратеръ Мессье.

«Критеріемъ является невозможность вывести существенныя явленія изъ законовъ, которымъ подчинена неорганическая природа. Только эта невозможность даетъ увѣренность, что данныя явленія вызваны органическою жизнью. Иногда слышится возраженіе, что явленіе могло вызваться причиною, которая совершенно неизвѣстна намъ. Но если при этомъ упускаются изъ виду нѣкоторые механическіе законы, такое возраженіе можетъ дѣлать лишь тотъ, кто совсѣмъ не знаетъ природы и ея законовъ. Законы природы имѣютъ силу вездѣ, они вѣчны и только усложняются, благодаря причинамъ, которыя приводятъ ихъ въ дѣйствіе. Все это справедливо какъ относительно луны, такъ и относительно всѣхъ другихъ міровыхъ тѣлъ.

«Слѣдовательно, мы должны: или вывести данное явленіе изъ физическихъ и химическихъ законовъ природы, или признать его совершенно необъяснимымъ, потому что въ наше время всѣ неорганическо-физическія причины и законы ихъ извѣстны такъ хо-

рошо, что ихъ распространяютъ даже на область органическихъ явленій.

«Во всякомъ случаѣ, существуютъ явленія, которыхъ нельзя вывести изъ неорганическо-физическихъ или химическихъ причинъ. Приходится ограничиться простымъ указаніемъ на нихъ, гдѣ явленіе и предположенія о немъ поставлены рядомъ».



Часть лунной поверхности, по фотографическому снимку братьевъ Анри, сдѣланному въ Парижѣ 28 мая 1890 г.

Изложивши соотвѣтственные факты, особенно же наблюденія надъ измѣненіями двойного кратера *Мессье*, *Груитуйзенъ* говоритъ: «Изъ сущности разсмотрѣнныхъ фактовъ я выношу рѣшительную увѣренность въ томъ, что на лунной поверхности существуетъ органическая жизнь. Я не даю спеціальнаго объясненія этихъ фактовъ. Такія объясненія были дурно приняты тѣми, кто рѣшилъ спокойно оставаться при своихъ старыхъ мнѣніяхъ или при своемъ незнаніи, хотя въ свое время первый астрономъ-есте-

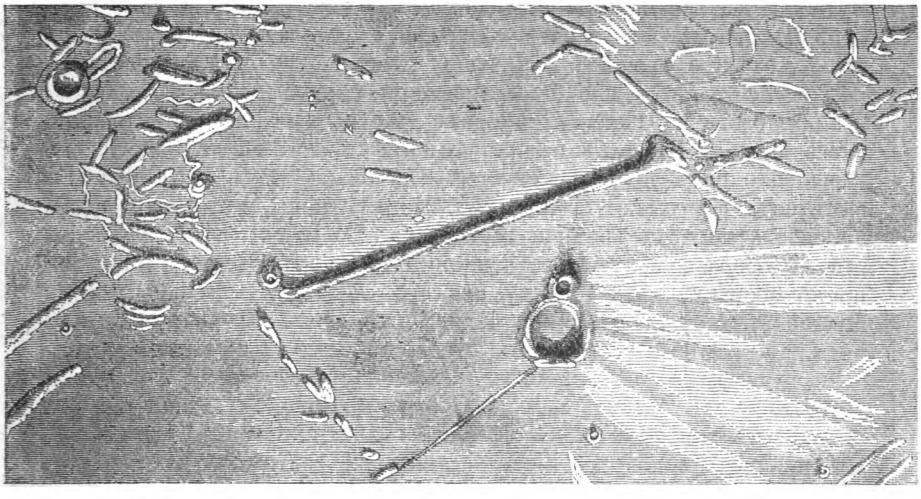
ствоиспытатель *Ольберсъ* выразился о нихъ съ одобреніемъ. Самъ *Гауссъ*, величайшій изъ нѣмецкихъ астрономовъ, размышлялъ надъ вопросомъ, какъ завязать сношенія съ обитателями луны; слѣдовательно, существованіе обитателей луны онъ ставилъ внѣ сомнѣнія».

Груитуйзенъ напоминаетъ здѣсь объ извѣстномъ проектѣ—завести корреспонденцію съ жителями луны и о томъ положеніи, которое занялъ въ этомъ вопросѣ *Гауссъ*. «Въ 1825 году,—говоритъ онъ,—когда я жилъ въ знаменитомъ Геттингенскомъ университетѣ, чтобы ознакомиться съ естественно—научными вопросами, мнѣ пришлось имѣть разговоръ съ *Гауссомъ*. Коснулись мнѣнія, приписаннаго ему *Циммерманомъ*; *Гауссъ* сообщилъ слѣдующія поправки и дополненія къ этому тексту. *Циммерманъ* обнародовалъ его мнѣнія черезъ много лѣтъ послѣ разговора; онъ руководился замѣтками въ записной книжкѣ. Поэтому на идею о дорогомъ Пфифферовскомъ барельефѣ нужно смотрѣть, какъ на красивое словцо; ее нельзя приписывать *Гауссу*. Затѣмъ мысль о Пиѳагоровой теоремѣ у *Циммермана* мало развита. Вотъ основная идея *Гаусса*: нужно показать жителямъ луны то геометрическое построеніе, съ помощью котораго обыкновенно доказывается Пиѳагорова теорема. Средство—культура земной поверхности гдѣ-нибудь на громадной равнинѣ. Чтобы изобразить геометрическія фигуры, нужно воспользоваться контрастомъ между темными полосами лѣсовъ и золотисто-желтыми площадями хлѣбныхъ полей. Это удобнѣе сдѣлать въ странѣ, гдѣ жители только временно пользуются обработываемой землею и, слѣдовательно, легко подчинятся указаніямъ. Такимъ образомъ, выполненіе данной мысли не потребовало бы чрезмѣрныхъ затратъ со стороны монарха, который заинтересовался бы ею. *Гауссъ* говорилъ объ этомъ съ глубокой серьезностью. Онъ придумалъ еще одинъ способъ завязать сношенія съ обитателями луны. Способъ состоитъ въ примѣненіи геліотропа. Этотъ приборъ изобрѣтенъ *Гауссомъ* и можетъ служить не только для измѣренія угловъ съ очень длинными сторонами, но и для подачи сигналовъ. По мысли *Гаусса*, нѣтъ даже необходимости составлять изъ зеркалъ громадную отражающую площадь; достаточно извѣстнаго числа хорошо обученныхъ людей съ самыми обыкновенными зеркалами. Слѣдуетъ выбрать время, когда обитатели луны, навѣрное, смотрятъ на землю, напримѣръ, когда наша планета покрываетъ Венеру. Зеркала отбрасываетъ свѣтъ по направленію къ лунѣ. Чтобы жители луны узнали о нашемъ существованіи, нужно прерывать этотъ свѣтъ чрезъ равные промежутки времени; такъ можно сообщить имъ числа, которыя имѣютъ большое значеніе въ области математики. Конечно, чтобы эти знаки привлекли вниманіе, нужно выбрать подходящій день, когда яркость свѣта, отраженнаго геліотропомъ, будетъ особенно велика. *Гауссъ* предпочиталъ математическіе знаки потому-что у насъ и обитателей далекихъ міровъ могутъ оказаться общими только основныя математическія понятія и воззрѣнія».

Собственно о кратерѣ *Мессье* *Груитуйзенъ* говоритъ слѣдующее: «Свѣтлая полоса при восходѣ солнца кажется широкою, и тем-

наго промежутка въ это время не замѣтно; когда солнце поднимается выше, полоса съуживается, и по ея срединѣ, вдоль всей длины протягивается темная линія. Все это такъ странно, что остается предположить участіе разумныхъ существъ. Что эти существа похожи на людей, мы допускаемъ по аналогіи. Увѣренности въ этомъ нѣтъ, но вѣроятность очень велика. О внѣшнемъ видѣ этихъ людей, принимая во вниманіе законы природы, можно сказать только одно: грудь у нихъ шире, чѣмъ у насъ, потому что воздухъ на лунѣ рѣже, и легкія должны обладать бо́льшею вмѣстимостью».

Доказательство крайне слабое. При всемъ желаніи не могу понять, почему измѣненія свѣтлой полосы, соотвѣтствующія различнымъ высотамъ солнца, должны указывать на искусственное сооруженіе, которое можно приписать только разумнымъ существамъ.



Лунныи кратеръ со свѣтлыми полосами, невадолго до заката.

Такія измѣненія въ формѣ свѣтлыхъ полосъ совсѣмъ не рѣдки на лунѣ, и, по всей вѣроятности, нужно объяснять ихъ разницей въ освѣщеніи. Свѣтлая полоса идетъ отъ кратера *Мессье* въ одномъ только направленіи; но и это обстоятельство не покажется страннымъ, если вспомнить о земныхъ потокахъ лавы, которые полосами стекаютъ отъ извѣстныхъ кратеровъ. Особенность свѣтлой полосы при кратерѣ *Мессье* заключаются въ томъ, что она становится видимой сряду по восходѣ солнца; этого нельзя сказать о другихъ свѣтлыхъ полосахъ на лунѣ. Слѣдовательно, полоса *Мессье* существенно отличается отъ нихъ. Но это не значитъ, что нужно считать ее искусственнымъ сооруженіемъ.

Относительно измѣненій въ формѣ обоихъ кратеровъ *Грутуйзенъ* даже не высказался. Между тѣмъ, эти измѣненія невольно бросаются въ глаза, и объяснить ихъ несравненно труднѣе. Первый, кто попытался освѣтить измѣненія въ формѣ обоихъ крате-

ровъ, былъ, повидимому, *Нейсонъ*. Онъ указываетъ, что неправильную форму западнаго кратера можно приписать обвалу: въ сѣверной и южной частяхъ кольцеобразнаго вала массы упали внутрь, въ восточной и западной—наружу. Обвалъ долженъ былъ произойти послѣ времени *Медлера*. Все это само по себѣ возможно; но, мнѣ кажется, мнѣніе *Нейсона* не подтверждается наблюденіями; напротивъ, они указываютъ, что со временъ *Груитуйзена* въ кратерѣ *Мессье* не произошло никакой дѣйствительной физической перемѣны. 13 августа 1824 года, когда солнце склонялось надъ кратеромъ *Мессье* къ западу, *Груитуйзенъ* увидѣлъ, что восточный валъ прорванъ, и что широкое ущелье тянется отсюда по направленію къ восточному кратеру. То же самое нашелъ онъ 12 марта 1826 года. Кратеръ казался тогда подковообразнымъ, такъ какъ восточной части вала не было. Никто изъ позднѣйшихъ наблюдателей не упоминаетъ объ этомъ прорывѣ въ восточномъ валу *Мессье*. Только 5 августа 1879 года *Годиберъ* наблюдалъ закатъ солнца надъ кратеромъ *Мессье* и нашелъ тотъ же прорывъ. Къ концу этого наблюденія южный валъ *Мессье* исчезъ, и можно было видѣть только часть сѣвернаго. Въ теченіе всего наблюденія сѣверная часть вала казалась выше, чѣмъ южная. Разрывъ въ направленіи «сѣверъ-югъ», на который указывало наблюденіе 1 августа 1874 г., на этотъ разъ не былъ замѣтенъ. Восточная сторона *Мессье* разрушена, и это видно всего лучше въ моментъ солнечнаго восхода. Во время этого наблюденія *Годиберъ* видѣлъ, какъ западная тѣнь отъ *Мессье* А падала чрезъ прорывъ въ котловину кратера *Мессье*. Западный склонъ кратера, по *Годиберу*, значительно ниже, чѣмъ сѣверная и южная части окружающаго вала. Въ то время, какъ эти части оставались свѣтлыми, западная сторона казалась темною, и различить ее было очень трудно; скоро она совсѣмъ исчезла. Тѣнь, отброшенная въ направленіи къ свѣтовой границѣ, была замѣчательна. На ней выдавались два выступа, которые соотвѣтствовали болѣе высокимъ частямъ сѣвернаго и южняго вала. Южный выступъ былъ длиннѣе; получалось такое впечатлѣніе, какъ будто южная часть вала, въ противоположность видимости, выше сѣверной. Тѣнь въ самомъ кратерѣ не была параллельна тѣни сѣвернаго выступа, приходившейся внѣ кратера, но составляла съ нею тупой уголъ.

Видно было, что у кратера *Мессье* А разрушены сѣверная и южная части вала. Въ южномъ отверстіи, нѣсколько внутри, виднѣлось много разорванныхъ, остроконечныхъ вершинъ; можно было подумать, что это—слѣдствіе мощнаго разрушительнаго процесса. Вершины были темны, и различать ихъ было не легко. На сѣверной сторонѣ, снаружи отъ прорыва, поднимается свѣтлая гора.

Изъ описанія, которое даетъ *Годиберъ*, ясно, что валъ кратера *Мессье*, по крайней мѣрѣ, на восточной сторонѣ устроенъ совершенно такъ же, какъ 55 лѣтъ назадъ, когда наблюдалъ его *Груитуйзенъ*. Слѣдовательно, не можетъ быть и рѣчи относительно обвала послѣ времени *Медлера*. Собственныя мои наблю-

денія постепенно привели меня къ выводу, что часть измѣненій, которыя указаны для западнаго кратера, были только видимыми, что они удовлетворительно объясняются неодинаковой высотой вала и разрывомъ на восточной сторонѣ его. Въ пользу этого вывода говоритъ еще одно обстоятельство: при извѣстныхъ высотахъ солнца измѣненія довольно правильно повторяются. Необходимо допустить существованіе облачныхъ образованій, которыя отъ времени до времени выступаютъ въ котловинѣ западнаго кратера *Мессье*. Представимъ, что такія туманныя массы растягиваются надъ кратернымъ валомъ и что наблюдатель, помѣщенный на землѣ, не можетъ отличить ихъ отъ сѣраго фона окружающей равнины; понятно, при этихъ условіяхъ мы не можемъ видѣть вала. Облачныя массы могутъ затѣмъ переполнить кратеръ, могутъ перелиться чрезъ его края; тогда кратеръ будетъ казаться больше, чѣмъ онъ есть. Все сводится къ освѣщенію, къ большей или меньшей ясности, съ какою облачныя массы отдѣляются отъ окрестностей. Такъ можно было бы на первый разъ объяснить тѣ замѣчательныя явленія, какія наблюдалъ я въ кратерѣ *Мессье*. Впрочемъ, повторяю: вопросъ далеко не выясненъ: нужно еще много наблюденій, чтобы произнести окончательный приговоръ.

Что же касается попытки объяснять явленія кратера *Мессье*, эту свѣтлую полосу, эти измѣненія вала, дѣятельностью разумныхъ существъ, объ этомъ, по моему мнѣнію, не можетъ быть и рѣчи. Я не знаю ни одного факта, который указывалъ бы на такую дѣятельность. Мнѣ приходилось уже высказываться по вопросу: существуютъ ли на лунѣ высоко-организованныя существа. Поверхность луны представляетъ, по всей вѣроятности, опустѣвшій театръ, гдѣ зрители давно отсутствуютъ. Слѣдовательно, въ лучшемъ случаѣ, мы могли бы открыть на лунѣ съ помощью нашихъ телескоповъ только слѣды прежней дѣятельности этихъ существъ, если допустить, что они существовали. Въ другомъ положеніи вопросъ: нѣтъ ли теперь на лунѣ низшихъ органическихъ формъ, подобныхъ низшимъ растеніямъ нашей земли. Разсмотримъ, какіе доводы можно привести въ пользу этого предположенія.

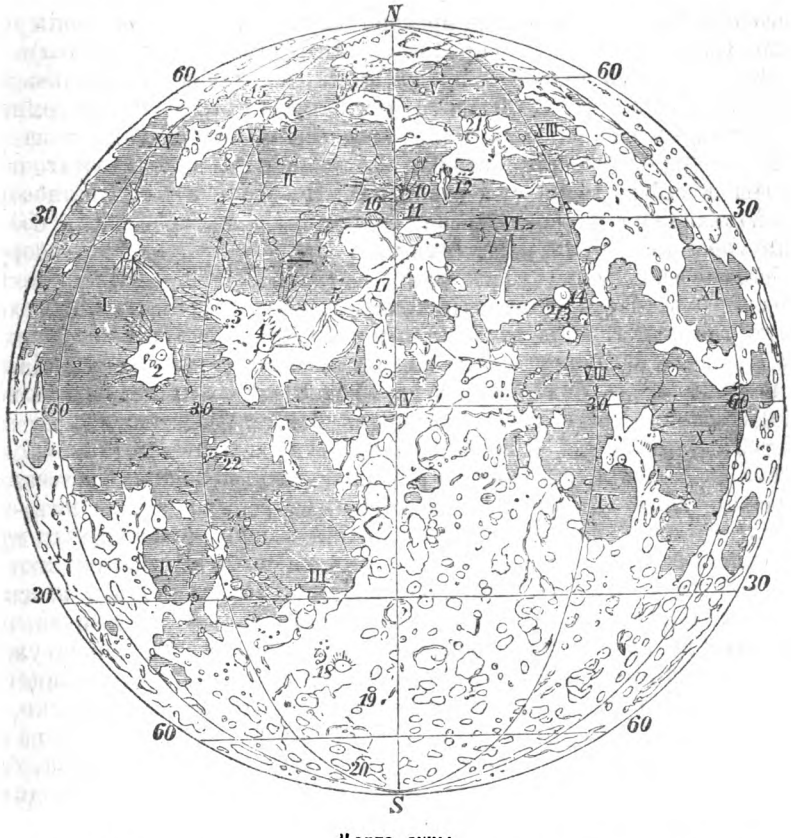
Нужно замѣтить, что у луны ни въ какомъ случаѣ нельзя отрицать слѣдовъ газообразной оболочки. Она, дѣйствительно, обладаетъ атмосферою, но плотность этой атмосферы такъ ничтожна, что, по изслѣдованіямъ *Нейсона*, составляетъ лишь $\frac{1}{300}$ плотности земной атмосферы.

Воздушная оболочка земли производитъ, какъ извѣстно, явленіе сумерекъ. Незадолго до солнечнаго восхода и сряду послѣ заката верхніе слои атмосферы отбрасываютъ солнечные лучи и, благодаря этому, освѣщаютъ такія части земной поверхности, до которыхъ прямые лучи доходить не могутъ. Много усилій потрачено, чтобы доказать, что на лунѣ существуютъ сумерки. Этимъ путемъ разсчитывали выяснить вопросъ относительно лунной атмосферы. *Шретеру*, дѣйствительно, удавалось иногда подмѣчать сѣроватый свѣтъ, который онъ считалъ сумеречнымъ. Наблюденія совпадали съ тѣмъ временемъ, когда луна казалась тонкимъ сер-

помъ и свѣтъ былъ видѣнъ около роговъ этого серпа, на краю освѣщенной части луны. *Медлеръ* не соглашался съ *Шретеромъ*. По его мнѣнію, явленіе происходитъ вслѣдствіе того, что освѣщенные верхи горъ отбрасываютъ часть своего свѣта на долины, лежащія въ глубинѣ. Высокихъ горъ особенно много въ южной части луны. Къ этой-то области и относится большая часть наблюденій *Шретера* надъ сумеречнымъ свѣтомъ. *Медлеръ*, съ своей стороны, не видалъ никакихъ слѣдовъ такого свѣта; мнѣ также не удалось это. Но старый *Шретеръ* былъ слишкомъ хорошій наблюдатель; его фактовъ никакъ нельзя отвергать на основаніи общихъ наблюденій. Дѣйствительно, *Груитуйзенъ*, который, подобно *Шретеру*, былъ прирожденный наблюдатель, снова различилъ сумеречный свѣтъ на сѣверной и южной оконечности луннаго серпа, а также на внутренней плоскости нѣкоторыхъ кольцеобразныхъ горъ. Затѣмъ, англійскій наблюдатель *Веббъ* подмѣтилъ слѣды такого свѣта. Наконецъ, братья *Анри*, пользуясь большимъ телескопомъ парижской обсерваторіи, нашли въ лунной атмосферѣ слабые, но опредѣленные признаки сумеречнаго мерцанія. Странно, что явленіе сумерекъ наблюдалось такъ рѣдко. Почему оно не повторяется постоянно? Такое возраженіе слышалось не разъ: ссылаясь на рѣдкость явленія, дѣлали выводъ, что сумерекъ на лунѣ не существуетъ. Въ этомъ случаѣ оправдалась старая истина, что одинъ опытъ дороже тысячи теорій. Говорили такъ: если луна обладаетъ атмосферою, способною производить явленіе сумерекъ, мы должны видѣть ихъ постоянно, потому что атмосфера существуетъ постоянно. Заключеніе, повидимому, совершенно вѣрное. Но что, если атмосфера въ собственномъ смыслѣ не имѣетъ отношенія къ явленію сумерекъ? Между тѣмъ, по всей вѣроятности, это такъ и есть. Опыты *Тиндаля* показали, что совершенно чистый атмосферный воздухъ совсѣмъ не производитъ отраженія и разсѣянія свѣта; въ этомъ отношеніи его можно приравнять къ пустому пространству. Отраженіе и разсѣяніе свѣта происходятъ въ мельчайшихъ частицахъ; вотъ настоящая причина сумерекъ. Гдѣ нѣтъ этихъ частицъ, тамъ нѣтъ отраженія свѣта, нѣтъ и сумерекъ. Поэтому, если воздухъ на лунѣ обыкновенно является оптически чистымъ, мы не можемъ замѣтить ни малѣйшаго слѣда сумерекъ. Послѣднія обнаруживаются только тогда, когда, вслѣдствіе какой нибудь причины, лунная атмосфера утрачиваетъ первоначальную чистоту. Причиной могутъ быть облачныя образованія, или вулканическія испаренія; только благодаря имъ, и появляются слѣды сумеречнаго мерцанія. Съ этой точки зрѣнія рѣдкость явленія становится вполнѣ понятною.

Но имѣемъ ли мы право допускать существованіе облаковъ или тумана на поверхности луны? Не подвергаемся ли мы опасности: доказывать существованіе спорнаго явленія ссылкою на другое явленіе, не менѣе спорное? *Медлеръ*, написавшій большое сочиненіе о лунѣ, говоритъ по этому вопросу слѣдующее: «Если мы разсматриваемъ средину луны, потомъ края луны, ясность изображенія остается одинаковой. На этомъ основаніи можно отрицать существованіе не вполнѣ прозрачной среды, лежащей на лунной

поверхности. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ подробности лунныхъ ландшафтовъ, если разсматривать ихъ одновременно и при одинаковыхъ условіяхъ освѣщенія, рисуются съ одинаковою рѣзкостью. Кто внимательно изслѣдовалъ пятна Марса и Юпитера, тотъ хорошо знаетъ, что на краяхъ этихъ планетъ всѣ очертанія страдаютъ неопредѣленностью; въ высшей степени вѣроятно, что причиной является ослабляющая свѣтъ атмосфера этихъ планетъ.



Карта луны.

Римскія цифры означаютъ «моря», арабскія—кольцеобразныя горы и кратеры. II. Mare imbrium.—III. M. nubium.—IV. M. humorum.—VI. M. serenitatis. VIII. M. tranquillitatis.—IX. M. crisium.—X. M. foecunditatis.—XI. M. nectaris. Кольцеобразныя горы: 2—Кеплера. 3—Майера. 4—Коперника. 5—Эратосфена. 9—Кондамина. 16—Архимеда. 18—Тихо. 19.—Магинуса.

Такіе признаки ея существованія бросаются въ глаза даже тогда, когда рѣчь идетъ объ очень далекихъ міровыхъ тѣлахъ. Почему же ихъ не видятъ на лунѣ, которая въ тысячи разъ ближе? Получается выводъ: причина, которая производитъ явленіе на указанныхъ далекихъ планетахъ, на лунѣ совсѣмъ отсутствуетъ. Разъ нѣтъ лунной атмосферы—нѣтъ облаковъ, осадковъ и т. п., нѣтъ круговорота воды, нѣтъ самой воды».

Если разсматривать луну со слабымъ телескопомъ и въ общихъ чертахъ, точно также если наблюдать ее въ сильный телескопъ, но только случайно, наблюдатель придетъ какъ разъ къ тому взгляду, который выраженъ въ предыдущихъ словахъ *Медлера*. Я не хочу сказать, что этотъ превосходный астрономъ наблюдалъ луну поверхностно. Напротивъ, его работы относительно луны очень основательны. Но нужно помнить, что меньше, чѣмъ въ семь лѣтъ, *Медлеръ* измѣрилъ и нанесъ на карту весь дискъ луны; у него совсѣмъ не оставалось времени для спеціальнаго изученія отдѣльныхъ лунныхъ ландшафтовъ. Его работа должна была и могла доставить только основной фонъ для такихъ спеціальныхъ трудовъ. Еслибъ луна обладала атмосферою въ родѣ нашей земной и еслибъ въ ней плавали такія же массы облаковъ, какъ у насъ, конечно, самаго поверхностнаго наблюденія было бы достаточно, чтобы обнаружить ея существованіе. Но этого нѣтъ: мѣстности, расположенныя на краю диска, видны такъ же ясно, какъ большія горы въ среднихъ частяхъ его. Попробуемъ, однако, вооружившись сильнымъ телескопомъ, изучать болѣе низкія и болѣе плоскія мѣстности луны. Постепенно обнаружится, что происходятъ такія измѣненія въ видѣ мельчайшихъ подробностей, какихъ ни въ какомъ случаѣ нельзя считать оптическимъ обманомъ. Даже ясность многихъ болѣе плоскихъ мѣстностей луны подлежитъ періодическимъ измѣненіямъ, которыхъ *Медлеръ* совершенно не замѣтилъ. Когда мы разсматриваемъ луну простымъ глазомъ во время полнолунія, эти плоскія равнины кажутся темными пятнами. Прежніе наблюдатели луны считали ихъ морями и дали имъ соотвѣтствующія названія. Впослѣдствіи нашли, конечно, что эти равнины совсѣмъ не моря, такъ какъ на нихъ виднѣются многочисленныя неровности, маленькіе кратеры, холмы, уступы, плоскіе склоны, борозды и пр. Здѣсь мы хотимъ указать только на то, что многія изъ этихъ плоскостей въ теченіе мѣсяца обнаруживаютъ замѣтное измѣненіе своей ясности. Честь этого открытія принадлежитъ геніальному *Груитуйзену*. «Эта смѣна окраски,—говоритъ онъ,—состоитъ въ слѣдующемъ: когда на лунѣ надъ даннымъ горизонтомъ поднимается солнце, всякая равнина, будетъ ли она большая, или малая, ровная или неровная, выходитъ изъ мрака 13-суточной ночи бѣлою. По мѣрѣ того, какъ солнце поднимается выше, равнина постепенно темнѣетъ: окраска изъ яркой, свѣтло-сѣрой переходитъ постепенно въ темно-сѣрую, и когда солнце достигнетъ полуденной высоты, становится совершенно темно-сѣрою; въ нѣкоторыхъ экваторіальныхъ мѣстностяхъ этотъ цвѣтъ сильно приближается къ черному. При этомъ я замѣчалъ, что области, наиболѣе близкія къ экватору, темнѣютъ первыми; потомъ—тѣ, которыя лежатъ на 30° ближе къ полюсамъ; потомъ—тѣ, которыя еще болѣе удалены отъ экватора; на самыхъ полюсахъ всякая смѣна окраски прекращается, это превосходно выражено еще *Гевеліемъ* въ его изображеніяхъ фазъ луны. На экваторѣ и на разстояніи 10—20° къ сѣверу и къ югу отъ него эта темная окраска держится всего дольше, часто до кануна новолунія. Въ другихъ селенографическихъ широтахъ она

исчезаетъ скорѣе; меньше же всего она остается на 50—65° обѣихъ селенографическихъ широтъ.

«Изъ большихъ равнинъ, которыя извѣстны подъ именемъ морей и которыя въ первобытныя времена, дѣйствительно, были морями, однѣ сѣрѣютъ или бѣлѣютъ раньше, другія позже. Но общій порядокъ перемѣнъ въ окраскѣ въ связи съ селенографическою долготою и широтою остается почти неизмѣннымъ для всякаго луннаго дня.

«Изучая отдѣльныя небольшія мѣстности, встрѣтимъ отступленія отъ указаннаго порядка. Сохраняетъ силу только общее правило: каждая мѣстность выходитъ изъ мрака ночи и снова возвращается въ него бѣлою; раньше или позже этихъ моментовъ она является темно-сѣрою или черною. Это имѣетъ такой видъ, какъ если бы различныя мѣстности въ неодинаковой степени обладали способностью темнѣть отъ лучей солнца.

«Ни одинъ физикъ не будетъ отрицать, что эти удивительныя явленія противорѣчатъ всѣмъ законамъ фотометріи и что они вызываются лучами солнца. Но мнѣ пришлось услышать такое возраженіе отъ одного ученаго, который не былъ ни физикомъ, ни химикомъ; на лунной поверхности могутъ лежать тѣла, которыя обладаютъ способностью темнѣть подъ вліяніемъ лучей солнца. Въ отвѣтъ на это, я указалъ, что солнечный свѣтъ примѣняется, напротивъ, для бѣленія полотна и что обнаженная почва земли подъ вліяніемъ солнечныхъ лучей не дѣлается темнѣе. Болѣе точныхъ опытовъ въ этой области у меня не было, я не могъ питать безусловной увѣренности. Я взялъ поэтому всѣ фармацевтическіе препараты и помѣстилъ ихъ въ ящикъ, раздѣленный перегородками и покрытый стеклянной пластинкой, ящикъ былъ выставленъ на окно. Я увидѣлъ тогда, что ни одинъ препаратъ не остался не измѣненнымъ, но ни одинъ также въ теченіе многихъ ночей не вернулся къ первоначальной окраскѣ; всѣ они раннимъ утромъ сохраняли тотъ же оттѣнокъ, какой представляли наканунѣ вечеромъ.

«Такимъ образомъ, въ природѣ нѣтъ вещества, которое, измѣнившись подъ вліяніемъ солнечныхъ лучей, въ темнотѣ возвращалось бы къ первоначальному состоянію. Что же касается горныхъ породъ луны, онѣ не могутъ обладать другими свойствами, чѣмъ наши».

Этимъ измѣненіямъ окраски и яркости, которыя наблюдаются на темныхъ равнинахъ луны, *Груитуйзенъ* посвятилъ спеціальную работу. Я самъ впервые обратилъ на нихъ вниманіе, только благодаря его наблюденіямъ. Для меня несомнѣнно, что такія измѣненія существуютъ; но мои личныя наблюденія не настолько многочисленны, чтобы подтвердить всеобщность явленія, о которой говоритъ *Груитуйзенъ*.

Возникаетъ вопросъ, какъ объяснить эти измѣненія яркости? Уже *Груитуйзенъ* занимался имъ и пришелъ къ такому выводу: «мы видимъ, что равнины луны бѣлѣютъ въ теченіе ночи, сѣрѣютъ и темнѣютъ при солнечномъ свѣтѣ: но мы рѣшительно безсильны объяснить это явленіе изъ законовъ неорганической природы». Разъ это заключеніе справедливо, отсюда слѣдуетъ,

что на нѣкоторыхъ частяхъ лунной поверхности пріютилась органическая жизнь, нѣчто подобное нашему растительному царству. Уже *Медлеръ* нѣсколько разъ былъ пораженъ замѣчательной перемѣною окраски у нѣкоторыхъ мѣстностей луны съ измѣненіемъ освѣщенія. Особенное вниманіе обратилъ онъ на большое, темное, нѣсколько расплывшееся пятно около средины лунаго диска: оно показывалось во время лунной четверти и покрывало даже горныя цѣпи, такъ что вершины ихъ только съ трудомъ можно было различить среди пятна. «Это не была тѣнь», говоритъ *Медлеръ*: «въ этомъ всякій наблюдатель убѣдился бы съ перваго взгляда. Это не могло быть слѣдствіемъ болѣе тусклаго освѣщенія: желтая, сѣровато-желтая и ярко-зеленая окраска лунныхъ ландштафтовъ не можетъ вслѣдствіе этой причины перейти въ черную. Слѣдовательно, предъ нами измѣненіе окраски, которое совершается періодически, параллельно съ фазами луны и которое, повидимому, нельзя приписать простому отраженію свѣта. День и ночь на лунной поверхности можно сопоставить съ лѣтомъ и зимою и перемѣна окраски, періодъ которой совпадаетъ съ обращеніемъ луны, можетъ быть слѣдствіемъ не только свѣта, но и теплоты. Во всякомъ случаѣ, необходимо внимательное изслѣдованіе такихъ мѣстностей, чтобы сдѣлать выводъ относительно физической экономіи луннаго міра». Какъ видно изъ этихъ словъ, самъ *Медлеръ* пришелъ къ мысли, что въ извѣстныхъ частяхъ луны подъ вліяніемъ теплоты могли развиться органическія измѣненія. Но убѣжденный, что на лунной поверхности нѣтъ ни воздуха, ни воды, и что, слѣдовательно, растительные процессы тамъ невозможны, онъ не развивалъ вопросъ далѣе, хотя и рекомендовалъ его вниманію наблюдателей. Итакъ, среди нѣкоторыхъ лунныхъ ландшафтовъ являются и исчезаютъ темныя пятна, которыхъ нельзя считать ни возвышеніями, ни углубленіями; очевидно, они вызываются какою-нибудь причиною, которая измѣняетъ окраску лунной почвы. Какъ именно производятся эти измѣненія,—по этому вопросу высказано много гипотезъ, но ни одну нельзя считать доказанною. Укажемъ еще, что въ другой мѣстности луны, къ юго-востоку отъ мощной кольцеобразной горы *Коперника*, при высокомъ положеніи солнца становятся замѣтными множество очень мелкихъ темно-сѣрыхъ точекъ; онѣ не могутъ быть тѣнями; нужно сознаться, что здѣсь предъ нами крайне таинственное явленіе, которое нужно наблюдать гораздо точнѣе и гораздо дольше для того, чтобы объяснить его.

Если же вернуться къ измѣненіямъ яркости, которымъ подвергаются обширныя сѣрыя равнины луны, я долженъ сознаться, что могу объяснять эти измѣненія только вліяніемъ растительности, которая развивается, благодаря теплотѣ солнца. Существуетъ одно обстоятельство, которымъ подтверждается это объясненіе: многія равнины, особенно тѣ, которыя расположены глубже, во время полнолунія, когда, слѣдовательно, солнце въ теченіе нѣсколькихъ дней производитъ сильное нагрѣваніе, принимаютъ отчетливо-зеленую окраску. Другія равнины только изрѣдка кажутся зеленоватыми; можно подумать, что лишь въ извѣстные годы количество растительности или же ясность воздуха становятся на-

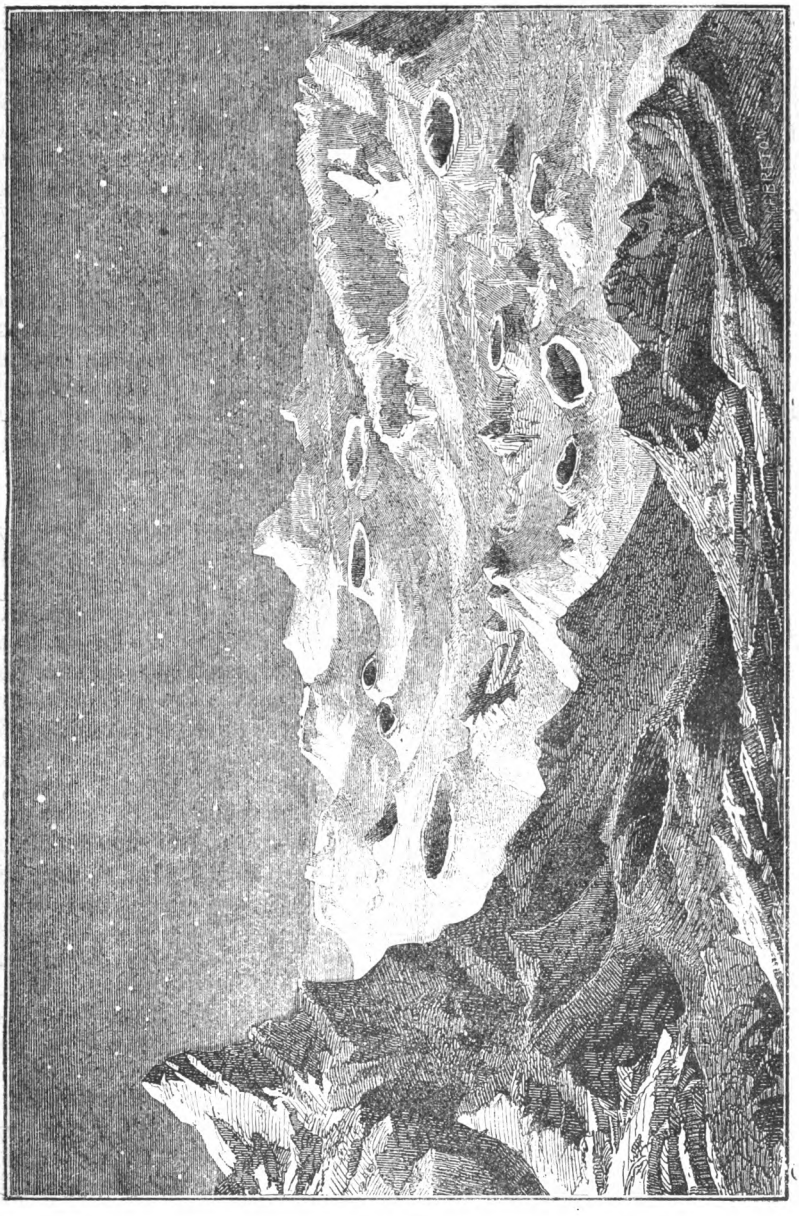
столько значительными, что является возможность различать окраску. Есть равнины, которыя представляются красновато-коричневыми съ примѣсью желтаго оттѣнка. Во всякомъ случаѣ, здѣсь можно говорить только о низшихъ представителяхъ растительнаго міра и я далекъ отъ мысли приписывать лунѣ лѣса, какіе покрываютъ нашу землю. Было сдѣлано указаніе, что при большомъ разстояніи, съ какого мы наблюдаемъ луну, абсолютно невозможно различить зеленый цвѣтъ ея растительности. «При такомъ отдаленіи», говорилъ *Грутуйзенъ*, «никто не въ состояніи видѣть лужайку, покрытую растеніями въ ея естественной окраскѣ. Зеленыя лужайки нашихъ Альпъ, которыя называются «альмами», находятся на разстояніи 8 или 10 миль отъ Мюнхена и однако въ ясный полдень, при самомъ чистомъ воздухѣ, вы увидите ихъ не зелеными, а сѣрыми; хвойные лѣса тѣхъ же горъ покажутся черными (самъ я наблюдалъ это при меньшемъ разстояніи въ Шварцвальдѣ; потому-то и дано названіе Шварцвальда, «темнаго лѣса», самой сѣверной части Тюрингенскаго лѣса. Въ баварскихъ Альпахъ хвойный лѣсъ также носитъ названіе Шварцвальда). При красномъ свѣтѣ зари эти предметы представляются красновато-желтыми. Одинъ разъ башня, увѣшанная гирляндами изъ свѣжей зелени дуба и отдѣленная отъ меня разстояніемъ въ четверть мили, незадолго до восхода солнца показалась мнѣ темно-оранжевою». Нѣтъ никакого сомнѣнія, что съ разстоянія нѣсколькихъ миль нельзя различить даже самой яркой зеленой окраски. Таково слѣдствіе не полной прозрачности атмосферы. Когда мы смотримъ на далекія горы, мы видимъ ихъ чрезъ слой воздуха, наполненный безчисленными мелкими частицами. Всѣ эти частицы поглощаютъ свѣтъ и отражаютъ его обратно. Въ нижнихъ слояхъ атмосферы ихъ несравненно больше, чѣмъ въ верхнихъ, и общее ихъ дѣйствіе въ горизонтальномъ направленіи на разстояніи двухъ миль гораздо больше, чѣмъ въ вертикальномъ направленіи при прохожденіи свѣта чрезъ всю атмосферу. Нѣтъ нужды подробно доказывать правильность этого положенія. Достаточно отмѣтить фактъ, что нѣкоторыя лунныя равнины дѣйствительно кажутся зелеными. Какъ объяснить это наблюденіе? Намъ предстоитъ выборъ между двумя предположеніями. Первое предположеніе: данныя равнины луны состоятъ изъ горной породы зеленаго цвѣта. Второе предположеніе: на этихъ равнинахъ подъ вліяніемъ солнечной теплоты развились растительные процессы. По моему мнѣнію, ни одного мгновенія нельзя колебаться въ выборѣ. Можно, правда, возразить, что на лунѣ нѣтъ того количества воздуха и воды, при которомъ возможно развитіе растительности. Но это возраженіе вполнѣ формальное и не касается основного пункта. Кто знаетъ, должна ли растительность луны бороться съ недостаткомъ воздуха и воды, или давно ужъ приспособилась къ этому обстоятельству. Мы не знаемъ, какъ измѣнилась бы земная растительность, если бы количество воздуха и воды въ теченіе тысячелѣтій уменьшилось до того предѣла, какъ на лунѣ. Мы знаемъ только, что когда надъ низкими лунными долинами поднимается солнце, онѣ темнѣютъ и становятся зелеными, за исключеніемъ болѣе свѣтлыхъ частей, которыя обнаруживаютъ очевидную связь

съ вулканической дѣятельностью луны. Мы знаемъ далѣе, что эти плоскія равнины представляютъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ характеръ наносной страны. Мы можемъ, какъ справедливо замѣчаетъ *Нейсонъ*, на многихъ частяхъ ихъ берега подмѣтить ясные, опредѣленные слѣды дѣйствія воды. Если сопоставить всѣ эти факты и снова вернуться къ вопросу о зеленой окраскѣ, необходимо придемъ къ заключенію, что ее не безъ основанія приписывали растительнымъ процессамъ.

До этого пункта можно было согласиться съ выводами, которые опирались на наблюденія и аналогію. Теперь же необходимо поставить вопросъ: что извѣстно о температурѣ, господствующей на поверхности луны? До какой высоты поднимается она днемъ подъ вліяніемъ непрерывно льющихся солнечныхъ лучей и до какого градуса доходитъ холодъ въ теченіе долгой лунной ночи? Къ отвѣту ведутъ два различныхъ пути: логическій выводъ, опирающійся на извѣстные физическіе законы, и прямое наблюденіе надъ излученіемъ теплоты на лунѣ. Первымъ путемъ шелъ знаменитый физикъ *Гирнъ* въ Кольмарѣ. Его разсужденія во многихъ отношеніяхъ представляютъ высокій интересъ, и я хочу передать ихъ его собственными словами. Вотъ что говоритъ онъ: «Трудно не поддаться чувству страха, когда, вооружившись сильнымъ телескопомъ, мы бросимъ первый взглядъ на поверхность луны. Во время первой и послѣдней четверти зрѣлище становится поразительнымъ, особенно когда направляютъ вниманіе на тѣ ландшафты лунной поверхности, которые выплываютъ изъ мрака ночи или погружаются въ него. Удивленіе и ужасъ охватили бы насъ, еслибъ во время новолунія мы перенеслись на ту сторону нашего спутника, которая обращена къ землѣ. Среди неба неподвижно виситъ земля... Ея поперечникъ въ четыре раза больше, чѣмъ видимый поперечникъ луны. Вся облитая лучами солнца, земля освѣщаетъ лунный ландшафтъ точно такъ же, какъ полная луна освѣщаетъ наши земные ландшафты. Этотъ свѣтъ полноземлія богаче и ярче, чѣмъ свѣтъ полнолунія. Имъ озаряются своеобразныя картины... Горы и сухія скалистыя равнины, мѣстами покрытыя льдомъ и другими замерзшими веществами; области, залитыя яркимъ свѣтомъ; рядомъ другія области, погруженныя въ абсолютную тьму; отсутствіе переходовъ между свѣтомъ и тьмою; небо, усѣянное звѣздами и черное, какъ уголь; среди него нашъ земной шаръ, искрящійся свѣтомъ и, какъ бы съ насмѣшкою, развертывающій тысячи различныхъ картинъ, которыя создаются въ нашей атмосферѣ облаками,—вотъ зрѣлище, которое представилось бы намъ и которое мы поспѣшили бы покинуть, чтобы вернуться на нашу старую землю...»

Я сказалъ: такъ какъ у луны нѣтъ никакой атмосферы, ей недостаетъ одного изъ условій обитаемости. Но ей недостаетъ и другихъ: эти условія такъ тѣсно связаны между собою, что если не хватаетъ двухъ, а иногда и одного, это значитъ—не хватаетъ всѣхъ. Луна не обладаетъ замѣтной атмосферой; но почему? Быть можетъ, этотъ вопросъ вызоветъ у читателей улыбку и не одинъ изъ нихъ скажетъ мнѣ: что знаете вы объ этомъ? Отвѣтъ очень простъ.

Многіе выдающіеся физики, въ томъ числѣ *Пулье*, занимались опредѣленіемъ температуры мірового пространства, и *Пулье* нашелъ, что она лежитъ, по крайней мѣрѣ, на 170° ниже нуля.



Лунный ландшафтъ.

Здѣсь возникаетъ вопросъ: что такое температура мірового пространства и существуетъ ли вообще такая?

Когда мнѣ приходилось выяснять понятіе о температурѣ въ моихъ сочиненіяхъ по термодинамикѣ, я опредѣлялъ ее, какъ

интенсивность тепловой силы въ данномъ тѣлѣ. Отсюда выводъ: гдѣ нѣтъ никакой матеріи, тамъ нѣтъ температуры. Такъ какъ міровое пространство свободно отъ матеріи, оно не можетъ обладать температурой. Безъ сомнѣнія, скажутъ, что такое утвержденіе, выведенное изъ даннаго опредѣленія, неосновательно. Это было бы вѣрно, если бы наше опредѣленіе не вытекало непосредственно изъ самыхъ элементарныхъ фактовъ. Помѣстимъ термометръ въ центрѣ большого стекляннаго шара; вытянемъ изъ шара воздухъ и погрузимъ его въ теплую воду; тогда увидимъ, что ртуть термометра медленно поднимается, пока, наконецъ, не достигнетъ температуры воды. Затѣмъ, вмѣсто того, чтобы опускать шаръ въ теплую воду, выставимъ его на солнечный свѣтъ. Термометръ будетъ также подниматься, хотя стѣнки шара останутся сравнительно холодными При первомъ опытѣ мы могли еще колебаться въ своемъ выводѣ; при второмъ это невозможно. Нельзя думать, чтобы нашъ термометръ показывалъ температуру мірового пространства, такъ какъ эта послѣдняя не можетъ быть выше, чѣмъ теплота стеклянной стѣнки; скорѣе мы имѣемъ здѣсь дѣло съ прямымъ излученіемъ солнца, которое дѣйствуетъ на инструментъ. Этотъ выводъ примѣнимъ и къ первому опыту. Тамъ дѣйствовало излученіе стѣнокъ, которое поднимало столбъ ртути, пока онъ не достигъ температуры воды. Ни одинъ физикъ не скажетъ, что въ этомъ случаѣ мы получаемъ температуру совершенно пустого пространства. Отсюда выводъ: еслибъ мы помѣстили термометръ среди мірового пространства, онъ не поднялся бы надъ абсолютнымъ нулемъ (—273°); на него еще могло бы дѣйствовать общее излученіе всѣхъ солнцъ вселенной, но ни въ какомъ случаѣ не теплота окружающей матеріальной среды. Я принялъ, что нашъ термометръ помѣщенъ какъ разъ по срединѣ между наиболѣе близкими звѣздами. Но если мы передвинемся отъ этой точки къ нашему солнцу, его излученіе возьметъ перевѣсъ. Помѣщенный въ нѣкоторомъ разстояніи отъ солнца, нашъ термометръ игралъ бы роль совершеннаго актинометра; разница между настоящимъ его показаніемъ и тѣмъ, которое мы наблюдали въ прежней точкѣ пространства, это—именно та разница, какую даютъ наши актинометры, послѣ того какъ сдѣланы всѣ необходимыя поправки, вытекающія изъ существованія земной атмосферы. Наиболѣе точные опыты, напримѣръ, опыты *Ланглея*, показали, что эта разница не превышаетъ 50°. Чтобы найти, какъ велико дѣйствіе одного нашего солнца, нужно отъ этого числа отнять термометрическую величину общаго излученія всѣхъ остальныхъ солнцъ. Эта величина, какъ извѣстно, совсѣмъ незамѣтна. Другими словами: термометръ, помѣщенный въ міровомъ пространствѣ, на такомъ же разстояніи отъ солнца, какъ земля, и защищенный отъ дѣйствія солнечныхъ лучей, опустился бы до абсолютнаго нуля, т. е. на 273° ниже нуля обыкновеннаго термометра. Если не защитить его отъ воздѣйствія прямыхъ солнечныхъ лучей, онъ поднимется на 50°, т. е. до —223° ниже нуля. Само собой разумѣется, что никакой нашъ термометръ не годился бы для такого опыта, потому что жидкость или газъ, за-

ключенные въ немъ, замерзли бы. Посмотримъ теперь, что происходитъ на лунѣ.

Предположимъ, что съ самаго начала у луны не было никакой атмосферы. При полнолуніи сторона, обращенная къ намъ, подвергается воздѣйствію солнечныхъ лучей; противоположная сторона смотритъ въ міровое пространство. Въ то время, какъ первая стремится поднять свою температуру на 50°, вторая стремится достигнуть почти абсолютнаго нуля. Допустимъ, что луна вращается быстро, такъ же, какъ земля; ясно, что къ температурѣ, которая свойственна ея массѣ и которая вытекаетъ изъ первоначальной теплоты, прибавится величина, лежащая между 0° и 50°. Въ дѣйствительности луна вращается около оси медленно; каждая точка луннаго экватора въ теченіе 14 дней остается среди полнаго мрака и свободно излучаетъ теплоту въ міровое пространство; точно также каждая точка этого экватора въ теченіе 14 дней получаетъ солнечный свѣтъ: сначала лучи падаютъ на нее наклонно, потомъ 3—4 дня почти отвѣсно, потомъ—опять наклонно. Слѣдовательно, температура постоянно мѣняется. Можно предположить, что температура лунной поверхности никакъ не выше температуры внутреннихъ областей. Значитъ, эта температура поверхности должна колебаться между абсолютнымъ нулемъ и другимъ предѣломъ, который не достигаетъ 50° надъ нулемъ. Что же касается полярныхъ областей, ясно, что ихъ температура должна быть крайне близка къ абсолютному нулю.

Измѣнимъ положеніе дѣла, представимъ, что луна покрыта океанами, хотя въ то же время лишена атмосферы. Многіе физики высказывали мысль, что, еслибъ у земли не было атмосферной оболочки, море разсѣялось бы въ пространствѣ въ видѣ пара. Это не вѣрно, этого не можетъ быть ни на землѣ, ни на лунѣ. Перенесемся мысленно въ ту эпоху, когда поверхность луны обладала еще значительной собственной теплотой. Опираясь на точнѣйшія данныя физики, постараемся представить, какія явленія совершались тогда на нашемъ спутникѣ. Чтобы фиксировать представленія, допустимъ на время, что температура почвы и моря равнялась 100°, слѣдовательно, превышала абсолютный нуль на 373°. Вода дошла бы тогда до кипѣнія и стала бы развивать пары, пока давленіе столба жидкости не уравновѣсило бы упругости паровъ; для этого необходимо давленіе 10333 килограммовъ на 1 квадратный метръ. Луна была бы окутана оболочкой изъ водяныхъ паровъ; температура ихъ была бы тѣмъ ниже, чѣмъ больше высота надъ уровнемъ моря. Мы предположили, что температура моря и почвы равна 100°; въ дѣйствительности это невозможно, и допущенное нами состояніе равновѣсія не продержалось бы ни одного мгновенія. Вспомнимъ, что полярныя области получаютъ крайне мало теплоты и въ то же время постоянно излучаютъ ее въ міровое пространство, что экваторіальныя части также на 14 сутокъ погружаются въ мракъ ночи. Эти страны стали бы быстро охлаждаться. Образовалось бы много осадковъ. Согласно съ извѣстнымъ физическимъ принципомъ, вся масса парообразной атмосферы не сохранила бы температуры во 100°, какъ пред-

положили мы на мгновеніе. Скорѣе, въ тѣхъ частяхъ поверхности, которыя облиты лучами солица, вода дошла бы до кипѣнія, и мощные потоки паровъ устремились бы къ обоимъ полюсамъ и къ тѣмъ экваторіальнымъ странамъ, въ которыхъ царитъ ночь. Намъ трудно вообразить силу этихъ явленій. Но, вслѣдствіе такого механизма, общая температура луны должна была понижаться. Около полюсовъ скоро началось бы замерзаніе воды; тоже произошло бы въ экваторіальныхъ областяхъ, погруженныхъ во мракъ. Постепенно вся масса луннаго океана охладилась бы до 0° нашей термометрической скалы, и атмосферное давленіе съ прежнихъ 760 миллиметровъ понизилось бы до величины, соотвѣтствующей новой температурѣ, слѣдовательно, почти до 4 миллиметровъ. Каковъ былъ бы окончательный результатъ всѣхъ указанныхъ явленій? Полное замерзаніе всѣхъ массъ воды, какія находятся на лунной поверхности; затѣмъ охлажденіе до той степени, при которой устанавливается равновѣсіе между теплотою, непрерывно излучаемой въ міровое пространство, и теплотою, получаемой отъ солнца. Солнечной теплотой луна пользуется въ той же мѣрѣ, какъ земля: по указанію *Пулье*, въ минуту на квадратный метръ поверхности при отвѣсномъ паденіи лучей приходится 17,63 калорій. Другими словами: если экваторіальный разрѣзъ луны выразить въ квадратныхъ метрахъ и обозначить чрезъ S,—количество теплоты, которымъ пользуется все освѣщенное полушаріе луны, равно 17,63 × S. Ясно, что это—максимумъ. При опытахъ *Пулье* бралась поверхность черная и матовая, такъ что отраженіе лучей было почти устранено. У луны же, особенно у тѣхъ частей ея, гдѣ солнечные лучи падаютъ косо, большая часть свѣта и теплоты неизбѣжно отражается въ пространство. Вотъ почему вся поверхность луны должна была охладиться гораздо ниже точки замерзанія воды, почти до абсолютнаго нуля. Ясно, что конечная температура этого мірового тѣла ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть такъ высока, какъ температура термометра, свободно повѣшеннаго среди мірового пространства и обращеннаго одною стороною къ солнцу. Если допустить, что температура луны на 35° выше абсолютнаго нуля, это обозначеніе, по всей вѣроятности, будетъ еще слишкомъ высокимъ.

Изъ всего предыдущаго слѣдуетъ: если луна съ самаго начала обладала водой, но была лишена атмосферной оболочки, дѣло должно было кончиться тѣмъ, что ее покрыли застывшія воды, температура которыхъ на 240° ниже точки замерзанія.

Предположимъ теперь, что въ ту эпоху, когда температура лунной поверхности почти равнялась современной температурѣ земли, луна обладала плотной атмосферою, такой же, какъ земная. Картина совершенно мѣняется. Эта атмосфера будетъ играть роль изолирующаго и защищающаго покрова. Но смѣна временъ года на лунѣ такъ своеобразна, что не легко предвидѣть, какимъ путемъ установится равновѣсіе температуры. Вѣроятно, на лунѣ произойдетъ то же, что наблюдаемъ теперь на землѣ: въ концѣ концовъ, массы теплоты, получаемой отъ солнца, придутъ въ равновѣсіе съ теплотой, излучаемой въ небесное пространство, такъ что средняя температура поверхности будетъ оставаться посто-

янною; но она будетъ гораздо выше, чѣмъ при отсутствіи защищающаго покрова, доставляемаго плотной газообразной оболочкой.

Мы допустили, что лунная атмосфера такъ же плотна, какъ наша земная. Сейчасъ я покажу, что это предположеніе неосновательно; я замѣню его другимъ, которое болѣе соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Представьте, что въ ту эпоху, когда температура лунной поверхности была подобна современной температурѣ земной поверхности, атмосфера луны обладала крайне малою плотностью, — $\frac{1}{20}$ плотности земной атмосферы. Благодаря этому, положеніе дѣла измѣнится. Новая атмосфера не можетъ служить лунѣ достаточнымъ покровомъ; тѣ части лунной поверхности, на которыя не попадаетъ солнечныхъ лучей, подвергнутся болѣе сильному лучеиспусканію. Съ другой стороны, атмосферный газъ возвращаетъ въ 20 разъ меньше теплоты. Отсюда слѣдуетъ, что во время ночи, температура лунной поверхности должна падать сильнѣе, чѣмъ въ предыдущемъ случаѣ. Въ полярныхъ странахъ потеря теплоты все время будетъ больше, чѣмъ при плотной атмосферѣ, а возмѣщеніе потерь—меньше. Замерзаніе луннаго океана, если допустить его существованіе, начнется скоро и пойдетъ быстрѣе. Массы водяныхъ паровъ, которыя вмѣстѣ съ газообразною атмосферою мѣшаютъ потерѣ теплоты чрезъ лучеиспусканіе, быстро исчезнутъ. Лунная поверхность скоро охладится до точки замерзанія воды. Это случится не только съ частями, которыя временно погружены во мракъ, но и съ тѣми мѣстностями, которыя освѣщены солнцемъ. Температура понизится до абсолютнаго нуля, какъ если бы не существовало никакой атмосферы. Какой же будетъ конецъ? Тотъ, что когда температура упадетъ на 200° ниже точки замерзанія, газообразная атмосфера такъ же сгустится.

Такъ мы подошли къ современному состоянію луны. Когда *Лаплассъ* занимался вопросомъ, почему луна постоянно обращена къ намъ одною и тою же стороною, другими словами, почему время вращенія около оси совпадаетъ у ней со временемъ обращенія вокругъ земли, онъ пришелъ къ такому выводу: чтобы объяснить совпаденіе, нужно только, чтобы оба движенія «съ самаго начала» различались между собою на «незначительную» величину». Мы пришли къ такому же выводу: чтобы понять, почему луна не обладаетъ ни водой, ни атмосферой, достаточно предположить, что масса лунной атмосферы «съ самаго начала» была «очень мала». Въ этой формѣ оба предположенія кажутся произвольными. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь это не ясно: почему оба вышеуказанныя движенія должны были первоначально различаться на незначительную величину? Также непонятно, почему луна съ самаго начала должна была обладать рѣдкою атмосферою. Въ моемъ аналитическомъ разсужденіи я доказываю, что нѣтъ никакой нужды предполагать первоначальное приблизительное совпаденіе обоихъ движеній луны для того, чтобы объяснить окончательное ихъ совпаденіе. Также легко показать, что рѣдкая атмосфера, какою сначала обладала луна, объясняется самымъ способомъ ея образованія.

Это фактъ самъ по себѣ поразительный. Масса луны равна 0,013 земной массы, ея діаметръ—0,273 земного діаметра. Отсюда можно вывести, что тяжесть на ея поверхности составляетъ только

$\frac{1}{6}$ тяжести на нашей землѣ. Какое же слѣдствіе вытекаетъ изъ этого обстоятельства? Если на единицу лунной поверхности приходится такая же масса атмосферы, какъ на землѣ, вѣсъ этой массы на лунѣ будетъ въ 6 разъ меньше, чѣмъ на землѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что ртутный барометръ стоялъ бы тамъ, какъ и у насъ, почти на высотѣ 760 миллиметровъ, потому что сама ртуть сохраняетъ на лунѣ лишь $\frac{1}{6}$ своего земного вѣса. Но давленіе лунной атмосферы равнялось бы не 10.333 килограммамъ на квадратный метръ, какъ на землѣ, а только 1.722 килограммамъ. Плотность луннаго воздуха составляетъ $\frac{1}{6}$ сравнительно съ плотностью земного воздуха. Чтобы атмосферное давленіе на лунѣ достигло той величины, какъ на землѣ, общая масса ея атмосферы должна быть въ шесть разъ больше. Отсюда видно, какъ далеки мы отъ произвольныхъ предположеній, когда говоримъ, что плотность лунной атмосферы съ самаго начала была меньше, чѣмъ плотность земной. Скорѣе мы допустили бы произволъ въ томъ случаѣ, если бы приняли противоположное предположеніе. Если же мы обратимся къ эпохѣ, когда образовались луна и земля, мы придемъ къ заключеніямъ, еще болѣе поразительнымъ. Вся матерія обоихъ свѣтилъ находилась тогда въ парообразномъ состояніи, и поверхности ихъ должны были близко сходиться, даже соприкасаться одна съ другой. Такъ называемые газы, при своей малой плотности, должны были занимать наружныя части обоихъ шаровъ, и каждое свѣтило привлекло къ себѣ извѣстную часть этихъ газовыхъ массъ, сообразно со своею плотностью. Слѣдовательно, лунѣ досталась меньшая часть, хотя въ началѣ своего существованія она не была лишена водяныхъ паровъ и атмосферы. Принявши окончательный видъ, луна силою вещей оказалась въ тѣхъ условіяхъ, какія мы приписали ей въ концѣ нашего разсужденія, повидимому, произвольно. Масса ея атмосферы была съ самаго начала мала; затѣмъ ее постигла участь, описанная нами: она замерзла и отвердѣла, какъ сама вода.

Почему же поверхность луны не кажется ослѣпительно-бѣлой, если она покрыта слоями льда и замершаго воздуха? Легко указать массу обстоятельствъ, отъ которыхъ могла темнѣть эта мерзлая пустыня. Вулканическія изверженія, непрерывная работа коры, въ которой хранятся еще значительные запасы внутренней теплоты и много другихъ причинъ — все это можетъ измѣнять видъ поверхности и лишать ее блеска».

Вотъ выводы, къ которымъ пришелъ одинъ изъ остроумнѣйшихъ физиковъ новѣйшаго времени по вопросу о температурѣ лунной поверхности. Посмотримъ теперь, что говорятъ объ этомъ наблюденія. Здѣсь можно указать на изысканія *Ланглея*: они являются единственными, гдѣ инструментъ и методъ были вполнѣ точными. *Ланглей* долго занимался этою работою и уже нѣсколько лѣтъ назадъ пришелъ къ выводу, что представленія *Джона Гершеля* о температурѣ луны были вполнѣ ошибочны. *Гершель* думалъ, что на той сторонѣ луны, которая освѣщена лучами солнца, должна развиваться температура, превышающая точку кипѣнія воды. Новыя наблюденія *Ланглея* обнимаютъ промежутокъ съ октября 1874 года до февраля 1887 года. Чтобы дать понятіе о

тонкости ихъ, приведу одинъ только фактъ: 23 сентября 1885 г. наблюдалось лунное затменіе; уменьшеніе теплоты, идущей отъ лунной поверхности, сдѣлалось замѣтнымъ, какъ только дискъ покрылся полутѣнью, и задолго до того момента, когда глазъ могъ замѣтить слѣды тѣни на поверхности луны. По мѣрѣ того, какъ затменіе подвигалось впередъ, теплота быстро убывала; но излученіе не прекращалось вполнѣ даже въ той части, которая лежала въ полной тѣни. За часъ до средины полнаго затменія отклоненіе въ центрѣ тѣни составляло 3,8 дѣленія скалы; чрезъ 50 минутъ послѣ средины оно равнялось 1,3 дѣленія, — это значитъ: 1% теплоты, которая получается съ той же площади, когда нѣтъ затменія. Теплота луны, покрытой тѣнью, сполна задерживается стекломъ. Когда тѣнь начнетъ сходить съ луны, температура поднимается такъ же быстро, какъ быстро предъ этимъ упала. Во время затменія на лунѣ происходитъ рѣзкое измѣненіе климата; оно значительнѣе той перемѣны температуры, какую встрѣтили бы мы на землѣ, если бы перенеслись изъ жаркаго пояса въ область самыхъ суровыхъ арктическихъ холодовъ. Неоднократныя наблюденія надъ темной стороной луны дали тотъ же спектръ, какъ небо вдали отъ луны. Отсюда слѣдуетъ, что луна не обладаетъ собственной теплотой, что излученіе ея обусловлено теплотой солнца. Непосредственныя наблюденія показали, что температура тѣхъ частей лунной поверхности, которыя освѣщаются солнцемъ, лежитъ между 0° и — 20° Цельсія. Данный выводъ основанъ на величинѣ излученія; но эта величина уменьшается вслѣдствіе поглощенія въ земной атмосферѣ. Необходима поправка. *Ланглей* предпринялъ по этому поводу спеціальное изслѣдованіе. Онъ опредѣлилъ общее поглощеніе атмосферы и вычислилъ, что высшая температура, какой только можетъ достигать лунная поверхность, не превышаетъ + 50° Цельсія. Это—максимальная температура. Она значительно ниже высшей температуры, какой достигаетъ земная поверхность въ жаркомъ поясѣ. Во всякомъ случаѣ, необходимо оставить мнѣніе, будто подъ вліяніемъ солнечныхъ лучей поверхность луны можетъ нагрѣваться до точки кипѣнія воды и даже выше.

Мы должны придти къ такому заключенію: въ теченіе лунной ночи, длящейся 14 сутокъ, поверхность нашего спутника подвергается такому холоду, какой далеко оставляетъ за собою низшія температуры земли; напротивъ, въ теченіе дня, имѣющаго ту же продолжительность, температура мѣстами поднимается выше точки замерзанія; поэтому нѣтъ ничего невозможнаго въ предположеніи, что во время короткаго періода теплоты развиваются низшіе организмы, и зародыши ихъ переживаютъ холода лунной ночи. Что же касается высшихъ организмовъ, о нихъ не можетъ быть и рѣчи: они не могутъ существовать при подобныхъ условіяхъ. Современную поверхность луны можно сравнить съ разрушеннымъ театромъ, изъ котораго зрители давно удалились.

(Окончаніе слѣдуетъ).

СЭРЪ ДЖОРЖЪ ТРЕССЕДИ.

Романъ Гемпфри Уордъ.

Переводъ съ англійскаго А. Аннинской.

*(Продолженіе *).*

XX.

— Вы изволили звонить, миледи?

— Да, Кенрикъ, если лэди Максвель пріѣдетъ ко мнѣ сегодня вечеромъ, скажите, пожалуйста, что я очень занята и никого не принимаю.

Летти Тресседи только-что вернулась послѣ катанья на лодкѣ. Она стояла въ своемъ свѣтло-зеленомъ кружевномъ платьѣ около письменнаго стола и держала въ рукахъ карточку лэди Максвель. Кенрикъ подалъ ей эту карточку, когда она пріѣхала домой, но она подумала нѣсколько минутъ прежде чѣмъ, сдѣлала свое распоряженіе. По тому тону, какимъ она говорила, по блеску ея глазъ, по энергичному выраженію всей ея маленькой фигурки, слуга понялъ, что и ожидаемый визитъ, и приказанія его госпожи имѣютъ какое-то особое, скрытое значеніе. Встрѣтивъ на лѣстницѣ Гріеръ, онъ сдѣлалъ ей условный знакъ и они отправились вмѣстѣ обсуждать дѣла господъ.

Между тѣмъ Летти зажгла электрическую лампу и полуоткрыла окно, чтобы видѣть, какъ подъѣдетъ экипажъ лэди Максвель. Она усѣлась было на софу, но была такъ взволнована, что не могла оставаться спокойно на мѣстѣ; ея волновало все пережитое въ этотъ день, а еще больше мысль о томъ оскорбленіи, какое она готовилась нанести важной лэди, причинившей ей непріятность. Несомнѣнно, письмо ея сдѣлало свое дѣло. Воспоминаніе о немъ вызывало въ ней злобную радость. Знаетъ ли Джоржъ, что она писала? Ей это, впрочемъ, все равно. Лэди Максвель пріѣдетъ, конечно, съ тѣмъ, чтобы успокоить ее, чтобы замять дѣло. Навѣрно, между нею и ея мужемъ произошла бурная сцена. Слезы, униженіе, упреки—она щедро надѣляла всѣмъ этимъ ненавистную

---

*) См. «Міръ Божій» № 10, октябрь 1896.

ей женщину. Но этого еще мало! Сплетни ходятъ по всему Лондону. Гардингъ постарался объ этомъ въ своей статьѣ. Какъ онъ умно написалъ! Ни одного имени, ничего, къ чему бы можно придраться, а между тѣмъ все ясно!

Такъ! Джоржъ уѣхалъ во Францію, бросилъ ее и даже не попрощался съ нею. Она ничуть не вѣрила въ его объясненіе; наконецъ, если онъ пишетъ правду, это новое оскорбленіе съ его стороны: въ такое время и заботиться о чужихъ дѣлахъ! Но это навѣрно пустая выдумка, которую они сочинили вмѣстѣ; съ какою цѣлью—она это разузнаетъ.

Она была въ такомъ возбужденномъ состояніи, что никакъ не могла сидѣть. Она подошла къ зеркалу, сняла свою большую шляпу и стала поправлять волосы, причесывая завитки на лбу и подкалывая мелкими шпильками непокорные кончики. Она отдала приказаніе никого не принимать; можно было думать, что она собирается ложиться спать, а между тѣмъ, она инстинктивно прихорашивалась такъ, какъ будто ждала гостей.

Возстановивъ вполнѣ удовлетворительно симметрію всѣхъ своихъ локончиковъ, она долго смотрѣла на собственное отраженіе въ зеркалѣ. Въ головѣ ея пробѣгали воспоминанія о только-что пережитомъ днѣ: катанье въ лодкѣ, веселая закуска, шампанское и особенно одна прогулка по лѣсу. Краска выступила на лицѣ ея, вѣки глазъ ея дрогнули, дрожь пробѣжала по всему ея тѣлу. Она закрыла лицо руками. Она ненавидѣла, *ненавидѣла* его! Кажется, она позволила ему придти завтра вечеромъ? Она уѣдетъ въ Фёртъ.

Шумъ колесъ на тихой улицѣ! Летти подбѣжала къ окну съ живостью ребенка. Къ подъѣзду подъѣхала маленькая каретка и высокая фигура въ черномъ вышла изъ нея. Летти спряталась за занавѣсью, притаила дыханіе и прислушивалась.

Что тамъ такое дѣлаетъ Кенрикъ? Входная дверь заперлась, а лэди Максвель не садится въ карету.

Она осторожно отворила дверь гостиной, Кенрикъ подымался по лѣстницѣ, повидимому, изъ кабинета Джоржа.

— Что вы сдѣлали? — спросила она его сердитымъ полушопотомъ, — я вѣдь вамъ сказала, чтобы вы не принимали лэди Максвель.

— Я сказалъ, милэди, что вы заняты и никого не можете принять. Тогда ея свѣтлость спросила, нельзя ли написать вамъ записочку, чтобы узнать, когда можно видѣть васъ. Я провелъ ее въ кабинетъ сэра Джоржа.

— Это было совершенно напрасно,—рѣзко замѣтила Летти.— Что это за письмо у васъ въ рукахъ?

Она выхватила у него изъ рукъ письмо, которое онъ только-что нашелъ въ почтовомъ ящикѣ.

Лакей спустился съ лѣстницы, чтобы проводить лэди Максвель, а Летти вернулась къ себѣ въ комнату съ письмомъ въ рукахъ; сердце ея сильно билось: на конвертѣ стояло имя того, кто писалъ это письмо. Она прочла его и отбросила прочь, почти задыхаясь отъ негодованія.

— Онъ еще смѣетъ дѣлать мнѣ замѣчанія, читать нотаціи, противный гордецъ! Какое нахальство, какое нестерпимое нахальство! *Я* несправедлива къ Джоржу, къ моему собственному мужу! И я оскорбила ее, скажите пожалуйста, *ее*. А она теперь пишетъ мнѣ тамъ внизу, въ моемъ собственномъ домѣ!

Она заломила руки и начала быстро ходить взадъ и впередъ по комнатѣ. Образъ ея соперницы, сидящей въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея, за столомъ Джоржа, приводилъ ее въ бѣшенство. Она подошла къ звонку и громко позвонила.

— Кенрикъ!

— Сію минуту, милэди!—Она услышала чей-то тихій голосъ внизу и шорохъ платья.

— Скажите, пожалуйста, лэди Максвель,—она напрасно старалась говорить спокойнымъ голосомъ и сохранить достоинство—что я могу принять ее, если она не находитъ, что слишкомъ поздно.

Она поспѣшила въ гостиную и ждала. Придетъ ли она? Все существо Летти было охвачено однимъ безумнымъ желаніемъ. Неужели Кенрикъ дастъ ей уйти!

Но нѣтъ, послышались шаги, дверь отворилась.

Марчелла Максвель вошла какъ-то робко; она была блѣдна и щурилась отъ яркаго свѣта гостиной. Длинная, бѣлая кружевная мантилья была накинута поверхъ ея вечерняго костюма, на головѣ ея не было шляпки. Въ душѣ Летти промелькнули два ощущенія: во-1-хъ, ненависть къ ея красотѣ, во-2-хъ, торжество при видѣ ея волненія.

Хозяйка дома заговорила первая, не дѣлая ни шага на встрѣчу гостьѣ.

— Позвольте спросить,—произнесла она рѣзкимъ, язвительнымъ тономъ,—чему я обязана честью вашего посѣщенія?

Марчелла остановилась на полдорогѣ къ ней.

— Я прочла ваше письмо къ моему мужу,—спокойно проговорила она, хотя голосъ ея нѣсколько дрожалъ,—и думала, что вы позволите мнѣ объясниться съ вами по этому поводу.

— Въ такомъ случаѣ садитесь, пожалуйста,—тѣмъ же голосомъ сказала Летти, и сама сѣла.

Если она хотѣла этими мелкими оскорбленіями усилить эффектъ своего нелюбезнаго пріема, она ошиблась. Напротивъ, они вернули Марчеллѣ все ея самообладаніе. Она взяла стулъ и просто пододвинула его поближе къ своей собесѣдницѣ, при чемъ всѣ движенія ея стройной фигуры отличались тою обаятельной граціей, которой Летти всегда такъ завидовала.

— Ваше письмо къ моему мужу,—заговорила она взволнованнымъ голосомъ,—такъ огорчило меня, что я должна была придти къ вамъ. И мужъ, и я мы находимъ что вы не совсѣмъ вѣрно толкуете существующіе факты, но ваше письмо заставило меня сознать, я, впрочемъ, сознала это и раньше, что при моихъ дружескихъ отношеніяхъ къ вашему мужу я забыла... я забыла то, что намъ слѣдуетъ постоянно помнить. Позвольте мнѣ съ моей точки зрѣнія разсказать вамъ все, какъ было. Въ Кестль-

Лютонѣ сэръ Джоржъ очень заинтересовалъ меня. Мнѣ было пріятно разговаривать съ нимъ, и у меня явилось желаніе измѣнить нѣкоторые его взгляды, познакомить его съ бѣднымъ людомъ, ввести его въ нашъ кружокъ. Затѣмъ, какъ-то незамѣтно, между нимъ и мною установилась нѣкоторая близость... отчасти подъ вліяніемъ той борьбы—она опустила глаза, чтобы не видѣть ненависти, съ какой смотрѣла на нее Летти — въ которой были сильно заинтересованы и мой мужъ, и я. Но я съ самаго начала упустила изъ виду одно: мужъ и жена не два человѣка, а одинъ. Я должна была прежде всего придти къ вамъ, узнать ваши чувства, спросить, желаете ли вы дружбы, которую я, можетъ быть, не имѣла права предлагать одному сэру Джоржу. Я заглянула въ свое собственное сердце,—голосъ ея снова задрожалъ—и увидѣла свою ошибку, огромную ошибку. Для меня было бы страшнымъ мученіемъ, если бы у моего мужа былъ другъ, а я была бы устранена отъ этой дружбы. Вотъ что я хотѣла вамъ сказать прежде всего. Я поступила противъ своего собственнаго понятія о бракѣ, и вы были правы, что разсердились.

— Да, это совершенно ясно, вы съ самаго перваго знакомства забыли, что у Джоржа есть жена,—вскричала Летти язвительно.—Это вѣрно, всѣ могли замѣтить это въ Кестль-Лютонѣ.

Марчелла растерянно посмотрѣла на нее. Какъ ей придумать подходящія слова, какую затронуть струну? Неужели она должна ограничиться тѣмъ, что сказала для успокоенія собственной совѣсти, и предоставить этой маленькой фуріи воспользоваться по собственному усмотрѣнію и ея посѣщеніемъ, и ея признаніемъ?

Она прикрыла рукой глаза и съ минуту подумала:

— Можетъ быть,—сказала она затѣмъ,—вы позволите мнѣ напомнить вамъ, что все послѣднее время и мужъ, и я, мы были поглощены исключительно однимъ дѣломъ. Если это не слишкомъ задержитъ васъ, я хотѣла бы разсказать вамъ всю исторію нашей дружбы съ сэромъ Джоржемъ. Мнѣ кажется, я могу вспомнить всякій нашъ разговоръ, начиная съ первой встрѣчи въ больницѣ до... до сегодняшняго утра.

— Сегодняшняго утра!—вскричала Летти, вскакивая. — Онъ былъ у васъ сегодня?

Маленькое личико, искаженное страстью, внушало Марчеллѣ искреннее состраданіе.

— Да, онъ былъ у меня,—сказала она и ея темные глаза съ умоляющимъ видомъ устремились на собесѣдницу.—Но позвольте вамъ все разсказать. Онъ былъ такъ глубоко несчастенъ и за васъ... и за себя.

Летти разразилась дикимъ смѣхомъ.

— Ну, еще бы! Онъ приходилъ къ вамъ жаловаться на меня, онъ говорилъ, что я кокетничаю, что я дурно обращаюсь съ его матерью, что я трачу слишкомъ много денегъ и тому подобныя милыя вещи! Кромѣ того, онъ навѣрно приходилъ, чтобы получить благодарность! И онъ, конечно, заслужилъ ее! Чтобы угодить вамъ, онъ испортилъ всю свою карьеру! Всѣ говорятъ, что его положеніе въ парламентѣ сдѣлалось невозможнымъ и что онъ

долженъ оставить его, очень пріятный сюрпризъ для жены! Я съ самаго начала догадывалась въ чемъ дѣло и что вамъ отъ него нужно; только тогда я не могла еще повѣрить... вѣдь это было черезъ полгода послѣ нашей свадьбы...—рыданіе прервало ея рѣчь.

Она вдругъ почувствовала сильную жалость къ себѣ самой.

Сердце Марчеллы сжалось; она не знала настоящей Летти Тресседи. Она, эта счастливая, любимая женщина, видѣла передъ собой одно: оскорбленную, покинутую жену! Она быстро встала и протянула обѣ руки язвительной маленькой женщинѣ, которая бросала ей такія оскорбленія.

— Не думайте, пожалуйста, не думайте ничего подобнаго,— просила она.—Я никогда умышленно не дѣлала вамъ зла. Неужели вы не можете повѣрить, что мы съ сэромъ Джоржемъ подружились, потому что насъ интересовали одни и тѣ же вопросы? Я была такъ занята дѣломъ мужа и всѣмъ, что имѣло къ нему какое-либо отношеніе. Мнѣ пріятно было говорить о немъ и пріобрѣтать ему сторонниковъ; если бы я могла думать, что это огорчитъ васъ...

— Куда послали вы его сегодня? — перебила ее Летти, рѣзкимъ движеніемъ вытирая слезы.

Марчелла поняла, какъ трудно объяснить ей свои побудительныя причины и поступокъ Максвеля.

— Сэръ Джоржъ говорилъ мнѣ,—начала она нетвердымъ голосомъ, — что ему необходимо немедленно уѣхать изъ Лондона вслѣдствіе какихъ-то личныхъ непріятностей. Черезъ нѣсколько минутъ послѣ него пріѣхала миссисъ Аллисонъ и сообщила намъ о своемъ горѣ. Вы, конечно, знаете всю эту исторію. Мы съ мужемъ долго думали, какъ бы помочь ей, и намъ казалось, что если Максвель попроситъ его, сэра Джоржа, оказать намъ и миссисъ Аллисонъ большую услугу, съѣздить къ Анкоту и попытаться вернуть его къ матери, все можетъ уладиться. Максвель поближе познакомится съ нимъ, всѣ нелѣпые и несправедливые толки затихнутъ... мнѣ казалось... я не знаю...

Она остановилась въ смущеніи, затрудняясь въ своихъ объясненіяхъ. Но она сознавала свою невинность и быстро оправилась:

— Если бы я могла въ то же время убѣдить васъ, какъ искренно, какъ сердечно сочувствую я вашему горю; если бы я могла убѣдить васъ смотрѣть на все это,—на поведеніе вашего мужа и на мое въ настоящемъ свѣтѣ; если бы вы повѣрили, что онъ ни о чемъ такъ не заботится, не долженъ заботиться, какъ о своемъ домѣ, о васъ и о своемъ счастьи.

Исторія въ томъ видѣ, какъ ее разсказала Марчелла, была весьма мало убѣдительна, даже, можно сказать, непонятна, особенно для Летти. Эти двѣ женщины принадлежали къ разнымъ сферамъ и то, что казалось для одной вполнѣ правильнымъ и естественнымъ, возбуждало въ другой новыя подозрѣнія. Если бы все дѣло ограничивалось словами, можно бы сказать, что Марчелла ничего не выиграла.

Но въ душѣ Летти поднималось странное волненіе. Это соединеніе смиренія, почти самоуниженія и нравственной высоты, эти глаза, эти руки, которыя съ такою ласкою протягивались къ ней—

во всемъ этомъ было что-то, что начинало смущать ее. Она снова заговорила, чтобы не дать остыть своему гнѣву.

— Какое имѣли вы право услать его и распоряжаться моимъ мужемъ безъ моего согласія? Вы очень мило все устроили; вы, конечно, знаете многое, о чемъ я и понятія не имѣю. Я не такъ умна, какъ вы, я не разсуждаю о политикѣ. По правдѣ сказать, я даже не вижу, для чего намъ надобно о ней разсуждать, развѣ только для того, чтобы отнимать мужей у законныхъ женъ. Во всякомъ случаѣ, я не лицемѣрю и не представляюсь святой, совершенно напротивъ. Джоржъ, конечно, считаетъ себя вполнѣ правымъ и во всемъ меня обвиняетъ. Я объ этомъ не буду спорить. И не думайте, пожалуйста, что я все время играла роль покинутой жены. Если люди обижаютъ меня, я не имѣю привычки молчать и я, кажется, хорошо знаю своего мужа, хотя лордъ Максвель не допускаетъ этого,—она съ презрительной усмѣшкой указала на письмо Максвеля, валявшееся на столѣ.

— Когда я увидѣла, что Джоржъ не обращаетъ никакого вниманія на мои слова и что онъ занятъ исключительно вами, я приняла свои мѣры. На свѣтѣ есть мужчины кромѣ него, одинъ изъ нихъ особенно интересуетъ меня въ настоящую минуту. Можетъ быть, это не будетъ пріятно Джоржу, но, во всякомъ случаѣ, въ этомъ виноватъ онъ и вы!

Марчелла въ ужасѣ отшатнулась и устремила на свою собесѣдницу удивленные, широко раскрытые глаза. Летти смотрѣла на нее съ вызывающимъ видомъ, силясь вызвать улыбку на свои сухія губы. Такъ продолжалось нѣсколько секундъ. Марчелла закрыла лице руками. Она огорчена, унижена, она плачетъ, какое торжество для Летти!

— Я не понимаю, что въ моихъ словахъ такъ разстроило васъ,— холодно проговорила она послѣ нѣкотораго молчанія.

Марчелла не отвѣчала. Она опустила руки и какъ-то задумчиво глядѣла въ пространство, на глазахъ ея были слезы.

— Нѣтъ ли у васъ кого-нибудь, — спросила она и голосъ ее дрожалъ отъ внутренняго волненія, — кого бы вы уважали, къ кому бы вы могли обратиться за помощью, за совѣтомъ?

— Благодарю,—спокойно сказала Летти.—Мнѣ никого не нужно. И я не понимаю, для чего вы объ этомъ говорите.

— Подумайте только, — съ жаромъ заговорила Марчелла, — о долгихъ годахъ супружества, о дѣтяхъ, которые могутъ явиться...

— У тѣхъ, кто этого хочетъ,—прервала Летти.—А я не желаю и никогда не желала имѣть дѣтей. Васъ это, можетъ быть, возмущаетъ? Во всякомъ случаѣ, о дѣтяхъ не стоитъ говорить.

— А вашъ мужъ? Онъ будетъ несчастенъ, всѣ блестящія способности его пропадутъ безплодно, если вы не постараетесь побѣдить свой гнѣвъ и примириться съ нимъ? Вы вмѣсто этого думаете только, какъ бы отомстить, какъ бы причинить еще больше горя и страданія! Это просто ужасно! Между тѣмъ вамъ надобно сдѣлать только небольшое усиліе надъ собой, написать или сказать всего нѣсколько словъ и онъ вернется, и все это несчастіе кончится!

*

— Джоржъ можетъ дѣлать, что хочетъ,—колко отвѣчала Летти,—и я также. Къ тому же, вѣдь вы услали его за-границу.

Марчелла посмотрѣла на нее съ выраженіемъ отчаянія. Она взяла со стола свои перчатки и платокъ.

— Развѣ вы уходите?

— Да, я думаю, это будетъ лучше. Я ничего не могу сдѣлать для васъ.

— Я вообще хотѣла бы знать, зачѣмъ вы ко мнѣ пріѣзжали? Говорятъ, что вы очень любите лорда Максвеля? Можетъ быть, потому вамъ и стало жаль меня?

Гордость Марчеллы была оскорблена тѣмъ, что такая женщина говорила о ея супружескихъ отношеніяхъ. Но она побѣдила эту гордость.

— Вы въ нѣсколькихъ словахъ высказали то, чего я не могла объяснить все время,—проговорила она, грустно улыбаясь.—Спокойной ночи!

Летти не обратила вниманія на ея прощанье. Она сѣла на ручку кресла около нея. Глаза ея горѣли, лицо было мертвенно блѣдно.

— Нѣтъ,—сказала она,—не уходите, я не хочу, чтобы вы ушли именно теперь. Знайте, что я самый несчастный человѣкъ на свѣтѣ. Когда я вышла за Джоржа, я, кажется, не очень любила его. Но когда онъ сталъ ухаживать за вами, я почувствовала, что могу убить всякаго, кто отниметъ его у меня и потомъ убить самое себя. Господи Боже! я знаю, почему я ему надоѣла. Я не изъ тѣхъ людей, которые позволяютъ властвовать надъ собой, я хотѣла тратить деньги по своему желанію и приглашать гостей по своему выбору; а главное, я не хотѣла, чтобы его противная мать отравляла мнѣ жизнь своими посѣщеніями и выпрашиваньемъ денегъ. Что вы такъ поблѣднѣли? вамъ все это кажется ужаснымъ? Вы еще болѣе ужаснетесь, когда узнаете, что сегодня послѣ обѣда, когда меня не было дома, къ намъ приходили отъ лэди Тресседи сказать, что ей очень дурно, что она, кажется, умираетъ. И я совсѣмъ объ этомъ забыла, ни разу не вспомнила и, знаете, отчего? оттого, что лакей сказалъ мнѣ, что вы у меня были и еще будете, а я ни о чемъ въ свѣтѣ не могла думать, кромѣ васъ и Джоржа. Нѣтъ, не смотрите такъ, не подходите ко мнѣ, я не сумасшедшая. Увѣряю васъ, я въ полномъ умѣ! О чемъ я говорила? Да, что Джоржъ имѣлъ основанія разлюбить меня. Да, имѣетъ, но если онъ измѣнитъ мнѣ, я дамъ ему еще больше основаній. Тотъ другой, вы его знаете, Казединъ, онъ поцѣловалъ меня сегодня въ лѣсу. О, онъ животное, прямо скотина! Но не все ли мнѣ равно, что со мной случится? Конечно, это странно, даже невѣроятно, но если Джоржъ меня ненавидитъ, если позволяетъ вамъ разлучать насъ, это очень естественно! Я не могу... не подходите... я никогда... никогда не прощу...

Нервы Летти не выдержали и она, рыдая, упала на софу. Въ одну минуту Марчелла была на колѣняхъ подлѣ нея, она обнимала ее и повторяла дрожащимъ голосомъ: «Не отталкивайте меня!» И Летти уступила. Она рыдала въ объятіяхъ Марчеллы, которая

спѣшила въ отрывочныхъ фразахъ высказать ей все свое раскаяніе, все свое состраданіе, всѣ свои надежды на лучшее будущее. Убѣждая Летти, она сама почти увѣрилась, что между нею и Джоржемъ не было ничего, кромѣ самой обыкновенной дружбы; она твердо рѣшила, что этотъ несчастный бракъ превратится въ счастливый и что это сдѣлаетъ она. Она не знала ни исторіи, ни настоящаго характера Летти и смѣло брала на себя задачу передѣлать, облагородить ее. Всѣ ея запальчивыя выходки она приписывала страстной любви и страданіямъ ревности, она надѣляла Летти своею собственною силою чувства и потому снисходительно смотрѣла на нее.

Между тѣмъ Летти и въ минуты гнѣва, и въ минуты горя продолжала чувствовать нѣкоторое торжество отъ того, что ей удалось заставить Марчеллу сойти съ ея пьедестала. Образъ стройной фигуры въ серебристомъ платьѣ, сидѣвшей съ такимъ недоступнымъ величіемъ въ гостиной Кэстль-Лютона, проносился въ головѣ ея рядомъ съ этимъ умоляющимъ голосомъ, съ выраженіемъ ласки и состраданія на этомъ лицѣ. Но, кромѣ этого, въ душѣ ея просыпалось нѣчто другое, лучшее: просыпалась совѣсть, раскаяніе, сожалѣніе, зависть не къ внѣшнимъ, а къ внутреннимъ преимуществамъ, болѣе снисходительное отношеніе къ Джоржу; неожиданное открытіе того какую роль любовь играла въ жизни другой женщины. Она лежала блѣдная и неподвижная подъ заботливымъ взглядомъ Марчеллы и чувствовала чисто физическое удовольствіе отъ этой тишины, отъ отсутствія гнѣвныхъ криковъ и оскорбительныхъ словъ.

Марчелла сидѣла подлѣ нея, держала ея руки въ своихъ и говорила съ ней тихимъ голосомъ, какъ вдругъ громкій звонъ колокольчика пронесся по всему дому. Летти вздрогнула и вскочила, поблѣднѣвъ.

— Что это можетъ быть? Уже одиннадцатый часъ! Должно быть телеграмма!

Она бросилась къ двери. Кенрикъ отворялъ ее.

— Горничная лэди Тресседи пришла къ вамъ, милэди. Они спрашиваютъ адресъ сэра Джоржа. Доктора думаютъ, что барыня едва ли доживетъ до утра.

Сзади Кенрика стояла Жюстина вся въ слезахъ.

Оказалось, что у лэди Тресседи начался сильный припадокъ съ самаго обѣда. Теперь ей немного лучше, но она очень ослабѣла. Если припадокъ повторится въ теченіе сутокъ, ничто не спасетъ ее. А онъ, по всей вѣроятности, повторится: она все время волнуется и зоветъ сына. «Бѣдная душа!—въ слезахъ воскликнула француженка, — какъ только немножко утихнетъ, она прислушивается, ждетъ, и никто не приходитъ, никто. Будьте добры, madame, скажите мнѣ, гдѣ можно найти сэра Джоржа?»

— Трувиль, poste restante,—мрачно отвѣтила Летти,—я другого адреса не знаю.

Она стояла нахмурясь и въ нерѣшительности, между тѣмъ горничная француженка и своимъ выжидательнымъ молчаніемъ, и всѣмъ своимъ видомъ, казалось, требовала еще чего-то, кромѣ адреса сэра Джоржа.

Марчелла была невольной свидѣтельницей всей этой сцены. Она не могла придти въ себя отъ удивленія. Мать Джоржа Тресседи одна, при смерти, а Летти Тресседи ничего не знала о ея болѣзни, и когда услышала, что ей худо, что она почти умираетъ, отказалась поѣхать къ ней, даже забыла объ этомъ!

Когда Летти взглянула на нее, она увидѣла въ глазахъ лэди Максвель новое выраженіе, испугавшее ее.

— Вы думаете, я должна ѣхать?—спросила она голосомъ капризнаго ребенка.

— Моя карета у подъѣзда,—отвѣчала Марчелла.—Я могу подвезти васъ. Есть тамъ сидѣлка?—обратилась она къ горничной.

О, да, тамъ была отличная сидѣлка, иначе Жюстина не рѣшилась бы уйти, и докторъ живетъ близко, его можно позвать всегда, когда нужно. Но бѣдная лэди хочетъ, главнымъ образомъ, видѣть сына или кого-нибудь изъ семьи. Жюстина прикусила губу и искоса посмотрѣла на Летти. Ей пріятно было описывать горестное положеніе своей госпожи при этой важной и доброй лэди, и она въ своемъ разсказѣ высказала больше искренняго чувства, чѣмъ можно было ожидать, судя по ея внѣшности.

Между тѣмъ Летти какъ-то безцѣльно бродила по комнатѣ. Марчелла подошла къ ней.

— Ваша шляпа лежитъ здѣсь, на стулѣ. У меня въ каретѣ есть шаль. Поѣдемъ скорѣй, и пусть ваша горничная привезетъ вамъ все, что нужно для ночи. А я могу, если хотите, проѣхать дальше и послать вашу телеграмму сэру Джоржу.

— Но, вѣдь, онъ долженъ былъ устроить какое-то дѣло для васъ?—нерѣшительнымъ голосомъ сказала Летти.

— Мать важнѣе всякаго дѣла, мнѣ кажется,—отвѣчала Марчелла.—Составимъ телеграмму дома. Скажите мнѣ, что писать.

Она подошла къ письменному столу и составила телеграмму почти безъ помощи Летти, въ мелкой душѣ которой возникалъ злобный протестъ противъ того шага, какой отъ нея требовался. Однако, Марчелла постепенно и какъ-то инстинктивно пріобрѣтала власть надъ нею. По ея приказанію, Жюстина сказала Гріеръ, что нужно привезти; на Летти накинули пальто, она принуждена была надѣть шляпку и черезъ нѣсколько минутъ ѣхала въ каретѣ рядомъ съ Марчеллой.

— Они захотятъ, чтобы я сидѣла около нея,—сказала она, стирая непрошенную слезу,—а я такъ устала и такъ не люблю больныхъ.

— Очень можетъ быть, что васъ къ ней сегодня и не пустятъ. Но, по крайней мѣрѣ, вы будете тамъ въ случаѣ новаго припадка. Вамъ будетъ страшно тяжело, если она умретъ одна, когда сэра Джоржа нѣтъ въ городѣ.

— Умретъ! — повторила Летти почти сердито. — Это будетъ ужасно; что мнѣ дѣлать?

Марчелла посмотрѣла на нее со странной улыбкой.

— Будьте только добры, постарайтесь забыть все, кромѣ нея одной.

Въ мягкихъ звукахъ ея голоса слышалась строгость, которую

Летти тотчасъ же почувствовала, но противъ которой она не имѣла силъ возставать. Напротивъ, у нея явилось непріятное сознаніе, что не она вышла побѣдительницей изъ ихъ столкновенія. За послѣдніе полчаса ихъ взаимныя отношенія совершенно измѣнились. Летти съ болью въ сердцѣ видѣла, что ея холодность къ умирающей матери Джоржа заставила Марчеллу понять ея настоящій характеръ лучше, чѣмъ какія бы то ни было дикія, полуискреннія признанія. Ея тщеславіе было глубоко уязвлено. Она сознавала, что самоуниженіе Марчеллы исчезло и что она никогда болѣе не увидитъ его. Но въ то же время въ ней возникло какое-то новое, непреодолимое стремленіе. Она до сихъ поръ съ завистью отмѣчала всѣ внѣшнія преимущества, благодаря которымъ жена Максвелля играла выдающуюся роль въ лондонскомъ свѣтѣ. Теперь она начинала сознавать, что не званіе и богатство составляютъ ея главное очарованіе. Очень возможно, что краснорѣчіе какой-нибудь обыкновенной женщины изъ средняго класса не произвело бы на нее такого сильнаго впечатлѣнія, какъ видъ колѣнопреклоненной Марчеллы, но, во всякомъ случаѣ, въ этотъ часъ ея тщеславная, эгоистичная натура попала подъ власть такой нравственной силы, отъ которой уже никогда не могла освободиться.

Пока они ѣхали къ Уарвикъ-скверу, Марчелла думала объ одномъ, какъ бы возвратить ее въ цѣлости мужу. Она вспомнила о Казединѣ и чувство отвѣтственности пробудилось въ ней съ болѣзненной силой. Подъѣзжая къ Уарвикъ-скверу, Летти отдернула свою руку, лежавшую до тѣхъ поръ въ рукахъ Марчеллы.

— Я думаю, вы не захотите больше видѣться со мной,—сказала она рѣзкимъ тономъ.

— Неужели вы думаете, что два человѣка, которые вмѣстѣ пережили то, что мы съ вами переживали сегодня, могутъ перестать видѣться?—сказала Марчелла, улыбаясь поблѣднѣвшими губами.—Когда я могу придти къ вамъ завтра? Рано утромъ я пришлю узнать о здоровьѣ.

— Пріѣзжайте завтра около четырехъ часовъ,—быстро проговорила Летти подъ вліяніемъ воспоминанія, заставившаго ее вспыхнуть.—Я, вѣроятно, буду здѣсь. Вы обѣщаете сказать мнѣ.

— Мнѣ многое надобно сказать вамъ. Я пріѣду непремѣнно. Прощайте; надѣюсь, она поправится. Ясейчасъ же пошлю телеграмму.

Летти поднялась по лѣстницѣ въ комнату лэди Тресседи и велѣла вызвать къ себѣ сидѣлку. Сидѣлка объяснила, что докторъ запретилъ все, что можетъ обезпокоить или взволновать больную. Если припадокъ повторится, всякая надежда исчезнетъ. Но только очень трудно заставить ее лежать тихо. Вмѣсто того, чтобы постараться уснуть, она заставляетъ женщину читать себѣ громко французскіе романы и придумываетъ новыя отдѣлки для платья. Я не могу никакъ удержать ее,—прибавила видимо встревоженная сидѣлка,—но если она встанетъ съ постели, это убьетъ ее.

Она поспѣшила назадъ къ больной, обѣщая немедленно сообщить Летти, если замѣтна будетъ какая-либо перемѣна къ худ-

шему. Летти съ облегченнымъ сердцемъ вышла въ запасную комнату, гдѣ Гріеръ уже приготовляла ей всэ, что нужно къ ночи.

Она быстро раздѣлась и бросилась въ постель. Ей хотѣлось заснуть; она задремала, но ненадолго; она скоро проснулась послѣ тревожнаго сна. Гдѣ она? Въ домѣ свекрови,—она слышала ея дребезжащій голосъ въ сосѣдней комнатѣ, и привезла ее сюда Марчелла Максвель. Странность этихъ двухъ фактовъ заставила ее долго метаться въ постели. А гдѣ-то теперь Джоржъ? Онъ, можетъ быть, только что пріѣхалъ въ Парижъ. Она представляла себѣ тутъ и яркое освѣщеніе станціи Сѣверной дороги; она какъ будто слышала шумъ колесъ его фіакра по длинной, мощеной каменями улицѣ. Ей вдругъ стало страшно грустно при мысли, что онъ съ каждой минутой все болѣе и болѣе удаляется отъ нея. Если онъ увидитъ ея письмо къ Максвелю, проститъ ли онъ ей когда-нибудь? А развѣ ей нужно его прощеніе? Ею овладѣло чувство нѣжности и грусти, вызвавшее слезы на глазахъ ея. Она, можетъ быть, сознавала, насколько сама содѣйствовала разрушенію своего счастья. Самыя разнородныя чувства боролись въ душѣ ея, раскаяніе смѣнялось самоувѣренностью; страстное желаніе увидѣть Марчеллу,—ненавистью къ ней. Всю ночь провела она то въ слезахъ, то въ легкой дремотѣ, не умѣя разобраться въ осаждавшихъ ея мысляхъ. Утромъ она проснулась съ сознаніемъ, что стала гораздо старше, чѣмъ была наканунѣ, что вступила въ новый періодъ жизни, что прошлое не можетъ возвратиться. Два чувства преобладали въ душѣ ея: воспоминаніе о сценѣ съ Марчеллой и ожиданіе возвращенія Джоржа.

XXI.

— Милая, неужели вы хотите сказать, что она цѣлыхъ десять дней жила у васъ здѣсь?

Этотъ вопросъ былъ сдѣланъ Бетти Ливенъ, которая только что пріѣхала въ Максвель-Кортъ и сидѣла съ хозяйкой дома въ тѣни кедровъ, противъ величественнаго дома, которому Марчелла напрасно старалась придать демократическій видъ. Ея вопросъ былъ вызванъ замѣчаніемъ хозяйки, что лэди Тресседи должна сейчасъ сойти къ чаю.

— Послушайте, Бетти,—серьезно сказала Марчелла,—мнѣ хочется поговорить съ вами по этому поводу. Хотите вы оказать мнѣ большое одолженіе.

Бетти задумалась.

— Теперь, когда Франкъ выходитъ изъ парламента, вы не можете сдѣлать для меня ничего особенно важнаго. Но я добра и могу иногда оказывать вамъ одолженія и даромъ. Только прежде позвольте предложить вамъ вопросъ: для чего привезли вы ее сюда?

— Она была очень одинока и несчастна въ Лондонѣ, а ея мужъ повезъ свою мать за границу послѣ того, какъ оказалъ большую услугу Максвелю,—Бетти замѣтила, что Марчелла смутилась—и мнѣ бы хотѣлось, чтобы вы были добры къ ней.

— Три причины, это много,—сказала она,—а третью надобно

еще выяснить. Вы хотите сказать, что Джоржъ Тресседи ѣздилъ за Анкотомъ?

Марчелла молча пожала плечами.

— Если вы будете скрытничать, имѣть отъ меня тайны, — вскричала Бетти,—не ожидайте, что я стану любезничать съ лэди Тресседи. Вы знаете, какимъ ежомъ я могу обернуться!

— Ахъ, Бетти, какое вы дитя! Ну, да, онъ ѣздилъ за Анкотомъ, привезъ его благополучно изъ Трувиля въ Парижъ къ миссисъ Аллисонъ и вообще заслужилъ нашу общую благодарность. А она въ это время утомилась, ухаживая за своею свекровью...

— И еще за такою свекровью, за такимъ сокровищемъ! — вставила Бетти.

— И я привезла ее сюда, чтобы она отдохнула до его возвращенія изъ Вильдгейма. Онъ, вѣроятно, пріѣдетъ сегодня вечеромъ.

— Ну, хорошо, я почти все это и раньше знала,—проговорила Бетти.—А каково же вы съ ней прожили эти десять дней?

— Я была очень довольна, что она у меня,—отвѣчала Марчелла,—мнѣ жаль, что я не знала ея раньше.

Бетти посмотрѣла на подругу съ недовѣрчивой улыбкой.

— Интересно знать, какъ она себя чувствовала. Вѣдь съ вами не особенно легко ужиться.

— Я это знаю,—вздохнула Марчелла,—но, мнѣ кажется, она не чувствовала себя несчастной.

— Слушайте, — вскричала Бетти, — говорите мнѣ, наконецъ, правду! Вы ее очаровали? Она васъ обожаетъ?

— Бетти, какія глупости!

— Навѣрно такъ. Я предчувствую, что съ вами будетъ черезъ нѣсколько лѣтъ,—сказала Бетти задумчиво.—Когда вы были моложе, вы никогда не сходились съ женщинами, вы ихъ не любили, и онѣ васъ тоже; а теперь я замѣчаю, что многія молодыя женщины, особенно недавно вышедшія замужъ, начинаютъ говорить о васъ; черезъ нѣсколько лѣтъ, онѣ всѣ соберутся вокругъ васъ, точно стая голубокъ, и будутъ ворковать, исповѣдываться вамъ и превращать вашу жизнь въ каторгу.

— Отлично, пусть съ васъ начнется, — отвѣчала Марчелла, смѣясь. — Я готова слушать васъ. Скажите, каково чувствуетъ себя Франкъ послѣ своего важнаго рѣшенія?

— Франкъ? я вамъ прямо скажу, что его чувства — позоръ для жены его. Уничтоженіе всѣхъ моихъ честолюбивыхъ замысловъ заботитъ его столько же, сколько прошлогодній снѣгъ!

Дѣйствительно, важный шагъ былъ сдѣланъ. Три года поддерживала Бетти мужа въ роли политическаго дѣятеля, писала ему рѣчи, навязывала ему убѣжденія, всячески старалась сдѣлать изъ него государственнаго человѣка. Но у молодого человѣка не было никакихъ убѣжденій, кромѣ одного, что Богъ создалъ его сельскимъ сквайромъ и охотникомъ. Наконецъ, онъ отчасти возсталъ противъ ея деспотизма, отчасти впалъ въ меланхолію, и Бетти должна была уступить. Она отказалась отъ мечты увидѣть мужа на министерской скамьѣ, но за то вернула себѣ его пылкую любовь и для нея начался второй медовый мѣсяцъ.

— Франкъ былъ у меня вчера,—съ улыбкой замѣтила Марчелла.

Бетти подскочила на мѣстѣ.

— Что онъ говорилъ? Говорилъ онъ вамъ, что я ангелъ? Повторите мнѣ все, что онъ сказалъ, и я тѣломъ и душой отдамся лэди Тресседи.

— Шшъ!—Марчелла приложила палецъ къ губамъ,—она идетъ.

Лэди Тресседи, дѣйствительно, вышла изъ боковой двери дома и медленно подходила къ пріятельницамъ, сидѣвшимъ на террасѣ. Лэди Ливенъ окинула ее проницательнымъ взглядомъ, сдѣлала вполголоса какое-то замѣчаніе и подошла съ милой улыбкой поздороваться съ ней.

Летти какъ-то нервно отвѣтила на ея привѣтствіе, Марчелла встрѣтила ее улыбкой и указала ей на низенькій стулъ подлѣ себя; она сѣла, продолжая держаться натянуто. Она, очевидно, боялась лэди Ливенъ, которая была далеко не любезна съ нею въ Кэстль-Лютонѣ.

Но Бетти была обезоружена. «Противная жеманница» поблѣднѣла, подурнѣла, казалась угнетенной и мало говорила.

Бетти, по обыкновенію, болтала за всѣхъ. Она жаловалась, что нѣтъ никого мужчинъ, что не стоило наряжаться ради дамской компаніи, потребовала, чтобы Марчелла перечислила ей гостей, которыхъ ожидала къ обѣду, и всякое имя сопровождала болѣе или менѣе язвительными комментаріями.

Летти, которая, мѣсяцъ тому назадъ, вставила бы и свои колкія замѣчанія, чтобы показать, что ей извѣстны всѣ лица, о которыхъ говоритъ Бетти, теперь сидѣла съ разсѣяннымъ видомъ и съ трудомъ могла заставить себя улыбаться.

— А сэръ Джоржъ тоже пріѣдетъ сегодня вечеромъ?—спросила лэди Ливенъ.

— Да, я ожидаю мужа сегодня,—холодно отвѣчала Летти.

Бетти напрасно старалась уловить выраженіе ея глазъ, устремленныхъ вдаль. Вдругъ, къ удивленію лэди Тресседи, она нагнулась къ ней положила свою маленькую ручку на ея руку и, кивнувъ головой на Марчеллу, спросила громкимъ полушопотомъ.

— Пожалуйста, скажите мнѣ откровенно ваше мнѣніе о ней, какъ о владѣтельницѣ помѣстья?

Летти не нашлась, что отвѣтить, и засмѣялась, чтобы скрыть свое смущеніе; но Бетти продолжала болтать:

— Замѣтили вы, что она обращается съ своихи слугами, точно съ больничными сидѣлками; что они начинаютъ и кончаютъ работу въ опредѣленные часы; что на заднемъ дворѣ у нея построены мастерскія и школы искусствъ, гдѣ они берутъ уроки; что ея выѣздной лакей сочинилъ кантату, которая получила премію (пожалуйста, не перебивайте, Марчелла, нѣчто подобное было); что она учитъ конюховъ и прачекъ старымъ аглійскимъ пляскамъ, и разъ въ недѣлю сама показываетъ свои картины всѣмъ желающимъ? Я одинъ разъ пріѣхала посмотрѣть, какъ она это дѣлаетъ—представьте, она вмѣстѣ съ торговцемъ желѣза изъ Герслея мѣрила уши у фигуръ Гольбейна, оказывается, что на-

добно, чтобы понять картину, смѣрить уши и пальцы всѣхъ фигуръ, я этого не знала и убѣжала прочь, а она не сказала со мной ни слова. Потомъ вы, можетъ быть, также не знаете, что она придумала какія-то оригинальныя правила для охраненія дичи, что она изм ѣнила всѣ цѣны на рабочія руки — объ этомъ, впрочемъ, писали въ газетахъ, и множество тому подобныхъ вещей. Разсказывала она вамъ объ этомъ?

— Она не говорила со мной ни о чемъ подобномъ,—нерѣшительнымъ голосомъ отвѣчала Летти.

— Я, дѣйствительно, не понимаю многаго, что здѣсь дѣлается.

— И не пытайтесь понимать, — сказала Марчелла, смѣясь, а потомъ вздыхая.

Лэди Ливенъ продолжала болтать, а Летти молча наблюдала за хозяйкой дома. Не смотря на свое дѣйствительно несчастное положеніе, она пріѣхала въ Максвель-Кортъ, мечтая насладиться богатою, роскошною жизнью. Когда она увидѣла, что богатство можетъ являться для собственниковъ источникомъ нравственныхъ страданій, задачъ и обязанностей, о которыхъ другіе не имѣютъ понятія, это смутило и удивило ее. Конечно, на свѣтѣ должны быть богатые и бѣдные, господа и слуги. Отрицательное отношеніе Марчеллы къ установленному строю жизни возмущало Летти. Простой, можно сказать, спартанскій образъ жизни, какой вели владѣльцы этого обширнаго дома, вызывалъ въ душѣ ея протестъ. Тѣмъ не менѣе, когда Марчелла была къ ней ласкова, когда она усаживала ее на софу и просила отдохнуть, упрекая себя въ недостаткѣ вниманія къ ней; когда она вечеромъ провожала ее въ ея комнату и старалась окружить ее всевозможнымъ комфортомъ и даже роскошью, которую отвергала для себя, когда она, хотя рѣдко и сама блѣднѣя, говорила ей нѣжнымъ, ободряющимъ голосомъ о возвращеніи Джоржа, тогда въ душѣ ея являлось какое-то небывалое смутное ощущеніе, которое вызывало слезы на ея глаза и открывало ей новые горизонты. Марчелла ни разу не цѣловала ее послѣ ихъ объясненія; они называли другъ друга лэди Тресседи и лэди Максвель; но иногда, когда Марчелла, стоя подлѣ нея, спокойно разговаривала объ Анкотахъ и о разныхъ другихъ лондонскихъ знакомыхъ или разспрашивала ее о ея жизни въ Фёртѣ, въ умѣ ея мелькала мысль, какъ было бы пріятно сдѣлаться другомъ такого рода женщины, почувствовать еще разъ объятія ея рукъ, но уже не изъ жалости, не такъ, какъ въ тотъ разъ, когда она силилась изгнать изъ нея злого духа, а изъ простой любви, изъ любви, которая умѣетъ не только давать, но и брать. Летти никогда не знала нѣжной, женской дружбы. Теперь, при неожиданномъ поворотѣ въ ея жизни, она желала ея, стремилась къ ней, но постоянно останавливалась передъ вопросомъ: Какое право имѣю я на это?

Послѣ ихъ перваго бурнаго объясненія, Марчелла еще разъ говорила съ нею на ту же тему. Она подробно и спокойно разсказала ей всю исторію своей дружбы съ Джоржемъ до самой послѣдней сцены. Эту сцену она не рѣшилась передать вполнѣ. Да это было и не нужно. Ревность Летти давно подсказала

ей, въ чемъ дѣло. Но когда все было разсказано, Летти съ досадой замѣтила, какъ мало можно было разсказывать. Въ глубинѣ души она знала, какое дѣйствіе это немногое произвело на душу Джоржа. Всѣ мысли ея мужа были поглощены другимъ идеаломъ, которому она была чужда; она не могла отрицать, что онъ сильно страдалъ. Довольно было вспомнить выраженіе его лица въ ту несчастную ночь, когда онъ просилъ ее простить его, а она убѣжала прочь. Но страдалъ изъ-за чего? Нѣсколько разговоровъ о политикѣ, нѣсколько посѣщеній бѣдняковъ, обыкновенная услуга, оказанная при несчастномъ приключеніи на улицѣ, нѣсколько встрѣчъ въ палатѣ и въ другихъ мѣстахъ.

Гордость Летти страдала именно отъ того, что вина Мерчеллы была такъ незначительна, это показывало ей, какъ не прочно было ея собственное вліяніе на мужа.

Разъ только голосъ Марчеллы дрогнулъ и краска залила ея щеки, когда она заставила себя разсказать о томъ вечерѣ въ Миль-Эндѣ, гдѣ она воспользовалась личнымъ вліяніемъ для политическихъ цѣлей. Но Боже мой! Летти даже не понимала, почему Марчелла раскаивается въ этомъ. Вѣдь, все это дѣлалось для Максвеля! По мѣрѣ того, какъ Летти уясняла себѣ все дѣло, и какъ въ тиши Максвель-Корта она наблюдала взаимныя отношенія мужа и жены, чувство самоуниженія все возрастало въ ней.

Можно бы подумать, что съ этимъ вмѣстѣ возрастетъ ея негодованіе противъ Джоржа. Но вліяніе новой нравственной атмосферы сказывалось на ней. Всѣ сцены недѣли, предшествовавшей кризису, возбуждали въ ней теперь болѣзненное чувство стыда. Она видалась съ Джоржемъ послѣ того, какъ онъ уѣзжалъ въ Парижъ къ Анкоту. Телеграмма, посланная ему Марчеллой въ тотъ вечеръ, когда съ его матерью сдѣлался сильный припадокъ, была опровергнута на слѣдующій день. Лэди Тресседи, вслѣдствіе странныхъ скачковъ своей болѣзни, въ нѣсколько часовъ вернулась отъ смерти къ жизни, и къ жизни полной оживленія. Узнавъ, что Джоржу телеграфировали о ея припадкѣ, она немедленно послала ему другую телеграмму, прося его не возвращаться: «Я еще не умерла,—писала она ему въ тотъ же день,—не смотря на всю возню, какую они подняли около меня. Мнѣ просто стыдно вспомнить, какой у тебя былъ мертвенно-блѣдный цвѣтъ лица, когда ты приходилъ ко мнѣ въ послѣдній разъ. Прими мой совѣтъ, поживи въ Трувилѣ съ лордомъ Анкотомъ и повеселись. Что касается этого молодого человѣка, его мать очень глупа, если думаетъ, что ты, или кто другой, можете помѣшать ему жить, какъ онъ хочетъ. Странные, право, люди—эти благочестивыя женщины».

Летти отлично помнила, какъ обыкновенно держала себя ея свекровь, находила, что къ ней лично она нисколько не измѣнилась и тѣмъ болѣе удивлялась новымъ небывалымъ отношеніямъ между матерью и сыномъ. Годъ тому назадъ, лэди Тресседи готова была по самому пустому поводу вызвать его хотя бы изъ дальняго конца Индіи. Теперь же она постоянно думала и заботилась о немъ. Одинъ разъ Летти застала ее въ слезахъ, когда пришла повѣстка объ уплатѣ въ мѣсячный срокъ остального долга

Чапецкому. Увидавъ Летти, она съ досадой отерла слезы и Летти ничего не сказала.

Джоржъ вернулся черезъ десять дней по отъѣздѣ, очевидно, исполнивъ то дѣло, за которое взялся, хотя Летти такъ мало интересовалась Анкотами, что очень невнимательно просматривала ту часть его писемъ, гдѣ о нихъ говорилось. Письма эти, за исключеніемъ немногихъ неясныхъ фразъ, были посвящены исключительно Трувилю, Анкотамъ и колебаніямъ въ отношеніяхъ общества къ его рѣчи въ парламентѣ. Очевидно, онъ еще не въ состояніи былъ говорить о томъ, что произошло между ними.

Во время его пріѣзда мужъ и жена мало видѣлись другъ съ другомъ. Онъ остановился въ своей квартирѣ, она продолжала жить у свекрови. Впрочемъ, онъ и трехъ дней не провелъ въ Лондонѣ. Онъ поспѣшилъ въ Мальфордъ-Маркетъ, чтобы сказать обѣщанную рѣчь своимъ избирателямъ и, вслѣдъ за тѣмъ, по настоятельному совѣту докторовъ, поѣхалъ въ Вильдгельмъ съ матерью и пожилою редственницей, которую пригласилъ сопутствовать больной. Передъ отъѣздомъ онъ поблагодарилъ жену за ея вниманіе къ его матери и затѣмъ стоялъ нѣсколько минутъ молча очевидно, собираясь еще что-то сказать.

— Я, вѣроятно, проживу за границей недѣли двѣ,—проговорилъ онъ, наконецъ,—надобно устроить ее какъ слѣдуетъ. Ты мнѣ еще не сказала, что ты намѣрена дѣлать. Не можешь ли ты попросить миссъ Тюлокъ поѣхать съ тобой въ Фертъ, или, можетъ быть, ты прогостишь это время у своихъ?

Ему очень хотѣлось спросить, была ли у нея лэди Максвель, какъ обѣщала; но Летти ни лично, ни въ письмѣ не упоминала о ея посѣщеніи, и онъ не рѣшался самъ заговорить объ этомъ. Пока онъ былъ съ женой и съ матерью, Марчелла не появлялась на Уарвикъ-скверѣ, а свиданіе его съ Максвелемъ не могло состояться, такъ какъ они оба были слишкомъ заняты другими дѣлами.

Летти ничего не отвѣчала на его предложеніе, но когда онъ отвернулся отъ нея съ усталымъ видомъ, она сказала:

— Благодарю тебя, я не хочу ѣхать къ своимъ и вовсе не хочу жить въ Фёртѣ.

— Но, вѣдь, не можешь же ты остаться въ Лондонѣ. Здѣсь нѣтъ ни души, тебѣ будетъ слишкомъ скучно.

Онъ съ тревогой смотрѣлъ на нее, боясь какимъ-нибудь неосторожнымъ словомъ вызвать непріятную сцену, тогда какъ карета, которая должна была везти его на вокзалъ, уже стояла у подъѣзда.

Летти не торопливо встала, сложила свою работу, достала записочку изъ своей рабочей корзины и положила ее на столъ передъ нимъ.

— Можешь прочесть, если хочешь, вотъ куда я ѣду.—И она быстро вышла изъ комнаты.

Джоржъ прочелъ записку. Онъ сильно покраснѣлъ и началъ торопливо заниматься приготовленіями къ отъѣзду. Когда жена его вернулась въ комнату, онъ подошелъ къ ней.

— Ты не могла придумать ничего лучшаго, чтобы спасти насъ обоихъ,—сказалъ онъ довольно сухо и не могъ придумать ни слова больше. Онъ привлекъ ее къ себѣ какъ бы для того, чтобы поцѣловать, но въ ней снова проснулось раздраженіе противъ него и она вырвалась изъ его объятій. Воспоминаніе объ этой минутѣ едва ли не болѣе всего прочаго заставило ее похудѣть и побѣднѣть, пока она жила въ Максвель-Кортѣ.

И вотъ сегодня вечеромъ онъ будетъ здѣсь. Она знала, что лордъ Максвель писалъ ему и приглашалъ его по возвращеніи изъ-за границы пріѣхать въ Кортъ, чтобы повидаться съ нею и чтобы разсказать на словахъ о томъ, какъ ему удалось исполнить свою задачу. Максвель говорилъ ей о своемъ желаніи увидѣть ея мужа, говорилъ въ такихъ дружескихъ выраженіяхъ и такимъ тономъ, какимъ можетъ говорить человѣкъ, получившій важную услугу отъ другого, младшаго. Но Летти по возможности избѣгала Максвеля; онъ и самъ неохотно оставался наединѣ съ этой женщиной, письмо которой производило на него гадливое впечатлѣніе. Онъ жалѣлъ ее, но чувствовалъ къ ней непреодолимое отвращеніе и удивлялся, что Марчелла можетъ быть такъ ласкова къ ней.

Послѣ чаю лэди Ливенъ не могла уже жаловаться на отсутствіе общества. Съ пятичасовымъ поѣздомъ наѣхало множество гостей и многіе мужчины охотно взялись занимать ее.

Лэди Тресседи смотрѣла на блестящее общество, наполнявшее террасу, съ грустнымъ сознаніемъ, что она забыта и никому не нужна. Она мрачно повторяла сама себѣ, что здѣсь никто не станетъ разговаривать съ ней, что она не изъ ихъ круга, и среди нихъ у нея мало знакомыхъ.

И вдругъ, къ своему удивленію, она замѣтила, что многіе смотрятъ на нее съ очевиднымъ любопытствомъ и интересомъ. Она догадалась, что ея имя повторяютъ, и скоро Марчелла стала подводить и рекомендовать ей такихъ лицъ, любезность которыхъ доставила бы ей истинное наслажденіе нѣсколько недѣль тому назадъ. Румянецъ и хорошее расположеніе духа вернулись къ ней, она забыла о своей головной боли и стала оживленно разговаривать.

— Я очень счастливъ, лэди Тресседи, что имѣю возможность высказать вамъ, насколько я восхищаюсь замѣчательною рѣчью вашего супруга, — произнесъ вкрадчивымъ голосомъ сѣдоволосый генеральный прокуроръ, опускаясь на стулъ подлѣ нея.—Она не только спасла намъ билль, она дала палатѣ общинъ новаго оратора. Манера говорить, голосъ, содержаніе рѣчи, все было превосходно. Надѣюсь, что всѣ толки о томъ, будто онъ выходитъ изъ парламента, окажутся неосновательными. Пожалуйста, не позволяйте ему этого! Онъ очень скоро найдетъ свое настоящее мѣсто и вы будете гордиться имъ.

— Лэди Тресседи, я боюсь, что вы меня забылли,—произнесъ жалобный голосъ подлѣ нея и, повернувъ голову, Летти увидѣла Маделену, которая съ улыбкой подходила къ ней. — Вы знаете, мнѣ удалось проникнуть въ палату на то замѣчательное засѣданіе. Что это была за сцена! Вы, конечно, были тамъ?

Когда Летти съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ отвѣтила «нѣтъ», вокругъ нея раздались восклицанія удивленія.

— Знаете что, примите мой совѣтъ, моя дорогая лэди,—сказалъ генеральный прокуроръ покровительственнымъ тономъ, какимъ онъ обыкновенно говорилъ съ молодыми женщинами,—никогда не пропускайте рѣчей своего мужа. Намъ необходимо нужна домашняя критика. Если бы та лэди, которая сидитъ противъ насъ, не распекала меня иногда, я ничего не достигъ бы въ жизни.

И онъ указалъ глазами на жену, сидѣвшую въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него.

Послѣ этого къ Летти подошелъ м. Беннетъ, членъ отъ рабочихъ сѣвернаго округа, и сказалъ нѣсколько лестныхъ словъ о Джоржѣ. Частный секретарь министра Байль, пріѣхавшій въ Кортъ съ молодой женой, вспомнилъ о существованіи лэди Тресседи въ первый разъ послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ и удостоилъ ее своимъ изысканнымъ разговоромъ.

Наконецъ, Эдвардъ Уаттонъ отнесся къ ней съ родственною ласкою, какую до сихъ поръ никогда не выказывалъ ей и, усѣвшись подлѣ нея, сталъ оживленно говорить о Джоржѣ, о биллѣ и о положеніи дѣлъ въ Маркетъ-Мальфордѣ.

Скоро стало очевидно, даже для самой Летти, что до пріѣзда мужа она была наиболѣе интересною личностью для всего этого блестящаго собранія представителей торжествующей партіи.

Въ то же время она постоянно чувствовала, что хозяйка дома не забываетъ ее. Одинъ разъ, когда Марчелла проходила мимо нея, представивъ ей кого-то изъ гостей, Летти почувствовала, какъ чья-то рука нѣжно коснулась ея плечъ. Странное волненіе овладѣвало молодой женщиной.

Скоро ли пріѣдетъ Джоржъ? Вѣроятно, около семи, когда всѣ пойдутъ одѣваться. Онъ пріѣхалъ изъ Вильдгейма утромъ и долженъ былъ провести весь день въ Лондонѣ по дѣламъ.

XXII.

Летти лежала на софѣ въ своей комнатѣ. Горничная должна была сейчасъ войти къ ней, и она нетерпѣливо прислушивалась ко всякому звуку шаговъ, подходившихъ къ двери или проходившихъ мимо. Большіе часы въ залѣ пробили семь, и минуты тянулись для нея нестерпимо долго, пока она не услышала, наконецъ, какое-то движеніе въ корридорѣ и голосъ Максвеля:

— Вотъ ваша комната, сэръ Джоржъ.—Надѣюсь, вы не боитесь привидѣній. Эта самая древняя часть дома.

Летти вскочила. Она услышала, какъ запирали какую-то дверь, вслѣдъ затѣмъ открылась дверь уборной, и Джоржъ вошелъ.

— Однако же!—сказала она, встрѣчая его съ пылавшими щеками,—ты порядкомъ опоздалъ?

Онъ подошелъ къ ней и торопливо поцѣловалъ ее въ лобъ.

— Поѣздъ немного запоздалъ, но за то лошади ѣхали скоро.

Ее вдругъ поразила его необыкновенная блѣдность и истомленный видъ. И еще послѣ такого продолжительнаго отдыха! Отчего это? Изъ за любви къ женщинѣ, которая платила ему однимъ

сожалѣніемъ. Горькое чувство овладѣло ею. Она съ равнодушнымъ видомъ отвернулась отъ него.

— Тебѣ надобно поскорѣй одѣваться. Кто-нибудь разбираетъ твои вещи?

Онъ посмотрѣлъ на нее.

— Это все, что ты мнѣ скажешь?

Она ничего не отвѣчала.

— Я очень радъ, что вернулся къ тебѣ,—сказалъ онъ со вздохомъ,—хотя мнѣ... мнѣ было бы пріятнѣе, если бы мы встрѣтились не здѣсь. Но я никакъ не могъ отказаться отъ приглашенія. Ты прожила здѣсь двѣ недѣли?

— Да.

— А ты...—онъ запнулся,—ты много времени проводила съ лэди Максквель?

— Еще бы, живя въ ея домѣ!—Она остановилась, сердце ея сильно билось.—Я болѣе не осуждаю ее, если ты объ этомъ хотѣлъ спросить; она не думаетъ ни о комъ, кромѣ него.

Она рукой указала на корридоръ, гдѣ слышался голосъ Максвеля.

Онъ улыбнулся.

— Я радъ, что ты, наконецъ, поняла это,—сказалъ онъ спокойно.—И это все?

Онъ отошелъ было отъ нея, но при этомъ послѣднемъ вопросѣ быстро вернулся къ ней. Что-то въ его взглядѣ доставило ей удовольствіе, но она этого не выказала.

— Нѣтъ, не все.—Ея свѣтло-голубые глаза пронизывали его.—Зачѣмъ ходилъ ты къ ней въ то утро и отчего не говорилъ ты мнѣ объ этомъ?

— Если ты много времени проводила съ ней,—отвѣчалъ онъ, пожимая плечами,—ты, вѣроятно, знаешь все, что я могу тебѣ сказать.

— Нѣтъ,—возразила она,—она мнѣ многое разсказывала, но не это.

Онъ безпокойно прошелся по комнатѣ и затѣмъ вернулся къ ней.

— Ну, что же, дорогая моя, я сказалъ ей нѣсколько безутѣшныхъ и неблагородныхъ словъ. Теперь они забыты, какъ будто никогда не были произнесены. Это не было объясненіе въ любви, это былъ бредъ сумасшедшаго. Бери меня, каковъ я есть, и забудь ихъ. Я не хорошій человѣкъ, я это знаю, но я постараюсь исправиться.

— Подожди немного,—сказала она жестко, отступая отъ него.—Ты еще очень многаго не знаешь. Напримѣръ, знаешь ли ты, что я писала къ Максвелю? Я писала ночью, и онъ получилъ письмо въ то самое утро, когда ты былъ у нея.

— Ты писала Максвелю!—вскричалъ онъ съ удивленіемъ.—Жаловалась на нее,—прибавилъ онъ про себя,—Боже мой!

Онъ опять отошелъ, стараясь овладѣть собою.

— Неужели ты воображалъ, что я буду сидѣть спокойно, когда ты меня бросаешь? Я, можетъ быть, была глупа, что не сразу поняла, какая она женщина, это другое дѣло; впрочемъ, она, конечно, должна была побольше думать обо мнѣ. Но это еще не все!

Рука ея, лежавшая на спинкѣ софы, дрожала. Джоржъ внимательно смотрѣлъ на нее.

— Въ тотъ день, когда ты уѣхалъ, я была въ Гемптонъ-кортѣ съ Люси. Казединъ былъ также тамъ. Я все время кокетничала съ нимъ и, когда мы съ нимъ шли лѣсомъ по берегу рѣки, онъ говорилъ мнѣ разныя неприличныя вещи и поцѣловалъ меня.

Брови ея были сжаты; глаза глядѣли на него вызывающе. Онъ молчалъ съ минуту, густая краска покрыла его блѣдное лицо. Онъ тяжело перевелъ духъ.

— Ну, что же мы, кажется, квиты,—съ горечью замѣтилъ онъ.—Видалась ты съ нимъ послѣ этого?

— Нѣтъ. Гріеръ стучитъ ко мнѣ; иди, одѣвайся.

Онъ остановился въ нерѣшительности; но Летти крикнула:—войдите!—и онъ удалился въ свою уборную.

Мужъ и жена сошли внизъ, не сказавъ больше ни слова другъ другу. Когда Джоржъ очутился, наконецъ, за столомъ между лэди Ливенъ и молодою миссисъ Байль, онъ почувствовалъ необыкновенную благодарность къ способности женщинъ болтать безъ умолку. Никогда еще не ощущалъ онъ такого нравственнаго утомленія, какъ здѣсь, въ великолѣпномъ домѣ Максвеля, за *ея* столомъ, утомленія, благодаря которому вся окружающая обстановка и даже воспоминанія о прежнихъ ощущеніяхъ казались ему тягостными.

Зачѣмъ онъ здѣсь? Всего мѣсяцъ тому назадъ въ такой же наполненной цвѣтами комнатѣ—передъ его мысленнымъ взоромъ постоянно стоялъ образъ ея головы и свѣтлаго платья на фонѣ пунцоваго мака—онъ нашелъ слова для выраженія чувствъ, для признанія, о которомъ со стыдомъ вспоминалъ теперь. И вотъ, черезъ нѣсколько недѣль онъ здѣсь пьетъ и ѣстъ съ Максвелемъ и съ нею, какъ будто ничего не случилось. О, какъ мелка, какъ пошла наша современная жизнь!

Неужели съ тѣхъ поръ прошло всего четыре, пять недѣль! Какъ много перестрадалъ онъ за это время! Пока Бетти должна была поневолѣ заняться своимъ сосѣдомъ по лѣвую руку, всѣ картины пережитаго за послѣдній мѣсяцъ пронеслись въ умѣ его. Нелѣпые кутежи Анкота, купающіеся на прибрежьѣ Трувиля, сѣрыя волны моря, капризы и жалобы матери, жаръ и толпа на водахъ въ маленькомъ нѣмецкомъ бадѣ, гдѣ онъ оставилъ ее,—неужели это онъ, Джоржъ Тресседи, проводилъ время съ этими людьми, среди этой обстановки? Это было почти невѣроятно. Единственно реальное, единственное, что оставило слѣдъ въ душѣ его,—это были часы уединенныхъ прогулокъ на берегу моря или въ большомъ лѣсу, примыкающемъ къ Вильдгейму.

Что въ сущности случилось съ нимъ? Послѣ нѣсколькихъ недѣль все возраставшаго безумія, онъ окончательно потерялъ самообладаніе, онъ заговорилъ языкомъ страсти, языкомъ любви, съ замужней женщиной, которая не думаетъ ни объ одномъ мужчинѣ въ свѣтѣ, кромѣ своего мужа, съ женщиной, которая немедленно передала всѣ его слова мужу и послѣ того съ удивительной добротой старалась исправить зло, причиненное ея же красотой. Въ первыя минуты потрясенный и своимъ поступкомъ, и ея огорче-

ніемъ, Джоржъ былъ безгранично благодаренъ ей за эти старанія и всѣми силами, хотя безуспѣшно, пытался помочь ей. Но ея попытки и участіе въ нихъ Максвеля налагали на него такое бремя, которое онъ не могъ больше переносить. Онъ принялъ приглашеніе Максвеля, но чувствовалъ, что дальше не можетъ играть той возвышенной роли, на какую она его обрекала. Онъ очень жалѣлъ, что пріѣхалъ сюда. Съ той самой минуты, какъ онъ ее увидѣлъ, какъ она протянула ему руку и привѣтливо, и въ то же время робко, онъ почувствовалъ, какъ безумно, какъ унизительно его присутствіе въ ея домѣ. Онъ не въ состояніи подняться до той высоты, какую она отъ него требуетъ; это требованіе чудовищно, почти смѣшно.

Что любилъ онъ въ ней? Не сама ли она своею ослѣпительной, безсознательной чистотою уничтожила въ немъ всѣ обычныя желанія и надежды чувственнаго человѣка? Самая мысль его приближалась къ ней съ благоговѣніемъ, останавливалась передъ ней колѣнопреклоненная. Иногда ему приходило въ голову, какъ изобразилъ бы его состояніе заурядный французскій романистъ, спеціалистъ по описанію жизни à trois. Безуміе и низость! Слава Богу! Въ человѣческихъ отношеніяхъ существуетъ больше оттѣнковъ, больше разнообразія, больше благородства и нравственной чистоты, чѣмъ воображаютъ нѣкоторые писатели. Онъ любилъ въ ней ея любовь, ея милосердіе, ея нѣжность, ея восторженность. Онъ слишкомъ поздно узналъ «лучшее»; узналъ, какія сокровища даритъ жизнь немногимъ, избраннымъ, чѣмъ можетъ быть для мужчины высоко развитая женщина. И онъ не могъ сдержать крика личнаго желанія, личнаго страданія!

Теперь все это кончено. Дружба между ними невозможна, невообразима. Онъ уѣдетъ домой, успокоитъ Летти и измѣнитъ свою жизнь. Въ послѣднее время онъ постоянно сознавалъ присутствіе въ себѣ, независимо отъ воли, рядомъ съ голосомъ страсти или гнѣва, иной голосъ, голосъ нравственнаго долга. Онъ съ нѣкоторой досадой замѣчалъ, что въ его натурѣ заложено было нѣчто, унаслѣдованное отъ цѣлаго ряда предковъ, соблюдавшихъ законъ, какъ они его понимали. Онъ чувствовалъ, что его нравственное существо подчиняется тому же «долгу», какой руководилъ ихъ болѣе узкимъ умомъ, болѣе бѣдною жизнью.

Въ минуты кризисовъ присутствіе или отсутствіе этой нѣмой, обязательной власти составляетъ все различіе между людьми. Онъ чувствовалъ эту власть и зналъ, что подчинится ей. Да, онъ поѣдетъ домой, добьется прощенія жены, будетъ воспитывать своихъ дѣтей—онъ надѣялся, что Богъ пошлетъ ему дѣтей—и обуздаетъ свое сердце. Какъ странно чувствовать всю эту бурю, бушующую въ душѣ среди этой обстановки, въ этой комнатѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея...

— Слава Богу! наконецъ, я освободилась отъ своего кавалера,—смѣясь, прошептала ему Бетти.—Я узнала исторію трехъ поколѣній собакъ отъ ихъ колыбели до могилы. Вы должны вознаградить меня, сэръ Джоржъ! Разскажите мнѣ все объ Анкотѣ. Только не будьте скрытны, я уже многое знаю. Какъ онъ васъ встрѣтилъ?

Джоржъ засмѣялся и ея нетерпѣливымъ вопросамъ, и тѣмъ воспоминаніямъ, какія вызывали ея слова. Онъ чувствовалъ, что ему будетъ лучше, если онъ станетъ разсказывать.

— Прежде всего онъ предложилъ мнѣ стрѣляться въ саду своего шале; онъ говорилъ, что я подосланъ его врагами. Они помѣшали пріѣхать къ нему женщинѣ, которую онъ любилъ, и сдѣлали его смѣшнымъ. Какъ представитель ихъ, я долженъ мужественно принять всѣ послѣдствія своей роли. Говоря это, онъ бурно носился по комнатѣ въ удивительномъ смокингѣ синемъ съ вышивками. Я отвѣчалъ ему, что онъ лучше сдѣлаетъ, если сперва дастъ мнѣ пообѣдать, а послѣ мы продолжимъ этотъ разговоръ. Онъ смутился и заявилъ, что у него обѣдаютъ сегодня пріятели.— «Tant mieux» (тѣмъ лучше), отвѣчалъ я. Онъ сердито спросилъ, считаю ли я возможнымъ для джентльмена являться безъ приглашенія на обѣдъ; я сказалъ, что слишкомъ голоденъ и не могу разсуждать. Тогда онъ гордо вышелъ изъ комнаты и прислалъ слугу, который провелъ меня въ мою спальню. Анкотъ еще разъ пытался выпроводить меня и назвалъ мнѣ двухъ господъ, которые готовы были явиться моими секундантами. Я замѣтилъ ему, что заставить меня уйти безъ обѣда будетъ чистѣйшимъ варварствомъ съ его стороны. Тогда онъ какъ-то странно разсмѣялся и сказалъ: «Хорошо, только помните, я васъ не приглашалъ». Какъ и надо было ожидать, я попалъ къ нему на пиръ.

— Не разсказывайте подробностей пира,—прервала его Бетти.

— Да, общество не отличалось святостью; въ числѣ гостей были двѣ женщины.

— И о женщинахъ лучше не говорите,—замѣтилъ Бетти.

— Я упомянулъ о нихъ только потому, что это необходимо для моей исторіи. Анкотъ скоро пересталъ стѣсняться мною и велъ себя при мнѣ такъ, какъ, вѣроятно, велъ бы безъ меня. Когда гости ушли, я спросилъ его, неужели онъ намѣренъ продолжать разъигрывать фарсъ великой страсти. Онъ очень разсердился и сталъ увѣрять что если бы *она* пріѣхала, никто изъ этой дряни, изъ этихъ мужчинъ и женщинъ не смѣлъ бы являться сюда, что онъ, конечно, и близко не пустилъ бы ихъ къ любимой женщинѣ. Я отвѣчалъ, что не берусь судить о его любовныхъ дѣлахъ, такъ какъ они слишкомъ сложны, и сталъ говорить съ нимъ откровенно о его матери. Онъ поблѣднѣлъ, когда я ему сказалъ, что она оставитъ его домъ, если лондонская исторія будетъ продолжаться. Мы съ нимъ большую часть ночи ходили по его саду и разговаривали, хотя я еле держался на ногахъ отъ усталости.

Анкотъ безпрестанно ходилъ на балконъ и пилъ водку съ содовой водой, а въ промежуткахъ угощалъ меня разглагольствованіями противъ брака, противъ англійской чопорности и англійскихъ женщинъ, тирадами изъ Готье и Ренана и Богъ знаетъ откуда; наконецъ, когда мы оба страшно устали, онъ вдругъ остановился и произнесъ свой ультиматумъ: «Поѣзжайте назадъ и скажите матери, что если она немедленно выйдетъ замужъ за Фонтеноя, я откажусь отъ Маргариты».—Я отвѣчалъ, что не могу передать

*

такого дерзкаго порученія.—«Хорошо,—сказалъ онъ,—я самъ скажу ей это. Сообщите ей, что я буду въ Парижѣ на будущей недѣлѣ и прошу ее встрѣтить меня тамъ. Когда вы уѣзжаете?» Я напомнилъ ему, что для сношеній съ людьми существуетъ почта, и что, разъ я заѣхалъ такъ далеко, мнѣ хочется пробыть въ Трувилѣ нѣсколько дней. Онъ что-то проворчалъ, и мы легли спать. Послѣ этого онъ былъ очень любезенъ со мной, не пускалъ меня уѣзжать и въ концѣ концовъ я съ нимъ разстался у дверей отеля, гдѣ онъ долженъ былъ встрѣтить мать. Но относительно Фонтеноя онъ твердо держится своей идеи. Когда гордость его не станетъ болѣе страдать отъ постоянныхъ толковъ о томъ, что мать принесла ему въ жертву собственное счастіе и Фонтеной займетъ опредѣленное положеніе, я думаю, онъ станетъ сговорчивѣе. Тогда они, пожалуй, могутъ женить его.

— Вотъ какъ разсуждаютъ мужчины,—вскричала Бетти.—Точно всякая женщина готова выйти за всякаго мужчину!

— Я думалъ о миссисъ Аллисонъ,—сказалъ Джоржъ.—Согласитесь, что пока она существуетъ, нельзя себѣ представить миссисъ Анкотъ.

— Не оправдывайтесь, пожалуйста. А знаете, здѣсь въ воздухѣ пахнетъ свадьбой. Разговаривали вы съ лэди Маделеной?

— Нѣтъ еще. Но какъ она похорошѣла! Кажется, Незби близокъ къ цѣли?

Джоржъ съ улыбкой обратился къ своей собесѣдницѣ; но подъ улыбкой было что-то холодное и безжизненное, что болѣзненно отозвалось въ сердцѣ маленькой Бетти. Марчелла ничего не разсказывала ей, но въ городѣ ходило много сплетень, и самое пребываніе Летти въ Максвель-Кортѣ заставляло друзей почти угадывать истину. Она старалась поддерживать веселый разговоръ, чтобы сколько-нибудь развлечь его; но мало-по-малу вниманіе ихъ сосредоточилось какъ-то невольно на двухъ фигурахъ изъ всей толпы сидѣвшихъ за столомъ—на Летти Тресседи, которая разсѣянно, съ унылымъ взглядомъ слушала Эдварда Уаттона, и на лэди Максвель.

Джоржъ, въ сущности, постоянно наблюдалъ за женой. Съ одной стороны, ему страстно хотѣлось знать всѣ подробности ея свиданія съ лэди Максвель, а съ другой—онъ съ отвращеніемъ думалъ о ея письмѣ къ Максвелю. Если бы онъ зналъ раньше о существованіи этого письма, онъ ни за что не пріѣхалъ бы сюда. Ея признанія относительно Казедина не возбуждали въ немъ ни гнѣва, ни волненія. Онъ постарается не пускать близко къ своему дому вредоносное животное—вотъ и все. Въ этомъ виноватъ, вѣроятно, онъ самъ больше, чѣмъ она. Внутренній голосъ, по прежнему, говорилъ ему:

— Я долженъ увезти ее домой и быть снисходительнымъ къ ней. Она ничего не скрыла и ждетъ отъ меня того же.

— Замѣтили вы брилліанты, которые надѣты сегодня на лэди Максвель?—спросила Бетти—Они принадлежали Маріи-Антуанеттѣ. Максвелю едва удалось уговорить ее отдать вычистить и отдѣлать ихъ. Какъ жаль, когда люди совѣстятся пользоваться красивыми вещами!

— Неужели же брилліанты и рубины должны быть уничтожены?—разсѣянно спросилъ онъ, а глаза его не могли оторваться отъ ея изящной головы и шеи.

Бетти сдѣлала какое-то шутливое замѣчаніе, но, посмотрѣвъ на него пристальнѣе, она перестала смѣяться.

Передъ обѣдомъ Джоржъ перекинулся лишь нѣсколькими словами съ хозяйкой дома, а послѣ обѣда они очень недолго поговорили другъ съ другомъ. Каковы бы ни были ея мечты и намѣренія, очутившись лицомъ къ лицу съ нимъ, она, очевидно, почувствовала, такъ же какъ и онъ, что прошлое не можетъ быть уничтожено, и что товарищескія отношенія между ними невозможны. Во время ихъ разговора онъ замѣтилъ, что глаза ея искали Летти; сдѣлавъ ему нѣсколько вопросовъ объ Анкотѣ и о его матери, она заговорила очень горячо о томъ, что Летти утомилась, ухаживая за больной, что ей нуженъ покой и перемѣна жизни. Джоржъ не безъ нѣкотораго скрытаго сарказма замѣтилъ, что она хочетъ руководить имъ, оказывать на него вліяніе. Не смотря на свою страстную благодарность къ ней, онъ невольно спрашивалъ себя, неужели она воображаетъ, что человѣкъ или семейная жизнь могутъ быть передѣланы заново даже такими ловкими пальцами, какъ ея? Женщины слишкомъ легко, почти по дѣтски смотрятъ на подобныя вещи.

Когда онъ отошелъ отъ нея, его окружило цѣлое общество мужчинъ и женщинъ, съ которыми онъ уже говорилъ до обѣда, и онъ сдѣлался центромъ оживленнаго разговора о политическомъ положеніи дѣлъ. Никогда не встрѣчалъ онъ такого сочувственнаго, можно сказать, почтительнаго отношенія къ себѣ. Очевидно, ему стоитъ только захотѣть и то, что онъ считалъ гибелью, сдѣлается основаніемъ его карьеры.

Пустяки! онъ все это броситъ, когда начнется новая парламентская сессія, въ февралѣ. Не говоря о другомъ, этого требуетъ и его матеріальное положеніе. Работы въ копяхъ все еще стоятъ. Ему надобно ѣхать домой и заняться своими личными дѣлами. Глупо было и браться за общественную дѣятельность. Не смотря на то, почетный пріемъ въ обществѣ, среди котораго находились наиболѣе просвѣщенные умы Англіи, дѣйствовалъ на него возбуждающимъ образомъ. Они спрашивали его мнѣнія, прислушивались къ его сужденіямъ, и онъ не обманулъ ихъ ожиданій. Летти, отъискавъ его глазами, увидѣла, что онъ говоритъ съ большимъ жаромъ, и подумала съ горечью, что онъ имѣетъ совершенно здоровый видъ и, вѣроятно, будетъ жить такъ, какъ будто ничего не случилось.

— Что съ вами сегодня, милэди,—говорилъ Незби, садясь на стулъ подлѣ хозяйки. — Сочтете вы меня нескромнымъ, если я попробую угадать, отчего вы не въ духѣ? Въ недовольны, что надѣли эти брилліанты? Лэди Ливенъ разсказывала мнѣ о нихъ цѣлыя исторіи. Они дѣйствительно великолѣпны! Я вполнѣ сочувствую вамъ.

— Послушайте,—сказала она,—вы пришли ко мнѣ, какъ другъ или какъ врагъ? Я сегодня не въ воинственномъ настроеніи, но мнѣ о многомъ надобно поговорить съ вами.

— И мнѣ съ вами,—съ готовностью отвѣчалъ онъ.—Во-первыхъ, я долженъ сообщить вамъ самыя свѣжія новости изъ Мильэнда.

Она сдѣлала видъ, что съ нетерпѣніемъ ждетъ его разсказа. На самомъ дѣлѣ передъ его приходомъ она была поглощена мыслью о Тресседи и охвачена такою жалостью къ нему, что забыла на время свои обязанности любезной хозяйки. Разсказъ Незби заставилъ ее очнуться. Послѣ того, какъ прошелъ билль Максвеля, Незби и нѣкоторые пріятели его изъ «золотой молодежи» съ помощью опытныхъ членовъ рабочихъ союзовъ составили планъ промышленной реорганизаціи цѣлаго округа. Старыя мастерскія предполагалось перестроить, улучшить или совсѣмъ закрыть, открыть всюду фабрики, съ гигіеническими приспособленіями, не слишкомъ тяжелой работой и уменьшеннымъ числомъ рабочихъ часовъ. Большая часть этихъ предположеній была извѣстна женѣ Максвеля, она даже помогала Незби при составленіи его плановъ. Но она уже двѣ недѣли не была въ Лондонѣ, и Незби разсказалъ ей, какъ подвинулось за это время ихъ дѣло, и какъ сочувственно относятся къ нему многіе изъ рабочихъ Эстъ-энда. Когда онъ кончилъ свой подробный отчетъ, отвѣчалъ на ея вопросы и выслушалъ ея замѣчанія, они оба замолчали. Она отклонилась на спинку стула и внимательно глядѣла на него.

— Что вы еще хотите сказать мнѣ?—спросила она.

Она оглядѣлась вокругъ, чтобы убѣдиться, что ихъ никто не слышитъ.

— Когда видѣли вы въ послѣдній разъ Маделену?

— Двѣ недѣли тому назадъ, въ домѣ ея брата.

— Была она съ вами любезна?

Онъ прикусилъ губу и сдвинулъ брови.

— Вы, кажется, намѣрены дѣлать мнѣ формальный допросъ?

— Да, отвѣчайте!

— Я не знаю, какъ она понимаетъ слово «любезна»; кажется, не такъ, какъ я. Она вообразила, что я ее жалѣю, и сочла это преступленіемъ съ моей стороны. Я не съумѣлъ переубѣдить ее и долженъ былъ удалиться.

Онъ говорилъ съ дѣланною беззаботностью, но, очевидно, былъ огорченъ.

— Вы знаете, гдѣ лэди Маделена теперь?

— Не имѣю понятія.

— Въ Длинной галлереѣ. Я ее туда послала.

— Честное слово, вы, кажется, хотите всѣми нами управлять!—вскричалъ онъ съ нѣкоторой досадой въ голосѣ.

По лицу ея пробѣжала тѣнь.

— Ахъ нѣтъ, нѣтъ,—отвѣчала она,—вы навѣрно этого не думаете!

— Я отлично зналъ, гдѣ она,—улыбаясь, сказалъ онъ,—но я зналъ также, что миссисъ Байль въ Длинной галлереѣ. Теперь путь свободенъ, какъ видите.

Онъ ушелъ. Марчелла оглянулась и увидѣла изящную, молодую миссисъ Байль, быстрыми шагами возвращавшуюся въ гостиную.

Марчелла съ полуулыбкой отложилась на спинку кресла, на глазахъ ея были слезы. Вновь зарождавшееся счастіе нѣсколько смягчало старое горе.

Ночь была теплая и тихая, всѣ окна стояли открытыми, какъ было въ маѣ, въ Кэстль-Лютонѣ. Максвель отыскалъ Тресседи и повелъ его на большую террасу, которая тянулась во всю длину дома.

Они сначала говорили объ Анкотѣ, и Джоржъ разсказывалъ разныя подробности его жизни и обстановки, вызывавшія мрачную усмѣшку Максвеля. Что касается миссисъ Аллисонъ, то, по словамъ Максвеля, Анкотъ добился своего; говорятъ, свадьба будетъ зимой.

— Фонтеной получилъ награду за долготерпѣніе, — замѣтилъ Джоржъ.

— Она лѣтъ на 12-ть старше его, — сказалъ Максвель, — но есть женщины, которыя не старятся. Я видѣлъ, какъ она переносила несчастія, которыя способны были бы убить большинство женщинъ; для нея это была буря, пронесшаяся надъ цвѣткомъ.

— Я думаю, что религія служила ей главнымъ утѣшеніемъ,— равнодушно проговорилъ Джоржъ; теперь, когда онъ исполнилъ свою задачу, ни миссисъ Аллисонъ, ни ея дѣла нисколько не интересовали его. Максвель согласился, что главною опорою миссисъ Аллисонъ была ея религіозность и затѣмъ перешелъ къ другой темѣ:

— Позвольте мнѣ, теперь, — проговорилъ онъ, — сказать нѣсколько словъ о васъ самихъ. Неужели ваше рѣшеніе выйти изъ парламента неизмѣнно?

Отвѣтъ Джоржа повелъ къ спору, въ которомъ Максвель, не пытаясь склонять его на сторону своей партіи, старался доказать молодому человѣку, что онъ напрасно возмущается шаткостью собственныхъ убѣжденій и политическою игрою партій.

— Къ какой партіи принадлежу я? — говорилъ Джоржъ. — Я самъ не знаю. Мнѣ вовсе не слѣдовало вступать въ парламентъ. Во всякомъ случаѣ, я на время долженъ удалиться отъ общественной жизни.

— Но ваши мальфордскіе избиратели, кажется, желаютъ имѣть васъ своимъ представителемъ.

— Я, конечно, постараюсь, насколько возможно, сообразоваться съ ихъ желаніями, — неохотно проговорилъ Джоржъ и не прибавилъ ни слова больше.

Максвель выказывалъ самое искреннее расположеніе къ молодому человѣку, самое серьезное желаніе пріобрѣсти его довѣріе, Джоржъ сознавалъ, что все это весьма лестно и утѣшительно, но не могъ платить взаимностью. Въ душѣ его царилъ мракъ, голова его была гораздо больше занята проклятымъ письмомъ, о которомъ не могъ не вспоминать его собесѣдникъ, чѣмъ мечтами о политической карьерѣ. Разговоръ кончился; Максвель чувствовалъ неловкость и разочарованіе Онъ подумалъ про себя, что Марчелла увлекается мечтами и заставляетъ его принимать въ нихъ участіе.

Прежде чѣмъ, разойтить на ночь по своимъ комнатамъ, лэди

остановились блестящей группой на площадкѣ большой дубовой лѣстницы, зажигали свѣчи и болтали. Маделена Пенлей разсѣянно взяла свѣчу изъ рукъ Марчеллы и ничего не сказала. Оригинальное лицо дѣвушки, въ коронѣ изъ золотисто-рыжихъ волосъ, сіяло почему-то необыкновенной красотой. Полуоткрытый ротъ и приподнятыя брови придавали ему выраженіе радостнаго изумленія, точно будто она, наконецъ, проникла въ «самую суть любви».

— Я сейчасъ приду къ вамъ,—сказала Марчелла, цѣлуя дѣвушку.

— О, да, пожалуйста, приходите!—отвѣчала Маделена и быстро скрылась въ длинномъ темномъ корридорѣ.

Марчелла посмотрѣла ей вслѣдъ и обратилась къ Летти Тресседи. Выраженіе лица ея быстро измѣнилось.

— Кажется, вы весь вечеръ страдали головной болью,—сказала она виноватымъ голосомъ, — позвольте мнѣ проводить васъ.

Она пошла за Летти въ ея комнату и усадила ее въ кресло у камина, который ярко пылалъ, не смотря на теплую погоду. Летти слегка дрожала и наклонилась къ огню.

— Неужели вамъ надобно уѣхать такъ рано?—спросила Марчелла.—Сэръ Джоржъ говорилъ, что на 10-ти-часовомъ поѣздѣ?

— Да, это будетъ лучше!—отвѣчала Летти.

Она смотрѣла въ огонь и молчала. Марчелла опустилась на колѣни подлѣ нея.

— Вы больше не станете ненавидѣть меня? — спросила она тихимъ, умоляющимъ голосомъ, сжамая ея холодныя руки.

Летти посмотрѣла на нее.

— Мнѣ было бы пріятно,—проговорила она какъ бы съ усиліемъ,—если бы вы позволили мнѣ видиться съ вами иногда.

— Только дайте мнѣ знать, когда, и я пріѣду къ вамъ—быстро проговорила Марчелла. — О, повѣрьте!—сказала она послѣ нѣкотораго колебанія все тѣмъ же тихимъ голосомъ, — все можетъ быть исправлено! Только покажите ему свою любовь, забудьте все остальное и счастье вернется къ вамъ. Семейная жизнь дѣло трудное, это искусство, даже самые счастливые люди принуждены постоянно изучать его.

Усталые глаза Летти опустились подъ пристальнымъ взглядомъ другой женщины.

— Я не могу смотрѣть на жизнь такъ,—сказала она, безпокойно ворочаясь въ креслѣ.—Фёртъ такое ужасное мѣсто! Я его прямо не выношу!

Часъ спустя Марчелла распрощалась съ Маделеной Пенлей и возвратилась въ свою комнату. Улыбка и румянецъ, съ которыми она принимала послѣдніе счастливые поцѣлуи дѣвушки, сбѣжали съ лица ея, пока она шла по корридору. Голова ея опустилась, руки безсильно повисли.

Максвель нашелъ ее въ ея маленькой гостиной почти въ темнотѣ. Онъ сѣлъ подлѣ нея и взялъ ее за руку.

— Ты не могъ уговорить его остаться въ парламентѣ?—спросила она почти шопотомъ.

— Нѣтъ, онъ настаиваетъ на томъ, что долженъ выйти. Я думаю, что въ этомъ въ значительной степени виноваты его частныя дѣла въ Фёртѣ.

Она покачала головой и отвернулась отъ него. Онъ понялъ, что она плакала передъ его приходомъ и не находила словъ для выраженія своихъ чувствъ. Онъ поднесъ ея руку къ губамъ своимъ и нѣсколько разъ поцѣловалъ съ безконечною нѣжностью.

— О, зачѣмъ я такъ счаслива!—вскричала она, рыдая и почти отдергивая руку. — Такая жизнь, какъ моя, отнимаетъ и поглощаетъ долю счастья, предназначеннаго другимъ! Я богата потому, что присвоиваю себѣ радости другихъ, радости, которыхъ хватило бы на цѣлую сотню людей! А я еще порчу и ломаю...

Голосъ измѣнилъ ей.

— Въ концѣ концовъ судьба довольно справедлива,—сказалъ Максвель послѣ нѣкотораго молчанія. — Что касается Тресседи, никто не можетъ знать, что изъ него выйдетъ. Это человѣкъ не заурядный, натура сильная. Онъ оправится. Что касается жены... онъ навѣрно и теперь уже многимъ обязанъ тебѣ! Я видѣлъ, какъ она сегодня взглянула на тебя, когда ты дотронулась до ея плеча. Дорогая моя! какіе чары употребила ты?

— О, я сдѣлаю все, все, что могу! — повторила Марчелла тихимъ голосомъ, какъ бы принося клятву въ глубинѣ сердца.

— Онъ уѣдетъ завтра, и постарается не встрѣчаться съ нами,— спокойно сказалъ Максвель.—Въ этомъ я убѣжденъ.

Она съ безмолвною грустью кивнула въ знакъ согласія.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРІИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ.

П. Н. Милюкова.

(*Продолженіе* *).

III.

Профессіональный характеръ петровской школы.—Ея организація.—Первая сѣть провинціальныхъ школъ: цифирныя и архіерейскія школы, ихъ составъ и судьба послѣ Петра: сліяніе первыхъ съ гарнизонными школами, преобразованіе послѣднихъ въ семинаріи.—Неудачная попытка устроить народную школу.—Задачи петровской школы.—Ея сословность, какъ послѣдствіе профессіональнаго характера.—Начало общеобразовательныхъ школъ и ихъ неудача въ первую половину вѣка: академія наукъ, академическій университетъ и гимназія.—Переходный характеръ шуваловскихъ учрежденій: московскій университетъ, гимназіи въ Москвѣ и Казани.—Воспитательныя идеи Екатерины II.—Закрытыя учебныя заведенія, начало женскаго образованія въ Россіи.—Неудача воспитательной дѣятельности школы.—Устройство средней общеобразовательной школы: главныя и малыя училища.—Планы Янковича де-Миріево и ихъ осуществленіе на практикѣ.—Препятствія для правильнаго развитія общеобразовательной школы.—Цифровые результаты школьнаго образованія въ концѣ XVIII вѣка.—Проекты и попытки низшей народной школы.

Въ то самое время, когда братья Лихуды сочиняли и вводили въ академическое преподаваніе свои схоластическіе учебники, шестнадцатилѣтній Петръ усердно сидѣлъ надъ своими математическими тетрадками. Слогомъ, который не только не дѣлалъ чести его діалектикѣ и риторикѣ, но грѣшилъ даже и противъ грамматики и орѳографіи, онъ выводилъ правила аддиціи и субстракціи, рѣшалъ задачи по артиллеріи и астрономіи. Всѣмъ извѣстны послѣдствія этихъ математическихъ упражненій. Лѣтъ черезъ пять Петръ щеголялъ въ матросскомъ костюмѣ въ единственной тогда русской гавани, Архангельскѣ, и ломанымъ языкомъ повторялъ голландскія привѣтствія и ругательства. Еще черезъ пять лѣтъ, въ той же матросской курткѣ и съ нѣсколько бо́льшимъ запасомъ голландскихъ словечекъ, онъ точилъ, строгалъ, пилилъ и т. д. въ Амстердамѣ. Вернувшись домой, онъ сталъ требовать, чтобы и всѣ русскіе, желавшіе служить, умѣли точно также строгать, пилить, строить корабли и плавать на нихъ, какъ выучился самъ онъ.

Ближайшимъ средствомъ научиться всему этому было—поѣхать, подобно Петру, заграницу. Такъ и заставилъ онъ сдѣлать многихъ изъ своихъ сверстниковъ. Но заграницей русскій чело-

*) См. «Міръ Божій», № 10, октябрь 1896 г.

вѣкъ оказывался слишкомъ неподготовленнымъ и не могъ, какъ слѣдуетъ, воспользоваться путешествіемъ. Приходилось «не то языкамъ учиться, не то наукамъ», какъ жаловался одинъ изъ такихъ невольныхъ туристовъ. Поэтому, въ первую же свою поѣздку (1698) Петръ выписалъ въ Москву, для преподаванія математики и морскихъ наукъ, учителя—англичанина Фарвирсона. Въ 1701 году учреждена была «школа математическихъ и навигацкихъ наукъ», и Фарвирсонъ занялся съ этого времени обученіемъ русской молодежи—«добровольно хотящихъ, иныхъ же паче и со принужденіемъ»—мореплаванію на Сухаревой башнѣ.

Такимъ образомъ, рядомъ съ богословской профессіональной школой стала въ Москвѣ другая — профессіональная морская. Взглядъ правительства на цѣль образованія, въ сущности, еще не перемѣнился. И теперь, какъ и прежде, наука и школа должны были служить практическимъ потребностямъ государства. Только пониманіе этихъ потребностей измѣнилось: вмѣсто исправленія церковныхъ книгъ и охраненія вѣры, рѣчь шла теперь о преобразованіи арміи и флота.

Какъ видимъ, первая русская свѣтская школа явилась съ довольно случайной программой. Создавая ее, молодой реформаторъ меньше всего заботился объ удовлетвореніи потребности въ общемъ образованіи. Но жизнь сама исправила дѣло. Моряками, возвращавшимися изъ заграничныхъ командировокъ и кончившими курсъ въ навигацкой школѣ, приходилось слишкомъ часто пользоваться не какъ спеціалистами своего дѣла, а какъ образованными людьми вообще. Они становились и администраторами, и дипломатами, и учителями, и строителями, и геодезистами, и инженерами и т. д. Такимъ образомъ, самъ Петръ скоро долженъ былъ убѣдиться, что «не токмо къ морскому ходу нужна сія школа». Это не помѣшало навигацкой школѣ сохранить характеръ военно-морского учебнаго заведенія. Такимъ она осталась и послѣ переселенія своего, съ Петромъ, въ Петербургъ (1715), гдѣ она получила названіе «Морской академіи».

Обѣ академіи, «морская» и «славяно-греко-латинская», сдѣлались скоро двумя исходными пунктами цѣлой сѣти низшихъ школъ, учрежденныхъ Петромъ въ провинціи. Созданіе этой первой въ Россіи сѣти духовныхъ и свѣтскихъ школъ, собственно, и было тѣмъ огромнымъ шагомъ впередъ, который дѣлаетъ изъ петровскаго царствованія эпоху въ исторіи русскаго образованія. Безъ обѣихъ столичныхъ академій—устройство провинціальныхъ школъ было бы невозможно, такъ какъ для нихъ не откуда было бы взять учителей. Такимъ образомъ, по отношенію къ провинціальной школѣ «морская» и «славяно-греко-латинская академія» съиграли роль учительскихъ семинарій. Наоборотъ, для столичныхъ заведеній провинціальныя школы стали служить подготовительной ступенью. Низшая свѣтская школа давала предварительныя математическія свѣдѣнія; низшая духовная—сообщала познанія словесныя.

Въ одинъ годъ съ переселеніемъ въ Петербургъ навигацкой школы Петръ распорядился—разослать по губерніямъ по два ученика этой школы, выучившихъ геометрію и географію, «для науки

молодыхъ ребятокъ изъ всякихъ чиновъ людей». Въ силу этого распоряженія уже въ слѣдующемъ 1716 году открыто было въ разныхъ городахъ Россіи 12 школъ; къ нимъ въ 1720—22 г.г. присоединилось еще тридцать. Новая школа обучала ариѳметикѣ и геометріи, почему и получила названіе «цифирной» школы.

Къ счастью, мы имѣемъ возможность подвести итогъ дѣятельности цифирныхъ школъ за первое время ихъ существованія. По свѣдѣніямъ, собраннымъ въ 1727 году, набрано было въ эти школы учениковъ, охотой и силой, нѣсколько больше 2.000. По сословному составу ученики эти распредѣлялись на слѣдующія группы:

1. Изъ духовнаго званія	931	(45,4%)
2. Солдатскихъ (драгунскихъ, казачьихъ и пушкарскихъ) дѣтей	402	(19,6%)
3. Приказныхъ	374	(18,2%)
4. Посадскихъ	93	(4,5%)
5. Дворянъ и дѣтей боярскихъ	53	(2,5%)

Не на долго, однако же, удержали «цифирныя» школы этотъ составъ учениковъ. Едва указы объ устройствѣ школъ стали приводиться въ исполненіе, какъ тотчасъ же разныя группы населенія начали протестовать противъ новой для нихъ школьной повинности. Посадскіе люди первые стали просить—освободить ихъ отъ обязательной посылки дѣтей въ школы, такъ какъ дѣтямъ надо сидѣть за прилавкомъ пріучаться къ отцовскому ремеслу. Правительство удовлетворило требованіе горожанъ (1720) и цифирныя школы лишились части своихъ учениковъ. Несравненно важнѣе была конкурренція духовныхъ школъ съ цифирными.

Духовная школа въ провинціи явилась вслѣдствіе предписанія духовнаго регламента, обязавшаго архіереевъ открыть въ епархіяхъ школы при архіерейскихъ домахъ (1721). Въ исполненіе этого предписанія въ ближайшее пятилѣтіе (1721—1725) открыто было въ Россіи до 46 епархіальныхъ школъ. Такимъ образомъ, въ послѣдніе годы царствованія Петра чуть-ли не каждый (теперешній) губернскій городъ имѣлъ по двѣ школы: свѣтскую и духовную. Вербовать учащихся той и другой приходилось насильно; естественно, между обѣими началась борьба за учениковъ. Синодъ потребовалъ, чтобы дѣти духовнаго сословія возвращены были въ епархіальныя школы: такимъ образомъ, у цифирной школы отнята была очень значительная часть ея питомцевъ. Какъ великъ былъ этотъ уронъ въ отдѣльныхъ случаяхъ, видно изъ того, что послѣ отнятія посадскихъ и церковническихъ дѣтей въ четырнадцати цифирныхъ школахъ совсѣмъ не осталось учениковъ: эти школы пришлось закрыть, и учителя вернулись изъ провинціальныхъ городовъ назадъ, въ морскую академію. Въ уцѣлѣвшихъ 28-ми школахъ остались почти исключительно одни дѣти приказныхъ. Число, ихъ было къ 1727 году всего 500 чел., вмѣсто двухъ тысячъ навербованныхъ первоначально. Причины убыли остальныхъ 1.500 учениковъ будутъ ясны изъ слѣдующей таблицы:

1. Выбыли посадскіе и церковные	572	(37%)
2. Бѣжали, отпущены въ дома и не явились	322	(20,8%)
3. *Выучено и отпущено*	302	(19,9%)
4. Безграмотныхъ, идіотовъ и неспособныхъ	233	(15%)
5. Взято въ разныя должности	93	(6%)

Какъ видимъ, больше трети покинувшихъ школу воспитанниковъ взяты у нея насильно, больше пятой части бросили ее самовольно, отъ седьмой части школа отказалась сама, семнадцатая часть поступила на должности, не кончивъ курса, и только относительно одной пятой цифирная школа вполнѣ выполнила свое назначеніе.

Вслѣдъ за только-что изложеннымъ разгромомъ свѣтской школы, поднятъ былъ, немедленно послѣ смерти Петра, вопросъ о самомъ ея существованіи. Петръ отдалъ цифирныя школы въ вѣдомство морского министерства («Адмиралтейской коллегіи»), такъ какъ своихъ учителей эти школы получили изъ морской академіи. Теперь адмиралтейство попробовало отъ нихъ отдѣлаться и первое подало мысль—соединить цифирныя школы съ архіерейскими епархіальными (1726). Однако, противъ такого соединенія возсталъ самъ Синодъ, относившійся вообще неблагосклонно къ «свѣтскимъ навигаторскимъ наукамъ». «Передавать ученикамъ одну ариѳметику и геометрію, безъ связи съ богословскимъ образованіемъ,—не духовное дѣло. Поэтому просимъ оставить цифирныя и геометрическія школы въ свѣтскомъ правленіи»,—такъ докладывалъ Синодъ въ 1727 году. Только благодаря этому отказу, петровская цифирная школа просуществовала до 1744 года. Впрочемъ, къ этому году оставалось уже всего лишь 8 школъ изъ 28-ми; и изъ этихъ восьми—три самыя обширныя соединены были съ гарнизонными школами. Гарнизонныя школы при полкахъ учреждены были въ 1732 году. Онѣ содержались на полковыя средства; учителями были офицеры и унтеръ-офицеры. Преподавались, кромѣ грамотности, солдатская экзерциція, а также ариѳметика, артиллерія и инженерство.

Итакъ, петровская свѣтская школа оказалось недолговѣчной; остатки ея уцѣлѣли лишь въ сліяніи съ военной школой, отчасти заимствовавшей ея программу. И въ этомъ видѣ она, однако, сослужила службу русскому просвѣщенію. Еще въ первые годы царствованія Екатерины II учителей математики нельзя было ни откуда достать, кромѣ гарнизонной школы.

Познакомимся теперь съ судьбой епархіальныхъ школъ, устроенныхъ, какъ сказано, вслѣдствіе предписанія духовнаго регламента. Ближайшее наблюденіе за этими школами принадлежало не свѣтскимъ властямъ, а мѣстнымъ преосвященнымъ. Государственная власть не вмѣшивалась въ ихъ судьбу такъ, какъ она вмѣшивалась въ судьбу цифирныхъ школъ. За неявку учениковъ не сажали на цѣпь въ тюрьму, какъ это нерѣдко бывало съ кліентами свѣтской школы. Правительство не заботилось и о снабженіи этихъ школъ контингентомъ учителей. Учителя набирались довольно случайнымъ образомъ. Въ лучшихъ случаяхъ, это были ученики московской или даже кіевской академіи: въ другихъ — учителями становились просто мѣстные церковно служители. Чѣмъ дальше, тѣмъ послѣдовательнѣе проводится взглядъ, что преподавать въ духовныхъ школахъ должны монашествующіе. Впрочемъ, не только выборъ учителей, но даже и самое существованіе архіерейскихъ школъ представлялось на добрую волю епархіальнаго на-

чальства. Школы эти возникали и падали вмѣстѣ съ перемѣной преосвященныхъ. Такіе дѣятельные пастыри, какъ Іовъ Новгородскій, или Питиримъ Нижегородскій, Дмитрій Ростовскій, Гавріилъ Бунинскій (въ Рязани) поднимали школы и наполняли ихъ сотнями учениковъ; при другихъ архіереяхъ ученики распускались по домамъ, школы совсѣмъ закрывались и даже вовсе не открывались подъ предлогомъ скудости средствъ или за ненахожденіемъ учителя. Программа преподаванія также вполнѣ зависѣла отъ наличныхъ средствъ и отъ степени усердія мѣстныхъ властей. Въ лучшихъ школахъ преподаваніе приближалось къ объему московской академіи, и проходились всѣ свободныя науки. Въ большинствѣ же дѣло ограничивалось грамматикой и реторикой. Иногда, какъ, напр., въ вятской школѣ, ученики только выучивались читать и писать, — за неимѣніемъ учителей высшихъ наукъ. Впрочемъ, одной грамотностью приходилось ограничиваться иногда и въ виду настоятельной нужды въ священникахъ. Въ нижегородской школѣ, напр., изъ 832 перебывавшихъ въ ней учениковъ больше половины, именно 427, ограничились выучкой букварей, и тотчасъ послѣ того были посвящены въ священники, въ дьяконы и т. д. Такъ какъ учениковъ духовныхъ школъ не принуждали къ ученью такими насильственными мѣрами, какъ это бывало въ свѣтскихъ школахъ, то и процентъ дезертировъ былъ здѣсь гораздо меньше. Въ 1727 году епархіальныхъ школъ было въ Россіи 46. Можно насчитать въ нихъ 3.056 учениковъ. Убыль изъ этого числа была только 239. Надо, впрочемъ, прибавить, что изъ 2.827 оставшихся учениковъ почти половина (1.331) приходится на долю трехъ малороссійскихъ епархій (кіевской, черниговской, бѣлгородской) съ десятью школами. Такимъ образомъ, собственно въ Великороссіи свѣтская школа по общему числу перебывавшихъ въ ней учениковъ нѣсколько опередила духовную. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, она, вѣроятно, опередила ее и по уровню знаній. Но періодъ процвѣтанія петровской свѣтской школы былъ, какъ мы видѣли, крайне непродолжителенъ. Напротивъ, епархіальная школа въ общемъ оказалась значительно устойчивѣе. Почти не сокращаясь въ количествѣ, полсотни епархіальныхъ школъ дожили до того времени, когда началось превращеніе ихъ въ семинаріи. И самое превращеніе въ семинаріи было результатомъ ихъ развитія, тогда какъ превращеніе цифирныхъ школъ въ гарнизонныя было послѣдствіемъ ихъ паденія. Архіерейская школа превращалась въ семинарію, расширяя свой курсъ до предѣловъ академіи, т. е. вводя, кромѣ низшихъ классовъ — средніе и высшіе. Полный курсъ составлялся, такимъ образомъ, кромѣ грамоты, изъ грамматики и реторики, философіи и богословія. Прохожденіе этого курса распредѣлялось по классамъ, число которыхъ доходило до девяти *). Съ такой программой епархіальная школа изъ низшаго училища превращалась въ среднее и сама становилась центромъ для школъ низшаго типа, возникавшихъ въ предѣлахъ

*) *Подготовительный* классъ и *низшіе*: аналогія, инфима, грамматика и синтаксима; *среднія*: піитика и реторика; *высшіе*: философія и богословіе.

епархіи. Первый случай такого развитія духовной школы относится къ очень раннему времени, благодаря личному почину. Новгородскій архіерей Іовъ пріютилъ у себя изгнанныхъ изъ Москвы *) братьевъ Лихудовъ и съ ихъ помощью поставилъ курсъ новгородской архіерейской школы почти на одинаковый уровень съ славяно-греко-латинской академіей. Благодаря этому обстоятельству, при учрежденіи въ двадцатыхъ годахъ XVIII вѣка другихъ епархіальныхъ школъ — новгородская школа могла сыграть роль учительскаго института и послужила такимъ же разсадникомъ учителей для нихъ, какимъ для цифирныхъ школъ была морская академія. Въ то же самое время новгородская школа организовала въ районѣ епархіи до 14-ти *низшихъ* школъ, въ которыхъ съ 1706 по 1720 г. обучалось 1.007 учениковъ.

Это былъ, однако же, исключительный случай. Другія епархіальныя школы стали переходить на положеніе семинарій гораздо позднѣе. Въ 1737 году изданъ былъ общій указъ о такомъ переходѣ. Но значительность расходовъ, сопряженныхъ со введеніемъ новаго типа духовной школы, во многихъ мѣстахъ задержала учрежденіе семинарій до воцаренія Екатерины II. Послѣ перваго толчка, даннаго Петромъ, и здѣсь, также какъ и въ свѣтскихъ школахъ, развитіе пошло очень медленными шагами: «оттого ли, что было трудно, или оттого, что попеченіе къ тому малое прилагаемое было,—мы уже не изслѣдываемъ», иронически замѣтила по этому поводу имп. Екатерина II. Полный курсъ былъ введенъ къ ея воцаренію только въ восьми семинаріяхъ. Насколько, при всемъ томъ, духовная школа XVIII столѣтія стояла прочнѣе свѣтской,—это видно изъ тѣхъ постоянныхъ заимствованій, которыя дѣлаетъ у нея свѣтская школа на протяженіи чуть ли не цѣлаго столѣтія. Учреждается ли медицинская школа д-ра Бидлоо, открывается ли академическій или московскій университетъ, создается ли учительская семинарія для «народныхъ училищъ» Екатерины II, — вездѣ воспитанники семинаріи заполняютъ пустые кадры и скрашиваютъ своимъ участіемъ первые шаги дѣятельности свѣтскихъ учебныхъ заведеній. Такимъ образомъ, духовная школа XVIII вѣка оказала свѣтской рядъ незамѣнимыхъ услугъ.

Познакомившись съ судьбой цифирныхъ и архіерейскихъ школъ, открытыхъ въ петровское царствованіе, мы почти исчерпали вопросъ объ организаціи русской школы первой половины XVIII вѣка. Если и нельзя начинать съ этого времени связную исторію нашей средней школы, то все-таки надо признать, что для устройства такой школы была въ первой половинѣ вѣка подготовлена почва. О русской низшей школѣ нельзя сказать и этого. Попытки Петра въ этомъ направленіи остались совершенно безплодными. Тотъ же новгородскій архіерей Іовъ, который такъ много сдѣлалъ для средней духовной школы въ своей епархіи,—вотъ какъ обрисовываетъ намъ эту попытку Петра—создать элементарную народную школу. По его словамъ, составители переписи 1710 года «священниковъ неволятъ на всякомъ погостѣ строить школы и велятъ

*) См. выше, Оч., VII, 1.

учить разнымъ наукамъ, а чѣмъ школы строить, и кому быть учителями и какимъ наукамъ учениковъ учить и по какимъ книгамъ учиться и откуда пищу имѣть и всякую школьную потребу пріискать,—того они, переписчики, опредѣлить не умѣютъ, только говорятъ: «впредь указъ будетъ». Такого указа Россія не дождалась при Петрѣ, и не могла дождаться: почему не могла, это лучше всего объяснилъ намъ самъ Іовъ въ приведенной цитатѣ. Для народной школы,—даже церковно-приходской, какая тутъ, повидимому, имѣется въ виду,—при Петрѣ ничего еще не было подготовлено: ни учителей, ни учебниковъ, ни помѣщеній, ни школьныхъ пособій, ни средствъ, на которыя бы можно было все это создать; и такъ было въ *наиболѣе передовой* по части народнаго просвѣщенія области Россіи. Эти замѣчанія Іова составляютъ лучшій отвѣтъ изслѣдователямъ, которые доказываютъ существованіе церковно-приходской школы въ допетровское время.

Отъ организаціи школы первой половины XVIII вѣка мы переходимъ теперь къ задачамъ, которыя она преслѣдовала.

Первая характерная черта русской школы этого времени заключается въ томъ, что она не ставитъ своей задачей воспитанія и общаго образованія, а имѣетъ въ виду, главнымъ образомъ, техническую выучку для профессіональныхъ цѣлей. Взглядъ этотъ цѣликомъ унаслѣдованъ отъ XVII вѣка, хотя только XVIII вѣкъ вывелъ изъ него точную регламентацію школьнаго дѣла: можетъ быть, поэтому нѣкоторымъ изслѣдователямъ и представлялось, что первая половина XVIII вѣка внесла что-то новое въ русскую педагогію. Въ дѣйствительности, педагогическая точка зрѣнія такъ же чужда была школѣ разсматриваемой эпохи, какъ и школѣ XVIII вѣка. Та и другая одинаково не смотрѣли на ученика, какъ на предметъ педагогическаго воздѣйствія. Если онъ приходилъ добровольно, то школа обращалась съ нимъ, какъ прежній мастеръ съ нанимателемъ: это были отношенія свободнаго договора. Если ученика посылало въ школу правительсмво, тогда ученье было для него уже службой; за службу онъ получалъ жалованье; за неисполненіе обязанностей онъ подвергался служебнымъ взысканіямъ. Такимъ образомъ, отвѣтственность ученика ничѣмъ не отличалась отъ отвѣтственности взрослаго человѣка. Проступокъ подводился подъ обыкновенное нарушеніе закона и наказывался, какъ преступленіе. Задачи воспитанія ограничивались установленіемъ внѣшней дисциплины. За «нѣты», т. е. манкировки, ученики штрафовались; за «продерзости» били битюгами; за болѣе серьезные проступки наказывали на школьномъ дворѣ плетьми; въ классѣ велѣно присутствовать отставнымъ солдатамъ и имѣть въ рукѣ хлыстъ: «а буде кто изъ учениковъ станетъ безчинствовать, оныхъ бить, не смотря, какой бы онъ фамиліи ни былъ». Далѣе, не только воспитаніе, но и образованіе не входило въ число задачъ петровской школы. Новая математическая школа ставила цѣлью не умственное развитіе, а пріобрѣтеніе необходимыхъ техническихъ навыковъ. Лишь поневолѣ,—постольку, поскольку для технической выучки все-таки необходимы были нѣкоторыя элементарныя знанія,—школа пріобрѣла до нѣкоторой степени обще-

образовательный характеръ. Вслѣдъ за пріобрѣтеніемъ предварительныхъ знаній, во всякомъ случаѣ, должна была слѣдовать профессіональная выучка: она-то и была главной цѣлью, для которой средствомъ служила предварительная общая подготовка. Школа должна готовить къ различнымъ частямъ государственной службы, и поэтому должна быть профессіональной,—такова была основная идея преобразователя. Онъ принялъ тутъ, какъ мы уже говорили, старый взглядъ XVIII вѣка; только къ единственной профессіональной цѣли прежней московской школы—готовить къ духовному званію—онъ присоединилъ цѣлый рядъ новыхъ государственныхъ задачъ. Первой мыслью его было возложить исполненіе этихъ задачъ на ту же московскую школу. По крайней мѣрѣ, только что вернувшись изъ-за границы, Петръ велъ съ патріархомъ Адріаномъ очень интересный разговоръ по этому поводу. «Благодатіею Божіей,—говорилъ царь,—и у насъ есть школа; и пусть бы изъ этой школы люди, благоразумно учася, происходили во всякія потребы: и въ церковную службу, и въ гражданскую, и въ военную, и въ строительную, и въ медицинскую». Скоро, однако же, царь долженъ былъ замѣтить, какъ далеки словесныя хитросплетенія средневѣковой учености отъ той реальной науки новаго времени, въ которой онъ нуждался. Такъ какъ спеціальныхъ школъ все-таки не было, то на первыхъ порахъ его помощникамъ прямо пришлось учиться на службѣ путемъ практики. Навигаторъ учился на кораблѣ, чиновникъ гражданской службы—въ приказѣ, медикъ—въ госпиталѣ, апекарь—въ аптекѣ: совершенно такъ же, какъ и до Петра попъ учился въ церкви, а купеческій сынъ—за прилавкомъ. Конечно, этого было недостаточно, и при первой возможности профессіональная выучка стала вводиться въ школьныя рамки. Она отъ этого не перестала быть службой, и какъ служба, не переставала быть обязательной для тѣхъ же лицъ, для которыхъ вообще служба была обязательна раньше. Вотъ почему петровская (военная) школа сама собой сдѣлалась повинностью служилаго класса. Вмѣстѣ съ тѣмъ она должна была сдѣлаться сословной, и если этого не случилось сразу, то только потому, что на первыхъ порахъ для правительства слишкомъ дорогъ былъ всякій желавшій учиться, изъ какого бы званія онъ ни происходилъ. По замѣчанію историка морской академіи, «немногіе дворяне поступали добровольно» въ это учебное заведеніе; «добровольно являлись болѣе разночинцы, а не дворяне». Это не помѣшало провести различіе между учебными занятіями и дальнѣйшей карьерой тѣхъ и другихъ. «Юноши низшихъ сословій—разночинцы», по словамъ того же историка, «научившись въ русской и цифирной школахъ (т. е. въ первыхъ двухъ классахъ) читать, писать и считать, этимъ оканчивали свое ученье и назначались въ писаря, къ разнымъ должностямъ въ адмиралтейства, въ помощники архитекторамъ, аптекарямъ и т. п. Дѣти дворянскіе, «шляхетскіе», изъ русской и цифирной школъ поступали въ высшіе классы для дальнѣйшго обученія и для военной службы во флотѣ. При переводѣ училища въ Петербургъ оно совсѣмъ сдѣлалось военнымъ и стало преимущественно принимать дворянъ, и притомъ болѣе достаточныхъ;

въ Москвѣ же оставлены для разночинцевъ низшіе классы: отсюда вышли и учителя цифирныхъ школъ. Тѣ же самыя наблюденія можно было бы повторить и относительно другой военной школы Петра, инженерной (учр. въ 1712 г.). Точно также она предназначалась преимущественно для дворянъ, за ихъ «нѣтами» наполнилась разночинцами и, наконецъ, сдѣлалась исключительно дворянской послѣ перевода въ Петербургъ (1719). Третья школа, артиллерійская (1712), въ низшихъ своихъ классахъ долго продолжала учить «пушкарскихъ» дѣтей, но высшую профессіональную выучку она тоже давала дворянамъ и только ихъ допускала къ высшей военной карьерѣ. Въ 1745 г. сенатъ прямо высказалъ мнѣніе, что «въ артиллерійскую школу, кромѣ дворянъ, никого и опредѣлять не слѣдовало». Послѣ Петра этотъ сословный характеръ профессіональной военной школы вполнѣ утвердился; естественно, что послѣднее военно-учебное заведеніе этого періода, сухопутный шляхетскій корпусъ, уже съ самаго своего открытія предназначался исключительно для дворянства. Вмѣстѣ съ выясненіемъ сословнаго хатактера высшихъ военныхъ школъ опредѣлился и особый кругъ знаній, свойственныхъ спеціально «шляхетству». Въ составъ этихъ «рыцарскихъ» или шляхетскихъ наукъ входятъ, прежде всего, вовые языки, фехтованье и танцы. Какъ увидимъ сейчасъ, эта программа шляхетской школы отразилась и на первой общеобразовательной школѣ въ Россіи.

Конечно, не все дворянство попадало въ столичныя учебныя заведенія. Не попавшіе въ школу должны были проходить практическую «школу» въ гвардіи «и тѣмъ путемъ, яко школою, далѣе дослуживаться». Оставаться въ провинціи дворянству не полагалось, и потому провинціальная «цифирная» школа предназначалась *не* для него. Уже въ 1716 г. Петръ формально запретилъ брать въ цифирныя школы дворянскихъ дѣтей. Въ нихъ, какъ позднѣе въ гарнизонныхъ школахъ, должны были учиться дѣти служилыхъ людей низшихъ разрядовъ («солдатскіе»); вмѣстѣ съ дѣтьми приказныхъ они оставались единственными посѣтителями цифирной школы послѣ выключенія изъ нея дѣтей горожанъ и духовенства (см. выше).

Была еще одна отрасль государственной службы, помимо военной, требовавшая со времени Петра особой спеціальной подготовки. Мы говоримъ о гражданской службѣ, для прохожденія которой все болѣе и болѣе становилось нужнымъ знакомство съ политическими, юридическими и экономическими науками. Правительство пыталось и для этой отрасли завести профессіональную школу; но здѣсь оно встрѣтилось съ старымъ предразсудкомъ дворянства противъ «приказной» службы, и школа не состоялась, такъ какъ не было для нея подходящаго соціальнаго матеріала. Напрасно Петръ, настаивая на необходимости подготовки къ гражданской службѣ, убѣждалъ «сего фамиліямъ знатнымъ и шляхетскимъ въ укоризну не ставить, ибо кромѣ сего пути (т. е. профессіональной выучки) никто въ высшій градусъ и до министерскаго чина произведенъ быть не можетъ». Общество хорошо знало, что попасть «въ высшій градусъ» гражданской службы можно

было различными путями, не имѣющими ничего общаго съ профессіональной подготовкой. Вотъ почему даже введеніе юриспруденціи въ программу дворянской школы не могло заставить дворянъ заняться этой наукой. Изъ 245 дворянъ, учившихся въ 1733 году въ только-что открытомъ сухопутномъ корпусѣ, юриспруденціей занимались только 11. Посылаемые въ коллегіи для практическаго знакомства съ приказными дѣлами, дворяне тоже не хотѣли работать вмѣстѣ съ «крапивнымъ сѣменемъ», и приходилось, въ концѣ концовъ, отсылать ихъ обратно въ военныя школы.

Остается упомянуть о духовной школѣ, тоже преслѣдовавшей прямую профессіональную задачу — готовить церковнослужителей, «дабы впредь неученыхъ въ духовныхъ чинахъ уже не было» (указъ 1757 года). Мы знаемъ, что задачу эту ей далеко не вполнѣ удавалось выполнить, тѣмъ болѣе, что и изъ того незначительнаго количества церковническихъ дѣтей, которые попадали въ эту школу, многіе и лучшіе постоянно уходили изъ духовнаго званія. За то во всю первую половину XVIII вѣка духовная школа продолжала привлекать къ себѣ дѣтей другихъ сословій: дворянскихъ, солдатскихъ и даже крестьянскихъ. Это было нарушеніемъ общаго порядка, по которому дѣти должны были обучаться занятію отцовъ; и правительство неоднократно требовало, чтобы въ духовныя школы принимались лишь дѣти духовенства, но чтобы за то изъ нихъ никто не ускользалъ отъ школы. Ни того, ни другого нельзя было добиться въ первой половинѣ вѣка. Духовной школой слишкомъ еще дорожили, какъ общеобразовательнымъ заведеніемъ, и слишкомъ мало, какъ профессіональнымъ, чтобы можно было однимъ запретить, а другихъ принудить въ ней учиться. Московская академія вполнѣ основательно находила въ 1732 году, что если не принимать желающихъ и отыскивать укрывающихся отъ науки, то въ концѣ концовъ «ученіе распространеніемъ пресѣчется». Во второй половинѣ вѣка положеніе дѣла совершенно измѣнилось. Духовная молодежь стала приливать въ изобиліи, «ученыхъ» кандидатовъ въ священство школа стала выпускать больше, чѣмъ было мѣстъ: естественно, что при этихъ условіяхъ духовное начальство перестало дорожить посторонними учениками. Съ другой стороны, и эти посторонніе находили, гдѣ учиться, помимо духовной школы. Такимъ образомъ, къ концу XVIII вѣка духовная школа сама собою превратилась въ замкнутое сословное учрежденіе.

Всѣ эти факты приводятъ насъ къ тому заключенію, что при Петрѣ и его ближайшихъ преемникахъ русское общество нуждалось преимущественно въ элементарномъ образованіи, и искало его, при скудости образовательныхъ средствъ, гдѣ случится. Съ своей стороны, правительство нуждалось въ людяхъ, получившихъ профессіональную подготовку, и употребляло всѣ усилія, чтобы загнать молодежь всѣхъ сословій въ такія профессіональныя школы, которыя подготовили бы ее къ тѣмъ же самымъ занятіямъ, какими отцы и дѣды обязаны были заниматься раньше. Элементарное же образованіе цѣнилось правительствомъ, какъ подготовительная ступень къ профессіональной выучкѣ. Наконецъ, общее образованіе

само по себѣ одинаково мало цѣнилось какъ правительствомъ, такъ и обществомъ. Вотъ почему правительство старалось обезпечить элементарное образованіе только тѣмъ классамъ, которымъ оно было нужно для государственной службы, открыло рядъ спеціальныхъ школъ для удовлетворенія своихъ ближайшихъ надобностей, а остальное предоставило времени и собственнымъ усиліямъ общества.

Новый періодъ въ исторіи русскаго образованія наступилъ тогда, когда на смѣну узко-профессіональной и сословной школѣ первой половины XVIII вѣка явилась школа общеобразовательная и безсословная, преслѣдующая чисто-педагогическія цѣли. Окончательно утвердилась у насъ такая школа только къ концу XVIII столѣтія. Но уже и въ разсмотрѣнномъ періодѣ времени, вопреки общему характеру тогдашняго образованія, нѣкоторое основаніе общеобразовательной и безсословной школы было положено. Происхожденіе ея можно даже вести отъ самого Петра. Въ концѣ царствованія—его отношеніе къ образованію было нѣсколько иное, чѣмъ то, которое мы видѣли въ началѣ. Если первые годы самообразованія и дѣятельности развили въ Петрѣ страсть къ техническимъ и прикладнымъ знаніямъ, то въ послѣднія десять лѣтъ жизни, подъ вліяніемъ новыхъ поѣздокъ по Европѣ, его кругозоръ значительно расширился. Притомъ же, главныя государственныя нужды были теперь удовлетворены, рядъ спеціальныхъ школъ устроенъ, и Петръ могъ больше вниманія удѣлить вопросамъ простой любознательности. На первыхъ порахъ любознательность эта, конечно, была обращена на то, что всего больше кидалось въ глаза некультурному москвичу среди европейскихъ диковинокъ. Но изъ этого зародыша должно было развиться новое, менѣе корыстное, чѣмъ прежде, отношеніе къ вопросамъ науки и общаго образованія. Такимъ образомъ, начавъ съ собиранія «раритетовъ», Петръ кончилъ устройствомъ перваго въ Россіи естественно-историческаго и анатомическаго музея; интересъ къ типографскому дѣлу привелъ къ учрежденію первой публичной библіотеки; а желаніе поскорѣе изобрѣсти perpetuum mobile — утвердило Петра въ мысли устроить въ Россіи Академію Наукъ.

Дѣйствительно, первые переговоры съ знаменитымъ нѣмецкимъ философомъ, Вольфомъ, объ основаніи Академіи Наукъ вызваны были печатнымъ извѣстіемъ въ нѣмецкихъ газетахъ, что какому-то Орфиреусу удалось найти perpetuum mobile. Петръ приглашалъ Вольфа пріѣхать, на какихъ угодно условіяхъ, въ Петербургъ, только бы онъ согласился усовершенствовать изобрѣтеніе Орфиреуса. Сперва намеками, а потомъ и прямо, знаменитый философъ далъ понять, что для Россіи было бы полезнѣе распространять науки, чѣмъ двигать ихъ дальше, и что вмѣсто «общества ученыхъ людей, которые бы трудились надъ усовершенствованіемъ искусствъ и наукъ», лучше было бы пригласить профессоровъ для чтенія лекцій, а для этой послѣдней цѣли нѣтъ нужды въ знаменитыхъ ученыхъ, которые, къ тому же, и не поѣдутъ, достаточно обзавестись людьми, только-что начинающими ученую карьеру.

И изъ русскихъ совѣтчиковъ Петра многіе были согласны съ мнѣніями Вольфа. Первоначальная мысль—учредить Академію «для славы среди иностранцевъ»—была, правда, удержана Петромъ; но и совѣтъ учредить при Академіи университетъ для пользы Россіи—былъ принятъ и еще дополненъ идеей—устроить при университетѣ гимназію. Обсужденная еще при Петрѣ, вся эта система первыхъ въ Россіи общеобразовательныхъ учрежденій начала дѣйствовать годъ спустя послѣ его смерти.

Съ первыхъ же шаговъ, однако, сдѣлалось ясно, до какой степени этотъ типъ школы не имѣетъ еще почвы въ Россіи. Законтрактованные на 5 лѣтъ, нѣмецкіе профессора пріѣхали въ Петербургъ: въ числѣ ихъ было нѣсколько настоящихъ и будущихъ европейскихъ знаменитостей: Бернулли, Бильдингеръ—оба рекомендованные Вольфомъ, потомъ Германнъ, Эйлеръ и др. Устроившись въ столицѣ, они скоро увидѣли, что въ качествѣ профессоровъ имъ тамъ нечего дѣлать. Такъ какъ по уставу они должны были читать лекціи, а лекцій читать было некому,—то рѣшили и слушателей выписать изъ Германіи. Вызвано было и пріѣхало восемь студентовъ. Профессоровъ, все-таки, было вдвое больше (17); и чтобъ исполнить уставъ, профессора стали сами ходить другъ къ другу на лекціи.

Нѣсколько удачнѣе началась дѣятельность устроенной при университетѣ гимназіи. Въ первый годъ (1726) поступило въ нее 120 учениковъ, во второй (1727)—58, въ третій (1728)—26, въ четвертый (1729)—74 ученика. Очевидно, нѣкоторая потребность въ среднемъ образованіи существовала,—особенно среди жившихъ въ Петербургѣ иностранцевъ *). Но въ первые же годы весь наличный запасъ дѣтей школьнаго возраста былъ израсходованъ: этимъ, вѣроятно, и объясняется быстрое паденіе числа поступившихъ въ гимназію дѣтей. Чтобы остановить это паденіе пришлось и здѣсь принять искусственныя мѣры. Въ 1729 году въ гимназію навербовали дѣтей солдатъ, мастеровыхъ, даже крѣпостныхъ. Этотъ составъ—дѣти средняго сословія,—скоро и сдѣлался единственнымъ составомъ академической гимназіи, такъ какъ черезъ годъ открылся сухопутный шляхетскій корпусъ (см. выше) и дворянскихъ дѣтей стали отдавать туда. Но при такой перемѣнѣ состава гимназія, очевидно, не могла разсчитывать на постоянный приливъ добровольныхъ учениковъ и еще менѣе могла ожидать, что эти ученики доучатся въ ней и перейдутъ въ студенты. Дѣти средняго сословія обыкновенно ограничивались прохожденіемъ курса низшихъ классовъ или даже прямо выбирали изъ программы какой-нибудь отдѣльный предметъ. Между тѣмъ, главнымъ назначеніемъ гимназіи было, все-таки, готовить къ университету. Оставалось, для прохожденія полнаго гимназическаго курса, подбирать особый составъ *обязательныхъ* слушате-

*) Еще при Екатеринѣ II, въ 1780 году, въ 23 частныхъ пансіонахъ Петербурга, изъ 500 учениковъ, было только 200 русскихъ, а изъ 72 учителей—20 русскихъ; Законъ Божій преподавался по Лютерову катехизису и русскіе ему не учились. Другими словами, пансіоны учреждаются въ столицѣ спеціально для иностранцевъ.

лей. Въ 1735 году было для этой цѣли учреждено при гимназіи 20 казенныхъ стипендій, и стипендіаты вытребованы изъ славяно-греко-латинской академіи (въ ихъ числѣ попалъ въ академическую гимназію и Ломоносовъ). Въ 1750 г. число стипендій было увеличено сперва до 30-ти, потомъ до 40. Въ 1760 году оно доведено было даже до 60. Но всѣ эти усилія увеличить число кончающихъ гимназистовъ оказывались не вполнѣ успѣшными. Даже на казенныя стипендіи не находилось достаточнаго количества охотниковъ, и наличное число стипендіатовъ никогда не достигало комплекта.

Разумѣется, это положеніе гимназіи отразилось и на судьбѣ академическаго университета. Понуждаемые начальствомъ, профессора не разъ объявляли публичныя лекціи, печатали программы предполагаемыхъ курсовъ, назначали даже часы и вызывались читать обѣщанные курсы, «если найдутся слушатели». Но слушателей не находилось, за единичными исключеніями. Очевидно, чтобы установить непрерывное чтеніе лекцій, и здѣсь приходилось прибѣгнуть къ системѣ обязательныхъ слушателей. По новому регламенту Академіи Наукъ (1747 года) учреждалось и при университетѣ общежитіе для 30 казеннокоштныхъ студентовъ. На эти мѣста былъ произведенъ принудительный наборъ—и притомъ не изъ гимназіи, а изъ школъ стараго типа—изъ лучшихъ тогдашнихъ семинарій, Московской, Александро-Невской и Новгородской. 24 набранныхъ такимъ образомъ студенты оживили на нѣсколько лѣтъ преподавательскую дѣятельность профессоровъ. Однако и въ эти годы лекціи читались съ перерывами. Послѣ экзамена, произведеннаго двадцати студентамъ (въ 1735 году)—онѣ скоро опять прекратились.

Какъ видимъ, попытка устроить общеобразовательную школу въ первой половинѣ XVIII вѣка имѣла весьма плачевный исходъ. Изъ академическаго университета вышло очень немного выдающихся профессоровъ, ученыхъ и писателей *). Нѣсколько большее количество лицъ занялось переводами съ иностранныхъ языковъ; ихъ участіе сдѣлало возможнымъ изданіе перваго популярно-научнаго журнала въ Россіи, «Ежемѣсячныхъ Сочиненій» (1755—1764 **). Наконецъ, значительное большинство кончившихъ курсъ или шло въ учителя,—между прочимъ, въ ту же гимназію,—или выбирало приказную, канцелярскую службу.

Новая попытка двинуть впередъ общее образованіе или, какъ тогда выражались, «размножить науки въ имперіи», сдѣлана была въ серединѣ XVIII вѣка при болѣе благопріятныхъ условіяхъ и съ нѣсколько лучшимъ результатомъ. Петербургъ съ обязательной военной выучкой шляхетства и съ искусственной подготовкой казенныхъ стипендіатовъ—оказался плохой почвой для «возрастанія наукъ». Правительство стало разсчитывать тогда найти больше добровольцевъ въ Москвѣ. Оно основывалось, при этомъ, на цен-

*) Крашенинниковъ, Ломоносовъ, Румовскій и первые русскіе профессора московскаго университета, Барсовъ и Поповскій.

**) Объ участіи учащейся молодежи въ журналистикѣ XVIII в. см. III часть «Очерковъ».

тральномъ положеніи старой столицы, на «великомъ числѣ» живущихъ въ ней дворянъ и разночинцевъ, на большей легкости содержанія учащихся—у родныхъ или у знакомыхъ; наконецъ, на несомнѣнной потребности въ образованіи, о которой свидѣтельствовало «великое число домашнихъ учителей, содержимыхъ помѣщиками въ Москвѣ». Всѣ эти соображенія привели къ открытію въ Москвѣ въ 1755 году университета и при немъ двухъ гимназій: одной для дворянъ, другой для разночинцевъ. Соотвѣтственно этому двоякому составу учащихся, университетъ долженъ былъ удовлетворить заразъ двумъ цѣлямъ, которымъ въ Петербургѣ служили два разные типа учебныхъ заведеній: шляхетскія и академическія. Ученіе зачиталось здѣсь въ военную службу; гимназистъ, становясь студентомъ, получалъ шпагу и съ ней дворянство; кончая университетъ, студентъ выходилъ изъ него съ оберъ-офицерскихъ чиномъ. Въ гимназіи дворянскій сынъ не соприкасался съ дѣтьми изъ «подлаго званія». Послѣднихъ учили искусствамъ, музыкѣ, пѣнію, живописи, техническимъ знаніямъ; изъ гимназіи ихъ предполагалось переводить въ академію художествъ, скоро отдѣленную отъ университета. Напротивъ, въ дворянской гимназіи главное вниманіе обращено было на науки, пристойныя шляхетству, и особенно на иностранные языки *). Всѣ эти уступки привилегированному сословію имѣли послѣдствіемъ то, что новая общеобразовательная школа скоро привлекла въ свои стѣны дѣтей самыхъ родовитыхъ дворянскихъ фамилій. У учредителя московскаго университета, И. И. Шувалова, уже шевелилась въ головѣ мысль—привлечь все русское дворянство къ правильному прохожденію общеобразовательной школы. Для этого онъ проектировалъ (1760) покрыть всю Россію сѣтью учебныхъ заведеній; въ маленькихъ городахъ это должны были быть элементарныя школы—для обученія грамотѣ и ариѳметикѣ; изъ нихъ учащіеся направлялись въ «знатные города», гдѣ проектировалось устроить гимназій; а изъ гимназій кончившіе должны были переходить въ высшія учебныя заведенія обѣихъ столицъ. Изъ этого грандіознаго проекта осуществилась, однако, самая ничтожная часть. Шуваловъ обратился къ академикамъ за совѣтомъ, «гдѣ и какія гимназіи должны быть учреждены въ Россіи?» Академикъ Фишеръ далъ на этотъ вопросъ очень любопытный отвѣтъ. «Если бы науки въ россійскомъ государствѣ», говорилъ Фишеръ, «большое приращеніе получили, и если бы подданнымъ совершенно было извѣстно, на какой конецъ учреждаемы бываютъ училища, то бы я совѣтовалъ стараться безъ упущенія времени о заведеніи во всѣхъ главныхъ городахъ каждой провинціи новыхъ школъ и гимназій. Но понеже подданные не подлинно еще вѣдаютъ, сколь великіе и полезные плоды приносятъ науки государству, то я за благо разсуждаю не вдругъ сіе дѣло производить, но сперва только въ нѣкоторыхъ городахъ учинить тому опытъ... Прежде всего, по

*) По уставу, въ гимназіи преподавались четыре трехлѣтнихъ курса: русскаго языка, латинскаго, первыхъ основаній наукъ (ариѳметики, геометріи, географіи и краткой философіи) и иностранныхъ языковъ.

моему мнѣнію, надлежитъ гимназію основать въ Казани». Казанская гимназія, или, точнѣе, двѣ гимназіи—для дворянъ и разночинцевъ, дѣйствительно, была основана уже въ 1758 году, и осталась единственной. Характеръ преподаванія въ ней былъ тотъ же, какъ и въ московской. Иностранные языки наиболѣе одобрялись публикой; на нихъ обращено было и главное вниманіе начальства. Мѣстное дворянство, однако, не особенно охотно отдавало дѣтей въ казанскую гимназію. Въ 1785 году въ ней было напр., 19 дворянскихъ и оберъ-офицерскихъ дѣтей—и 71 изъ разночинцевъ (почти исключительно солдатскихъ). Система казенныхъ вознагражденій за ученье широко практиковалась и въ Казани, и въ Москвѣ: большинство гимназистовъ (и дворянъ, и разночинцевъ) получали казенное жалованье.

Несмотря на это поощреніе, до университета доходили изъ гимназій немногіе. Въ первые годы пришлось цѣликомъ наполнить университетъ учениками духовныхъ семинарій и академій. Но и потомъ университетъ всегда нуждался въ слушателяхъ, хотя и здѣсь были введены казенныя стипендіи. Когда, въ 1764 году, медицинская коллегія потребовала 25 студентовъ изъ университета, то профессора заявили, что это равносильно прекращенію ученія на пять лѣтъ. Въ 1767 году взято было 18 студентовъ-юристовъ въ коммиссію для составленія Уложенія; на факультетѣ осталось всего четыре студента, и университетская конференція, чтобы помочь дѣлу опредѣлила: уступить еще пятерыхъ студентовъ съ философскаго факультета. Были моменты и хуже: напр., въ 1765 году на всемъ юридическомъ факультетѣ оказался одинъ студентъ, а въ 1768 году то же самое повторилось на медицинскомъ факультетѣ. Надо прибавить, что и преподавательскими силами оба эти факультета были не богаты. До первыхъ годовъ царствованія императрицы Екатерины II, т. е. до возвращенія молодыхъ русскихъ профессоровъ изъ заграничной командировки, весь юридическій факультетъ сосредоточивался въ одномъ профессорѣ Дильтеѣ, а медицинскій — въ одномъ профессорѣ Керштенсѣ. Только третій, философскій факультетъ (совмѣщавшій физику съ гуманитарными науками) заключалъ въ себѣ около полудюжины преподавателей.

Шуваловская школа послужила естественнымъ переходомъ отъ петровской къ екатерининской. Сословный составъ первой она хотѣла соединить съ общеобразовательной программой второй. Но дворянство, какъ пришлось констатировать директору казанской гимназіи, «по непростительному о дѣтяхъ своихъ нерадѣнію, обыкло воспитывать ихъ паче въ деревняхъ своихъ безъ учителей и въ грубости, нежели отправлять въ мѣсто, посвященное наукамъ и хорошему воспитанію». Освобожденное отъ обязательной службы, оно почувствовало себя свободнымъ и отъ школы, которую привыкло связывать съ службой. Было уже анахронизмомъ со стороны казанскаго директора предлагать сенату «нѣкоторымъ образомъ принудить такихъ людей—дѣтей своихъ записывать въ гимназіи». Меньшинство дворянства имѣло и болѣе серьезныя основанія не посылать дѣтей въ общественную школу. При тогдашнихъ школьныхъ порядкахъ оно могло опасаться порчи своихъ

дѣтей, а при низкомъ уровнѣ преподаванія, иногда имѣло возможность гораздо лучше учить дѣтей дома. Какъ бы то ни было, по невѣжеству или по требовательности, дворянство надолго устранилось отъ пользованія общественной школой. Вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожался и поводъ—приспособлять программу школы къ болѣе или менѣе случайнымъ потребностямъ высшаго класса. Все это развязывало руки для превращенія русской школы въ безсословную и общеобразовательную. При Екатеринѣ II это превращеніе, наконецъ, совершилось.

Въ первое время своего царствованія Екатерина, впрочемъ, не думала ограничиться одной этой задачей. Увлеченная педагогическими идеями просвѣтительной литературы, она задалась болѣе широкой мыслью—въ корнѣ измѣнить самое назначеніе общественной школы. Прежняя школа только *учила*; новая школа должна была *воспитывать*. Выражаясь словами Бецкаго, «главное намѣреніе» Екатерины въ это время «клонилось къ тому, дабы не науки токмо и художества умножить въ народѣ, но и вкоренить въ сердца добронравіе». Такимъ образомъ, впервые въ Россіи школа брала на себя задачи воспитанія. Прежде воспитаніе всегда принадлежало семьѣ. Что всего важнѣе, съ этой перемѣной мѣста воспитанія должно было совершиться полнѣйшее измѣненіе его пріемовъ и цѣлей. Древнерусская семья воспитывала своихъ членовъ по опредѣленному, вѣками выработанному шаблону. Въ основѣ его лежали предписанія религіи. Въ выборѣ религіозныхъ принциповъ воспитанія замѣчалось, однако же, въ древней Руси нѣкоторое колебаніе. Религія предоставляла на выборъ два типа воспитанія: суровый типъ воспитанія библейскаго и любовный типъ воспитанія евангельскаго. Въ теоріи допетровская Русь иногда проповѣдовала второй типъ, но на практикѣ почти всегда держалась перваго. По вѣрному наблюденію одного историка русскаго воспитанія, «вся старинная русская педагогика до конца XVII вѣка продолжала сохранять чисто библейскій характеръ и весьма медленно уступила евангельскому ученію и ученію отцовъ церкви». Какъ извѣстно, начала библейскаго воспитанія выражаются въ предписаніяхъ старинныхъ нашихъ памятниковъ «не щадить жезла, сокрушать ребра, не играть и не смѣяться съ дѣтьми» и т. д. На смѣну этого библейскаго педагогическаго идеала является со времени Екатерины II новый, но уже не евангельскій, а гуманитарный. Съ евангельскимъ онъ во многихъ выводахъ совпадаетъ, но его исходныя мысли совершенно иныя. Зародившись въ Европѣ въ эпоху возрожденія, гуманитарный идеалъ исходитъ изъ уваженія къ правамъ и свободѣ личности; онъ устраняетъ изъ педагогики все, что носитъ характеръ насилія или принужденія. Преклоняясь передъ природой и естественностью, этотъ идеалъ ограничиваетъ задачи воспитанія наблюденіемъ и уходомъ за всѣми самобытными, оригинальными склонностями каждаго воспитанника. За то въ этихъ предѣлахъ новая педагогика признаетъ себя всемогущей. Не вѣря въ прирожденныя качества дѣтей, плохо вѣря вообще въ наслѣдственность, гуманитарный идеалъ хотя и не смотритъ на человѣка, какъ на бѣлую доску, на кото-

рой можно писать что угодно, но за-то охотно сравниваетъ душу ребенка съ мягкимъ воскомъ, изъ котораго можно вылѣпливать самыя разнообразныя формы. Воспитательный матеріалъ признается готовымъ даннымъ; но въ рукахъ опытнаго педагога этому матеріалу предстоитъ получить правильную обработку.

Въ Россіи XVIII вѣка были не безъизвѣстны основныя сочиненія сторонниковъ новаго воспитанія. «Златая дверь языковъ» Амоса Коменскаго употреблялась уже въ началѣ вѣка въ частныхъ пансіонахъ. Фенелоновъ «L'éducation des filles» Фонвизинъ даетъ, какъ извѣстно, въ руки своей Софьѣ. Наконецъ, «Мысли о воспитаніи» Локка разошлись въ русскомъ переводѣ въ двухъ изданіяхъ прошлаго столѣтія. Императрица черпала изъ нихъ цѣлыя страницы для своей инструкціи (Салтыкову) о воспитаніи внуковъ.

Вслѣдъ за педагогами и философами Запада Екатерина мечтаетъ пересоздать человѣчество посредствомъ воспитанія,—создать «новую породу людей». Средства для этой цѣли указалъ еще Ѳеофанъ Прокоповичъ въ Духовномъ регламентѣ; Екатерина и Бецкій съ нимъ очень близко сходятся. Воспитаніе должно вестись въ закрытой школѣ,—таково необходимое условіе для созданія новой породы людей. Дѣти должны быть изолированы отъ всѣхъ вліяній окружающей жизни и всецѣло предоставлены въ распоряженіе педагога. Для этого, во-первыхъ, надо какъ можно раньше помѣстить воспитанника въ учебное заведеніе: «не выше десяти лѣтъ, ибо таковаго возраста дѣти еще не вельми обучилися злонравью». Далѣе, сношенія воспитанника съ семьей должны быть, по возможности, прерваны. Отпуски на домъ могутъ разрѣшаться на самый короткій срокъ, а въ школѣ свиданія съ родителями должны происходить при свидѣтеляхъ. Всѣ эти пріемы Ѳеофана усвоены Екатериной. Точно также дѣти, по ея теоріи, считаются не злыми отъ природы, и «злонравіе» объясняется, какъ послѣдствіе дурного жизненнаго опыта. Но, чтобы еще основательнѣе уберечь будущее поколѣніе отъ этого опыта, возрастъ принимаемыхъ въ закрытое заведеніе понижался до 4—5 лѣтъ, а сношенія съ внѣшнимъ міромъ, съ семьей, сдѣлались еще затруднительнѣе. Изъ школы вовсе не полагалось пускать воспитанниковъ домой (или только по праздникамъ); въ школѣ вводилась та же обстановка родственныхъ свиданій при свидѣтеляхъ.

По этому типу императрица начала передѣлывать существовавшія учебные заведенія. Въ академической гимназіи, также какъ и въ сухопутномъ шляхетскомъ корпусѣ ,открыты были отдѣленія для малолѣтнихъ дѣтей 4—5 лѣтъ. Родители, отдавая своихъ дѣтей въ школу, должны были приносить присягу, что не будутъ требовать ихъ обратно. Но реформой мужскихъ заведеній дѣло не могло ограничиться. Цѣль Екатерины была «произвесть новое порожденіе, отъ котораго прямыя правила воспитанія непрерывнымъ порядкомъ въ потомство переходить могли». Другими словами, посредствомъ новой школы она хотѣла создать новую семью. Такимъ образомъ, нужно было позаботиться и о женскомъ воспитаніи. До того времени воспитаніемъ дѣвушекъ, кромѣ семьи и нѣкоторыхъ монастырей, занимались въ Россіи только частные пансіоны,

преимущественно содержавшіеся иностранцами. Оставить въ ихъ рукахъ дѣло женскаго воспитанія Екатерина не могла, и ей пришлось для исполненія своей любимой мысли создать первую въ Россіи общественную школу для женщинъ. Одновременно съ устройствомъ малолѣтнихъ отдѣленій при мужскихъ школахъ устроено было при Смольномъ монастырѣ женское закрытое заведеніе—сперва для однѣхъ благородныхъ, а потомъ и для мѣщанокъ. Составляя учебный планъ женской школы, императрица и ея помощники исходили изъ того мнѣнія, что между мальчиками и дѣвочками по отношенію къ общему образованію не нужно дѣлать разницы. Впослѣдствіи эта непривычная для тогдашняго общества мысль была оставлена: еще при Екатеринѣ опредѣлено было правительственной комиссіей, что «намѣреніе и конецъ воспитанія дѣвицъ состоитъ не иначе въ томъ, чтобы сдѣлать (ихъ) добрыми хозяйками, вѣрными супругами и попечительными матерями». Еще опредѣленнѣе стала преслѣдоваться эта цѣль, когда во главѣ женскаго образованія стала супруга имп. Павла, императрица Марія Ѳедоровна. Но въ тѣ первые моменты устройства женской школы, о которыхъ теперь идетъ рѣчь, задача этой школы ставилась иначе и шире; болѣе широкая постановка лучше соотвѣтствовала и личнымъ взглядамъ императрицы, не похожимъ въ этомъ отношеніи на вкусы ея невѣстки. «Будь у меня десять внучекъ», писала она разъ одному изъ своихъ корреспондентовъ, «я бы назвала ихъ всѣхъ именемъ святой дѣвы Маріи: тогда, по моему, онѣ держались бы прямо, заботились бы о своей таліи и о цвѣтѣ лица, ѣли бы за четырехъ, съ осторожностью выбирали бы себѣ чтеніе и, наконецъ, достигли бы того, что всѣ называли бы ихъ превосходными гражданками». Идеалъ женскаго воспитанія и образованія у самой имп. Екатерины былъ совсѣмъ другой. Самостоятельное умственное развитіе при посредствѣ серьезнаго чтенія и размышленія, выработка своего собственнаго взгляда на жизнь и подготовка къ дѣятельной роли въ жизни,—эти задачи стояли для Екатерины на первомъ планѣ. «Не сыщется еще такой», говорилось въ генеральномъ планѣ Московскаго воспитательнаго дома, «кто бы толь далеко отступилъ отъ здраваго разума, кому бы нечувствительно было благоденствіе рода человѣческаго и кто бы не желалъ, дабы всѣ дѣвушки не только обучились читать и писать, но имѣли бы и разумъ просвѣщенный различными знаніями, для гражданской жизни полезными».

Чтобы провести въ жизнь широкую затѣю имп. Екатерины, нужно было слишкомъ много благопріятныхъ условій, и прежде всего нужны были подходящіе воспитатели. «Если найдутся подобные учители», разсуждаетъ Бецкій по поводу реформы шляхетскаго корпуса, «то объ успѣхахъ сомнѣваться не можно; *буде же, по несчастью, такихъ людей не достанемъ, тщетны будутъ всѣ предписанія и всѣ старанія* о произведеніи благонравія и успѣховъ». Дѣйствительно, тамъ, гдѣ нашлось такое лицо,—въ Смольномъ, подъ руководствомъ начальницы m-me Lafont,—по крайней мѣрѣ, часть предначертаній императрицы исполнилась. Учебное дѣло, правда, было въ Смольномъ отодвинуто на второй

планъ (какъ, впрочемъ, и требовала педагогическая теорія Екатерины); на первый планъ выступило пріобрѣтеніе свѣтскости и развязности въ обращеніи. «Буде которая дѣвица», говорилось уже въ самомъ уставѣ, «сдѣлаетъ какое остроумное примѣчаніе, то, съ дозволенія, имѣетъ она сообщить о томъ всему классу, ибо изрядно и кстати сказанное слово будетъ для другихъ наставленіемъ и поощреніемъ къ подражанію». Какъ средство для пріобрѣтенія бойкости въ разговорѣ употреблялись любительскіе спектакли, концерты, вечера, на которые приглашались и настоящіе кавалеры изъ учениковъ шляхетскаго корпуса. Судя по дневнику одного изъ нихъ, бесѣды между молодыми людьми на этихъ вечерахъ принимали иногда направленіе, навѣрное не предусмотрѣнное въ уставѣ. Но, какъ бы то ни было, нельзя согласиться съ отзывомъ князя Щербатова, будто изъ Смольнаго не вышло «ни ученыхъ, ни благонравныхъ дѣвицъ, какъ толико, поколику природа ихъ симъ снабдила, и воспитаніе ихъ болѣе состояло играть комедіи, нежели сердца, нравы и разумъ исправлять». Незнаніемъ жизни и непрактичностью своей, вошедшей въ пословицу, смолянки, вѣроятно, и тогда отличались не въ меньшей степени, чѣмъ потомъ; но мы имѣемъ цѣлый рядъ отзывовъ современниковъ, показывающихъ, что многія изъ смолянокъ приносили въ эту незнакомую имъ и часто совершенно дикую жизнь—высокій нравственный складъ и живые умственные интересы. Благодаря Екатеринѣ, въ русской семьѣ впервые появилась образованная женщина и внесла въ это послѣднее убѣжище дѣдовскихъ предразсудковъ струю свѣжаго воздуха и свѣта.

Во всякомъ случаѣ, Смольнымъ и ограничились всѣ почти успѣхи воспитанія «новой породы людей». Близко ко двору, на глазахъ самой императрицы, не мудрено, что кое-что здѣсь было достигнуто. Кое-что было сдѣлано и въ шляхетскомъ корпусѣ, начальникомъ котораго въ одно время съ учрежденіемъ Смольнаго сдѣлался Бецкій (1765). Цѣлью новаго начальника было сдѣлать изъ кадетовъ не «искусныхъ офицеровъ», а «знатныхъ гражданъ»; и современники замѣтили, что со времени Бецкаго изъ корпуса стали выходить не военные, а энциклопедически образованные люди. По замѣчанію одного недружелюбно настроеннаго наблюдателя, «они играли хорошо комедію, писали стишки, однимъ словомъ, знали все, кромѣ того, что нужно знать офицеру». И сама Екатерина прямо хвалилась этимъ. «Напрасно думаютъ», писала она, «что мои кадеты приготовляются единственно для войны... Мои кадеты сдѣлаются всѣмъ тѣмъ, чѣмъ пожелаютъ быть, и выберутъ себѣ поприще по своимъ вкусамъ и склонностямъ».

Меньше всего соотвѣтствовало намѣреніямъ императрицы положеніе малолѣтняго отдѣленія при академической гимназіи. Бурсацкіе нравы слишкомъ укоренились здѣсь среди казеннокоштныхъ стипендіатовъ, чтобы нѣсколько десятковъ воспитанниковъ, переведенныхъ въ гимназію по окончаніи малолѣтняго отдѣленія, могли поднять нравственный уровень гимназистовъ. Къ тому же, если переберемъ всѣхъ тѣхъ «мадамъ» и «мамзелей», которыя безпрерывно то нанимались, то снова прогонялись изъ малолѣтняго от-

дѣленія, то получимъ полное основаніе сомнѣваться, чтобы изъ рукъ такихъ воспитательницъ могли выйти новыя породы людей. Увлеченная просвѣтительными теоріями, энтузіастически настроенная, Екатерина шестидесятыхъ годовъ могла мечтать о созданіи этой новой породы. Охлажденная житейскимъ опытомъ и разочарованная, Екатерина восьмидесятыхъ годовъ должна была видѣть, какъ недостаточны были для выполненія этого грандіознаго замысла находившіяся въ рукахъ ея средства. Если на глазахъ у нея, при самомъ тщательномъ надзорѣ за выполненіемъ ея плановъ, получались не совсѣмъ тѣ результаты, на которые она разсчитывала, то чего же можно было ожидать отъ распространенія этихъ попытокъ на всю Россію? Такимъ образомъ, то, что въ шестидесятыхъ годахъ могло казаться Екатеринѣ началомъ великаго общественнаго переворота, въ восьмидесятыхъ свелось къ дѣйствительнымъ размѣрамъ—разрозненныхъ и безсильныхъ отдѣльныхъ попытокъ. Естественно, императрица охладѣла мало-по-малу къ идеѣ воспитанія новой породы и даже на близкій ея сердцу Смольный должна была взглянуть другими глазами. Она не затруднилась наложить руки на Смольный и отстранить Бецкаго отъ управленія корпусомъ, какъ только коммиссія восьмидесятыхъ годовъ обнаружила низкій уровень преподаванія въ обоихъ заведеніяхъ. Воспитательныя цѣли съ этихъ поръ перестаютъ быть задачей Екатерины; вопросы обученія снова выступаютъ для нея на первый планъ. Но отъ ея педагогическихъ увлеченій остается въ ней прочное убѣжденіе, что школа должна быть общеобразовательной и что обученіе должно преслѣдовать педагогическія, а не профессіональныя цѣли. Такую школу и такое обученіе она стремится теперь создать и распространить на всю Россію.

Для новаго дѣла являются и новыя лица. Главнымъ изъ нихъ былъ нѣкто Янковичъ де-Миріево, сербъ, имя котораго заслуживаетъ быть гораздо болѣе извѣстнымъ образованной Россіи, чѣмъ оно извѣстно до сихъ поръ. Во второй половинѣ XVIII вѣка образцовымъ типомъ общеобразовательной школы считалась прусская гимназія. По прусскому образцу реформирована была и австрійская гимназія (1774) подъ руководствомъ самого устроителя прусской школы и реформатора школьнаго метода, Фельбигера, котораго для этой цѣли Марія-Терезія выпросила у Фридриха II. Въ одномъ изъ округовъ Венгріи устраивалъ школы по методу Фельбигера сербъ Янковичъ, прошедшій курсъ юридическихъ и экономическихъ наукъ въ вѣнскомъ университетѣ. По просьбѣ Екатерины II, Іосифъ II рекомендовалъ ей Янковича, «какъ человѣка, трудившагося уже по устроенію народныхъ школъ, знающаго языкъ россійскій и исповѣдующаго православный законъ». Вызванный въ Россію, Янковичъ сдѣлался истиннымъ творцомъ первой русской общеобразовательной школы, сравнительно съ которой все предыдущее является только отрывочными попытками. Выработанный имъ (по Фельбигеру и Гену) планъ учебныхъ заведеній былъ принятъ «коммиссіей объ устройствѣ народныхъ училищъ», учрежденной въ 1782 году, и положенъ въ основу «устава народныхъ училищъ», высочайше утвержденнаго 5 августа 1786 г.

По плану Янковича предстояло учредить три типа общеобразовательныхъ школъ: двухклассныя, трехклассныя и четырехклассныя. Школа перваго типа носила названіе *малой*, второго—*средней*, третьяго—*главной*. О преподаваніи излюбленныхъ предметовъ русскаго шляхетства,—иностранныхъ языковъ и танцевъ, эта школа заботилась очень мало. Она преподавала главнѣйшіе общеобразовательные предметы, распредѣляя ихъ по классамъ концентрическими кругами, такъ что программа каждаго класса представляла нѣчто цѣльное. Въ первомъ классѣ малой школы проходилось чтеніе, письмо, знаніе цифръ, краткій катехизисъ, священная исторія и начатки русской грамматики. Во второмъ классѣ катехизисъ проходился подробнѣе, но безъ текстовъ, и, кромѣ того, ариѳметика, книга «о должностяхъ человѣка и гражданина», чистописаніе и рисованіе. Средняя школа состояла изъ тѣхъ же двухъ классовъ, но присоединяла къ нимъ третій, въ которомъ проходился катихизисъ съ текстами, объясненіе евангелія, русская грамматика съ ѳреографическими упражненіями, всеобщая и русская исторія и краткая географія Россіи *). Наконецъ, въ главной народной школѣ присоединялся къ тѣмъ предыдущимъ еще четвертый классъ: въ немъ географія и исторія проходились подробнѣе **), затѣмъ преподавалась математическая географія, грамматика съ упражненіями въ сочиненіяхъ преимущественно дѣлового характера (писемъ, счетовъ, расписокъ и т. п.), основанія геометріи, механики, физики, естественной исторіи и гражданской архитектуры. Главное отличіе новой школы отъ предыдущей должно было, однако, заключаться не столько въ программѣ, сколько въ способѣ ея выполненія. Янковичъ хотѣлъ, чтобы учитель находился въ классѣ не для задаванія и выспрашиванія уроковъ, а для самаго усвоенія проходимыхъ предметовъ. Для этого, прежде всего, учитель долженъ былъ заниматься съ цѣлымъ классомъ, а не съ отдѣльными учениками. Въ прежнее время каждый ученикъ учился самъ по себѣ: одни уходили впередъ другіе отставали, такъ что никакого общаго дѣла въ классѣ нельзя было дѣлать ***). Идеальнымъ порядкомъ въ классѣ считалось, когда каждый зубрилъ свою часть предмета вслухъ, и учитель, увѣренный, что всѣ ученики заняты дѣломъ, самъ могъ тоже заняться своими дѣлами. Теперь этотъ шумъ долженъ былъ замѣниться молчаніемъ и общимъ вниманіемъ къ тому, что говоритъ учитель. Въ классѣ явилась классная доска, на которой учитель писалъ то, что надо было учить, такъ, чтобы всѣ видѣли. Объясненія и разсказа учителя все еще не требовалось и въ этой школѣ; по крайней мѣрѣ, они не составляли главнаго

*) Въ школѣ высшаго типа ариѳметика не кончалась въ 2-мъ классѣ, а переходила также и въ третій.

**) При окончательномъ устройствѣ школъ за первымъ типомъ «малаго училища» прямо вводился третій: поэтому, географія и исторія преподавались не концентрическимъ кругомъ, а прямо распредѣлялись между 3-мъ и 4-мъ классами.

***) Напримѣръ, въ рязанской цифирной школѣ въ 1727 году изъ 32 учениковъ ариѳметическаго класса 11 учились счисленію, 5 сложенію, 1 вычитанію, 3 умноженію, 5 дѣленію, 3 тройному правилу, 2 десятичнымъ дробямъ, 1 циркульнымъ пріемамъ геометріи, 1 плоской тригонометріи, тангенсамъ.

въ преподаваніи. Ученикъ еще не привыкъ учиться внѣ школы, и поэтому школа должна была заниматься не только разъясненіемъ, но и самымъ усвоеніемъ урока. Для этого рекомендовались особые пріемы: учитель читалъ вслухъ текстъ учебника, за нимъ читали то же самое ученики поочередно, затѣмъ всѣ хоромъ; далѣе учитель писалъ на доскѣ начальныя буквы каждой фразы, подлежавшей къ запоминанію, и заставлялъ классъ повторять фразу на память; наконецъ, и буквы стирались, и та же фраза произносилась наизусть. Правда, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, Янковичъ требовалъ разсказа своими словами; гдѣ было можно, онъ совѣтовалъ прибѣгать къ наглядному обученію: въ высшихъ классахъ рекомендовалось даже вызывать въ ученикѣ самостоятельную работу мысли. Но основой преподаванія все же оставался учебникъ и его усвоеніе, по возможности, буквальное, цѣлымъ классомъ въ теченіе урока. Воспитанія въ собственномъ смыслѣ школа Янковича не ставила своей задачей; но отношенія учителя къ дѣтямъ должны были основываться на новыхъ педагогическихъ идеяхъ. Наказанія, особенно тѣлесныя, безусловно изгонялись изъ школы. Для поддержанія классной дисциплины считались достаточными увѣщанія, предостереженія, угрозы, лишеніе пріятнаго и устыженіе. Эта градація, прямо переведенная изъ австрійскаго Methodenbuch (какъ и другія правила для учителей)—очень близко сходится съ идеями екатерининской инструкціи.

Чтобы ввести въ дѣйствіе систему Янковича, нужно было, во-первыхъ, создать подходящіе учебники и, во-вторыхъ, познакомить учителей съ новымъ методомъ преподаванія. Янковичъ позаботился о томъ и другомъ. Въ 1786 г. было уже готово и отпечатано 27 руководствъ и пособій, большая часть которыхъ самимъ Янковичемъ переведены или передѣланы изъ австрійскихъ учебниковъ. Содержаніе этихъ учебниковъ соотвѣтствовало ихъ назначенію—быть выученными наизусть. По географіи и исторіи Янковичъ давалъ ученикамъ одинъ конспективный наборъ фактовъ; по естествееной исторіи, геометріи, физикѣ («механикѣ») выдвинута была на первый планъ практическая, прикладная сторона, и оставлены въ сторонѣ теоретическія объясненія и доказательства. Школа должна была служить, очевидно, усвоенію знаній, а не развитію мысли — и въ этомъ ея связь со школой стараго времени. Для того, чтобы приготовить учителей, вызвано было въ Петербургъ до 100 воспитанниковъ духовной семинаріи и московской академіи: для обученія ихъ методу открыто въ Петербургѣ (1783) главное народное училище, при которомъ опредѣлено и впредь постоянно имѣть 100 казенныхъ стипендій. Въ 1786 г. учительская семинарія отдѣлилась отъ главнаго училища и просуществовала до 1801 года, выпустивъ за этотъ промежутокъ времени 425 учителей. Первый выпускъ готовъ былъ къ серединѣ 1786 года: въ немъ было до 100 воспитанниковъ, изъ которыхъ половина признана была годной для занятія учительскихъ мѣстъ въ высшихъ двухъ классахъ, а другая въ двухъ низшихъ. Такимъ образомъ, считая по учителю на каждый изъ четырехъ классовъ, «коммиссія народныхъ училищъ» имѣла запасъ учителей

для 26 главныхъ училищъ. Это количество и велѣно было открыть ко дню коронаціи императрицы (22 сентября) въ 26 губернскихъ городахъ Россіи. Послѣ слѣдующаго выпуска указъ 3 ноября 1788 г. распорядился объ открытіи главныхъ народныхъ училищъ въ остальныхъ 14 губерніяхъ. Изъ другихъ типовъ, проектированныхъ Янковичемъ, правительство остановилось на малой двухклассной школѣ. Такія школы предполагалось открывать въ уѣздныхъ городахъ, по мѣрѣ того, какъ губернскія главныя училища подготовятъ для нихъ учителей.

Посмотримъ теперь, какъ осуществилась на практикѣ система Явковича де-Миріево. Прежде всего надо замѣтить, что указы объ открытіи главныхъ училищъ не создавали никакихъ новыхъ источниковъ для содержанія новыхъ учебныхъ заведеній; училища должны были содержаться на старыя средства приказовъ общественнаго призрѣнія. Отказаться отъ этого расхода приказы не могли, но они постарались сдѣлать, что только было возможно, чтобы сократить свои траты. На счетъ учительскаго жалованья и въ ущербъ школьному благоустройству имъ удавалось иногда сберечь до половины издержекъ, положенныхъ по штату. Такъ или иначе, матеріальная сторона дѣла была улажена. Учителя и учебники присланы были изъ Петербурга. Оставалось найти учениковъ и какъ можно скорѣе, потому что къ коронаціи главныя училища обязательно должны были быть открыты. Такъ какъ охотниковъ учиться все еще оказывалось слишкомъ мало, то мѣстныя власти прибѣгли къ знакомымъ намъ пріемамъ. Державинъ въ Тамбовѣ забиралъ дѣтей въ школу насильно, черезъ полицію. Вятскій намѣстникъ тоже записывалъ учениковъ въ народное училище «силою своей власти»; чтобы наполнить новую школу, онъ распорядился закрыть всѣ старыя. Такимъ образомъ, лишены были своего заработка всѣ мѣстные педагоги: и отставной писецъ Глухихъ, и мѣщанинъ Ланскихъ, и дьяконъ Лупповъ, и солдатка Васильева: и все-таки набралось въ главное училище всего только 43 ученика. Въ Петербургѣ тоже закрыты были при устройствѣ народныхъ училищъ всѣ русскіе пансіоны, и такимъ образомъ набрано было 159 лишнихъ учениковъ. Такъ, вѣроятно, происходило дѣло и въ другихъ губернскихъ городахъ. Разумѣется, поступать такимъ образомъ нельзя было съ «благородными»; благородныхъ и оказалось очень мало въ составѣ народныхъ училищъ. Въ Петербургской губерніи еще въ 1801 году изъ 4.136 учащихся было только 670 дворянскихъ дѣтей, т. е. 16%; въ Новгородской въ 1803 г. изъ 507 учащихся только 67 благородныхъ, т. е. 13%. Огромное большинство учениковъ были дѣти купцовъ, мѣщанъ и солдатъ. Родители предназначали ихъ или для продолженія своего занятія, или для приказной службы; въ обоихъ случаяхъ для нихъ достаточно было пройти низшіе классы народнаго училища. «Родители учащихся, — говоритъ одинъ ревизоръ училищъ въ 1789 г. — не видятъ цѣли ученія, въ высшихъ классахъ преподаваемаго... Всякій знаетъ, что для снисканія мѣста въ гражданской службѣ нужно одно токмо чистописаніе, — почему и невозможно ожидать, чтобы многіе дѣтей своихъ посылали въ высшіе классы».

Дѣйствительно, недоучившійся дворянинъ могъ откровенно заявить въ прошеніи того времени: «россійской грамматикѣ и писать *отчасти* умѣю, но дальнѣйшихъ наукъ не въ состояніи проходить, и достигши въ совершенныя лѣта, уже не могу имѣть объ нихъ понятія, и *потому* возымѣлъ ревностное желаніе служить». И исключенный семинаристъ съ такой же откровенностью писалъ въ своемъ прошеніи: «по слабости моего здоровья и *нѣкоторыхъ понятій* исключенный изъ духовнаго училища, но теперь, поправившись въ здоровьѣ, имѣю желаніе продолжать статскую службу въ канцеляріи губернскаго правленія». Дальнѣйшее пребываніе въ школѣ не могло дать этимъ кандидатамъ на гражданскія должности никакихъ особыхъ правъ передъ такими просителями, какъ, напр., другой дворянинъ, который, «*обучась дома* россійской грамотѣ читать и писать», изъявлялъ такое же «ревностное желаніе» служить, или пѣвчій изъ архіерейскаго хора, желавшій «по усовершенствованіи пѣвческими дисциплинами и по спаденіи гармоническаго голоса поступить въ губернское правленіе подъ премудрую десницу начальства». Эти житейскія условія объясняютъ намъ, почему, напр., въ Архангельской губерніи изъ всего количества учившихся за 1786—1803 годы (1.432 чел.)—только 52 ученика получили аттестатъ въ окончаніи полнаго курса.

Еще хуже обстояло дѣло съ малыми народными училищами, проектированными въ уѣздныхъ городахъ. Потребность образованія чувствовалась здѣсь гораздо слабѣе, чѣмъ въ губернскихъ городахъ, а открытіе школъ поставлено было въ зависимость отъ щедрости мѣстныхъ городскихъ думъ. На первыхъ порахъ, сгоряча, малыхъ училищъ открылось сразу довольно много въ уѣздахъ. Но скоро думы начали тяготиться содержаніемъ училищъ; и не только открытіе новыхъ школъ не шло съ первоначальной быстротой, но и раньше открытыя стали мѣстами закрываться. Такъ, въ 1790 г. обыватели Лебедяни, Шацка, Спасска и Темникова подали губернской власти слѣдующія, почти одинаковыя заявленія: «купецкихъ и мѣщанскихъ дѣтей въ школахъ не состоитъ, да и впредь къ изученію въ училища отдавать дѣтей мы не намѣрены. Того ради содержать училища желанія нашего не состоитъ и мы не видимъ для себя отъ оныхъ пользы». И училища были закрыты. Козловскій купецъ, смотритель мѣстнаго училища, шелъ еще дальше: онъ находилъ, что вообще всѣ училища вредны и что «оныя полезно повсемѣстно закрыть». При такомъ отношеніи мѣстнаго населенія къ школѣ, малыя училища посѣщались очень плохо и часто переставали существовать фактически. Такъ покончило свое существованіе только-что упомянутое козловское училище. То же самое случилось съ училищемъ въ Онегѣ. Въ тихвинскомъ училищѣ тотчасъ послѣ открытія (1788) изъ 68 учениковъ разбѣжалось 54. Непріязненное отношеніе къ новой школѣ чувствовалось, впрочемъ, и въ губернскихъ городахъ. Такъ, въ Вяткѣ, причины малаго количества учениковъ въ главномъ училищѣ объяснялись въ 1797 году слѣдующимъ образомъ: «здѣшніе обитатели, мало соревнуя предположенной цѣли просвѣщенія, неохотно отдаютъ дѣтей своихъ въ народныя училища... Многіе лучше

хотятъ ихъ заблаговременно пріучать къ познаніямъ въ домашнихъ дѣлахъ и для купечества и мѣщанства нужностяхъ, въ которыхъ они сами обращаются. Также многіе... отдаютъ дѣтей своихъ для обученія по церковнымъ книгамъ къ причетникамъ, восхищаясь, когда дѣти ихъ могутъ читать въ церкви часословъ и псалтирь».

Такимъ образомъ, старыя привычки семьи и школы составляли самое важное препятствіе для распространенія екатерининскихъ общеобразовательныхъ училищъ и для ихъ успѣха въ провинціи. Но надо сказать, что и самыя эти училища вышли на практикѣ далеко не такими, какъ проектировалъ ихъ Янковичъ.

Устранивъ много препятствій къ успѣху своего предпріятія, онъ не въ силахъ былъ устранить одного—и самаго главнаго: тяжелаго матеріальнаго и нравственнаго положенія учителя въ русской школѣ. Положеніе это являлось неизбѣжнымъ послѣдствіемъ только-что указаннаго нами отношенія общества къ школѣ. Попадая въ учительское званіе, большею частью, не по своей волѣ, а по назначенію епархіальнаго начальства, преподаватель XVIII вѣка не могъ ни продвинуться вверхъ по соціальной лѣстницѣ, ни уйти со службы иначе, какъ въ солдаты—за пьянство и «дурную нравственность». Такимъ образомъ, о выборѣ учительской профессіи по призванію и о переходѣ непризванныхъ въ другія профессіи—въ громадномъ большинствѣ случаевъ не могло быть и рѣчи. Учителю приходилось мириться съ положеніемъ, изъ котораго невозможно было выйти, или искать забвенія въ винѣ. А между тѣмъ, примириться съ этимъ положеніемъ для человѣка сколько-нибудь талантливаго было слишкомъ трудно. Грошовое учительское жалованье большею частью недоплачивалось или просрочивалось приказомъ. Старый педагогъ, служившій съ самаго основанія народныхъ училищъ, говорилъ по этому воводу въ 1811 г. слѣдующее: «мною впродолженіи 25-тилѣтняго служенія замѣчено, что *всѣ* учителя, служащіе на старомъ положеніи, были всегда бѣдны и претерпѣвали великій недостатокъ, нынѣ же, по дороговизнѣ всѣхъ вещей, еще болѣе увеличилась ихъ бѣдность и доводитъ иныхъ до крайности. Я всегда скорбѣлъ и нынѣ скорблю душою, взирая на бѣднаго трудолюбца». Соціальное положеніе провинціальго учителя было самое унизительное. Его третировали и мѣстные богатѣи, и мѣстные чиновники, и тѣ, кто преклонялся передъ силой чиновъ и денегъ, т. е., въ сущности, всѣ, не исключая и его самого. Милость сильныхъ къ нему выражалась обидной подачкой; при немилости онъ рисковалъ быть побитымъ «палочьемъ», какъ грозила одному педагогу жена упоминавшагося выше козловскаго смотрителя. Что удивительнаго, если при всѣхъ этихъ условіяхъ люди, сохранявшіе теплоту сердца и интересъ къ своему дѣлу, являлись единичными исключеніями?

Огромное большинство скоро махало рукой на все и кое-какъ тянуло служебную лямку. Педагогическіе пріемы Янковича уступали мѣсто старому зубренью въ одиночку; учитель ограничивался обязанностью выспрашиванія, а чаще всего и эту обязанность перелагалъ на болѣе способныхъ учениковъ. Самъ онъ считалъ себя

еще очень исправнымъ, если высиживалъ въ школѣ всѣ назначенные дни и часы: очень часто и этого не бывало. Словомъ, учителя и ученики, къ обоюдному удовольствію, сводили свои обязанности къ минимуму и составляли молчаливый заговоръ, чтобы обмануть начальство въ годичныхъ отчетахъ и мѣстную публику—въ ежегодныхъ торжественныхъ актахъ.

Въ началѣ царствованія имп. Александра I, его воспитатель Лагарпъ, подводя итоги дѣятельности «коммиссіи народныхъ училищъ», былъ удивленъ контрастомъ между блестящимъ началомъ и вялымъ продолженіемъ этой дѣятельности. Онъ приписывалъ это ослабленіе энергіи—личнымъ побужденіямъ, руководившимъ членами коммиссіи. «О такомъ неимовѣрномъ успѣхѣ (169 школъ къ 1787 году) много говорили въ свое время», замѣтилъ онъ; «награды посыпались тому, кто приписывалъ себѣ это чудо (Лагарпъ намекаетъ на Завадовскаго), а также и кліентамъ чудотворца. Награды розданы, и чудеса прекратились. Въ два послѣдніе года царствованія Екатерины основаны только три училища. Съ воцареніемъ имп. Павла коммиссія словно проснулась, основала вдругъ 13 школъ и затѣмъ погрузилась въ свою обычную летаргію». Вѣроятно, намеки Лагарпа имѣли нѣкоторое основаніе; но, зная, съ какими средствами приходилось дѣйствовать коммиссіи училищъ и какъ отнеслось къ ея дѣятельности населеніе, мы найдемъ, что и то, что было ею сдѣлано,—было все-таки очень много. Скорѣе, чѣмъ ждать отъ нея продолженія «чудесъ», слѣдовало бы подумать о томъ, что чудесъ вообще не бываетъ. Коммиссія остановилась въ своей дѣятельности не потому, чтобы была пресыщена «наградами», а потому, что всѣ ея рессурсы для полученія наградъ были истощены. Становилось трудно даже просто удерживать народное образованіе на достигнутомъ уровнѣ, не говоря уже о достиженіи дальнѣйшихъ успѣховъ. Одно это обстоятельство доказываетъ, что коммиссія сдѣлала скорѣе больше, нежели меньше того, чѣмъ можно было отъ нея ожидать при тогдашнихъ условіяхъ ея дѣятельности.

Развитіе народнаго образованія въ Россіи послѣ учрежденія коммиссіи видно будетъ изъ слѣдующей таблицы. Кромѣ главныхъ и малыхъ школъ, здѣсь присоединены также и другія учебныя заведенія (т.-е. пансіоны, домашнія и сельскія училища: о послѣднихъ см. ниже).

Годы.	Число училищъ.	Число учащихъ.	Число учащихся.
1786	40	136	4.398
1787	165	395	11.088
1788	218	525	13.539
1789	225	576	14.389
1790	269	629	16.525
1791	288	700	17.787
1792	302	718	17.500
1793	311	738	17.297
1794	302	767	16.620
1795	307	716	17.097

*

1796	316	744	17.341
1797	285	664	15.628
1798	284	752	16.801
1799	281	721	17.598
1800	315	790	19.915

На эти цифры нельзя полагаться вполнѣ, но нѣкоторое, относительное значеніе онѣ, несомнѣнно, могутъ имѣть. Судя по нимъ, число учащихся достигло своего максимума на шестой годъ реформы (1791), число школъ—на восьмой, и число учителей на девятый. Вслѣдъ затѣмъ всѣ эти цифры начинаютъ сильно падать. Въ послѣдній годъ царствованія Екатерины II онѣ, правда, снова возвращаются къ старому максимуму, но опять рѣзко падаютъ въ первый годъ царствованія имп. Павла. Затѣмъ, число учащихся опять начинаетъ быстро подниматься.

По половому составу учащіеся въ школахъ Екатерины распредѣлялись очень неравномѣрно. Хотя главныя и малыя училища предназначались одинаково для мальчиковъ и дѣвочекъ, но старый взглядъ на женское образованіе, а также и боязнь посылать дѣвочекъ въ такую школу, отъ которой опасались порчи даже для мальчиковъ, помѣшали обществу воспользоваться этой возможностью. Изъ 176.730 учениковъ, прошедшихъ школу въ промежутокъ 1782—1800 гг., дѣвочекъ было всего 12.595, т. е. только 7%. И притомъ большая часть этого количества приходилась на столицы. Такъ, изъ 1.121 дѣвочки, учившихся въ школахъ въ 1796 году, на Петербургскую губернію приходилось 759; слѣдовательно, на всю остальную Россію остается всего 362.

Сравнительно съ цифрами школьной статистики 1727 года (см. выше) только-что приведенныя цифры представляютъ значительный шагъ впередъ. Но по отношенію ко всему населенію тогдашней Россіи и эти цифры оказываются еще совершенно ничтожными. Принимая населеніе Россіи въ 1790 году равнымъ 26 милліонамъ, мы получимъ выводъ, что одинъ учащійся приходился въ это время на 1,573 души всего населенія. Одной этой цифры достаточно, чтобы показать, что школа Екатерины была «народной» только по имени и что народная масса до самаго XIX столѣтія лишена была всякаго культурнаго воздѣйствія школы.

Нельзя сказать, чтобы вопроса о народной школѣ вовсе не возникало во время Екатерины. Напротивъ, вопросъ этотъ ставился не разъ и былъ формулированъ весьма опредѣленно. Два-три депутата Екатерининской коммиссіи для составленія уложенія заговорили объ элементарной школѣ для низшихъ классовъ уже въ 1768 году. Предложенія этихъ депутатовъ вызвали, однако, рѣшительное сопротивленіе. Одинъ ихъ противникъ находилъ, что училищъ для крестьянъ «совсѣмъ имѣть не надлежитъ, потому что земледѣльцу—другихъ наукъ, состоянію ихъ не принадлежащихъ, совсѣмъ имѣть не слѣдуетъ, кромѣ россійской грамоты»; а грамоту «могутъ оные имѣть и безъ учрежденія для нихъ училищъ, какъ и донынѣ оное было». Школа, по мнѣнію этого депутата, только отвлечетъ крестьянина отъ земледѣлія, которое

и должно для него оставаться единственной школой. Защитникамъ народной школы не трудно было, однако же, доказать, что на ихъ сторонѣ — самъ авторъ Наказа. Въ концѣ концовъ, въ числѣ многочисленныхъ коммиссій, выбранныхъ для разсмотрѣнія спеціальныхъ вопросовъ, возбужденныхъ депутатами и Наказомъ, организована была при «Большомъ собраніи» и «коммиссія объ училищахъ». Къ веснѣ 1770 года коммиссія эта представила готовый проектъ устройства деревенскихъ школъ. По ея проекту предполагалось, по примѣру Пруссіи, ввести въ Россіи обязательное обученіе грамотѣ для всѣхъ дѣтей мужскаго пола. Въ каждомъ селѣ или большой деревнѣ должны были открыться школы, по одной на 100—250 семей. Всѣ расходы по школамъ возлагались на прихожанъ. Надзоръ за школами поручался священникамъ, а преподавателями назначались діаконы, или дьячки, или, наконецъ, свѣтскія лица.

«Мысли училищной коммиссіи объ устройствѣ сельскихъ училищъ», замѣтилъ по этому поводу бывшій министръ, гр. Д. А. Толстой, «были такъ здравы, что не только опередили свое время, но и наше. И доселѣ мы не дошли до убѣжденія, что единственное вѣрное средство для всеобщаго образованія народа есть обязательность начальнаго обученія... Легко себѣ представить, какія благодѣтельныя послѣдствія имѣло бы принятіе правительствомъ, болѣе вѣка тому назадъ, начала обязательности ученія. Теперь почти весь русскій народъ былъ бы грамотенъ, какъ германскій, и общій уровень образованности страны, вліяющій на все ея положеніе, какъ духовное, такъ и экономическое, былъ бы гораздо выше». Историкъ едва ли согласится съ этимъ сужденіемъ политическаго дѣятеля. Если правительство и было одушевлено при Екатеринѣ желаніемъ придти на помощь народу, то одного этого желанія было еще слишкомъ мало. Сравнивая тогдашнюю постановку вопроса съ тѣмъ, какъ онъ стоитъ теперь, мы можемъ наглядно измѣрить разстояніе, пройденное русскимъ обществомъ въ теченіе вѣка съ небольшимъ. Объ *обязательности*, правда, и теперь не рѣшаются толковать; говорятъ только о *всеобщности* обученія грамотѣ. Но теперь есть охота и потребность учиться у населенія; нашлись бы и средства у государства... Что же теперь мѣшаетъ послѣдовать совѣту гр. Толстого?

Дѣло ограничилось при Екатеринѣ единичными усиліями отдѣльныхъ лицъ. Можно насчитать до дюжины сельскихъ школъ, открытыхъ въ разныхъ губерніяхъ и вмѣщавшихъ до двухъ съ половиной сотенъ крестьянскихъ дѣтей. Но не говоря уже о томъ, что это была только капля въ морѣ,—почти всѣ эти школы тогда же закрылись. Низшая школа въ Россіи оставалась дѣломъ будущаго, дѣломъ XIX вѣка: XVIII-й вѣкъ едва оказался въ состояніи поставить на ноги среднюю школу.

Школьной системѣ первой половины XVIII вѣка посвящено изслѣдованіе проф. *М. Владимірскаго - Буданова*, Государство и народное образованіе въ Россіи XVIII вѣка. Ч. I. Система профессіональнаго образованія (отъ Петра I до Екатеринѣ II). Ярославль, 1874. Исторія «Навигацкихъ школъ» въ Москвѣ и «Морской академіи» въ Петербургѣ изложена по подлиннымъ

документамъ въ книгѣ *Ѳ. Веселаго,* Очеркъ исторіи морского кадетского корпуса. Спб. 1852. Статистика цифирныхъ школъ въ 1727 составлена по документу, напечатанному въ Сборникѣ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, т. LVI (стр. 320 — 321). Статистика архіерейскихъ школъ въ томъ же году—по документу, использованному *Пекарскимъ,* Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ, т. I, Спб.. 1862. Тамъ же см. о переговорахъ Петра съ Вольфомъ. Съ «Академической гимназіей» и «Академическимъ университетомъ въ XVIII столѣтіи по рукописнымъ документамъ архива Академіи Наукъ» знакомитъ *гр. Д. А. Толстой,* см. Сборникъ Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ, т. XXXVIII, №№ 5 и 6. Спб. 1885. Для исторіи Шуваловскихъ учебныхъ заведеній см. *Шевырева,* Исторію Московскаго университета, М. 1855 и *В. Владимірова,* Историческая записка о 1-й Казанской гимназіи XVIII столѣтія. Ч. I. Казань, 1867. Объ идеалахъ древне-русскаго воспитанія см. статью *Н. Лавровскаго,* «Памятники стариннаго русскаго воспитанія» въ Чтеніяхъ Общества Исторіи и Древностей, М. 1861, «О воспитательныхъ идеяхъ Екатерины» см. *его же* книгу: О педагогическомъ значеніи сочиненій Екатерины Великой. Харьковъ, 1856. О закрытыхъ учебныхъ заведеніяхъ Екатерины II см. «Взглядъ на учебную часть въ Россіи въ XVIII столѣтіи до 1782 года», *гр. Д. А. Толстого* въ указанномъ «Сборникѣ». Въ частности, объ «Обществѣ благородныхъ дѣвицъ» при Смольномъ монастырѣ см. Матеріалы для исторіи женскаго образованія въ Россіи *Е. Лихачевой,* Спб., 3 тома, 1890—1895. О новой системѣ Янковича и о первыхъ шагахъ дѣятельности «Коммиссіи народныхъ училищъ» см. Историко статистическое обозрѣніе учебныхъ заведеній С.-Петербургскаго учебнаго округа съ 1715 по 1828 г. включительно *А. Воронова,* Спб. 1849. Примѣры тѣхъ условій, при которыхъ система Янковича вводилась въ провинціи см. въ брошюрѣ *А. Спицына,* Исторія Вятскаго главнаго народнаго училища (1786—1811 гг.) Вятка, 1891 (также Календарь Вятской губерніи на 1891 г.) и *И. Дубасова,* Очерки изъ исторіи Тамбовскаго края, вып. 2. Школьная статистика 1786 — 1800 гг. разработана по данн мъ министерства народнаго просвѣщенія въ статьѣ *К. Арсеньева,* Историко-статистическій очеркъ народной образованности въ Россіи до конца XVIII вѣка, въ «Ученыхъ Запискахъ» Академіи Наукъ, кн. I. Проекты устройства низшей школы см. въ послѣдней изъ названныхъ статей *гр. Д. А. Толстого*; попытки отдѣльныхъ лицъ въ цитированной статьѣ *К. И. Арсеньева.*

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

«Въ мірѣ отверженныхъ» г. Мельшина.—Каторга сорокъ лѣтъ назадъ.—Рѣзкая разница между «Мертвымъ домомъ» и «Міромъ отверженныхъ».—Этапный путь.—Типы преступниковъ у г. Мельшина.—Несостоятельность современной системы наказанія.

Больше тридцати лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ появленіе «Записокъ изъ Мертваго дома» вызвало небывалую сенсацію въ литературѣ и среди читателей. Это было своего рода откровеніе, новый міръ, казалось, раскрылся предъ изумленной интеллигенціей, міръ, совсѣмъ особенный, странный въ своей таинственности, полный ужаса, но не лишенный своеобразной обаятельности. Жизнь «Мертваго дома» и типы его населенія, какъ живые выступали подъ перомъ геніальнаго писателя, увѣковѣчившаго ихъ въ русской литературѣ. Авторъ съ подкупающей художественностью нарисовалъ картины жизни «несчастненькихъ», какъ прозвалъ народъ арестанта, и заставилъ всѣхъ почти согласиться съ собой, когда онъ въ заключиніи говоритъ: «вѣдь, надо ужъ все сказать; вѣдь, этотъ народъ необыкновенный былъ народъ. Вѣдь, это, можетъ быть, и есть самый даровитый, самый сильный изъ всего народа нашего». Правда, авторъ отмѣтилъ несимпатичныя черты своихъ героевъ, съ удивительной правдивостью обрисовалъ ихъ дикость, невѣжество, отсутствіе товарищескихъ чувствъ, но во всемъ оказывается виноватъ «Мертвый домъ» съ его мертвящими условіями. Даже, напротивъ, отрицательныя черты только усиливаютъ эффектъ общей красоты типа того русскаго преступника, какимъ онъ изображенъ въ «Мертвомъ домѣ».

Болѣе сильной и художественной идеализаціи арестанта и его внутренняго быта не знаетъ русская литература. Громадный талантъ автора надолго покрылъ розовымъ флеромъ «преступную душу», заставивъ всѣхъ преклониться предъ нею, потому что и для автора, и для его читателей она, дѣйствительно, выступаетъ, какъ лучшая представительница *народной* души. И зло, и добро въ ней проявляются въ грандіозныхъ размѣрахъ, получаютъ особую яркость, если можно такъ выразиться—жгучесть, благодаря окружающему аду, кладущему на все особый отпечатокъ мрачнаго отчаянія, сжимающаго сердце. Кто не помнитъ, напримѣръ, поразительной сцены въ церкви, когда вся эта преступная толпа въ неудержимомъ порывѣ покаянія падаетъ на землю, гремя цѣпями, при воз-

гласѣ священника: «но яко разбойника прими мя». Или описаніе тюремнаго театра, отношенія арестантовъ къ тюремнымъ животнымъ, описанія, въ которыхъ трудно усмотрѣть что-либо специфически-арестантское. Такъ оно заслонено общечеловѣческимъ. Въ этомъ и состояла, быть можетъ, великая заслуга автора, заставившаго общество смотрѣть на арестанта, преступника, прежде всего какъ на человѣка.

Но вотъ прошло сорокъ лѣтъ; предъ нами снова «Міръ отверженныхъ», и какая глубокая разница между нимъ и «Мертвымъ домомъ!» Новый авторъ, г. Мельшинъ, обладаетъ огромнымъ талантомъ, не столь глубокимъ, какъ у Достоевскаго, но яркимъ и сильнымъ. Его «Міръ отверженныхъ» безспорно художественное произведеніе, мѣстами написанное съ поразительной силой, отъ которой мы уже отвыкли въ современной художественной литературѣ. Горячій тонъ, проникающій эти страницы, придаетъ всѣмъ характеристикамъ и описаніямъ автора отпечатокъ непреложной искренности и правдивости, подъ обаяніемъ которой вы остаетесь съ начала и до конца. Рисуемые г. Мельшинымъ сцены, типы, картины природы отнюдь не фотографически вѣрныя изображенія, а вполнѣ художественные образы, по яркости и смѣлости мало въ чемъ уступающіе типамъ «Мертваго дома». Они живутъ, движутся, охватываютъ васъ толпою какихъ-то безобразныхъ фантомовъ, сливаясь въ удручающій кошмаръ, и вы начинаете вполнѣ понимать смертную тоску, вырвавшую изъ груди автора невольный крикъ боли и отчаянія: «О, проклятый, безчеловѣчный міръ труда и неволи!»

Авторъ вступаетъ въ него настроенный весьма идиллически. «Помню, долгое время,—говоритъ онъ,—я страшно идеализировалъ арестантовъ, ихъ артельные нравы и обычаи. Они всѣ рисовались моему воображенію какими-то Стеньками Разинами, людьми беззавѣтной удали и какого-то веселаго отчаянія... Среди маленькой кучки интеллигентовъ кандальный звонъ раздавался какъ-то жидко и прозаично; но тамъ, за парусиннымъ брезентомъ, гдѣ двигались сотни ногъ, звонъ этотъ имѣлъ въ себѣ что-то музыкальное, властное, чарующее... Цѣлые вѣка слышала этотъ звонъ матушка-Волга: въ немъ была передающаяся изъ рода въ родъ поэзія стихійная, безыскусственная... Тамъ страдаютъ безъ гнѣва, безъ жалобы и надежды, страдаютъ, что такъ и нужно, что иначе и невозможно: «не взяла моя—значитъ, меня бей, а коли я опять сорвусь, такъ ужъ вы не прогнѣвайтесь!..» Словомъ, народническая романтика, до виртуозности разработавшая вышеприведенный мотивъ Достоевскаго, что «самый лучшій, самый талантливый народъ изъ народа нашего» попадаетъ въ тюрьму,—всецѣло охватываетъ автора при его первыхъ попыткахъ знакомства съ этимъ «необыкновеннымъ» народомъ. Но,—замѣчаетъ авторъ не безъ юмора,—«первая моя попытка подойти ближе къ этому поэтическому міру едва не стоила мнѣ, однако,—чего бы вы думали, читатель? — глаза!.. Это было мое первое разочарованіе въ этихъ людяхъ, среди которыхъ предстояло мнѣ столько лѣтъ жить, первое свидѣтельство того, какой кромѣшный адъ тьмы и ненуж-

ной злости, безсмысленной жестокости представляетъ этотъ таинственный міръ, какъ онъ чуждъ мнѣ, и какъ много я долженъ буду выстрадать, живя съ ними одной жизнью» (стр. 9—10).

Не слѣдуетъ, думать, однако, что авторъ далѣе впадаетъ въ обратную крайность и, бросивъ народническіе очки съ ихъ лживо-розовымъ свѣтомъ, видитъ все лишь въ темномъ освѣщеніи. Художественное чутье, отличающее его талантъ, спасаетъ его отъ подобной крайности. Тѣмъ болѣе, что въ отношеніяхъ арестантской массы къ себѣ лично онъ, въпротивоположность Достоевскому, встрѣчалъ лишь проявленія хорошихъ чувствъ, какъ результатъ извѣстнаго уваженія къ нему, «особому преступнику», а «не мошеннику, какъ мы, всѣ прочіе». Когда однажды сожитель по камерѣ, въ пылу раздраженія началъ укорять автора, смѣшавъ его со всѣми, вся камера возмутилась и жестоко обрушилась на ругавшаго, который и самъ «на другой день просилъ прощенія наединѣ, съ чрезвычайной наивностью умоляя нѣсколько разъ ударить его по щекѣ» (стр. 149—150). И въ аду,—говоритъ Мильтонъ,—таится извѣстное уваженіе къ добродѣтели.

Стоитъ остановиться на этой разницѣ въ личныхъ отношеніяхъ, какъ они рисуются у Достоевскаго и у г. Мельшина. Первый постоянно, иногда съ чувствомъ жгучей, хотя и непонятной радости, подчеркиваетъ, что сѣрая арестантская масса относилась къ нему чуть не съ ненавистью, смѣшивая его съ остальными преступниками *изъ дворянъ*. «Желѣзные носы, вы насъ заклевали!» — такими обращеніями встрѣчали его товарищи по несчастью. Онъ описываетъ многократно проявленія глупой злобы къ нему на работѣ, при попыткѣ къ сближенію, при заявленіи претензіи начальству, и, кажется, встрѣть онъ иное къ себѣ отношеніе, положимъ, какъ тотъ же г. Мельшинъ, ему было бы даже досадно. Въ томъ высокомѣріи, презрительности, съ которыми глядѣла на него сѣрая масса, Достоевскій видитъ даже нѣкое величіе, принижающее его въ собственныхъ глазахъ, за то возвышающее народъ. Онъ со смиреніемъ подчеркиваетъ свое одиночество среди товарищей, и хотя, по чистой совѣсти, не считаетъ себя достойнымъ такого отчужденія, тѣмъ не менѣе восторженно заявляетъ въ одномъ мѣстѣ «Записокъ»: «Высшая и самая рѣзкая характеристическая черта нашего народа—это чувство справедливости и жажда ея. Нѣтушиной же замашки быть впереди во всѣхъ мѣстахъ и во чтобы то ни стало, стоитъ ли, нѣтъ ли того человѣкъ—этого въ народѣ нѣтъ. Стоитъ только снять наружную, наносную кору и посмотрѣть на самое зерно повнимательнѣе, поближе, безъ предразсудковъ—и иной увидитъ въ народѣ такія вещи, о которыхъ и не предъугадывалъ. Немногому могутъ научить народъ мудрецы наши. Даже утвердительно скажу—напротивъ: сами они еще должны у него поучиться». Много было причинъ, обусловившихъ во времена Достоевскаго такое къ нему отношеніе арестантовъ крестьянъ,—довольно и одного крѣпостного права,—но не послѣднее мѣсто слѣдуетъ отвести и этому, въ основѣ своей вздорному, взгляду самого Достоевскаго на народъ. Иначе смотритъ на него г. Мельшинъ, иначе былъ встрѣ-

ченъ онъ и народомъ, если только примѣнимо это слово къ «Міру отверженныхъ».

Первое, что поразило автора при вступленіи въ этотъ міръ былъ полный упадокъ прославленныхъ артельныхъ началъ. «Новый духъ, проникающій въ тюремный міръ, производилъ общее разложеніе и паденіе старинныхъ арестантскихъ обычаевъ и нравовъ. Много исчезаетъ симпатичныхъ, но еще болѣе безобразныхъ сторонъ». Грубая сила и кулакъ господствуютъ въ теченіе всего времени пути.

Описаніе этой дороги, сдѣланное г. Мельшинымъ, единственное въ русской литературѣ. Предъ нимъ блѣднѣетъ все, что можетъ быть извѣстно читателямъ изъ труда Максимова «Сибирь и каторга», хотя и у него этапный путь, ожидающій каждаго русскаго поселенца, достаточно ужасенъ. Путь этотъ длится нѣсколько мѣсяцевъ и совершается пѣшкомъ при любой погодѣ, и самъ по себѣ представляетъ жесточайшее наказаніе, какое могло только создаться при вѣковыхъ условіяхъ тюремнаго режима, до послѣднихъ дней существовавшаго у насъ. Авторъ надѣется, что съ проведеніемъ желѣзной дороги этотъ путь отойдетъ въ область преданій, а пока онъ все тотъ же, какъ и сто лѣтъ назадъ. Холодъ, дождь, слякоть въ дорогѣ на протяженіи нѣсколькихъ тысячъ верстъ. Ужъ какія тутъ артельныя начала, когда жизнь идетъ вотъ при какихъ условіяхъ:

«Вотъ остановились въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ этапа или полуэтапа, выстроились въ двѣ шеренги, въ ожиданіи повѣрки. Фельдфебель пересчитываетъ арестантовъ, и тотчасъ же, съ дикимъ крикомъ «ура», они летятъ въ растворенныя ворота занимать мѣста на нарахъ. Происходитъ страшная свалка и давка. Болѣе слабые падаютъ и топчутся бѣгущей толпой, получая иногда серьезныя увѣчья; болѣе дюжіе и проворные, усердно работая локтями и даже кулаками, проталкиваются впередъ и растягиваются во весь ростъ поперекъ наръ, стараясь занять какъ можно больше мѣста, успѣвая еще кинуть при этомъ халатъ, кушакъ и шапку. Такимъ образомъ случается, что подобный ловкачъ займетъ нѣсколько саженъ мѣста; разъ брошена на нары хоть маленькая веревочка, мѣсто это считается неприкосновеннымъ. Тутъ прекращается всякая борьба—таково обычное право. Непривычный и слабонервный человѣкъ не могъ бы, я думаю, испытать большаго ужаса, какъ, стоя гдѣ-нибудь въ углу корридора, въ сторонкѣ отъ дверей, ведущихъ въ общія камеры, слышать постепенно приближающійся гулъ неистовыхъ голосовъ, рева, брани и драки, бѣшеный звонъ кандаловъ, топотъ несущихся ногъ! Точно громадная орда варваровъ идетъ на приступъ, идетъ растерзать васъ, разорвать въ клочки, все разгромить и уничтожить! Вотъ все ближе и ближе... Вотъ ворвалась, наконецъ, въ корридоры эта ужасная лавина: дикія лица, искаженныя страстью и послѣднимъ напряженіемъ силъ, сверкающіе бѣлки глазъ, сжатые кулаки, оглушительное бряцанье цѣпей, яростная брань,—все это кажется, мчится прямо на васъ... Зажмурьте глаза въ страхѣ.. Но вотъ бѣшеный потокъ толпы повернулъ направо въ дверь камеры и слился въ одинъ глухой ревъ, въ которомъ ничего нельзя разобрать. За первой волной несется вторая, третья и, наконецъ, почти уже шагомъ плетутся, съ проклятіями и бранью, самые отсталые, отчаявшіеся захватить мѣсто наверху и принужденные лѣзть подъ нары» (21—22).

По истинѣ, картина, достойная дантовскаго ада, но это лишь путь къ нему. И такія сцены повторяются изо дня въ день на протяженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ. А что творится затѣмъ на этимъ этапахъ, гдѣ въ грязныхъ и тѣсныхъ помѣщеніяхъ, сырыхъ, холодныхъ, почти открытыхъ для всѣхъ перемѣнъ погоды,

набитыхъ сотнями мужчинъ, женщинъ и дѣтей,—не поддается описанію. Г. Мельшинъ чуть-чуть только приподымаетъ завѣсу и тотчасъ задергиваетъ ее, охваченный чувствомъ жгучаго стыда, не позволяющаго даже *говорить* о томъ, что *дѣлается* на виду у всѣхъ. «Главное, о невыразимо безстыдныхъ условіяхъ, всей своей тяжестью падающихъ прежде всего, разумѣется, на женщинъ... Оставляя въ сторонѣ каторжанокъ, вспомнимъ сколько идетъ въ каторгу добровольныхъ женъ, сестеръ, матерей, дочерей... И всѣ онѣ должны жить въ тѣхъ же омерзительныхъ условіяхъ... все это должны видѣть и слушать и молодыя дѣвушки, образованныя, съ тонкимъ вкусомъ, съ нервной организаціей, чуткой и нѣжной душой... О, неужели найдется кто-нибудь, кто не пойметъ меня, кто посмѣется надъ моими словами?»—восклицаетъ авторъ, пораженный своимъ описаніемъ. На это можно отвѣтить только его же словами, которыми онъ желаетъ объяснить жестокость тюремныхъ нравовъ: «Огрубѣло у каждаго сердце, окаменѣло»...

Такъ проходятъ преступники подготовительной путь къ исправленію, ожидающему ихъ въ «Мертвомъ домѣ», и нужно обладать поразительно стойкой нравственной организаціей, чтобы не растерять въ дорогѣ послѣднія черточки человѣчности и общественности. Большинство, вступая на эту дорогу дѣйствительно только «несчастненькими», оканчиваютъ ее ожесточенными преступниками. «Богъ!—отвѣчаетъ одинъ на замѣчаніе автора:—какой Богъ? Гдѣ только мы ни были, нигдѣ не видѣли ни Бога, ни дьявола». Какая безконечная масса страданій, «ни для кого не нужныхъ», должна была обрушиться на человѣка, давшаго подобный отвѣтъ! «Если бы у меня,—говоритъ авторъ,—былъ какой-нибудь заклятый врагъ, и я непремѣнно долженъ былъ бы осудить его на величайшую, по моему мнѣнію, кару, я избралъ бы путешествіе въ теченіе 3—4 лѣтъ по этапамъ. Осудить на большій срокъ у меня, право, не хватило бы духу... Да! для интеллигентнаго человѣка нельзя придумать высшаго на землѣ наказанія... Когда я оглянулся на послѣдній этапъ, на это неуклюжее зданіе, одиноко торчавшее въ открытомъ полѣ, длинное, сырое, угрюмое, безучастно видѣвшее столько поколѣній людей, изувѣченныхъ, безумныхъ людей, столько напрасныхъ мукъ, слезъ и смертей, я невольно содрогнулся»...

И сколько другихъ содрогались также, а угрюмое зданіе этапа стоитъ и теперь, какъ стояло сотни лѣтъ, и, можетъ быть, простоитъ еще столько же. Эти потрясающія картины этапной жизни въ самомъ равнодушномъ читателѣ должны возбудить одинъ неотвязный вопросъ, неужели это все такъ необходимо, неизбѣжно, неустранимо? Вѣдь, незначительныя даже улучшенія, самыя хотя бы простыя и естественныя, въ родѣ раздѣленія арестантовъ по полу, уже облегчили бы жизнь, подняли бы самочувствіе массы, спасли бы не одну тысячу жизней отъ полнаго нравственнаго и физическаго паденія.

Пройденъ, наконецъ, и послѣдній этапъ, предъ авторомъ раскрылись молчаливыя двери каторги, гдѣ онъ вступилъ въ «міръ отверженныхъ», сталъ его полноправнымъ членомъ... Какъ можно

жить, т. е. существовать при такихъ условіяхъ? спрашиваетъ авторъ, которому на первыхъ порахъ особенно бросились въ глаза условія жизни этого міра. Отвѣтъ, имъ найденный при ближайшемъ знакомствѣ съ товарищами, совершенно совпадаетъ съ наблюденіями Достоевскаго: надо *не думать*. «О завтрашнемъ днѣ стараются не думать. Этимъ-то свойствомъ и держится темный человѣкъ, особенно арестантъ. Не обладай онъ счастливой способностью не заглядывать въ будущее—жизнь стала бы не въ моготу».

Не всѣ, однако, счастливцы обладаютъ этой способностью, и мысль, величайшее благо, данное человѣку, превращается въ его величайшее несчастіе въ мірѣ отверженныхъ. Среди безмысленнаго существованія остальныхъ она выдѣляетъ своего обладателя и ставитъ его въ положеніе невыносимаго одиночества, съ которымъ не могутъ сравняться всѣ физическія мученія. Обладаніе способностью думать удваиваетъ, удесятеряетъ наказаніе для человѣка, доводя его до сумасшествія.

«...Что за странная галлюцинація? Гдѣ я? Какіе это трупы лежатъ возлѣ меня—и справа, и слѣва. и тамъ внизу, подъ ногами? Неужели я одинъ, живой среди мертвыхъ? О, радость, кто-то изъ нихъ пошевелился... Значитъ, я не одинъ живой... Да, да, припоминаю... Стоитъ мнѣ крикнуть, не совладавъ съ своимъ ужаснымъ кошмаромъ, и эти трупы вскочатъ на ноги, зазвенятъ оковами, заговорятъ, задвигаются, и улетятъ всѣ призраки ночи,.. Но зачѣмъ? Они вѣдь и живые мертвы для меня. Къ чему закрывать глаза на горькую правду? Я—одинъ. Одинъ, какъ челнокъ въ океанѣ, какъ былинка въ пустынѣ, одинъ, одинъ! Мнѣ нѣтъ здѣсь товарищей, какъ бы я ни жалѣлъ этихъ бѣдныхъ людей, какъ бы ни хотѣлъ перелить въ нихъ часть своего духа; нѣтъ сердца, которое билось бы въ тактъ моему сердцу, нѣтъ руки, на которую я довѣрчиво могъ бы опереться «въ минуту душевной невзгоды». Съ кѣмъ я? Какъ попалъ я въ эту смрадную яму, надъ которой носится дыханіе разврата и преступленія? Что общаго между мною, который порывался къ свѣтлымъ небеснымъ высямъ, и міромъ низкихъ невѣждъ и корыстныхъ убійцъ? Кровь кругомъ, разбитые вдребезги черепа, перерѣзанныя горла, удавленныя шеи, прострѣленныя груди... И надо всѣмъ встаютъ тѣни погибшихъ, отыскивая своихъ убійцъ, отравляя ихъ сны черными видѣніями...» (стр. 376—77).

Однихъ такое полное одиночество доводитъ до ненависти къ окружающимъ, какъ того товарища Достоевскаго, который на всѣ примиряющія разъясненія послѣдняго отвѣчалъ неизмѣнно одной фразой: «je haïs ces brigands (я ненавижу этихъ разбойниковъ). Натуры болѣе великодушныя ищутъ утѣшенія въ мысли такъ или иначе служить этому мрачному міру, хотя бы и безъ надежды на его подъемъ и улучшеніе. Одну изъ лучшихъ страницъ въ очеркахъ г. Мельшина составляетъ описаніе его каторжной школы, на почвѣ которой онъ все же хотя нѣсколько сближался съ своими отпѣтыми товарищами. Мракъ, изъ котораго они вышли и въ который были погружены на каторгѣ, словно лучемъ свѣта прорѣзывается, когда мы присутствуемъ при трагикомическихъ сценахъ ученія. Начинаешь примиряться съ самыми, повидимому, закоренѣлыми злодѣями, когда видишь, что «душа ихъ, въ сущности, то же, что трава, растущая въ полѣ, облако, плывущее въ небѣ и повинующееся дуновенію перваго вѣтра».

Каторга оказалась поголовно безграмотной и, что замѣчательнѣе всего, лишенной какого бы то ни было знакомства съ евангельскимъ ученіемъ. «Богородицу смѣшивали съ Пресвятой Троицей,

Христа съ Николаемъ угодникомъ». Самое евангеліе не было одобрено каторгой, нашедшей, «что не для нонѣшняго народа это писано». «Прямо въ ужасъ приводила меня эта непроглядная темнота, царившая въ большинствѣ этихъ первобытныхъ умовъ, и я часто спрашивалъ себя: неужели тамъ, «въ глубинѣ Россіи», еще больше темноты и всякой умственной дичи? Неужели эти люди тѣ же русскіе люди, только уже затронутые лоскомъ городской культуры, просвѣщенные и развращенные ею?» Послѣдняя оговорка звучитъ нѣсколько странно, такъ какъ самые видные герои изъ товарищей г. Мельшина вышли прямо изъ деревни, гдѣ, какъ оно и понятно, складываются условія для самыхъ ужасающихъ преступленій. Рядъ выводимыхъ авторомъ типовъ тѣмъ и интересенъ, что, разрушая легенду, созданную болѣзненнымъ воображеніемъ Достоевскаго о преступникѣ—лучшемъ представителѣ народной души, указываетъ на несомнѣнную, реальную причину огромнаго большинства преступленій—глубокое, трудно понимаемое интеллигентнымъ человѣкомъ невѣжество на почвѣ грубѣйшихъ матеріальныхъ лишеній.

Типы преступниковъ у г. Мельшина крайне разнообразны, но одна черта, общая почти всѣмъ, особенно поражаетъ его. Это ихъ нечувствительность, почти равнодушіе къ тому, что было ими сдѣлано. Его пугаетъ мысль, что чувство раскаянія въ томъ высшемъ смыслѣ, въ какомъ мы его понимаемъ, чуждо этимъ примитивнымъ душамъ. Каждый, даже наименѣе испорченный изъ нихъ, оправдывалъ себя, считая виновной свою жертву, а себя безвинно пострадавшимъ. Обсуждая свои преступленія, большинство рѣшало, что будь они на мѣстѣ правительства, они немедленно бы всѣхъ выпустили на волю. И только одинъ изъ самыхъ сильныхъ и опасныхъ преступниковъ рѣшилъ вопросъ иначе. «А я,—вскочилъ и закричалъ Семеновъ, прослушавъ всѣ мнѣнія,—я собралъ бы всѣхъ насъ въ одну тюрьму, со всего свѣта собралъ бы и запалилъ бы со всѣхъ концовъ! Изъ порченнаго человѣка не выйдетъ честнаго, и волкамъ съ овцами не жить, какъ братьямъ!» Но и этотъ Семеновъ считалъ себя правымъ передъ своими односельцами и во что бы то ни стало жаждалъ выбраться на волю, чтобы отомстить имъ.

Отсутствіе нравственнаго чувства было полное и безнадежное. Никогда автору не приходилось наблюдать того, о чемъ часто упоминаетъ Достоевскій,—нежеланія вспоминать, говорить о своихъ преступленіяхъ, потому что это «не принято» въ ихъ своеобразномъ міркѣ. Напротивъ. разсказы о прошломъ, часто всячески пріукрашенные, до чудовищности циничные, составляли любимѣйшія темы вечернихъ собесѣдованій. Были ли эти люди тѣмъ, что принято называть преступнымъ типомъ? Авторъ не рѣшается дать такое опредѣленіе и совершенно правильно ищетъ отвѣта въ общихъ условіяхъ.

«Не подлежитъ никакому сомнѣнію,—говоритъ онъ,—что сорокъ лѣтъ назадъ, во времена Достоевскаго, когда Россія была «глубоко-несчастной страной, подавленной, рабски-безсудной»; когда, кромѣ крѣпостного права, существовала еще 25-лѣтняя солдатчина, и, по выраженію поэта, «ужасъ народа при словѣ *наборъ* подобенъ былъ ужасу казни»,—несомнѣнно, что въ тѣ времена въ каторгу долженъ былъ попадать огромный процентъ совер-

шенно невинныхъ людей и еще больше осужденныхъ не въ мѣру строго. Самыя ужасныя преступленія могли совершаться въ то время людьми, вполнѣ нормальными и нравственно неиспорченными, выведенными лишь изъ границъ терпѣнія несправедливымъ и анормальнымъ строемъ самой жизни... За сорокалѣтній періодъ русское законодательство и русскій судъ такъ же, какъ и самая жизнь и нравы, сдѣлали огромные шаги впередъ по пути гуманизма и справедливости. A priori можно думать, что въ современную каторгу попадаютъ гораздо болѣе по заслугамъ, чѣмъ въ былыя времена; и что населеніе нынѣшней каторги, въ главнѣйшихъ частяхъ, представляетъ *подонки* народнаго моря, а отнюдь не самый русскій народъ. И дѣйствительно, несмотря на то, что добрая половина видѣнныхъ мною арестантовъ утверждала, что пришла въ каторгу за чужой грѣхъ, и почти всѣ безъ исключенія жаловались на суровость осудившаго ихъ «шемякинскаго суда»,—при ближайшемъ ознакомленіи съ ихъ характеромъ, съ ихъ прошлымъ и тяготѣвшими надъ ними обвиненіями, мнѣ рѣдко приходилось отыскивать совершенно безъ вины осужденнаго человѣка» (стр. 261).

Такое суровое заключеніе не кажется несправедливымъ послѣ знакомства съ разными героями, выводимыми авторомъ. Было бы, однако, невѣрно думать, что разъ они *подонки*, то ничего лучшаго и не заслуживаютъ, какъ-то, что имѣютъ. «Развѣ на днѣ моря нѣтъ перловъ?—замѣчаетъ авторъ.—Развѣ, говоря, что сверху сосуда вода отличается лучшими качествами, утверждаютъ тѣмъ самымъ, что на днѣ она совершенно негодна для питья? И развѣ главная задача моихъ очерковъ не заключается именно въ томъ, чтобы показать, какъ обитатели и этого ужаснаго міра, эти искалѣченные, темные и порой безумные люди, подобно всѣмъ намъ, способны любить и ненавидѣть, падать и подниматься, жаждать свѣта, правды, свободы и жизни и не меньше насъ страдать отъ всего, что стоитъ преградой на пути къ человѣческому счастью?»

Вся книга автора является полнымъ осужденіемъ современной системы каторги. Безпристрастный и художественный очеркъ этой системы у г. Мельшина, представленной въ лицѣ начальника Лучезарова, тѣмъ и поучителенъ, что авторъ изображаетъ этого администратора не въ видѣ нравственнаго урода, какимъ былъ знаменитый майоръ Достоевскаго. Предъ нами не «фатальное существо», доводившее арестантовъ до трепета, озлоблявшее «людей уже озлобленныхъ своими бѣшеными, злыми поступками». Лучезаровъ г. Мельшина тоже не представляетъ ничего симпатичнаго, но совсѣмъ въ иномъ родѣ. Это фанатикъ формализма, буквы, показнаго порядка, при которомъ мыслимъ самый неприглядный безпорядокъ. Страхъ и дисциплина—таковы его орудія исправленія, примѣняемыя имъ безъ разбора. Самъ по себѣ, пожалуй, человѣкъ недурной, во всякомъ случаѣ не злой, онъ доходитъ въ концѣ концовъ до величайшаго безобразія, когда плоды системы оказываются совсѣмъ не таковы, какъ онъ надѣялся. «Конечно,—разсуждаетъ онъ,—исправить арестантовъ вещь хорошая. Я и самъ задаюсь этой цѣлью, но въ первый разъ слышу, чтобы на этотъ народъ могло что-нибудь другое дѣйствовать, кромѣ страха и наказаній всякаго рода... Повторяю, я по натурѣ вовсе не жестокій человѣкъ. Я держусь только во всемъ строгой законности, буквы закона. И потому не вижу иныхъ средствъ исправленія, кромѣ тѣхъ, какія указаны въ инструкціи. Современные тюремные дѣятели признаютъ одно только средство—страхъ, и я

вполнѣ съ ними согласенъ». Потерпѣвъ крушеніе, бравый капитанъ теряетъ всякую мѣру и начинаетъ «бросаться на людей», по выраженію арестантовъ, и затѣмъ въ разговорѣ съ авторомъ откровенно сознается въ пораженіи: «Я дѣйствовалъ въ порывѣ отчаянія. Всѣ мои добрыя намѣренія терпѣли одно за другимъ крушенія, я видѣлъ кругомъ одну черную неблагодарность и низость. Самъ Богъ вышелъ бы на моемъ мѣстѣ изъ терпѣнія!» Бѣдный капитанъ и не понимаетъ, что этимъ признаніемъ онъ уничтожаетъ всю силу системы устрашенія, а кромѣ страха, у него нѣтъ ничего въ рукахъ, и самъ онъ ничего больше не понимаетъ.

И такимъ-то людямъ, можетъ быть и добросовѣстнымъ, но болѣе чѣмъ ограниченнымъ, ввѣряется почти безконтрольное право жизни и смерти надъ тысячами уже надломленныхъ, искалѣченныхъ судьбою людей, болѣе чѣмъ кто-либо нуждающихся въ человѣчномъ и внимательномъ отношеніи. Сколько погибло ихъ, погибло зря, напрасно, среди этой ужасающей обстановки лучезаровскихъ «добрыхъ намѣреній». А между тѣмъ, у каждаго изъ нихъ «тоже вѣдь мать была!»—какъ выражается одинъ арестантъ у Достоевскаго, указывая на закованный трупъ своего товарища.

Правда, какъ ни тяжелы картина каторги, рисуемая г. Мельшинымъ, она все же неизмѣримо свѣтлѣе того, что сорокъ лѣтъ назадъ видѣлъ Достоевскій. «Теперь остается уже блѣдная тѣнь того, что было,—говоритъ г. Мельшинъ,—и можно надѣяться, что и эта послѣдняя тѣнь исчезнетъ съ первыми лучами солнца»...

Вмѣстѣ съ г. Мельшинымъ, мы охотно раздѣляемъ эту надежду. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что въ исторіи русской каторги не пройдетъ безслѣдно книга г. Мельшина.

А. Б.

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

На родинѣ.

Введеніе земской реформы въ новыхъ областяхъ. Года два тому назадъ военное министерство обратилось въ кубанское областное правленіе съ запросомъ относительно введенія въ области земскихъ повинностей. Кубанское областное правленіе широко взглянуло на дѣло и, признавая невозможность введенія земскаго хозяйства безъ земскихъ учрежденій вообще, высказалось въ этомъ именно смыслѣ и вошло съ соотвѣтственнымъ ходатайствомъ въ подлежащія инстанціи.

По словамъ «Приазовскаго Края», проектъ земской реформы, составленный областнымъ правленіемъ, нѣсколько отличается отъ земскаго положенія 1892 г., и эти отличительныя черты находятся въ зависимости отъ нѣкоторыхъ мѣстныхъ особенностей Кубанской области. Какъ сообщаетъ «Приазов. Край», одною изъ отличительныхъ чертъ землевладѣнія въ Кубанской области, по сравненію съ внутренними губерніями Имперіи, является если не полное отсутствіе, то малочисленность крупнаго землевладѣнія. Такимъ образомъ, если бы здѣсь было введено земское положеніе 1892 года съ его крупнымъ земельнымъ цензомъ для избирателей, то фактически реформа свелась бы не къ самоуправленію, въ чемъ и заключается основа земства, а къ самоуправству нѣсколькихъ лицъ. Принимая это въ соображеніе и приноравливаясь къ особенностямъ мѣстной жизни, кубанское областное правленіе въ своемъ проектѣ совсѣмъ исключило земельный цензъ, чѣмъ значительно расширило кругъ избирателей. По проекту земскаго положенія для Кубанской области, каждая станица, каждое село будутъ избирать изъ своей среды по одному уполномоченному. Такіе же уполномоченные будутъ и отъ крупныхъ землевладѣльцевъ. Затѣмъ уполномоченные отдѣльныхъ станицъ и обществъ на своемъ «отдѣльномъ» собраніи (окружномъ, въ Кубанской области вмѣсто округовъ—отдѣлы) выбираютъ уже представителей, которыхъ можно назвать гласными, и вотъ изъ этихъ-то гласныхъ и составятся земскія собранія. Таковы общія основанія проекта предполагаемой реформы въ Кубанской области и ея отличительныя черты отъ существующаго теперь земства въ другихъ губерніяхъ.

Какая судьба постигнетъ этотъ проектъ кубанскаго областного правленія—пока еще неизвѣстно, такъ какъ отвѣта на него еще не получено. Но въ Донской области, по своему управленію вполнѣ сходной съ Кубанской, введеніе земскихъ учрежденій является, по видимому, дѣломъ

близкаго будущаго. Въ «Донской Рѣчи» напечатано слѣдующее сообщеніе изъ оффиціальнаго источника:

«Вопросъ о введеніи земскихъ учрежденій на Дону обсуждается уже много лѣтъ. Рѣшеніе его замедлялось вслѣдствіе долговременнаго странствованія по канцеляріямъ центральныхъ правительственныхъ учрежденій. Въ послѣднее время по поводу примѣненія земскаго положенія къ области войска Донского происходили засѣданія соединеннаго присутствія областного правленія войска Донского и областного распорядительнаго по земскимъ дѣламъ комитета. Соединенное присутствіе это дало заключеніе, что положеніе 1890 г. о земскихъ учрежденіяхъ можетъ быть введено въ области войска Донского, но съ освобожденіемъ казачьихъ юртовыхъ земель отъ денежныхъ платежей земскихъ сборовъ, которые должны быть приняты на счетъ войскового капитала. Для выработки проекта примѣненія этого положенія къ области, а также и для рѣшенія связанныхъ съ нимъ вопросовъ о народномъ образованіи въ станицахъ, земскихъ натуральныхъ повинностяхъ въ казачьихъ поселеніяхъ и др., военный министръ приказалъ образовать въ Новочеркасскѣ коммиссію изъ представителей: войска, областного приказа общественнаго призрѣнія, учрежденій и лицъ, нынѣ завѣдующихъ земскими дѣлами въ области дворянскаго и крестьянскаго сословій, представителей торговли и промысловъ и представителей отъ городовъ. Члены коммиссіи должны быть назначены войсковымъ наказнымъ атаманомъ войска Донского и утверждены военнымъ министромъ. Въ настоящее время производится выборъ этихъ членовъ».

Вслѣдъ за Донскою и Кубанскою областями, и Астраханская губернія высказываетъ пожеланіе о введеніи у себя земскихъ учрежденій:

«Введеніе земскихъ учрежденій въ Донской области,—говоритъ «Астраханскій Листокъ», — свидѣтельствуетъ, что общественное участіе въ мѣстномъ хозяйственномъ управленіи признается по прежнему необходимымъ.

«При всемъ своеобразіи жизни и природы нашего края, нельзя не сказать, что въ весьма многихъ отношеніяхъ потребность въ органахъ хозяйственно-общественнаго управленія рѣзко ощущается у насъ».

На давно назрѣвшую необходимость привлечь къ участію въ разрѣшеніи общественныхъ вопросовъ мѣстныя общественныя силы, по мнѣнію газеты, указываетъ, между прочимъ, «крайне несовременное состояніе школьнаго и медицинскаго дѣла въ Астраханскомъ краѣ, населеніе котораго, въ смыслѣ экономическаго благополучія, стоитъ много выше нѣкоторыхъ изъ земскихъ губерній, широко поставившихъ и развившихъ школьное и медицинское дѣло».

Приведенные факты въ высшей степени знаменательны. Въ прошломъ году мы уже упоминали о ходатайствѣ тифлисскаго дворянства о введеніи земскихъ учрежденій на Кавказѣ. Теперь съ такими же ходатайствами выступаетъ рядъ новыхъ областей, мотивируя ихъ хозяйственными потребностями страны. Очевидно, введеніе земскаго самоуправленія вызывается самою жизнью и требуется экономическими условіями переживаемаго нами момента.

Количество труда на русскихъ фабрикахъ. Въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» помѣщена интересная статья о «Количествѣ труда на нашихъ фабрикахъ». Авторъ прежде всего останавливается на вопросѣ о праздничныхъ дняхъ въ Россіи. Оказывается, что не всѣ фабрики имѣютъ одинаковое количество праздничныхъ дней. Большинство фабрикъ (65% всего числа) празднуютъ болѣе 90 дней въ году, включая сюда и воскресенія;

а 13%—даже свыше 100 дней. При этомъ, слѣдуетъ замѣтить, что фабрики, работающія паровой силой, имѣютъ меньше праздниковъ, чѣмъ рабочіе на ручныхъ фабрикахъ, что объясняется связью рабочихъ на фабрикахъ съ ручнымъ трудомъ—съ земледѣліемъ. Рабочіе на такихъ фабрикахъ, обыкновенно мѣстные крестьяне, которымъ самый характеръ ручного фабричнаго производства позволяетъ сохранять связь со своимъ хозяйствомъ. Рабочіе эти, по большей части, относительно зажиточны, живутъ въ своихъ избахъ, а не въ фабричныхъ казармахъ; они еще сохранили свою самостоятельность, съ которой фабрикантамъ приходится считаться.

Но, несмотря на обиліе праздничныхъ дней, которое какъ будто даетъ нашему рабочему нѣкоторое преимущество передъ западно-европейскимъ, общее количество работы на русскихъ фабрикахъ значительно превосходитъ количество ея, напр., на англійскихъ фабрикахъ. Если считать число рабочихъ дней въ году, то на англійскихъ фабрикахъ ихъ окажется нѣсколько больше, чѣмъ у насъ, а именно 281 противъ 276. Но, тѣмъ не менѣе, при большей продолжительности рабочаго дня, нашему фабрично-заводскому рабочему приходится и въ теченіе года отдавать труду бо́льшее количество времени.

«Сравнивая годовую сумму рабочихъ часовъ у насъ и въ Англіи, принимая у насъ рабочій день равнымъ 13 часамъ, а въ Англіи 10, что нѣсколько выше дѣйствительности, получимъ,—говорятъ «С.-Петербургскія Вѣдомости»,—что наши фабрики съ машиннымъ производствомъ имѣютъ 3.588 годовыхъ рабочихъ часовъ, съ ручнымъ же производствомъ 3.484, а англійскія фабрики 2.810!»

Рабочій день на русскихъ фабрикахъ бываетъ крайне неопредѣленнымъ.

Въ среднемъ, число рабочихъ часовъ при смѣшанной работѣ равно обыкновенно 12 часамъ, рѣже спускается до $11^1/_2$ и весьма рѣдко до $10^1/_2$—$9^1/_2$ часовъ, при смѣнной работѣ черезъ 6 часовъ рабочіе бываютъ такъ утомлены, — не имѣя времени отдохнуть и выспаться,—что нерѣдко дремлютъ за работой.

На фабрикахъ, гдѣ работа ночью бываетъ сверхъ урочной денной работы, рабочій день иногда доходитъ до $14^1/_2$—$16^1/_2$ часовъ, а въ экстренныхъ случаяхъ даже до $19^1/_2$—$21^1/_2$ часовъ.

Въ то время, какъ для взрослыхъ рабочихъ въ Англіи число часовъ въ недѣлю равняется 54—57, для женщинъ 50—45, для малолѣтнихъ 45—40, для полуработниковъ (чего у насъ нѣтъ совершенно) 28—$28^1/_2$, наше фабричное законодательство ничѣмъ не отдѣляетъ труда женщинъ отъ труда мужчины, и пока коснулось только малолѣтнихъ, сокративъ работу ихъ до 8 часовъ въ сутки.

Всѣ эти цифры, по справедливому замѣчанію «С.-Пет. Вѣд.», свидѣтельствуютъ о необходимости скорѣйшаго регулированія фабричнаго труда и расширенія нашего фабричнаго законодательства.

Церковно-приходскія школы на югѣ. Въ газетѣ «Волынь» печатались интересныя статьи г. Лященко о «церковно-приходскихъ школахъ Волынской губ. за 1894 — 1895 г.», составленныя по отчету волынскаго «епархіальнаго училищнаго совѣта».

Православное населеніе Волынской губ. въ отчетномъ году простиралось до 1.775.000, въ томъ числѣ дѣтей школьнаго возраста 260.045 (мальчиковъ 133.961, дѣвочекъ 128.804).

Всѣхъ приходовъ въ епархіи 1.245.

Школъ церковно-приходскихъ было 717, школъ грамоты 555, начальныхъ народныхъ училищъ другихъ вѣдомствъ 389. Остается безъ всякихъ школъ 115 приходовъ. Въ прош-

ломъ году число приходовъ, остававшихся безъ школъ, было 121.

По расчисленію епархіальнаго училищнаго совѣта число дѣтей школьнаго возраста: мальч. 122.951, дѣвоч. 126.084; изъ нихъ обучалось: мальч. 48.430, дѣвоч. 7.479; осталось безъ обученія: мальч. 85.531, дѣвочекъ 118.605.

Всего *осталось безъ обученія 204.136 дѣтей*. Въ прошломъ году число оставшихся безъ обученія показано—200.791.

Такимъ образомъ, и по отчету епархіальнаго вѣдомства видно, какъ мало подвигается впередъ школьное дѣло въ Волынской губ. При этомъ г-нъ Лященко дѣлаетъ нѣсколько замѣчаній по поводу вычисленнаго епархіальнымъ совѣтомъ количества дѣтей, учащихся въ церковныхъ и другихъ школахъ. По его мнѣнію, число дѣтей, учащихся въ нецерковныхъ школахъ, должно быть увеличено, по-крайней мѣрѣ, на 10.000, потому что въ числѣ школъ другихъ вѣдомствъ епархіальный совѣтъ не упомянулъ о еврейскихъ хедерахъ и школахъ нѣмецкихъ колоній, число которыхъ довольно значительно; съ другой стороны, число учащихся въ школахъ грамоты (церковнаго вѣдомства) должно быть уменьшено, въ виду ихъ слабой успѣшности. Вычисленія г-на Лященко приводятъ его къ слѣдующему выводу: въ низшихъ училищахъ Волынской губ. обучается немного болѣе 1/4 дѣтей школьнаго возраста; половина учащихся посѣщаетъ школы духовнаго вѣдомства.

Отчетъ епархіальнаго совѣта указываетъ на то, что въ 115 приходахъ Волынской губ. совсѣмъ нѣтъ никакихъ школъ—ни церковныхъ, ни министерскихъ. Какъ на причины этого, совѣтъ указываетъ на: 1) бѣдность населенія и разрозненность приходовъ, 2) неурожаи послѣднихъ лѣтъ и общее дурное экономическое положеніе народа, 3) неразвитость крестьянскихъ массъ, 4) взносы на школы министерскія, которыми обложены многія села, 5) холодное отношеніе къ дѣлу мѣстныхъ крестьянскихъ властей, «которыя, при своемъ руководящемъ, авторитетномъ значеніи въ крестьянскомъ быту, не желаютъ примѣнять такового своего значенія по отношенію къ развитію церковно-школьнаго дѣла не только въ смыслѣ иниціативы въ семъ дѣлѣ, но даже въ смыслѣ оказанія помощи духовенству», 6) разноплеменность населенія, при которой православные составляютъ менѣе развитую и менѣе обезпеченную часть его, 7) недостатокъ энергіи и нравственной силы духовенства Волынской губ. въ борьбѣ съ препятствіями къ открытію новыхъ школъ, каковая борьба представляется тѣмъ болѣе затруднительною, что приходится дѣйствовать безъ поддержки лицъ и учрежденій, имѣющихъ особую силу и значеніе по отношенію къ крестьянскимъ обществамъ.

По мнѣнію составителей отчета, самая важная изъ этихъ причинъ заключается въ недостаткѣ энергіи со стороны духовенства и въ нежеланіи вмѣшиваться въ дѣло и оказывать свое давленіе со стороны мѣстной администраціи. Если православные представляютъ собою наименѣе развитую часть населенія, то, конечно, трудно ждать хотя бы со стороны мѣстныхъ крестьянскихъ властей иниціативы въ устройствѣ школъ. Иниціатива всегда должна идти отъ лица людей интеллигентныхъ, дѣйствующихъ только силою убѣжденія и не прибѣгающихъ къ содѣйствію полиціи.

Отчетъ съ горечью отмѣчаетъ то явленіе, что во многихъ мѣстахъ далеко не всѣ родители считаютъ нужнымъ посылать дѣтей учиться. Правда, такое явленіе незамѣтно въ школахъ министерскихъ. По мнѣнію училищнаго совѣта, министерскимъ школамъ въ этомъ отношеніи оказываютъ со-

*

дѣйствіе «мѣстныя сельскія власти», которыя во многихъ случаяхъ дѣйствуютъ принудительно на родителей дѣтей относительно посылки дѣтей въ школу; помимо сего, продолжаетъ епархіальный отчетъ, такого рода участіе сельскихъ властей въ народной школѣ усиливаетъ значеніе народной школы въ глазахъ простого народа, какъ школы, о которой заботится мѣстное начальство. Въ другихъ условіяхъ въ данномъ случаѣ находится школа церковная, гдѣ приходится дѣйствовать одному только духовенству, весьма часто безъ поддержки мѣстныхъ сельскихъ властей, гдѣ пастырское слово убѣжденія и настоянія является чуть ли не единственнымъ орудіемъ относительно побужденія родителей къ посылкѣ дѣтей въ школы.

Г-нъ Лященко справедливо замѣчаетъ, что такого рода жалобы со стороны епархіальнаго вѣдомства являются какъ бы признаніемъ собственнаго безсилія привлечь въ школу учащихся безъ содѣйствія со стороны «мѣстныхъ властей», насильно отправляющихъ дѣтей въ школу. Несочувствіе населенія къ церковной школѣ объясняется, главнымъ образомъ, плохимъ составомъ учителей. Изъ отчета видно, что болѣе половины (60,8%) всѣхъ учащихъ составляютъ лица, «*не имѣющія права преподаванія*». Въ предъидущемъ учебномъ году лицъ, *не имѣющихъ права преподаванія*, было 51,7%.

Изъ этихъ цифръ видно, что образовательный цензъ учащихъ въ церковно-приходскихъ школахъ значительно понизился, даже по сравненію съ предъидущимъ годомъ: *три пятыхъ учителей не получили сами сколько-нибудь правильнаго образованія и не въ состояніи выдержать несложный экзаменъ на право преподаванія въ начальныхъ школахъ.*

Изъ отчета видно, что учителя изъ мѣстнаго причта составляютъ всего около 15% общаго числа учителей. Объясняется это тѣмъ, что «по мѣстнымъ условіямъ замѣщеніе учительскихъ должностей въ церковно-приходскихъ школахъ членами причта не можетъ имѣть особенно широкаго примѣненія». Подъ этими мѣстными условіями нужно разумѣть обширность приходовъ и сложность обязанностей причта. Не только священники въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ могутъ быть учителями, но даже псаломщики. «И въ небольшихъ приходахъ,—говоритъ отчетъ,—совмѣщеніе должности псаломщика съ должностью учителя не могло при требоисправленіяхъ, хотя и нечастыхъ, обходиться безъ упущеній по учительской должности, въ виду чего и мѣстныя общества относятся къ совмѣщенію должности псаломщика и должности учителя несочувственно». Какъ видно изъ отчета, «школа, за отсутствіемъ такого учителя, остается на рукахъ лучшаго ученика. Притомъ, и не мало псаломщиковъ, которые по своему умственному развитію неспособны къ прохожденію учительской должности».

Каковы же оказываются успѣхи учениковъ, учащихся въ такихъ «школахъ»?

Судить объ этомъ можно по числу лицъ, оканчивающихъ школу съ правомъ на льготу по отбыванію воинской повинности. Число такихъ лицъ въ 1894—1895 г. было 1.276 (т. е. 4,9%); число окончившихъ школы безъ этой льготы было 1.189 (4,6%).

Для сравненія успѣшности въ школахъ церковныхъ съ успѣшностью въ школахъ министерскихъ укажемъ, что изъ учившихся въ этихъ послѣднихъ въ 1893 г. (въ Кіевскомъ округѣ) получили свидѣтельства 3-го разряда 1,7% всего числа учившихся, свидѣтельства 4-го разряда—7,8%, т. е. окончили съ правами на льготу по отбыванію воинской повинности 9,5%. Такимъ образомъ, успѣшность въ шко-

лахъ министерскихъ стоитъ въ два раза выше по сравненію со школами церковными. Наряду съ этимъ нелишне будетъ привести также выдержки изъ отчета о состояніи церковно-приходскихъ школъ Кіевскаго уѣзда за 1895—1896 г., приводимыя въ «Кіевскомъ Словѣ». Данныя объ этихъ школахъ вполнѣ соотвѣтствуютъ только-что приведеннымъ фактамъ о состояніи церковныхъ школъ въ Волынской губ. Оказывается, что на 235.258 чел., проживающихъ въ Кіевскомъ уѣздѣ, приходится дѣтей школьнаго ввзраста 33.350, изъ нихъ *не обучалось* въ школахъ 26.032, *т. е., приблизительно, 75 проц.!* Школъ всѣхъ было 196; изъ нихъ 17 министерскихъ, 81 церковно-приходская и 98 школъ грамоты. Въ 43 деревняхъ и хуторахъ *вовсе нѣтъ школъ*. Наряду съ нѣкоторыми улучшеніями отчетъ признаетъ и многіе недостатки за школами, хотя приписываетъ ихъ, главнымъ образомъ, апатіи нѣкоторыхъ отцовъ-завѣдующихъ и неспособности учителей. Въ матеріальномъ отношеніи школы обезпечены крайне недостаточно: въ текущемъ году, въ среднемъ, израсходовано на каждую школу лишь около 140 р. Изъ 179 школьныхъ зданій только 116 оказались удовлетворяющими своему назначенію; остальныя же 62 признаны отчетомъ *совершенно негодными*.

Послѣдствія дурного питанія. «Рус. Вѣд.» приводятъ интересныя выдержки изъ статьи д-ра Гринфельда объ «эрготизмѣ въ Россіи». Авторъ начинаетъ съ указанія, что «злая корча, рафанія или эрготизмъ, свирѣпствовавшій во всѣхъ странахъ Европы, въ настоящее время бичуетъ только Россію».

Причина, обусловливающая эту нашу особенность сравнительно съ другими европейскими государствами, лежитъ въ меньшей матеріальной обезпеченности и болѣе низкомъ культурномъ уровнѣ нашего населенія.

«Въ 1889 году эпидемія злой корчи появилась въ Вятской губерніи и обняла 8 уѣздовъ, изъ коихъ болѣе другихъ былъ пораженъ Нолинскій уѣздъ. Жатва ржи въ Нолинскомъ уѣздѣ начинается съ 20-го іюля. Въ 1889 году рожь для жатвы къ этому сроку не поспѣла (по предположенію, ей еще недѣли двѣ нужно было дозрѣвать), но такъ какъ у большинства крестьянъ Нолинскаго уѣзда не было старыхъ запасовъ хлѣба, они начали жать рожь около 20-го іюля. Не давъ снопамъ достаточно выстояться въ полѣ, крестьяне тотчасъ же, почти безъ просушки, околачивали зерно, мололи его и изъ полученной муки готовили хлѣбъ. Въ видахъ экономіи съ одной стороны, а съ другой по невѣжеству, зерно плохо провѣивалось, а потому въ помолъ поступила рожь съ большимъ содержаніемъ сорныхъ травъ и спорыньи».

Послѣдствіемъ этого было то, что уже въ концѣ того же іюля въ Нолинскомъ уѣздѣ появилась эпидемія злой корчи. Изъ поголовнаго опроса населенія выяснилось, что въ уѣздѣ «всѣхъ заболѣваній злою корчею (съ конца іюля 1889 до осени 1890 года) было 2.749 человѣкъ, изъ коихъ мужчинъ 33,5%, женщинъ 38,4% и дѣтей 28,1%. Всѣхъ умершихъ отъ корчи въ тотъ же срокъ насчитано 535 человѣкъ, или 19,42%».

Болѣе всего эпидемія свирѣпствовала среди бѣднѣйшей части населенія. «Побуждаемые голодомъ, они жали не вполнѣ зрѣлую рожь и по возможности быстро старались получить изъ нея муку и хлѣбъ. Состоятельные же люди отравлялись спорыньей менѣе, главнымъ образомъ потому, что имѣли возможность кормиться хлѣбомъ старыхъ урожаевъ. Если заболѣваніе корчей у нихъ и наблюдалось, то по большей части зависѣло отъ случайныхъ отравленій.

Имѣя для питанія, кромѣ хлѣба, еще и другія пищевыя вещества: мясо, горохъ, картофель и пр., они не ѣли такъ много хлѣба, какъ бѣдняки, у которыхъ хлѣбъ и квасъ составляютъ единственную пищу цѣлой семьи. Если въ иномъ семействѣ въ мукѣ было и небольшое процентное содержаніе спорыньи, то, потребляя въ сутки большое количество хлѣба, 3—4 ф. и болѣе, бѣднякамъ все же приходилось вводить въ организмъ значительное количество яда».

Существенное вліяніе на развитіе эпидеміи имѣло также то, что населеніе, по своему невѣжеству, не могло правильно отнестись къ поразившему его бѣдствію.

«Злая корча, сразу поразившая большое число людей, произвела на нолинцевъ тяжелое впечатлѣніе и они въ болѣзни этой видѣли «наказаніе Божіе» за свои грѣхи. Крестьяне, а отчасти и не крестьяне, не допускали зависимости болѣзни отъ примѣси къ хлѣбу того или другого количества спорыньи: на убѣжденія врачей и другихъ лицъ въ томъ, что корча происходитъ отъ большого урожая во ржи «зуба», крестьяне отвѣчали, что и раньше, въ прежніе годы, «зуба», по мѣстамъ, родилось много, но такой болѣзни въ Нолинскомъ уѣздѣ не было. Въ народѣ держится мнѣніе, что примѣсь спорыньи къ хлѣбу, напротивъ, благодѣтельна: «спорынья для того и растетъ, чтобы хлѣбъ былъ спорый», т.-е. въ маломъ количествѣ хлѣба заключается бо́льшая сытость».

Далѣе авторъ указываетъ на тѣ мѣропріятія, которыя могли бы быть предпринимаемы администраціей и врачами въ борьбѣ съ разсматриваемою болѣзнью. Мѣропріятія эти таковы:

«1) Широкая популяризація всѣхъ свѣдѣній, касающихся эпидеміи. 2) Обязательство, возложенное на мельниковъ, не принимать для размола рожь съ примѣсью спорыньи. 3) Покупка спорыньи. 4) Химическія пробы муки передъ продажей. 5) Обмѣнъ ржи со спорыньей на рожь чистую, и 6) открытіе земскихъ покоевъ для корчевыхъ больныхъ».

Всѣ эти мѣры, конечно, могутъ принести свою долю пользы, однако, по справедливому замѣчанію д-ра Гринфельда, «народу, прежде всего, нужно хлѣба, котораго мало; при такомъ затруднительномъ положеніи вещей, чистить, сортировать, и т. д.— оказывается невозможнымъ».

Кромѣ острыхъ приступовъ, выражающихся въ отравленіи спорыньей, дурное питаніе имѣетъ своимъ послѣдствіемъ также и развитіе другихъ эпидемій, напр., тифа. Такъ, «Самарск. Газ.» сообщаетъ, что «новоузенская уѣздная земская управа на-дняхъ увѣдомила губернскую управу, что въ селахъ Моршѣ и Питеркѣ сильно распространился брюшной и сыпной тифы, причемъ жертвами этой болѣзни большею частью являлись пришлые рабочіе. Губернская управа командировала на мѣсто эпидеміи санитарнаго врача и фельдшера».

Усиленіе заболѣваемости среди пришлыхъ рабочихъ вслѣдствіе неблагопріятныхъ условій жизни и питанія было констатировано неоднократно, и фактъ, сообщаемый «Самарск. Газ.», представляетъ одинъ изъ многихъ подобныхъ случаевъ. Лучшимъ средствомъ для предотвращенія такой массовой заболѣваемости, какъ показали опыты, являются продовольственно-лѣчебные пункты.

Къ этому взгляду пришла и одесская дума, которая въ ближайшемъ будущемъ предполагаетъ устроить въ городѣ постоянный лѣчебно-продовольственный пунктъ, т.-е. устроить дешевыя столовыя для рабочихъ. Касаясь этого вопроса, «Од. Новости» рисуютъ намъ слѣдующую печальную картину положенія пришлыхъ рабочихъ въ Одессѣ:

«Весь этотъ людъ большей частью

бездомный, безпріютный и голодный, собирается на такъ называемыхъ «биржахъ» и съ ранняго утра, несмотря ни на какую погоду, ждетъ нанимателя. Особенно ихъ много собирается на Серединской площади (Косарка), служащей главнымъ рынкомъ найма рабочихъ. До 1892 года на этой площади не существовало никакихъ приспособленій хотя бы для защиты рабочихъ отъ непогоды. Только въ этомъ году, благодаря появившейся холерѣ, были устроены на Серединской площади дешевая столовая и чайная, для чего городъ соорудилъ два большихъ крытыхъ сарая, и такимъ образомъ рабочіе получили возможность хоть ночь проводить подъ какимъ-нибудь кровомъ. Въ другихъ же мѣстахъ скопленія рабочихъ, какъ-то: на Старомъ базарѣ, Толкучемъ рынкѣ и проч, нѣтъ и этого, и рабочіе вынуждены оставаться подъ открытымъ небомъ во всякую погоду».

Дѣло о взысканіи недоимокъ. Провинціальная и столичная печать много говорила о поразительномъ по своимъ бытовымъ подробностямъ дѣлѣ, разбиравшемся недавно въ самарскомъ судѣ. Судебный отчетъ раскрываетъ передъ нами подвиги бузулукскаго урядника Уголькова, который является достойнымъ сподвижникомъ пристава Шмелева, прославившагося въ извѣстномъ мултанскомъ дѣлѣ. Сущность этого дѣла, по отчету «Самарской Газеты», состоитъ въ слѣдующемъ:

Въ концѣ 1892 года, ефимовскій волостной старшина получилъ предписаніе отъ мѣстнаго земскаго начальника взыскать недоимки съ крестьянъ, употребивъ для этого строжайшія мѣры. Содѣйствовать въ этомъ дѣлѣ старшинѣ присланъ былъ урядникъ Угольковъ, и въ декабрѣ мѣсяцѣ сборщики явились въ д. Васильевку и приступили къ дѣлу, обнаруживъ при этомъ крайне своеобразное пониманіе «строжайшихъ мѣръ».

Придя сначала въ избу крестьянина Малышкина и призвавъ туда нѣсколькихъ недоимщиковъ, урядникъ началъ грубо требовать отъ нихъ уплаты податей и, въ наказаніе за неаккуратность, сталъ издѣваться надъ ними.

Такъ, хозяина избы Малышкина, затѣмъ крестьянъ Чомина и Цыплякова онъ поставилъ на колѣни и продержалъ въ такомъ положеніи 3 часа, Сергѣя Елизаркина посадилъ подъ арестъ на два часа въ овечій хлѣвъ, а Ѳедота Воронина толкнулъ подъ лавку, гдѣ тотъ пробылъ также нѣсколько часовъ; Ивана Сиротина, Павла Титушкина и Родіона Кобылкина урядникъ билъ кулакомъ по лицу, а Кобылкину, кромѣ того, съ силой крутилъ ухо и, наконецъ, Никиту Коротова, побивъ кулакомъ по лицу, отправилъ подъ кровать на 3 часа.

То же самое продѣлывалось съ небольшими варіаціями и въ другихъ избахъ.

Что касается до волостного старшины Влазнева, то онъ, присутствуя при всѣхъ описанныхъ безобразіяхъ Уголькова, не только не останавливалъ послѣдняго, а, напротивъ того, всячески поощрялъ его и даже издѣвался надъ оскорбляемыми крестьянами. Такъ, когда урядникъ билъ Сиротина, Малышева и Перепелкина, то старшина смѣялся и приговаривалъ: «Развѣ это бой? Зуба три вылетятъ,— вотъ это бой!»

Изъ Васильевки усердные сборщики податей отправились въ село Ефимовку, гдѣ свирѣпствовали два дня, пуская въ ходъ тѣ же пріемы, какіе практиковались и въ Васильевкѣ. На взъѣзжей квартирѣ урядникъ поставилъ виновныхъ въ невзносѣ податей крестьянъ на колѣни; самъ хозяинъ квартиры вмѣстѣ съ двумя другими крестьянами были затолкнуты подъ лавку. При этомъ сообщаются такія подробности:

Чистилина урядникъ два раза рванулъ за бороду и толкнулъ его подъ лавку, гдѣ было такъ тѣсно, что наказанные лежали другъ на другѣ; Кириллу же Короткову и Ѳедору Носихину прежде, чѣмъ очутиться подъ лавкой, пришлось испытать еще большія оскорбленія: перваго урядникъ таскалъ за волосы, а второго ударилъ по лицу. Еще хуже обошелся урядникъ съ Ник. Симоненковымъ, котораго онъ сшибъ съ ногъ ударомъ кулака, толкнулъ подъ лавку и пнулъ ногой, и съ Петромъ Евграфовымъ, которому онъ плюнулъ въ глаза со словами: «Вотъ тебѣ роса Божія», а потомъ ударилъ по щекѣ, сказавъ, что это ему счастье на новый годъ. Нѣкоторые крестьяне видѣли также, какъ урядникъ билъ кулаками Тим. Зоткина, таскалъ его за волосы, пиналъ ногой, а Гавр. Короткова толкнулъ подъ лавку, пнувъ его въ животъ съ такой силой, что Коротковъ потерялъ сознаніе; когда же жена Гаврилы, Елена Короткова, пришла жаловаться къ старшинѣ Влазневу, то урядникъ, услыхавъ объ этомъ, арестовалъ ее, закричавъ: «Жалуйтесь хоть чорту!»

Для вящаго «страму» урядникъ заставлялъ недоимщиковъ таскать другъ друга за волосы и плевать другъ другу въ лицо. И недоимщики покорно выполняли это требованіе.

Присутствовавшій при всемъ этомъ старшина Влазневъ не только не протестовалъ противъ жестокостей урядника, но, напротивъ, всячески поощрялъ его, и «задыхаясь отъ смѣха», выражалъ свое удовольствіе по этому поводу. По свидѣтельству писаря Ястребова, самъ старшина ставилъ на колѣни недоимщиковъ, поощрялъ урядника, что это «ничего не значитъ, такъ и прежде бывало», и давалъ условные знаки, кивая головой или мигая ему.

На судѣ обвиняемый Угольковъ не призналъ себя виновнымъ: онъ объяснилъ, что ставилъ недоимщиковъ на колѣни въ виду тѣсноты арестантской комнаты; кромѣ того, онъ заявилъ, что ему «земскій начальникъ строго приказалъ взыскать», а когда онъ справился у старшины, что означаетъ это «строго», то тотъ отвѣтилъ «на колѣни поставить, потрепать, земскій одобритъ» и на колѣни, дѣйствительно, приходилось ставить «для страму», особенно богатыхъ неплательщиковъ, но всего минутъ на 10—15. Прочія надругательства (плевки и т. п.) урядникъ отрицалъ. Влазневъ же призналъ себя виновнымъ въ томъ, что не протестовалъ противъ дѣйствій урядника, но самъ ни прямого участія не принималъ, ни одобренія урядниковскимъ жестокостямъ не выражалъ.

Чрезвычайно характерны свидѣтельскія показанія. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ:

Никита Коротковъ. Призвали меня на сборную; сталъ урядникъ требовать денегъ, говорю: нѣтъ. Ударилъ онъ меня разъ-другой и пересталъ разговаривать. Потомъ крикнулъ: «Ложись подъ лавку». Я не ложусь. «Десятскіе,—говоритъ,—положите его». Повалили меня; лежалъ я тамъ часа 3—4.

Родіонъ Михайловъ. Стали требовать подати; я говорю: не могу по бѣдности, самъ отрубями питаюсь; урядникъ ударилъ меня разъ, другой, билъ, билъ, потомъ ухо сталъ крутить, въ холодную услалъ.

Мальчикъ Михаилъ Нестеровъ. Пришли мы на взъѣзжую. Урядникъ дерется. Увидалъ меня, велѣлъ мнѣ ..... на Перепелкина; я не хотѣлъ.

Мальчикъ Васильевъ (сынъ хозяина взъѣзжей). Мнѣ урядникъ приказывалъ ..... въ глаза Перепелкину, я не сдѣлалъ этого; онъ и другого мальчишку заставлялъ тоже дѣлать; тотъ заплакалъ, но не сдѣлалъ.

Гаврііилъ Коротковъ показывалъ, что его урядникъ билъ, держалъ подъ

лавкой, когда же онъ тамъ перевоpотился, то урядникъ такъ ткнулъ его ногой въ бокъ, что тотъ лишился чувства и потомъ нѣкоторое время хворалъ. Урядникъ подсылалъ къ нему крестьянина Тимоѳеева уговаривать не показывать этого на судѣ, обѣщая пять руб. Кононовъ показалъ, что сидѣлъ въ хлѣвѣ, а Евграфовъ подтвердилъ, что урядникъ, ударивъ его по щекѣ, сказалъ: «Вотъ тебѣ и счастье на новый годъ», а потомъ плюнулъ въ глаза и сказалъ: «Вотъ тебѣ Божья роса».

Крестьяне Коротковы подтверждали то, что разсказано нами выше, а Вук. Влазневъ показалъ слѣдующее: «Меня заставлялъ урядникъ взять за виски Андрея Булибина; намъ ослухаться нельзя,—я и взялъ и таскалъ его».

Г. предсѣдатель. Что же вы больно «взяли» Булибина?

Влазневъ. Да ужъ какъ взялъ, такъ и оттаскалъ: поневолѣ станешь, когда заставляютъ.

Судъ приговорилъ Уголькова къ заключенію въ тюрьму на $3^1/_2$ мѣсяца, а старшину Влазнева—къ заключенію въ тюрьму на мѣсяцъ и 23 дня.

Новая секта. Псковскій корреспондентъ «Нов. Врем.», сообщаетъ о новой сектѣ, распространившейся въ Псковской губ. Основательница этой секты—нѣкая Елена Петрова, извѣстная въ народѣ подъ именемъ «Еленушки».

«Съ самаго дѣтства и въ ранней молодости она отличалась набожностью и благочиніемъ, почему и поступила, лѣтъ 15 назадъ, въ Псковскій женскій монастырь въ качествѣ послушницы. Въ монастырѣ она прожила лѣтъ 9. Первоначально она ничѣмъ особеннымъ изъ сестеръ обители не выдавалась, но затѣмъ стала проповѣдывать среди нихъ нѣчто странное. По ея словамъ, ей во время молитвы сталъ являться Самъ Іисусъ Христосъ и возвѣщать ей свое близкое второе пришествіе. Такія заявленія привлекли къ ней нѣсколькихъ другихъ послушницъ, и онѣ, по своему невѣжеству, стали почитать ее за святую. За это она была удалена изъ монастыря игуменьею Евгеніею, вмѣстѣ со своими поклонницами. Тогда она удалилась въ село Лѣшихино, устроила себѣ на вышкѣ дома моленную, накупила священныхъ и духовныхъ книгъ, завела штатъ прислуги на подобіе послушницъ и стала «предаваться подвигамъ благочестія». Слава о ея святости, богатство ея и щедрая благотворительность привлекли въ Лѣшихино толпу паломниковъ, которые, разъ побывавъ тамъ, дѣлались ея усердными поклонниками. Сущность ея проповѣди здѣсь была та же, что и въ монастырѣ, съ нѣкоторыми добавленіями. Она говорила, что во время молитвы въ нее вселяется Христосъ, отдѣляясь отъ лика иконы, что она неоднократно была восхищаема до девятаго неба, что скоро наступитъ конецъ міра, что только по ея молитвамъ Богъ отдаляетъ его на нѣкоторое время, что въ бракъ по нынѣшнимъ временамъ вступать дѣвицамъ не слѣдуетъ, что слѣдуетъ ограничиться только «духовными мужьями» и т. п. Простой народъ сталъ слѣпо вѣрить ея ученію, тѣмъ болѣе, что она подкрѣпляла его чтеніемъ мѣстъ Апокалипсиса съ своими толкованіями. Газетныя извѣстія о войнахъ «народа на народъ и царства на царство», «гладахъ, моракъ и землетрясеніяхъ по мѣстамъ» принимаемы были за вѣсти о признакахъ близкаго второго пришествія. Недоставало извѣстій о появленіи антихриста: былъ найденъ и антихристъ въ лицѣ не кого-либо другаго, какъ... о. Іоанна Сергіева (Кронштадтскаго!). Все это теоретическое ученіе было закрѣплено практически—почитаніемъ «Еленушки», богослуженіемъ въ ея моленной и сооруженіемъ ея (аллегорической) иконы. Сюжетъ для иконы взятъ изъ Апокалипсиса

12-й гл. 1-го ст., причемъ «стоящая превыше солнца жена» изображаетъ Еленушку, а удерживаемый ею на цѣпи большой красный левъ (драконъ)—о. Іоанна Кронштадтскаго. Зеленая ящерица возлѣ него указываетъ на «помощника антихриста»—псковско-печерскаго архимандрита Меѳодія».

Проповѣдница нашла многочисленныхъ послѣдователей.

«Къ ея ученію примкнули даже духовныя лица: игуменъ Торопецкаго монастыря Михаилъ (изъ неученыхъ мужиковъ) и іеромонахъ Исаакій. Въ Торопецкомъ монастырѣ написаны были и введены въ келейное богослуженіе акаѳистъ и величаніе въ честь Еленушки. Отсюда же пересылались въ Лѣшихино (ящиками по почтѣ) служебныя просфоры и антидоръ, который Елена раздавала участвовавшимъ въ ея моленіяхъ».

Дѣло о новой сектѣ возникло случайно года два назадъ; было наряжено слѣдствіе, опрошено много свидѣтелей и въ разныхъ концахъ Псковской губерніи отобрано до десятка «еленушкиныхъ иконъ». По разсмотрѣніи дѣла въ мѣстной консисторіи, оно поступило, наконецъ, въ синодъ. Въ августѣ мѣсяцѣ получено во Псковѣ синодальное постановленіе, по которому предписано «игумена Михаила и іеромонаха Исаакія, по лишеніи сана, но не монашества, сослать въ Соловецкій монастырь, а Елену Петрову—въ Суздаль—на жительство». Поклонники Еленушки, число которыхъ превосходитъ нѣсколько сотъ, оставлены безъ послѣдствія. Они, въ отношеніи своихъ убѣжденій,—замѣчаетъ корреспондентъ, — неисправимы. «Будь ты баринъ, будь ты татаринъ,—говорятъ они,—руби мнѣ сейчасъ голову—я знаю, что знаю».

Воспоминанія о декабристахъ. Въ «Рус. Вѣд.» печатаются чрезвычайно-любопытныя воспоминанія покойнаго доктора Н. А. Бѣлоголовaго, который былъ сибирскимъ уроженцемъ и въ дѣтствѣ и ранней молодости постоянно сталкивался съ сосланными туда декабристами. По словамъ д-ра Бѣлоголовaго, въ 40-хъ годахъ иркутскіе декабристы пользовались уже значительной свободой:

«Большинство изъ нихъ жило въ окрестныхъ деревняхъ съ правомъ время отъ времени пріѣзжать въ городъ, а вскорѣ многіе изъ нихъ и совсѣмъ перебрались въ Иркутскъ, по крайней мѣрѣ, на зимніе мѣсяцы, и первый примѣръ тому подали, помнится, Волконскіе. Кромѣ названной мною разводинской колоніи, въ окрестностяхъ Иркутска проживали еще слѣдующіе декабристы: Трубецкой, Волконскій, Никита и Александръ Муравьевы, оба брата Поджіо, Сутгофъ, Мухановъ, Пановъ, докторъ Вольфъ, Бечасновъ».

Двумя главными центрами, вокругъ которыхъ группировались иркутскіе декабристы, были семьи Волконскихъ и Трубецкихъ. Бѣлоголовый дѣлаетъ слѣдующую характеристику князя Волконскаго:

«Старикъ Волконскій, — ему уже тогда было около 60 лѣтъ, — слылъ въ Иркутскѣ большимъ оригиналомъ. Попавъ въ Сибирь, онъ какъ-то рѣзко порвалъ связь съ своимъ блестящимъ и знатнымъ прошедшимъ, преобразился въ хлопотливаго и практическаго сельскаго хозяина и именно опростился, какъ это принято называть нынче. Съ товарищами своими онъ хотя и былъ друженъ, но въ ихъ кругу бывалъ рѣдко, а больше водилъ дружбу съ крестьянами; лѣтомъ пропадалъ по цѣлымъ днямъ на работахъ въ полѣ, а зимой — любимымъ его времяпрепровожденіемъ въ городѣ было посѣщеніе базара, гдѣ онъ встрѣчалъ много пріятелей среди подгородныхъ крестьянъ и любилъ съ ними потолковать по душѣ о ихъ нуждахъ и ходѣ хозяйства. Знавшіе его горожане не мало шокировались, когда,

проходя въ воскресенье отъ обѣдни по базару, видѣли, какъ князь, примостившись на облучкѣ мужицкой телѣги съ наваленными хлѣбными мѣшками, ведетъ живый разговоръ съ обступившими его мужиками, завтракая тутъ же вмѣстѣ съ ними краюхой сѣрой пшеничной булки. Когда семья переселилась въ городъ и заняла большой двухъ-этажный домъ, въ которомъ впослѣдствіи помѣщались всегда губернаторы, то старый князь, тяготѣя больше къ деревнѣ, проживалъ почти постоянно въ Урикѣ и только время отъ времени наѣзжалъ къ семейству, но и тутъ, — до того барская роскошь дома не гармонировала съ его вкусами и наклонностями,— онъ не останавливался въ самомъ домѣ, а отвелъ для себя комнатку гдѣ-то на дворѣ,— и это его собственное помѣщеніе смахивало скорѣе на кладовую, потому что въ немъ въ большомъ безпорядкѣ валялись разная рухлядь и всяческія принадлежности сельскаго хозяйства; особенной чистотой оно тоже похвалиться не могло, потому что въ гостяхъ у князя опять-таки чаще всего бывали мужики и полы постоянно носили слѣды грязныхъ сапоговъ. Въ салонѣ жены Волконскій нерѣдко появлялся запачканный дегтемъ или съ клочками сѣна на платьѣ и въ своей окладистой бородѣ, надушенный ароматами скотнаго двора или тому подобными не салонными запахами. Вообще въ обществѣ онъ представлялъ оригинальное явленіе, хотя былъ очень образованъ, говорилъ по-французски какъ французъ. сильно грассируя, былъ очень добръ и съ нами, дѣтьми, всегда милъ и ласковъ; въ городѣ носился слухъ, что онъ былъ сильно скупъ».

Встрѣтившись съ Волконскимъ въ Москвѣ въ 60-хъ годахъ, уже послѣ амнистіи, Бѣлоголовый былъ пораженъ перемѣной, происшедшей со старикомъ на свободѣ:

«Я нашелъ его хотя бѣлымъ, какъ лунь, но бодрымъ, оживленнымъ и, притомъ, такимъ нарядным и франтовитымъ, какимъ я его никогда не видывалъ въ Иркутскѣ: его длинные серебристые волосы были тщательно причесаны, его такая же серебристая борода подстрижена и замѣтно выхолена, и все его лицо съ тонкими чертами и изрѣзанное морщинами дѣлали изъ него такого изящнаго, картинно-красиваго старика, что нельзя было пройти мимо него, не залюбовавшись этой библейской красотой. Возвращеніе же послѣ амнистіи въ Россію, поѣздка и житье за-границей, встрѣчи съ оставшимися въ живыхъ родными и съ друзьями молодости и тотъ благоговѣйный почетъ, съ какимъ всюду его встрѣчали за вынесенныя испытанія—все это его какъ-то преобразило».

Интересны также воспоминанія Бѣлоголоваго о декабристѣ Поджіо, который былъ его первымъ учителемъ:

«Несмотря на то, что Поджіо никакъ не принадлежалъ къ присяжнымъ педагогамъ и принялся за воспитаніе дѣтей,—говоритъ Бѣлоголовый,—когда ему уже перешло за 40 лѣтъ, но это отсутствіе навыка и правильнаго метода окупалось у него чрезвычайной добросовѣстностью и терпѣніемъ, такъ что мы скоро сдѣлали замѣтные успѣхи въ ученьѣ и стали бойко болтать по-французски. Но главная суть не въ этомъ, а въ томъ, что нравственное вліяніе на насъ Поджіо, какъ воспитателя, было огромное».

Лѣтомъ Поджіо увозилъ учениковъ въ деревню Усть-Куда, гдѣ у него былъ домикъ.

«Деревенька была небольшая, вытянувшаяся въ одну улицу изъ полусотни домовъ. Домъ, занимаемый Поджіо, былъ небольшой и отличался отъ прочихъ крестьянскихъ только тѣмъ, что былъ обшитъ тесомъ и потому казался опрятнѣе. Къ дому примыкалъ обширный дворъ, на ко-

торомъ мы большею частью рѣзвились во время отдыха отъ занятій; деревьевъ кругомъ не было, за то передъ нашими окнами тянулся рядъ парниковъ и грядъ, гдѣ Поджіо съ большими заботами выращивалъ всякую рѣдкую въ Сибири зелень и особенно ухаживалъ за дынями и канталупами, которыми очень гордился». На этомъ же дворѣ, «кромѣ различныхъ хозяйственныхъ службъ, стояла особнякомъ маленькая избушка, вросшая въ землю и покачнувшаяся на бокъ: въ ней одиноко проживалъ сосланный за польское возстаніе полякъ Сабинскій; это былъ фанатикъ своей національной идеи и хотя съ декабристами онъ былъ хорошо знакомъ, но особенной близости между ними, казалось, не вилѣлось. Во время нашихъ игръ во дворѣ мы нерѣдко видали его возвращающимся съ прогулки въ свою крохотную избушку,— и я какъ теперь помню его, хотя уже далеко не первой молодости, но стройную фигуру съ большими черными глазами, всегда смотрѣвшими строго и сосредоточенно изъ-подъ густо нависшихъ бровей; мы его немного побаивались, но къ этому дѣтскому страху примѣшивалось и невольное уваженіе послѣ того, какъ Поджіо сказалъ намъ, что это человѣкъ очень образованный и отлично говоритъ на семи языкахъ. Долго пришлось бѣдному Сабинскому изжить въ Сибири, и только въ амнистію 1856 года онъ получилъ разрѣшеніе вернуться на свою родину, въ Кіевъ, но продолжительная ссылка не сломила его энергіи и преданности польскому дѣлу и, какъ я узналъ впослѣдствіи, во время возстанія 1863 года онъ снова вызвалъ противъ себя преслѣдованіе правительства за дѣятельное участіе въ антирусскихъ демонстраціяхъ, за пѣніе гимновъ въ кіевскихъ костелахъ, и снова былъ куда-то высланъ, будучи уже болѣе чѣмъ 70-ти-лѣтнимъ старикомъ».

Въ 2-хъ верстахъ отъ Усть-Куда находилось мѣстечко Камчатникъ. лѣтняя резиденція Волконскихъ. Д-ръ Бѣлоголовый съ удовольствіемъ вспоминаетъ про это мѣстечко, отличавшееся своей красивой природой... «Какъ весело жилось въ этомъ прелестномъ, хотя и глухомъ и такъ страшно удаленномъ отъ европейской жизни уголкѣ,— говоритъ онъ.— И не только это казалось мнѣ тогда, въ моей наивности и въ дѣтскомъ незнакомствѣ съ таинственнымъ прошлымъ этихъ почтенныхъ людей, которыхъ судьба, насильственно нарушивъ весь нормальный строй ихъ жизни, забросила на Камчатникъ, но впослѣдствіи мнѣ не разъ приходилось слышать отъ самихъ декабристовъ, уже по возвращеніи ихъ въ Россію, съ какою благодарною памятью и съ какимъ наслажденіемъ вспоминали они о своемъ пребываніи какъ въ этой, такъ и въ другихъ сибирскихъ дебряхъ. Конечно, все же это была жизнь подневольная, а извѣстно, что даже золотая клѣтка, и тѣмъ менѣе сибирская, не въ состояніи замѣнить свободы, но въ этомъ-то и состояла замѣчательная, характерная черта декабристовъ, коренившаяся въ ихъ солидномъ образованіи и культурности, что они, казалось, легко примирялись съ своею участью. Этою культурностью достиглось прежде всего то, что они, проведя нѣсколько лѣтъ всѣ вмѣстѣ на каторгѣ, сплотились между собой въ тѣсный кружокъ, въ большую братскую семью, среди которой находилось нѣсколько человѣкъ съ выдающимся умомъ и въ которой члены, обладавшіе наибольшею нравственною силою и большими матеріальнами средствами, поддерживали своею энергіею менѣе устойчивыхъ, а небогатымъ давали возможность и средства расширять кругъ своихъ познаній. Притомъ онѣ не замкнулись въ своей кружковщинѣ и при переходѣ на поселеніе тотчасъ же

постарались найти себѣ практическую дѣятельность по душѣ и пристроиться къ какому-нибудь дѣлу на пользу края, гдѣ они были обречены искупать свою вину, а эта дѣятельная жизнь не позволяла имъ расплываться въ безплодныхъ сокрушеніяхъ о загубленной судьбѣ и ожесточаться, привлекая къ нимъ глубокія симпатіи и уваженіе со стороны туземнаго населенія, которыя они не могли не замѣчать на каждомъ шагу; напротивъ, болѣе или менѣе примиряла большинство изъ нихъ съ ихъ сибирскимъ настоящимъ».

За границей.

Борьба съ пауперизмомъ на Западѣ. Великая проблема нищеты, надъ разрѣшеніемъ которой трудятся не одни только законодательныя учрежденія въ Европѣ, но также разныя политическія партіи и соціальныя ученія, съ каждымъ годомъ принимаетъ все болѣе и болѣе угрожающіе размѣры. Милитаризмъ, промышленные кризисы и другія условія современнаго соціальнаго строя не только мѣшаютъ, но прямо не допускаютъ окончательнаго разрѣшенія этой проблемы, такъ что обществамъ и государствамъ приходится бороться съ грознымъ явленіемъ пауперизма посредствомъ палліативныхъ мѣропріятій, къ числу которыхъ принадлежитъ общественная благотворительность и учрежденіе различныхъ исправительныхъ заведеній, рабочихъ домовъ и всевозможныхъ ассоціацій, имѣющихъ цѣлью борьбу съ нищенствомъ. Къ числу послѣднихъ принадлежитъ, напримѣръ, «общества противъ обѣднѣнія и нищенства» (Vereiп gegen Verarmung und Hausbettelei), организованное въ Берлинѣ.

Въ 1868 году въ Берлинѣ образовался кружокъ людей, проникнутыхъ искреннимъ желаніемъ помочь по мѣрѣ силъ и возможности своимъ обездоленнымъ согражданамъ, и задался цѣлью дать пріютъ бездомнымъ, не знающимъ куда преклонить голову. Особенно симпатичный характеръ придавало этому обществу именно то, что оно не смотрѣло на свою дѣятельность, какъ на «актъ милосердія», а какъ на обязанность долга и совѣсти.

Зная всю неприглядную обстановку частныхъ ночлежныхъ домовъ и суровый ритуалъ, которому подвергаются ищущіе убѣжища въ городскихъ ночлежныхъ пріютахъ, особенно пугающій робкихъ отъ природы и придавленныхъ тяжелою борьбою за существованіе бѣдняковъ, общество рѣшило устроить пріютъ для бездомныхъ на совершенно иныхъ основаніяхъ. Прежде всего общество позаботилось о томъ, чтобы ни одинъ бѣднякъ, переступающій порогъ пріюта, не чувствовалъ себя отщепенцемъ, паріей, которому общество даетъ крохи отъ своихъ щедротъ, но котораго оно презираетъ въ душѣ и остерегается. Въ пріютѣ общества (Asyl für Obdachlose) поставлено за правило не спрашивать входящаго, кто онъ, и вообще не дѣлать ему никакихъ допросовъ, а встрѣчать его привѣтливо, какъ гостя. Бѣднякъ, часто измученный долговременными поисками работы и крова, усталый и голодный, находитъ въ этомъ пріютѣ то, въ чемъ ему отказываетъ судьба: привѣтливое обращеніе, чистую теплую постель и возможность умыться и получить утромъ, передъ уходомъ, тарелку горячаго супа. Онъ знаетъ, что можетъ спокойно провести ночь, такъ какъ двери пріюта закрыты для полиціи, зачастую устраивающей ночные осмотры въ частныхъ и город-

скихъ ночлежныхъ пріютахъ. По мѣрѣ своего развитія, общество расширяло свою дѣятельность и въ настоящее время устроило нѣсколько такихъ пріютовъ для мужчинъ и отдѣльные для женщинъ и дѣтей.

Годовые отчеты общества лучше всего указываютъ какъ на ту пользу, которую оно приноситъ, такъ и на ужасающіе размѣры городской нищеты. Въ теченіе 25 лѣтъ въ пріютахъ общества перебывало ни болѣе, ни менѣе, какъ $2^1/_2$ милліона человѣкъ, въ томъ числѣ 221 тысяча женщинъ, 166 тыс. дѣвушекъ и 40 тыс. дѣтей.

Для борьбы съ нищетой предназначены также и рабочіе дома, составляющіе, напримѣръ, въ Англіи одинъ изъ главныхъ видовъ общественнаго призрѣнія бѣдныхъ. Въ другихъ государствахъ рабочіе дома имѣютъ болѣе характеръ исправительныхъ учрежденій и во Франціи представляютъ даже нѣчто среднее между тюрьмой и пріютомъ. Впрочемъ, въ Англіи, гдѣ эти дома—по преимуществу благотворительныя учрежденія, устраиваемыя на счетъ приходовъ, и гдѣ, какъ поступленіе въ рабочіе дома, такъ и выходъ изъ нихъ совершенно свободны,—бѣдняки все-таки избѣгаютъ до послѣдней крайности пользоваться этимъ видомъ общественной благотворительности. Не только суровая дисциплина, господствующая въ этихъ домахъ, пугаетъ бѣдняковъ, но и то, что тамъ они не получаютъ никакой платы за свой обязательный трудъ, что въ значительной степени умаляетъ значеніе этихъ учрежденій въ глазахъ неимущаго класса. Самое же главное то, что каждый, воспользовавшійся общественною благотворительностью, лишается права голоса на извѣстный срокъ, и слѣдовательно, перестаетъ быть полноправнымъ гражданиномъ, а этими правами дорожитъ каждый англичанинъ, какъ бы онъ ни былъ бѣденъ и безпріютенъ. Вотъ почему лишь доведенные до послѣдней крайности, люди рѣшаются искать убѣжища въ рабочихъ домахъ. Въ настоящее время въ Англіи насчитывается 650 рабочихъ домовъ, но такъ какъ въ Англіи существуетъ законъ, дѣлающій обязательнымъ для всѣхъ, даже самыхъ маленькихъ приходовъ, устройство такихъ домовъ, то эта цифра (650) не можетъ служить доказательствомъ развитія и успѣха идеи подобныхъ учрежденій.

Въ Германіи рабочихъ домовъ немного, всего 47, и наибольшее число ихъ (24) падаетъ на долю Пруссіи. Изъ нихъ только 17 носятъ исключительно исправительный характеръ, остальные же — полублаготворительные, не стѣсняющіе ни поступленія, ни выхода, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда въ нихъ попадаютъ по приговору суда. Рабочіе дома, имѣющіе благотворительный характеръ, преимущественно устраиваются въ провинціальныхъ городахъ; однако, въ Магдебургѣ, напримѣръ, есть учрежденіе, которое носитъ названіе: «заведеніе добровольныхъ работниковъ», но, тѣмъ не менѣе, каждый вновь поступающій въ это заведеніе обязанъ пробыть въ немъ не менѣе шести недѣль.

Во Франціи, какъ мы уже говорили выше, рабочіе дома представляютъ нѣчто среднее между тюрьмой и пріютомъ. Ихъ цѣль—принудить къ работѣ тѣхъ, кто отъ нея уклоняется. Первые рабочіе дома были именно открыты съ этою цѣлью при Людовикѣ XIII, но они мало принесли пользы и не помѣшали развитію нищенства. Наполеонъ въ 1808 году издалъ декретъ, предписывающій каждому департаменту устроить пріюты для нищихъ (dépôts de mendicité), но и эти «dépôts» не искоренили нищенства, которое все возрастало. Видя неуспѣхъ этихъ учрежденій, правительство отказалось отъ нихъ и отмѣнило ихъ обязательность. Но настала

вторая имперія и все опять вернулось къ прежнему, вновь стали открываться пріюты для нищихъ и въ настоящее время такихъ пріютовъ насчитываютъ тридцать. Несовершенство этихъ учрежденій признается всѣми и теперь поднятъ вопросъ о томъ, чтобы ихъ реформировать коренным образомъ.

Такою же мѣрою противъ развитія пауперизма являются рабочія колоніи, цѣль которыхъ почти тожественна цѣли рабочихъ домовъ. Колоніи тоже поставили своею задачей давать работу тѣмъ, кто ея не имѣетъ. Первая такая колонія была основана въ Голландіи однимъ частнымъ обществомъ въ 1818 году. Всего же успѣшнѣе дѣло рабочихъ колоній идетъ въ Германіи, гдѣ съ 1882 года, когда была основана первая колонія, число ихъ возросло до 20 въ 1888 году, а число всѣхъ, перебывавшихъ за этотъ періодъ времени въ колоніи, равняется 30.000.

Говоря о борьбѣ съ пауперизмомъ на Западѣ, нельзя обойти молчаніемъ любопытную секту салютистовъ или такъ называемую «Армію Спасенія». Основатель ея Вильямъ Бутсъ былъ въ юности подмастерьемъ портного, но уже съ 15 лѣтъ началъ проповѣдывать въ своемъ родномъ городѣ Ноттингемѣ. Такъ какъ онъ дѣйствительно выказалъ недюжинныя способности, то ему было предложено сдѣлаться священникомъ, но онъ отказался и уѣхалъ въ Лондонъ, откуда уже сталъ разъѣзжать по различнымъ селамъ и городамъ Англіи проповѣдуя покаяніе и отрѣшеніе отъ грѣховной жизни. Чтобы привлечь вниманіе массъ, онъ сталъ прибѣгать къ разнымъ шумнымъ пріемамъ, порою имѣющимъ даже шутовской характеръ (музыка, процессіи и т. п.), и дѣйствительно имѣлъ успѣхъ, такъ какъ вездѣ, гдѣ онъ ни появлялся, люди сбѣгались посмотрѣть и послушать, что онъ будетъ говорить. Надъ нимъ смѣялись, его вышучивали и даже прямо преслѣдовали въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, въ особенности въ Лондонѣ, гдѣ образовалась даже спеціальная ассоціація для борьбы съ его приверженцами и дѣло доходило даже до кровавыхъ схватокъ, но, тѣмъ не менѣе, число его приверженцевъ все возрастало, особенно среди бѣднѣйшихъ классовъ лондонскаго населенія, которому онъ проповѣдывалъ спасеніе внѣ храмовъ. Имѣя дѣло постоянно съ подонками общества, Бутсъ, наконецъ, пришелъ къ убѣжденію, что нельзя думать о спасеніи душъ людей, погибающихъ въ нищетѣ, такъ какъ именно эта нищета и приводитъ ихъ къ пороку. Надо, слѣдовательно, позаботиться прежде всего о томъ, чтобы обезпечить голодному кусокъ хлѣба, пріучить людей къ честному труду и тогда уже проповѣдывать имъ спасеніе душъ. Съ той минуты какъ Бутсъ пришелъ къ такому выводу, дѣятельность его стала принимать другой характеръ. Сначала онъ воспользовался для своей цѣли только средствами и персоналомъ Арміи Спасенія, которые находились у него въ распоряженіи, и такимъ образомъ положилъ начало нѣсколькимъ учрежденіямъ, полезнымъ для бѣднаго люда. Въ 1890 году Армія Спасенія имѣла уже въ своемъ распоряженіи въ одномъ только Лондонѣ: пять дешевыхъ ночлежныхъ домовъ, нѣсколько столовыхъ, ясли, больницу для алкоголиковъ и 33 убѣжища для падшихъ женщинъ. Кромѣ того, члены Арміи Спасенія являлись всюду, гдѣ только нужна была помощь, ухаживали за больными, оказывали покровительство дѣтямъ и т. п. Во время грандіозной стачки портовыхъ рабочихъ въ Англіи Бутсъ устроилъ народныя кухни, гдѣ за самую дешевую плату или даже даромъ можно было получить пищу и такимъ образомъ тысячи семействъ рабочихъ были спасены отъ голодной смерти.

Въ виду такой дѣйствительно полезной дѣятельности Бутса и его арміи, отношеніе къ ней общества измѣнилось. Шутовскія выходки членовъ арміи и обиліе среди нихъ какъ искателей и искательницъ приключеній, такъ и экзальтированныхъ истеричныхъ субъектовъ, конечно, должны были по прежнему производить непріятное впечатлѣніе на людей со здоровыми нервами, но дѣятельность арміи, скрывавшаяся за этою шутовскою внѣшностью, все-таки внушала къ себѣ уваженіе, и когда Бутсъ выступилъ съ своимъ грандіознымъ планомъ систематической и широкой помощи пролетаріату, изложеннымъ въ его книгѣ «Въ трущобахъ Англіи», то общество отнеслось очень сочувственно къ его проекту. Книга его имѣла необычайный успѣхъ и въ полгода разошлась чуть ли не въ 150.000 экземплярахъ, а также была переведена чуть ли не на всѣ европейскіе языки, въ томъ числѣ и на русскій. Къ Бутсу стали стекаться пожертвованія со всѣхъ сторонъ, превысившія въ теченіе полугода ту сумму, которую онъ считалъ необходимой для приведенія въ исполненіе своего проекта. Бутсъ приступилъ немедленно къ осуществленію своихъ плановъ и въ короткое время имъ было основано нѣсколько мастерскихъ, спичечная фабрика, центральное бюро труда, доставившее въ теченіе трехъ мѣсяцевъ работу 5.576 рабочимъ, пріютъ для вышедшихъ изъ тюрьмы и три склада дешевой пищи. Кромѣ того, онъ пріобрѣлъ нѣсколько фермъ съ землею для устройства проектируемыхъ имъ колоній. Теперь уже можно говорить о результатахъ дѣятельности Арміи Спасенія. На бывшемъ въ Берлинѣ въ январѣ мѣсяцѣ конгрессѣ Арміи Спасенія были приведены слѣдующія цифры. Въ теченіе 32-хъ лѣтъ своего существованія Армія Спасенія распространила свою дѣятельность на 49 странъ. Она имѣетъ въ своемъ распоряженіи 40.000 офицеровъ, изъ которыхъ 12.000 исключительно посвятили себя цѣлямъ пропаганды и дѣлу помощи другимъ. Въ Лондонѣ устроены 42 столовыхъ, въ которыхъ ежедневно обѣдаютъ до 40.000 бѣдняковъ, и 61 ночлежный домъ, гдѣ ежедневно ночуетъ до 8.000 человѣкъ. Теперь Бутсъ мечтаетъ о томъ, чтобы открыть за океаномъ новую колонію, въ которой всѣ неудачники могли бы найти нетолько работу и кусокъ хлѣба, но также могли бы заново устроить свою жизнь.

Французскіе метисы въ Канадѣ. Въ Европѣ мало интересуются Канадой. Большинство даже образованныхъ европейцевъ знаетъ только, что Канада—это федеральный союзъ провинцій и территорій, включающій всѣ британскія владѣнія въ Сѣверной Америкѣ, кромѣ Нью-Фаунленда и вестъ-индскихъ колоній, и что нѣкогда она была французскою землей. Между тѣмъ, не только прошлая, но и современная исторія Канады не лишена интереса, потому что въ Канадѣ до сихъ поръ не прекратился антагонизмъ между французскимъ и англійскимъ населеніемъ и борьба партій, стремящихся отдѣлить Канаду отъ Англіи и объявить ее вполнѣ независимою территоріей. Многочисленныя попытки присоединить Канаду къ сѣверо американскому союзу до сихъ поръ не имѣли успѣха. Послѣднее возстаніе французскихъ метисовъ, вызвавшее кровавыя репрессаліи со стороны англичанъ, было подавлено въ 1884 году послѣ казни храбраго предводителя инсургентовъ Ріеля. Не смотря на это, въ Канадѣ и до сихъ поръ существуетъ броженіе, и можно почти навѣрное предсказать, что, рано или поздно, Канада присоединится къ Соединеннымъ Штатамъ, не взирая на всѣ старанія англичанъ удержать эту богатую колонію въ своихъ рукахъ.

Населеніе Канады состоитъ изъ европейцевъ, французовъ и англичанъ; туземцы же, индѣйцы и эскимосы, теперь уже очень немногочисленны. Но безспорно самую интересную часть канадскаго населенія составляютъ французскіе метисы, потомки служащихъ французской компаніи, основанной въ 1783 году французскими капиталистами, и долго и упорно боровшейся съ англійской Гудсоновской компаніей. Послѣ сорокалѣтней ожесточенной борьбы англійская компанія одержала побѣду, но многочисленные французы, находившіеся на службѣ французской компаніи, не захотѣли признать владычества англичанъ и удалились въ области, занятыя краснокожими, гдѣ, смѣшавшись съ ними, положили начало новой расѣ французскихъ метисовъ. Метисы сохранили не только физическія, но и нравственныя качества французской націи. Прежде они вели полукочевой образъ жизни, теперь, главнымъ образомъ, занимаются земледѣліемъ и скотоводствомъ и владѣютъ даже значительными капиталами. Благодаря узамъ крови, которыя связываютъ ихъ съ индѣйцами, и личнымъ качествомъ своего національнаго характера, метисы пользуются большою симпатіей и довѣріемъ индѣйцевъ. Эти послѣдніе, со времени исчезновенія бизоновъ, мясо и шкуры которыхъ были ихъ главнѣйшими рессурсами, съ трудомъ находятъ средства къ существованію и въ большинствѣ случаевъ канадское правительство вынуждено доставлять имъ пищу и одежду. Вынужденные оставаться въ предѣлахъ такъ называемыхъ «резервныхъ территорій», предоставленныхъ въ ихъ распоряженіе канадскимъ правительствомъ, которое запрещаетъ имъ переступать границы этихъ территорій, индѣйцы, покорные и смиренные, доживаютъ свой вѣкъ, вспоминая свое героическое прошлое и только изрѣдка въ душѣ индѣйцевъ зарождается протестъ, который приводитъ къ кровопролитныхъ схваткамъ и къ возмущенію. Такое именно возмущеніе произошло въ 1885 году, когда индѣйцы присоединились къ метисамъ.

Первое возмущеніе метисовъ произошло послѣ присоединенія Манитобы, территоріи, пріобрѣтенной канадскимъ правительствомъ отъ компаніи Гудсонова залива. Большая часть населенія Манитобы, состоящая изъ французскихъ метисовъ, протестовала противъ этого присоединенія, доказывая, что компанія не имѣла права отдавать земли, которыми она, въ сущности, никогда не владѣла. Но канадское правительство не вняло этимъ протестамъ, увѣренное въ своей силѣ, и назначило въ 1870 году въ Манитобу губернатора Макъ Дугалля, которому поручено было подчинить эти провинціи какъ можно скорѣе общему административному режиму.

Метисы, возмущенные такою безцеремонностью правительства и, еще болѣе, оскорбительными выходками новаго губернатора, рѣшили силою изгнать его изъ своей территоріи. Они живо сформировали временное правительство, которому поручили дѣло національной обороны подъ предводительствомъ Луи Ріеля, честнѣйшаго и благороднѣйшаго человѣка, истиннаго героя народнаго дѣла.

Когда Макъ Дугалль, въ сопровожденіи полиціи и цѣлой арміи чиновниковъ, явился въ Манитобу, метисы снарядили къ нему депутацію, которая объявила ему, что не пуститъ его въ свои владѣнія. Макъ Дугалль встрѣтилъ депутацію очень высокомѣрно.

— Кто васъ посылаетъ? — спросилъ онъ.

— Правительство,—отвѣчали метисы.

— Какое такое правительство?

— Да наше, чортъ возьми! Мы сформировали это правительство и оно приказываетъ вамъ убираться по добру, по здорову и оставить насъ въ покоѣ.

Такъ какъ сила была не на его сторонѣ, то Макъ Дугалль счелъ благоразумнымъ уступить и удалиться. Ріель тогда издалъ прокламацію, въ которой заявлялъ, отъ имени представителей народа, что они, эти представители, не желаютъ признавать надъ собою власти Канады, навязывающей имъ деспотическое правительство.

Между тѣмъ, въ самой Манитобѣ вспыхнуло возмущеніе, такъ какъ англичане, проживающіе въ ней, приняли сторону Канады. Но они были немногочисленны и Ріель справился съ ними, казнивъ ихъ вождя Скотта, оказавшагося довольно темною личностью и искателемъ приключеній самаго худшаго сорта.

Федеральное правительство, видя, что силой ему не удается завладѣть Манитобой, рѣшилось вступить въ переговоры съ метисами черезъ посредство епископа Таме, и убѣдить ихъ сложить оружіе подъ условіемъ общей амнистіи и правильнаго раздѣла земель. Метисы согласились, но какъ только канадское правительство почувствовало себя господиномъ положенія, оно немедленно отказалось выполнить свои обѣщанія не только относительно правильнаго раздѣла земель, но и относительно амнистіи, подъ тѣмъ предлогомъ, что убійство Скотта должно быть отмщено. Никакого письменнаго условія съ метисами заключено не было, переговоры велись на словахъ и правительство ихъ нарушило. Голова Ріеля была оцѣнена и ему пришлось спасаться бѣгствомъ и искать убѣжища въ Соединенныхъ Штатахъ у іезуитовъ.

Однако, метисы не успокоились. Сначала они пробовали дѣйствовать путемъ петицій, съ жалобами на притѣсненія и несправедливость властей. Но всѣ эти петиціи оставлены были безъ вниманія и такъ какъ правительству надоѣло получать ихъ, то оно отдало приказъ, запрещающій гражданамъ Манитобы подавать петиціи и устраивать сходки для обсужденія своего положенія и своихъ интересовъ. Въ то же время правительство дѣятельно принялось за организацію военной силы въ странѣ и посланный правительства Кларкъ объявилъ населенію, что если жалобы не прекратятся, то «500 конныхъ полицейскихъ удовлетворятъ эти жалобы посредствомъ цѣпей и пуль, которыми будутъ награждены предводители и совѣтники народа».

Одинъ изъ мужественныхъ предводителей метисовъ, Габріель Дюмонъ, отвѣчалъ на это заявленіе слѣдующими словами:

«У насъ украли наши земли и раздробили наши владѣнія; мы не защищали ихъ. Съ нами обращались дерзко и презрительно—мы все снесли. Но когда дѣло идетъ о нашей жизни, о жизни нашихъ предводителей и нашихъ семействъ, то мы имѣемъ право защищать ее и будемъ защищаться до послѣдней крайности».

Тотчасъ же послѣ этого рѣшено было вызвать Ріеля. Дюмонъ отправился за нимъ и Ріель, не смотря на то, что голова его была оцѣнена, явился въ Канаду и организовалъ возмущеніе. Метисы были немногочисленны и плохо вооружены, а противъ нихъ былъ выдвинутъ отрядъ въ 4.000 хорошо вооруженныхъ солдатъ подъ начальствомъ генерала Миддльтона, но, тѣмъ не менѣе, въ началѣ побѣда была на ихъ сторонѣ. Большую поддержку имъ оказали краснокожіе, тотчасъ же присоединившіеся къ своимъ друзьямъ метисамъ.

Война разгорѣлась не на шутку и 25 марта 1885 года произошло первое важное сраженіе на берегу Утинаго озера. Метисы, вмѣстѣ съ индѣйцами, съ такою стремительностью напали на правительственныя войска, что заставили имъ отступить. Вторая битва также была выиграна инсургентами при помощи индѣйцевъ. Вѣ-

роятно, правительственнымъ войскамъ не скоро удалось бы совладать съ инсургентами, если бы не измѣна, при помощи которой непріятель могъ пробраться въ лагерь инсургентовъ и произвести на нихъ нападеніе врасплохъ. Храброе войско инсургентовъ было разбито на голову. Ріель взятъ въ плѣнъ, а Дюмонъ бѣжалъ.

Дѣло было проиграно окончательно и метисамъ ничего болѣе не оставалось, какъ сложить оружіе. Однако правительство, на которое все-таки, произвела впечатлѣніе героическая защита метисовъ, рѣшило удовлетворить нѣкоторыя изъ ихъ справедливыхъ требованій. Такимъ образомъ, возстаніе принесло, все-таки, нѣкоторую пользу метисамъ.

Судьба Ріеля была, конечно, рѣшена съ той самой минуты, какъ онъ попалъ въ руки враговъ. Его судили и приговорили къ смертной казни Онъ умеръ, какъ герой, не теряя вѣры, что наступитъ часъ освобожденія для его народа. Населеніе было страшно возмущено его казнью и въ Монреалѣ состоялся митингъ протеста, на которомъ присутствовало болѣе 50.000 гражданъ. Была вотирована резолюція, осуждающая поведеніе федеральнаго правительства, и затѣмъ было устроено аутодафе, на которомъ, при громкихъ крикахъ народа, были сожжены изображенія канадскихъ министровъ.

Такъ кончилось возстаніе маленькаго храбраго народа, грозившее сначала принять очень большіе размѣры и причинившее не мало тревоги канадскимъ властямъ. Теперь метисы смирились, но весьма возможно, что подъ пепломъ еще тлѣютъ искры, которыя могутъ при первомъ удобномъ случаѣ развиться въ большой пожаръ. Метисы покоряются необходимости, сознавая свое безсиліе; но кто же поручится, что они не выжидаютъ время, чтобы снова начать борьбу, но уже при лучшихъ и болѣе выгодныхъ для себя условіяхъ.

Дѣтское войско въ Америкѣ. Америка до настоящаго времени счастливо избѣгала милитаризма. Національная американская милиція, выказавшая такое геройство во время войны за освобожденіе, до сихъ поръ считалась вполнѣ достаточной для защиты американской территоріи, такъ какъ великая американская республика въ принципѣ отвергала всякія завоеванія. Но теперь дѣловой янки начинаетъ находить недостатки въ этой системѣ національной обороны и въ душѣ его какъ будто развивается стремленіе къ военному могуществу.

Всего лишь три года тому назадъ, Нью-Іоркъ, первый городъ, подавшій примѣръ, объявилъ необходимость введенія обязательнаго военнаго обученія во всѣхъ общественныхъ школахъ, и тотчасъ же былъ выработанъ соотвѣтствующій планъ и образовались мѣстные комитеты для снабженія учениковъ оружіемъ, обмундировкою и инструкторами.

Три года въ Америкѣ—это очень много. Движеніе, возникшее по почину Нью-Іорка, быстро приняло значительные размѣры и охватило всѣ 35 штатовъ союза. Генералъ Джорджъ Уингетъ изъ Бруклина издалъ брошюру, заключающую всѣ необходимыя инструкціи для военныхъ наставниковъ, печать подхватила идею и также стала пропагандировать ее и въ короткій промежутокъ времени во всѣхъ штатахъ появились школьные отряды, названные отрядами «молодой американской гвардіи».

Несмотря на недавнее введеніе обязательнаго военнаго обученія во всѣхъ начальныхъ школахъ Америки, оно уже успѣло дать результаты, о которыхъ съ восторгомъ говорятъ сторонники этой системы воспитанія. Впрочемъ, несправедливо было бы отрицать, что эта система имѣетъ свои хо-

*

рошія стороны. Военныя упражненія на чистомъ воздухѣ, маршировка, бѣгъ и лагерные сборы оказываютъ, безъ сомнѣнія, благотворное вліяніе на здоровье дѣтей и дѣйствуютъ на нихъ укрѣпляющимъ образомъ. Надо прибавить также, что въ составъ военнаго воспитанія входитъ и развитіе нравственныхъ качествъ у дѣтей; ихъ наставляютъ въ мужествѣ, вѣрности данному слову, снисходительности къ слабымъ, развиваютъ въ нихъ духъ товарищества, великодушія и т. п. Въ инструкціяхъ, имѣющихся у всѣхъ школьныхъ инструкторовъ, особенно настаивается на необходимости нравственнаго воспитанія дѣтей-воиновъ.

Во время празднованія въ Нью-Іоркѣ столѣтней годовщины президента Вашингтона, самымъ интереснымъ пунктомъ программы было дефилированіе дѣтскаго войска, состоящаго изъ 4.000 дѣтей. Это было въ 1889 году, но тогда еще военное обученіе не было обязательно въ школахъ, и школьные отряды состояли изъ волонтеровъ. Тѣмъ не менѣе, военныя власти, присутствовавшія на празднествѣ, пришли въ восторгъ отъ выправки дѣтскаго войска. Общее мнѣніе было таково, что эта дѣтская милиція выказывала даже больше стройности въ движеніяхъ и дисциплины, нежели національная милиція.

Первый батальонъ молодой американской гвардіи былъ организованъ въ 1893 году при одной изъ нью-іоркскихъ начальныхъ школъ. Тотчасъ же всѣ остальныя школы послѣдовали ея примѣру. Въ прошломъ году нью-іоркскіе граждане могли любоваться зрѣлищемъ дефилированія по улицамъ города 10.000 юныхъ воиновъ, съ гордостью и воинственнымъ видомъ проходившихъ мимо восхищенныхъ гражданъ. Всѣ остальные штаты скоро послѣдовали примѣру Нью-Іорка и теперь уже каждый штатъ можетъ похвастаться дѣтскимъ войскомъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ введено обязательное обученіе въ высшихъ школахъ. Нѣкоторые города, впрочемъ, высказались противъ обязательности обученія и сдѣлали его факультативнымъ, но мальчики, посѣщающіе первоначальныя школы, всегда сгораютъ желаніемъ облачиться въ военную форму и маршировать по улицамъ и никто изъ нихъ не отказывается учиться военнымъ пріемамъ.

Не однѣ только общественныя школы, но и частныя и даже церковныя ввели у себя обязательное военное обученіе. Нѣкоторыя ассоціаціи, нае примѣръ, общество трезвости, также сформировали дѣтскіе отряды; существуютъ отряды, сформированные изъ уличныхъ мальчишекъ. По отношенію къ этимъ послѣднимъ система военнаго воспитанія принесла особенно хорошіе результаты, такъ какъ привила этимъ заброшеннымъ дѣтямъ такія нравственныя качества, которыхъ они были совершенно лишены вслѣдствіе отсутствія какого бы то ни было воспитанія.

Защитники военной системы указываютъ, что Америка такимъ путемъ избавляется отъ тяжелаго бремени, которое представляютъ системы національной обороны, введенныя на европейскомъ континентѣ. Населеніе Америки, обученное военнымъ пріемамъ въ юные годы, можетъ, въ случаѣ надобности, тотчасъ же сформировать войско для защиты страны. Каждый американскій гражданинъ съ охотою возьмется за оружіе и повторитъ то, чему учился въ дѣтствѣ, если понадобится защищать интересы великой республики. Такимъ образомъ, Америкѣ не нужно расходоваться на содержаніе большихъ армій, какъ это дѣлается въ Европѣ, между тѣмъ у нея все-таки будетъ войско, которое она можетъ выдвинуть для поддержанія своихъ требованій, если это окажется нужнымъ.

Изъ иностранныхъ журналовъ.

«Cornhill Magazine».—«Revue des Deux Mondes».

Въ журналѣ «Cornhill Magazine» напечатанъ рядъ не лишенныхъ интереса очерковъ, разсказывающихъ исторію возникновенія нѣкоторыхъ колоссальныхъ американскихъ состояній. Самая старинная семья американскихъ архимилліонеровъ—это Вандербильты. Родоначальникъ ея ровно сто лѣтъ тому назадъ явился въ Нью-Іоркъ, 16-ти лѣтъ отъ роду, имѣя сто долларовъ въ карманѣ, составлявшихъ всѣ его сбереженія. На эти деньги онъ купилъ лодку и занялся перевозкою овощей въ Нью-Іоркъ. Въ двадцать лѣтъ онъ женился на такой же экономной и трудолюбивой дѣвушкѣ и продолжалъ заниматься своимъ дѣломъ, а жена его открыла маленькій отель. Три года спустя, супруги уже вдвоемъ накопили 10.000 долларовъ и съ этого времени состояніе ихъ стало такъ быстро увеличиваться, что уже во время войны за освобожденіе Вандербильтъ могъ, нисколько не стѣсняясь, принести въ даръ американской республикѣ большое военное судно, стоимостью въ 800.000 долларовъ. Когда Вандербильту минуло 70 лѣтъ, то его состояніе равнялось по числу милліоновъ его годамъ. Единственнымъ пятномъ на свѣтломъ горизонтѣ жизни милліонера являлся его старшій сынъ, котораго старикъ Вандербильтъ считалъ почему-то неспособнымъ, лѣнивымъ и глупымъ. Онъ удалилъ его и поселилъ на одной изъ своихъ отдаленныхъ фермъ. Каково же было его удивленіе, когда вдругъ онъ узналъ, что этотъ сынъ, котораго онъ считалъ глупымъ, съумѣлъ въ самое короткое время нажить посредствомъ ловкой спекуляціи 500.000 долларовъ. Радость старика,—этого воздѣлывателя милліоновъ,—была безмѣрна; онъ призвалъ изгнанника домой и поручилъ ему управленіе всѣмъ своимъ состояніемъ.

Всѣ другія богатства въ Америкѣ гораздо болѣе недавняго происхожденія, но всѣ они также возникли изъ ничего и основатели колоссальныхъ состояній большею частью въ дѣтствѣ и молодости терпѣли крайнюю нужду. Нѣкоторые изъ этихъ богачей, напримѣръ, Леландъ Станфордъ и Джонъ Рокфеллеръ заслужили признательность своихъ согражданъ крупными пожертвованіями на дѣло просвѣщенія. Какъ Станфордъ, такъ и Рокфеллеръ пожертвовали десятки милліоновъ на основаніе университетовъ; Чикагскій университетъ обязанъ своимъ существованіемъ Джону Рокфеллеру. Всѣ американскіе богачи, какъ бы они ни отличались другъ отъ друга по своимъ личнымъ качествамъ и дѣятельности, обнаруживаютъ много общихъ психологическихъ чертъ. Всѣ они стремятся основать династію и въ этомъ заключается ихъ главное честолюбіе. Чтобы избѣжать раздѣла богатства, всѣ американскіе милліонеры установили въ своей семьѣ право старшинства и основали настоящіе маіораты. Старшій сынъ у нихъ наслѣдуетъ, по крайней мѣрѣ, двѣ трети состоянія отца и въ нѣкоторыхъ семьяхъ, напримѣръ, у Гульда, никто изъ дѣтей не имѣетъ права ни жениться, ни выйти замужъ безъ согласія другихъ и никто изъ нихъ не имѣетъ права завѣщать кому-нибудь постороннему хотя бы только часть состоянія.

Въ Соединенныхъ Штатахъ каждые четыре года бываютъ выборы пре-

зидента республики. Выборы производятся всеобщею подачею голосовъ и, разумѣется, вызываютъ въ странѣ такъ-называемую избирательную горячку. Выборная агитація начинается обыкновенно за годъ до наступленія выборовъ. Посѣтившій въ этомъ году Соединенные Штаты Рафаэль - Жоржъ - Леви передаетъ въ «Revue de deux Mondes» свои впечатлѣнія и говоритъ, что выборная горячка въ настоящее время достигла уже своего апогея. Вопросъ, кто водворится въ Бѣломъ Домѣ въ мартѣ будущаго года, исключительно поглощаетъ вниманіе страны въ данную минуту. Выборная агитація ведется по разъ уже установленнымъ правиламъ. Каждая партія присылаетъ своихъ делегатовъ съ разныхъ пунктовъ американской территоріи въ конвентъ, который собирается въ опредѣленномъ городѣ и въ назначенное время. На этомъ конвентѣ устанавливается программа, называемая въ Америкѣ «platform» и высказывающая взгляды большинства партіи, а слѣдовательно и конвента, на вопросы, интересующіе въ данную минуту общественное мнѣніе въ Америкѣ. Какъ только программа окончательно установлена и почти единогласно принята членами конвента, конвентъ каждой партіи выбираетъ двухъ кандидатовъ, одного на мѣсто президента республики, другого же на должность вице-президента, и затѣмъ листокъ (ticket) съ именами этихъ кандидатовъ разсылается избирателямъ. Надо, впрочемъ, прибавить, что это нисколько не связываетъ избирателей и они могутъ подавать свои голоса за кого хотятъ, хотя, разумѣется, указанія, сдѣланныя представителями партіи, все - таки имѣютъ большое вліяніе на народное голосованіе. Въ промежутокъ времени, отдѣляющій конвенты партій отъ всеобщей подачи голосовъ, выборная горячка достигаетъ наибольшей силы и напряженія. Каждая картія выдвигаетъ на сцену свои батареи, своихъ искусныхъ политиковъ, которые руководятъ агитаціей, и начинается настоящая кампанія, въ которой противники съ ожесточеніемъ нападаютъ другъ на друга, сражаясь, конечно, не оружіемъ, а словомъ и перомъ. Вездѣ устраиваются митинги, сходки, произносятся громовыя рѣчи и расходуются цѣлыя горы писчей бумаги, для распространенія по странѣ взглядовъ партій и привлеченія массъ на сторону того или другого кандидата.

Въ этомъ году интересъ выборовъ сосредоточивается, главнымъ образомъ, на монетномъ вопросѣ. Въ виду преобладающаго положенія, которое занимаютъ Соединенные Штаты въ экономической жизни всего свѣта, исходъ нынѣшней борьбы представляетъ интересъ не для одной только великой американской республики. Американскіе журналисты, отличающіеся умѣньемъ фабриковать сенсаціонныя заглавія, назвали нынѣшнюю избирательную борьбу—«борьбою денежныхъ знаковъ». Половина Соединенныхъ Штатовъ въ настоящее время, очертя голову, ведетъ яростную борьбу въ пользу свободной чеканки серебра, противъ которой высказывается большинство осторожныхъ американскихъ экономистовъ. Идея свободной чеканки серебра зародилась въ штатахъ, изобилующихъ серебряными рудниками, однако она нашла многочисленныхъ сторонниковъ въ западныхъ, центральныхъ и южныхъ штатахъ, среди фермеровъ и рабочихъ, вообразившихъ почему-то, что эта перемѣна должна отразиться благопріятнымъ образомъ на ихъ экономическомъ положеніи. Впрочемъ, большинство западныхъ штатовъ дѣйствуетъ въ данномъ случаѣ, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ желанія сбросить иго восточныхъ штатовъ, которые до сихъ поръ играли руководящую роль въ судьбахъ американскаго союза. Старинные штаты на берегу Атлантики, назы-

ваемые иногда Новою Англіей, образуютъ въ нѣдрахъ союза нѣчто вродѣ консервативной партіи, такъ какъ у нихъ уже имѣются свои традиціи, которыя еще не успѣли образоваться у смѣлыхъ піонеровъ запада. Новые штаты уже чувствуютъ свою силу и, благодаря быстрому заселенію городовъ, вскорѣ не преминутъ занять преобладающее положеніе въ палатѣ представителей.

Иностранецъ, не вполнѣ свѣдущій въ американскихъ дѣлахъ, можетъ, пожалуй, заключить на основаніи статей въ американскихъ газетахъ, что между западными и восточными штатами существуетъ сильный антагонизмъ. На самомъ дѣлѣ вражда не такъ сильна и многое слѣдуетъ отнести на долю выборной агитаціи и газетныхъ преувеличеній. Печать, стоящая на сторонѣ такъ называемыхъ «аргентистовъ» (сторонниковъ серебряной валюты), съ ожесточеніемъ нападаетъ на нынѣшняго президента республики Кливелэнда, такъ какъ онъ—рѣшительный противникъ свободной чеканки серебра. Весьма вѣроятно, что когда будетъ разрѣшенъ жгучій вопросъ о валютѣ, волнующій умы въ данную минуту, снова наступитъ спокойствіе. Обѣ партіи взаимно забрасываютъ другъ друга всевозможными оскорбленіями, взваливая другъ на друга самыя возмутельныя обвиненія, искажая факты и т. п. и тѣмъ не менѣе, никто не сомнѣвается, что дѣло уладится мирнымъ путемъ и республика отъ этого не пострадаетъ. Борба партій въ Соединенныхъ Штатахъ именно тѣмъ и отличается отъ борьбы партій въ Европѣ, что въ Америкѣ никто не помышляетъ о перемѣнѣ формы правительства. Двѣ главныя партіи борются за преобладаніе, демократическая и республиканская, но ни та, ни другая не думаетъ о перемѣнѣ государственнаго устройства и все дѣло сводится къ вопросамъ экономической политики. Противники одинаково проникнуты уваженіемъ къ конституціи и одинаково согласны между собою какъ относительно вопросовъ внѣшней политики, такъ и относительно существующей организаціи страны. Но два вопроса вызываютъ раздѣленіе страны на два враждебныхъ лагеря: монетная система и протекціонизмъ. Замѣчательно, что оба имѣютъ сторонниковъ какъ въ томъ, такъ и въ другомъ лагерѣ, такъ что раздѣленіе партіи въ этомъ случаѣ какъ бы исчезаетъ. Въ этомъ именно и заключается сложность положенія въ данную минуту. Огромное большинство республиканцевъ высказывается въ пользу золотой валюты, но это не мѣшаетъ президенту Кливелэнду, члену демократической партіи, въ этомъ вопросѣ держать сторону республиканскаго большинства, а нѣкоторымъ членамъ его кабинета стоять на сторонѣ «аргентистовъ».

Другой вопросъ—таможенная политика. Соединенные Штаты долго держались принципа свободной торговли и только къ концу XIX вѣка послѣдовали примѣру европейскихъ государствъ и установили таможенныя преграды съ цѣлью покровительства собственной промышленности. Президентъ парламентской комиссіи, которой порученъ былъ пересмотръ таможенныхъ законовъ, Макъ Кинлей, прославился введеніемъ самаго возвышеннаго таможеннаго тарифа, какой только существуетъ на свѣтѣ. Въ 1893 г. наступилъ кризисъ, который былъ приписанъ какъ недостаткамъ монетной системы, такъ и крайностямъ протекціонистскаго тарифа. Рѣшено было произвести перемѣны какъ въ томъ, такъ и въ другомъ направленіи. Сравнительно еще очень недавно таможенные государственные доходы республики въ значительной мѣрѣ превышали потребности государственной казны и образовался громадный избытокъ, для употребленія котораго протекціо-

нисты изобрѣли цѣлую систему пенсій. Пенсіи выдавались ветеранамъ войны за освобожденіе и ихъ семьямъ, но, главнымъ образомъ, политическимъ друзьямъ стоящихъ у власти людей. Теперь времена измѣнились; избытокъ замѣнился дефицитомъ, который пришлось пополнять займами, поэтому ничего нѣтъ неудивительнаго, что страна волнуется и ищетъ выхода изъ этого положенія, причемъ одни видятъ выходъ въ отмѣнѣ протекціонистскихъ законовъ, другіе же—въ измѣненіи монетной системы.

Кандидатъ, имѣющій наиболѣе шансовъ на избраніе въ настоящее время это—Макъ Кинлей, изобрѣтатель протекціонистскаго тарифа. Наружностью своею Макъ Кинлей нѣсколько напоминаетъ Наполеона I, и на его портретахъ, которые ежедневно появляются въ газетахъ, печатающихся въ нѣсколькихъ милліонахъ экземпляровъ, Макъ Кинлей всегда изображается въ треуголкѣ и со сложенными на крестъ руками или съ рукою, заложенною за бортъ наглухо застегнутаго сюртука—однимъ словомъ, такъ, какъ обыкновенно изображаютъ императора. Его противникомъ выступаетъ Брайанъ, сравнительно молодой человѣкъ,—ему 36 лѣтъ. Онъ на знамени выставляетъ рядъ политическихъ и экономическихъ реформъ: пересмотръ конституціи и подоходный налогъ. За него подаютъ голоса рабочіе и всѣ молодыя партіи. Это страстный и горячій ораторъ, пользующійся огромной популярностью въ народныхъ массахъ. Въ противоположность ему, Кинлей сдержанный и холодный человѣкъ, лѣтъ 50. За него биржа и крупные капиталисты *).

Война ведется, преимущественно, въ печати и въ собраніяхъ. Всѣ вопросы и даже таможенный тарифъ отступили теперь на второй планъ и борьба сосредоточивается около монетнаго вопроса: будетъ или нѣтъ введена свободная чеканка серебра, или же Соединенные Штаты останутся вѣрными существующей монетной системѣ? Этотъ вопросъ волнуетъ въ данную минуту 70 милліоновъ человѣкъ, возбуждаетъ страсти и наполняетъ страну ежедневно десятками милліоновъ экземпляровъ печатныхъ листовъ, разносящихъ по самымъ отдаленнымъ закоулкамъ Соединенныхъ Штатовъ отголоски выборной горячкй.

Въ прежнее время побѣда на выборахъ такого кандидата, какъ Макъ Кинлей, означала бы побѣду протекціонизма. Теперь же вопросъ нѣсколько осложняется, такъ какъ въ пользу Макъ Кинлея навѣрное подадутъ голоса многіе изъ противниковъ протекціонизма, въ виду того, что Макъ Кинлей — сторонникъ «здоровой монеты», то есть существующей монетной системы. По мнѣнію автора цитируемой статьи о президентскихъ выборахъ, опасность для Соединенныхъ Штатовъ заключается именно въ томъ, что кто бы ни былъ избранъ президентомъ, борьба на почвѣ монетнаго вопроса все-таки не прекратится и будетъ продолжаться въ палатѣ представителей и во время частныхъ выборовъ, парализуя экономическую дѣятельность страны. «Но будемъ надѣяться, говоритъ авторъ,— что судьба, покровительствующая Соединеннымъ Штатамъ, и на этотъ разъ не допуститъ ихъ сдѣлать ложный шагъ, который можетъ повести къ разоренію страны. До сихъ поръ американцы всегда умѣли во время остановиться на краю пропасти; не даромъ же существуетъ поговорка: «Il y a un Dieu pour les enfants, les ivrognes, et les «americains!» (Богъ заботится о дѣтяхъ, о пьяныхъ и объ американцахъ).

*) Избранъ Макъ-Кинлей, значительнымъ большинствомъ.

Издательница А. Давыдова. Редакторъ Викторъ Острогорскій.

Безъ сомнѣнія, если бы дѣйствіе это исчезало вмѣстѣ съ индивидуумомъ, на которомъ оно проявляется, задача была бы рѣшена. Надо было бы признать, что все въ мірѣ объяснимо только при помощи сверхъестественныхъ причинъ. Но дѣйствіе среды не пропадаетъ такъ; измѣненія, которыя оно произвело, передаются претерпѣвающимъ ихъ индивидуумомъ своему потомству; они становятся болѣе прочными по мѣрѣ того, какъ поколѣнія смѣняютъ другъ друга, если только это происходитъ въ условіяхъ, благопріятныхъ для ихъ сохраненія; они укрѣпляются, такъ сказать, съ каждымъ поколѣніемъ, и особи, въ которыхъ они пріобрѣли извѣстную стойкость, могутъ находиться, не теряя этихъ характерныхъ признаковъ, въ самыхъ разнообразныхъ условіяхъ существованія. Здѣсь еще разъ мы встрѣчаемся съ фактами, опровергающими доказательства, приведенныя Л. Агассицомъ въ пользу своей системы. Отнынѣ вопросъ поставленъ иначе.

По существу, плодовитость при совокупленіи зависитъ просто отъ того, что сперматозоидъ оплодотворяющаго индивидуума можетъ выполнить свои нормальныя функціи въ яйцѣ индивидуума оплодотворяемаго. Извѣстенъ только результатъ этихъ функцій; совершенно неизвѣстно, ни какъ онѣ совершаются, ни условія, необходимыя для ихъ выполненія. Извѣстно, во всякомъ случаѣ, что достаточно самаго легкаго измѣненія въ условіяхъ, въ которыя поставлено яйцо, для того, чтобы помѣшать оплодотворенію его сперматозоидами, которые обыкновенно производили на него это дѣйствія.

Въ формѣ тѣла могутъ произойти многочисленныя измѣненія, которыя, однако, не измѣняютъ способности яйца къ воспринятію оплодотворяющаго элемента; другія измѣненія, наоборотъ, быстро влекутъ за собой неспособность къ этому; не въ этомъ ли нужно искать причину обособленія расъ, которыя, продолжая походить другъ на друга, становятся неспособными къ скрещиванію? Виды такимъ образомъ представляли бы результатъ тѣхъ же явленій, какъ и расы. Они отличались бы отъ обыкновенныхъ расъ только тѣмъ, что въ этихъ послѣднихъ измѣненія касаются нѣкоторыхъ частей тѣла, между тѣмъ какъ съ появленіемъ новаго вида, измѣненія относились бы уже къ условіямъ нормальныхъ отправленій организма,—условіямъ, при которыхъ возможно дѣйствіе сперматозоида на яйцо. Условія эти можно опредѣлить, и опредѣленіе ихъ не выходитъ изъ круга вопросовъ, разрабатываемыхъ обыкновенно экспериментальной физіологіей.

Если виды возникаютъ такимъ образомъ, то всѣ черты сходства между различными видами объясняются наслѣдственностью;

постоянство видовъ является результатомъ скрещиванія, которое сглаживаетъ индивидуальныя различія и укрѣпляетъ съ каждымъ поколѣніемъ устойчивость общихъ признаковъ. Естественный подборъ объясняетъ относительную обособленность видовъ и ихъ полную приспособленность къ внѣшнимъ условіямъ. Такимъ образомъ становится понятнымъ одновременное существованіе кажущагося постоянства видовъ и ихъ измѣняемости. Вся задача зоологіи состоитъ въ опредѣленіи условій, которыя могли въ прошедшемъ произвести или сохранить тотъ или другой признакъ.

Тщательно разсматривая данныя, на основаніи которыхъ до сихъ поръ разсуждали зоологи, можно видѣть, что почти всѣ эти данныя добыты изученіемъ животныхъ, относительно совершенныхъ, организація которыхъ представляетъ ясно выраженный типъ; позвоночныя, сустявчатыя и моллюски доставили данныя, положенныя въ основу философіи зоологіи. Но когда наши познанія объ этихъ животныхъ достигли такой степени видимаго совершенства, что, кажется, сдѣлалось возможнымъ резюмировать ихъ въ нѣсколькихъ общихъ положеніяхъ, подобныхъ физическимъ законамъ, въ это время изученіе простѣйшихъ животныхъ, на которыхъ такъ долго не обращали вниманія, и которыхъ Кювье почти всѣхъ помѣщалъ въ одинъ отдѣлъ подъ названіемъ зоофитовъ или лучистыхъ, изученіе этихъ животныхъ удивительно расширило рамки науки, указало, что вопросы, считавшіеся рѣшенными только поставлены, и открыло новое поле для умозаключеній. Чтобы понять значеніе этого движенія, надо вернуться къ его началу.

Глава XVII.

Низшія животныя.

Послѣдовательный прогрессъ въ открытіяхъ, касающихся низшихъ животныхъ.—Трамблей. Прѣсноводная гидра.—Пейссонель: кораллы.—Кювье—«Морское перо» —Лесюеръ: сифонофоры. — Де-Шамиссо: чередованіе поколѣній у сальпъ.—Сарсъ: чередованіе поколѣній у гидромедузъ.—Стенструпъ: теорія чередованія поколѣній.—Ванъ-Бенеденъ, дигенезисъ. Лейкартъ: полиморфизмъ. Оуэнъ: партеногенезисъ и метагенезисъ. — М. Катрфажъ: генеагенезисъ. — Мильнъ-Эдварсъ: Теорія размноженія.—Общая теорія явленій безполаго размноженія.

Нѣкоторое число безпозвоночныхъ животныхъ было извѣстно человѣку съ незапамятныхъ временъ. Какъ мы уже видѣли, Аристотель различалъ уже нѣсколько категорій этихъ животныхъ и группировалъ ихъ чрезвычайно вѣрно. Онъ наблюдалъ даже нравы и превращенія нѣкоторыхъ животныхъ: всѣ точныя познанія о

нихъ въ средніе вѣка почти всецѣло позаимствованы у него, но его плохо поняли. Впрочемъ, фактъ превращенія насѣкомыхъ въ состояніи подготовить умъ къ тому, чтобы безъ провѣрки признать справедливость самыхъ странныхъ сообщеній. Когда видятъ, что бабочка происходитъ изъ гусеницы, то не находятъ ничего страннаго въ предположеніи, что гусеницы въ свою очередь родятся изъ зеленыхъ листьевъ, какъ это утверждалъ Аристотель, или что черви берутъ свое начало отъ тины, изъ которой, по свидѣтельству книги Бытія, подъ вліяніемъ божественнаго дуновенія вышелъ и самъ человѣкъ.

Для того, чтобы при изученія всей запутанной и сложной исторіи низшихъ животныхъ могли возникнуть ясныя и здравыя идеи, надо было, чтобы человѣкъ выучился наблюдать и имѣлъ въ рукахъ инструменты, которые могли бы помочь въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ чувства его оказывались недостаточными. Только въ XVII вѣкѣ употребленіе увеличительныхъ стеколъ дало Мальпигію, Свамердаму и Левенгуку средства изучить тонкое строеніе тѣла и узнать о существованіи животныхъ, которыя, благодаря своимъ малымъ размѣрамъ, до сихъ поръ были незамѣтны для человѣческаго глаза. Мальпигій особенно занимался анатоміей и эмбріологіей. Свамердамъ посвятилъ себя изученію превращеній насѣкомыхъ. Левенгукъ наблюдалъ чрезъ увеличительныя стекла самые разнообразные предметы; онъ первый отмѣтилъ существованіе инфузорій и изучилъ животное, дающее почки подобно растенію,—прѣсноводную гидру, которая впослѣдствіи, послѣ изслѣдованій Трамблея, сдѣлалась столь знаменитой; въ то же время одинъ изъ учениковъ Левенгука, де-Гаммъ открылъ сперматозоиды.

Эти три открытія значительно отозвались на дальнѣйшемъ развитіи науки.

Инфузоріи были приняты за исходную точку отправленія для дальнѣйшихъ разсужденій, въ инфузоріяхъ видѣли матерію на пути организаціи, ихъ считали живыми атомами; онѣ способствовали продленію до безконечности спора о самопроизвольномъ зарожденіи. Онѣ окончательно выяснили намъ, въ чемъ состоитъ жизнь элементовъ, составляющихъ наше тѣло. Прѣсноводная гидра была первымъ примѣромъ древовидно развѣтвленныхъ организмовъ, типомъ которыхъ является кораллъ, и изученіе ея дало возможность понять, что такое эти странные организмы.

Сперматозоиды, которыхъ сначала считали было зачаточными животными, служили доказательствомъ въ пользу теоріи вложенныхъ зародышей до тѣхъ поръ, пока не было точно установлено развитіе животныхъ путемъ эпигенезиса. Сперматозоиды вошли тогда

въ число необходимыхъ первоначальныхъ условій развитія живыхъ существъ.

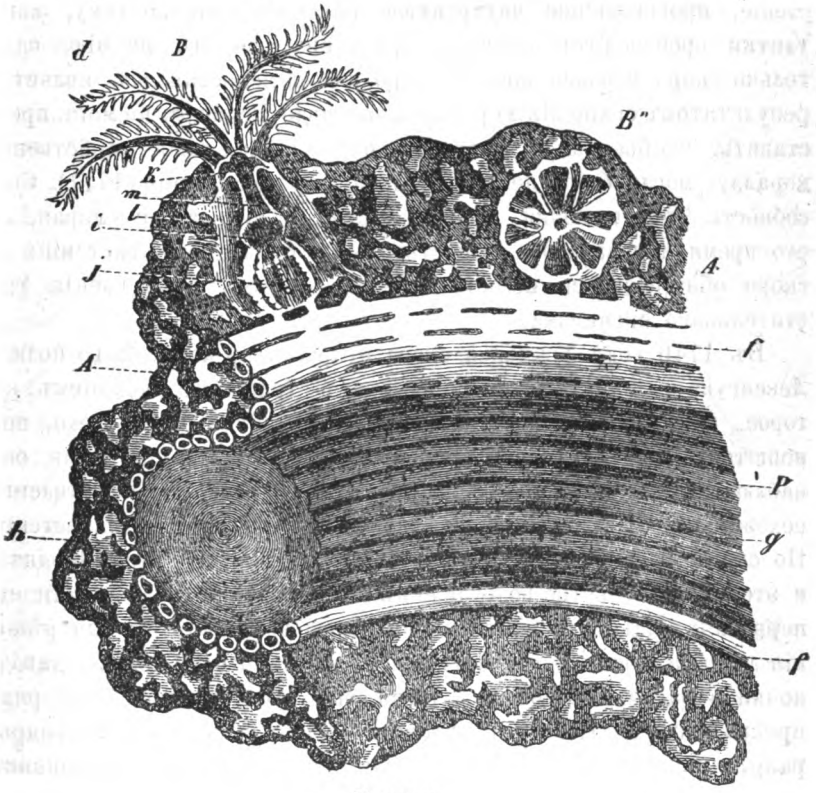
Но не сразу эти три открытія пріобрѣли то значеніе, которое они должны были имѣть. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя было представить себѣ роли сперматозоидовъ, не констатировавъ сначала, что существованіе яйца есть общій фактъ, и не опредѣливъ предварительно, въ чемъ состоятъ эмбріональныя явленія; только въ 1824 году Превостъ и Дюма первый разъ наблюдали сегментацію желтка, и въ 1827 г. фонъ-Бэръ открылъ яйцо млекопитающихъ. Прѣсноводная гидра была почти совсѣмъ забыта до 1744 года, до появленія въ свѣтъ достопамятныхъ изслѣдованій Трамблея. Наконецъ, инфузоріи служили основаніемъ для ошибочныхъ умозрѣній натуръ-философовъ до тѣхъ поръ, пока Эренбергъ въ 1829 г., обратясь снова къ труду Отто-Фридриха Мюллера, не воспользовался имъ, какъ однимъ изъ важнѣйшихъ свидѣтельствъ противъ гипотезы первичной слизи.

Рядомъ съ Мальпигіемъ, Сваммердамомъ и Левенгукомъ надо поставить Реди, который первый нанесъ ударъ воззрѣнію, по которому черви, насѣкомыя моллюски и даже нѣкоторыя млекопитающія, какъ, напр., крысы, могутъ происходить путемъ самопроизвольнаго зарожденія изъ инертной матеріи. Реди указалъ, что мясные черви родятся изъ яицъ, положенныхъ мухами, но остановился предъ тѣми трудностями, которыя представляла при его изслѣдованіяхъ исторія паразитическихъ червей; Реди предположилъ, что они развиваются на счетъ чувственнаго начала души ихъ хозяина. Напрасно послѣ него Гарвей формулировалъ знаменитую аксіому: *Omne vivum ex ovo* *); большинство натуралистовъ продолжали допускать самопроизвольное зарожденіе глистовъ; они ставили, между просимъ, на разрѣшеніе вопросъ и о томъ, вмѣстѣ ли съ Адамомъ были созданы и его паразиты, и только въ сравнительно недавнее время окончательно рѣшились признать въ аскаридахъ и лентецахъ такихъ же животныхъ, какъ и всѣ другія.

Изслѣдованія Реди были тѣмъ не менѣе первымъ шагомъ къ разграниченію организованныхъ существъ отъ тѣлъ неорганическихъ, живой субстанціи отъ матеріи инертной. Если это разграниченіе становится все болѣе и болѣе яснымъ, по мѣрѣ приближенія къ новѣйшему періоду, то этого далеко нельзя сказать относительно установленія границы между животными и растеніями, вопросъ, который одно время былъ затемненъ нѣкоторыми разсказами, относящимися къ области басенъ. Въ XVIII вѣкѣ афо-

*) Все живое изъ яйца.

ризмъ Линнея: *Mineralia crescunt, vegetalia crescunt et vivunt, animalia crescunt, vivunt et sentiunt* *) могъ считаться на одинъ моментъ послѣднимъ словомъ науки. Между тѣмъ нѣкоторые организмы моря затрудняли уже древнихъ. Таковъ, напр., кораллъ. Теофрастъ, Діоскоридъ и Плиній, не колеблясь, причисляютъ его къ растеніямъ, а Орфей приписываетъ этому растенію героическое происхожденіе; оно, по мнѣнію Орфея, сдѣлалось твердымъ и окрасилось кровью Горгоны Медузы. Овидій разсказываетъ, что мягкій и



Кораллъ.

гибкій подъ водою, кораллъ твердѣетъ только на воздухѣ. Бокконъ въ 1674 году доказываетъ неправильность этого мнѣнія; онъ считаетъ кораллъ камнемъ; Ферранте Императо (1699), Турнефоръ (1700) снова ставятъ его въ ряду растеній, и мнѣніе ихъ готово было окончательно восторжествовать, когда графъ Марсили въ 1706 году заявилъ, что видѣлъ цвѣтеніе вѣтокъ коралла, поставленныхъ въ свѣжую морскую воду. Между тѣмъ является

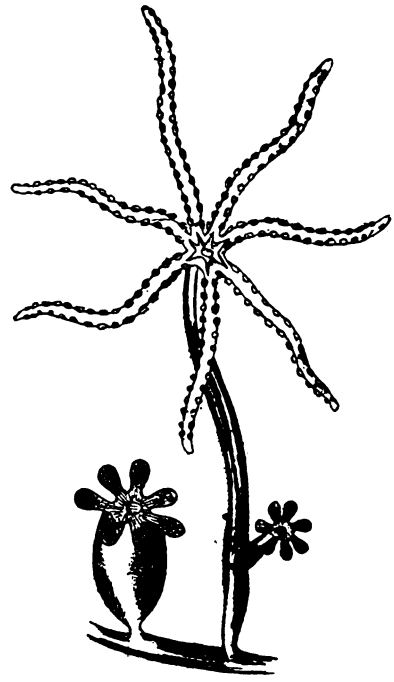
*) Минералы растутъ, растенія растутъ и живутъ, животныя растутъ, живутъ и чувствуютъ.

новое мнѣніе: Румфіусъ въ своихъ «Amboinische Raritätkammer» говоритъ о полипахъ, какъ о существахъ, только похожихъ на растенія; такой же взглядъ былъ, наконецъ, ясно выраженъ молодымъ марсельскимъ врачемъ Пейссоннелемъ, другомъ Марсили, который видѣлъ, какъ ѣли и двигались предполагаемые цвѣты, и сравнилъ ихъ съ актиніями или морскими анемонами, обыкновенными на берегахъ Франціи. Но Реомюръ очень холодно отнесся къ этому воззрѣнію; по его мнѣнію, кораллъ, все-таки, растеніе, производящее внутреннюю раковину подобно тому, какъ улитки производятъ наружную раковину; по его мнѣнію, одна только кора коралла живетъ, его же каменистая ось является результатомъ сращенія мертвыхъ частицъ. Реомюръ не могъ представить, чтобы такое вѣтвистое образованіе, какое свойственно кораллу, могло быть не растительнаго происхожденія (1727). Способность давать почки, пускать вѣтви, дѣлиться, не умирая, въ его время признавалось существеннымъ признакомъ растеній; но скоро обнаружилась несостоятельность такого опредѣленія растительнаго организма.

Въ 1740 году Трамблей снова открылъ прѣсноводнаго полипа Левенгука и, заинтересовавшись этимъ страннымъ созданіемъ, которое, какъ онъ думалъ, не наблюдалъ никто раньше его, онъ попыталъ опредѣлить его природу. Первыя особи, которыя онъ наблюдалъ, были зеленаго цвѣта. Ихъ окраска и развѣтвленія, похожія на корни, сначала заставили его думать, что это растенія. Но скоро онъ замѣтилъ, что растенія эти движутся, что онѣ ѣдятъ, и это обстоятельство возбудило въ немъ сомнѣніе въ точности его первоначальнаго опредѣленія. Трамблею казалось, что для рѣшенія вопроса достаточно изслѣдовать, способны ли полипы давать почки и расти изъ побѣга, тогда онъ предпринялъ цѣлый рядъ прекрасныхъ изслѣдованій, путемъ которыхъ выяснилось, что гидры, разрѣзанныя на куски, вывернутыя, какъ перчатка, на изнанку, продолжаютъ жить и воспроизводятъ недостающія части. Онъ наблюдалъ, что полипы могутъ образовать послѣдовательнымъ почкованіемъ ассоціаціи въ двадцать индивидовъ, что, если надрѣзать ихъ продольно на узкія полосы, то каждая полоска становится новымъ полипомъ, такъ что полипъ-родоначальникъ можетъ имѣть вслѣдствіе этого нѣсколько головъ и нѣсколько ртовъ, совершенно, какъ сказочная гидра; отсюда произошло названіе, которое отнынѣ носитъ въ наукѣ «*полипъ съ руками въ формѣ рожковъ*», описанный Трамблеемъ.

Всѣ эти опыты установили, что гидры обладаютъ общимъ съ растеніями свойствомъ давать почки и выростать изъ отрѣзковъ.

Но существо, которое движется, которое ловитъ и поѣдаетъ добычу, которое произвольно мѣняетъ мѣсто, различнымъ образомъ ходитъ, такое существо не можетъ принадлежать къ царству растеній. Это, разумѣется, животное. Итакъ, могутъ быть животныя развѣтвляющіяся, какъ растенія; не правъ ли былъ Пейссоннель, предполагая, что кораллъ именно такого сорта животное? Реомюръ, Бернаръ де-Жюссье, Геттаръ спѣшатъ воспользоваться всякимъ случаемъ для изученія морскихъ полиповъ; наконецъ, мнѣніе Пейссоннеля восторжествовало въ Парижской академіи наукъ; тамъ признали, что полипы, мшанки и другія стебельчатыя морскія животныя представляютъ аггрегаты животныхъ, рожденныхъ другъ отъ друга путемъ почкованія и живущихъ обществомъ. Однако, это воззрѣніе привилось настолько плохо, что въ двѣнадцатомъ изданіи своей «Systema naturae» (1766) Линней пытался найти компромиссъ между двумя противоположными взглядами; по его мнѣнію, зоофиты — растенія, растущіе подъ водой, но происходящіе на нихъ цвѣты — есть животныя. Это послѣдній робкій протестъ противъ очевидности, хотя значеніе факта все еще не было достаточно понято; это видно изъ того, что Гаспаръ Вольфъ, предпринимая въ 1759 году эмбріологическія изслѣдованія съ цѣлью узнать, нѣтъ ли въ развитіи животнаго явленій, сходныхъ съ тѣми, которыя наблюдаются у растеній, ни на минуту не вспомнилъ о полипахъ; также было и съ Гете, который не преминулъ бы увидѣть въ этихъ обществахъ животныхъ, вскорѣ названныхъ колоніями, точное повтореніе типа растенія, открытіемъ котораго онъ такъ гордился.



Гидра.

Изслѣдованія Трамблея вызвали аналогичныя изслѣдованія Бонне, его родственника; но они касаются совершенно иныхъ животныхъ, именно прѣсноводныхъ червей, близкихъ къ дождевымъ червямъ, хотя обладающихъ болѣе простой организаціей и принадлежащихъ къ роду «Tubifex». Какъ гидры, «Tubifex» могутъ

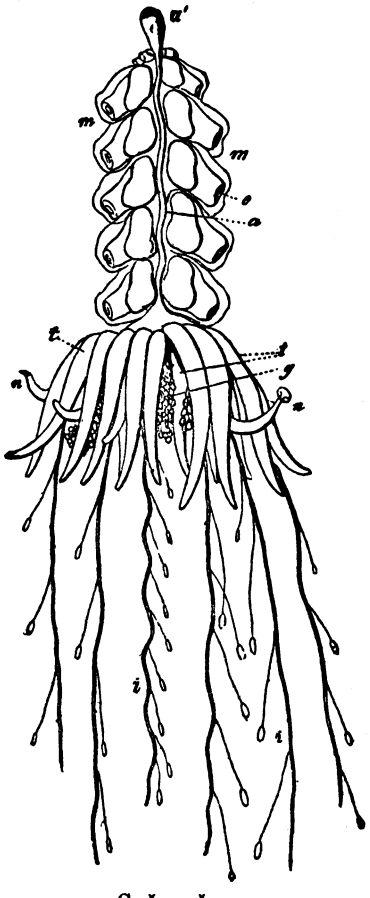
быть разрѣзаны на куски; каждый кусокъ растетъ и, возстановляясь, становится отдѣльнымъ червемъ: одинъ и тотъ-же «Tubifex» можетъ быть послѣдовательно раздѣленъ восемь разъ и возобновленіе частей происходитъ такъ быстро, что, по словамъ Бонне, можно получить изъ одного червя въ теченіе шести мѣсяцевъ 2.985.984 червя; въ одномъ случаѣ, какъ говоритъ этотъ искусный экспериментаторъ, ему удалось вырастить голову на томъ концѣ, гдѣ первоначально былъ хвостъ животнаго, и обратно.

Эти изслѣдованія подтверждаютъ вполнѣ животную природу гидръ, потому что отмѣчаютъ для несомнѣнныхъ животныхъ факты, аналогичные тѣмъ, которые наблюдались у полиповъ. Позже Груитуизенъ и Отто-Фридрихъ Мюллеръ констатируютъ, что другіе черви, близкіе къ Tubifex, именно Nais произвольно дѣлятся на нѣсколько особей, первая особь можетъ раздѣлиться въ срединѣ или произвести цѣпь новыхъ особей въ задней части тѣла. Въ 1788 году Отто Фридрихъ Мюллеръ прибавляетъ новый интересный фактъ къ результатамъ своихъ прежнихъ наблюденій: онъ открываетъ морскую аннелиду, Nereis prolifera, названную съ тѣхъ поръ Autolytus prolifer, которая произвольно дѣлится пополамъ, какъ Nais, но въ этомъ интересномъ видѣ двѣ особи, получающіяся путемъ такого дѣленія, не походятъ другъ на друга,—фактъ, на которомъ, впрочемъ, Отто-Фридрихъ Мюллеръ долго не останавливается. Въ 1828 и 1830 годахъ Дюжесъ *) наблюдалъ у низшихъ червей, именно у планарій, явленія, еще болѣе сходныя съ тѣми, которыя Трамблей констатировалъ у гидръ. У нѣкоторыхъ видовъ Дюжесъ подмѣтилъ, что особь дѣлится поперечно на нѣсколько другихъ, которыя, однако, болѣе или менѣе продолжительное время живутъ совмѣстно, образуя нѣчто въ родѣ кольчатаго червя; но кольца этого червя, какъ гидры, вскорѣ отдѣляются другъ отъ друга окончательно, чтобы вести независимую жизнь. Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ фактъ способствовалъ возникновенію въ умѣ ученаго изъ Монпелье идей, развитыхъ имъ въ его «*Mémoire sur la conformité organique*». Способъ группировки, взаимныя отношенія животныхъ, живущихъ ассоціаціями, каковы, напримѣръ, кораллы, представляютъ еще много удивительнаго для натуралистовъ, знакомыхъ до сихъ поръ только съ высшими животными.

Въ 1803 году, изучая странный организмъ, Pennatula, родъ

*) «Recherches sur l'organisation et les moeurs des Planaires» («Annales des sciences naturelles» 1-re serie t. XV, 1828) et «Aperçu de quelques observations nouvelles sur les Planaires et plusieurs genres voisins» («Annales des sciences naturelles» 1-re serie t. XXI, 1850).

большого живого пера, стержень котораго зарытъ въ морской илъ, а бородки въ формѣ широкихъ дисковъ выставляются въ воду, Кювье призналъ, что на этихъ дискахъ помѣщаются многочисленные полипы, сходные съ полипами коралла; слѣдовательно, Pennatula, или морское перо, есть колонія полиповъ; но Кювье указалъ при этомъ еще нѣчто большее; именно, онъ обратилъ вниманіе на то, что всѣ эти полипы подчинены единой волѣ, что они выполняютъ сообща всѣ функціи питанія и что, слѣдовательно, Pennatula должна быть разсматриваема, какъ составное животное. Кювье распространилъ это заключеніе на всѣ колоніи полиповъ, изъ которыхъ каждый, по его мнѣнію, становится составнымъ животнымъ или, лучше сказать, животнымъ съ нѣсколькими ртами и однимъ тѣломъ.



Сифонофоры.

Знаменитый путешественникъ Лесюеръ, сообщая въ 1813 году въ «Journal de physique» о нѣсколькихъ замѣчательныхъ животныхъ, которыхъ онъ собралъ во время своихъ долгихъ странствій, обращаетъ вниманіе читателей на студенистые организмы съ измѣнчивыми и сложными формами,—организмы, извѣстные подъ именемъ сифонофоръ; онъ разсматриваетъ ихъ, какъ плавучія колоніи медузъ, мнѣніе, которое было принято Ламаркомъ и Бленвилемъ.

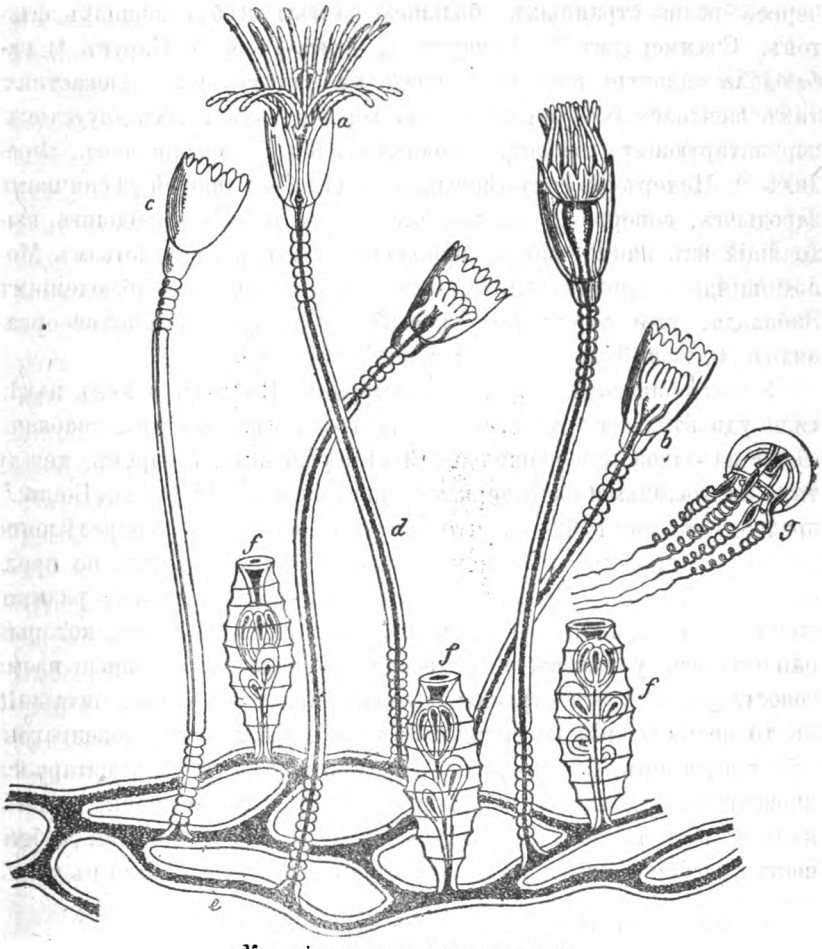
Въ 1819 году Адальбертъ де-Шамиссо, который одновременно былъ смѣлымъ путешественникомъ, романистомъ съ богатой фантазіей, блестящимъ поэтомъ и точнымъ натуралистомъ, отмѣтилъ совершенно неожиданныя явленія въ размноженіи сальпъ, этихъ странныхъ плавающихъ животныхъ изъ класса оболочниковыхъ, животныхъ прозрачныхъ, какъ вода, въ которой они живутъ, похожихъ на студенистыя муфты, снабженныхъ различно расположенными придатками и плавающихъ съ помощью сокращеній тѣла. Извѣстно было нѣкоторое число видовъ сальпъ, относящихся къ

двумъ главнымъ типамъ; сальпы одного типа могутъ достигать величины кулака и живутъ отдѣльно другъ отъ друга, другія же, гораздо меньшія, живутъ общинами въ видѣ длинныхъ, иногда фосфоресцирующихъ цѣпей или изящныхъ вѣнковъ. Эти цѣпи уже сами по себѣ заслуживали интереса, потому что всѣ особи, ихъ составляющія, комбинируютъ свои плавательныя движенія такъ, что получается полная иллюзія животнаго, управляемаго единой волей. Сальпы, сгруппированныя цѣпью, или *общественныя сальпы*, отличаются рѣзко отъ *одиночныхъ сальпъ*, какъ по внѣшнимъ признакамъ, такъ и по нѣкоторымъ чертамъ строенія. Но несмотря на всѣ различія формы, роста и привычекъ, Шамиссо утверждаетъ, что общественныя сальпы—дочери одиночныхъ, которыя, въ свою очередь, были произведены общественными, такъ что у этихъ странныхъ животныхъ, дочери походятъ всегда не на матерей, а на бабокъ, и особи, послѣдовательно смѣняющіяся, производятъ или одного дѣтеныша или множество близнецовъ, предназначенныхъ жить вмѣстѣ, соединившись своими членами. Это наблюденіе приписали вымыслу романиста, и даже фонъ-Бэръ, привыкшій къ удивительнымъ превращеніямъ зародышей, не рѣшился повѣрить разсказамъ путешественника.

Вопросы, поставленные наблюденіями Кювье, Лесюера и Шамиссо, вскорѣ получили болѣе широкое развитіе, пришли въ связь другъ съ другомъ и дождались, наконецъ, общаго рѣшенія. Въ 1828 году, Михаилъ Сарсъ, пасторъ сначала въ Киннѣ, а потомъ въ Можерѣ (Норвегія), открылъ родъ полипа, похожаго внѣшней формой на гидру, полипа, которому онъ далъ имя Scyphistoma. Въ то же время онъ описалъ другого полипа Strobila, отличающагося отъ перваго своимъ цилиндрическимъ тѣломъ, раздѣленнымъ на цѣлый рядъ колецъ, наложенныхъ другъ на друга колецъ, изъ которыхъ каждое походило на маленькую медузу. Нѣсколько лѣтъ спустя именно, въ 1835 году онъ убѣдился, что по мѣрѣ роста сцифистома превращается въ стробилю и даже болѣе, каждое кольцо стробили мало-по-малу претерпѣваетъ метаморфозу, принимаетъ видъ маленькой медузы, отрывается отъ колецъ, находящихся ниже его, и начинаетъ свободно плавать въ морѣ. Сарсъ далъ этимъ маленькимъ медузамъ имя Ephyra; онъ прослѣдилъ ихъ дальнѣйшія превращенія и, наконецъ, въ 1837 году получилъ изъ нихъ большихъ медузъ, извѣстныхъ подъ именемъ *Aurela* и *Cyanea*. Кювье помѣстилъ полиповъ и медузъ въ два совершенно различные класса лучистыхъ животныхъ; но отнынѣ эти два класса должны быть соединены въ одинъ. Кромѣ этого вскорѣ было обращено вниманіе на то обстоятельство, что превращенія

медузъ, открытыя Сарсомъ, очевидно, аналогичны тѣмъ явленіямъ, которыя наблюдалъ Шамиссо, но только эти превращенія еще болѣе странны. Надо было найти объясненіе подобныхъ явленій или, по крайней мѣрѣ, подыскать управляющій ими законъ; къ этому въ скоромъ времени и было приступлено.

Стокгольмскій профессоръ Ловенъ открылъ, что древовидныя



Колонія гидроидныхъ полиповъ.

колоніи другихъ гидроидныхъ полиповъ, именно: Campanularia и Syncoryne, производятъ также медузъ, которыя растутъ на нихъ, какъ цвѣты на растеніи, и потомъ отдѣляются *). Фонъ-Зибольдъ, Дюжарденъ, М. Катрфажъ, Дезоръ, М. Ванъ-Бенеденъ, Максъ

*) S. Lovén «Observations sur le developpement et les metamorphoses des genres Campanulaire et Syncoryne» («Annales des sciences naturelles», 2-e serie vol. XIV, 1841).

Шульце сдѣлали, въ свою очередь, аналогичныя наблюденія, впослѣдствіи значительно расширенныя и приведенныя въ порядокъ въ прекрасныхъ трудахъ Алмана. Фактъ, что животныя опредѣленной формы могутъ давать жизнь другимъ, совершенно не сходнымъ съ ними по формѣ—отнынѣ совершенно точно установленъ.

Тогда вспомнили, что исторія глистовъ или паразитическихъ червей полна странныхъ, большею частью необъясненныхъ фактовъ. Сваммердамъ [1]), Боянусъ [2]), фонъ-Бэръ [3]), Карусъ [4]) наблюдали развитіе низшихъ червей, имѣющихъ видъ головастика, такъ называемыхъ, церкарій, или хорошо извѣстныхъ двуустокъ, паразитирующихъ во внутренностяхъ живыхъ организмовъ. Фрелихъ [5]), Цедеръ [6]), фонъ-Зибольдъ видѣли усаженный рѣсничками зародышъ, совершенно не похожій на родителей,—зародышъ, выходящій изъ яицъ червей, принадлежащихъ къ семействамъ Monostomidae и Amphistomidae. Этотъ зародышъ, по наблюденіямъ Зибольда, уже содержитъ въ себѣ другой формирующійся организмъ, имѣющій также совершенно особую форму.

У ленточныхъ червей, или солитеровъ, Палласъ и Гёзъ замѣтили удивительное сходство между короткими особями, снабженными на одной изъ оконечностей тѣла большимъ пузыремъ, между такъ называемыми цистицерками и настоящими лентецами. Бонне [7]) предвидѣлъ въ 1762 г., что лентецы не могутъ неопредѣленно долгое время быть въ одномъ хозяинѣ. Спрашивается, не представляетъ ли до сихъ поръ остававшееся таинственнымъ размноженіе этихъ животныхъ явленій, аналогичныхъ тѣмъ, которыя наблюдались у сальпъ и гидроидныхъ полиповъ. Пришло время сопоставить всѣ эти странные факты. Молодой ученый, читавшій въ то время лекціи въ академіи въ Соре, впослѣдствіи копенгагенскій профессоръ, Стеенструпъ, выполнилъ эту задачу и постарался привести къ одному закону внѣшнія явленія размноженія сальпъ, медузъ, ленточныхъ червей и сосальщиковъ [8]). Существенная особенность въ размноженіи всѣхъ этихъ животныхъ заключается въ томъ,

---

[1]) «Biblia naturae», p. 75, fig 7 и 8 таблицы 9. 1752.

[2]) «Isis», Bd. I 1818; p. 729.

[3]) «Nova acta Academiae Leopoldinae», t. V, p. 2, 1826.

[4]) Тоже, т. IX, p. 75, 1835.

[5]) «Naturforscher Stuck», 25, p. 72.

[6]) «Göze's Naturgeschichte der Eingeweiderwürmern Suppl.», 1800.

[7]) «Considerations sur les corps organisés» «Oeuvres d'histoire naturelle et de philosophie» ed. Fauche, 1779, t. III, p. 37.

[8]) «Ueber den Generationswechsel oder die Fortpflanzung und Entwickelung durch abwechselnden Generationen, eine eigenthumlehre Form der Brutpflege in den niederen Tierrclassen». Copenhague. 1842.

что половой организмъ, имѣющій опредѣленную форму, производитъ безполое существо, не похожее на себя, но производящее путемъ почкованія или дѣленія новыя существа, уже имѣющія полъ, и похожія на тѣхъ, отъ которыхъ произошли ихъ родители. Итакъ, половыя и безполыя формы чередуются правильно; явленія, которыя подлежатъ объясненію, Стеенструпъ называетъ *чередованіемъ поколѣній*. Впослѣдствіи онъ остроумно опредѣлилъ значеніе различныхъ смѣняющихся формъ.

Сарсъ и Ловенъ видѣли въ сцифистомѣ настоящаго полипа, гораздо болѣе простого строенія, чѣмъ медуза; по ихъ воззрѣніямъ, полипъ этотъ есть личинка, взрослая форма которой—медуза; какъ насѣкомыя, медузы, по мнѣнію названныхъ ученыхъ, достигали окончательной формы, претерпѣвая предварительно превращеніе; но только у насѣкомыхъ превращеніе протекаетъ цѣликомъ на одной особи, у медузъ же совершается на нѣсколькихъ послѣдовательныхъ поколѣніяхъ. Стеенструпъ установилъ, наоборотъ, что сцифистома и медуза, существа равнозначущія, но одно изъ нихъ безполое, а другое половое. Половая особь производитъ яица, но умираетъ, не успѣвъ воспитать личинокъ; воспитаніе молодыхъ поручено безполой особи сцифистомѣ. Сцифистома только старшій членъ въ томъ поколѣніи, о развитіи котораго особь должна заботиться; это существо, обреченное на холостую жизнь въ интересахъ братьевъ, ради которыхъ оно жертвуетъ собою; Стеенструпъ даетъ ему названіе *кормилицы*. Точно также у пчелъ, муравьевъ, термитовъ, только изъ нѣкотораго количества яицъ, положенныхъ самками, появляются половыя особи, изъ остальныхъ выходятъ нейтральныя существа, на которыхъ возложено воспитаніе молодыхъ и всѣ работы, обезпечивающія существованіе общины. У насѣкомыхъ нейтральныя особи отличаются отъ половыхъ такъ же, какъ эти послѣдніе различаются между собою, слѣдовательно, нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что Scyphistoma-безполая медуза, отличается отъ Aurelia, своей матери, представляющей половое существо. То же разсужденіе можетъ быть примѣнено и къ двуусткамъ и еще съ большимъ основаніемъ къ сальпамъ; итакъ, странныя явленія чередованія поколѣній подчиняются, какъ кажется, одному общему закону и обязаны своимъ происхожденіемъ простому несходству формы у различныхъ поколѣній, несходству, аналогичному половымъ различіямъ; эти явленія происходятъ также вслѣдствіе особаго способа воспитанія молодыхъ, способа, какой, наблюдается еще и у насѣкомыхъ.

«Такимъ образомъ, каждая община соединяетъ въ себѣ два существованія, двѣ жизни, двѣ индивидуальности, такъ сказать,

лежащихъ одна въ другой, а опредѣленіе, которое мы дали общинѣ, въ окончательной формѣ, можетъ выразиться въ слѣдующихъ выраженіяхъ: индивидуумъ, состоящій изъ индивидуумовъ, или индивидуумы въ индивидуумѣ.

«Какъ семья, общество и аггрегатъ, община можетъ быть построена очень различно. Анатомическое сліяніе и, слѣдовательно, физіологическая солидарность соединенныхъ индивидуумовъ могутъ быть ограничены въ извѣстныхъ пунктахъ и въ нѣкоторыхъ жизненныхъ функціяхъ или распространяться почти на всю совокупность органовъ и функцій. Могутъ встрѣчаться также всѣ промежуточныя ступени между крайними формами; путемъ неуловимыхъ оттѣнковъ совершается переходъ отъ организованныхъ существъ, у которыхъ входящіе въ ассоціацію члены живутъ почти независимой жизнью и отчетливо различаются другъ отъ друга, къ инымъ, гдѣ жизни сливаются и поставлены во взаимную зависимость, и далѣе къ тѣмъ, гдѣ всѣ жизни смѣшиваются въ одну общую жизнь, гдѣ, собственно говоря, всѣ отдѣльныя индивидуальности изчезаютъ въ одной коллективной».

Послѣ этого прекраснаго сравненія общины съ индивидуумомъ, можно было бы ожидать, что Исидоръ Жоффруа Сентъ-Илеръ укажетъ, какъ гидроидные полипы срастаются, чтобы образовать медузъ, какъ зоониты кольчатыхъ червей и суставчатоногихъ обнаруживаютъ солидарность между собой, измѣняясь, чтобы выполнить функціи, безполезныя для одного изъ нихъ въ частности, но необходимыя для существованія цѣлаго, часть котораго они составляютъ; можно было бы также думать, что И. Ж. Сентъ-Илеръ укажетъ, какъ явленія, которыя наблюдаются на различныхъ ступеняхъ развитія общины, могутъ объяснить намъ образованіе сложныхъ организмовъ, къ которымъ эти явленія, по его собственнымъ словамъ, какъ кажется, ведутъ насъ шагъ за шагомъ. Хотѣлось бы, чтобы онъ сказалъ, что исторія общинъ—цѣлая серія опытовъ, произведенныхъ самою природой, съ цѣлью показать намъ процессы, путемъ которыхъ она создала высшіе организмы. Но нѣтъ; изъ произведеннаго опыта не сдѣлано никакого вывода. Путемъ сращенія, соединенія, болѣе или менѣе полнаго сліянія составляющихъ индивидуумовъ колоніи переходятъ въ высшіе организмы; но вмѣсто того, чтобы поставить колонію выше въ ряду организмовъ, Жоффруа Сентъ-Илеръ полагаетъ, что это сращеніе индивидуумовъ ведетъ къ пониженію колоніи на лѣстницѣ животнаго царства.

«Въ группѣ *сложныхъ* моллюсокъ,—продолжаетъ онъ,—въ колоніи полиповъ, легко констатировать индивидуальность каждаго изъ

моллюсокъ или *составляющихъ* полиповъ, и эта индивидуальность ясно преобладаетъ надъ индивидуальностью коллективной; въ деревѣ та и другая уравновѣшиваются и даже послѣдняя начинаетъ преобладать; въ губкѣ она беретъ верхъ настолько, что индивидуальность въ точномъ смыслѣ этого слова существуетъ уже только въ теоріи... трудно указать отдѣльныя особи растительной общины; число особей, составляющихъ тѣло губки, не поддается не только счету, но и всякой оцѣнкѣ, оно буквально неопредѣлимо».

И вслѣдъ за этимъ тотчасъ же:

«Нормально община наблюдается только у растеній, въ томъ царствѣ, гдѣ единичная жизнь существуетъ только почти, какъ исключеніе, и у низшихъ типовъ животныхъ. Для того, чтобы найти примѣры ея въ высшихъ рядахъ животнаго царства и у человѣка, надо обратиться къ тератологіи и здѣсь община сводится почти всегда къ соединенію двухъ индивидуумовъ и притомъ такихъ, которые, въ большинствѣ случаевъ, не могутъ существовать внѣ зародышевой жизни».

Итакъ, руководящая нить совершенно утрачена. Вопросъ еще не назрѣлъ. Прекрасно сознаютъ, что единство общины возникаетъ мало-по-малу у низшихъ типовъ животнаго царства путемъ сліянія сначала отдѣльныхъ индивидуальностей, но не обращаютъ вниманія на тотъ фактъ, что относительно высоко развитый организмъ можетъ создаться посредствомъ сліянія извѣстнаго числа болѣе простыхъ организмовъ; не думаютъ, что такая совершенная единица, такое недѣлимое цѣлое, какъ позвоночное, или даже суставчатое, создалось тѣми же самыми процессами, какими изъ колоніи гидръ получались сифонофора или медуза.

Противоположность между низшими организмами, способными жить колоніями, и высшими животными, ясно обособленными другъ отъ друга, по существу индивидуальными, уже совершенно наглядно указана въ ученіи Исидора Жоффруа, но съ особенной ясностью указанная точка зрѣнія проявляется въ прекрасныхъ лекціяхъ, читанныхъ въ 1865 году, въ музеѣ естественной исторіи, однимъ изъ ученыхъ, лучше всего изучившихъ коралловыя колоніи, профессоромъ Лаказ-Дютье *).

Въ одной изъ этихъ лекцій, отмѣтивъ главныя черты организаціи безпозвоночныхъ животныхъ, ученый основатель лабораторій въ Роскоффѣ и Баніулѣ, выражается такъ:

*) Текстъ этихъ лекцій, напечатанныхъ въ «Revue des cours scientifiques» не подписанъ именемъ профессора, но мы имѣли честь быть въ тѣ времена однимъ изъ внимательнѣйшихъ учениковъ знаменитаго автора «Histoire naturelle du corail» и, если память не измѣняетъ намъ, редакція «Revue des cours» передаетъ хорошо, если не по формѣ, то по существу мысль г. Лаказ Дютье

«Во-вторыхъ, относительно безпозвоночныхъ надо знать, что они представляютъ нѣчто сложное въ одномъ существѣ. Почти во всѣхъ этихъ животныхъ индивидуумъ ничто иное, какъ соединеніе, колонія маленькихъ, болѣе или менѣе отдѣльныхъ индивидуумовъ, обозначаемыхъ подъ однимъ общимъ именемъ *зооинтовъ*. Чтобы образовать сложное существо, зоониты эти собираются, располагаясь или въ прямолинейный рядъ, или массой двухъ или трехъ измѣреній».

Полное уподобленіе между кольчатыми червями, суставчатоногими и колоніями полиповъ, какъ въ приведенномъ нами отрывкѣ, такъ и въ «Mémoire sur la conformité organique». Полипы колоніи, кольца червя, насѣкомаго носятъ одинаково названіе зоонитовъ. Процессъ, которымъ колоніи достигли совершенства организаціи, тотъ же, который послѣдовательно отмѣтили Дюжесъ, М. Мильнъ-Эдвардсъ, Ричардъ Оуэнъ. Лаказъ-Дютье, впрочемъ, больше сходится съ Дюжесомъ, чѣмъ Исидоръ Жоффруа; онъ иногда дополняетъ мысль ученаго изъ Монпелье остроумными комментаріями.

Въ низшихъ типахъ всѣ индивидуумы линейной или неправильной колоніи почти сходны между собой и пользуются относительно значительной независимостью, но мало-по-малу обнаруживается болѣе и болѣе тѣсная солидарность между ними, неизбѣжное слѣдствіе раздѣленія физіологическаго труда. «Въ колоніи прѣсноводныхъ гидръ, напримѣръ, индивидуумы соединены между собою только нижними концами; концы, снабженные щупальцами, совершенно свободны и функціонируютъ отдѣльно. Различные виды рода Clavellina, принадлежащаго къ группѣ оболочниковыхъ, живутъ соединяясь на корнеобразныхъ продолженіяхъ, которые можно сравнить съ побѣгами земляники, но, впрочемъ, они свободны во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ. Въ нѣкоторыхъ родахъ сложныхъ асцидій, колоніи заключены каждая въ одной мясистой оболочкѣ, снабженной отверстіемъ, чрезъ которое производится выбрасываніе негодныхъ остатковъ пищи. Здѣсь уже менѣе независимости въ жизненныхъ функціяхъ. Сифонофоры представляютъ очень интересныя по строенію колоніи. Ихъ зоониты спеціализируются совершенно особымъ образомъ; одни изъ нихъ, имѣющіе форму удлиненныхъ нитей, снабженныхъ на концахъ хватательными придатками въ родѣ гарпуна, это—зоониты-ловцы: они схватываютъ пищу и передаютъ ее зоонитамъ-желудкамъ, состоящимъ каждый изъ пузырчатой полости или желудочной трубки; другіе зоониты служатъ для движенія и, наконецъ, особые зоониты предназначены производить новыхъ индивидуумовъ».

Далѣе Лаказъ-Дютье особенно отмѣчаетъ, съ какой легкостью

прямолинейныя колоніи вступаютъ въ отношенія взаимной солидарности. «Въ прямолинейной колоніи существуютъ вообще обязательныя отношенія между извѣстнымъ зоонитомъ и его двумя сосѣдями, отношенія, которыя болѣе или менѣе полно измѣняютъ его форму. Въ массовыхъ колоніяхъ необходимость такихъ взаимныхъ отношеній не такъ безусловна; мы должны ожидать, что здѣсь зоониты будутъ очень мало отличаться другъ отъ друга и наблюденіе въ дѣйствительности подтверждаетъ это». Можетъ быть, послѣднее положеніе нѣсколько преувеличено; можетъ быть, можно оспаривать, что обязательныя отношенія, въ которыя въ прямолинейной колоніи каждый зоонитъ вступаетъ съ своими сосѣдями, имѣютъ преобладающее вліяніе на его форму, но здѣсь идетъ дѣло о фразахъ, заимствованныхъ изъ лекціи, гдѣ точностью языка болѣе или менѣе жертвуютъ ради необходимости произвести возможно большее впечатлѣніе на умъ слушателей. Болѣе значительное совершенство прямолинейныхъ колоній, тѣмъ не менѣе, схвачено вѣрно и даже указанъ одинъ изъ важныхъ результатовъ этого совершенства.

«Если каждый зоонитъ обыкновенно обладаетъ нервнымъ центромъ, то надо замѣтить между прочимъ, что у высшихъ безпозвоночныхъ зоонитъ, кажется, имѣетъ тенденцію концентрировать, такъ сказать, эту нервную систему на передней части животнаго».

Тенденція къ концентраціи органовъ, разсѣянныхъ прежде въ каждомъ изъ зоонитовъ, солидарность зоонитовъ, т. е. концентрація ихъ функцій — вотъ нѣкоторые характерные признаки, отличающіе высшіе организмы отъ простыхъ колоній. Въ настоящее время кажется вполнѣ естественнымъ въ индивидуализаціи позвоночныхъ видѣть крайній предѣлъ этой концентраціи. Если труды Жоффруа Сентъ-Илера и Дюжеса не вполнѣ подготовили къ этому умы, то анатомическія, физіологическія и эмбріологическія изслѣдованія послѣднихъ лѣтъ могутъ оставить какое-либо сомнѣніе по этому поводу только въ умахъ партіи непримиримыхъ всѣхъ школъ; но въ 1865 году далеко еще не было доказано, что позвоночное также разложимо на зоониты, и Лаказ-Дютье, вмѣсто того, чтобы смотрѣть на позвоночныхъ, какъ на послѣдовательное звено, вѣнецъ длинной серіи безпозвоночныхъ животныхъ, наоборотъ, рѣшительно противополагаетъ другъ другу эти два отдѣла, установленные въ царствѣ животныхъ Ламаркомъ.

«Не только нервная система,—говоритъ онъ,—или позвонки рѣзко отличаютъ позвоночныхъ животныхъ отъ безпозвоночныхъ. *Во многихъ другихъ отношеніяхъ первыя совершенно не сходны съ послѣдними.* Вопросъ объ этомъ *почти полномъ несходствѣ*, вызвав-

шій столько критическихъ разсужденій въ такъ называемой философской школѣ натуралистовъ, среди которыхъ во Франціи мы можемъ назвать Жоффруа Сентъ-Илера и въ Германіи Гете и Окена, вопросъ этотъ для прочной постановки долженъ быть подробно разработанъ».

«Первое, что надо замѣтить, это то, насколько различно распредѣляется у позвоночныхъ и безпозвоночныхъ то таинственное въ самомъ существѣ своемъ нѣчто, причина по мнѣнію однихъ, слѣдствіе по мнѣнію другихъ, то, что называютъ жизнью. Если смотрѣть на жизнь, какъ на причину, или начало, берущее свое происхожденіе въ той или другой точкѣ организма и, если будетъ позволено намъ представить жизнь какъ нѣкоторый *quantum*, большій или меньшій, смотря по силѣ производимаго эффекта, мы скажемъ, что у безпозвоночныхъ жизнь, какъ кажется, распредѣлена въ одинаковыхъ количествахъ по всѣмъ частямъ организма. У позвоночныхъ, наоборотъ, она концентрируется въ особой точкѣ каждаго индивидуума или по крайней мѣрѣ въ ограниченной части его существа».

«Если жизнь разсматривать, какъ слѣдствіе, или эффектъ, то можно было бы выразиться, что у безпозвоночныхъ этотъ эффектъ является результатомъ особенной дѣятельности не той или другой точки организма, какъ это бываетъ у позвоночныхъ, гдѣ, употребляя слишкомъ точное для такихъ понятій выраженіе, жизненный эффектъ можетъ быть отнесенъ къ нѣсколькимъ спеціальнымъ, обособленнымъ органамъ.

«Примѣромъ можно лучше выяснить мысль, о которой идетъ рѣчь. Если отрѣзать лапу у собаки, то, если не считать чисто мѣстнаго нарушенія экономіи организма, животное можетъ продолжать жить по прежнему. Можно и далѣе продолжать изувѣченіе въ томъ же родѣ, и жизнь все-таки не прекращается; но въ концѣ концовъ не трудно дойти до такой точки организма, при поврежденіи которой жизнь мгновенно исчезаетъ. Эта замѣчательная точка, гдѣ, какъ кажется, сосредоточивается жизнь, этотъ *жизненный узелъ*, по выраженію Флуранса, имѣется у всѣхъ позвоночныхъ. Ту же идею можно выразить, вспомнивъ эффектное и картинное изображеніе жизни, сдѣланное Биша, въ видѣ треножника, ножки котораро соотвѣтствуютъ сердцу, легкимъ и мозгу. Если одна изъ ножекъ будетъ сломана, треножникъ падаетъ, жизнь прекращается».

«Какъ противоположность, возьмемъ насѣкомое или какое-либо другое членистое животное. Отрѣжемъ части его тѣла, отдѣлимъ даже голову, жизнь не исчезаетъ. Если послѣ того тотчасъ же станемъ продолжать изувѣчиваніе во всѣхъ направленіяхъ, то дѣло,

разумѣется, кончится смертью, но мы не найдемъ въ этомъ животномъ точки, аналогичной съ жизненнымъ узломъ, или съ тремя основными органами, указанными для позвоночныхъ, точки или органа, поврежденіе которыхъ влечетъ за собою мгновенное прекращеніе жизни».

Итакъ, позвоночное представлено здѣсь, какъ прямая противоположность безпозвоночному. Между тѣмъ и другимъ есть коренная разница. Жизнь совершенно иначе идетъ въ привилегированномъ подцарствѣ, къ которому мы принадлежимъ по анатомическому строенію, и въ томъ подцарствѣ, куда многіе зоологи, по примѣру Ламарка, безъ разбора относятъ всѣ остальные органическіе типы. Исключительная централизація, наблюдаемая у высшихъ позвоночныхъ заставляетъ разсматривать ихъ, какъ совершенно особыя существа: однако, централизація эта была нѣсколько преувеличена Биша, что доказывается примѣромъ курицы Флуранса, которая, будучи лишена мозга, прожила цѣлый мѣсяцъ, что доказываетъ также все большее и большее преобладаніе функцій спиннаго мозга надъ функціями головного, наблюдаемое у представителей постепенно понижающихся въ своей организаціи группъ типа позвоночныхъ. Съ другой стороны, эта централизація есть именно такого рода явленіе, которое постепенно ведетъ общины къ состоянію индивидуальнаго организма, что, какъ мы видѣли, въ значительной степени обнаруживается уже у суставчатоногихъ; у позвоночныхъ наблюдается только высшая ступень этого перехода, но можетъ ли это количественное различіе заставить забыть послѣдовательно указываемое Жоффруа Сентъ-Илеромъ, Амперомъ, Дюжесомъ, Гете, Окэномъ, Ричардомъ Оуэномъ, Лейдигомъ и Катрфажемъ соотношеніе между сегментарнымъ строеніемъ и способомъ развитія позвоночныхъ съ одной стороны и сегментарнымъ строеніемъ и способомъ развитія кольчатыхъ червей и суставчатоногихъ—съ другой? Очевидно, нѣтъ. Если дѣйствительно вѣрно, что позвоночныя состоятъ изъ зоонитовъ, какъ и безпозвоночныя, если тѣ и другіе различаются только большимъ или меньшимъ сращеніемъ ихъ зоонитовъ, то нѣтъ причины обособлять ихъ другъ отъ друга; одинъ и тотъ же законъ эволюціи прилагается ко всему животному царству. У позвоночныхъ, какъ и у безпозвоночныхъ осложненіе организаціи получилось путемъ болѣе или менѣе полнаго сліянія зоонитовъ, размножавшихся почкованіемъ. Первый изъ этихъ зоонитовъ, которому можно дать названіе *протомериды* *), былъ первоначально прямымъ производнымъ яйца.

*) πρῶτος—первый, μέρος—часть.

Резюмируя всю совокупность фактовъ и идей, мы необходимо приходимъ къ простому представленію о развитіи животной особи. Она сначала сводится къ одной пластидѣ—яйцу. Яйцо производитъ повторнымъ дѣленіемъ своей субстанціи большее или меньшее число новыхъ пластидъ. Эти новыя пластиды, по своемъ образованіи, могутъ отдѣляться другъ отъ друга, въ свою очередь размножаться въ той же формѣ или въ различныхъ формахъ, что бываетъ у большинства простѣйшихъ животныхъ.

Дѣленію яйца иногда предшествуетъ тѣсное соединеніе его съ подобнымъ ему элементомъ или съ элементомъ, имѣющимъ форму подвижной нити. Въ первомъ случаѣ—это *конъюгація*, во второмъ *оплодотвореніе*. Оплодотвореніе почти всегда предшествуетъ дѣленію яйца, когда изъ него должны произойти пластиды, предназначенныя жить ассоціаціей; подобное же дѣленіе яйца безъ оплодотворенія представляетъ явленіе *партеногенезиса*. Пластиды, живущія ассоціаціей, не должны непремѣнно сохранять одну форму; дифференцируясь они образуютъ относительно простой организмъ, безъ опредѣленнаго типа, организмъ, которому мы дадимъ названіе *мериды* *).

Мериды размножаются, какъ и пластиды: иногда они прямо производятъ яйца; иногда даютъ начало новымъ меридамъ, которыя, будучи сформированы, могутъ отдѣляться отъ родителей и жить независимой жизнью; такъ бываетъ у нѣкоторыхъ низшихъ губокъ, у прѣсноводной гидры и у извѣстнаго числа низшихъ червей. Часть случаевъ чередованія поколѣній, генеагенезиса, стоитъ въ связи съ этимъ способомъ развитія меридъ, которымъ свойственно явленіе, получившее отъ Ванъ-Бенедена названіе *дигенезиса*.

Мериды, рожденныя однѣ отъ другихъ, могутъ также жить въ соединеніи другъ съ другомъ. Тогда онѣ образуютъ то, что называютъ общинами или колоніями. Мериды одной колоніи могутъ быть различной формы, исполнять различныя функціи; группы меридъ, приспособленныя къ этимъ функціямъ, могутъ отдѣляться отъ колоніи, въ которой онѣ родились, и дать мѣсто замѣчательнѣйшимъ случаямъ генеагенезиса или чередованія поколѣній. Это наблюдается въ чередованіи поколѣній медузъ и аннелидъ. Но всѣ мериды, рожденныя однѣ изъ другихъ, могутъ также жить совмѣстно, измѣняться различнымъ образомъ и сдѣлаться настолько солидарными, что ихъ уже нельзя раздѣлить; ихъ совокупность составляетъ тогда новый организмъ, имѣющій всѣ ха-

*) См. наше соч. «Colonies animales», pag. 403 и 705.

рактерные признаки *индивида*; такъ случается у всѣхъ высшихъ животныхъ, которымъ можно дать названіе *зоидовъ* или *демъ*, смотря по тому, можно ли прямо разложить ихъ на мериды или сначала надо отыскать въ нихъ группы меридъ или зоидовъ, имѣющихъ особыя свойства и функціи, какъ это имѣетъ мѣсто у животныхъ, тѣло которыхъ представляетъ нѣсколько ясно обособленныхъ областей.

Когда протомерида прикрѣпляется къ одному мѣсту, она производитъ почкованіемъ неправильныя колоніи, древовидныя, развѣтвляющіяся или стелющіяся, но достаточно собраться въ колоніи извѣстному числу равныхъ индивидовъ вокругъ одного общаго центра и получаются лучистые организмы. Если протомерида живетъ свободно и ползаетъ, она имѣетъ двустороннюю симметрію, производитъ почки только на заднемъ концѣ тѣла и даетъ начало сегментированнымъ организмамъ, главными формами которыхъ являются кольчатые черви, суставчатоногія и позвоночныя. Различнаго сорта симметрія, характеризирующая большіе органическіе типы, находитъ, слѣдовательно, раціональное объясненіе, и нѣтъ необходимости вмѣшивать непосредственно отдѣльную творческую мысль для того, чтобы отдать себѣ отчетъ въ причинахъ происхожденія всѣхъ случаевъ этой симметріи.

Появленіе протомериды, образованіе меридъ и зоидовъ, всѣ явленія размноженія безъ оплодотворенія, всѣ эти явленія *метагенезиса* могутъ имѣть мѣсто послѣдовательно въ развитіи одного организма и составлять нѣсколько болѣе или менѣе ясно обособленныхъ фазъ въ его формированіи. Они могутъ также совершаться болѣе или менѣе быстро и часто достаточно быстро для того, чтобы завершиться еще до выхода изъ яйца, и, кажется, благодаря большему или меньшему *ускоренію метагенетическихъ явленій* существуетъ нѣсколько типовъ развитія животныхъ.

Это ускореніе достигаетъ максимума у высшихъ организмовъ каждой группы: нѣкоторыя медузы, нѣкоторыя нынѣ живущія иглокожія, высшія ракообразныя, паукообразныя, насѣкомыя, моллюски, позвоночныя выходятъ изъ яйца уже со всѣми меридами, которыя должны составлять ихъ тѣло и съ возрастомъ претерпѣваютъ измѣненія только въ деталяхъ, между тѣмъ какъ большинство кишечно-полостныхъ, морскихъ лилій, большее число червей и низшихъ ракообразныхъ обладаютъ при рожденіи небольшимъ числомъ меридъ и часто всего только одной.

Итакъ, одна и та же исторія объясняетъ всѣ главныя черты постепеннаго формированія и окончательное строеніе организованныхъ индивидовъ. Нѣтъ ничего проще понять, что такое эти инди-

виды, если сначала попытаться выяснить, какъ они сложились, если видѣть въ нихъ *результатъ* извѣстныхъ явленій; и нѣтъ ничего труднѣе дать имъ опредѣленіе, если разсматривать ихъ независимо отъ всѣхъ формъ, которыя они принимали въ своемъ развитіи, если упорно стараться видѣть въ нихъ *первичные факты*. Мы снова встрѣчаемся здѣсь съ отмѣченной уже нами противоположностью между той ясностью, которую вноситъ въ науку гипотеза трансформизма и той безысходной сбивчивостью, которую влечетъ за собой повсюду гипотеза постоянства живущихъ формъ. Желаніе дать одно общее опредѣленіе понятію *индивидъ* въ томъ смыслѣ, какъ онъ проявляется въ высшихъ группахъ животнаго царства и въ тѣхъ неопредѣленныхъ формахъ, которыя такъ часто встрѣчаются въ группахъ низшихъ, надо считать ошибкой. Въ послѣднемъ случаѣ индивидъ еще не существуетъ.

Почти безполезно было бы говорить о томъ, что теорія образованія особи, изложенная нами, можетъ также указать путь, которому должны были слѣдовать живущія существа для того, чтобы достигнуть свойственной имъ сложности организаціи. если допустить, что жизнь началась на землѣ простыми формами, подобными пластидамъ. Стремиться къ тому, чтобы выяснить, каковы могли быть условія ихъ появленія—конечно, возможно, но въ этой области мы принуждены ограничиваться только догадками. Какія условія руководили образованіемъ первыхъ пластидъ? Почему образованіе это, какъ кажется, прекратилось? Почему мы до сихъ поръ не въ состояніи создать живую протоплазму изъ всѣхъ присущихъ ей элементовъ? Все это вопросы, на которые мы даже не предвидимъ научнаго отвѣта. Впрочемъ, ни одна наука не дошла до рѣшенія такихъ коренныхъ вопросовъ, каковы вопросы о причинахъ изучаемыхъ ею явленій. Астрономія не знаетъ, откуда взялась матерія и какъ образовались небесныя тѣла, движеніе и строеніе которыхъ она изучаетъ. Физика не знаетъ причинъ различнаго рода движеній и ихъ закономѣрности, хотя она связала математическими законами безчисленныя явленія тяжести, теплоты, свѣта, электричества, магнетизма—простыхъ формъ движенія. Химія еще изслѣдуетъ вопросъ, почему простыя тѣла существуютъ какъ таковыя, и въ какихъ условіяхъ могли возникнуть эти, повидимому, неизмѣняемые элементы. Біологія, если оставить въ сторонѣ вопросъ о первомъ появленіи жизни и живой субстанціи, находится въ условіяхъ, общихъ всѣмъ наблюдательнымъ наукамъ. Ей достаточно знать элементы, различныя комбинаціи которыхъ составляютъ живыя существа, ею изучаемыя.

До появленія книги Дарвина всѣ необходимыя данныя для этой

теоріи животной индивидуальности были уже въ наукѣ; въ этой книгѣ нѣтъ ни одной главы, идеи которой въ извѣстный моментъ не возникали бы у кого-либо изъ натуралистовъ. Но всѣ эти данныя были разбросаны и только въ послѣдніе годы стало возможнымъ собрать ихъ.

Итакъ, индивидъ разъясненъ и со стороны своего строенія и въ отношеніи возможнаго способа его палеонтологическаго развитія; теперь остается опредѣлить, какимъ путемъ шло развитіе каждаго индивида въ отдѣльности. Это уже задача эмбріологіи, участіе которой въ исторіи философіи зоологіи мы постараемся теперь оцѣнить съ большей, чѣмъ раньше, точностью.

Глава XVIII.

Клѣточная теорія и устройство индивидуума.

Пинель: оболочки.—Биша: ткани, ихъ общія свойства.—Дюжарденъ: саркода.—Шлейденъ: растительныя клѣточки.—Шваннъ; распространеніе на животныхъ клѣточной теоріи.—Превостъ и Дюма: сегментація желтка въ яйцѣ.—Изслѣдованіе происхожденія клѣточекъ или анатомическихъ элементовъ организма, значеніе яйца.—Опредѣленіе клѣточки; протоплазма и пластиды.—Строеніе простѣйшихъ особей.—Животныя колоніи; многочисленные переходы между колоніями и индивидуумами высшаго порядка.—Исидоръ Жорффуа Сентъ-Илеръ: колоніальная жизнь, какъ признакъ низкой ступени развитія.—М. Лаказъ-Дютье; противоположность между безпозвоночными и позвоночными.

Въ произведеніяхъ философовъ, натуралистовъ и врачей до начала XIX-го столѣтія часто встрѣчаются слова жизненная субстанція, органическія молекулы, живая матерія, органы, ткани, но нигдѣ этимъ словамъ не дано опредѣленнаго значенія. У высшихъ животныхъ различаютъ мясо, жиръ, кости, нервы, сухожилія, сосуды, перепонки, но изъ чего состоятъ мясо, жиръ, кости, нервы, сухожилія, сосуды и оболочки? Познанія по этому вопросу не идутъ дальше понятія о *волокнцахъ*, съ которыми анатомы хорошо ознакомились на мускулахъ и нервахъ.

Знаменитый врачъ Пинель, стараясь приложить къ болѣзнямъ методы классификаціи натуралистовъ, нашелъ зависимость признаковъ и хода болѣзни при различнаго рода воспаленіяхъ отъ свойства пораженныхъ ими оболочекъ и такимъ образомъ выяснилъ, какой интересъ представляетъ для медицины точное познаніе способа образованія этихъ оболочекъ и вмѣстѣ съ тѣмъ способа образованія различныхъ частей тѣла. Эту задачу пытался рѣшить Биша въ своей «*Диссертаціи объ оболочкахъ и общихъ особенностяхъ ихъ устройства*», въ своемъ «*Трактатѣ объ оболочкахъ*» и

въ особенности въ своей «*Общей анатоміи*», появившейся въ свѣтъ только за годъ до его смерти. Въ первомъ изъ этихъ произведеній молодой анатомъ устанавливаетъ сходство и различія, существующія между оболочками въ различныхъ частяхъ тѣла; онъ съ точностью указываетъ, что оболочки могутъ находиться въ самыхъ различныхъ частяхъ организма и основываетъ ихъ классификацію на ихъ внѣшнемъ устройствѣ, структурѣ и функціяхъ. Три года спустя методъ, которому онъ слѣдовалъ въ этой работѣ, былъ распространенъ имъ и на системы органовъ; онъ посвятилъ свою общую анатомію отдѣльному изученію каждой изъ простыхъ системъ, которыя въ различныхъ комбинаціяхъ образуютъ наши органы. Въ физіологію, патологію и терапію онъ ввелъ точное понятіе объ этихъ «простыхъ системахъ», разсматриваемыхъ въ ихъ естественномъ состояніи. Такимъ образомъ, общая анатомія сдѣлалась новой наукой, которой съ того времени дали названіе *гистологіи*.

«Всѣ животныя,—говоритъ онъ *),—представляютъ собраніе различныхъ органовъ, изъ которыхъ каждый исполняетъ извѣстную функцію и способствуетъ извѣстнымъ образомъ сохраненію цѣлаго. Это—отдѣльныя машины въ общей машинѣ, составляющей индивидуумъ. Отдѣльныя машины сами состоятъ изъ нѣсколькихъ тканей различнаго свойства, которыя представляютъ истинные элементы органовъ. Химія имѣетъ свои простыя тѣла, образующія различными комбинаціями, къ которымъ они способны, тѣла сложныя. Такія простыя тѣла: теплородъ, свѣтъ, водородъ, кислородъ, уголь, азотъ, фосфоръ. Анатомія также имѣетъ свои простыя ткани, комбинаціи которыхъ по четыре, по шести, по восьми etc. образуютъ органы.

«Ткани эти слѣдующія:

1) Клѣтчатка.
2) Нервная ткань животной жизни.
3) Нервная ткань растительной жизни.
4) Ткань артерій.
5) Ткань венъ.
6) Ткань выдѣлительныхъ органовъ.
7) Ткань органовъ всасывающихъ и ихъ железъ.
8) Костная ткань.
9) Мозговая »
10) Хрящевая »
11) Фиброзная »

*) «Anatomie générale. Introduction (XV)». Ed. Blandin. 1831.

12) Фиброзно-хрящевая ткань.
13) Ткань мускуловъ животной жизни.
14) Ткань мускуловъ растительной жизни.
15) Слизистая ткань.
16) Серозная »
17) Синовіальная »
18) Железистая »
19) Кожная »
20) Эпидермическая ткань.
21) Волосяная.

«Вотъ настоящіе организованные элементы частей нашего тѣла. Каковы бы ни были тѣ части, гдѣ элементы эти встрѣчаются, природа ихъ постоянно одинакова. Точно также и въ химіи простыя тѣла не измѣняются, каковы бы ни были сложныя тѣла, для образованія которыхъ они послужили».

Существуетъ ли какая-нибудь аналогія въ строеніи между различными, образующими наше тѣло, *тканями*, изъ которыхъ каждая формируется особымъ способомъ, слѣдовательно, живетъ своей особенной жизнью, содѣйствуя, съ своей стороны, общей жизни индивидуума? Находятся ли эти ткани у всѣхъ животныхъ? Представляютъ ли онѣ, собственно говоря, конечные элементы, на которые могутъ разлагаться живыя тѣла? Это вопросы, рѣшеніе которыхъ вскорѣ дастъ микроскопъ.

Для Биша неотъемлемымъ свойствомъ тканей была ихъ жизнедѣятельность и различные способы, которыми она проявлялась, были слѣдствіемъ различнаго расположенія этихъ тканей. Но въ его время думали уже о чемъ-то менѣе сложномъ, чѣмъ ткани. Окэнъ предполагалъ, что сферическій комокъ первичной слизи, (Urschleim) образуетъ все тѣло простѣйшихъ животныхъ, инфузорій; по мнѣнію Окэна, высшіе организмы представляютъ аггрегатъ такихъ инфузорій. На короткое время, благодаря работамъ Эренберга, въ наукѣ распространилось мнѣніе, будто предполагаемая простота инфузорій только иллюзія, что строеніе микроскопическихъ существъ почти такъ же сложно, какъ строеніе высшихъ животныхъ. Дюжарденъ, профессоръ факультета наукъ въ Рейнѣ, въ 1835 году первый неоспоримо доказалъ, что жизнь можетъ соединяться съ простотой организаціи, какъ предполагалъ Окэнъ; онъ далъ названіе *саркоды* аморфной живой субстанціи, изъ которой единственно состоитъ тѣло довольно большого числа низшихъ существъ. Несмотря на положительныя доказательства Дюжардена въ пользу существованія *саркоды*, эта матерія, живая сама по себѣ, не произвела большого шума въ наукѣ.

Между тѣмъ, микроскопическое изученіе растеній показало замѣчательное единство структуры у этихъ организмовъ. Уже давно знали, что ткань ихъ представляетъ множество пузырьковъ, болѣе или менѣе сходныхъ между собою, которыя часто обозначались подъ именемъ *клѣточекъ*. Въ 1835 году Іоганнъ Мюллеръ отмѣтилъ подобное же строеніе для спинной струны зародыша позвоночныхъ животныхъ, въ хрусталикѣ, сосудистой оболочкѣ глаза, жировыхъ массахъ. Шлейденъ въ 1838 году выяснилъ всю важность роли клѣточекъ въ организаціи растеній; онъ указалъ, что эти существа можно разсматривать, какъ ассоціаціи клѣточекъ, и въ то же время опредѣлилъ, что нужно понимать подъ словомъ клѣточка; растительная клѣточка, по его мнѣнію, представляетъ полый сфероидъ съ прочными стѣнками, обыкновенно покрытыми целлюлозой, полужидкое *содержимое* котораго располагается вокругъ небольшой центральной массы, *ядра*, заключающаго одно или нѣсколько ядрышекъ. Много разъ подобные элементы были тщательно описаны и у животныхъ. Теодоръ Шваннъ, пораженный простотой теоріи Шлейдена, собралъ въ 1839 г. всѣ извѣстные раньше факты, касающіеся существованія животныхъ клѣточекъ, и, въ свою очередь, высказалъ воззрѣніе, что всѣ животныя образуются изъ клѣточекъ, отличающихся отъ растительныхъ обыкновенно только бо́льшею тонкостью и пластичностью окружающей ихъ оболочки. Клѣточки эти формировались, по его мнѣнію, самопроизвольно или внутри другихъ клѣточекъ или въ аморфномъ веществѣ, находящемся между существующими уже клѣточками.

Разъ дано было опредѣленіе клѣточекъ, признанныхъ Шлейденомъ и Шванномъ, неизбѣжно бросалось въ глаза поразительное сходство строенія яйца многихъ животныхъ съ этими элементами. Яйцо, слѣдовательно, ничто иное, какъ клѣточка. Въ 1824 г. Превостъ и Дюма указали, что первыя фазы развитія состоятъ въ нѣсколько разъ повторенной сегментаціи или дробленія содержимаго яйца. Бишофъ и Пейхертъ доказали, что клѣточки, составляющія тѣло животныхъ, происходятъ изъ этихъ шаровъ, являющихся результатомъ сегментаціи, и въ 1844 году Келликеръ уже возвелъ въ принципъ, вопреки мнѣнію Шванна, что «въ эмбріональномъ развитіи нѣтъ нигдѣ свободнаго образованія клѣточекъ, что, наоборотъ, всѣ элементарныя части будущаго зародыша такъ же, какъ и всѣ живые элементы взрослаго животнаго, являются непосредственными потомками единаго первичнаго элемента—яйца». Животныя представляютъ, слѣдовательно, ассоціацію клѣточекъ, происходящихъ однѣ изъ другихъ путемъ дѣленія, или почкованія, такъ что каждая изъ нихъ чрезъ цѣлую серію по-

колѣній беретъ начало отъ яйца. Какъ же примирить это положеніе съ наблюденіями Дюжардена надъ животными, состоящими единственно изъ саркоды? Сначала это казалось невозможнымъ многимъ знаменитымъ анатомамъ, но вся трудность лежала въ томъ представленіи, которое составили себѣ Шлейденъ и Шваннъ о первичномъ анатомическомъ элементѣ. Многочисленныя изслѣдованія показали въ концѣ концовъ, что изъ трехъ частей, составляющихъ клѣточки—*окружающей оболочки*, *ядра* и *содержимаго*, одна только была существенной—именно содержимое. Иногда клѣточка казалась состоящей только изъ двухъ частей, изъ оболочки и ядра, но тогда въ ней не замѣчалось жизненныхъ явленій: она была мертва. Слѣдовательно, содержимое есть настоящая живая часть анатомическаго элемента; ему дали названіе *протоплазмы* (Максъ Шульце). Но эта протоплазма, по своему строенію и свойствамъ, идентична съ саркодой Дюжардена. Существа, состоящія только изъ саркоды, отнынѣ могутъ быть разсматриваемы, какъ одинъ или нѣсколько анатомическихъ элементовъ, лишенныхъ оболочки, подобно тому, какъ это извѣстно для многихъ анатомическихъ элементовъ высшихъ животныхъ. Эти элементы подходятъ подъ общее правило при томъ условіи, если опредѣлять ихъ, какъ *массу протоплазмы или саркоды ограниченнаго размѣра, одаренную свободной жизнью, производящую обыкновенно внутри себя ядро и могущую изолироваться, обволакиваясь болѣе или менѣе прочной оболочкой.* Анатомическій элементъ въ этомъ смыслѣ есть то, что Геккель назвалъ именемъ *пластиды*, простое названіе, которое отнынѣ мы и примемъ, несмотря на то, что оно, сравнительно, недавняго происхожденія.

Живая протоплазма извѣстна еще только въ состояніи *пластиды*, т. е. ограниченныхъ массъ, размѣры и форма которыхъ, впрочемъ, весьма разнообразны; извѣстно также, что пластиды можно разсматривать, какъ индивидуумы. Нельзя назвать ни одного доказаннаго случая, гдѣ пластиды произвольно формировались бы или на счетъ свободныхъ органическихъ веществъ, или въ организованной уже средѣ. Большинство гистологовъ въ этомъ отношеніи подтвердили мнѣніе Келликера, а классическія изслѣдованія Пастера показали, что во всѣхъ случаяхъ, когда полагали, что отдѣльныя пластиды или ихъ группы образовались самопроизвольно внѣ организмовъ, изслѣдователи были жертвой заблужденія. Каждая пластида, слѣдовательно, производится другою.

Отдѣльная пластида можетъ производить другихъ, которыя тотчасъ по образованіи отдѣляются отъ своей родоначальницы; въ этомъ случаѣ являются простѣйшія существа. Но изъ единич-

ной пластиды могутъ родиться также пластиды, предназначенныя для совмѣстной жизни; такъ бываетъ у всѣхъ животныхъ, начиная съ губокъ и полиповъ и кончая человѣкомъ, а также всѣхъ растеній, исключая одноклѣточныхъ, тайнобрачныхъ. Всѣ живущія существа представляютъ ассоціаціи пластидъ; это основное положеніе, на которомъ зиждется гистологія. Клоду Бернару мы обязаны выясненіемъ его важности для общей физіологіи.

Даже въ самыхъ сложныхъ ассоціаціяхъ пластиды, составляющія живое существо, никогда не утрачиваютъ вполнѣ своей независимости. Каждая изъ нихъ живетъ сама по себѣ, какъ свободное существо, и различныя физіологическія функціи животнаго ничто иное, какъ результатъ актовъ, выполняемыхъ извѣстной группой пластидъ. Отсюда слѣдуетъ, что вся физіологія, скажемъ больше, исторія всей жизни животнаго есть исторія жизни составляющихъ его пластидъ. Если бы можно было сосчитать всѣ пластиды въ организмѣ, если бы знать ихъ относительное положеніе, ихъ свойства, ихъ связь между собою, то стало бы возможнымъ не только знакомство со всѣми функціями этого организма, но также можно было бы начертить планъ его зародышеваго развитія и предсказать ожидающую его участь. Итакъ, пластиды при современномъ состояніи науки являются *анатомическими элементами*, главныя свойства которыхъ управляютъ всѣмъ органическимъ развитіемъ и изученіе которыхъ должно быть исходной точкой отправленія при созиданіи общихъ теорій, касающихся живыхъ существъ.

Если въ дѣйствительности всѣ организмы сначала представляютъ одну пластиду—животное или растительное яйцо, если развитіе дѣйствительно идетъ отъ простого къ сложному и представляетъ тѣмъ болѣе сложныя явленія, чѣмъ сложнѣе существо, которое должно выйти изъ яйца, то научно-экспериментальный методъ указываетъ, что для познанія явленія развитія и размноженія у высшихъ животныхъ, надо прежде всего опредѣлить черты ихъ у низшихъ организмовъ и восходить постепенно до самыхъ совершенныхъ позвоночныхъ. Этотъ выводъ, казалось бы, долженъ считаться правиломъ, внушеннымъ здравымъ смысломъ; но позвоночныя слишкомъ долго были единственными животными, организація которыхъ была предметомъ серьезныхъ изслѣдованій, въ силу этого развитіе ихъ было изучено раньше всего и къ законамъ его безпрестанно старались подводить эмбріональныя явленія вообще, какъ раньше дѣлали попытки объяснять тѣми же законами явленія чередованія поколѣній. Отсюда возникаетъ не-

правильный методъ толкованій, тяготѣющій надъ всѣми ученіями, касающимися общей эмбріологіи *).

Если, слѣдуя логикѣ, мы попытаемся опредѣлить ходъ развитія у самыхъ низшихъ типовъ губокъ, кишечнополостныхъ, иглокожихъ, червей, суставчатыхъ, общее правило выяснится само собой. Яйцо почти никогда не производитъ непосредственно организма, подобнаго тому, отъ котораго оно происходитъ; сначала оно производитъ очень простое существо. У губокъ, у гидромедузъ это первый индивидуумъ колоніи; у коралловъ, у иглокожихъ это организмъ безъ щупальцевъ, безъ рукъ, безъ лучей, который становится впослѣдствіи центральною частью взрослаго животнаго; у червей это то, что называютъ *трохосферой*; у членистоногихъ это *науплiусъ*. И трохосфера, и науплiусъ представляютъ просто первое кольцо формирующагося животнаго. *Это первое кольцо всегда составляетъ часть головы взрослаго животнаго*, часто же оно одно составляетъ голову; по своему способу образованія оно вполнѣ соотвѣтствуетъ первому индивидууму колоніи полиповъ и центральной части лучистаго животнаго. Кольцо это отличается отъ нихъ только тѣмъ, что живетъ свободно, между тѣмъ какъ первый индивидуумъ колоніи полиповъ немедленно прикрѣпляется къ землѣ. Первый полипъ, трохосфера, науплiусъ такимъ образомъ вполнѣ соотвѣтствуютъ другъ другу съ точки зрѣнія той роли, которую они должны выполнять въ дальнѣйшемъ развитіи животнаго: путемъ болѣе или менѣе неправильнаго почкованія первый полипъ и его потомки составятъ древовидную колонію, почкованіемъ по периферіи изъ центральной части лучистаго животнаго происходитъ взрослое существо; правильнымъ почкованіемъ, совершающимся въ одномъ направленіи, трохосфера и науплiусъ даютъ цѣпь колецъ, составляющихъ тѣло кольчатаго червя или членистоногаго животнаго. Между животными, которыя образуются изъ сегментовъ, прикрѣпляющихся одинъ къ другому послѣдовательно, и вѣтвистыми колоніями полиповъ разница только въ направленіи, по которому совершается почкованіе.

Это понималъ уже Шарль Бонне, когда онъ сравнивалъ организацію ленточнаго червя со строеніемъ дерева, замѣчая, что каждое изъ колецъ этого животнаго можетъ быть разсматриваемо,

*) У насъ есть многочисленные трактаты по эмбріологіи человѣка и только единственное появившееся доселѣ сочиненіе Бальфура по общей эмбріологіи, изданное въ 1881 году, гдѣ еще найдется много доказательствъ того, что мы утверждаемъ. Въ то же время появилось наше произведеніе Colonies animales, гдѣ мы старались, по возможности, держаться указаннаго нами метода.

какъ отдѣльный индивидуумъ; взглядъ Бонне видѣнъ также изъ того, что онъ устанавливалъ *) близкую аналогію, существующую, по его мнѣнію, между возобновленіемъ утраченныхъ частей у земляныхъ червей и появленіемъ почекъ у растеній **). Кювье, наоборотъ, придерживался противоположнаго сравненія, разсматривая колоніи полиповъ и такъ называемое «морское перо», какъ животныхъ съ нѣсколькими ртами, такъ же поступалъ и Дюжесъ, что помѣшало его теорію «единообразія въ организаціи», давшую такіе богатые результаты въ приложеніи къ сравнительной анатоміи, примѣнить къ полной систематизаціи эмбріональныхъ явленій. Мы видимъ у Катрфажа попытку такой систематизаціи, но знаменитый ученый взялъ за точку отправленія человѣка и искалъ аналогіи, а не объясненій въ томъ смыслѣ, какъ понимаютъ это слово физики.

Если держатся метода физиковъ, какъ это пытался дѣлать Биша, то объясненіе должно быть выводимо изъ самыхъ свойствъ анатомическихъ элементовъ, т. е. пластидъ въ отдѣльномъ ихъ состояніи. Свойства же эти слѣдующія: 1) пластиды въ надлежащихъ условіяхъ питанія растутъ въ теченіе нѣкотораго времени; 2) пластиды опредѣленнаго рода не могутъ превысить извѣстнаго максимума роста, послѣ котораго онѣ дѣлятся и даютъ начало новымъ пластидамъ, сходнымъ съ ними; въ этомъ состоитъ то, что называютъ ихъ *размноженіемъ*; 3) пластиды подвержены вліянію условій, въ которыя онѣ поставлены; ихъ внѣшней видъ, ихъ физіологическія свойства могутъ измѣняться сообразно обстоятельствамъ; слѣдовательно, пластиды обладаютъ извѣстной *измѣняемостью*. Ассоціація пластидъ, рожденныхъ изъ яйца, сохраняетъ эти существенныя особенности питанія, размноженія и измѣняемости, наблюдаемыя у отдѣльныхъ пластидъ; кромѣ того, онѣ остаются въ высокой степени независимыми однѣ отъ другихъ, но, уже въ силу количества членовъ ассоціаціи, каждый изъ нихъ поставленъ въ особыя условія существованія, живетъ особымъ, свойственнымъ ему образомъ, представляетъ свои особые внѣшніе признаки; отсюда скоро вытекаетъ распредѣленіе между различными элементами физіологическихъ отправленій, способствующихъ обезпеченію существованія всей ассоціаціи; такое раздѣленіе функцій дѣлаетъ элементы, между которыми оно совершается, тѣмъ солидарнѣе, чѣмъ это раздѣленіе проведено строже, такъ что распаденіе общества влечетъ за собою смерть элементовъ. Такъ складываются

*) Bonnet «Considérations sur les corps organisés». Oeuvres t. II, p. 226.
**) Bonnet. Ibid, p. 255.

индивидуумы, происходящіе при развитіи яйца; такъ складываются ихъ органы.

Эти индивидуумы путемъ почкованія производятъ сложные аггрегаты, члены которыхъ, названные Дюжесомъ однообразнымъ именемъ зоонитовъ, относятся другъ къ другу также, какъ составляющія ихъ пластиды. Эти индивидуумы второго порядка подъ вліяніемъ извѣстныхъ условій облекаются въ особыя формы, выполняютъ особыя функціи и могутъ отдѣляться другъ отъ друга или оставаться связанными неопредѣленнымъ образомъ. Различныя явленія, извѣстныя подъ именемъ *чередованія поколѣній*, *дигенезиса* и *генеагенезиса* ничто иное, какъ результатъ преждевременнаго или запоздавшаго раздѣленія индивидуумовъ второго порядка, отличающихся болѣе или менѣе другъ отъ друга и появившихся на первоначальномъ индивидуумѣ.

Когда раздѣленія зоонитовъ не происходитъ, совокупность индивидуумовъ, соединенныхъ между собою, составляетъ организмъ, которому даютъ названіе колоніи, если члены ассоціаціи ясно обособлены другъ отъ друга и въ значительной мѣрѣ сохраняютъ свою видимую независимость; организмъ называютъ индивидуумомъ въ томъ случаѣ, когда составляющіе его зооніты болѣе сливаются и когда ими, повидимому, управляетъ единая воля, мѣстопребываніемъ которой не можетъ назваться ни одинъ изъ нихъ въ частности. Отсюда видно, какъ неопредѣленно значеніе слова индивидуумъ, по желанію приложимое и къ пластидѣ, и къ аггрегату пластидъ, къ аггрегату простому и къ ассоціаціи подобныхъ аггрегатовъ; какъ произвольна граница между тѣмъ, что называютъ *колоніей*, и тѣмъ, чему даютъ имя *индивидуума*. Уже Исидоръ Жоффруа Сентъ-Иларъ былъ пораженъ этими переходами отъ колоніи къ индивидууму,—переходами, останавливавшими на себѣ вниманіе въ послѣдніе годы. Въ своей прекрасной *Histoire naturelle général des régnes organiques* *) онъ употребляетъ слово *община* вмѣсто болѣе употребительнаго слова колонія, и устанавливаетъ параллель между этими общинами и тѣмъ, что обыкновенно называютъ индивидуумами. «Какъ индивидуумы **)—говоритъ онъ,—община представляетъ самостоятельную единицу и въ то же время ведетъ коллективное существованіе; это собраніе иногда безчисленнаго множества индивидуумовъ; вмѣстѣ съ тѣмъ община должна быть разсматриваема сама по себѣ, какъ одинъ индивидуумъ, какъ одно, хотя сложное, существо. Она такова не только въ болѣе или

*) Tome II, p. 284 (1869).

**) Ibid., p. 245.

менѣе раціональномъ отвлеченіи, такова она и въ дѣйствительности, т. е. матеріально, столько же для нашихъ чувствъ, сколько и для ума; она составлена изъ непрерывно связанныхъ, зависящихъ другъ отъ друга частей, представляющихъ отрѣзки отъ одного цѣлаго, хотя каждая изъ этихъ частей сама по себѣ есть болѣе или менѣе рѣзко обособленное цѣлое, являющееся членомъ одного и того же тѣла; каждая часть составляетъ организованное тѣло, цѣлое въ миніатюрѣ. Такимъ образомъ вся община ведетъ реальное, отдѣльное и, слѣдовательно индивидуальное существованіе, если только вѣрно, что индивидуальность есть нѣчто, дающее существу отдѣльную отъ всякаго другого существа жизнь.

Теорія Стеенструпа, основанная на фактахъ, полученныхъ путемъ правильнаго наблюденія не только имъ самимъ, но и его предшественниками, имѣла большой успѣхъ впослѣдствіи; ее оспаривали, она развивалась, подвергалась измѣненіямъ, но, тѣмъ не менѣе, несомнѣнно, что она согласуется съ результатами значительнаго числа недавнихъ изслѣдованій. У сальпъ яйца, образовавшіяся въ одиночныхъ особяхъ, развиваясь, производятъ сальпъ общественныхъ. Бальбіани утверждаетъ, что у травяныхъ вшей или тлей, образованіе и оплодотвореніе яйца предшествуетъ появленію индивида, который долженъ произвести ихъ; условія размноженія въ колоніяхъ, въ 1881 году *), заставили насъ утверждать, что яйцо нераздѣльная собственность всей колоніи, а не одного опредѣленнаго индивида; результаты различныхъ наблюденій, изложенные въ неизданныхъ еще трудахъ Рузо и въ недавно вышедшихъ произведеніяхъ Варенна, заставили въ послѣднее время установить относительно колоній гидроидныхъ полиповъ тотъ фактъ, что мѣстонахожденіемъ яйца въ колоніи нельзя собственно считать какого-либо отдѣльнаго полипа, и что появленіе яицъ задолго предшествуетъ рожденію медузъ, въ которыхъ они должны созрѣть и быть оплодотворенными. Но какъ и всѣ теоріи, въ которыхъ объясненія основаны на конечныхъ явленіяхъ, теорія чередованія поколѣній въ томъ видѣ, въ какомъ она была развита знаменитымъ датскимъ ученымъ, можетъ быть приложена въ тѣхъ относительно рѣдкихъ случаяхъ, гдѣ установилось нѣкоторое приспособленіе, согласованіе двухъ категорій очень общихъ явленій, не имѣющихъ, впрочемъ, непосредственнаго отношенія другъ къ другу. Эти явленія: 1) образованіе яица въ животномъ или въ колоніи и 2) размноженіе путемъ почкованія этого животнаго или этой колоніи.

*) S. Perrier. «Les Colonies animales», p. 726 etc.

Дѣйствительно, въ одной и той же зоологической группѣ существуютъ всѣ промежуточныя ступени, съ одной стороны, между тѣми случаями, гдѣ почкованіе совершается вполнѣ независимо и тѣми, гдѣ оно связано съ образованіемъ яицъ, а съ другой — между случаями, гдѣ индивиды, рожденные почкованіемъ, тождественны съ родителями, какъ у многихъ гидроидныхъ полиповъ и кольчатыхъ червей, и тѣми, гдѣ между родителями и дѣтьми существуетъ большое различіе. Существованіе двухъ способовъ размноженія — размножанія яицами и почкованіемъ, по мнѣнію Ванъ-Бенедена, есть явленіе общее, а чередованіе поколѣній есть только частный случай этого явленія *). Ученый профессоръ Ловенъ обозначаетъ это общее явленіе подъ именемъ *дигенезиса*.

Къ важному ученію о дигенезисѣ Лейкартъ **) прибавилъ еще ученіе о *полиморфизмѣ*, удачно приложивъ къ явленіямъ чередованія поколѣній законъ раздѣленія физіологическаго труда Мильнъ-Эдвардса. Особи, производящія яйца и дающія почки, могутъ играть различныя роли, приспособляться къ разнымъ условіямъ существованія; каждая особь принимаетъ тогда опредѣленный видъ и пріобрѣтаетъ характерныя черты, согласующіяся съ ея функціей; чередованіе поколѣній только частный случай этихъ различныхъ приспособленій. Какъ и полагалъ Стееншрупъ, это явленіе того же порядка, какъ и то, которое выражается въ раздѣленіи половъ, въ разницѣ между половыми и безполыми особями въ обществахъ пчелъ, муравьевъ и термитовъ, и въ различіяхъ между безполыми существами одного общества, когда они выполняютъ различныя роли. Несходные индивиды, рожденные одни отъ другихъ, не должны непремѣнно жить отдѣльно, они могутъ жить вмѣстѣ и образовывать такимъ образомъ колоніи, члены которой представляютъ большее или меньшее разнообразіе строенія. Лейкартъ объясняетъ удивительную организацію сифонофоръ, настоящихъ смѣшанныхъ колоній гидръ и медузъ, которыя обладаютъ однако собственной индивидуальностью; сифонофоры, въ свою очередь, даютъ возможность лучше понять организацію «морского пера», а также организацію колоній коралловыхъ полиповъ, которыхъ Кювье считалъ животными съ нѣсколькими ртами. Съ этихъ поръ исключительное, повидимому, явленіе, обусловливающее чередованіе поколѣній, получаетъ болѣе широкое толкованіе: оно можетъ быть усматриваемо и при нормальномъ строеніи

*) Van Beneden, «Mémoires sur les cestoides» («Bulletin de l'Académie de Bruxelles», 1847, p. 106).

**) Leuckart, «Ueber den Polymorphismus der Individuen oder die Erscheinungen der Arbeitstheilung in der Natur». Giessen 1851.

организмовъ, различныя части которыхъ можно разсматривать какъ индивиды, приспособленные къ особымъ функціямъ. Такъ въ одной сифонофорѣ заключаются индивиды-кормильцы, индивиды, схватывающіе пищу, двигатели, производители, и всѣ они представляютъ полиповъ или медузъ, измѣненныхъ сообразно ихъ спеціальнымъ функціямъ, принявшихъ по общежитейскому сравненію обликъ, соотвѣтствующій ихъ должности. Здѣсь Лейкартъ вступаетъ на многообѣщающій путь, по которому, надо сказать правду, онъ не идетъ до конца; но уже можно предвидѣть, что въ скоромъ времени установится тѣсная связь между теоріей строенія сифонофоръ и другихъ животныхъ, въ томъ смыслѣ, какъ понимаетъ его Лейкартъ, и теоріей строенія суставчатыхъ животныхъ въ формулировкѣ Оуэна и Анри Мильнъ-Эдвардса. Лучше сказать, связь эта была установлена раньше Дюжесомъ, когда еще не существовало самого понятія о чередованіи поколѣній. Итакъ, законъ полиморфизма Лейкарта, въ концѣ концовъ есть только приложеніе къ нѣкоторымъ новымъ или лучше изученнымъ фактамъ принциповъ, развитыхъ въ «Mémoire sur la conformité organique», появившемся въ свѣтъ двадцатью годами раньше.

Констатировать, что животныя рамножаются двумя различными способами, указать, что эти два способа рамноженія обусловливаютъ появленіе въ одномъ видѣ животныхъ двухъ, совершенно непохожихъ другъ на друга особей, еще не значитъ объяснить, какимъ образомъ всѣ вообще явленія, находящіяся въ связи съ этими двумя способами размноженія, такъ часто находятся въ тѣсной зависимости другъ отъ друга. Ричардъ Оуэнъ, рѣшая вопросъ своимъ особымъ путемъ, спрашиваетъ, въ свою очередь, не могутъ ли быть приведены въ связь явленія полового и безполаго размноженія, которое онъ называетъ метагенезисомъ: онъ пытается найти отвѣтъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, объяснить интересную способность размножаться безъ предварительнаго оплодотворенія, которую Левенгукъ и затѣмъ Шарль Боне наблюдали у тлей. Это размноженіе безъ предварительнаго оплодотворенія или, употребляя выраженіе Оуэна, *партеногенезисъ*, замѣченный впослѣдствіи у пчелъ, осъ, у перепончатокрылыхъ изъ сем. cupipidae, нѣкоторыхъ двукрылыхъ и различныхъ бабочекъ, у нѣкоторыхъ ракообразныхъ, у коловратокъ, у нѣкоторыхъ низшихъ червей, явленіе болѣе распространенное, чѣмъ думали раньше, стало исходной точкой всей теоріи знаменитаго англійскаго ученаго. Партеногенезисъ, впрочемъ, явленіе только кажущееся; въ дѣйствительности же развитію всякаго организма, по мнѣнію Ричарда Оуэна, даетъ толчекъ соединеніе мужского и женскаго воспроизводи-

тельныхъ элементовъ. Послѣ оплодотворенія женскій элементъ — яйцо начинаетъ дробиться, такъ что всякое живое существо есть собраніе элементовъ, происшедшихъ отъ этого дѣленія, повторенаго безчисленное множество разъ. Но это дѣленіе строительныхъ элементовъ и есть размноженіе; оно совершается, по той причинѣ, что каждый элементъ, раздѣляясь, отдаетъ замѣняющимъ его элементамъ часть, полученной отъ оплодотворяющаго начала или сперматозоида, энергіи, которой яйцо всецѣло обязано своимъ дѣленіемъ.

Оплодотворительная сила сперматозоида ограничена; она можетъ вызвать только опредѣленное количество дѣленій, можетъ распространиться на опредѣленное число анатомическихъ элементовъ. Отсюда опредѣленные размѣры роста, старость и смерть каждаго живого существа. Въ извѣстныхъ случаяхъ всѣ анатомическіе элементы, происшедшіе отъ дѣленія яйца, идутъ на формированіе единаго индивида, что бываетъ у высшихъ животныхъ; случается, что оплодотворяющая сила сперматозоида не истощается еще тогда, когда уже индивидъ сформировался; этотъ индивидъ бываетъ всегда женскаго пола; при появленіи мужскихъ особей сила эта достигаетъ своего предѣла и далѣе ни въ чемъ не обнаруживается. Воспроизводительная сила, сохраненная смѣняющимися поколѣніями женскихъ особей, можетъ проявляться различнымъ образомъ: или самки производятъ яйца, способныя развиваться безъ новаго оплодотворенія, что наблюдается у тлей, пчелъ, дафній и т. д., или производятъ внутреннія почки, организующіяся въ новые индивиды, какъ у сосальщиковъ, или даютъ внѣшнія почки, которыя могутъ отдѣляться и становиться независимыми существами или жить совмѣстно. Въ первомъ, какъ и во второмъ случаѣ, особи могутъ обнаруживать, сообразно различнымъ функціямъ, спеціальныя характерныя черты; если они живутъ раздѣльно, мы имѣемъ дѣло съ явленіемъ чередующихся поколѣній; при совмѣстной жизни онѣ образуютъ такія колоніи, какъ у гидроидныхъ полиповъ, сифонофоръ, коралловъ, мшанокъ, сложныхъ асцидій и ленточныхъ червей.

Теорія партеногенезиса, понимаемая такимъ образомъ, имѣетъ общее значеніе; она связываетъ множество фактовъ, отношеніе которыхъ другъ къ другу раньше не было извѣстно. Развитіе индивида въ томъ смыслѣ, какъ оно совершается у высшихъ животныхъ, становится понятнымъ изъ совокупности явленій, часть которыхъ составляетъ образованіе колоній, чередованіе поколѣній и партеногенезисъ. Всѣ явленія размноженія сводятся къ одному типу, различнымъ образомъ видоизмѣненному въ деталяхъ. Этотъ

типъ явленій начинается актомъ оплодотворенія. Къ несчастью, какъ замѣтили Гексли, В. Карпентеръ и М. Катрфажъ, эта точка зрѣнія не можетъ быть принята. Доказано, что въ благопріятныхъ условіяхъ, способность размножаться безъ оплодотворенія можетъ существовать, если не безконечно долго, то, во всякомъ случаѣ, очень долгое время у самокъ тлей; то же можно сказать о способности къ почкованію у гидръ; слѣдовательно, нѣтъ основаній приписывать сперматозоиду ограниченной оплодотворяющей силы; съ другой стороны, извѣстно довольно большое число низшихъ животныхъ, въ ряду которыхъ, можетъ быть, можно поставить всѣхъ инфузорій, и у которыхъ размноженіе всегда совершается безъ оплодотворенія: часто этотъ актъ, ограничивающійся сліяніемъ двухъ комковъ протоплазмы совершенно одинаковаго внѣшняго вида, бываетъ не отличимъ отъ явленій такъ называемой коньюгаціи. Основаніе теоріи партеногенезиса такимъ образомъ падаетъ, но изъ этого не слѣдуетъ, что нарушаются отношенія, установленныя Оуэномъ между фактами. Въ главныхъ явленіяхъ размноженія у большинства животныхъ и растеній можно отмѣтить два факта: во-1-хъ, дѣленіе первичнаго элемента, яйца, на большее и большее количество производныхъ элементовъ, и во-2-хъ, оплодотвореніе. Между этими вообще совмѣстно существующими явленіями Ричардъ Оуэнъ допускаетъ отношеніе причины къ слѣдствію; по его мнѣнію, оплодотвореніе есть явленіе опредѣляющее, другими словами, причина. Но это произвольный выборъ; обычное совпаденіе этихъ явленій легко можетъ быть простымъ приспособленіемъ. Оплодотвореніе требуется для развитія въ извѣстныхъ условіяхъ, но оно не безусловно необходимо, а разъ это такъ, то важнѣйшимъ, въ нѣкоторомъ родѣ доминирующимъ явленіемъ должно считать сегментацію яйца, которая, какъ мы видимъ, представляетъ общій фактъ; а это явленіе сводится къ свойству, общему всѣмъ живымъ элементамъ, способнымъ къ развитію, именно къ способности дѣлиться, какъ только вслѣдствіе принятія пищи элементы достигли извѣстнаго роста. Этого свойства достаточно *), чтобы объяснить одни явленія другими и связать всѣ тѣ явленія, между которыми хотѣлъ установить связь знаменитый ученый, по справедливости называемый англійскимъ Кювье.

И здѣсь, достаточно легкаго измѣненія, незначительнаго оттѣнка, чтобы возстановить готовую рушиться теорію; надо замѣтить, что ни одна изъ послѣдовательно изложенныхъ здѣсь

*) См. Perrier. «Les colonies animales ef la formation des organismes», p. 701.

теорій, относящихся къ изучаемымъ нами явленіямъ, не должна исчезнуть безъ слѣда, всѣ они распредѣлятся, какъ особыя главы или какъ важнѣйшіе выводы, входящіе въ составъ болѣе общей теоріи, которую они дополняютъ и, которая, въ свою очередь, придаетъ имъ еще большій интересъ. Въ самомъ дѣлѣ, вполнѣ вѣрно, что потребность дѣлиться по достиженіи извѣстнаго развитія, потребность, свойственная, не только анатомическимъ элементамъ, но и организмамъ, которые ими составляются, обусловливаетъ существованіе двухъ способовъ размноженія; одинъ изъ нихъ требуетъ оплодотворенія, другой его не требуетъ. Совокупность наиболѣе общихъ явленій размноженія, не требующихъ оплодотворенія, можетъ быть названа *метагенезисомъ*, тѣмъ именемъ, которое избралъ Оуэнъ. Когда у животнаго скомбинированы эти два способа размноженія, которые могутъ быть независимы другъ отъ друга, мы имѣемъ дѣло, по выраженію Ванъ-Бенедена, съ явленіемъ *дигенезиза*. Если особи, образующіяся безъ предварительнаго оплодотворенія, имѣютъ исходной точкой развитія элементъ, болѣе или менѣе подобный яйцу— это явленіе партеногенезиса, въ абсолютномъ смыслѣ этого слова. Когда различные индивиды, вышедшіе изъ оплодотвореннаго яйца, предназначены для выполненія различныхъ функцій, когда между ними существуетъ раздѣленіе физіологическаго труда, необходимое для сохраненія вида, они бываютъ облечены въ различныя формы; это—*полиморфизмъ*; *полиморфизмъ* довершаетъ, какъ кажется Лейкарту, тотъ сложный рядъ явленій, частнымъ случаемъ котораго можно считать чередованіе поколѣній. Вѣрно также и то, какъ это думаетъ Стеенструпъ, что чередованіе поколѣній выражается въ нарожденіи путемъ безполаго размноженія особей, играющихъ роль кормилицъ по отношенію къ своимъ братьямъ, появившимся путемъ полового размноженія.

Но метагенезисъ можетъ имѣть еще другія важныя слѣдствія, на которыхъ особенно настаивалъ Катрфажъ *). Благодаря этому явленію, одно яйцо порождаетъ не одинъ только индивидъ, а болѣе или менѣе значительное число ихъ, иногда даже безграничное; оно производитъ тогда цѣлое поколѣніе организмовъ; это рожденіе цѣлаго поколѣнія и есть то, что знаменитый профессоръ музея назвалъ *генеагенезисомъ*. Генеагенезисъ имѣетъ очень большое значеніе въ особенности для низшихъ животныхъ, одаренныхъ слабой жизненной устойчивостью, для паразитовъ, кото-

*) A. de Quatrefages. «Métamorphoses de l'homme et des animaux. «Revue des Deux-Mondes» de 1855 et 1856 et 1 v. in 12, 1862

рымъ приходится избѣгать множество опасностей, прежде чѣмъ они могутъ поселиться въ тѣлѣ хозяина, гдѣ они должны жить; и дѣйствительно, генеагенезисъ встрѣчается у всѣхъ этихъ мелкихъ представителей животнаго царства. Но указавъ всю, такъ сказать, практическую важность генеагенезиса, Катрфажъ не разсматриваетъ его, какъ отдѣльное самостоятельное явленіе, свойственное только нѣкоторымъ организмамъ. Прежде всего генеагенезисъ и метаморфозы происходятъ отъ одной причины, такъ что эти два явленія могутъ взаимно дополнять другъ друга и сливаться въ такой степени, что невозможно сказать, гдѣ начинается одно и кончается другое. Превращеніе, какъ и генеагенезисъ, связано съ возрастаніемъ способности къ продолженію рода у каждаго индивида; въ самомъ дѣлѣ, это возрастаніе можетъ быть достигнуто или увеличеніемъ числа организмовъ, могущихъ произойти изъ одного яйца, или увеличеніемъ количества яицъ, которое можетъ положить одна самка. Но такъ какъ тѣло самокъ не можетъ расти безконечно, то возрастаніе количества яицъ можетъ произойти только при томъ условіи, если объемъ ихъ уменьшится. Каждое яйцо содержитъ матеріалы двухъ категорій: во-первыхъ, тѣ, изъ которыхъ образуется зародышъ, а во-вторыхъ, тѣ, которыми онъ питается; послѣдніе, очевидно, имѣютъ меньшую важность и сокращеніе объема происходитъ насчетъ ихъ. Съ другой стороны, каждое животное достигаетъ полнаго развитія, только претерпѣвъ большое число превращеній, которыя у высшихъ животныхъ совершаются вообще въ яйцѣ; когда питательные матеріалы яйца недостаточны для того, чтобы довести зародышъ до конца развитія, онъ выходитъ раньше, чѣмъ приметъ окончательную форму. Онъ самъ ищетъ тогда пищи, необходимой для дальнѣйшаго его развитія, и продолжаетъ внѣ яйца претерпѣвать тѣ превращенія, которыя должны были совершиться внутри его оболочекъ. Личинки насѣкомыхъ представляютъ, слѣдовательно, зародышей, рожденныхъ преждевременно, сдѣлавшихся способными къ самостоятельному существованію и продолжающихъ развиваться на свободѣ. У высшихъ животныхъ увеличеніе размѣровъ тѣла и метаморфозы его идутъ рядомъ и представляютъ, такъ сказать, одно явленіе, между тѣмъ какъ у насѣкомыхъ и многихъ низшихъ животныхъ эти два явленія совершаются послѣдовательно одно за другимъ; однако, метаморфозы все же существуютъ и у высшихъ животныхъ; явленіе это одно и то же для позвоночныхъ, какъ и для насѣкомыхъ; единственное различіе, которое можно установить въ этомъ случаѣ, касается только періода жизни, въ теченіе котораго совершаются самыя замѣтныя измѣненія.

Здѣсь проявляется новая связь между метаморфозами и генеагенезисомъ, на этотъ разъ не телеологическая, а чисто морфологическая. Много разъ Катрфажу приходилось сравнивать ростъ кольчатыхъ червей съ ростомъ колоній гидроидныхъ полиповъ; новыя кольца у аннелидъ образуются совершенно такъ же, какъ новые полипы въ гидроидной колоніи. Очевидно, что образованіе новыхъ колецъ у аннелидъ составляетъ одно изъ явленій роста тѣла животнаго; очевидно также, что эти явленія, въ свою очередь, до нѣкоторой степени могутъ быть сравниваемы съ явленіями роста тѣла высшихъ животныхъ, млекопитающихъ, напримѣръ. Итакъ, образованіе колоніи полиповъ сводится къ очень хорошо извѣстному въ общежитіи явленію — росту тѣла; единственная особенность колоніи—ея древовидная форма.

Но у кольчатыхъ червей образованіе новыхъ колецъ часто оканчивается появленіемъ новыхъ самостоятельныхъ индивидовъ, являющихся результатомъ роста организмовъ, отъ которыхъ они отдѣляются; то же случается и въ колоніяхъ полиповъ и ведетъ тамъ къ образованію новыхъ колоній; это явленіе *дигенезиса*. Ростъ высшихъ животныхъ осложняется всегда превращеніями; то же случается и у кольчатыхъ червей. Можетъ случиться, что новый индивидъ значительно отличается отъ давшаго ему жизнь организма; примѣромъ этому служатъ черви изъ родовъ *Autolytus* и *Syllis*, такой же примѣръ представляютъ общественныя сальпы по отношенію къ сальпамъ одиночнымъ, медузы по отношенію къ гидрамъ, и вообще всѣ случаи, гдѣ имѣетъ мѣсто *чередованіе поколѣній*.

«Итакъ,—говоритъ Катрфажъ *),—всякое безполое размноженіе приближается къ явленію роста тѣла въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Оно проявляется въ увеличеніи *объема частей* и *ихъ числа*. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ часто бываетъ, что прибавившаяся часть представляетъ такое цѣлое, которое само по себѣ можетъ составить почти индивидъ. У аннелидъ, напримѣръ, при очень большой длинѣ тѣла каждое кольцо обладаетъ своимъ нервнымъ центромъ, своимъ двигательнымъ аппаратомъ каждое кольцо имѣетъ свою сосудистую систему, свою большую пищеварительную полость, свои органы размноженія, все, совершенно сходное съ тѣмъ, что находится на предъидущемъ и на послѣдующемъ кольцахъ. Отсюда одинъ шагъ для того, чтобы каждое кольцо могло существовать само по себѣ. Ему недостаетъ, собственно говоря, только рта и органовъ чувствъ. У родовъ

*) «Métamorphoses de l'homme et des animaux», p. 268.

Syllis, *Myrianes*, *Nais*, этотъ ротъ и эти органы чувствъ являются, правда, на опредѣленномъ кольцѣ, но оно образуется совершенно такъ же, какъ и другія. Всѣ кольца, помѣщенныя за этой случайной головой, повинуются ему. Появляется новая особь и происхожденіе этой особи обусловливается совокупностью явленій, ничѣмъ не отличающихся отъ явленій *роста*, наблюдаемыхъ въ цѣломъ классѣ. Между этими явленіями и почкованіемъ гидръ и такъ называемой стробили медузъ, въ томъ видѣ, какъ наблюдалъ его Дезоръ, или сегментаціей той же формы, какъ она была описана Сарсомъ, нѣтъ, очевидно, никакой основной разницы. Форма тѣла видовъ, законы ихъ роста даютъ вполнѣ удовлетворительное объясненіе кажущихся различій. Такимъ образомъ, незамѣтнымъ путемъ мы переходимъ отъ простого роста млекопитающихъ къ почкованію; все ведетъ насъ къ важному заключенію, что почкованіе и, слѣдовательно, безполое размноженіе, по существу своему, представляетъ *явленіе роста*».

Итакъ, по мнѣнію Катрфажа, тѣло млекопитающаго, собраніе индивидовъ, вышедшихъ изъ яйца Syllis, Myrianes, Nais, собраніе полиповъ, образующихъ колонію, и медузъ, отдѣляющихся отъ нихъ—все это организмы по происхожденію эквивалентные.

«Вставъ на эту точку зрѣнія,—продолжаетъ онъ,—мы хорошо поймемъ, почему безполое размноженіе не можетъ быть безконечнымъ. У каждаго животнаго ростъ имѣетъ заранѣе опредѣленный предѣлъ. Если почкованіе только ростъ, оно также неизбѣжно должно имѣть предѣлъ. Оно недостаточно для безконечнаго продолженія вида. Отсюда слѣдуетъ, что для каждаго вида животныхъ становится необходимымъ иной способъ размноженія».

Такимъ образомъ подтверждается періодическое возвращеніе полового размноженія; въ то же время выясняется безъ помощи всякой другой гипотезы отношеніе между фактами, которые заставили Ричарда Оуэна приписать сѣмяннымъ элементамъ ограниченную оплодотворяющую силу. Какъ Кювье и Дюжесъ, только по другимъ вѣскимъ причинамъ, Катрфажъ уподобляетъ колоніи, которыя такъ часто встрѣчаются у низшихъ животныхъ, тому, что у высшихъ мы называемъ индивидомъ. Но, какъ Дюжесъ придалъ совершенно новое значеніе идеѣ Кювье, прилагая ее къ сравнительной анатоміи, такъ и Катрфажъ, въ свою очередь, даетъ неожиданное значеніе теоріи Дюжеса въ плодотворномъ ея примѣненіи къ самымъ сложнымъ фактамъ размноженія.

Анри Мильнъ-Эдвардсъ задался мыслью создать, подобно Ричарду Оуэну, общую теорію явленій размноженія, въ которой онъ хочетъ установить полный параллелизмъ между явленіемъ чере-

тель прошлаго, онъ оживлялъ его въ своихъ историческихъ романахъ, увлекавшихъ Англію и всю Европу. Это—настоящій художникъ и почти историкъ, который, не смотря на вымыселъ, такъ понималъ эпохи, среди которыхъ выводилъ своихъ дѣйствующихъ лицъ, что описывалъ и воспроизводилъ ихъ костюмы и идеи. Онъ отожествляется со своими героями, которыхъ, быть можетъ, слишкомъ много заставляетъ говорить, и даетъ намъ полную иллюзію. Его вліяніе было весьма значительно и историческая школа пошла по этому пути вѣрнаго возстановленія прошлаго, какой открыло для нея воображеніе ученаго.

Чарльзъ Диккенсъ [1]) заслужилъ также европейскую славу своими нравоописательными романами. Внимательный и точный наблюдатель, не опускавшій ни одной подробности въ описаніяхъ, останавливавшійся даже надъ насѣкомымъ и надъ пучкомъ травы, онъ умѣлъ, въ то же время, быть трогательнымъ и нѣжнымъ, и въ этомъ была его главная сила. Никто лучше его не проникалъ въ нужды англійскаго общества и не способствовалъ возбужденію состраданія къ его бѣдствующимъ классамъ. Онъ умѣетъ и смѣяться, и его комическій даръ представляетъ счастливое сочетаніе съ его чувствительностью. Кромѣ того, это—моралистъ, пытающійся отвратить отъ порока, обнаруживая его ужасы и гибельныя послѣдствія.

Теккерей [2]) пріобрѣлъ также первоклассное значеніе обиліемъ и изяществомъ своихъ критическихъ статей, новеллъ и очерковъ нравовъ. Это—проницательный наблюдатель и веселый сатирикъ. Главное произведеніе его, *Ярмарка тщеславія*, полно картинъ и разнообразныхъ характеровъ и цѣнится особенно за легкость и изящество стиля. Государственный человѣкъ *Дизраэли* [3]), сдѣлавшійся лордомъ Биконсфильдомъ, былъ также извѣстенъ, какъ писатель и романистъ.

Англія имѣетъ первокласснаго историка въ лицѣ *Маколея* [4]), который въ своихъ *Критическихъ и историческихъ опытахъ* и въ особенности въ *Исторіи Англіи со времени воцаренія Іакова II до смерти Вильгельма III*, далъ настоящій образецъ историческаго повѣствованія. Обладая большими свѣдѣніями, онъ скрываетъ свою ученость подъ совершенствомъ художественной формы и развертываетъ картину, гдѣ многочисленные и избранные факты переплетаются между собой, рисуетъ портреты, полные жизни и смягчаетъ исторію философскими размышленіями и, въ особенности, британскимъ *юморомъ*. Маколей достоинъ занять мѣсто на ряду съ мастерами древняго міра.

Кромѣ того, исторія въ Англіи насчитываетъ еще слѣдую-

---

[1]) Чарльзъ Диккенсъ (1812—1870). Главныя произведенія его: *Оливеръ Твистъ*, *Приключенія Николая Никельби*, *Рождественскія сказки*, *Давидъ Копперфильдъ* и др. Онъ написалъ также *Исторію Англіи*. Диккенсъ удостоился погребенія въ Вестминстерскомъ аббатствѣ.

[2]) Теккерей (1811—1863).

[3]) Дизраэли или Израэли, сынъ литератора (1805—1881).

[4]) Томасъ Бабингтонъ, лордъ Маколей (1800—1859).

щихъ блестящихъ представителей: *Томаса Карлейля* [1]), сужденія котораго не всегда, впрочемъ, справедливы, *Галлама* [2]), лорда *Брума* [3]) *Меривэля*, затѣмъ знаменитаго историка Греціи *Грота* и *Бокля*, написавшаго оригинальную *Исторію цивилизаціи Англіи*.

По философіи Англія представила послѣдователей школы шотландца Рейда, главнымъ образомъ, *Дюгальда Стьюарта*, а затѣмъ вернулась къ традиціямъ *Давида Юма* въ лицѣ *Джона Стюарта Милля* [4]), философа и экономиста, *Александра Бэна* и *Герберта Спенсера*, предложившаго міровую систему, основою которой служитъ идея мірового развитія. Эту идею *Чарльзъ Дарвинъ* хотѣлъ примѣнить къ естественной исторіи, отрицая неизменность видовыхъ типовъ и утверждая, что типы измѣняются, совершенствуясь, благодаря *естественному подбору* и подъ вліяніемъ *борьбы за существованіе*.

Великіе нѣмецкіе писатели, Гёте и Шиллеръ принадлежатъ также первой половинѣ XIX столѣтія; именно тогда ихъ всѣми признанный и универсальный геній оказывалъ самое обширное вліяніе. Толчокъ, данный ими нѣмецкому уму, былъ продолжителенъ, и Германія произвела, почти на всѣхъ поприщахъ замѣчательныхъ людей.

Въ началѣ вѣка, нѣмецкій патріотизмъ, пробужденный наполеоновскимъ владычествомъ, вызвалъ воинственныя и народныя пѣсни *Кернера* и *Морица Арндта* [5]), раздававшіяся по всей Германіи и возбуждавшія не только ея національное чувство, но и честолюбіе. Хотя нѣмцы сдѣлались врагами Франціи, многіе нѣмецкіе писатели съ удовольствіемъ жили въ этой странѣ, какъ, напр., *Генрихъ Гейне* [6]), поэтъ и сатирикъ, не стѣснявшійся высказывать истину своимъ соотечественникамъ. Среди поэтовъ слѣдуетъ упомянуть еще *Рюккерта* [7]), *Жана Поля Рихтера* [8]), *Людвига Тика* [9]), *Л. Уланда* [10]), *Брентано* [11]), *Карла Гуцкова* [12]), множество драматическихъ авторовъ, и между ними *Коцебу*, убійство котораго въ 1819 г. надѣлало много шума и имѣло важныя политическія послѣдствія.

Романъ и фантастическая повѣсть съ большимъ успѣхомъ раз-

---

[1]) Томасъ Карлейль (1795—1881). Главный трудъ его *Исторія французской революціи*.

[2]) Галламъ (1777—1859) далъ очеркъ *Средневѣковой Европы* и *Исторію конституціонализма въ Англіи*.

[3]) Лордъ Брумъ (1778—1868) издалъ *Историческіе очерки государственнаго человѣка при Георгѣ III*, и опытъ *Объ англійской конституціи*.

[4]) Джонъ Стюартъ Милль (1806—1872).

[5]) Арндтъ прожилъ сто лѣтъ (1769—1869). Онъ умеръ за годъ до войны 1870 г., когда осуществилась его мечта объ объединеніи *Германскаго отечества*, которое онъ желалъ распространить далеко по ту сторону Рейна.

[6]) Генрихъ Гейне (1799—1856). Онъ написалъ *Путевыя впечатлѣнія*, *Германія*, и т. д.

[7]) Рюккертъ (1789—1866).

[8]) Рихтеръ (1763—1825).

[9]) Людвигъ Тикъ (1773—1853).

[10]) Уландъ (1787—1862).

[11]) Брентано (1778—1842).

[12]) Гуцковъ, род. въ 1811 г.

рабатывались *Гоффманомъ* [1]), авторомъ *Фантастическихъ сказокъ*, Арнимомъ [2]) и писателями французскаго происхожденія *Ла-Моттъ-Фукэ* [3]) и *Шамиссо* [4]); а позднѣе, знаменитымъ каноникомъ *Шмитомъ* [5]), *Ауэрбахомъ* и др.

Терпѣливый и серьезный характеръ нѣмцевъ не могъ не увлечься исторической наукой, уже пользовавшейся почетомъ въ предыдущемъ столѣтіи. Поэтому Германія приняла также широкое участіе въ великомъ движеніи археологическаго и историческаго изслѣдованія въ XIX в. Ученые труды берлинской академіи и городовъ Готы, Іены, Лейпцига и др. изобилуютъ мемуарами, достойно цѣнимыми въ Европѣ. *Лепсіусъ* пошелъ по пути, открытому Шампольономъ, *Нибуръ* [6]) одинъ изъ первыхъ углубился въ римскую исторію, но онъ слишкомъ подчинялъ вымысламъ собственнаго воображенія легенды, которыя разрушалъ. *Геренъ* [7]) написалъ *Руководство древней исторіи* и книгу о *Политикѣ и торговлѣ въ древности*, до сихъ поръ не утратившую значенія, несмотря на открытія, обновившія науку о древнихъ временахъ. Еще слѣдуетъ назвать историковъ *Ранке* [8]), *Момзена* [9]), Фогта [10]), *Гервинуса*, написавшаго исторію XIX вѣка, *Курціуса*, изучавшаго Грецію, *Отфрида Мюллера* [11]), историка греческой литературы, *Августа Бекка* [12]), Георга Генриха *Пертца*, географовъ *Киперта*, *Августа Петерманна*; литературнаго критика *Шлегеля* и братьевъ *Гриммовъ* (Якоба и Вильгельма).

Философія, сдѣлавшая большіе успѣхи уже въ XVIII в., продолжала развиваться благодаря *Якоби*, противополагавшему критическую философію философіи религіи. Ученіе Канта развивалось далѣе его послѣдователями *Фихте*, *Шеллингомъ* [13]) и *Гегелемъ* [14]). Самый знаменитый изъ нихъ Гегель, придавалъ слишкомъ много значенія опыту. Согласно его системѣ, вселенная есть ничто иное, какъ развитіе, *эволюція идеи*. Идея, исходя отъ себя самой, становится природой и, возвращаясь къ самой себѣ дѣлается духомъ. *Шопенгауеръ* [15]) основалъ *пессимистическую школу*.

Затѣмъ *Тенеманъ*, *Шлейермахеръ*, *Риттеръ*, *Циглеръ* и др. основательно изслѣдовали исторію философіи, особенно философію древняго міра. Протестантская и раціоналистическая теологія имѣла

---

[1]) Гоффманъ (1776—1822).
[2]) Арнимъ (1780—1831).
[3]) Ла-Моттъ-Фукэ (1777—1843).
[4]) Шамиссо (1781—1838).
[5]) Шмитъ (1768—1854).
[6]) Нибуръ (1776—1831).
[7]) Геренъ (1760—1842).
[8]) Ранке (1795—1886) издалъ серьезные труды по исторіи Германіи, Пруссіи и исторіи папъ.
[9]) Момзенъ, род. въ 1817 г. Онъ написалъ обширную *Исторію Рима*.
[10]) Фогтъ (1786—1863) написалъ исторію папы Григорія VII.
[11]) Отфридъ Мюллеръ (1797—1840).
[12]) Бёккъ (1785—1867).
[13]) Шеллингъ (1775—1854).
[14]) Гегель (1770—1831).
[15]) Шопенгауеръ (1788—1860).

*

знаменитыхъ представителей въ лицѣ ученыхъ *Штрауса* [1]) и *Бауера*.

Италія пробудилась въ концѣ прошлаго вѣка благодаря *Альфіери*. Это пробужденіе ознаменовалось въ текущемъ столѣтіи еще драматическими пьесами *Манцони* [2]), Джузеппе *Монтанелли* [3]) и Сильвіо Пелико [4]), который изложилъ въ прочувствованной прозѣ бѣдствія своего продолжительнаго заключенія. Государственный человѣкъ, *Феррари*, былъ также историкомъ [5]). Графъ *Чезаре Бальбо* [6]) написалъ новеллы и исторію Италіи. Къ этимъ именамъ слѣдуетъ присоединить *Брофферіо* [7]), поэта, государственнаго человѣка и историка, и кавалера *Массимо д'Азельо* [8]), бывшаго однимъ изъ наиболѣе дѣятельныхъ пособниковъ итальянской независимости, а также и искуснымъ романистомъ.

Разцвѣтъ искусствъ во Франціи относится къ императорской эпохѣ. *Давидъ* [9]) освободилъ живопись отъ безжизненной приторности XVIII в. и возвратилъ французскую школу къ плодотворному изученію древняго міра. Будучи уже знаменитымъ, благодарясвоему Велизарію и Гораціямъ, когда вспыхнула революція, онъ сдѣлался живописцемъ ея великихъ событій и, въ то же время, однимъ изъ ея страстныхъ дѣятелей. *Присяга въ залѣ Игры въ мячъ*, *Убійство Ле-Пелетье де-Сенъ Фаржо* и *Смерть Марата*—главныя произведенія его, относящіяся къ этой эпохѣ. Арестованный послѣ 9-го термидора, онъ былъ вскорѣ освобожденъ и, отказавшись съ тѣхъ поръ отъ всякой политической роли, не покидалъ болѣе своей мастерской. Онъ былъ оторванъ отъ своей уединенной работы необыкновеннымъ человѣкомъ, захватывавшимъ всѣхъ въ свою сферу дѣятельности—Бонапартомъ. Давидъ, получивъ званіе перваго живописца императора, создалъ знаменитыя картины *Похищеніе Сабинянокъ*, *Бонапартъ на горѣ Сенъ-Бернаръ*, *Коронованіе*, *Раздача орловъ*, *Леонидъ при Фермопилахъ* и проч. Ученики Давида, какъ это часто бываетъ, преувеличили недостатки своего учителя и писали такъ, какъ будто бы ваяли изъ камня. Но нѣкоторые изъ нихъ возстали противъ этой правильной и холодной живописи, соединивъ поклоненіе природѣ съ подчиненіемъ правиламъ искусства.

Во главѣ ихъ сталъ *Антуанъ Гро* [10]). Его картина *Зачумленные въ Яффѣ* была увѣнчана на выставкѣ 1806 г. Затѣмъ онъ написалъ *Битвы* при *Абукирѣ*, при *Пирамидахъ*, при *Эйлау* и, продолжая, при реставраціи, писать свои большія картины, украсилъ ими куполъ Пантеона; но хотя онъ получилъ титулъ *барона*,

---

[1]) Штраусъ (1808—1874).
[2]) Манцони (1784—1873).
[3]) Монтанелли (1813—1863).
[4]) Сильвіо Пелико (1789—1854).
[5]) Онъ написалъ *Революція въ Италіи*, *Гвельфы и Гибелины*.
[6]) Бальбо (1789—1853).
[7]) Брофферіо (1802—1866).
[8]) Массимо д'Азеліо (1801—1866) написалъ романъ *Гекторъ Фіерамоска*.
[9]) Давидъ (1748—1825).
[10]) А. Гро (1771—1835).

онъ былъ глубоко опечаленъ успѣхами новой школы, порвавшей съ традиціей.

Жераръ [1]) вступилъ въ мастерскую Давида въ 1784 г. До 1806 г. онъ написалъ большое число портретовъ. Тогда императоръ заказалъ ему *Битву при Аустерлицѣ* и всѣ остальныя украшенія зала государственнаго совѣта (теперь уничтоженныя) въ Тюильери. Такъ же какъ и Гро, онъ блисталъ еще при реставраціи. *Жирадэ* [2]) занялъ блестящее мѣсто среди учениковъ Давида своими миѳологическими и батальными картинами.

Геренъ [3]) и Прюдонъ [4]) стояли внѣ этой исторической школы и писали только сюжеты античные или фантастическіе. Они пріобрѣли извѣстность, равную своимъ собратьямъ, и въ Луврѣ можно любоваться картиною Прюдона, изображающей *Преступленіе, преслѣдуемое небеснымъ Правосудіемъ и Возмездіемъ.*

Литература такъ близко соприкасается съ искусствомъ, что споръ между *классиками* и *романтиками* не могъ не отразиться и на изящныхъ искусствахъ. Споръ этотъ раздѣлилъ живописцевъ такъ же, какъ онъ разъединялъ поэтовъ.

Энгръ съ блескомъ поддержалъ традиціи великихъ мастеровъ и въ особенности старался подражать Рафаэлю, котораго изучалъ въ теченіе своего двадцатипятилѣтняго пребыванія въ Италіи. Онъ сдѣлался главою школы *идеалистовъ*, оставшись вѣрнымъ поклоненію красотѣ и гармоническимъ линіямъ. Въ *Апоѳеозѣ Гомера* (1827) онъ сгруппировалъ вокругъ божественнаго пѣвца всѣхъ людей, почерпавшихъ изъ этого плодотворнаго источника—поэтовъ, музыкантовъ и ваятелей. Въ картинѣ *Мученіе св. Симфоріона* онъ доказалъ, что умѣлъ соединить изящество съ величіемъ и энергіей [5]).

Среди живописцевъ, первымъ, взявшимъ сторону романтиковъ и придававшій болѣе смѣлости своимъ произведеніямъ, былъ *Жерико* [6]). Онъ выдѣлился уже своими двумя картинами, не имѣвшими ничего общаго со школой Давида и Герена, его учителя: *Гвардейскій егерь* и *Раненый кирасиръ*, которыя до сихъ поръ составляютъ одно изъ лучшихъ украшеній Квадратной залы въ Луврѣ. Въ то время, какъ Энгръ изучалъ Рафаэля въ Италіи, Жерико въ той же странѣ увлекся Микель Анджело, особенность котораго составляетъ знаніе и мощность рисунка. Жерико, въ свою очередь, написалъ знаменитую картину *Гибель Медузы*, гдѣ онъ съ рѣдкой силой изобразилъ ужасы этой мрачной сцены.

---

[1]) Жераръ (1770—1837).
[2]) Жирадэ (1767—1824).
[3]) Пьеръ Нарцисъ Геренъ (1774—1833).
[4]) Пьеръ Прюдонъ (1760—1823).
[5]) Энгръ (1781—1867). При Реставраціи онъ создалъ еще *Обѣтъ Людовика XIII, Виргилія, читающаго Энеиду Августу и Октавіи, Анжелику, освобожденную Рожеромъ*, и множество прекрасныхъ картинъ, которыхъ трудно перечислить; слава его еще увеличилась послѣ 1830 г. Онъ написалъ *Іоанну Д'Аркъ, Источникъ* и много замѣчательныхъ портретовъ.
[6]) Жерико (1790—1824).

Эженъ Делакруа [1]), сдѣлавшійся, по смерти Жерико, главою школы, уже ранѣе обратилъ на себя вниманіе своей прекрасной картиной *Дантъ и Виргилій*. Онъ подвинулъ еще далѣе споръ противъ классическихъ теорій въ *Убійствѣ Хіо* (1824), *Смерти дожа Марино Фальеро* и *Греціи на развалинахъ Миссолунга* (1826). Его смѣлая кисть не ограничивалась законченностью оттѣнковъ; онъ любилъ контрасты и эффекты, достигавшіеся живостью колорита: эта живопись поражала цѣльностью и покоряла своимъ могуществомъ. Эженъ Делакруа, плодовитость котораго была поразительна и произведенія котораго были собраны на торжественной выставкѣ 1885 г., считается однимъ изъ лучшихъ мастеровъ французской школы.

Между двумя соперничавшими школами Энгра и Делакруа выдѣлялся другой художникъ, *Поль Деларошъ*, картины котораго отличались изяществомъ вкуса и рѣдкой правильностью рисунка, при чемъ забота о точности простиралась у него на самыя мелкія подробности историческихъ костюмовъ. По своей склонности къ правдивости, онъ приближался къ романтической школѣ, а чистотою линій и гармоніей красокъ онъ примыкалъ къ школѣ классической [2]). Но особенностью его была чувствительность, подъ вліяніемъ которой онъ написалъ свою извѣстную картину *Казнь Анны Грей*.

Въ то же время началъ пріобрѣтать извѣстность *Ари Шеффферъ* [3]), придавшій впослѣдствіи своей живописи нравственный и философскій характеръ. Въ ранней молодости онъ покинулъ Голландію и поселился во Франціи, гдѣ вскорѣ пріобрѣлъ извѣстность своими историческими картинами *Смерть Людовика Святаго* (1817), *Самопожертвованіе шести гражданъ города Кале* и *Смерть Гастона де-Фуа* (1824). Съ того времени онъ старался поэтизировать живопись и началъ изучать *Фауста* Гёте, гдѣ могъ почерпнуть множество сюжетовъ для прелестныхъ картинъ. Онъ останавливался и на сюжетахъ религіозныхъ, напр., *Пастухи, ведомые ангеломъ*, *Цари-волхвы*, а въ особенности св. Августинъ и *св. Моника*.

Леопольдъ Роберъ [4]) также держался въ сторонѣ отъ распри, раздѣлявшей художниковъ. Въ Римѣ онъ изучалъ болѣе природу и деревенскихъ жителей, чѣмъ музеи; онъ пытался изображать мужественныя фигуры и мощныя позы. Въ 1822 г. онъ выста-

---

[1]) Э. Делакруа (1798—1863). Въ 1827 г. онъ написалъ *Христосъ въ Гевсиманскомъ саду*, *Юстиніанъ*, *Мильтонъ, диктующій Потерянный рай*, и *Смерть Сарданапала*. Кромѣ того, до революціи 1830 г. имъ написаны *Кардиналъ Ришельё* и *Битва гяура съ пашою*. Затѣмъ онъ создалъ великолѣпныя полотна *Вступленіе Балдуина Фландрскаго въ Константинополь*, *Битва при Пуатье*, *Епископъ Лѣежа* и мн. др. Его многочисленныя произведенія разсѣяны по музеямъ и частнымъ картиннымъ галлереямъ.

[2]) Поль Деларошъ, род. въ Парижѣ (1797—1856). Главныя произведенія его слѣдующія: *Іоасъ, спасенный среди труповъ Іосафатомъ*; *Снятіе съ Креста*, *Св. Винцентъ де-Поль*, *Взятіе Трокадеро*, *Дѣти короля Эдуарда*, *Смерть Елизаветы*, *Кардиналъ Ришельё на Ронѣ*, *Смерть Мазарини* и мн др.

[3]) Род. въ Голландіи (1795—1858).

[4]) Леопольдъ Роберъ (1794—1835).

вилъ картину *Неаполитанскій импровизаторъ*, обратившую на себя общее вниманіе. Въ 1827 г. всѣ восхищались его *Праздникомъ Богоматери дель-Арко* и *Паломниками, отдыхающими въ Римской Кампаньи*. Лучшая картина его *Жнецы въ Понтійскихъ болотахъ* относится къ 1831 г.

Во время іюльской монархіи искусства не утратили блеска, пріобрѣтеннаго при реставраціи. Художникъ, сынъ батальнаго живописца и внукъ мариниста, прославилъ еще болѣе имя Вернэ [1]). При реставраціи, Орасъ Вернэ вдохновлялся императорской эпопеей (Прощаніе въ Фонтенебло, *Наполеонъ вечеромъ при Ватерлоо*, *Утесъ св. Елены*, *Воинъ-земледѣлецъ*, *Оборона заставы въ Клиши* и т. п.) и при Людовикѣ-Филиппѣ сдѣлался какъ бы оффиціальнымъ живописцемъ военной славы. Онъ украсилъ *Музей въ Версалѣ* громадными полотнами *Взятіе Смалы* и *Битва при Исли*, служащія не только оживленными картинами, но и историческими документами, въ которыхъ фигуры — ничто иное, какъ портреты. Военная живопись, послѣдовавшая традиціямъ Ораса Вернэ, послужитъ для будущей исторіи драгоцѣннымъ вспомогательнымъ матеріаломъ. Наши отдаленные потомки выиграютъ въ сравненіи съ нами въ томъ, что увидятъ нашу эпоху и ея историческихъ лицъ вполнѣ живо, даже съ ихъ чертами лица. Быть можетъ, идеалъ вслѣдствіе этого пострадаетъ, но правда будетъ въ выигрышѣ.

Другой знаменитый художникъ, противоположно Орасу Вернэ, вмѣсто того, чтобы покрывать цѣлыя стѣны своими фигурами, старался заключить ихъ въ крошечныя рамки: это былъ *Мейссонье*, Точность и тонкость, вмѣстѣ съ полнѣйшей вѣрностью, съ какими онъ передавалъ мелкія подробности часто весьма сложныхъ сценъ, заслужила общее удивленіе. Мейссонье, однако, не всегда замыкался въ тѣсныя рамки: иногда онъ ихъ увеличиваетъ, оставаясь, все-таки, однимъ изъ любимыхъ и дѣятельныхъ мастеровъ современной школы [2]).

Ипполитъ Фландренъ [3]) былъ представителемъ старинной религіозной традиціи и покрылъ стѣны многихъ церквей своими произведеніями религіознаго и идеальнаго характера. Съ большимъ успѣхомъ онъ также писалъ портреты. *Кабанель* [4]) слѣдовалъ традиціямъ возрожденія и извѣстенъ, какъ по благородству своихъ религіозныхъ сюжетовъ, такъ и по изяществу миѳологическихъ картинъ. *Леманъ* [5]) былъ портретистъ, послѣдователь Энгра, продолжавшій его идеалистическія стремленія.

Деканъ [6]) писалъ разнообразныя картины, отличающіяся силой

---

[1]) Орасъ Вернэ (1789—1863).

[2]) Мейссонье (1815). Онъ пріобрѣлъ извѣстность *Фламандскими буржуа* (1834), *Шахматными игроками* (1836) и затѣмъ множествомъ картинъ въ томъ же родѣ, среди которыхъ особенно извѣстна *Игра въ шары*. Изъ военной живописи—*Наполеонъ III въ Сольферино*, *Кордегардія*, *Приказъ*, *Деса въ Рейнской арміи*, *Атака кирасиръ* и др.

[3]) Фландренъ (1809—1864).

[4]) Кабанель род. въ 1823 г.

[5]) Леманъ род. въ 1814 г.

[6]) Деканъ (1803—1860).

колорита и смѣлостью свѣтовыхъ эффектовъ. Ему въ особенности удавались пейзажи и животныя.

Перечислить всѣхъ художниковъ, достойно поддерживавшихъ славу французской школы живописи было бы слишкомъ долго; назовемъ слѣдующихъ: *Роберъ Флёри*, *Синьоль*, *Жеромъ*, *Кабà*, *Иванъ Анри Ренье*, похищенный смертью въ полномъ расцвѣтѣ своего таланта и сдѣлавшійся жертвою своего патріотизма въ 1871 г., *Поль Бодри*, украсившій зданіе новой оперы, *Жюль Бретонъ*, *Бугро*, *Эннеръ Пюви-де-Шаваннъ*, *Жюль Лефебръ*, *Ж. П. Лоранъ*, *Детайль*, *де-Невилль*, затѣмъ, знаменитые пейзажисты *Милле*, *Франсэ*, *Руссо*, *Тройонъ*, *Діазъ*, *Коро*, *Шарль Добиньи* и романтикъ *Курбэ*, женщина *Роза Боннёръ* и т. д.; Гюставъ Дорэ посвятилъ свой талантъ не столько живописи, сколько иллюстраціи, въ которой дѣлалъ чудеса. Слѣдуетъ также упомянуть объ *акварелистахъ*, все болѣе и болѣе многочисленныхъ и цѣнимыхъ. Ежегодная выставка картинъ представляетъ тысячи полотенъ и рисунковъ и, можно сказать безъ преувеличенія, что ни одна эпоха не была столь плодовитою. Картины французскихъ художниковъ высоко цѣнятся повсюду, что̀ свидѣтельствуетъ о достоинствахъ французской школы.

Сосѣднія съ Франціей страны также продолжали свои художественныя традиціи. Нѣмецъ *Овербекъ* основалъ въ Римѣ около 1810 г. колонію художниковъ, среди которыхъ особою извѣстностью пользовался *Корнеліусъ*. Почти всѣ мюнхенскіе живописцы были учениками Корнеліуса, тогда какъ дюссельдорфская школа вдохновлялась преимущественно романтическимъ и религіознымъ идеализмомъ Овербека. *Каульбахъ*, примыкающій къ школѣ Корнеліуса, въ своихъ картинахъ, былъ скорѣе художникомъ, чѣмъ историкомъ и философомъ. Дюссельдорфская школа дала еще *Кнауса*, а мюнхенская *Пилота*, *Адама*, *Горшельта*, *Лира* и *Лембаха*, которые все болѣе и болѣе приближались къ правдѣ въ живописи.

Въ Англіи вовсе не было мастеровъ въ смыслѣ живописцевъ, создававшихъ вокругъ себя послѣдователей или школу. Тамъ господствовала безусловная свобода. Въ то же время, тамъ очень мало памятниковъ, украшенныхъ живописью, кромѣ зданія парламента, а правительство ничего не дѣлало для поощренія исторической живописи. Поэтому тамъ преобладаетъ жанровая живопись. Художники прославляютъ поэму труда, благополучія и бѣдствія домашняго очага, семейныя радости и деревенскіе нравы и обычаи старой Англіи. Среди англійскихъ художниковъ наиболѣе замѣчательны слѣдующіе: *Тёрнеръ* [1]), *Эдвардъ Матью Уордъ* [2]), *Мельреди* [3]), *Наклэйзъ* [4]), *Юзъ*, *Карракъ*, *Уэбстеръ*, *О'Нэйль*, *Миллэсъ*, *Гольманъ Гёнтъ*. Эти два послѣдніе названы *прерафаэлистами*, т. е. старавшимися возвратить живопись къ традиціямъ, существовавшимъ до Рафаэля.

---

[1]) Тёрнеръ (1775—1851). Произведенія его многочисленны и занимаютъ обширное мѣсто въ Лондонской Національной галлереѣ.

[2]) Эдвардъ Матью Уордъ (1816—1879).

[3]) Мёльреди (1786—1863).

[4]) Наклэйзъ (1811—1870).

Итальянская живопись представляетъ собою, также какъ и самое общество по ту сторону Альповъ, переходное состояніе. Итальянцы изучаютъ Италію, картины ея природы и разнообразные нравы этой живописной страны.

Фламандская школа пришла въ упадокъ въ XVIII в.; въ XIX столѣтіи она возродилась и, подобно французской школѣ, имѣла классиковъ и романтиковъ. *Франсуа Навэ* [1]) былъ послѣдователемъ Давида; но послѣ революціи 1830 г. восторжествовалъ романтизмъ, благодаря *Густаву Вапперсу* [2]) и *Антону Вирцу* [3]). *Луи Галлэ* ввелъ въ бельгійскую живопись трогательные и нѣжные мотивы [4]). Слѣдуетъ упомянуть еще *Бифэ* [5]), жанриста *Маду*[6]), *Генриха Лэйса*[7]), *Альфреда Стевенса*, *Эмиля Вотерса* и т. д.

Послѣ отдѣленія Бельгіи, голландское искусство вернуло себѣ свою оригинальность. Голландцы, отказавшись отъ традицій Давида, старались вдохновляться своими влажными лугами и картинами семейной жизни.

Австрія отдаетъ предпочтеніе жанровой живописи, но Венгрія произвела историческаго живописца *Мункаччи* [8]).

Данія съ 1756 г. имѣетъ академію художествъ, но датскіе художники лишь весьма недавно покинули слѣпое подражаніе итальянцамъ; они вернулись къ національнымъ вкусамъ и изображаютъ домашніе нравы.

Въ Россіи академія художествъ, основанная императрицей Елизаветой въ 1758 г., была усовершенствована Екатериною II и долгое время производила лишь придворныхъ живописцевъ. Въ текущемъ столѣтіи сформировалась болѣе независимая школа, связанная съ русской жизнью и природой.

Въ началѣ вѣка, итальянецъ *Канова*, уже извѣстный въ прошломъ столѣтіи, довелъ искусство ваянія до античной чистоты и строгости. Соперникомъ его славы былъ датчанинъ *Торвальдсенъ* [9]), сынъ крестьянина, геній котораго пробудился въ Италіи; онъ занялъ мѣсто въ ряду классическихъ знаменитостей.

Въ Германіи, надолго задержанной строгостями протестантизма, не благопріятствовавшаго искусствамъ, также были свои ваятели: *Даннекеръ* [10]), Кисъ [11]), *Христіанъ Раухъ* [12]), Ритшель [13]), *Фридрихъ Драке* и др.

---

[1]) Франсуа Навэ (1787—1869).
[2]) Густавъ Вапперсъ (1803—1874).
[3]) Антонъ Вирцъ (1806—1865).
[4]) Главныя картины его: *Отреченіе Карла Пятаго*, *Отрѣзанныя головы* и *Послѣднія минуты графа Эдмонда*.
[5]) Бифэ (1808—1882).
[6]) Маду (1796—1877).
[7]) Лэйсъ (1815—1869).
[8]) Мункаччи, род. въ 1844 г.
[9]) Торвальдсенъ (1769—1844). Онъ достигъ воспроизведенія античныхъ сюжетовъ и обратилъ на себя всеобщее вниманіе *гробницей Пія VII* въ Римѣ, статутей *Понятовскаго* въ Варшавѣ и *Гутенберга* въ Майнцѣ. Онъ изваялъ также удивительный барельефъ: *Вступленіе Александра въ Вавилонъ*.
[10]) Даннекеръ (1759—1841).
[11]) Кисъ (1802—1865).
[12]) Раухъ (1777—1857).
[13]) Ритшель (1804—1861).

Во Франціи школа ваянія процвѣтала и *Гудонъ* продлилъ ея славу до 1828 г. Одновременно съ послѣднимъ она гордилась *Бозіо* [1]), *Бари* [2]), *Фуатье* [3]), авторомъ *Спартака* въ Тюильери, *Прадье* [4]) и, въ особенности, знаменитымъ *Давидомъ д'Анферомъ* [5]), изваявшимъ фронтонъ Пантеона и большое число статуй замѣчательныхъ лицъ, *Рюдомъ* [6]), сдѣлавшимъ смѣлый горельефъ на тріумфальной аркѣ въ Парижѣ названной *Отъѣздомъ* или *Марсельезой*, затѣмъ, *Прео* [7]), Кавелье [8]), Дантаномъ [9]), *Фалгьеромъ Клезонгеромъ* [10]), *Дюмономъ* [11]), *Гильомомъ*, *Боннасье* [12]), *Полемъ Дюбуа*, *Мерсье*, *Шапю* и *Бартольди*, который сдѣлалъ гигантскую статую Свободы, помѣщенную въ гавани Нью-Іорка.

Современная архитектура слишкомъ научна, чтобы быть оригинальной. *Пьеръ Виньонъ* подражалъ античнымъ храмамъ при постройкѣ собора *Мадлены*; *Броньяръ* и *Лабаръ* дѣлали то же самое при постройкѣ *Биржи*, храма богатства. Затѣмъ, воздвигались колонны на подобіе римскихъ (Вандомская, Іюльская) и тріумфальныя арки (Каруселя и Звѣзды). Послѣдняя, по высотѣ и ширинѣ превосходитъ римскія арки и ея прекрасное положеніе еще болѣе возвышаетъ ея величіе. Соединеніе Лувра съ Тюильери, давно задуманное, было исполнено при второй имперіи *Виконти* и *Лефюэлемъ*, выстроившимъ грандіозные, хотя тяжеловатые павильоны и галлереи. Среди современныхъ архитекторовъ слѣдуетъ упомянуть *Лессюера*, *Кетеля* и *Баллю*, перестроившаго городскую ратушу въ Парижѣ, уничтоженную въ 1871 г.; *Гарнье*, построившаго обширный и роскошный памятникъ, зданіе *Оперы*; *Абади*, *Бальи* и др. Но современные зодчіе, занятые преимущественно новыми сооруженіями, вызываемыми успѣхами промышленности, гдѣ они болѣе примѣняютъ науку, чѣмъ искусство, какъ, напр., при постройкѣ віадуковъ, желѣзнодорожныхъ вокзаловъ и выставочныхъ зданій. Они дѣлаютъ дворцы и башни изъ желѣза, вмѣсто того, чтобы строить ихъ изъ камня или мрамора.

Музыка, получившая толчокъ въ XVIII в., въ текущемъ столѣтіи сдѣлалась однимъ изъ главныхъ искусствъ. Она достигла чудной гармоніи благодаря нѣмецкимъ мастерамъ классической школы, *Бетховену* [13]), котораго сонаты, фантазіи, прелюдіи, рондо и разнообразныя темы выказываютъ глубокое знаніе и возбуждаютъ воображеніе; *Мендельсону* [14]), не менѣе гармоничному, но

---

[1]) Бозіо (1767—1845).
[2]) Бари (1795—1875).
[3]) Фуатье (1795—1863).
[4]) Прадье (1792—1852).
[5]) Давидъ д'Анжеръ (1792—1856).
[6]) Рюдъ (1784—1855).
[7]) Прео (1809—1879).
[8]) Кавелье, род. въ 1814 г.
[9]) Дантанъ (1798—1878).
[10]) Клезингеръ (1814—1883).
[11]) Дюмонъ род. въ 1801 г.
[12]) Боннасьё, род. въ 1810 г.
[13]) Бетховенъ род. въ Бонне (1770—1827).
[14]) Мендельсонъ, род. въ Берлинѣ (1809—1847).

болѣе легкому и пѣвучему; *Шуберту* [1]), Веберу [2]), автору *Фрейшюца*, Волшебный Стрѣлокъ, и *Шуману*. Италія также произвела замѣчательнаго композитора сонатъ, *Клементи* [3]).

Въ Италіи, въ Пезаро, родился одинъ изъ удивительныхъ современныхъ композиторовъ, *Россини* [4]), необычайная плодовитость котораго удивляла міръ; затѣмъ *Доницетти* [5]), *Беллини* [6]), Верди [7]) и *Керубини* [8]). *Мейерберъ* [9]), хотя и родился въ Берлинѣ, но, подобно итальянцу Россини, жилъ въ Парижѣ, гдѣ создавалъ свои лучшія произведенія, на ряду съ *Галеви* [10]) и *Обером*ъ [11]). Эти знаменитые мастера, которыми будетъ восхищаться самое отдаленное потомство, развили новый музыкальный родъ—оперу: они создали изъ нея музыкальную поэму, могущественно вліяющую на толпу, трепещущую при горделивыхъ звукахъ *Вильгельма Теля*, страстныхъ порывовъ *Фаворитки*, молитвахъ *Жидовки*, потрясающихъ или нѣжныхъ аккордахъ *Гугенотовъ* и воинственномъ возбужденіи *Фенеллы*, способствовавшемъ, какъ это было въ Бельгіи въ 1830 г. возстанію цѣлаго народа. Пѣніе, аккомпанируемое оркестромъ, въ которомъ соединены разнообразные инструменты, до такой степени выражаетъ душевныя ощущенія, что увлекаетъ всѣхъ, и музыка, какъ новая способность,

---

[1]) Шубертъ род. въ Вѣнѣ (1797—1828).

[2]) Веберъ (1786—1826).

[3]) Клементи род. въ Римѣ (1752—1832).

[4]) Россини род. въ Пезаро (1792—1868). Онъ выступилъ со множествомъ произведеній, написанныхъ для итальянскихъ театровъ; онъ создалъ *Севильскаго Цирульника* (1816), *Отелло*, *Ченеренто*лу, *Армиду*, *Семирамиду* (1823). Послѣ того онъ пріѣхалъ въ Парижъ, гдѣ поставилъ на сцену *Осаду Коринва* (1826), затѣмъ *Моисея*, *Графа Ори* (1828) и, наконецъ, свое лучшее произведеніе «Вильгельма Теля» (1826).

[5]) Доницетти род. въ Бергамѣ (1798—1848). Онъ написалъ *Лючію де-Ламермур*ъ, представленную въ Неаполѣ въ 1835 г., потомъ комическую оперу *Дочь Полка* и великолѣпную оперу *Фаворитка* (1840).

[6]) Беллини род. въ Катанѣ (1802—1835), замѣчателенъ въ особенности своими партитурами *Сонамбулы*, *Нормы* и *Пуритан*ъ.

[7]) Верди, родился въ древнемъ графствѣ Пармскомъ въ 1814 г. и написалъ множество пьесъ для итальянскихъ театровъ. Любимыя произведенія его въ Европѣ слѣдующіе: «Риголетто», написанная по драмѣ В. Гюго *Le roi s'amuse*, *Трубадур*ъ, съ его трогательной музыкой, *Traviata* и *Аида*.

[8]) Керубини род. во Флоренціи (1790—1842). Онъ написалъ множество оперъ, не удержавшихся на сценѣ, хотя онъ былъ однимъ изъ первыхъ, показавшихъ эффектъ грандіозныхъ сочетаній вокальной и инструментальной музыки. Вторую половину своей жизни онъ былъ директоромъ капеллы Людовика XVIII и посвятилъ себя, главнымъ образомъ, религіозной музыкѣ, оставивъ множество весьма замѣчательныхъ духовныхъ пьесъ.

[9]) Мейерберъ (1794—1864), знаменитъ своими шедеврами: *Робертъ Дьяволъ* (1834), *Гугеноты* (1836), *Пророкъ* (1849) и *Африканка*, появившаяся на сценѣ послѣ его смерти. Онъ далъ также двѣ прелестныя комическія оперы *Плоэрмельскій праздникъ* и *Сѣверная Звѣзда*.

[10]) Галеви род. въ Парижѣ (1799 — 1862); кромѣ *Жидовки*, онъ написалъ оперы *Кипрская царица* и *Карлъ VI* и комическія оперы *Молнія* и *Андорская долина*.

[11]) Оберъ род. въ Канѣ (1782—1871). Произведенія его весьма многочисленны. Кромѣ его большой оперы *Нѣмая изъ Портичи* (1828), изъ его комическихъ оперъ слѣдуетъ назвать *Каменьщикъ*, *Фра-Дьяволо*, *Бронзовый Конь*, *Посланница*, *Черное Домино*, *Коронные брилліанты*, *Доля Дьявола*, *Гаидэ*, *Манонъ Леско*, *Черкешенка* и *Первый день счастья*.

данная человѣку, передаетъ всевозможныя вдохновенія сердца. *Гуно* [1]), *Амбруазъ Тома* [2]) и *Масснэ* [3]) продолжали традиціи великихъ композиторовъ и заняли мѣста на ряду съ ними. Въ числѣ композиторовъ торжественнаго и возвышеннаго рода слѣдуетъ назвать еще *Рейера* [4]), *Сенъ-Санса* [5]), симфониста *Берліоза* [6]), пьяниста Шопена [7]), Листа [8]) и т. д.

Музыка выражаетъ и смѣхъ, и комическая опера также сдѣлалась безконечнымъ источникомъ утонченныхъ наслажденій. Россини передалъ въ блестящемъ вдохновеніи веселость Фигаро въ *Севильскомъ Цирульникѣ*; Доницетти также умѣлъ снисходить до простоты и веселости. *Боальдье* [9]) и *Ад. Адамъ* [10]) создали типичныя произведенія этого рода въ легкихъ и прелестныхъ мелодіяхъ оперы *Бѣлая дама*. *Герольдъ* [11]) также достигъ совершенства въ *Pré aux Clercs*. *Оберъ* обладалъ наиболѣе плодовитымъ и чисто французскимъ геніемъ; его простая, изящная, опредѣленная и остроумная музыка сдѣлала популярными оперы *Черное Домино*, *Фра-Діаволо*, *Гаидэ*, *Коронные брилліанты* и т. п. Мы должны еще упомянуть о *Жанеттѣ* и *Галатеѣ* Виктора *Массэ* [12]), о мелодіяхъ *Фелисьена Давида* [13]), о *Ж. Бизе* [14]), *Лео Делибѣ* [15]) и вспомнить комическое вдохновеніе *Оффенбаха* [16]), *Лекока*, *Одрана* и *Гервэ*, создавшихъ изъ оперетки особый родъ музыки. XIX вѣкъ отличается серьезностью, и это мы имѣли случай доказать; но, со временемъ, будутъ говорить, что это былъ вѣкъ, когда пѣли всего болѣе и всего лучше. Что бы ни говорили фанатическіе

---

[1]) Гуно род. въ Парижѣ въ 1818 г. и сначала пріобрѣлъ извѣстность своими сочиненіями религіознаго характера; потомъ онъ написалъ лирическую драму *Сафо* и оперу *Фаустъ* (1859), поставившую его на ряду съ великими мастерами. Впослѣдствіи имъ были написаны *Мирэйль*, *Ромео и Джульетта*, *Сенъ-Марсъ* (1877) и *Поліевктъ*.

[2]) Амбруазъ Тома род. въ Мецѣ въ 1811 г. Онъ написалъ *Каидъ* (1849), *Сонъ въ лѣтнюю ночь* (1850), *Венеціанскій карнавалъ* (1857) и *Миньону*, одну изъ наиболѣе любимыхъ оперъ, и оперу *Гамлетъ*.

[3]) Масснэ род. въ 1842 г. Написалъ оперу «Лагорскій король» (1877) и «Сида» (1886).

[4]) Рейеръ род. въ Марсели въ 1823 г., авторъ оперы *Зигурдъ*.

[5]) Сенъ-Сансъ род. въ Парижѣ, написалъ оперы «Этьенъ Марсель» и «Генрихъ VIII».

[6]) Берліозъ (1803—1869).

[7]) Шопенъ род. близь Варшавы (1810—1849). Онъ ввелъ во Францію мазурку.

[8]) Листъ род. въ Рэдингѣ (въ Венгріи) въ 1811 г., ум. въ 1886 г.

[9]) Боальдье род. въ Руанѣ (1775—1834). Лучшія произведенія его *Красная Шапочка* и *Бѣлая дама*.

[10]) Адольфъ Адамъ (1803—1856). Наиболѣе извѣстныя партитуры его слѣдующія: *Шалэ*, *Почтальонъ изъ Ланжюмо*, *Тореадоръ*, *Жиральда* и пр.

[11]) Герольдъ род. въ Парижѣ; отецъ его былъ нѣмецъ (1792—1833). Ему принадлежатъ оперы *Погонщикъ муловъ*, *Марія*, *Цампа*, *Pré aux Cleres*.

[12]) Викторъ Массэ, род. въ Лоріенѣ въ 1822 г. Онъ написалъ оперы *Свадьба Жанетты*, *Галатея*, *Королева Топазъ*, *Павелъ* и *Виргинія*.

[13]) Фелисьенъ Давидъ (1810—1876), авторъ симфоніи *Пустыня* и комическихъ оперъ *Бразильская жемчужина*, *Лалла-Рукъ* и оперы *Геркуланумъ*.

[14]) Жоржъ Бизе род. въ Парижѣ (1838—1875), авторъ *Кармен*.

[15]) Лео Делибъ род. въ 1836 г., авторъ *Лакмэ*.

[16]) Оффенбахъ род. въ Кельнѣ (1819—1880), написалъ болѣе шестидесяти произведеній, изъ которыхъ многія пріобрѣли обширную извѣстность.

почитатели нѣмецкаго композитора *Вагнера* [1]), музыка Россини, Доницетти, Обера, Гуно и другихъ, подобныхъ имъ мастеровъ, останется *музыкой будущаго.*

ГЛАВА XVII.

НАУКИ И ИХЪ ПРИМѢНЕНІЕ КЪ ПРОМЫШЛЕННОСТИ.

Научное движеніе; естественныя науки: Кювье; Жоффруа Сентъ-Илеръ.—Александръ Гумбольдъ.—Эли де-Бомонъ; Флурансъ.—Метематика и физика: Амперъ; Араго; Біо.—Френель; Леонъ Фуко; Бабинэ.—Эрстетъ; Бунзенъ; Фарадэй.—Химія: Вокленъ; Гемфри Дэви.—Шеврейль; Тенаръ.—Гэ-Люссакъ.—Дюма; Баларъ. — Астрономія: Араго; Леверье. — Метеорологическія наблюденія. — Медицина. — Физіологія: Клодъ Бернаръ. — Примѣненіе физическихъ наукъ: пароходство.—Локомотивы; желѣзныя дороги: Стефенсонъ; Сегэнъ.—Электромагнетизмъ и телеграфъ.—Телеграфы Уитстона и Морзе.—Электричество, какъ промышленный дѣятель; гальванопластика; аппаратъ Румкорфа. — Свѣтъ; маяки. — Газовое освѣщеніе. — Электрическій свѣтъ. — Аэростаты.—Артезіанскіе колодцы.—Висячіе мосты.—Фотографія.—Телефонъ.—Фонографъ. — Прикладная химія; работы Пастера. — Научное движеніе въ XIX вѣкѣ.

Научное движеніе, начавшееся, какъ мы видѣли, въ XVII, продолжалось въ XVIII вѣкѣ, и въ XIX столѣтіи двинулось съ силою, до тѣхъ поръ неизвѣстною.

Кювье [2]), уже прославившійся во времена имперіи, удивилъ ученыхъ возстановленіемъ допотопнаго міра, которое должно было разъяснить перевороты, происходившіе на земномъ шарѣ. Съ помощью лишь нѣсколькихъ костей, онъ распозналъ различные виды гигантскихъ животныхъ, которые предшествовали человѣку на землѣ.

Послѣдователь Кювье, *Жоффруа Сентъ-Иллэръ* [3]), ограничившись изученіемъ живущихъ видовъ, установилъ начало анатомическаго *единства въ органическомъ строеніи.*

Однимъ изъ наиболѣе извѣстныхъ людей нашего столѣтія былъ *Александръ фонъ-Гумбольдтъ*, родившійся въ Берлинѣ въ 1769 г. и умершій въ томъ же городѣ въ 1859 г.; но можно сказать также, что его отечествомъ былъ Парижъ, гдѣ онъ долго жилъ, или даже, весь міръ, который онъ изъѣздилъ почти весь, сдѣлавъ его предметомъ своихъ универсальныхъ изслѣдованій.

Въ молодости, Гумбольдтъ занимался естественными науками, физикой, химіей, минералогіей и астрономіей. Послѣ нѣсколькихъ путешествій по Голландіи, Франціи и Англіи, онъ добился разрѣшенія испанскаго двора посѣтить его колоніи и, съ 1799 г. по 1804 г., изслѣдовалъ Америку во всѣхъ отношеніяхъ. Вернувшись въ Европу съ богатыми коллекціями, часть которыхъ оста-

---

[1]) Рихардъ Вагнеръ род. въ Лейпцигѣ (1813—1883). Онъ писалъ лирическія драмы, оригинальныя и сильныя, хотя нѣсколько туманныя: *Призрачный корабль, Тангейзеръ, Лоэнгринъ, Тристанъ и Изольда* и *Нибелунги.*

[2]) Жоржъ Кювье (1769—1832).

[3]) Жоффруа Сентъ-Иллэръ (1772—1844).

лась навсегда въ рукахъ англичанъ, онъ избралъ Парижъ для обнародованія результатовъ своего путешествія. Это былъ громадный трудъ, въ которомъ ему помогали самые знаменитые ученые того времени. Въ 1828 г. Гумбольдтъ съ сожалѣніемъ долженъ былъ покинуть ихъ общество и уѣхать въ Берлинъ для чтенія публичныхъ курсовъ. Въ 1829 г. онъ опять предпринялъ путешествіе въ Сибирь и во внутреннюю Азію. Гумбольдтъ изложилъ результаты своихъ продолжительныхъ изслѣдованій въ превосходной книгѣ *Космосъ*, настоящей панорамѣ цѣлаго міра и науки.

Эли де Бомонъ [1]) прославился геологическими изысканіями и продолжалъ изготовленіе геологической карты Франціи, начатой при Реставраціи. Англичанинъ *Оуэнъ* занялъ также видное мѣсто среди геологовъ.

Флурансъ [2]) посвятилъ себя изученію человѣка, изслѣдуя съ помощью чрезвычайно тонкихъ опытовъ, отношенія между органами, управляющими умственными явленіями, и старался проникнуть въ тайны нервной системы. Соединяя въ себѣ ученость и литературный талантъ, Флурансъ, будучи несмѣняемымъ секретаремъ Академіи Наукъ, былъ выбранъ членомъ Французской академіи въ 1840 г. *Броньяръ* [3]) (Александръ) занимаясь естественными науками и керамикой, пріобрѣлъ значительную извѣстность. Ботаникъ *Пирамъ де Кандоль* [4]) преобразовалъ классификацію растеній.

Въ Англіи сэръ *Джонъ Леббокъ* выдавался, какъ естествоиспытатель, а ученіе *Чарльза Дарвина* объ *эволюціи* и *естественномъ подборѣ* пріобрѣло громкую славу.

Одновременно съ этимъ три человѣка далеко выдвинули математику, астрономію и физику своими отдѣльными трудами и общими усиліями. Это были *Амперъ* [5]), *Франсуа Араго* [6]) и *Біо* [7]). При имперіи, Біо и Араго путешествовали вмѣстѣ по Испаніи для продолженія измѣренія дуги земного меридіана. Въ 1803 г. Біо былъ выбранъ членомъ академіи наукъ, 28 лѣтъ отъ роду, а Араго вступилъ туда же въ 1809 г. 23 лѣтъ.

Они оба изучали также начала охлажденія газовъ и поляризаціи свѣта. Араго замѣтилъ, что можно намагнитить стальной стержень, помѣстивъ его въ центрѣ электрическаго тока (1820). Онъ продолжалъ эти опыты вмѣстѣ съ Амперомъ, и оба сдѣлали одно изъ самыхъ важныхъ открытій нашего вѣка, которое мы называемъ *электромагнетизмомъ*.

Бывшій инженеръ *Френель* началъ свои научныя работы около 1815 г.; въ 1819 г. одна изъ его записокъ была увѣнчана Академіей наукъ, открывшей ему свои двери въ 1827 г. Френель умеръ въ 1827 г., обезсмертивъ свое имя примѣненіемъ свѣта для маяковъ.

---

[1]) Эли де-Бомонъ (1798—1874).
[2]) Флурансъ (1794—1867).
[3]) Броньяръ (1770—1847).
[4]) Пирамъ де-Кандоль (1778—1841).
[5]) Амперъ 1775—1836).
[6]) Франсуа Араго (1786—1853).
[7]) Біо (1774—1862).

Леонъ Фуко [1]) продолжилъ и дополнилъ прекрасныя открытія Френеля о свѣтѣ. Онъ прославился также значительными трудами о магнетизмѣ, теплотѣ и механикѣ. Одинъ изъ наиболѣе любопытныхъ опытовъ онъ произвелъ въ 1851 г. въ Пантеонѣ, доказавъ вращеніе земли вокругъ своей оси при помощи маятника. Передвиженія маятника, намѣчавшіяся свободнымъ концомъ его, при чемъ другой конецъ былъ укрѣпленъ къ своду зданія, могли происходить только вслѣдствіе вращенія земли вокругъ своей оси, такъ какъ плоскость колебанія оставалась постоянно неподвижной.

Бабинэ [2]) былъ одновременно физикомъ и астрономомъ; онъ пріобрѣлъ большую извѣстность устройствомъ физическихъ аппаратовъ и усовершенствованіемъ *пневматической машины*.

Ученые другихъ странъ соперничали съ французами. Датчанинъ *Эрстетъ* [3]), профессоръ физики въ Копенгагенѣ, сдѣлалъ важныя открытія по *электромагнетизму*. *Бунзенъ* [4]), профессоръ гейдельбергскаго университета, открылъ свои угольные элементы (1843), вошедшіе во всеобщее употребленіе.

Англичанинъ *Фарадэй* [5]) раскрылъ законы *электрической индукціи*, которыми воспользовались при устройствѣ индукціонной и электромагнитной машинъ, примѣняемыхъ для разнообразныхъ цѣлей. Электрическое освѣщеніе, разработка каменоломень, прорытіе тунелей, взрываніе каменныхъ породъ,—все это достигается при помощи индуктивныхъ катушекъ. Своими работами надъ разрѣженіемъ газовъ, Фарадэй значительно содѣйствовалъ успѣхамъ химіи.

Всѣ науки находятся въ связи между собою; поэтому химія шла по слѣдамъ физики, подкрѣпляемая ею и поддерживая ее въ свою очередь. *Воклэнъ* [6]) сдѣлалъ важныя открытія и занялся анализомъ органическихъ веществъ. *Гемфри Дэви* [7]) изучалъ закись азота, изобрѣлъ лампу для рудокоповъ, открылъ *калій* и іодъ. Шведъ *Берцеліусъ* [8]) открылъ силу, оказываемую вольтовымъ столбомъ на сложныя тѣла.

Ученикъ Воклэна, *Шеврейль* (род. въ 1786 г.), который, по достиженіи имъ столѣтняго возраста, желалъ называться «первымъ студентомъ» Франціи, съ увлеченіемъ посвятилъ себя изученію жирныхъ тѣлъ. Въ своихъ анализахъ надъ ними, онъ различилъ жировое вещество отъ вещества маслянистаго и произвелъ прекрасный анализъ гватемальскаго индиго. До него было невозможно получить постепенные переходы различныхъ цвѣтовъ; благодаря удачному примѣненію химіи, Шеврёйлю удалось преодолѣть это препятствіе, слѣдствіемъ чего явилось усовершенствованіе работъ на фабрикѣ гобеленовъ. «Выгоды этого открытія слѣдуетъ считать сотнями милліоновъ», говорилъ Дюма въ 1852 г.

---

[1]) Леонъ Фуко (1819—1868).
[2]) Бабинэ (1794—1872).
[3]) Іоганнъ Христіанъ Эрстетъ (1774—1851).
[4]) Бунзенъ род. въ 1811 г.
[5]) Мичель Фарадэй (1791—1867).
[6]) Воклэнъ (1763—1829).
[7]) Гёмфри Дэви род. въ графствѣ Корнваллисъ (1778—1829).
[8]) Берцеліусъ (1779—1848).

Тенаръ [1]) извѣстенъ своими многочисленными работами по химіи. Открытія его получили разнообразныя примѣненія въ промышленности, но своей обширной славой онъ, главнымъ образомъ, былъ обязанъ своему профессорскому таланту. Его тщательно составленныя лекціи вскорѣ сдѣлались классическою книгой. Можно сказать вмѣстѣ съ Флурансомъ, что почти вся Европа выучилась химіи у Тенара.

Гэ-Люссакъ [2]) считается также однимъ изъ знаменитѣйшихъ химиковъ, хотя, по справедливости, его можно назвать универсальнымъ ученымъ. Онъ дѣлалъ знаменитыя восхожденія на горы, вмѣстѣ съ Біо (1804), научныя путешествія съ Гумбольдтомъ, преподавалъ физику, въ которую сдѣлалъ вкладъ, такъ же, какъ и въ химію, своими работами и лекціями.

Ж. Б. Дюма [3]) подвинулъ химію еще далѣе. Съ 1828 по 1843 г. онъ издавалъ свой прекрасный трудъ «Химія въ примѣненіи къ искусствамъ». Его изслѣдованія касались, главнымъ образомъ, органическихъ веществъ; онъ сдѣлалъ важныя наблюденія надъ щелочами, эфирами и ихъ различными соединеніями, азотной кислотой и проч. *Баларъ* [4]) замѣстилъ Тенара и выдвинулся своими изысканіями надъ бромомъ и его соединеніями. Онъ оказалъ большую услугу промышленности, такъ какъ ему удалось извлечь изъ морской воды сѣрнокислый натръ, при помощи котораго приготовляется сода и поташъ. Къ этимъ именамъ присоединимъ еще *Лорана* [5]) и *Жерара* [6]), давшихъ теорію химическихъ эквивалентовъ, *Пелуза* [7]), *Сентъ-Клера Девилля* [8]), *Дебрэ*, *Пастера*, о которомъ мы скажемъ ниже; англичанъ *Уольстона* [9]), *Томаса Грэгэма* [10]) и *Дальтона* [11]) и нѣмца *Либиха* [12]), профессора Мюнхенскаго университета.

Франсуа Араго, какъ мы уже говорили, продолжалъ вмѣстѣ съ Біо прекрасныя астрономическія работы, начатыя въ XVIII в. Какъ выдающійся писатель, онъ своими трудами много способствовалъ популяризаціи науки и, въ то же время, какъ директоръ обсерваторіи, велѣлъ сдѣлать *экваторіальный кругъ для Парижа*, инструментъ, который можно было послѣдовательно поворачивать по направленію ко всѣмъ звѣздамъ небеснаго свода и наблюдать за ними во время ихъ суточнаго движенія; наблюденія эти облегчались усовершенствованіями, какія Леонъ Фуко сдѣлалъ въ телескопахъ.

Простымъ вычисленіемъ уклоненій, замѣчаемыхъ въ движеніи

---

[1]) Тенаръ (1777—1857).
[2]) Гэй-Люссакъ (1778—1850).
[3]) Ж. Б. Дюма (1800—1884).
[4]) Баларъ (1802—1876).
[5]) Лоранъ (1807—1854).
[6]) Жераръ (1816—1856).
[7]) Пелузъ (1807—1867).
[8]) Сенъ-Клеръ Девиль (1818—1881).
[9]) Уольстонъ (1766—1828).
[10]) Томасъ Грэгэмъ (1805—1869).
[11]) Дальтонъ (1766—1844).
[12]) Либихъ (1803—1873).

Урана, *Леверье* [1]) убѣдился въ существованіи еще неизвѣстной тогда планеты, служившей причиной этихъ возмущеній. Онъ опредѣлилъ теоретически массу, орбиту и положеніе этой новой планеты и въ 1846 году объявилъ Парижской академіи наукъ мѣсто, гдѣ эта планета будетъ находиться къ 1 января слѣдующаго года. Въ указанномъ мѣстѣ астрономы искали эту планету, и нѣмецъ М. Галлэ увидалъ ее 23 сентября на долготѣ, разнившейся только на два градуса отъ указанной долготы. Всѣ были удивлены точностью астрономическихъ вычисленій и необыкновенной силѣ отвлеченія, требуемой подобнымъ трудомъ; публика дала новой планетѣ имя Леверье, хотя наука присвоила ей названіе *Нептуна* для сохраненія однообразія солнечной системы. Астрономія продолжала дѣлать успѣхи, благодаря *Делонэ*, объяснившему измѣненіе *звѣздныхъ сутокъ*, математику *Жозефу Бертрану*, затѣмъ *Фэю*, *Виларсо* и др.

Астрономія расширила область своихъ наблюденій и опытовъ. Леверье учредилъ во Франціи цѣлую сѣть станцій, предназначенныхъ для записи барометрическихъ и термометрическихъ измѣненій, перемѣнъ вѣтровъ, количества дождя и направленія бурь. Эти наблюденія, сосредоточенныя въ особомъ Бюро, теперь отдѣлены отъ обсерваторіи и дополняются свѣдѣніями, присылаемыми изъ другихъ странъ, что позволяетъ лучше изучать атмосферическія возмущенія. О буряхъ возвѣщается повсюду, гдѣ онѣ должны пройти, и, такъ какъ телеграфныя сообщенія опережаютъ ихъ, то суда успѣваютъ получить предостереженіе до выхода изъ гавани. Кромѣ того, эта наука обогащается ежедневнымъ наблюденіемъ почти всемірнаго движенія атмосферы, это дастъ возможность установить прочныя основы для *метеорологіи*, науки еще новой, которая, современемъ, раскроетъ человѣку множество тайнъ природы.

Медицина, уже значительно подвинувшаяся въ предшествующемъ вѣкѣ, въ нашемъ столѣтіи поднялась до уровня другихъ наукъ. *Биша* [2]), умершій, едва достигнувъ 32 лѣтъ отъ роду, былъ однимъ изъ творцовъ, открывшихъ для нея широкій путь, и объединилъ въ своихъ превосходныхъ лекціяхъ все, что было извѣстно до того времени объ организаціи и жизни. Его статуя вполнѣ заслуженно помѣщается во дворѣ зданія Медицинской школы въ Парижѣ. Одинъ изъ его учениковъ, *Бруссэ* [3]), краснорѣчивый профессоръ и горячій полемистъ, довелъ клиническую медицину до разумнаго наблюденія, до внимательнаго изслѣдованія органовъ. *Галль* [4]) изучалъ, главнымъ образомъ, мозгъ, *Корвизаръ* [5])—легкія и сердце, *Лаэнекъ* [6]) оказалъ величайшую услугу, открывъ систему *выстукиванія* и *выслушиванія* больного, сдѣлав-

---

[1]) Ле-Верье (1811—1877).
[2]) Баша (1771—1802).
[3]) Бруссэ (1772—1838).
[4]) Галль (1758—1828).
[5]) Корвизаръ (1755—1821).
[6]) Лаэнекъ (1781—1826). Его именемъ названа одна изъ больницъ въ Парижѣ.

шуюся всемірной. Къ этимъ именамъ слѣдуетъ присоединить *Мажанди*, *Буйльо*, *Труссо*, *Тардьё*, *Вюльпіана* и др., хирурговъ *Дюпюитрена*, *Вельпо*, *Нелатона* и множество другихъ, поднявшихъ во Франціи медицину и хирургію на высокую степень научности и точности.

Физіологія, новая наука, изучающая жизненные органы въ ихъ отправленіяхъ, обязана своимъ развитіемъ *Клоду Бернару* [1]). Этотъ ученый, проведшій почти всю свою жизнь въ лабораторіи Французской коллегіи, открылъ механизмъ отдѣленія желудочнаго сока, значеніе, какое имѣютъ въ пищевареніи различныя выдѣленія пищевого канала, и издалъ важныя работы надъ печенью и поджелудочной железой. Одновременно съ тѣмъ, онъ много способствовалъ успѣхамъ *біологіи* и установилъ связь между философіей и опытной наукой. Это — одинъ изъ творцовъ современной науки и одинъ изъ тѣхъ, ученія которыхъ оказали наибольшее вліяніе.

Приложеніе науки къ промышленности произвело цѣлый рядъ чудесъ. Однимъ изъ первыхъ былъ паръ, такъ сказать, уничтожившій разстоянія. Инженеръ *Фультонъ* [2]), отвергнутый Франціей и мало понятый въ Англіи, вернулся на родину въ Соединенные Штаты, чтобы примѣнить паръ къ судоходству. Послѣ его смерти въ 1815 году, можно уже было оцѣнить громадные результаты его открытія, и рѣки Соединенныхъ Штатовъ уже бороздились быстро бѣгающими судами, видными издалека по своимъ длиннымъ облакамъ дыма. Въ 1818 г. Даусонъ, въ Англіи, устроилъ паровое судно для плаванія между Грэвзендомъ и Лондономъ. Во Франціи, въ августѣ 1816 г., во время празднествъ въ честь бракосочетанія герцога Беррійскаго, *Жуффруа* пустилъ въ Пти Берси пароходъ по Сенѣ. Тогда было учреждено нѣсколько пароходныхъ обществъ. Капитанъ Одріэль отправился, по порученію одного изъ нихъ, въ Англію для покупки парохода и попробовалъ переправиться на немъ черезъ Ламаншъ. Его застигла страшная буря, но паръ справился съ волнами и вѣтромъ, и капитанъ Одріель могъ бросить якорь у Луврской набережной. Такимъ образомъ, паръ могъ замѣнить паруса. Это подтвердилъ еще одинъ американскій корабль, удачно совершивъ переходъ изъ Саванны въ Ливерпуль (1819). Въ 1825 г. англійскій пароходъ *Enterprise* совершилъ путешествіе въ Индію. Съ 1825 по 1830 г. французскія рѣки и порты стали правильно пользоваться услугами паровыхъ судовъ.

Фредерикъ Соважъ [3]) еще болѣе усовершенствовалъ систему паровыхъ судовъ, удачно примѣнивъ къ нимъ *винтъ*, и достигъ той цѣли, какую *Доллери* предвидѣлъ еще ранѣе, въ 1803 г.

Примѣненіе пара къ промышленности внушило Жозефу Кюньо еще въ 1770 г. мысль примѣнить его къ тягѣ повозокъ. Въ Америкѣ, *Оливеръ Ивэнсъ*, изобрѣтатель машины высокаго давле-

---

[1]) Клодъ Бернаръ (1813—1878).
[2]) Фультонъ, род. въ Пенсильваніи (1765—1815).
[3]) Фредер. Соважъ (1785—1837).

нія, построилъ въ 1790 г. паровыя повозки, двигавшіяся по обыкновеннымъ дорогамъ. Но этотъ опытъ остался безъ результата. *Тревитикъ* и *Вивіенъ* [1]) были первыми, кому пришла мысль примѣнить локомотивъ къ дорогамъ съ *желѣзными рельсами*, употреблявшимися въ рудникахъ. Тотъ день, когда на этихъ путяхъ Тревитикъ и Вивіенъ замѣнили лошадей локомотивами, былъ днемъ изобрѣтенія *желѣзной дороги* (1804).

Съ 1812 г. *Джоржъ Стефенсонъ* [2]) началъ строить машины большого размѣра, употреблявшіяся для желѣзныхъ дорогъ въ рудникахъ Килингворта. Эти первые локомотивы дѣлали около 15 верстъ въ 4 часа, замѣняя просто прежніе обозы. Въ 1813 г. англійскій инженеръ *Блэкеттъ* замѣтилъ, что придавая локомотивамъ болѣе значительный вѣсъ, можно уменьшить треніе и придать колесамъ бо́льшую устойчивость.

Во Франціи общество каменноугольныхъ копей С. Етьена и Ривъ де-Жье устроило первую желѣзную дорогу въ 1829 г., и для усовершенствованія первоначальныхъ машинъ инженеръ *Сегэнъ* [3]), изъ Аннонэ изобрѣлъ (1829) трубчатый котелъ, а чтобы усилить горѣніе, устроилъ поддувало передъ топкой.

Братъ Джоржа Стефенсона, Робертъ, придумалъ направить въ трубу печи струю пара, который, оказавъ свое дѣйствіе на поршень, служилъ для усиленія тяги. На конкурсѣ, открытомъ въ Англіи, Робертъ и Джоржъ Стефенсоны представили локомотивъ, устроенный по *системѣ Сегэна*. 6-го октября 1829 г. этотъ локомотивъ повезъ грузъ въ 800 пудовъ со скоростью 6 миль въ часъ. Безъ груза онъ пробѣжалъ двѣ мили въ 14 минутъ. Задача передвиженія была рѣшена. Желѣзная дорога изъ *Манчестера* въ *Ливерпуль*, которая должна была ограничиться перевозкою товаровъ, стала служить и для перевозки пассажировъ. Съ 1830 г. продолжались опыты и усовершенствованія. Въ настоящее время желѣзныя дороги достигли удивительнаго развитія и, какъ мы укажемъ далѣе, произвели поразительное преобразованіе во всемъ мірѣ. Торжествующій человѣкъ переносится съ головокружительной быстротою во всѣ концы своихъ обширныхъ владѣній. Теперь уже нѣтъ ни разстоянія, ни времени.

Мысль быстрой передачи извѣстій принадлежитъ весьма давнему времени. Въ различныя эпохи для этой цѣли пользовались огненными и иными сигналами. Во время Революціи *Клодъ Шаппъ* придумалъ систему сигналовъ, передававшихся подвижными брусьями подъ различными углами и выставлявшихся на высокихъ зданіяхъ или башняхъ. Конвентъ принялъ систему Шаппа, и первая линія была устроена до сѣверной границы: слова соотвѣтствовали числамъ. 1 сентября 1794 г., въ полдень была отправлена депоша съ башни св. Екатерины въ Лилль и, передаваясь со станціи на станцію, пришла въ Лувръ, въ Парижѣ. Конвентъ открылъ засѣданіе. Карно вошелъ на трибуну и объявилъ, что по теле-

[1]) Тревитикъ и Вивіенъ, строители въ графствѣ Корнвалійскомъ.
[2]) Джоржъ Стефенсонъ (1781—1848).
[3]) Сегэнъ (1786—1875).

графу получено слѣдующее извѣстіе: «Конде возвращенъ Республикѣ; сдача произошла сегодня утромъ въ шесть часовъ». Извѣстіе было встрѣчено неистовыми рукоплесканіями, и съ тѣхъ поръ повсюду были учреждены *воздушные телеграфы*, вызывающіе улыбку у насъ, привыкшихъ пользоваться электрическимъ телеграфомъ.

Въ 1880 г. *Вольта*, благодаря своему столбу, получилъ *электрическій токъ*, удобный для передачи. Въ 1811 г. *Земмерингъ* задумалъ уже проектъ телеграфа, проводя токи, разлагавшіе воду въ различныхъ сосудахъ, представлявшихъ 24 буквы алфавита. Въ 1820 г. Эрстетъ отмѣтилъ основной фактъ *электромагнетизма*. Если вокругъ намагниченной стрѣлки двигается токъ вольтова столба, то стрѣлка начинаетъ отклоняться, колебаться и отступаетъ отъ своего направленія къ сѣверу. *Амперъ* повторилъ этотъ опытъ и рѣшилъ примѣнить его къ телеграфу. «Возьмите, — говорилъ онъ,—столько намагниченныхъ стрѣлокъ, сколько буквъ въ азбукѣ, приведите ихъ въ движеніе проводниками, соединенными съ вольтовымъ столбомъ, и вы получите способъ сообщаться на всевозможныхъ разстояніяхъ». Араго открылъ основной фактъ, что электричество, вращаясь вокругъ пластинки изъ мягкаго желѣза, намагничиваетъ его. Стоитъ только прервать токъ, и намагничиваніе прекратится. Непрерывное движеніе въ обѣ стороны получается, благодаря желѣзной пластинкѣ, поперемѣнно намагничиваемой и размагничиваемой, притягивающей и отталкивающей, поочередно, другую желѣзную полосу. Это составляетъ основу всѣхъ системъ электрическаго телеграфа, безконечно разнообразныхъ съ точки зрѣнія механики.

Въ Англіи физикъ *Уитстонъ* придумалъ *телеграфъ со стрѣлками*, который былъ принятъ въ 1856 г. и вскорѣ, несмотря на сложность, былъ введенъ по всей странѣ. Онъ придумалъ также телеграфъ съ циферблатомъ, спеціально приспособленный для желѣзныхъ дорогъ.

Американецъ, *Самуэль Морзе* [1]) изобрѣлъ въ 1832 г. систему, получившую преобладаніе въ Америкѣ и въ Европѣ. Посредствомъ движенія *стальной полоски*, намѣчался рядъ *точекъ* или небольшихъ *линій* на плотной бумагѣ. При помощи этихъ точекъ или линій, которыя увеличиваются или уменьшаются, смотря по продолжительности тока, и прерываются бѣлыми *интервалами*, отдѣляющими слова, установлено нѣчто вродѣ іероглифическаго языка, переводимаго затѣмъ на *алфавитъ Морзе*. Первая телеграфная линія была устроена такимъ образомъ въ Соединенныхъ Штатахъ въ 1844 г. Въ то же время, во Франціи, былъ проведенъ вдоль желѣзной дороги изъ Парижа въ Руанъ телеграфъ *Фуа-Бреге*, воспроизводившій на желѣзнодорожныхъ станціяхъ сигналы воздушнаго телеграфа. Но это было «младенчествомъ» искусства. Въ 1854 г. былъ принятъ аппаратъ *Морзе*.

Остроумныя системы слѣдовали одна за другой: американца *Блэна*, англичанина *Блэкуэля*, аппаратъ *Юза*. Аббатъ *Казелли*,

[1]) Самуэль Морзе ум. въ 1872 г.

во Флоренціи, придумалъ *пантелеграфъ*, гдѣ остріе выбиваетъ буквы, намѣчаемыя на бумагѣ. *Бонелли* изобрѣлъ печатающій телеграфный аппаратъ. Наконецъ, въ городахъ оказалось возможнымъ установить пневматическія трубы, посредствомъ которыхъ передается *карто-телеграмма*, въ томъ видѣ, какъ она написана отправителемъ; но это дѣлается уже безъ участія электричества.

Электричество, кромѣ того, является и силой, и орудіемъ. Въ 1837 г. англичанинъ *Спенсеръ* замѣтилъ, что токъ Вольтова столба разлагаетъ металлъ и заставляетъ его принимать какіе угодно отпечатки: это было началомъ *гальванопластики*. Вскорѣ стали воспроизводить медали, а затѣмъ новый способъ былъ примѣненъ для золоченія и серебренія металловъ. Лучшимъ открытіемъ, сдѣланнымъ съ того времени, было изобрѣтеніе *Румкорфа* [1]), фабриканта физическихъ инструментовъ въ Парижѣ, устроившаго превосходную машину для пользованія *индуктивнымъ электричествомъ*. Эта машина, очень простая и распространенная, даетъ возможность примѣнять электричество ко множеству механизмовъ. Другой строитель машинъ, *Фроманъ* примѣнилъ электричество для движенія сложныхъ машинъ, при помощи которыхъ выдѣлываются точные и чрезвычайно тонкіе инструменты. Электричество дало новую силу остроумному ткацкому станку Жаккара, а электрическій аппаратъ, придуманный *Бонелли*, съ успѣхомъ замѣнилъ картонныя части этой машины.

Марсель Депрэ, въ 1885 г., доказалъ, что электричествомъ можно пользоваться для передачи силы на большія разстоянія. Изъ Крейля онъ привелъ въ дѣйствіе машины, установленныя на сѣверной станціи желѣзной дороги въ Парижѣ.

Электрическіе стѣнные часы явились еще новой услугой электричества. Посредствомъ одного регулирующаго часового механизма, можно обозначать на большихъ разстояніяхъ и на различныхъ циферблатахъ, часъ, минуту и секунду. Въ Соединенныхъ Штатахъ, въ Англіи и Германіи, это указаніе времени уже вошло во всеобщее употребленіе. Въ городѣ Гентѣ, въ Бельгіи, время указывается электричествомъ болѣе чѣмъ на ста циферблатахъ, помѣщенныхъ на столбахъ газовыхъ фонарей.

Френель при Реставраціи воспользовался изслѣдованіями свѣта для усовершенствованія или, скорѣе, изобрѣтенія маяковъ. Онъ придумалъ замѣнить рефлекторы *чечевицеобразными стеклами*, установленными такъ, чтобы отражать горизонтально свѣтовые лучи, исходящіе изъ ихъ фокуса. Всемь чечевицъ составляютъ аппаратъ. Эта система могла передавать девять десятыхъ падающихъ лучей, тогда какъ обыкновенные рефлекторы отражали только половину. Впрочемъ, оставалось еще одно неудобство: пучокъ лучей направлялся только на одну точку. Френель исправилъ это, придавъ маяку вращательное движеніе, которое не до-

[1]) Румкорфъ род. въ Германіи, но жилъ въ Парижѣ (1803 — 1877). Въ 1864 г. онъ получилъ отъ французскаго правительства высшую награду въ 50.000 франковъ.

пускало смѣшивать свѣтъ маяка съ какимъ-либо другимъ. Такимъ образомъ, былъ созданъ настоящій маякъ.

Въ 1786 г. французскому инженеру *Филиппу Лебону* [1]) пришла мысль воспользоваться для освѣщенія газомъ, получающимся при перегонкѣ *дерева*. Въ 1789 г. Лебонъ пробовалъ устроить въ Гаврѣ первыя *термолампы*, но не имѣлъ успѣха. Англійскій инженеръ *Мердокъ*, знавшій объ опытахъ Лебона, освѣтилъ, при помощи газа, извлеченнаго изъ *каменнаго угля*, фабрку Джемса Уатта (1793). Въ 1804 г. *Уинзоръ* составилъ въ Англіи промышленное общество для *газоваго освѣщенія*. Въ 1816 г. Уинзоръ пріѣхалъ въ Парижъ, гдѣ встрѣтилъ большія затрудненія для введенія своей новой системы освѣщенія, первый образчикъ котораго былъ примѣненъ въ Пассажѣ Панорамъ. Около 1820 г. былъ выстроенъ первый газовый заводъ для освѣщенія Люксамбургскаго дворца и сосѣднихъ кварталовъ. Правительство Людовика XVIII взяло подъ свою охрану это новое изобрѣтеніе; въ 1822 г. образовалось общество подъ покровительствомъ короля, при участіи Шапталя и другихъ лицъ, извѣстныхъ въ ученомъ и политическомъ мірѣ; съ тѣхъ поръ ужасные масляные *фонари*, которые спускались и поднимались при помощи веревокъ, исчезли даже въ самыхъ маленькихъ городахъ.

Газъ освѣщаетъ за недорогую цѣну и съ достаточной яркостью улицы, площади и магазины. Его проводятъ въ люстры въ театрахъ. Свѣтъ принимаетъ всевозможныя формы, смотря по рисунку трубъ и рожковъ; во время иллюминацій, онъ проходитъ по всѣмъ выступамъ общественныхъ зданій, и его блестящія нити свѣтятся вдоль фасадовъ, вокругъ колоннъ и карнизовъ, заставляя выдѣляться, при помощи огня, всѣ причудливости архитектуры древнихъ и новыхъ памятниковъ. Газъ проникъ во внутренность жилыхъ помѣщеній: онъ освѣщаетъ, согрѣваетъ и царитъ, какъ въ гостиной, такъ и въ кухнѣ.

Несмотря на все свое удобство, газовое освѣщеніе имѣетъ уже соперника въ *электрическомъ освѣщеніи*. Благодаря электрическому току, проходящему между двумя концами проводящей проволоки, между этими двумя концами можно заставить *свѣтиться дугу*, свѣтъ которой зависитъ отъ силы электрическаго столба. Въ этомъ состоитъ принципъ, разнообразныя примѣненія котораго увеличиваются со дня на день. Въ 1876 г. русскій инженеръ *Яблочковъ* придумалъ *электрическую свѣчу*, составленную изъ двухъ параллельныхъ палочекъ угля и разъединенныхъ изолирующимъ веществомъ, известью. Между двумя оконечностями угольныхъ палочекъ, получающихъ электрическій токъ, свѣтящаяся дуга накаляется, и свѣтъ не прерывается, такъ какъ известь улетучивается по мѣрѣ горѣнія угля; этими свѣчами можно пользоваться для электрическаго освѣщенія залъ и комнатъ. Вольтовъ столбъ былъ даже замѣненъ паровой машиной, движеніе которой превращается въ электрическій токъ. Это упрощеніе дало воз-

[1]) Филиппъ Лебонъ род. около 1765 г., въ Брюшѣ (Верхняя Марна), былъ убитъ въ 1804 г.

можность примѣнить электрическій свѣтъ въ большихъ размѣрахъ для освѣщенія площадей, и въ Лондонѣ, Парижѣ, Нью-Іоркѣ и Мадридѣ дѣлались опыты этого освѣщенія, которое, будучи сосредоточено въ яркихъ фокусахъ, распространяетъ на большое пространство свѣтъ, похожій на лунный.

Наконецъ, американецъ *Томасъ Эдиссонъ* и англичанинъ *Свэнъ* усовершенствовали въ 1878 г. *лампы накаливанія*, т.-е. лампы, въ которыхъ свѣтъ, производимый металлическимъ проводникомъ, достаточно нагрѣтъ электрическимъ токомъ, чтобы раскаляться до бѣлаго каленія и давать при этомъ сильный, не мерцающій свѣтъ.

Съ конца прошлаго столѣтія, физики, какъ мы уже говорили, нашли возможность наполнять шары газомъ и подниматься на воздухъ. Послѣ опытовъ Монгольфье, Пилатра-де-Розье, Шарля и Робера Бланшара и др., придумали воспользоваться этимъ открытіемъ для военныхъ наблюденій, и воздушные шары общества *воздухоплавателей* летали надъ полемъ битвы при Флерюсѣ (26 іюня 1794 г.). Эти воздушные шары были прикрѣплены, но эти опыты не возобновлялись. Біо и Гэ-Люссакъ пользовались, впрочемъ, въ 1804 г. этимъ изобрѣтеніемъ для любопытныхъ научныхъ наблюденій въ высокихъ слояхъ воздуха.

Затѣмъ воздушные шары сдѣлались предметомъ развлеченія, и ни одинъ общественный праздникъ не обходился безъ участія воздухоплавателей, какъ, напр., г-жи Бланшаръ, убитой въ 1819 г., Морга, братьевъ Гринъ, Пуатвена, итальянца Цамбекари, Годара и др. Въ 1863 г. огромный воздушный шаръ, вмѣстѣ съ *Надаромъ* и восемью другими его товарищами, былъ увлеченъ съ головокружительной быстротой къ Ганноверу, гдѣ онъ упалъ, дѣлая страшные скачки и опрокидывая все, попадавшееся на пути; воздухоплаватели были подняты, покрытые ранами.

Наука, между тѣмъ, принялась съ новымъ рвеніемъ за этотъ трудный вопросъ, съ которымъ связывается множество другихъ. Въ 1874 г. *Кроче-Спинелли* и *Сивель* достигли высоты 7.800 метровъ и добыли драгоцѣнныя данныя относительно разрѣженія воздуха на этой высотѣ. Они хотѣли подняться еще выше въ 1875 г. вмѣстѣ съ *Тиссандье*, но два первые воздухоплавателя погибли жертвами своего благороднаго служенія наукѣ. Теперь ученыхъ занимаетъ всего болѣе отысканіе способа управлять воздушными шарами, примѣняя двигательныя силы, употребительныя на водѣ и на сушѣ. Человѣкъ стремится подчинить себѣ воздухъ и обуздать вѣтры такъ же, какъ онъ обуздалъ волны.

На самой землѣ уже нѣтъ болѣе тайнъ для человѣка. Онъ умѣетъ проникать въ ея глубины; онъ знаетъ, гдѣ онъ найдетъ водныя пространства и какъ онъ выведетъ воду на земную поверхность. Онъ уже зналъ это съ давнихъ временъ, судя по колодцамъ, вырытымъ въ Италіи въ средніе вѣка, и по пробуравленнымъ колодцамъ въ *Артуа*, изъ которыхъ самый древній (въ Лиллѣ) восходитъ къ царствованію Людовика Толстаго. *Бернаръ Палисси* описываетъ инструментъ, придуманный имъ, который весьма сходенъ съ нашимъ буравомъ.

Въ XIX в., благодаря точному изученію законовъ равновѣсія жидкостей, *артезіанскіе колодцы* получили большое распространеніе. *Эрикаръ-де-Тюри* и *Дегузэ* разработали теорію и усовершенствовали практику буренія. Колодезь въ *Гренелѣ* въ Парижѣ (1833—1844) выбросилъ воду изъ глубины 548 метровъ и далъ 4.000 литровъ воды въ минуту. Наиболѣе полезныя услуги артезіанскіе колодцы оказали въ Алжирѣ и въ пустынной области Сахары: повсюду, гдѣ добывалась вода, являлся источникъ жизни въ палимой солнцемъ странѣ.

Успѣхи математики, механики и промышленности дали возможность соединять берега рѣкъ или края глубокихъ долинъ удивительными мостами, въ сотни разъ болѣе замѣчательными, чѣмъ работы римлянъ. Уже въ XVII и XVIII вв. была извѣстна теорія висячихъ мостовъ, но первый постоянный висячій мостъ для проѣзда экипажей былъ выстроенъ въ Америкѣ *Финдлеемъ*. Англія и Франція послѣдовали этому примѣру и въ настоящее время можно указать въ Англіи знаменитый мостъ *Менэ*, въ Швейцаріи висячій мостъ *Фрейбурга*, во Франціи мосты въ *Кюбзакѣ* и *Руанѣ*. Въ Америкѣ смѣлый мостъ соединяетъ берега Ніагары, надъ самымъ паденіемъ водопада: онъ состоитъ изъ двухъ этажей,—одинъ для желѣзной дороги, другой для экипажей и пѣшеходовъ. Мостъ въ Бруклинѣ между Нью-Іоркомъ и его пригородомъ еще длиннѣе и шире. Столбы, разставленные на 500 метровъ, возвышаются на 85 метровъ надъ поверхностью воды; настилка—шириною въ 40 метровъ, и самые высокіе корабли могутъ проходить подъ нимъ, не наклоняя головы, т.-е. своихъ мачтъ.

Фотографія была открытіемъ, примѣненіе котораго стало весьма распространеннымъ. Этимъ открытіемъ мы обязаны *Ніепсу* и *Дагерру*. Ніепсъ [1]) первый нашелъ средство закрѣплять, химическимъ дѣйствіемъ свѣта, изображеніе внѣшнихъ предметовъ. Начало этихъ работъ относится къ 1813 г. Онъ вошелъ въ сношенія съ Дагерромъ, изобрѣтателемъ діорамы. Этотъ послѣдній усовершенствовалъ пріемы Ніепса, который умеръ въ 1833 г., не успѣвъ порадоваться счастливымъ результатамъ своихъ трудовъ.

Дагерръ [2]) одинъ продолжалъ эти изслѣдованія и достигъ фотографическихъ изображеній въ 1839 г. Онъ объявилъ объ этомъ открытіи Академіи наукъ и, въ торжественномъ засѣданіи 10 авг. 1839 г., Араго объяснилъ новый способъ. Но онъ могъ воспроизводить лишь предметы неодушевленные: усовершенствованіе привело къ воспроизведенію живыхъ существъ. Въ 1847 г. *Бланкаръ-Эвраръ* открылъ способъ фотографированія на бумагѣ. Фотографія, помимо своего пріятнаго и важнаго примѣненія въ жизни, позволяя постоянно имѣть передъ глазами изображенія дорогихъ намъ лицъ, оказала также значительныя услуги наукѣ. Метеорологическіе инструменты отмѣчаютъ сами свои собственныя показанія. Кромѣ того, посредствомъ увеличенія, воспроизводятся предметы микроскопическіе, что имѣетъ огромное значеніе для естественныхъ наукъ.

---

[1]) Ніепсъ (1765—1833).
[2]) Дагерръ (1788—1851).

Цезарь разсказываетъ, что у галловъ въ деревняхъ были люди, обязанностью которыхъ было передавать громкимъ голосомъ отъ одного мѣста до другого различныя новости и приказанія. Извѣстіе о разгромѣ римлянъ при Генабунѣ было передано такимъ способомъ въ одинъ день жителямъ Герговіи, не смотря на разстояніе въ 80 миль. Въ наше время это дѣлается съ бо́льшимъ удобствомъ: человѣческій голосъ переносится теперь на далекія пространства электричествомъ. Сперва устраивались *электрическіе вибраторы* (1847—1872), и въ 1861 г. *Филиппъ Рейсъ* устроилъ первый *телефонъ*, передававшій только отдѣльные звуки, звуки музыкальные. Американецъ, уроженецъ Англіи, *Іэгэмъ Бэлль* передавалъ уже самое слово. Его аппаратъ обратилъ на себя вниманіе на Филадельфійской выставкѣ въ 1876 г.; посредствомъ него, Грэгэмъ Белль могъ вести разговоръ на разстояніи 20 верстъ. Аппаратъ этотъ былъ тѣмъ болѣе удобенъ, что проводникомъ звуковъ ему служила обыкновенная телеграфная проволока. Другіе аппараты были устроены *Говеромъ* и *Эдиссономъ*, и пользованіе телефономъ распространяется все болѣе и болѣе въ Америкѣ и Европѣ для сообщенія не только внутри города, но и между весьма отдаленными другъ отъ друга городами. Это—еще новый способъ уничтоженія времени и пространства.

Въ этомъ направленіи пошли еще дальше. Простой типографскій корректоръ *Леонъ Скоттъ* нашелъ во Франціи способъ, которымъ слово записывалось само собою. Затѣмъ, знаменитый механикъ *Эдиссонъ*, дополнивъ рѣшеніе этой задачи, сталъ воспроизводить металломъ это слово, заключенное въ металлѣ. Это былъ *фонографъ* (1877), собирающій, сохраняющій и затѣмъ производящій звуки въ такомъ видѣ, въ какомъ они были ему переданы; для этого любопытнаго открытія до сихъ поръ не умѣли, однако, найти вполнѣ полезнаго примѣненія.

Приложеніе химіи къ промышленности, начало которому положилъ Шапталь при консульствѣ и имперіи, было продолжено *Тенаромъ*, *Шеврейлемъ*, *Дюма* и *Баларомъ*, и труды этихъ ученыхъ дали сильный толчокъ производствамъ красокъ, маслъ, химическихъ продуктовъ и проч. Химики открыли новый металлъ *аллюминій*, замѣняющій въ нѣкоторыхъ случаяхъ серебро. Способы добыванія аллюминія найдены были *Сентъ-Клеръ-Девиллемъ* вмѣстѣ съ *Дебрэйемъ*.

Наконецъ, *Пастеръ* [1]), путемъ терпѣливыхъ и методическихъ изслѣдованій, направлявшихся изумительнымъ геніемъ, проникъ въ міръ безконечно малыхъ существъ, и ему удалось вырвать у природы тайны, дающія возможность оказывать наиболѣе важныя услуги человѣчеству. Въ своей лабораторіи высшей Нормальной школы въ Парижѣ, онъ сперва посвятилъ себя (1857) весьма спорному вопросу о самопроизвольномъ зарожденіи; онъ опровергъ это ученіе и обратился къ изслѣдованію того значенія, какое имѣетъ пыль, содержаяся въ воздухѣ, для гніенія твердыхъ веществъ и жидкостей. Онъ сдѣлалъ важное изслѣдованіе надъ производствомъ уксуса и пива

[1]) Луи Пастёръ (1822—1895).

и отыскалъ причины болѣзни винъ. Утверждая, что эти болѣзни являются слѣдствіемъ организмовъ, образующихся въ винѣ, онъ доказалъ, что, для сохраненія его безъ измѣненія, достаточно нагрѣвать въ теченіе нѣсколькихъ минутъ до температуры отъ 55 до 60 градусовъ. Вниманіе его было привлечено болѣзнью *шелковичнаго червя*, подрывавшей промышленность нѣсколькихъ департаментовъ; Пастёръ опредѣлилъ эту болѣзнь, признавъ причину ея въ яйцахъ бабочекъ, и указалъ практическое средство распознавать больныя или дурныя яйца. Въ Нижнихъ Альпахъ, въ Ардешѣ, Гардѣ, Дромѣ и повсемѣстно, гдѣ разводятъ шелковичнаго червя, благосостояніе было возстановлено. Затѣмъ, неутомимый химикъ, несмотря на свою болѣзнь, открылъ и разводилъ микробовъ и достигъ того, что превратилъ ихъ въ настоящую *вакцину* заразительныхъ болѣзней. Его вниманіе было сперва привлечено чумой рогатаго скота, и онъ нашелъ средство предохранять отъ нея животныхъ. Онъ изслѣдовалъ *холеру*, вмѣстѣ со своими учениками, при чемъ одинъ изъ нихъ, *Тюлье*, умеръ въ Египтѣ, жертвою своего мужества. Въ концѣ 1885 г. Пастёръ извѣстилъ Академію наукъ заявленіемъ столь же трогательнымъ, какъ и скромнымъ, что онъ открылъ бациллу *водобоязни*, этой ужасной болѣзни, уносившей ежегодно множество жертвъ. Благодаря прививкѣ ея, удалось въ первые мѣсяцы 1886 г. спасти болѣе тысячи человѣкъ. Все это составляетъ неоспоримо важныя заслуги Пастёра, за которое человѣчество ему обязано благодарностью и удивленіемъ.

Воображеніе не можетъ охватить всѣ чудеса, добытыя наукой. Несомнѣнно, что въ нашу эпоху собраны всѣ результаты изслѣдованій прошлыхъ вѣковъ, но какіе плоды извлекли изъ нихъ химики, физики, инженеры, математики и астрономы! Природа раскрываетъ одну за другою свои тайны и готова помочь человѣку обнаружить и другія: покоренный паръ оказываетъ промышленности неоцѣнимыя услуги; электричество, переносящее мысль и слово и дающее свѣтъ, становится могущественнымъ двигателемъ. Ученые анализировали всѣ вещества, разложили всѣ тѣла, освободили и утилизировали газы. Они заставили солнце закрѣплять на бумагѣ изображенія людей и странъ и пытаются бороться со смертью. Эти мирныя завоеванія приносятъ болѣе славы, чѣмъ завоеванія военныя, такъ какъ дѣлаютъ человѣка властелиномъ природы, которой долгое время онъ былъ игрушкой и жертвой. Эти плодотворныя побѣды способствуютъ благосостоянію и сближенію народовъ, однимъ словомъ, цивилизаціи. Эти высшія побѣды, давая намъ возможность оцѣнить человѣческій умъ, слишкомъ принижаемый нѣкоторыми философами, доказываютъ, что онъ происходитъ отъ высшаго начала, чѣмъ простая матерія, такъ какъ господствуетъ надъ этой матеріей, подчиняя ее себѣ и управляя ею. Чѣмъ дальше расширяется наука, чѣмъ выше поднимается человѣкъ, тѣмъ болѣе мы видимъ доказательствъ, что разумъ находится въ тѣсной связи съ высшимъ и безконечнымъ разумомъ.

ГЛАВА XVIII.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТІЕ И НРАВСТВЕННЫЙ ПРОГРЕССЪ.

Земледѣліе. — Сельскохозяйственные выставки и съѣзды. — Земледѣліе въ Европѣ.—Промышленность; механическія производства; первые опыты ихъ въ XVIII в.; Гайзъ; Аркрайтъ; бумагопрядильныя фобрики; станки Дженни.—Пряденіе льна и пеньки; Филиппъ Жираръ.—Выдѣлка шелковыхъ издѣлій; Жаккаръ.—Набивные ситцы; Оберкампфъ.—Механическая выдѣлка бумаги.—Книгопечатаніе; литографія.—Фарфоровыя фабрики XVIII в. въ Саксоніи и Франціи.—Хрусталь.—Различная промышленность.—Выдѣлка свекловичнаго сахара.—Могущество металлической промышленности.—Промышленная дѣятельность различныхъ народовъ. — Торговля; желѣзныя дороги. — Художественныя работы; тунели Монъ-Сени и Сенъ-Готарда. — Переворотъ, произведенный желѣзными дорогами.—Почта; всемірный почтовый союзъ.—Телеграфы. — Подводные телеграфы. — Заатлантическое судоходство.—Прорытіе Суэцкаго и Панамскаго перешейковъ: Фердинандъ Лесепсъ.—Всемірныя выставки.—Международныя комиссіи; распространеніе метрической системы.—Единство монеты.—Кредитъ; его учрежденія; страхованіе.—Свобода торговли и торговые договоры.—Торговая дѣятельность различныхъ народовъ.—Результаты экономическаго переворота; увеличеніе средней продолжительности жизни.—Нравственный прогрессъ; общественное образованіе во Франціи..—Общественное образованіе въ Европѣ. — Успѣхи законодательства. — Уменьшеніе преступности.—Попечительныя учрежденія. — Благотворительность; учрежденія общественной благотворительности.

Наука измѣнила условія земледѣлія, промышленности и торговли. Земледѣліе, основывавшееся на преданіяхъ, сдѣлалось разумнымъ и послѣдовательнымъ. Оно само стало наукой, благодаря *Матье Домбалю* [1]), Риффелю, Буссэнго, Гаспарену и множеству другихъ, создавшихъ спеціальныя школы, анализировавшихъ почвы, изучавшихъ плодоперемѣнныя хозяйства, примѣнявшихъ удобренія и научившихъ людей извлекать даже изъ скудной почвы превосходные продукты. Известь и мергель, амміакальныя и калійныя соли, фосфаты и гуано стали употреблять для усиленія плодородія полей.

Успѣхи механики и сила пара дали возможность замѣнить ручную работу. Съ конца XVIII в. стали устраивать *молотилки*, *съялки* и *вѣялки*. Въ обширныхъ равнинахъ Сѣверной Америки недостатокъ рабочихъ рукъ, изощряя духъ изобрѣтательности, привелъ къ изобрѣтенію *сѣнокосильныхъ* и *жатвенныхъ машинъ*. Паровая машина явилась на помощь земледѣльцу. Она исполняетъ различныя работы на фермѣ или переходитъ изъ селенія въ селеніе, предлагая услуги тамъ, гдѣ въ ней имѣютъ нужду. Во многихъ мѣстахъ она замѣняетъ лошадей и воловъ для вспашки земли. Машины жнутъ хлѣбъ, связываютъ въ снопы, затѣмъ молотятъ, отдѣляютъ солому и вѣютъ зерно, замѣщая, такимъ образомъ, рабочихъ, недостатокъ которыхъ чувствуется въ деревнѣ.

Земледѣліе получило большой толчокъ, благодаря *сельскохозяйственнымъ выставкамъ*, устраивавшимся во Франціи съ 1844 г. Съ того времени число ихъ значительно увеличилось, и они вызы-

[1]) Матьё Домбаль, знаменитый агрономъ (1777—1843).

ваютъ соревнованіе, выставляя усовершенствованныя породы скота, сельскохозяйственныя машины, орудія и улучшенные аппараты. Въ то же время они являются торжествами, на которыхъ празднуются мирныя и благодѣтельныя побѣды. Кромѣ того, свободныя ассоціаціи или *сельскохозяйственные съѣзды*, поддерживаемые пособіями правительства, обсуждаютъ лучшіе способы обработки почвы, поощряя наградами распространеніе и устройство выставокъ.

Въ *Англіи* земледѣліе находится въ большомъ почетѣ. Благодаря содѣйствію капитала, который безъ боязни затрачивается на это дѣло, англичане достигли урожая вдвое болѣе того, какой получается во Франціи. Тамъ издается множество книгъ, относящихся къ полевымъ работамъ. Повидимому, страны, отъ природы менѣе другихъ благопріятныя для земледѣлія, всего болѣе занимаются его изученіемъ. Въ *Швеціи* насчитывается множество земледѣльческихъ школъ, образцовыхъ фермъ и молочныхъ хозяйствъ. Въ 1811 г. тамъ была основана Королевская земледѣльческая академія. *Голландцы* съ ожесточеніемъ отвоевали землю у волнъ, наступавшихъ на ихъ страну. Осушеніе Гарлемскаго озера и *польдеровъ* открыло для земледѣлія обширныя пространства, лежащія на шесть и даже на восемь саженъ ниже уровня моря. Такимъ образомъ, было отвоевано около 15.000 десятинъ. *Данія*, первая, съ начала XIX в. подала примѣръ устройства земледѣльческихъ школъ. *Бельгія* должна была лишь продолжать традиціи древнихъ обитателей Фландріи, высокое качество которыхъ признавалось еще въ средніе вѣка. Развитіе этихъ качествъ привело къ тому, что въ настоящее время Бельгія—страна, наилучше обработанная и наиболѣе производительная. Жители *Швейцаріи* неизмѣнно любятъ сельскую жизнь, и земледѣльческое образованіе привилось и распространилось тамъ весьма быстро. Въ центрѣ Европы, въ *Австро-Венгріи* только съ 1848 г. были отмѣнены феодальныя права и уничтожена зависимость крестьянъ отъ господъ. Но съ того времени земледѣльческое развитіе страны пошло быстрыми шагами. Россія вступила на тотъ же путь. Ея громадныя черноземныя поля, вмѣстѣ съ венгерскими, служатъ главными житницами Европы. Любуясь на виноградники, расположенные по всѣмъ склонамъ, куда достигаетъ солнце, необходимое для вызрѣванія винограда, глядя на хлѣбныя моря Франціи, Венгріи и Россіи, на луга Нормандіи, Англіи и Голландіи, невольно хочется воскликнуть вмѣстѣ съ Бюффономъ: «Какъ прекрасна воздѣланная природа!». Въ Европѣ нѣтъ, такъ сказать, уголка земли, удобнаго для обработки, который не былъ бы украшенъ злаками, красильными растеніями, виноградниками, хмелемъ или пастбищами. Теперь нельзя уже найти обширныхъ залежей, какихъ было много еще во Франціи въ прошломъ столѣтіи, и земледѣческій трудъ уважается повсюду, какъ первое условіе народнаго богатства. Во времена варварства, Европа представляла собою лѣсъ, перерѣзанный кое-гдѣ немногими полями: теперь это—поле, перерѣзанное немногими лѣсами, а въ нѣкоторыхъ частяхъ это—прелестный садъ.

Нѣкогда у человѣка были только собственныя руки и нѣсколько грубыхъ орудій: теперь онъ обладаетъ тысячами орудій, одно другого остроумнѣе, и безконечнымъ разнообразіемъ сильныхъ машинъ и тонкихъ механизмовъ, при помощи которыхъ онъ перерабатываетъ сырой матерьялъ съ быстротою, позволяющее придавать производству почти безконечное распространеіне.

До XVIII в. пряжа получалась лишь съ помощью *прялки и колеса.* И это послѣднее, повидимому, восходитъ не далѣе XV в. Около 1764 г. фабрикантъ ткацкихъ бёрдъ въ Лэйѣ, въ графствѣ Ланкастерскомъ, *Томасъ Гайзъ*, придумалъ и сдѣлалъ, съ помощью часового мастера *Кайя*, прядильную машину, которую, на радости, назвалъ именемъ своей дочери *Дженни* (spinning-jenny). Эта остроумная Дженни должна была замѣнить долгій трудъ другихъ женщинъ, привязанныхъ къ своему колесу. *Гайзъ* не съумѣлъ извлечь выгодъ изъ этого открытія, которое было приписано плотнику *Гаргривсу*, вслѣдствіе нѣкорыхъ усовершенствованій; настоящую цѣнность ему придалъ *Ричардъ Аркрайтъ* [1]).

Это былъ бѣдный цирульникъ, но полный энергіи, воображенія и находчивости: онъ досталъ образецъ машины *Гайза*, затѣмъ денегъ, получилъ патентъ и въ 1768 г. открылъ первую бумагопрядильню въ Ноттингэмѣ, въ 1771 г. вторую въ Кромфортѣ (графство Дерби), и вскорѣ сдѣлался однимъ изъ самыхъ богатыхъ мануфактуристовъ Англіи. Въ 1779 г. *Самуэль Кромптонъ* [2]) придумалъ новыя машины, которыя назвалъ *мельницы-Дженни*, не замедлившія распространиться во Франціи съ 1784 г., а потомъ и въ Европѣ. Усовершенствованныя позднѣе, онѣ сдѣлались «самодѣйствующими» станками Дженни, которые автоматически производятъ различныя дѣйствія при обработкѣ хлопчатой бумаги.

У французовъ также былъ ученый механикъ *Вокансонъ* [3]), который, въ числѣ своихъ многихъ остроумныхъ изобрѣтеній, старался привести въ дѣйствіе не прялку, а ткацкій станокъ. Его безплодныя попытки, подрывавшіяся рутиной промышленниковъ, были возобновлены въ Англіи, гдѣ успѣхъ станковъ Аркрайта возбудилъ дѣятельность механиковъ. Эдмондъ *Картрайтъ* [4]) придумалъ между 1785 и 1787 гг. ткацкій станокъ, который вскорѣ былъ усовершенствованъ. Съ того времени дѣло быстро двинулось впередъ. Въ 1820 г. въ Англіи и Шотландіи было уже 160.000 станковъ; въ настоящее время ихъ болѣе 500.000. *Ришаръ* и *Ленуаръ Дюфренъ*, въ царствованіе Наполеона I, ввѣли во Франціи англійскія машины, и въ 1814 г. на нихъ вырабатывалось уже болѣе восьми милліоновъ килограммовъ бумажной пряжи.

Ришаръ, присоединившій къ своей фамиліи имя Ленуара, разорился въ 1814 г., вслѣдствіе чужеземнаго вторженія, а въ то же время изобрѣтатель, *Филиппъ Жираръ* [5]), оказавшій большую услугу, изо-

---

[1]) Ричардъ Аркрайтъ (1732—1792).
[2]) Самуэль Кромптонъ (1753—1827).
[3]) Жакъ Вокансонъ (1709—1782).
[4]) Эдм. Картрайтъ (1743—1824).
[5]) Филиппъ Жираръ (1775—1845).

брѣтеніемъ станковъ для пряденія льна и пеньки, вслѣдствіе равнодушнаго отношенія къ его дѣлу, потерялъ охоту продолжать его на родинѣ и покинулъ Францію. Его чертежи и способы перешли въ Англію, гдѣ въ 1826 г. была устроена фабрика для пряденія льна, и позднѣе Франція выписывала оттуда машины Жирара (1833), заслуга котораго, впрочемъ, была, наконецъ, ею оцѣнена.

Механическіе способы пряденія шелка были давно извѣстны, такъ какъ ихъ относятъ ко второй половинѣ XV в. и приписываютъ болонскому промышленнику *Борнезано Лукези*; но они были весьма не совершенны. Въ XVIII в. *Вокансонъ* придумалъ новые способы и представилъ образцы машинъ, коллекція которыхъ, завѣщанная Людовику XVI, послужила основой коллекціи *Консерваторіи искусствъ и ремеслъ*, устроенной Конвентомъ.

Ліонскій ремесленникъ *Жаккаръ* [1]), проведшій все свое дѣтство среди станковъ, увлекся механикой и въ 1801 г. получилъ награду на національной выставкѣ. Ему удалось устроить машину для выдѣлки сѣтей, и онъ былъ посланъ въ Парижъ для представленія своей машины въ Консерваторію (1803).—«Такъ это ты,—сказалъ Карно, обращаясь къ нему,—предполагаешь сдѣлать вещь, недоступную для человѣка—узелъ изъ натянутой нити?». Механизмъ, объясненный Бонапарту и одобренный имъ, оправдалъ притязанія Жаккара, котораго оставили при Консерваторіи, поручивъ ему исправленіе машинъ; тамъ онъ изобрѣлъ ткацкіе станки для выдѣлки двухсторонних бархатныхъ лентъ и другія машины для бумажныхъ тканей съ двойнымъ и тройнымъ челнокомъ. Онъ возстановилъ старинный станокъ Вокансона. Затѣмъ, онъ вернулся въ Ліонъ съ порученіемъ устроить тамъ мастерскую узорчатыхъ тканей и гобеленовыхъ ковровъ по способамъ, имъ изобрѣтеннымъ. Старинныя ткацкія машины, уснащенныя веревками и педалями, требовали для ткача помощниковъ при работѣ. Благодаря Жаккару, всѣ эти трудныя обязанности были устранены; станокъ замѣнялъ человѣка или ребенка (такъ какъ часто механическія работы, весьма вредныя для здоровья, исполнялись бѣдными дѣтьми и дѣвушками). Вслѣдствіе усовершенствованій, придуманныхъ Жаккаромъ для верченія колеса, достаточно было одного человѣка. Между тѣмъ, рабочіе думали, что эта машина должна ихъ раззорить, требуя меньшее число рукъ; они переломали машины, а изобрѣтателя хотѣли бросить въ Рону. Истина обнаружилась только по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ. Эта машина, какъ и всѣ другія, ускоряя работу, отнюдь не уменьшаетъ ее, а увеличиваетъ, такъ какъ потребленіе производства увеличивается по мѣрѣ пониженія цѣнъ. Жаккаръ умеръ въ Улэнѣ, близъ Ліона, 82 лѣтъ (1834), а въ 1840 г. сыновья тѣхъ рабочихъ, которые изломали, въ припададкѣ гнѣва, станокъ Жаккара, воздвигли статую своему скромному и искусному изобрѣтателю.

Народы Востока обладали искусствомъ красить ткани. Европейцы пытались имъ подражать и въ XVIII в. узнали ихъ пріёмы. Съ 1743 г. основано множество фабрикъ въ Парижѣ, Севрѣ,

[1]) Жаккаръ, род. въ Ліонѣ (1752—1834).

Корбеѣ, Нантѣ и проч. Въ 1746 г. трое изъ обитателей *Мюльгаузена,* имена которыхъ увѣковѣчились вмѣстѣ съ ихъ знаменитыми потомками, *Самуэль Кехлинъ*, *Ж. Г. Дольфусъ* и *Ж. Шмальцеръ* основали фабрику, сдѣлавшуюся исходной точкой промышленнаго благосостоянія этого вполнѣ новаго города. Выдѣлка ситцевъ или набивныхъ тканей распространилась вслѣдъ затѣмъ въ Нормандіи и въ Германіи.

Нѣмецъ, Филиппъ Оберкамфъ [1]), пришедшій работать въ Парижъ, основалъ въ *Жуи*, въ долинѣ Бьевры (1759) знаменитую фабрику (теперь закрытую), гдѣ, пользуясь изобрѣтеніями англичанъ, онъ усовершенствовалъ *печатаніе* тканей посредствомъ валовъ. Ткани Жуи пріобрѣли извѣстность и вызвали повсемѣстное подражаніе. Эти усовершенствованія были приняты и развиты въ Мюльгаузенѣ, сдѣлавшемъ своей спеціальностью эту промышленность, имѣвшую большое распространеніе, и успѣхи окрашиванія, благодаря успѣхамъ химіи, подняли ее до высокой степени совершенства.

Усовершенствованія въ механикѣ, при помощи пара, отразились, особенно, на выдѣлкѣ бумаги. Въ 1799 г. первая машина, приспособленная для этой цѣли, появилась во Франціи (въ Эссонѣ), на писчебумажной фабрикѣ *Франсуа Дидо*; это производство было усовершенствовано въ Англіи, откуда оно было вновь заимствовано Франціей (1814). Въ то же время было открыто множество новыхъ веществъ, пригодныхъ для превращенія въ бумагу. Въ 1772 г. нѣмецкій ученый Іоганнъ-Карлъ *Шеффферъ* напечаталъ въ Регенсбургѣ томъ, содержавшій 81 образецъ бумаги, сдѣланной изъ различныхъ матеріаловъ.

Въ настоящее время усовершенствованіе этого дѣла достигло такихъ размѣровъ, что на превосходной бумажной фабрикѣ въ Эссонѣ можно видѣть, какъ древесный стволъ подхватывается машиной, раскалывается на нѣсколько кусковъ и исчезаетъ, превращаясь въ стружки; затѣмъ варится въ видѣ тѣста, которое, понемногу высыхая, сплющивается и выходитъ, наконецъ, въ видѣ бумажнаго листа. Эта великолѣпная фабрика, первая въ Европѣ, пользуется ежедневно тысячью паровыхъ лошадиныхъ силъ и ея труба поднимается надъ крышей на 32 сажени (при общей высотѣ въ 57 саж.), съ верхнимъ поперечникомъ почти въ 2 сажени. Четырнадцать писчебумажныхъ машинъ этой образцовой фабрики ежедневно производятъ до *милліона* кв. метровъ бумаги, которой можно покрыть около 100 десятинъ земли.

Со временъ Гуттенберга до настоящаго столѣтія книгопечатаніе совершенствовалось весьма медленно. Съ конца XVIII в. деревянный печатный станокъ былъ замѣненъ желѣзнымъ и чугуннымъ (Стэнгопа). Братья *Дидо* ввели его во Франціи въ 1818 г. *Бауэру* и *Кёнигу* въ Германіи удалось устроить механическій станокъ, который былъ купленъ владѣльцемъ англійской газеты *Times*. 28 декабря 1814 г. объявленіе, помѣщенное на первомъ мѣстѣ газеты, возвѣстило міру, что этотъ нумеръ отпечатанъ на

[1]) Оберкамфъ род. въ Вейзенбахѣ (1738—1815).

станкѣ, приведенномъ въ движеніе паромъ. Въ 1823 г. печатаніе посредствомъ пара было введено во Франціи, и съ того времени книгопечатаніе быстро пошло впередъ. Наконецъ, благодаря усовершенствованіямъ, сдѣланнымъ *Маринони* въ печатныхъ машинахъ, явилась возможность отпечатывать до 20.000 листовъ въ часъ, и газеты могли съ поразительной быстротой удовлетворять любознательности публики. Было высчитано, что листы, печатающіеся ежедневно на 40 машинахъ типографіи Лагюра, составили бы полосу около 900 верстъ длиною.

Въ 1798 г. бѣдный мюнхенскій актеръ *Алоизій Зенефельдеръ* изобрѣлъ *литографію*, не замедлившую вскорѣ распространиться во Франціи (1814 г.), а затѣмъ и въ остальной Европѣ. Между 1830 и 1837 гг. была изобрѣтена *хромолитографія*.

Гончарная промышленность, какъ одна изъ самыхъ необходимыхъ, относится къ весьма давнему времени и, какъ мы видѣли, развивалась во всѣ времена, а въ эпоху Возрожденія она вызвала настоящія чудеса керамики. Но выдѣлка посуды для обыденнаго употребленія стала развиваться во Франціи лишь съ XVII в., когда одинъ придворный герцоговъ Нивернесскихъ, *Конрадъ*, учредилъ въ Неверѣ, при помощи итальянскихъ рабочихъ, фабрику гончарныхъ издѣлій по образцу фабрики въ *Фаенцѣ*, въ Италіи. Съ того времени посуда эта получила названіе фаянса. Эта муравленная посуда находила много потребителей, но въ XVIII в. ей пришлось выдерживать конкурренцію съ тонкимъ фаянсомъ, изобрѣтеннымъ въ Англіи, производство котораго пріобрѣло обширное развитіе во Франціи съ 1820 г.

Впрочемъ, тѣ и другія издѣлія затмѣвались *фарфоромъ*. Этимъ именемъ въ средніе вѣка назывался перламутръ, и, вслѣдствіе сходства въ бѣлизнѣ, оно было примѣнено къ китайской посудѣ. Но въ Европѣ нигдѣ нельзя было найти глины, похожей на *као-линъ* китайцевъ. Іоганну-Фридриху *Боттгеру* въ Саксоніи прежде всѣхъ удалось въ 1709 г. выдѣлать бѣлый и прозрачный фарфоръ. Устроивъ, по приказанію принца-курфирста, большую фабрику въ укрѣпленномъ замкѣ Альберта въ *Мейссенѣ*, онъ находился тамъ подъ строгимъ надзоромъ, чтобы не разгласилась тайна производства; однако, это не помѣшало секрету вскорѣ проникнуть въ Россію, Швейцарію, Голландію, Англію и Францію. Но не легко было найти подходящую глину; г-жа Дарнэ, жена хирурга изъ Сенъ-Ирье, въ Лимузенѣ, открыла ее въ 1768 г., и эта глина была признана схожей съ китайскимъ каолиномъ. Тогда на королевской фабрикѣ въ Севрѣ, гдѣ выдѣлывался тонкій, искусственный или стекловидный фарфоръ, называемый *старымъ севромъ*, стали вырабатывать новый фарфоръ, возбудившій живѣйшій восторгъ. Это производство приняло достаточное развитіе въ Лиможѣ, чтобы могъ удовлетворяться спросъ на посуду для обыденнаго употребленія. Севрская фабрика поддержала свою художественную славу: ея химики, рисовальщики, живописцы, позолотчики, лѣпщики и даже обжигальщики—настоящіе ученые.

XIX в. продолжалъ лишь держаться почтенныхъ преданій изготовленія знаменитаго богемскаго и венеціанскаго стекла, а также

и зеркалъ, превосходная фабрика которыхъ въ Сенъ-Гобенѣ не переставала давать замѣчательные образцы. Но выдѣлка *хрусталя* (силикатъ калія и свинца) относится лишь къ прошлому вѣку. Начавшееся около 1790 г. на стекляннномъ заводѣ Сенъ-Луи, въ Лотарингіи, это производство получило большое развитіе на хрустальной фабрикѣ *Баккарà*, прежнемъ стекляннномъ заводѣ св. Анны, гдѣ основанное въ 1822 г. общество ввело множество новыхъ приспособленій и инструментовъ. Хрустальная фабрика Баккарà сдѣлалась первой въ Европѣ.

Мы вышли бы изъ назначенныхъ себѣ рамокъ, если бы стали разсматривать многочисленныя усовершенствованія во всѣхъ отрасляхъ промышленности. Фабрикація башенныхъ часовъ, имѣвшихъ громадные размѣры въ средніе вѣка, дошла, особенно послѣ изобрѣтенія маятника, до выдѣлки переносныхъ часовъ. Въ XVII в. изобрѣтеніе спиральной пружины, въ качествѣ уравнительнаго маятника, позволило изготовлять карманные *часы* и такіе же часы *съ репетиціей*; въ XVIII в. это производство достигло высокаго совершенства, благодаря англичанамъ Грэгэму и Гаррисону, швейцарцу Луи Брегету, французамъ Леруа и Лепоту, а позднѣе, въ XIX в., Лепину. Производство стѣнныхъ часовъ, сосредоточенное въ Швейцаріи и Савойѣ, укрѣпилось и во Франціи, въ департаментахъ Дуба и Юры, благодаря Фредерику Жаппи, основавшему великолѣпную фабрику въ Бокурѣ, близъ Монбельяра (1767). Трое сыновей его продолжали это дѣло. Въ 1815 г. во время чужеземнаго вторженія, ихъ учрежденіе подверглось пожару, но ни хозяева, ни рабочіе не потеряли бодрости, и фабрика возникла вновь. Фирма Жаппи считается одной изъ самыхъ почтенныхъ въ средѣ французской промышленности.

XIX в., также благодаря наукѣ, создалъ прекрасную фабрикацію художественной *бронзы*, дающую возможность воспроизводить во множествѣ лучшіе образцы скульптуры. Онъ усовершенствовалъ мастерства *токарное* и *столярное*, распространяющія мебель до самыхъ глухихъ закоулковъ провинцій, не отказываясь отъ художественныхъ традицій и подражая чудеснымъ произведеніямъ мебельныхъ мастеровъ XVI и XVII вв. Нельзя не упомянуть также о производствѣ музыкальныхъ инструментовъ, ювелирныхъ издѣлій и проч. Искусство вступило теперь въ союзъ съ промышленностью, создающею ежедневно самыя остроумныя сочетанія для удовлетворенія всѣхъ потребностей и всѣхъ прихотей человѣка, дѣлая комфортъ доступнымъ большинству.

Промышленность улучшила и питаніе. Такъ, въ началѣ нынѣшняго вѣка произошелъ настоящій переворотъ въ производствѣ *сахара*. До тѣхъ поръ его извлекали лишь изъ сахарнаго тростника, и опыты нѣмецкаго химика *Маргграфа* [1]) съ цѣлью извлечь его изъ сока свекловицы, возбудили вниманіе лишь нѣсколькихъ ученыхъ. Войны Революціи и Имперіи и континентальная блокада закрыли доступъ сахарнаго тростника во Францію; это заставило обратиться вновь къ изысканіямъ, начатымъ въ прошломъ вѣкѣ

[1]) Маргграфъ, род. въ Берлинѣ (1709—1780).

и пользовавшимся теперь особеннымъ поощреніемъ Наполеона. Они привели къ удачному результату на заводѣ, устроенномъ въ Пасси, Бенжаменомъ *Делессеромъ*; обрадованный Наполеонъ, самъ привезъ орденъ изобрѣтателю въ 1812 г. *Креспель Делиссъ*, съ своей стороны, получилъ превосходные результаты въ Лиллѣ и надѣлилъ сѣверные департаменты Франціи новой промышленностью, не мало содѣйствовавшей ихъ благосостоянію. Производство сахара во Франціи доходитъ до 250 милліоновъ килограммовъ; потребность въ немъ въ этой странѣ и за предѣлами ея такъ великъ, что колоніальнаго сахара не достало бы, если бы запасы его не пополнялись свекловичнымъ сахаромъ.

Но всего болѣе поражаетъ насъ могущество, достигнутое металлургической промышленностью, въ постройкѣ желѣзныхъ машинъ, мостовъ, принадлежностей желѣзныхъ дорогъ, пушекъ и морскихъ вооруженій. Для производства этихъ громадныхъ работъ понадобилось сосредоточеніе значительныхъ массъ рабочихъ въ обширныхъ учрежденіяхъ и изобрѣтеніе гигантскихъ машинъ. *Крёзо* во Франціи (въ деп. Сены и Луары) еще въ 1782 г. было дикой и необитаемой долиной. Желѣзодѣлательный заводъ, устроенный въ то время, началъ развиваться лишь съ 1837 г. Теперь это—цѣлый городъ изъ огня и дыма, съ поднимающимися надъ нимъ высокими трубами, изъ которыхъ одна имѣетъ до 40 саж. высоты. Тысячи сверкающихъ устьевъ печей озаряютъ ночной мракъ, обозначая цѣлую линію горновъ; всѣ постройки завода соединены между собою желѣзной дорогой, и болѣе 20.000 рабочихъ трудятся въ этихъ громадныхъ мастерскихъ надъ сплющиваніемъ и вытягиваніемъ желѣза для выдѣлки орудій, которыя служатъ, въ свою очередь, для выдѣлки различныхъ частей тяжелыхъ локомотивовъ, котловъ, поршней, колесъ, рельсовъ, колецъ, перекладинъ мостовъ и проч.

Въ Прирейнской Пруссіи, близъ Эссена, заводъ *Крупна*, скромно возникшій въ 1810 г. въ видѣ небольшой кузницы, сдѣлался однимъ изъ самыхъ удивительныхъ учрежденій этого рода въ цѣломъ свѣтѣ.

Не смотря на общій успѣхъ промышленности, во главѣ ея все еще стоитъ Англія. «По мѣрѣ того,—говоритъ Тэнъ,—какъ вы подвигаетесь въ этой каменноугольной странѣ, воздухъ омрачается дымомъ; фабричныя трубы, возвышающіяся, какъ обелиски, скучиваются сотнями и покрываютъ равнину, насколько можетъ окинуть глазъ; многочисленные перекрещивающіеся ряды высокихъ, однообразныхъ зданій изъ краснаго кирпича, проносятся передъ вашими глазами, точно ряды трудолюбивыхъ дѣятельныхъ ульевъ. Высокія печи пылаютъ въ туманѣ; я насчиталъ ихъ шестнадцать въ одномъ мѣстѣ; обломки руды громоздятся точно горы; локомотивы двигаются автоматически и быстро, какъ черные муравьи, и вдругъ, разомъ, вы попадаете въ чудовищный городъ. На одномъ заводѣ работаетъ 5.000 рабочихъ; на другой мануфактурѣ насчитывается 300.000 веретенъ.

«Все кажется здѣсь построеннымъ въ несоразмѣрныхъ пропорціяхъ, точно руками гигантовъ. Вы входите на какой-нибудь заводъ и ничего не видите, кромѣ желѣзныхъ столбовъ, толщи-

ною съ древесный стволъ, цилиндровъ, въ обхватѣ не меньше человѣческаго туловища, трубъ локомотивовъ, похожихъ на большіе дубы. Справьтесь, по статистическимъ даннымъ, сколько миль тканей эти люди выдѣлываютъ каждый годъ, сколько тысячъ тоннъ они ввозятъ и вывозятъ, на сколько милліардовъ они производятъ и потребляютъ; прибавьте къ этому промышленныя или торговыя области, которыя они основали въ Америкѣ, въ Азіи, въ Индіи, въ Австраліи,—и, быть можетъ, тогда, сосчитавъ людей и цѣнности, принявъ въ разсчетъ, что столица ихъ въ семь или восемь разъ больше столицы Франціи, что населеніе ихъ удвоилось въ теченіе 50 лѣтъ, что колоніи ихъ во всѣхъ странахъ съ здоровымъ климатомъ, становятся воспроизведеніемъ ихъ родины, вы получите отвлеченное и несовершенное понятіе о величіи совершаемаго ими дѣла» [1]).

При всемъ могуществѣ своихъ вспомогательныхъ средствъ, промышленность не могла бы развиваться, если бы не было облегчено распространеніе ея продуктовъ. XVII и XVIII вв. провели много новыхъ дорогъ и соединили рѣки каналами. Но на сколько отдаленными намъ кажутся эти времена, когда путешествовали въ тяжелыхъ и неудобныхъ дилижансахъ и почтовыхъ каретахъ съ безотрадною медленностью. Въ настоящее время лошади уже замѣнены паромъ, и кареты передвигаются длинными рядами по рельсамъ, влекомыя настоящими желѣзными чудовищами, дышащими огнемъ, оглашающими окрестности свистомъ и оставляющими за собой длинную полосу бѣлаго дыма.

Желѣзныя дороги считаются въ числѣ величайшихъ чудесъ въ новѣйшей промышленности. Для примѣра достаточно указать на одну французскую компанію *Paris-Lyon-Mediterranée* съ огромными вокзалами и съ мастерскими, похожими на города, съ 2 456 машинами и 83.766 вагоновъ всякаго рода. Если всѣ эти вагоны поставить одинъ за другимъ, то начало этого поѣзда находилось бы въ Ліонѣ, а конецъ—въ Парижѣ (около 500 верстъ). Прибавивъ къ этой цифрѣ число машинъ и вагоновъ другихъ французскихъ компаній, англійскихъ германскихъ, австрійскихъ и проч., мы получаемъ понятіе о громадности подвижного состава желѣзныхъ дорогъ.

Греческій историкъ Полибій описываетъ, какъ настоящее чудо, искусныя работы, предпринятыя Аннибаломъ, чтобы переправить своихъ слоновъ черезъ Рону. Гораздо труднѣе было переправлять черезъ рѣки локомотивы, вѣсъ которыхъ не можетъ идти въ сравненіе съ вѣсомъ слоновъ. Это удалось съ помощью желѣзныхъ мостовъ чрезвычайной крѣпости. *Віадуки*, съ помощью которыхъ уничтожаются различія уровня почвы и прокладывается путь надъ цѣлыми долинами, своей высотою превосходятъ самыя горделивыя работы римлянъ. Локомотивъ врѣзывается теперь въ горы, благодаря туннелямъ, и не останавливается даже передъ массивной стѣною Альпъ. Прорытіе Монсенисскаго туннеля было однимъ изъ лучшихъ доказательствъ высокой степени совершен-

[1]) H. Taine, *Histoire de la littérature anglaise.*

ства, достигнутаго механикой. Длина этого туннеля около 12 верстъ, и чтобы прорыть его нужно было 14 лѣтъ. Альпы прорыты были и въ другомъ мѣстѣ: Сенъ-Готардъ, несмотря на свою массивность, съ 1882 г. пропускаетъ локомотивы черезъ туннель длиною около 15 верстъ.

Желѣзныя дороги произвели въ промышленности и торговлѣ переворотъ болѣе значительный, чѣмъ тотъ, какой былъ вызванъ открытіями XV в. А между тѣмъ, прошло не болѣе пятидесяти лѣтъ со времени ихъ изобрѣтенія! Ими уничтожаются разстоянія и горы; окраины одной и той же страны приводятся въ быстрое сообщеніе; милліарды пудовъ товаровъ переносятся съ одного конца Европы въ другой. Цѣлыя населенія заняты постройкой и эксплоатаціей этихъ дорогъ, безпрестанно открывающихъ промышленности и торговлѣ новые выходы, приводящихъ въ неслыханное до тѣхъ поръ смѣшеніе людей и идеи, перемѣшивающихъ при этомъ непрерывномъ обмѣнѣ интересы всѣхъ націй, открывающихъ всѣ страны торговцамъ и туристамъ, измѣняющихъ нравы и обычаи этими ежедневными сближеніями,—развѣ во всемъ этомъ не замѣчается глубочайшаго превращенія старой Европы, нарушающаго множество традицій и предразсудковъ? И не вытекаетъ ли изъ этой легкости сообщенія логической необходимости невольнаго сближенія всѣхъ европейскихъ народовъ? Стоило ли прорывать Альпы, строить переправы черезъ рѣки, еслибы человѣкъ, со своими законами и со своею взаимной непріязнью, уничтожалъ послѣдствія своихъ удивительныхъ открытій? Локомотивъ не можетъ быть задержанъ: онъ не долженъ наталкиваться ни на какія препятствія, и, рано или поздно, всѣ препятствія исчезнутъ. Безъ сомнѣнія, мы видимъ Европу еще не такою, какою она должна быть: съ одной стороны, ее бороздятъ ежедневно тысячи поѣздовъ съ пассажирами и товарами, а съ другой, на ней сверкаетъ щетина штыковъ, не говоря о стѣсненіяхъ свободной торговли. Но это противорѣчіе будетъ выясняться съ каждымъ днемъ, и когда оно всѣми будетъ понято, оно перестанетъ существовать.

Давно прошло уже и то время, когда г-жа де-Севинье сожалѣла о бѣдныхъ почтальонахъ, которые по горамъ и по доламъ, въ жаръ и въ холодъ, возили ея письма въ Провансъ. Въ наши дни письма перевозятся съ такою же скоростью, какъ и путешественники; газеты получаются почти въ одно время во всѣхъ пунктахъ Франціи. Народы Европы почувствовали потребность еще болѣе облегчить эти непрерывныя сношенія путемъ *всемірнаго почтоваго союза*. Этотъ союзъ, уравнявшій почтовые тарифы и согласовавшій ихъ между собою, былъ заключенъ въ Бернѣ 9-го октября 1874 г. и расширенъ парижскимъ трактатомъ 1-го іюня 1878 года; въ него входятъ теперь и главныя государства Азіи, Африки и Америки.

Телеграфъ дополняетъ желѣзную дорогу, облегчая сношенія мысли. Европа превратилась въ одинъ городъ: ни въ одномъ углу ея не совершается ни одного важнаго событія, о которомъ тотчасъ же не оповѣщалось бы повсюду. Постройка телеграфныхъ линій, столь простая и сравнительно дешевая, позволяетъ увеличивать число ихъ почти до безконечности.

Желѣзныя дороги проводятся подъ землею, а телеграфы подъ водой. Въ 1849 г. съ помощью каучука, вывезеннаго съ Малайскаго архипелага и представляющаго превосходный изоляторъ, оказалось возможнымъ изготовить телеграфный кабель, который былъ уложенъ въ 1851 г. между Дувромъ и Кале; это было труднымъ дѣломъ, но успѣхъ его поощрилъ къ изготовленію болѣе толстыхъ и длинныхъ кабелей. Подобные кабели были протянуты по дну Чернаго моря, а также черезъ Атлантическій океанъ.

Съ помощью громаднаго корабля *Грэтъ-Истерна*, электрическій кабель былъ уложенъ между Ирландіей (Валенція) и Ньюфаундлэндомъ. Европа, такимъ образомъ, была связана съ Америкой. Съ 1865 до 1872 г. были погружены еще новыя нити, и теперь три кабеля связываютъ Англію съ Америкой. Франція въ 1869 г. пожелала имѣть свой кабель, который идетъ отъ Бреста къ маленькому островку (Сенъ-Пьеръ) близъ Ньюфаундлэнда; двѣ другія линіи связываютъ ее съ Антильскими островами и съ Южной Америкой. Европа соединена телеграфными нитями и съ Азіей, и недалеко то время, когда весь міръ будетъ окутанъ ими.

Новыя потребности торговли и духъ предпріимчивости привели къ созданію океанскаго судоходства. Прежнія суда оказались недостаточными: явилась необходимость ихъ расширить и, придавая имъ болѣе вѣса, придать имъ въ то же время болѣе быстроты хода. Эта задача была разрѣшена, и изъ верфей выпускались поразительныя, по своимъ размѣрамъ, суда, вмѣщавшія 8.000 и болѣе тоннъ и приводившіяся въ движеніе машинами болѣе 1.500 лошадиныхъ силъ. «Гретъ-Истернъ», построенный со спеціальной цѣлью укладки электрическаго кабеля, вмѣщалъ 24.00 тоннъ и двигателя въ 2.600 лошадиныхъ силъ. Тяжесть увеличивала скорость, такъ какъ ею увеличивалось сопротивленіе морскому волненію. Для полученія этой тяжести, употреблялось въ дѣло желѣзо, а для усиленія быстроты, колеса замѣнены были винтомъ. Въ настоящее время почтовые пароходы въ одну недѣлю переплываютъ Атлантическій океанъ, и большіе порты Европы, Лондонъ, Ливерпуль, Антверпенъ, Амстердамъ, Гавръ, Бордо, Марсель и пр. находятся въ прямыхъ и быстрыхъ сношеніяхъ со всѣми частями свѣта. Океанъ сталъ дорогой, которую безпрерывно бороздятъ суда всевозможныхъ размѣровъ. Пароходы, поддерживающіе сообщеніе между Старымъ и Новымъ Свѣтомъ, настоящіе плавучіе дворцы, гдѣ скука однообразнаго переѣзда сокращается всевозможными развлеченіями, концертами и даже спектаклями. Нельзя было бросить болѣе гордаго вызова стихіямъ.

Для желѣзныхъ дорогъ теперь прорываютъ горы, для пароходовъ—перерѣзываютъ перешейки. Уничтоженіемъ преграды, отдѣлявшей Средиземное море отъ Краснаго и препятствовавшей сближенію Европы и Индіи, міръ обязанъ французской иниціативѣ. Естественныя затрудненія увеличивались недоброжелательнымъ отношеніемъ египетскаго правительства и недовѣрчивостью Англіи; долгое время англійскіе дипломаты старались вліять на вице-короля Египта, а также и на самого султана, чтобы помѣшать одному изъ полезнѣйшихъ предпріятій нашего вѣка. 15 декабря

1858 г. *Фердинандъ Лессепсъ*, бывшій французскій дипломатъ, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ публичнаго разъясненія важности этого предпріятія, поѣздокъ и переговоровъ, составилъ, наконецъ, *Компанію Суэцкаго перешейка*. Начиная съ марта слѣдующаго года, землекопныя работы не прекращались, пока 1869 г. волны Краснаго и Средиземнаго моря не слились между собою. Каналъ отъ Портъ-Саида до Суэца имѣетъ длину въ 160 километровъ. Каналъ прѣсной воды, открывающійся въ Измаиліи, приноситъ воду Нила и дѣлаетъ возможнымъ обработку почвы. Вся эта мѣстность стала обитаемой, и въ ней основываются новые города. Болѣе 3.000 судовъ ежегодно проходятъ черезъ каналъ.

Успѣхъ этого громаднаго предпріятія вызвалъ другое, подобное ему, подъ управленіемъ того же Лессепса. Онъ предпринялъ прорытіе Панамскаго перешейка. Этотъ каналъ долженъ имѣть 73 километра длины, отъ Колона (Аспинваля) до Панамы.

Быстрота сообщеній привела къ созданію *всемірныхъ выставокъ*, на которыхъ каждый народъ старается показать успѣхи своей промышленности и ознакомиться съ успѣхами, достигнутыми другими народами. Первая всемірная выставка была устроена въ 1851 г. въ Англіи, по иниціативѣ принца Альберта, супруга королевы Викторіи, въ изящномъ *Хрустальномъ дворцѣ*, выстроенномъ для этого международнаго торжества. Въ 1855 г. настала очередь Франціи созвать другія націи, которыя, за исключеніемъ Россіи, занятой въ то время войною, прислали свои произведенія; все это было собрано въ Елисейскихъ поляхъ, въ обширномъ зданіи, выстроенномъ наскоро, и отличавшемся, скорѣе, размѣрами, чѣмъ величественностью; 20.000 экспонентовъ соперничали тамъ между собою. Англія устроила новое состязаніе въ 1862 г., происходившее въ Кенсингтонскомъ дворцѣ. На этой выставкѣ перебывало болѣе шести милліоновъ посѣтителей. Затѣмъ, Франція, возбужденная соревнованіемъ, устроила превосходную выставку въ 1867 г. Это былъ уже не дворецъ, а громадный циркъ изъ желѣза и чугуна на Марсовомъ полѣ въ Парижѣ. Въ 1873 г. всемірная выставка опять привлекла многочисленную толпу въ *Вѣну*, а въ 1876 г. Новый Свѣтъ, слѣдуя примѣру Стараго, устроилъ такую же выставку въ *Филадельфіи*. Въ 1878 г. Марсово поле въ Парижѣ было еще разъ превращено въ громадный желѣзный дворецъ, къ которому присоединенъ былъ другой, каменный, въ Трокадеро, уцѣлѣвшій до настоящаго времени. Даже Австралія пожелала имѣть свою выставку и устроила одну изъ нихъ въ *Сиднеѣ* въ 1879 г., а другую въ *Мельбурнѣ* въ 1880 г., не говоря уже о частныхъ выставкахъ въ Италіи, Бельгіи, Голландіи и проч.

Въ Лондонѣ, въ 1851 г., возникла мысль о *международномъ статистическомъ конгрессѣ*, состоявшемся въ *Брюсселѣ* въ 1853 г., затѣмъ въ *Парижѣ* (1855), въ Вѣнѣ (1857), въ *Лондонѣ* (1860) и т. д. Кромѣ того, устраивались многочисленные конгрессы для обсужденія вопросовъ научныхъ, медицинскихъ и экономическихъ, которые, въ настоящее время, болѣе чѣмъ когда-либо, сближаютъ ученыхъ всѣхъ странъ въ обширную семью, гдѣ различныя на-

ціональности стараются отличиться лишь пыломъ своего усердія и значеніемъ своихъ открытій.

Въ 1855 г. основалось также общество для распространенія *метрической системы*. Голландія, Бельгія, Италія, затѣмъ Испанія и Португалія приняли эту столь раціональную систему. Въ Англіи (1864), постановленіемъ парламента, она была допущена, но не сдѣлана оффиціальной. Въ 1869 г. французское правительство, въ отвѣтъ на желаніе, высказанное Парижской академіей наукъ, пригласило правительства разныхъ странъ принять участіе въ коммиссіи, ва обязанности которой лежало установить *метръ*, какъ международную единицу мѣры. Предложеніе это было принято, депутаты различныхъ державъ собрались въ Парижѣ (1870—1872), образовали постоянный комитетъ, и дипломатической конференціей было утверждено *международное бюро вѣсовъ* и *мѣръ*.

Сношенія различныхъ странъ между собою сдѣлались столь частыми, что *единство монеты* становится все болѣе и болѣе необходимымъ. Всѣ народы единогласно отдаютъ предпочтеніе *десятичной системѣ*, столь ясной и простой, какъ для большихъ, такъ и для самыхъ мелкихъ вычисленій. Старинныя привычки, впрочемъ, такъ сильны, что единство монеты могло осуществиться лишь въ *Швейцаріи*, *Бельгіи* и *Италіи*. Въ 1866 г. между этими странами была заключена монетная конвенція, и теперь уже болѣе 70 милліоновъ человѣкъ пользуются въ торговлѣ одной и той же монетной системой. Въ 1867 г. десятичная система введена была и въ Румыніи.

Торговля живетъ кредитомъ. Поэтому, кредитныя учрежденія, *банки* получили неслыханное до тѣхъ поръ развитіе. Въ Англіи, кромѣ государственнаго банка, существуетъ множество частныхъ банковъ (болѣе 2.250), одинаково пользующихся привиллегіей выпуска бумажныхъ денегъ. Во Франціи эта привиллегія принадлежитъ одному *Французскому банку*. Но и въ этой странѣ существуютъ многочисленныя кредитныя общества подъ различными наименованіями, имѣющія цѣлью принимать вклады частныхъ лицъ, выдавать деньги подъ товары, учитывать векселя и т. п. Разнообразныя государственныя ренты, *акціи* обществъ и различныя облигаціи повели къ развитію денежныхъ рынковъ или *биржъ*, находящихся въ общеніи между собою. Въ этомъ громадномъ обращеніи коммерческихъ цѣнностей происходятъ иногда смуты, вслѣдствіе политическихъ или экономическихъ причинъ, ведущія за собою катастрофы или *крахи*, называющіяся этимъ словомъ послѣ финансоваго кризиса, происшедшаго въ Вѣнѣ. Частыя раззоренія, вслѣдствіе биржевыхъ операцій, показываютъ, какъ опасно забывать уроки, которые должны быть памятны послѣ слишкомъ смѣлыхъ операцій Лоу. *Страхованіе* отъ пожара и отъ другихъ стихійныхъ бѣдствій и *страхованіе жизни* получили въ новѣйшее время замѣчательное развитіе.

Англія, смѣло выступивъ противъ прежнихъ предразсудковъ, начала въ 1846 г. торговыя реформы, широко открывъ свои двери иностранному хлѣбу и скоту и отказавшись отъ *запретительной*

системы. Франція въ 1860 г. внезапно очутилась на пути свободной торговли по волѣ императора Наполеона III; коммерческій трактомъ съ Англіей былъ навязанъ французской промышленности, недостаточно подготовленной къ борьбѣ съ англійской конкурренціей. Впрочемъ, Франція отъ запретительной системы перешла только къ покровительственной, и довольно высокія пошлины поддерживались еще на товары изъ сосѣднихъ странъ, которыя почти безпошлинно пускали къ себѣ французскія вина и земледѣльческіе продукты.

Пруссія въ 1870 г. принудила Францію франкфуртскимъ трактатомъ принять невыгодную статью, въ силу которой Пруссіи предоставлены были права наиболѣе благопріятствуемой державы, чѣмъ широко воспользовалась германская промышленность. Экономическая система, вообще, была предметомъ оживленныхъ преній во французскихъ палатахъ, при чемъ покровительственныя теоріи взяли верхъ, не добившись, однако, полнаго торжества. Торговые трактаты подверглись большимъ измѣненіямъ, и Франція, такъ же какъ и вся Европа, колеблется между свободной и покровительственной торговлей. Америка, въ свою очередь, стала на сторону протекціонизма и высокими тарифами ограждаетъ себя отъ ввоза европейскихъ продуктовъ, даже произведеній искусства, какъ будто эти послѣднія имѣютъ рыночную цѣнность и могутъ появляться, благодаря покровительственному тарифу.

Безъ сомнѣнія, народы имѣютъ право и даже обязанность защищать законные интересы своей промышленности, но развѣ для этого нѣтъ другихъ средствъ, кромѣ фиктивныхъ преградъ, тогда какъ люди повсюду уже одолѣли всѣ естественныя преграды? На самомъ дѣлѣ, стоитъ ли прорывать горы и прорѣзывать перешейки, удвоивать скорость локомотивовъ и пароходовъ, увеличивать число телеграфовъ и телефоновъ, если международная торговля встрѣчаетъ на всѣхъ границахъ сѣти таможень, задерживающихъ ея движенія и затрудняющихъ ея усилія? Успѣхи наукъ и постоянное смѣшеніе народовъ требуютъ реформы экономическихъ законовъ и общаго соглашенія между націями. Это должно быть одною изъ задачъ будущаго.

Несмотря на существующія стѣсненія, торговая дѣятельность народовъ, тѣмъ не менѣе, представляетъ необычайное зрѣлище. Трудно даже представить себѣ количество ежегодно заключающихся сдѣлокъ и множество обмѣниваемыхъ товаровъ. Англія значительно превосходитъ всѣ другія государства обширностью и богатствомъ своихъ колоній въ Африкѣ, Азіи и Америкѣ и своими разнообразными сношеніями со всѣми странами. Лондонъ является средоточіемъ ея торговли, распространенной по цѣлому свѣту. Достаточно взглянуть на массу судовъ, заключающихся въ докахъ этого города, а также въ портахъ Ливерпуля, Гулля, Бристоля, Портсмута, Соутгэмптона въ Англіи, Антверпена въ Бельгіи, Амстердама и Роттердама въ Голландіи, Гавра, Нанта, С. Назэра, Бордо и Марселя во Франціи, Неаполя, Генуи и Венеціи въ Италіи, Тріеста въ Австріи, Гамбурга въ Германіи и Константинополя въ Турціи, чтобы убѣдиться въ громадности торговыхъ оборотовъ нашего времени.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„МІРЪ БОЖІЙ".

Ноябрь 1896 г.

Содержаніе. Беллетристика.—Публицистика.—Исторія литературы.—Исторія всеобщая и русская.—Философія и психологія—Новости иностранной литературы.—Новыя книги, поступившія въ редакцію.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

Н. Новичъ. «Съ чужихъ полей».—*Ф. Нефедовъ.* «Дѣтство Протасова».—*И. Мясницкій.* «Гостиннодворцы».—*И. Рукавишниковъ.* «Сѣмя, поклеванное птицами».—*Дж. Ингрэмъ.* «Царь изъ дома Давида».—«Собраніе сочиненій» *Ф. Шпильгагена.*

Н. Новичъ. Съ чужихъ полей.—Сборникъ стихотворныхъ переводовъ «Маленькая антологія». Спб., 1896 г. Ц. 40 к. Мы уже говорили о первомъ выпускѣ «Маленькой антологіи», посвященномъ поэзіи Японіи и Китая. «Съ чужихъ полей» даетъ избранныя стихотворенія лирическаго характера изъ разныхъ европейскихъ поэтовъ, менѣе извѣстныхъ у насъ, каковы датскіе лирики Винтеръ, Оерструпъ и Драхманъ, или чешскіе—Верхлицкій и Святотополкъ Чехъ. Изъ болѣе знакомыхъ русскому читателю попадаются Бернсъ, Петефи и Шелли. Выборъ пьесъ сдѣланъ очень удачно, что придаетъ этой маленькой изящной книжечкѣ общій характеръ задушевности и мягкой грусти, вполнѣ отвѣчающій цѣли, которою задаются издатели «Маленькой антологіи». Тонкій вкусъ и большое знакомство съ переводимыми авторами показываютъ, что все изданіе, задуманное широко, составитъ цѣнное пріобрѣтеніе для всѣхъ любящихъ поэзію, ищущихъ въ ней и отдыха и вдохновенія въ трудныя минуты. Все проходитъ, какъ тяжелый сонъ, оставляя тоску нераздѣленныхъ чувствъ и привкусъ неудовлетворенности. Вѣчна только поэзія съ ея неумирающей красотой, далекой и чуждой житейской пошлости. «Маленькая антологія» заслуживаетъ, поэтому, вниманія читателей, какъ новый вкладъ въ переводную литературу, дѣлающій ему доступнымъ такихъ поэтовъ, о которыхъ онъ едва ли даже слышалъ.

Всѣ пьесы переведены хорошо, нѣкоторыя даже съ рѣдкимъ искусствомъ, какъ, напр., слѣдующее граціозное меланхолическое стихотвореніе Эдгара По, котораго наши читатели привыкли имѣть только въ прозѣ. Озаглавлено оно «Эльдорадо»:

Былъ рыцарь—красы, выходящей изъ ряда...
По солнцу и въ сумракѣ тѣни
Онъ странствовалъ, смѣлый и чуждый сомнѣній,
И съ пѣсней искалъ Эльдорадо.

Но гасъ постепенно огонь его взгляда,
Ложились въ душѣ его тѣни,
И падали силы отъ тщетныхъ стремленій
Найти на землѣ Эльдорадо.

И видя, что жизнь измѣнить ему рада,
Спросилъ онъ у страниицы-тѣни:
«О, тѣнь, укажи мнѣ, гдѣ край наслажденій,
Открой, гдѣ лежитъ Эльдорадо?»

— «За лунныя горы сойти тебѣ надо,
Въ долину полуночной тѣни»,
Отвѣтила тѣнь: «послѣ ряда лишеній
Тамъ смѣлый найдетъ Эльдорадо!»

Не менѣе хороши переводы изъ Верлэна, Бернса, Верхлицкаго, въ особенности, народныя пѣсни съ словацкаго и малорусскаго языковъ, въ которыхъ переводчикъ съумѣлъ передать задушевную грусть и легкій юморъ, составляющіе сущность лирики этихъ славянскихъ народностей.

Н. Нефедовъ. Дѣтство Протасова. Повѣсть. Изд. второе. Москва. 1896 г. Ц. 40 к. «Дѣтство веселое, дѣтскія грёзы... Только васъ вспомнишь,—улыбка и слезы»... Такимъ эпиграфомъ снабдилъ г. Нефедовъ свою повѣсть, прочитавъ которую можно замѣтить: «слишкомъ много улыбокъ и слишкомъ много слезъ». Слащавая приторность, проникающая всю повѣсть, дѣлаетъ ее непріятной, не говоря уже о полной нехудожественности разсказа, который ведется отъ перваго лица, страшно растянутъ и переполненъ не интересными и совсѣмъ ненужными подробностями. Разныя «бабиньки», «тетеньки» и прочія весьма почтенныя и добродѣтельныя родственницы разсказчика проходятъ предъ читателемъ, рѣшительно недоумѣвающимъ, зачѣмъ нужно знакомство съ ними. Авторъ расплывается въ описаніяхъ различныхъ друзей дѣтства, школьной жизни, необыкновенныхъ успѣховъ героя въ ученіи, но недоумѣвающаго читателя все время не оставляетъ вопросъ: зачѣмъ, зачѣмъ все это нужно? И это потому такъ, что г. Нефедовъ совсѣмъ не художникъ. Онъ не можетъ заставить читателя смотрѣть на все такъ, какъ автору угодно, не въ силахъ передать ему свое настроеніе. Мы не сомнѣваемся, что для самого г. Нефедова воспоминанія дѣтства, дѣйствительно, дороги и милы, дѣйствительно вызываютъ въ немъ «улыбку и слезы», но сами остаемся все время оскорбительно холодны и равнодушны. У автора, несомнѣнно, было много хорошихъ чувствъ и не мало самыхъ лучшихъ намѣреній, когда онъ вздумалъ посвятить насъ въ тайны своего дѣтства. Къ сожалѣнію, его мысли остались не договоренными, а намѣренія не выполнены. Когда онъ, напр., разсказываетъ о томъ подъемѣ патріотическихъ чувствъ, какой пережили онъ и его сверстники въ эпоху осады Севастополя, мы вмѣстѣ съ отцомъ протопопомъ, экзаменовавшимъ автора, готовы сказать: «Умилительно видѣть, какъ въ такомъ отрокѣ внѣдрились и страхъ божій, и любовь къ отечеству!» Сами, однако, испытываемъ отнюдь не подъемъ патріотизма, а досадливое ощущеніе неловкости, какъ при видѣ неудачника актера, изъ силъ выбивающагося, чтобы насъ растрогать.

Тѣмъ не менѣе, второе изданіе этой ничтожной вещи заставляетъ думать, что у г. Нефедова есть свои любители. Подкупаетъ ихъ, очевидно, тотъ слащаво-народническій духъ, который, постепенно выдыхаясь въ литературѣ, все еще находитъ своихъ цѣнителей среди болѣе невзыскательныхъ читателей. Неразвитый

вкусъ и неумѣнье отличить фальшь отъ художественной правды, разъ первая сдобрена народолюбивыми намѣреніями, не позволяютъ такимъ читателямъ понять всю дѣланность «народа», какимъ его изображаютъ гг. Нефедовы. Если припомнимъ, какъ сравнительно недавно еще этотъ дѣланный по рецепту народниковъ «народъ» господствовалъ въ литературѣ, то станетъ вполнѣ понятнымъ, если и любитель такого народа еще не вывелся среди читателей.

И. Мясницкій. Гостинодворцы. Повѣсть. Москва. 1896 г. Ц. 2 р. Существуетъ особый сортъ литературы, который лучше всего можно охарактеризовать литературой подворотни, — той подворотни, гдѣ обыкновенно въ свободные часы собирается misera plebs большихъ столичныхъ домовъ и зубоскалитъ надъ собой и проходящими. Въ этой литературѣ, какъ и среди публики подворотни, есть свои любимцы, задающіе тонъ и главенствующіе надъ остальной, болѣе чѣмъ невзыскательной, средой. Въ Петербургѣ въ такой подворотной литературѣ выдвинулся г. Лейкинъ, въ Москвѣ—г. Мясницкій. Оба неистощимы и, въ своемъ родѣ, оригинальны, хотя мѣрить ихъ надо совсѣмъ особой мѣркой. Это — оригинальность лакейской, сущность ея заключается въ ковырканіи словъ, возможно потѣшнѣе и несообразнѣе. Уловивъ двѣ-три рѣзкія черты купеческаго быта, въ которомъ разыгрываются обыкновенно «сюжетцы» г.г. Лейкиныхъ и Мясницкихъ, эти литераторы продѣлываютъ съ ними постоянно одно и то же, смотря по сезону, мѣняя лишь одежду героевъ, мѣсто дѣйствія и яствія, занимающія въ ихъ разсказахъ самое выдающееся мѣсто. Публика лакейской невзыскательна до послѣдней степени и добродушно хохочетъ надъ пережовываніемъ однихъ и тѣхъ же словечекъ, однѣхъ и тѣхъ же потѣшныхъ черточекъ, а сами авторы за славой не гонятся, довольствуясь гонораромъ. Но иногда, «завистью-ль лукавый мучитъ ихъ», или по иной для насъ непонятной причинѣ, тотъ или другой изъ этихъ «литераторовъ» вдругъ воспаритъ духомъ и разразится толстой повѣстью, написанной на высокія темы, — и въ этомъ-то и заключается верхъ комизма. Такую именно повѣсть и состряпалъ знаменитый авторъ «Московскаго Листка» г. И. Мясницкій. Онъ возжелалъ обличить самодурство московскихъ гостинодворцевъ, раскрыть ихъ «необразованность» и преподать имъ нѣсколько душеспасительныхъ совѣтовъ. Можно себѣ представить, какая ахинея (выражаясь жаргономъ г. Мясницкаго) получилась подъ перомъ автора такихъ «сочиненій», какъ «Женитьба Крутозобова», «Смѣха ради», «Ихъ степенства» и проч. Нельзя не подивиться только борзописанію г. Мясницкаго, накатавшаго сорокъ листовъ убористой печати, правда, почти все коротенькими строчками, ибо подворотня не любитъ «гдѣ ежели сплошь написано», какъ выражается героиня разсказа Гл. И. Успенскаго «Скучающая публика».

Иванъ Рукавишниковъ. Сѣмя, поклеванное птицами. Повѣсть. Москва. 1896 г. Ц. 75 к. Г. Рукавишниковъ писатель, должно быть, еще совсѣмъ молодой, чѣмъ и объясняется претенціозное названіе его ничтожной повѣстушки, безсодержательной и странной.

*

Авторъ имѣетъ, повидимому, зубъ противъ врачей, которыхъ онъ обвиняетъ ни болѣе, ни менѣе, какъ въ уничтоженіи геніальности на землѣ. Они-то и являются птицами, поклевавшими сѣмя. Врачи выдумали новую болѣзнь, заключающуюся въ несоразмѣрности роста тѣла и интеллекта. Это и прежде случалось нерѣдко, но раньше такихъ людей считали выдающимися, геніями, великими людьми, тогда какъ теперь всѣ поняли, что это просто больные, которыхъ лѣчить надо,—и ихъ лѣчатъ. Въ результатѣ геніи превращаются въ простыхъ смертныхъ, къ большому удовольствію для себя и родныхъ, но къ великому ущербу для человѣчества. Свою мысль авторъ иллюстрируетъ крайне жалостно и смѣхотворно, выбравъ представителемъ геніальности больного, хромого мальчика, пишущаго глупые стихи, отъ чего въ концѣ концовъ онъ сходитъ съ ума. Генія везутъ на теплыя воды, лѣчатъ отъ переразвитія, и онъ превращается въ обыкновеннаго пшюта. Изложено все это безсвязно, съ постоянными потугами на глубокомысліе, съ намеками, непонятными читателю, что въ общемъ производитъ впечатлѣніе какого-то безсвязнаго, полусознательнаго бормотанія. Такова повѣсть г. Рукавишникова, угрожающаго читателямъ новой повѣстью «Карьера Сазонова», какъ значится на обложкѣ. Смѣлость полезна и необходима только въ любви, а никакъ не въ литературѣ, гдѣ никогда не надо забывать мудрый совѣтъ Берне: «написавъ глупость, слѣдуетъ выждать, пока читатели ее забудутъ».

Царь изъ дома Давида. Съ англійскаго. Е. М. Изд. «Новой библіотеки» А. Суворина. 1896 г. Ц. 60 к. Въ свое время большую сенсацію, какъ въ Англіи, такъ и у насъ, произвелъ знаменитый романъ Уоллеса «Во время оно», въ которомъ впервые выведенъ Спаситель, какъ одно изъ дѣйствующихъ лицъ. Интересная фабула, художественная отдѣлка подробностей, вѣрность исторической правдѣ,—все это снискало роману огромную популярность, и на русскомъ языкѣ онъ вышелъ въ нѣсколькихъ переводахъ и выдержалъ нѣсколько изданій. Произведеніе англійскаго профессора Ингрэма «Царь изъ дома Давида» относится къ той же категоріи историческихъ романовъ, какъ и «Во время оно» Уоллеса, но далеко уступаетъ послѣднему въ достоинствахъ. Ингрэмъ прежде всего не художникъ, а только очень, повидимому, ученый богословъ, задавшійся цѣлью написать общедоступное научное поясненіе къ евангельскому тексту. Романическая подкладка играетъ послѣднее мѣсто въ его произведеніи, которое, въ сущности, представляетъ очень подробный пересказъ земной жизни Спасителя, какъ она описана въ четырехъ евангеліяхъ. Попутно авторъ дѣлаетъ къ нимъ комментаріи и разъясненія, въ видѣ массы ссылокъ на соотвѣтственныя мѣста изъ библіи. Въ общемъ трудъ англійскаго богослова не достигаетъ цѣли, которая имѣлась въ виду. Въ пересказѣ Ингрэма совсѣмъ исчезаетъ обаятельная прелесть евангельскаго преданія, благодаря сухому языку и неумѣнью передать то настроеніе, которое охватываетъ каждаго при чтеніи евангелія. Ученыя доказательства, постоянно переплетающіяся съ евангельскимъ текстомъ, расхолаживаютъ читателя, для котораго, если онъ вѣрующій, никакія доказательства не нужны, а если не

вѣрующій—никакія доказательства не убѣдительны. Крайне неудачная форма, къ которой прибѣгнулъ англійскій богословъ, въ видѣ пространныхъ писемъ отъ дочери къ отцу, не вѣрующему въ явленіе Спасителя, еще усиливаетъ не художественность произведенія и производитъ постоянную путаницу въ событіяхъ. Книга въ концѣ концовъ производитъ досадливое впечатлѣніе томительной скуки и раздражаетъ читателя, которому надо обладать большимъ терпѣніемъ, чтобы одолѣть ученыя разсужденія автора, не умѣющаго быть популярнымъ.

Собраніе сочиненій Ф. Шпильгагена. Пер. съ нѣм. 2 серіи по 8 томовъ. Спб., 1896. Изд. товар. «Общественная Польза». Недавно появились въ новомъ русскомъ переводѣ романы Ф. Шпильгагена, который пользовался въ свое время очень громкой славой и имѣлъ воспитательное значеніе для цѣлаго поколѣнія молодежи. Поколѣніе это давно выросло и вмѣстѣ съ измѣнившимися задачами времени измѣнились и литературные вкусы. Для нынѣшней молодежи Шпильгагенъ едва ли годится въ воспитатели, и романы его отнынѣ подлежатъ только безпристрастной литературной критикѣ. Новый переводъ романовъ даетъ поводъ къ переоцѣнкѣ того, чѣмъ прежде такъ увлекались и что совершенно забылось при смѣнѣ поколѣній. Если примѣнить къ романамъ Шпильгагена чисто эстетическую точку зрѣнія, они окажутся несостоятельными и не представляющими особаго интереса. Но въ исторіи литературы, въ развитіи нѣмецкаго романа, Шпильгагенъ играетъ очень крупную роль,—и это обезпечиваетъ интересъ къ его произведеніямъ даже и теперь.

Произведенія Шпильгагена нѣмецкіе критики причисляютъ къ жанру Zeitroman'овъ, т. е. романовъ, отражающихъ свою эпоху. Происхожденіе этого жанра слѣдуетъ отнести ко времени 48-го года, а главнымъ представителемъ такого Zeitroman'а можно считать Фридриха Шпильгагена. Типы, которые онъ рисуетъ, идеи, которыя онъ проводитъ въ своихъ романахъ, пессимизмъ, накладывающій отпечатокъ безсилія и трагизма на его героевъ,—все это результатъ общей приниженности общественнаго духа, наступившей послѣ разгрома надеждъ революціонной поры. Люди вступали въ дѣятельную жизнь съ великими ожиданіями, съ титаническими намѣреніями; но, не обладая достаточными силами для выполненія своихъ мечтаній, оказывались половинчатыми во всѣхъ своихъ начинаніяхъ, и въ концѣ концовъ погибали. Причины этого безсилія Шпильгагенъ, какъ и другіе его современники, видѣлъ отчасти въ психологическихъ причинахъ, т. е. въ самой натурѣ людей безвременья, отчасти же въ общественныхъ условіяхъ, въ несправедливомъ господствѣ аристократіи, подавляющей свѣжія силы буржуазнаго населенія, и въ общей борьбѣ классовъ и состояній

Эти элементы составляютъ содержаніе и идею перваго изъ крупныхъ романовъ Шпильгагена «Проблематическія натуры». Уже Гете далъ формулу «проблематическихъ» натуръ, т. е. такихъ, которыя не подходятъ ни къ одному положенію, создаваемому жизнью, и вѣчно терзаются, сознавая весь фатализмъ этого

разлада. Чрезъ весь романтизмъ прошла серія этихъ проблематическихъ натуръ, то въ видѣ «титановъ» и «титанидъ», воспѣтыхъ Жанъ-Поль-Рихтеромъ, то «поэтовъ и воителей» въ романахъ Лаубе, «эпигоновъ» въ романахъ Циммермана и т. д. У Шпильгагена является новая разновидность этого рода. У его проблематическихъ натуръ отсутствуетъ воля, но сильны внутреннія потребности болѣе высокой правды. Они колеблются между этическими идеалами и эпикурейской жаждой наслажденій и, смотря по тому, къ какой изъ этихъ двухъ крайностей ближе ихъ натуры, являются различныя степени ихъ «проблематичности». Наслаждаться жизнью и презирать ее—вотъ два полюса, ограничивающихъ жизнь главныхъ лицъ романа: благороднаго учителя Освальда Штейнъ, профессора Бюргера, Альберта Тима и преисполненнаго благородныхъ мужественныхъ порывовъ барона Ольденбурга. Въ нихъ воплощены всѣ нюансы проблематическихъ натуръ: лирическая міровая скорбь и идеалистическій экстазъ представлены въ главномъ героѣ Штейнѣ, который соединяетъ байронизмъ міросозерцанія съ нѣкоторою склонностью къ аристократическому образу жизни; философскій пессимизмъ и презрѣніе къ жизни изображены въ профессорѣ Бюргерѣ, утонченный эгоизмъ—въ нравственно павшемъ Тимѣ, романически-юмористическій скептицизмъ—въ баронѣ Ольденбургѣ. Жизненное безсиліе этихъ натуръ, непригодность ихъ для жизни доказывается Шпильгагеномъ тѣмъ фактомъ, что всѣ они, за исключеніемъ одного Ольденбурга, погибаютъ на баррикадахъ во время революціи 48 года. Этимъ концомъ, какъ и схожимъ окончаніемъ Тургеневскаго Рудина, подписывается приговоръ цѣлому поколѣнію, которое ничего не создало, кромѣ словъ, и не въ состояніи было справиться съ задачами жизни. Съ этой основной задачей романа Шпильгагенъ связываетъ другую — изображеніе борьбы аристократическаго и демократическаго начала германскаго общества. Но его крайне одностороннее и пристрастное изображеніе портитъ художественное впечатлѣніе романа.

Борьба классовъ и трагизмъ отношеній между угнетателями и угнетаемыми составляетъ содержаніе и другаго изъ большихъ романовъ Шпильгагена «Молотъ и наковальня». Въ этомъ романѣ проповѣдуется слишкомъ точная формула общественной этики, не укладывающаяся въ рамки художественнаго произведенія. Авторъ хочетъ доказать, что натуры, согласныя быть только наковальней и не проявляющія самостоятельной жизненной силы, должны погибнуть и что, съ другой стороны, люди, которые слишкомъ безжалостно орудуютъ молотомъ, не обращая вниманія, на чьи головы онъ опускается, подлежатъ уничтоженію. Всякій въ своей жизни долженъ быть и молотомъ, и наковальней, и такое идеальное сочетаніе противоположныхъ свойствъ характера и принциповъ дѣятельности авторъ показываетъ въ своемъ героѣ, Георгѣ. Ему пришлось дорого поплатиться за безхарактерность юношеской поры и отсидѣть долгіе годы въ рабочемъ домѣ только потому, что онъ поддался окружавшему его злу и сдѣлался его орудіемъ. За то годы заточенія и вліяніе идеальнаго директора тюрьмы

воспитали въ немъ правильный взглядъ на жизнь. Онъ вступаетъ въ общество перерожденнымъ, проводитъ въ дальнѣйшей жизни принципъ молота и наковальни и торжествуетъ, благодаря этому, надъ всѣми трудностями жизни, оказывается успѣшнымъ реформаторомъ въ рабочемъ вопросѣ и въ личной жизни обрѣтаетъ нравственные устои, помогающіе ему все переносить, даже смерть любимой жены. Этотъ романъ съ оптимистическимъ исходомъ производилъ въ свое время бодрящее впечатлѣніе. Объективному читателю нашего времени онъ покажется только узко тенденціознымъ. Всѣ положенія пригнаны къ идеѣ автора, и успѣхи Георга не трогаютъ, потому что они совершенно не вытекаютъ изъ положенія вещей. Кромѣ того, самая борьба классовъ представлена въ слишкомъ одностороннемъ освѣщеніи.

Лучшимъ произведеніемъ Шпильгагена считается романъ «Одинъ въ полѣ не воинъ». Въ немъ авторъ проводитъ идею чисто демократическаго характера, что отдѣльные люди, какъ бы высоки ни были ихъ стремленія и велики исполнительныя силы, все-таки не могутъ создать ничего прочнаго,—общественное благо создается лишь честной сплоченностью членовъ, взаимнымъ пониманіемъ массъ. Но герой романа, созданный нѣсколько по образцу Ласаля, Лео, кажется лишь фразеромъ, безсильнымъ отдаться проповѣдуемой имъ идеѣ. Онъ стремится создать свободу труда, но все дѣлаетъ, чтобы удовлетворить иному, болѣе сильному мотиву своей натуры—властолюбію; колеблясь между этими двумя полюсами, онъ кажется во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ не героемъ, создающимъ то, что онъ хочетъ, а игрушкой своихъ безсознательныхъ инстинктовъ. Онъ ничѣмъ не выдѣляется изъ либеральнаго войска, которому себя противопоставляетъ, и въ этомъ причина его окончательнаго пораженія. Желая нарисовать трагическую судьбу героя, Шпильгагенъ вывелъ только человѣка толпы, поставивъ его въ несоотвѣтствующія условія Въ этомъ основная слабость романа, съ которой связано множество чисто художественныхъ недочетовъ.

Кромѣ этихъ главныхъ трехъ романовъ, Шпильгагенъ написалъ множество другихъ, проводя, въ сущности, однѣ и тѣ же идеи, выводя одни тѣ же, односторонне освѣщенные, типы различныхъ общественныхъ классовъ. Въ нихъ, однако, чувствуется пульсъ времени, разочарованность, тяготѣвшая надъ умами, разладъ между волей и силой и болѣе всего внѣшнее увлеченіе теоріями. Безконечныя рѣчи о правахъ и обязанностяхъ общественныхъ дѣятелей, наполняющія романы, были отраженіемъ своей эпохи и будили эхо въ возбужденныхъ читателяхъ. Теперь они читаются съ трудомъ, какъ и все у Шпильгагена, превратившагося изъ живого художника въ историческій памятникъ, правда, почтенный, внушающій глубокое уваженіе.

ПУБЛИЦИСТИКА.

«Экономическая оцѣнка народнаго образованія».—*В. П. Вахтеровъ.* «Внѣшкольное образованіе народа».—«Народный театръ».

Экономическая оцѣнка народнаго образованія. Очерки И. И. Янжула, А. И. Чупрова и Е. Н. Янжулъ. 1896 г. Спб. Ц. 50 к. «Будетъ Россія образована, будетъ и богата». Такимъ смѣлымъ афоризмомъ заканчиваетъ г. Янжулъ свою любопытную статью, въ которой собраны весьма вѣскія данныя о значеніи знаній въ промышленной области. Нѣкогда выдвигался другой равносильный этому афоризмъ, гласившій совершенно обратное: «будетъ Россія богата, будетъ и образована», и трудно рѣшить, который изъ нихъ ближе къ истинѣ. Русская дѣйствительность не даетъ никакихъ данныхъ для рѣшенія вопроса о зависимости между нашей бѣдностью и нашимъ невѣжествомъ: и то, и другое находится все въ томъ же отношеніи другъ къ другу, какъ и тридцать лѣтъ назадъ. Мы такъ же бѣдны и такъ же невѣжественны. Жалкіе успѣхи въ области народнаго просвѣщенія,—если только можно назвать успѣхами тѣ нѣсколько тысячъ школъ, которыя возникли при содѣйствіи земствъ,—вполнѣ отвѣчаютъ не менѣе жалкимъ успѣхамъ въ области промышленности, какъ добывающей, такъ и обрабатывающей. Приходится искать этихъ доводовъ за или противъ въ жизни другихъ странъ, гдѣ интенсивная культура вполнѣ отвѣчаетъ широко развитой общественности и высоко стоящему просвѣщенію. Но что даютъ эти сравненія? Авторы очерковъ снабдили ихъ крайне наглядными картограммами, на которыхъ Россія занимаетъ послѣднее мѣсто по богатству, по примѣненію паровой силы, по потребленію мяса, по производству и по заработной платѣ. Внизу, какъ фундаментъ этой общей нашей отсталости, поставлено народное образованіе, въ которомъ Россіи опять-таки приходится занимать послѣднее мѣсто. Такое сведеніе всего къ народному просвѣщенію—односторонне и невѣрно, такъ какъ развитіе экономическихъ силъ несравненно больше зависитъ отъ общихъ условій жизни страны, отъ которыхъ зависитъ также и самое народное просвѣщеніе. Что касается огромнаго значенія знаній въ промышленности, то это положеніе очень хорошо развито въ статьяхъ гг. Янжула и Чупрова.

В. П. Вахтеровъ. Внѣшкольное образованіе народа. Сельскія библіотеки. Книжные склады. Воскресныя школы и повторительные классы. Почтенный трудъ г. Вахтерова посвященъ доказательству необходимости цѣлаго ряда учрежденій, функціонирующихъ на ряду со школой въ области народнаго просвѣщенія. Обильный фактическій матеріалъ, собранный авторомъ, даетъ очень интересную картину того движенія, какое за послѣдніе годы началось въ пользу внѣшкольнаго образованія, посредствомъ учрежденія сельскихъ библіотекъ, воскресныхъ школъ, книжныхъ складовъ и проч. Г. Вахтеровъ отмѣчаетъ, какъ важную заслугу въ этой области, иниціативу бывшихъ комитетовъ грамотности, которые быстро съорганизовали рядъ библіотекъ и складовъ, собрали

средства и выпустили сравнительно много изданій для народа. Комитеты встрѣтили вполнѣ подготовленную почву, на которой быстро привилась идея библіотекъ, охотно учреждаемыхъ земствами и частными лицами. Очень любопытенъ очеркъ, посвященный воскреснымъ школамъ, которыя, послѣ тридцатилѣтняго небытія, снова возродились къ жизни съ начала 90-ыхъ годовъ. Для всѣхъ, интересующихся воскресными школами могутъ быть полезны практическія указанія, дѣлаемыя авторомъ для открытія школъ, ихъ руководства, снабженія книгами, и т. п. Вообще, книга г Вахтерова, какъ сборникъ интересныхъ и полезныхъ данныхъ, заслуживаетъ полнаго вниманія, чего нельзя сказать о его взглядахъ на роль общества въ дѣлѣ внѣшкольнаго просвѣщенія народа. Это все та же старая пѣсня народниковъ о томъ, что, общество недостаточно ретиво выплачиваетъ свой долгъ народу, и проч. Причемъ тутъ общество, когда изъ книги г. Вахтерова ясно видно, насколько оно безсильно въ борьбѣ съ общими условіями, въ которыя у насъ поставлена всякая общественная и частная иниціатива, разъ дѣло касается народа? Не тому надо удивляться, что общество мало дѣлаетъ, а тому, что оно все-таки нѣчто дѣлаетъ. Это «нѣчто» даетъ право надѣяться, что, при лучшихъ условіяхъ, общественныя усилія поведутъ и къ лучшимъ результатамъ, какими, напр., гордятся западно-европейскія страны, насчитывающія сотни тысячъ воскресныхъ школъ съ милліонами учениковъ, и гордящіяся учрежденіемъ народныхъ университетовъ, о чемъ мы и мечтать даже не можемъ.

Народный театръ. Сборникъ. Изд. Е. В. Лавровой и Н. А. Попова. Москва. 1896 г. Ц. 2 р. Идея народнаго театра не нова, хотя сколько-нибудь отвѣчающее осуществленіе она получила въ послѣднее время, когда въ Петербургѣ возникъ Василеостровскій театръ съ его правильно съорганизованной труппой, хорошимъ зданіемъ и интереснымъ репертуаромъ. Въ «Сборникѣ», изданномъ въ Москвѣ, приводится общая исторія возникновенія народнаго театра, разсказаны неудачныя попытки и собранъ матеріалъ, правда, необильный, но дающій все же возможность судить о томъ, насколько народный театръ желателенъ и мыслимъ у насъ въ настоящее время. Составители сборника ставятъ театръ въ ряду другихъ учрежденій для внѣшкольнаго образованія, съ одной стороны, а съ другой—какъ лучшее развлеченіе для народа. Приведены нѣсколько очень удачныхъ попытокъ постановки театральныхъ представленій въ деревнѣ, встрѣченныхъ населеніемъ почти съ энтузіазмомъ. Особенно интересна постановка оперы «Вражья сила» г-жей Сѣровой, показавшей, что для народа вполнѣ доступны даже оперные спектакли, не говоря уже о драмѣ. Что народный театръ имѣетъ блестящее будущее, въ этомъ едва-ли можно сомнѣваться, хотя и здѣсь, какъ и вездѣ у насъ, вопросъ сводится къ общимъ условіямъ. Пока безграмотность составляетъ удѣлъ огромной массы населенія, народный театръ не можетъ получить широкаго распространенія. Въ лучшемъ случаѣ можно ожидать, что только въ крупнѣйшихъ центрахъ, въ столицахъ и большихъ промышленныхъ городахъ, народные театры найдутъ

публику, которая ихъ поддержитъ, и силы, необходимыя для ихъ устройства. Что касается репертуара, то этотъ вопросъ рѣшенъ уже практически, какъ показываетъ списокъ пьесъ, даваемыхъ на народномъ театрѣ въ Петербургѣ, куда вошли всѣ лучшіе русскіе драматурги и многіе изъ иностранныхъ. Въ «Сборникѣ» приведена также, какъ образчикъ «самобытнаго» народнаго творчества, пьеса «Царь Максимиліанъ», оцѣнить чудовищную нелѣпость которой невозможно. Между тѣмъ, эта дикая пьеса до сихъ поръ пользуется завидной популярностью на солдатскихъ спектакляхъ, а также на фабрикахъ, гдѣ разыгрывается доморощенными актерами. Она имѣетъ во всякомъ случаѣ значеніе, показывая, что самому народу далеко не чужда идея настоящаго народнаго театра, и если его попытки въ этомъ направленіи выливаются въ такую уродливую форму, то это лишній образчикъ его непросвѣтной темноты. Между «Царемъ Максимиліаномъ» и чуднымъ народнымъ театромъ въ Прагѣ, которому въ сборникѣ посвящена прекрасная статья проф. Веселовскаго,—разстояніе громадное, какъ и между культурой русскихъ и чеховъ. Но все же и здѣсь возможны извѣстныя переходныя ступени, одолѣть которыя можно, и цѣль настоящаго «Сборника» подвести итоги тому, что сдѣлано въ этомъ отношеніи, и отчасти намѣтить дальнѣйшій путь.

ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ.

А. Веселовскій. «Западное вліяніе въ новой русской литературѣ». — *С. Вашеръ.* «Англійскій театръ временъ Шекспира».

Алексѣй Н. Веселовскій. Западное вліяніе въ новой литературѣ. Изд. 2-е, дополненное. М. 1896 г. Исторія литературнаго общенія русскаго Востока съ европейскимъ Западомъ до сихъ поръ еще, можно сказать, совсѣмъ не разработана въ подробностяхъ; а между тѣмъ, исторія эта очень богата поучительными фактами и полна живого интереса не только чисто-научнаго, но и общественнаго. Началась она давно, — еще въ ту пору, когда странствующія повѣсти, сказанія и легенды, бывшія общимъ достояніемъ европейскихъ литературъ, стали находить себѣ пріютъ въ древне-русской письменности и изъ нея понемногу просачиваться въ нашу народную поэзію. Близкія торговыя связи Новгорода и Пскова съ нѣмецкой землей были причиною того, что именно на этихъ окраинахъ тогдашняго русскаго міра впервые пробудилась самостоятельная критическая мысль, направившая свои усилія, соотвѣтственно духу времени, прежде всего на вопросы религіозные: новгородскіе стригольники XIV вѣка—родные братья нѣмецкихъ самобичевателей, — новгородскіе и псковскіе религіозные вольнодумцы XV столѣтія, противъ которыхъ такъ усердно ратовалъ Іосифъ Волоцкій, рекомендуя ауто-да-фе по примѣру «шпанскаго» короля, — являются первыми представителями уже рѣзко выразившагося въ нашей литературѣ западнаго вліянія. Въ XVI вѣкѣ, не смотря на всю отчужденность жившей византійскими

идеалами и провозгласившей себя «третьимъ Римомъ» Москвы отъ всего латинскаго, какъ отъ нечистой погани, вліяніе западной мысли и литературы представляется уже вполнѣ опредѣлившимся, а сосѣдній съ Польшею русскій юго-западъ воспринимаетъ схоластическую латинскую науку и въ полемикѣ православія съ католицизмомъ и уніею руководится уроками западныхъ проповѣдниковъ. XVII вѣкъ является уже эпохою перелома, — эпохою рѣшительной борьбы западныхъ идей съ византійскими на русской почвѣ. До сихъ поръ западное вліяніе проявлялось урывками, спорадически,—теперь оно чувствуется во всемъ: въ стремленіи къ свѣтской наукѣ («земской мудрости»), въ искусствѣ, приближающемся къ реализму итальянской школы, — къ «живству»,—въ литературѣ, гдѣ наряду съ многочисленными переводными сказаніями и повѣстями появляется, наконецъ, и драма, никогда не бывалая на Руси, — во всемъ укладѣ жизни, начинающей «переставливать обычьи свои». Наканунѣ петровской реформы, бывшей внѣшнимъ признакомъ побѣды новыхъ, западныхъ, идей надъ старыми—византійскими и національными, эта побѣда была уже совершившимся фактомъ. Вся наша литература, начиная съ этого времени и вплоть до самаго Пушкина, представляетъ беззавѣтное, полное, сплошное увлеченіе западными идеями и образцами, и притомъ, по большей части, такими, которые у себя на родинѣ уже сослужили службу и были сданы въ архивъ, а къ намъ доходили иногда много лѣтъ спустя въ значительно разбавленномъ видѣ; вся исторія этой литературы не что иное, какъ исторія попытокъ національнаго элемента найти себѣ выраженіе въ русскомъ словѣ,—исторія стремленій къ тому, чтобы дать литературѣ, усвоившей чужія формы, свое, русское, содержаніе.

Г. Веселовскій излагаетъ, однако, не эту исторію постепеннаго развитія въ нашей литературѣ самобытности и сближенія съ жизнью, а тѣ многоразличныя и многообразныя заимствованія и подражанія, которыми полна наша литература послѣднихъ двухъ столѣтій и которыя, при болѣе пристальномъ и внимательномъ изученіи, иногда обнаруживаются даже въ такихъ произведеніяхъ, которыя съ перваго взгляда представляются совершенно національными (какъ, напр., фонвизинскій «Бригадиръ»). Много интересныхъ съ этой точки зрѣнія фактовъ даетъ намъ авторъ въ своемъ сжатомъ, бѣгломъ обзорѣ литературы XVIII и первой половины XIX столѣтій, предпосылая ему болѣе краткій обзоръ литературы до-петровскаго періода. Какъ руководящая мысль этихъ обзоровъ, высказывается мнѣніе, что европейская цивилизація всегда являлась залѣчивать наши раны, выводила на настоящую дорогу и формировала людей. «Оставляя въ сторонѣ немногія, уродливо - каррикатурныя излишества подражательности, безъ которыхъ не обошлась ни одна страна, — это двухвѣковое общеніе прививало намъ не чужебѣсіе, а серьезное отношеніе къ нашей домашней работѣ. Въ завершеніи каждаго, сколько-нибудь толково воспринятаго у насъ, европейскаго умственнаго движенія, стоялъ очевидный прогрессъ русскаго самостоятельнаго творче-

ства. Ломоносовъ, Радищевъ, Пушкинъ, Грибоѣдовъ, Лермонтовъ, Бѣлинскій—не менѣе *русскіе* передовые дѣятели оттого, что всѣмъ своимъ развитіемъ обязаны были Европѣ. Въ исторіи нашего романа, лирической поэзіи, драмы... вездѣ видны западные художественные первообразы; связи съ Западомъ чувствуются и у такого самороднаго писателя, какъ Гоголь, и у такой національной школы, какъ славянофильство. Этихъ фактовъ не скроешь, ничѣмъ не вырубишь, — все это *дѣйствительно было*, и съ этимъ должна примириться слишкомъ щепетильная національная гордость»...

Скрывать и «вырубать», конечно, по меньшей мѣрѣ безполезно. Вопросъ не въ фактѣ, а въ его значеніи и въ его оцѣнкѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что въ наше время руководящія европейскія идеи воспринимаются мыслящими русскими людьми вполнѣ сознательно, органически переработываются и входятъ въ ихъ плоть и кровь; но, вѣдь, это замѣчаніе можно примѣнить только къ позднѣйшему времени, а чѣмъ дальше въ старину, тѣмъ меньше имѣемъ мы права его сдѣлать. Въ этомъ отношеніи г. Веселовскій, кажется намъ, слишкомъ увлекается показною, внѣшнею стороною дѣла и потому склоненъ преувеличивать реальные результаты западнаго вліянія, особенно въ литературѣ XVIII вѣка. Что эта литература была сплошь подражательною, и притомъ—отстало-подражательною, такъ какъ у насъ продолжали культивироваться формы и идеи, уже брошенныя на Западѣ лѣтъ за пятьдесятъ передъ тѣмъ (Буало, Корнель—и Сумароковъ, Княжнинъ, Державинъ; Аддисонъ, Рабенеръ—и сатирическіе журналы 60-хъ годовъ XVIII в. и т. д.), — въ этомъ, конечно, никто не сомнѣвается; но что эти западныя идеи, хотя бы и отсталыя, проникали въ нутро нашей жизни, органически ею воспринимались и становились руководящими началами, этого утверждать никоимъ образомъ нельзя. Одно дѣло—теорія, форма, вообще—словесность; другое дѣло—практика житейскихъ отношеній. Въ теоріи Сумароковъ, Фонвизинъ, сатирическіе журналы могли сколько угодно (списывая у французовъ, нѣмцевъ, англичанъ) обличать «злонравныхъ дворянъ»; выписанныя изъ «Духа законовъ» статьи Наказа могли заключать въ себѣ либеральнѣйшія провозглашенія равенства и «правъ человѣка»; массоны могли сколько-угодно проповѣдывать «вообще братское житіе» и наравнѣ съ вольтеріанцами бичевать рабство, «яко недостойное европейскаго правительства учрежденіе», а на практикѣ все это прекрасно уживалось съ раздачею населенныхъ имѣній (одно изъ нихъ досталось даже бывшему «архангельскому мужику» Ломоносову), съ продажею людей отдѣльно отъ семьи, проигрываніемъ ихъ въ карты, съ кнутобойничьемъ Шепковскаго, съ возможностью бить литератора «четвертнымъ полѣномъ» и т. д. Если угодно, и въ этого рода фактахъ (а ихъ безчисленное множество!) можно также видѣть «западное вліяніе», выразившееся въ рѣзкой формѣ презрѣнія къ своему — дикому, некультурному, во имя чужого, просвѣщеннаго, — презрѣніе высоко-цивилизованнаго Вольтера къ canaille, грубой черни, не заслуживающей ничего, кромѣ пинка... Высокогуманные и передовые въ теоріи люди, дѣйствуя практически

въ условіяхъ русскаго быта, часто оказывались нисколько не выше самыхъ заурядныхъ, пожалуй, даже неграмотныхъ людей, и ученикъ аббата Рейналя, подвижникъ и мученикъ просвѣщенія, Радищевъ, въ своемъ Путешествіи, нисколько не стѣсняясь, какъ о самомъ обыкновенномъ дѣлѣ, разсказываетъ, какъ онъ, услышавъ на станціи о неимѣніи лошадей, «вознамѣрился учинить преступленіе на спинѣ почтоваго смотрителя»—и не привелъ этого намѣренія въ исполненіе только потому, что случайно явился новый проѣзжій, отвлекшій его вниманіе отъ смотрительской спины... Для русскаго просвѣщеннаго человѣка того времени просвѣщеніе, идеи, литература обыкновенно были сами по себѣ, а жизнь—сама по себѣ, и доморощенный Мирабо, который «стараго Гаврилу за измятое жабо хлещетъ въ усъ да въ рыло», вовсе не былъ каррикатурой. Только тогда, когда сама литература стала на вѣрный путь сближенія съ этой отрицавшейся прежде «дѣйствительностью»,—на путь внимательнаго изученія и реальнаго воспроизведенія русской жизни, — только когда она заговорила съ обществомъ о немъ же самомъ, только тогда сказались и въ самой жизни результаты долговременнаго «западнаго вліянія». Но, конечно, далеко не всѣ результаты этого вліянія можно признать положительными; много было въ немъ и отрицательныхъ элементовъ, которые, къ сожалѣнію, имѣли свое несомнѣнное дѣйствіе (стоитъ вспомнить, напримѣръ, эпоху, непосредственно слѣдовавшую за вѣнскимъ конгрессомъ) и на которыхъ, тоже къ сожалѣнію, почти совсѣмъ не останавливается г. Веселовскій, что придаетъ его книгѣ нѣсколько односторонній характеръ.

Впрочемъ, вопросъ о вліяніи Запада въ нашей литературѣ—вопросъ настолько сложный и обширный, что трудъ г. Веселовскаго никакъ нельзя считать исчерпывающимъ. Это — не болѣе, какъ легкій очеркъ, первый шагъ по намѣченному пути, по которому, надо надѣяться, не замедлятъ пойти изслѣдователи историческихъ судебъ русской мысли.

С. А. Варшеръ. Англійскій театръ временъ Шекспира. М. 1896. In-16. Стр. IV+72. Ц. 25 коп. Книжка Варшера входитъ въ составъ той же симпатичной серіи научно-популярныхъ работъ, о которой мы имѣли случай упоминать въ библіографическомъ отдѣлѣ іюньской книги нашего журнала (см. стр. 22—24), и заключаетъ двѣ публичныхъ лекціи для учащейся молодежи, читанныхъ авторомъ въ Московскомъ политехническомъ музеѣ въ 1886—1887 гг. и въ свое время напечатанныхъ въ журналѣ *Русская Мысль*: это—1) *День въ англійскомъ театрѣ временъ Шекспира* (стр. 1—21) и 2) *Литературный противникъ Шекспира*. Страница изъ исторіи англійскаго театра временъ Елизаветы (стр. 22—72).

Разбираемыя статьи принадлежатъ къ числу рѣдкихъ у насъ превосходныхъ научно-популярныхъ работъ, превосходныхъ по эрудиціи совмѣстно съ необычайной легкостью внѣшней обработки. О статьѣ «День въ англійскомъ театрѣ временъ Шекспира» трудно сказать что нибудь лучше мѣткой характеристики, данной ей проф. Н. И. Стороженко: «Оригинальная форма, избранная авторомъ, въ соединеніи съ массой искусно подобранныхъ подробностей, произ-

водитъ полную иллюзію. Точно видишь передъ собой эту разношерстную, но проникнутую однимъ настроеніемъ, толпу; точно слышишь дикіе крики восторга, шиканье и неистовые аплодисменты, которыми партерная публика, состоящая изъ низшихъ слоевъ лондонскаго общества, привѣтствуетъ общаго любимца, лучшаго исполнителя шекспировскихъ ролей, Ричарда Барбеджа». Внѣшняя характеристика лондонскаго театра начала XVII вѣка здѣсь остроумно пристегнута къ знаменитому пожару театра Глобусъ именно въ тотъ день, когда *въ первый разъ* поставлено было на немъ *послѣднее* произведеніе Шекспира (Генрихъ VIII), причемъ авторъ не упускаетъ изъ виду бытовыхъ особенностей лондонской публики, естественнаго антагонизма между ея богатыми верхами и бѣднотой, которая все-таки имѣла возможность смотрѣть въ театрѣ Шекспира, своего національнаго поэта, ибо плата за входъ была ничтожна (см. особенно стр. 3, 6, 9, 14). Другая статья разбираемой книжки посвящена Бенъ-Джонсону (1574—1637), крупному англійскому драматургу классической школы, котораго наша читающая публика знаетъ очень мало. Обликъ Бенъ-Джонсона Варшеръ нарисовалъ умѣлою рукой, далъ выпуклую, цѣльную характеристику, и только тотъ, кто самъ работалъ по источникамъ, можетъ живо представить себѣ количество труда и таланта, потраченныхъ на нее авторомъ.

«Просвѣщеніе и свобода вызываетъ къ дѣятельности таланты» (стр. 23), говоритъ Варшеръ, подчеркивая успѣхи англійской литературы при Елизаветѣ. Бенъ-Джонсонъ симпатиченъ нашему автору своими возвышенными взглядами на задачи искусства вообще и театра въ частности; послѣднему англійскій творецъ комедіи нравовъ придавалъ серьезное воспитательное значеніе, хотя представлялъ себѣ это значеніе въ элементарной формѣ непосредственнаго наученія добру, что, конечно, совсѣмъ не такъ. Театръ долженъ затрагивать *общественные* вопросы, обнажать *общественныя* язвы и народные пороки (срв. стр. 35, 36), поэтому Бенъ-Джонсонъ идетъ за сюжетомъ не къ исторической хроникѣ или новеллѣ, а врывается въ водоворотъ текущей дѣйствительности, изображая ее такъ ярко и такъ полно, какъ никто (стр. 46). Эта отзывчивость Бенъ-Джонсона на современные вопросы, на злобу дня—драгоцѣнная черта его литературной физіономіи, нужды нѣтъ, что она проявляется особливыми пріемами бичеванія отвлеченнаго понятія того или другого зла, того или другого преступнаго дѣйствія. Бенъ-Джонсонъ отлично заклеймилъ современнаго пуританина, ханжу и тупого ригориста (срв. сатиры Роберта Бёрнса на ту же благодарную тему), и алхимика-шарлатана. Это—типы, чуточку родственные между собою и нынѣ кое-гдѣ возродившіеся, словомъ, намъ лично знакомые; а потому особливо противные (срв. стр. 37, 43, 49). «Эти господа, говоритъ Бенъ-Джонсонъ, возстаютъ противъ науки, чтобъ держать народъ въ темнотѣ и невѣжествѣ и безпощадно его грабить; имъ мало дѣла до доброй нравственности и народнаго просвѣщенія: вѣдь народъ это—глупыя овцы, цѣль существованія которыхъ давать шерсть изувѣрамъ и ханжамъ; при малѣйшей попыткѣ внушить овцѣ, что она можетъ и

должна жить сама для себя». Герой джонсоновской комедіи кричитъ караулъ и изъ сокровищницы своей благодати расточаетъ брань, проклятія и прочія вещи, хорошо всѣмъ извѣстныя. Варшеръ перечисляетъ и другіе типы джонсоновскихъ комедій, стараясь точно уяснить теоретическіе взгляды англійскаго драматурга. Нѣкоторая противорѣчивость его замѣчаній на стр. 32 и 57, хотя и бросается въ глаза—въ сущности, кажущаяся, и зависитъ отъ невольной отрывочности изложенія, приноровлявшагося для публичнаго прочтенія. Отмѣчая книгу Варшера, не можемъ не пожелать, чтобъ его работы были собраны въ одно цѣлое и изданы отдѣльною книгой. У насъ мало оригинальныхъ научно-популярныхъ работъ вообще, а по исторіи всеобщей литературы въ особенности *) и приходится собирать все имѣющееся съ особенной тщательностью.

ИСТОРІЯ ВСЕОБЩАЯ И РУССКАЯ.

К. Лампрехтъ. «Исторія германскаго народа».—*И. Забѣлинъ.* «Мининъ и Пожарскій».

Исторія германскаго народа. Карла Лампрехта. Томъ III, ч. пятая. Пер. съ нѣм. П. Николаева. Изд. К. Т. Солдатенкова. Москва, 1896 г. Ц. 3 р. Карлъ Лампрехтъ принадлежитъ къ числу историковъ новѣйшей школы историческаго матеріализма, выдвигающихъ на первый планъ экономическую основу, отъ измѣненій которой находятся въ непосредственной зависимости остальные историческіе факторы. Правда, онъ, какъ и остальные послѣдователи этой школы, не отрицаетъ взаимодѣйствія между экономическими и духовными факторами, и, во введеніи къ третьему тому своей исторіи, оговаривается слѣдующимъ знаменательнымъ образомъ: «Человѣчество по отношенію къ контрастамъ между естественнымъ и духовнымъ находится въ такомъ же положеніи, какъ и отдѣльная личность. Потому исторія стоитъ предъ тѣмъ же вопросомъ, съ которымъ имѣетъ дѣло и психологія отдѣльнаго человѣка; она имѣетъ дѣло съ матеріальной и духовной сторонами человѣка и ей предстоитъ, какъ и психологіи, великій вопросъ о взаимной связи этихъ двухъ сторонъ. Возможно-ли будетъ когда-либо рѣшить этотъ вопросъ индуктивнымъ путемъ, какъ для отдѣльной личности, такъ и для историческаго человѣчества? Или въ обоихъ случаяхъ приходится отвѣчать: ignorabimus (мы не узнаемъ)? Каковъ бы ни былъ отвѣтъ будущаго, въ настоящемъ приходится сознаться, что мы можемъ только до извѣстнаго пункта прослѣдить рядомъ идущія нити отъ обоихъ полюсовъ, духовнаго и матеріальнаго, но не въ состояніи опредѣлить глубокой тайны ихъ взаимной связи... Но одно несомнѣнно по отношенію къ описы-

*) Напомнимъ о превосходнѣйшихъ курсахъ безвременно умершаго спеціалиста по исторіи всеобщей литературы А. А. Шахова; это—1) *Гёте и его время.* (Спб., 1891 и 2) *Очерки литературнаго движенія въ первую половину XIX вѣка.* Спб., 1894. Къ сожалѣнію, первая книга уже вышла изъ продажи и ждетъ новаго изданія. *Ред.*

ваемому нами періоду (XVI вѣка): съ того момента, когда совершенно опредѣленно выступаютъ въ общественной жизни явленія денежнаго хозяйства, появляется и умственное развитіе, приведшее къ индивидуализму XVI и XVII вѣковъ». Далѣе весь третій томъ посвященъ выясненію этой зависимости умственнаго развитія XV в., реформаціи и гуманизма, отъ денежнаго хозяйства, что сдѣлано Лампрехтомъ съ большимъ остроуміемъ и глубокомысліемъ. Въ этомъ отношеніи трудъ Лампрехта является единственнымъ въ своемъ родѣ въ исторической литературѣ, и мы обращаемъ на него особое вниманіе нашихъ читателей. Въ особенности важенъ и интересенъ настоящій, третій, томъ, охватывающій весь періодъ реформаціи и гуманизма, отъ рожденія Лютера до вестфальскаго мира (1483—1648). Авторъ постепенно раскрываетъ прямую зависимость реформаціи и послѣдовавшаго измѣненія міровоззрѣній отъ глубокихъ измѣненій общественнаго хозяйства, перешедшаго изъ стадіи натуральнаго хозяйства въ капиталистическую. Общинный бытъ палъ подъ давленіемъ новыхъ силъ, стремившихся на всѣхъ поприщахъ къ развитію. Цехи, державшіе въ тискахъ рабочихъ въ городѣ, разрушились, освободилась масса рабочихъ, въ современномъ смыслѣ—пролетаріевъ. Города начали чрезмѣрно развиваться насчетъ деревень, падавшихъ все болѣе, такъ какъ новыя торгово-промышленныя условія требовали интенсивной сельскохозяйственной культуры, къ чему деревня не имѣла ни силъ, ни знаній. Создавалась, такимъ образомъ, все бо̀льшая и бо̀льшая масса недовольныхъ. Помѣстное дворянство падало, запутываясь въ долгахъ и теряя и земли, и рабочихъ, уходившихъ въ города. Положеніе создавалось невыносимое для всѣхъ, и выходъ былъ необходимъ. «Настало время,—говоритъ Лампрехтъ въ заключеніе второй главы,—революція готова была вспыхнуть». Явились и люди, понявшіе требованія момента и взявшіеся ихъ осуществить. Явился новый классъ умственныхъ работниковъ, котораго не знали средніе вѣка. «Въ эпоху натуральнаго хозяйства производитель умственныхъ цѣнностей долженъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ быть и крупнымъ землевладѣльцемъ, т. е. получать отъ земледѣльческаго промысла болѣе, чѣмъ нужно было для его пропитанія, настолько, сколько было необходимо для обезпеченія ему досуга, который онъ могъ бы употребить на умственный трудъ,—потому что, иначе, въ мѣновую эпоху онъ не могъ бы правильно и вѣрно обмѣнивать продукты этой умственной работы на условія внѣшняго матеріальнаго существованія. Потому и церковь, и средневѣковое рыцарство, эти два представителя умственнаго труда, должны были обладать крупной поземельной собственностью. Теперь дѣло было иное. Денежное хозяйство, развившееся въ городахъ, позволяло чрезъ посредство всеобщаго измѣрителя цѣнностей, денегъ, превращать и умственные продукты въ предметъ первой необходимости; такимъ образомъ оно давало возможность появиться отдѣльному классу невещественныхъ производителей, классу учителей и врачей, академиковъ и художниковъ, и, наконецъ, общественныхъ дѣятелей. Это было громаднымъ прогрессомъ, переходомъ отъ варварства къ вѣку начинавшагося высшаго образованія».

Постоянно стоя на точкѣ зрѣнія зависимости этого перехода отъ измѣненія хозяйственныхъ отношеній, Лампрехтъ даетъ превосходныя характеристики Лютера, Карла V, дѣятелей реформаціи, какъ Меланхтонъ, Цвингли, Мюнцеръ, всего крестьянскаго движенія и проч. Очень интересно его отношеніе къ крестьянско-соціалистическому движенію, во главѣ котораго стоитъ Мюнцеръ и перекрещенцы. Авторъ стоитъ безусловно на сторонѣ Лютера, сурово осудившаго все движеніе, «и ни одинъ человѣкъ, увлекаемый денежно-хозяйственнымъ индивидуалистическимъ духовнымъ настроеніемъ, побѣдившимъ средневѣковой міръ посредствомъ лютеранскаго религіознаго индивидуализма, не могъ думать иначе; потому что въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ крестьянское движеніе было реакціоннымъ, оно до значительной степени было направлено противъ слѣдствій денежно-хозяйственнаго городского прогресса». Отмѣчаемъ эту точку зрѣнія Лампрехта, какъ новую для русскихъ читателей, привыкшихъ съ легкой руки историковъ-идеалоговъ видѣть въ крестьянскомъ движеніи XVI вѣка кульминаціонный пунктъ реформаціи. Тогда какъ, съ одной стороны, оно было результатомъ быстраго разрушенія стараго хозяйственнаго строя, съ другой—попыткой возврата къ общиннымъ порядкамъ среднихъ вѣковъ. Потому что, говоритъ авторъ въ другомъ мѣстѣ, «средніе вѣка не были чужды коммунистически-соціальныхъ идей и потому не были чужды и нѣкоторыхъ революціонныхъ поползновеній. Въ каждой эпохѣ экономическаго развитія можно различить періодъ соціалистическаго хозяйственнаго строя и періодъ индивидуалистическій; сначала всякая новая экономическая сила дѣйствуетъ въ направленіи соціалистическомъ, а потому, подчинившись человѣческой волѣ, подлежитъ индивидуалистическому дифференцированію, сообразно различнымъ экономическимъ способностямъ лицъ. Такъ, въ эпоху натуральнаго хозяйства за соціалистическимъ періодомъ общиннаго равенства послѣдовалъ индивидуалистическій періодъ помѣстнаго строя; въ эпоху чисто денежно-хозяйственнаго развитія городовъ отъ XII до XVI вѣка періодъ соціалистическаго строя гильдій и цеховъ замѣнился позднѣйшимъ періодомъ капиталистическаго индивидуализма».

Многія изъ положеній Лампрехта относительно реформаціи и ея послѣдствій покажутся нашимъ читателямъ знакомыми, такъ какъ они сходятся съ взглядами Меринга, изложенными въ статьѣ г. Ульриха «Фридрихъ Великій» (сентябрь и октябрь, «Міръ Божій»). У Лампрехта читатели найдутъ полное обоснованіе этихъ взглядовъ на широкой культурно-исторической подкладкѣ. Чрезмѣрное обиліе фактовъ нѣсколько затрудняетъ чтеніе третьяго тома, въ которомъ авторъ охватываетъ событія двухъ столѣтій, желая представить законченную эпоху борьбы стараго натурально-хозяйственнаго строя съ капиталистическимъ, побѣду послѣдняго и наступившую затѣмъ въ Германіи реакцію натурально-хозяйственнаго, вслѣдствіе измѣненій во всемірной торговлѣ, повлекшихъ совершенный упадокъ нѣмецкой торговли. Но такъ какъ большая часть фактовъ, конечно, должны быть знакомы читателямъ, то и обиліе ихъ не мѣшаетъ въ концѣ концовъ усвоенію основныхъ

взглядовъ Лампрехта. Та осторожность, съ которою, какъ мы видѣли въ началѣ, онъ ихъ высказываетъ, служитъ лучшей гарантіей ихъ правильности и полной научности.

Мининъ и Пожарскій. Прямые и кривые въ смутное время. Сочиненіе Ивана Забѣлина. Третье изданіе съ дополненіями. М. 1896. in 8-vo. Стр. IV+316. Ц. 1 руб. 50 коп. «*Мининъ и Пожарскій*» Ив. Ег. Забѣлина, только что вышедшій третьимъ расширеннымъ изданіемъ, представляетъ одно изъ замѣчательнѣйшихъ сочиненій въ русской литературѣ, посвященной характеристикѣ анекдотической стороны русскаго прошлаго. «*Смутное время*», говоря заголовкомъ одной остроумной повѣсти Ѳ. М. Достоевскаго,—«*скверный анекдотъ*» въ нашей исторіи, изъ котораго сдѣлано было и дѣлается самое неразумное употребленіе, о которомъ въ обществѣ ходятъ самыя нескладныя представленія. Еще недавно мы имѣли случай отмѣтить неудачный, по своей тенденціи, опытъ популярнаго изложенія исторіи «Смутнаго времени» А. Е. Мерцаловымъ (см. библіографическій отдѣлъ мартовской книжки нашего журнала, стр. 7—10); книгу Ив. Ег. Забѣлина мы также относимъ къ работамъ *неудачнымъ*, однако, не затрудняемся рекомендовать ее читающей публикѣ прежде всего въ силу ея большого педагогическаго значенія. Дѣло въ томъ, что книга г. Забѣлина—не изложеніе исторіи Смуты, а сочиненіе критическаго характера; это—полемика противъ извѣстной статьи Н. И. Костомарова *Личности смутнаго времени* (Михаилъ Скопинъ-Шуйскій.—Пожарскій.—Мининъ.—Сусанинъ), напечатанной въ іюньской книжкѣ *Вѣстника Европы* за 1871 г. и вошедшей потомъ въ 13-й томъ его *Историческихъ монографій и изслѣдованій* (Спб. 1881, стр. 353 — 397); статья эта заканчивается знаменательными словами, которыя въ наши дни, 25 лѣтъ послѣ ихъ появленія въ свѣтъ, не только не утратили своего значенія, но пріобрѣли еще бо́льшее. «Многое,—заключалъ Костомаровъ (стр. 397),—придется выбросить изъ отечественной исторіи, если дружно приняться чистить авгіеву конюшню». Чистка настойчивая и дружная нужна тѣмъ болѣе, что самыя вздорныя мнѣнія изъ области русскаго прошлаго, благодаря своеобразнымъ условіямъ русскаго быта, у насъ являются особенно распространенными и извлекаются не безъ трудностей. Костомаровская чистка показалась Ив. Ег. Забѣлину рискованной, и вотъ въ №№ 2—6, 12 *Русскаго Архива* за 1872 годъ появилась первая основа разбираемой книги, вызвавшая тогда же отвѣтъ Костомарова въ *Вѣстникѣ Европы* (1872 г., сентябрь) подъ заголовкомъ *Кто виноватъ въ смутномъ времени?* (см. т. XIII, стр. 401—443); этотъ отвѣтъ создалъ новую главу въ работѣ г. Забѣлина, седьмую въ третьемъ изданіи послѣдней (стр. 160—210). Взгляды и мнѣнія обоихъ авторовъ на исторію Смуты діаметрально противоположны, оба автора представляютъ серьезныя ученыя силы, стало быть, сопоставленіе и сличеніе ихъ работъ по вопросамъ Смутнаго времени, несомнѣнно, поучительны. Вотъ почему мы рекомендуемъ книгу г. Забѣлина *только при условіи* сопоставленія ея со статьями Костомарова, въ чемъ и усматриваемъ педагогическое значеніе знакомства съ ней, требующаго отъ читателя большой осторожности и умѣнья

критически и объективно-разсудочно относиться къ исторической дѣйствительности.

Книга г. Забѣлина написана живо, тепло, вполнѣ искренно, обнаруживаетъ превосходное знакомства съ источниками и чрезвычайно любовное отношеніе къ русскому прошлому; въ ней не мало остроумныхъ и мѣткихъ оговорокъ, вѣрныхъ замѣчаній и пріемовъ своеобразнаго историческаго анализа. Посвящая свою книгу «скверному анекдоту» въ русской исторіи, авторъ съумѣлъ коснуться общихъ вопросовъ русскаго прошлаго и анекдотической сторонѣ отдать второе мѣсто. Все это плюсы, которые ничуть не заслоняютъ крупныхъ минусовъ разбираемой книги. Общая точка зрѣнія автора на Смуту и его теоретическія представленія объ исторіи, какъ наукѣ, крушатъ эти плюсы такъ, что его книга—анахронизмъ, достояніе русской исторіографіи, а не основной капиталъ современной русской исторической науки; это—хорошо сохранившаяся ассигнація стараго образца, потерявшая мѣновую цѣнность и превратившаяся въ любопытный нумеръ образцоваго нумизматическаго кабинета. Даже *цѣльность* основного взгляда автора намъ кажется теперь составленной изъ разноцвѣтныхъ лоскутовъ, которые отыскались въ затхлой кладовой старыхъ религіозно-политическихъ костюмовъ. Если хотите, этотъ основный взглядъ отличается и тенденціозностью, но мы не считаемъ нужнымъ ее особенно подчеркивать въ виду необыкновенной искренности, какой вѣетъ отъ всѣхъ сужденій г. Забѣлина; если мы безусловно противъ его основныхъ взглядовъ, то это ничуть не мѣшаетъ намъ подмѣтить нѣкоторые *весьма симпатичные его оттѣнки* (таково отношеніе автора къ понятію народа, таковъ его отзывъ о правительствѣ московскомъ XVI и начала XVII вѣковъ, таковъ съ нѣкоторыми ограниченіями его взглядъ на незавидную роль русскаго дворянства).

«*Смутное время*»—своего рода мысленный прудъ, на привѣтливомъ берегу котораго то и дѣло усаживаются рыболовы-историки старой школы и съ терпѣніемъ, достойнымъ лучшаго примѣненія, выуживаетъ всякаго рода рыбёшку, преподнося ее читающей публикѣ подъ видомъ героевъ въ пряномъ соусѣ своей фантазіи. Г. Забѣлинъ прямо говоритъ, что Смута «выставила множество героевъ на всѣхъ путяхъ и по всѣмъ направленіямъ жизни» (стр. 256), и вотъ въ герои попадаютъ люди, которыхъ имена остались неизвѣстными историку, но о которыхъ извѣстно, что ихъ головы скатились подъ ударами польскихъ сабель; потомъ въ роляхъ героевъ выступаютъ старцы Иринархи, Сусанины и пр. люди «чистаго сердца и высокихъ помысловъ», какъ выражается напъ авторъ, въ ряду героевъ котораго первое мѣсто занимаютъ Мининъ и Пожарскій; на ихъ реабилитацію, въ противовѣсъ болѣе похожему на истину развѣнчиванію Костомарова, и направлены всѣ усилія г. Забѣлина. Реабилитація эта, въ настоящее время совершенно непонятная и не интересная, не заслуживаетъ разбора даже просто потому, что она никогда не пользовалась въ наукѣ успѣхомъ; гораздо любопытнѣе замѣтить источникъ, изъ котораго она вышла, и пожурить автора за безцеремонное обхожденіе съ терминомъ «герой». Зачѣмъ нашему автору нужны герои, хотя бы и дутые,—и

какой смыслъ въ этой горячей погонѣ за людьми «подвижниками и дѣятелями праведной общественной жизни» (стр. 257)? Пусть только наши читатели не подумаютъ, что мы ихъ хотимъ морочить: если, говоритъ авторъ, мы не наберемъ въ нашемъ прошломъ серіи героевъ, «то на чемъ же юноша, всегда идеалистъ, воспитаетъ свои идеалы? Вѣдь юность безъ идеаловъ не можетъ пробыть», и затѣмъ на протяженіи цѣлыхъ пяти любопытнѣйшихъ страницъ г. Забѣлинъ (стр. 13—17) высказываетъ свой взглядъ на исторію, какъ на воспитательницу «умовъ и нравовъ живущаго поколѣнія». Итакъ, исторія г. Забѣлина—наша старая знакомая magistra vitae, перерядившаяся въ болѣе новый костюмъ; она не только учитъ, но и поучаетъ, она даетъ уроки нравственности, подноситъ готовые идеалы. «Исторія не прокуроръ,—говоритъ авторъ въ другомъ мѣстѣ (стр. 137, 200—201), и не занимается обвиненіемъ», но она раскрываетъ «начала и идеи всякихъ человѣческихъ дѣлъ», вноситъ «свѣтъ во тьму человѣческой борьбы, предоставляя окончательный судъ (все-таки судъ!!) надъ событіями и людьми совѣсти и разумѣнію каждаго». Изъ узко-этическаго взгляда на исторію съ функціями судебнаго слѣдователя по важнѣйшимъ дѣламъ вытекаетъ у г. Забѣлина крайняя нужда въ галлереѣ героевъ. Но что такое герои? Это—такіе историческіе дѣятели, которые своими подвигами содѣйствовали достиженію «всенароднаго (общечеловѣческаго) счастья», «истинной и всесторонней свободы для всѣхъ, для всего народа и для всего человѣческаго рода, ибо родовое, но отнюдь не видовое, не сословное, но всенародное общечеловѣческое счастье и свобода и составляютъ прямую, да и единственную цѣль общечеловѣческаго всенароднаго развитія» (стр. 201—202). Такимъ опредѣленіемъ, казалось бы, г. Забѣлинъ устанавливаетъ техническій терминъ героя въ исторической наукѣ; мы обращаемъ на это обстоятельство вниманіе читателя въ виду того, что нѣсколько выше г. Забѣлинъ (стр. 162—164) жалуется на отсутствіе техническихъ терминовъ въ исторической наукѣ или, точнѣе, на злоупотребленіе ими и даетъ нѣсколько странное опредѣленіе роли критическаго анализа въ исторіи. Читатель ожидаетъ въ книгѣ г. Забѣлина реализацію его теоретическаго героя, какъ борца за общечеловѣческое счастье и свободу,—и вдругъ оказывается, что ученой канцеляріей знаменитаго автора *Исторіи русской жизни съ древнѣйшихъ временъ* и *Домашняго быта русскихъ царей* (и русскихъ царицъ) *въ XVI и XVII столѣтіяхъ* должности героевъ розданы старцамъ Иринархамъ, Сусанинымъ и тѣмъ, имена коихъ Ты же Господи вѣси,—точно по рецепту синодика царя Ивана Грознаго *), котораго тотъ же г. Забѣлинъ призналъ первымъ въ Россіи «*либераломъ*» (sic! см. стр. 178), можетъ быть за то только, что никто либеральнѣе его не поступилъ съ несчастными новгородцами. Вообще теоретическія разсужденія г. Забѣлина противорѣ-

*) Кстати: о какомъ «*царѣ* Васильѣ, отцѣ Грознаго» идетъ у автора рѣчь на стр. 41? Срв. на стр. 125 замѣчаніе о *родовомъ бытѣ* у насъ и на стр. 165 «объ экономической точкѣ зрѣнія въ исторіи, срв. также стр. 167.

чивы и сбивчивы, его историческія построенія совсѣмъ не идутъ по вѣхамъ, проставленнымъ его теоріями, и, въ свою очередь, плохо согласованы другъ съ другомъ. Въ значительной мѣрѣ эта особенность разбираемой книги объясняется черезчуръ живымъ отношеніемъ автора къ своей темѣ, увлеченіемъ предвзятыми идеями и пристрастіемъ вносить сужденія, основанныя на чувствѣ и вѣрѣ, а не на данныхъ объективно-научной исторической критики (срв. на стр. 23--24 замѣчаніе, что «исторія столько же искусство, сколько наука»; см. стр. 25, 45, 116, 150, 159 и 183). Кто же главный-то герой «Смутнаго времени», если вообще то была эпоха, которая кишмя кишѣла героями, по признанію Ив. Ег. Забѣлина? Добравшись до этого главнаго героя, легко будетъ перескочить къ внутренней, коренной причинѣ Смуты по причудливой интерпретаціи почтеннаго русскаго историка, крайне симпатичнаго по своей искренности. «Сирота-народъ», «материкъ-народъ», т. е. крестьянипъ и посадскій человѣкъ en toute masse—вотъ главный герой «Смутнаго времени». И. Е. Забѣлинъ обожаетъ этотъ народъ и на его сторону кладетъ всѣ свои симпатіи: это—кормилецъ и поилецъ всей остальной русской земли, онъ своими неустанными трудами кормитъ и поитъ московскаго царя съ его дворомъ, дворянство, поповъ съ монахами. Это—герой-народъ, изъ его среды идутъ отдѣльные герои Мининъ, Сусанинъ, Иринархъ и пр.; Пожарскій, собственно, потому только и герой, что съ «говядаремъ» рука объ руку шелъ. Авторъ учиняетъ страшный разгромъ (срв. главу VIII) троицкой легенды и подвиговъ келаря Палицына (стр. 69 и сл., 88 и сл., 103): нѣтъ и нѣтъ, даже и троицкая лавра со своими монахами должна отступить передъ могучимъ богатыремъ «сиротой-народомъ», который всталъ и спасъ себя, отечество, московскій дворъ, поповъ и монаховъ, вѣру православную и самодержавство. Признаться, Палицынъ не прочь былъ кольнуть нижегородское ополченіе, и отомстило же оно ему въ лицѣ Ив. Ег. Забѣлина! Теоретически едва ли можно спорить съ авторомъ по поводу крайне симпатичнаго его отношенія къ народу, искони измученному и представлявшему въ цѣломъ лишь питательный кусокъ для всякаго дружинника, которому не лѣнь было кормиться сытно; но какъ только авторъ переходитъ къ своей исторической конструкціи, то его тирады на счетъ здраваго смысла героическаго «сироты-народа» превращаются въ пустой звукъ, если не въ насмѣшку. Исконный врагъ народа—дружина (дворянство) со временъ Рюрика и до нашихъ почти дней (стр. 166 и 179), говоритъ И. Е. Забѣлинъ; царь—воплощеніе идеи государственности и защитникъ народа. Причина Смуты готова: дружина завела крамолу, искоренила царскій родъ и душила землю, призывая королевича Владислава, цѣлуя крестъ ворамъ и т. д. Схематично, какъ будто во вкусѣ прогрессивныхъ идей новой публицистики, но, во-первыхъ, невѣрно, а во-вторыхъ, не въ интересахъ столь прославленнаго г. Забѣлинымъ героя сироты-народа, въ-третьихъ, совсѣмъ не логично. Реабилитація главнаго героя «Смутнаго времени» вышла неудачной: вмѣсто-героя народа получился просто народъ-оболтусъ,—въ чемъ виновата тенденція

автора изобразить народъ «Смутнаго времени» въ видѣ совершенства, надѣленнаго всѣми добродѣтелями, а боярство—въ видѣ адскаго исчадія, способнаго только на однѣ гнусности. Къ чему такія преувеличенія, къ чему каррикатура тамъ, гдѣ нужно просто смотрѣть на вещи и подвергнуть жестокой и безпощадной критикѣ то что такъ заботливо пощадилъ г. Забѣлинъ? Допустивъ, что г. Забѣлинъ правъ: невольно придется спросить, что же и для чего спасъ этотъ сирота-народъ? Читатели поймутъ, что мы хотимъ сказать этимъ вопросомъ, если перечитаютъ всѣ страницы (см. стр. 1, 5, 10, 110, 122, 141, 144, 181, 187), гдѣ г. Забѣлинъ говоритъ о качествахъ московскаго правительства до и послѣ 1613 года. И то, и другое онъ рисуетъ одинаковыми чертами: слѣдовательно, боярская кандидатура 1613 г. ничего не измѣнила по существу. Сирота остался сиротой бояринъ—бояриномъ; остались тѣ же милыя отношенія боярина къ сиротѣ; по прежнему оставалась прежняя идея государственности въ реальномъ воплощеніи боярскаго абсолютизма. Мы не могли коснуться всѣхъ сторонъ книги г. Забѣлина, къ которой еще разъ и усердно отсылаемъ нашихъ читателей подъ защитой Н. И. Костомарова. Результаты параллельнаго чтенія *) могутъ привести къ болѣе самостоятельной оцѣнкѣ обоихъ историковъ, къ выработкѣ самостоятельныхъ воззрѣній на *скверный анекдотъ* въ русской исторіи. А способность критическаго отношенія къ источникамъ, способность самостоятельныхъ операцій надъ фактами исторической дѣйствительности—всего дороже для разумнаго ознакомленія съ ходомъ историческаго процесса вообще и русскаго въ частности.

ФИЛОСОФІЯ И ПСИХОЛОГІЯ.

Гельмгольцъ. «О происхожденіи и значеніи геометрическихъ аксіомъ».—«О физіологическихъ причинахъ музыкальной гармоніи».—*Дитенъ.* «Физіологическая психологія».

Гельмгольцъ. О происхожденіи и значеніи геометрическихъ аксіомъ. Спб. 1895. Его же. О физіологическихъ причинахъ музыкальной гармоніи. Спб. 1896. Изданіе журнала «Научное Обозрѣніе». Редакція журнала «Научное Обозрѣніе» предприняла изданіе ряда статей Гельмгольца. Пока вышли двѣ статьи. Первая изъ нихъ имѣетъ огромное философское значеніе, такъ какъ представляетъ попытку рѣшить очень важный вопросъ изъ философіи геометріи, о происхожденіи геометрическихъ аксіомъ. Гельмгольцу нужно было рѣшить вопросъ, суть ли онѣ обобщеніе изъ опыта, какъ это обыкновенно утверждаетъ эмпирическая школа, или онѣ апріорнаго происхожденія, какъ это утверждаетъ особая школа философовъ со времени Канта.

---

*) Не лишено интереса сопоставить нѣкоторые взгляды г. Забѣлина съ изложеніемъ С. М. Соловьева въ VIII и частью въ IX т.т. его *Исторіи Россіи:* оба яростные враги казачества.

Въ послѣднее время этотъ вопросъ въ философской литературѣ возбудилъ Гельмгольцъ, знаменитый нѣмецкій физикъ и физіологъ, и рѣшилъ его въ первомъ смыслѣ.

Геометрія, наука о чистомъ пространствѣ, шла со временъ Эвклида дедуктивнымъ путемъ. Изъ ограниченнаго числа основоположеній, или аксіомъ, которыя ставились ею во главѣ системы, она могла вывести необыкновенно большое число теоремъ. Дѣйствительность эвклидовской системы покоится на дѣйствительности ея аксіомъ. Одна изъ самыхъ важныхъ—это такъ называемая 11-я, которая относится къ параллелизму двухъ прямыхъ. Съ этой аксіомой тѣсно связано положеніе, что сумма угловъ треугольника равна двумъ прямымъ, а на этомъ положеніи основана вся планиметрія и стереометрія. Вслѣдствіе такой важности этой аксіомы, издавна старались доказать строгую всеобщность ея, но, по признанію самихъ математиковъ, тщетно. Казанскій профессоръ Лобачевскій издалъ въ 1829 году свою «воображаемую или антиэвклидовскую» геометрію, которая представляетъ попытку вывести всѣ слѣдствія изъ предположенія, что сумма угловъ треугольника меньше двухъ прямыхъ. Эту мысль развилъ Гельмгольцъ. Его изслѣдованія показываютъ, что, съ высшей точки зрѣнія, наша обыкновенная геометрія и наше обыкновенное представленіе пространства есть очень ограниченный спеціальный случай между многими другими. Объясняетъ онъ это слѣдующимъ образомъ.

На плоской поверхности любая фигура съ любого мѣста можетъ быть перенесена или сдвинута; ея форма при такомъ перемѣщеніи не измѣняется. Другими словами, на плоскости всегда мыслимы въ любомъ мѣстѣ двѣ *совпадающія* фигуры. То же самое и на шаровой поверхности. Совсѣмъ иное съ эллипсоидомъ. Здѣсь фигура при извѣстныхъ перемѣщеніяхъ измѣняетъ свою форму, или не всякую фигуру можно на ней передвинуть такъ, чтобы она оставалась тожественной самой себѣ, потому что эллипсоидъ не вездѣ имѣетъ одну и ту же кривизну или мѣру кривизны. Это приводитъ къ тому результату, что обыкновенная эвклидовская геометрія дѣйствительна только на плоскости и на такихъ поверхностяхъ, которыя возникаютъ изъ плоскости посредствомъ сгибанія безъ измѣненія внутреннихъ отношеній (цилиндръ, конусъ). Но существуетъ родъ поверхности, геометрія которой совершенно похожа на геометрію на плоскости. На ней фигуры могутъ передвигаться безъ измѣненія, т. е. на ней, какъ и на нашей плоскости, дѣйствителенъ принципъ *совпаденія*. Это родъ кривой поверхности, которая въ геометрическомъ отношеніи представляетъ обратную сторону шара и которая поэтому можетъ быть названа *псевдосферическою*. На ней не дѣйствительна аксіома параллельныхъ линій.

Положимъ, что есть существа, обитающія на плоскостяхъ только съ двумя измѣреніями. Въ такомъ случаѣ для нихъ была бы совершенно особенная геометрія. То же самое мы можемъ сказать и относительно другихъ поверхностей. Ясно такимъ образомъ, что, «смотря по роду обитанія, устанавливаются различныя геометрическія истины существами, духовный міръ которыхъ былъ бы аналогиченъ нашему». Слѣдовательно, если можно себѣ предста-

вить пространство другого вида, чѣмъ наше, то этимъ самымъ опровергается, что аксіомы геометріи суть необходимыя слѣдствія апріорныхъ данныхъ, трансцендентальныхъ формъ нашихъ созерцаній въ кантовскомъ смыслѣ. Кантъ не правъ, пользуясь мнимымъ фактомъ, будто бы положенія геометріи кажутся намъ необходимо истинными и будто мы даже представить себѣ иныхъ отношеній пространства не можемъ.

Вторая книжка есть переводъ статьи, впервые появившейся въ 1857 году; теорія, въ ней изложенная, имѣла огромное вліяніе на развитіе психологіи звуковыхъ ощущеній. Сущность его физіологической теоріи музыкальной гармоніи сводится къ слѣдующему. Ощущеніе звука вызывается возбужденіемъ слухового нерва. Музыкальный звукъ или тонъ происходитъ вслѣдствіе воздѣйствія однообразнаго ряда воздушныхъ волнъ; каждая волна имѣетъ извѣстную длину и продолжительность; чѣмъ меньше ея длина и чѣмъ короче ея продолжительность, тѣмъ звукъ становится выше. Воздушныя волны могутъ складываться другъ съ другомъ, при чемъ получаются различные результаты: если подъемы одной системы волнъ совпадаютъ съ подъемами другой, то возникаетъ новая система съ подъемами и впадинами двойной высоты, если же подъемы одной системы совпадаютъ съ впадинами другой, то и подъемы и впадины исчезнутъ и системы уничтожатъ одна другую. Это явленіе, когда одинъ звукъ уничтожаетъ другой той же высоты, носитъ названіе «интерференціи» звуковъ. Интерференція ведетъ насъ къ такъ называемымъ «біеніямъ» звуковъ. Если два одновременно услышанныхъ звука имѣютъ одинаковый періодъ колебанія и вначалѣ ихъ подъемы совпали, то они и все время будутъ совпадать, а разъ они и въ началѣ не совпали, то никогда уже не совпадутъ. При этихъ условіяхъ оба звука будутъ или все время усиливать другъ друга, или ослаблять. Но если періоды ихъ колебаній только приблизительно равны и ихъ подъемы сначала совпадаютъ, такъ что они усиливаютъ другъ друга, то одна система будетъ опережать другую и подъемы первой будутъ совпадать то съ впадинами, то съ подъемами же другой, что будетъ проявляться въ перемѣнныхъ повышеніяхъ и пониженіяхъ силы звука, называемыхъ *«біеніями»*.

Каждый отдѣльный музыкальный тонъ въ слуховомъ нервѣ производитъ равномѣрное ощущеніе; два тона не совсѣмъ одинаковой высоты разстраиваютъ и раздѣляютъ другъ друга на мгновенные прерывистые звуки, вызывающіе въ слуховомъ нервѣ прерывистыя возбужденія, такъ же непріятныя для уха, какъ перемежающіяся и быстро повторяющіяся возбужденія другихъ органовъ (мерцающій свѣтъ на глазъ). Эта шероховатость звука есть существенный характеръ *диссонанса*. Такіе звуки всего болѣе непріятны для уха, когда они даютъ отъ 20 до 40 біеній въ секунду. *Гармонія* и *дисгармонія* отличаются другъ отъ друга тѣмъ, что въ первой тоны идутъ равномѣрно, каждый самъ по себѣ, между тѣмъ какъ въ дисгармоніи они разстраиваютъ и уничтожаютъ другъ друга. Законъ, который обусловливаетъ благозвучіе гармоническихъ соединеній тоновъ, безсознателенъ въ той мѣрѣ,

въ какой онъ основывается на обертонахъ, которые, хотя и ощущаются нервами, однако не входятъ въ область сознательнаго представленія.

Указывая на эти два сочиненія Гельмгольца, мы должны замѣтить, что философія геометріи Гельмгольца и его теорія гармоніи въ настоящее время въ наукѣ оспаривается; въ особенности его философія геометріи оспаривается съ такимъ успѣхомъ, что въ настоящее время онѣ могутъ, имѣть главнымъ образомъ, историческій интересъ.

Цигенъ. Физіологическая психологія въ 14 лекціяхъ. Переводъ М. Милославскаго подъ редакціей В. Ф. Чижа. Второе изданіе. Спб. 1896. Книжка Цигена выходитъ вторымъ изданіемъ. Это, конечно, лучшая для нея рекомендація; и въ самомъ дѣлѣ она обладаетъ несомнѣнными достоинствами: она представляетъ сжатое изложеніе, если не всей психологіи, то той ея части, которая разсматривается въ связи съ физіологіей. Какъ сочиненіе, представляющее краткій сводъ научныхъ данныхъ, она не оставляетъ желать ничего лучшаго въ нашей небогатой психологической литературѣ.

Рекомендуя эту книжку вниманію читателей, мы не можемъ однако пройти молчаніемъ небрежность изданія ея въ русскомъ переводѣ. Дѣло въ томъ, что переводъ книги сдѣланъ съ *перваго* изданія, вышедшаго въ 1890 году; въ 1896 году на нѣмецкомъ языкѣ вышло *третье* изданіе, значительно дополненное и исправленное согласно новѣйшимъ изслѣдованіямъ, и прибавлена одна лекція. Между тѣмъ, второе изданіе г. Павленкова представляетъ буквальную перепечатку съ перевода 1890 года, при чемъ неточности перваго изданія (1893 года) воспроизведены и во второмъ. Напр., на стр. 49, 50, 51, 54 извѣстный ученый Гольдшейдеръ названъ Гольдшнейдеромъ; на стр. 58: «Слѣпорожденный Шесельденъ» вм. «слѣпорожденный Чесельдена (т. е. оперированный докторомъ Чесельденомъ). Выраженіе: «die Localzeichen sind stetig abgestuft» переводится: локальные знаки *возбуждаются постепенно*, вм. *непрерывно градированы*.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

«*La Douleur des autres*» *par Charles Epheyre* (*Ollendorf*) *Paris, 1896.* (*Горе другихъ*). Книга эта принадлежитъ къ такъ-называемой «литературѣ мира». Авторъ ея, скрывающійся подъ псевдонимомъ «Charles Epheyre» — извѣстный современный ученый, проф. Шарль Рише, счелъ нужнымъ прибѣгнуть къ беллетристической формѣ, чтобы его идеи получили большее распространеніе. Основная мысль книги заключается въ томъ, что никакая благотворительность, никакія филантропическія учрежденія не могутъ вліять на судьбу человѣчества; все это палліативныя мѣры, временно облегчающія бѣдствія человѣчества, заглушающія острую боль. Единственное, что можетъ сдѣлать людей счастливыми—это полное уничтоженіе войны, и поэтому всѣ истинные человѣколюбцы должны поступить такъ, какъ поступаетъ герой этой книги, т.-е. посвятить себя этому великому дѣлу.

(Journal des Débats).

«*Lavoisier*» (*1743—1794*) *d'après sa correspondance, ses manuscrits, ses papiers de famille et d'autres documents inédits, par Edouard Grimaux* (*Felix Alcan*). (*Лавуазье*). Новое, пересмотрѣнное и дополненное изданіе этой книги, разошедшейся совершенно, снабжено прекрасными иллюстраціями и пользуется вполнѣ заслуженнымъ успѣхомъ. Авторъ съумѣлъ съ пользою употребить богатый матеріалъ, имѣвшійся у него въ распоряженіи, и представила въ біографіи живой образъ не только ученаго, но и человѣка, обладающаго выдающимися качествами души и сердца. Книга заключаетъ восемь главъ: 1) дѣтство и юность; 2) частная жизнь; 3) административная дѣятельность; 4) научная дѣятельность; 5) агрономическія и экономическія изслѣдованія; 6) политическая жизнь; 7) ученая коммиссія при академіи наукъ во время революціи; 8) процессъ генеральныхъ фермеровъ и смерть Лавуазье. — Библіографическая часть книги, приложенная въ концѣ, очень обширна и сдѣлана очень тщательно.

(Journal des Débats).

«*Might Have Been; some life Notes*». *By the Rev. Joseph Parker.* (*Chatto and Windus*). (*Могло бы быть*). Автору этой книги, доктору Паркеру, пришла странная идея написать рядъ вымышленныхъ воспоминаній о разныхъ, болѣе или менѣе выдающихся людяхъ, поэтому-то онъ и далъ такое названіе своему произведенію. Всѣ эти разговоры и событія, которыя онъ описываетъ, не были на самомъ дѣлѣ, но «могли бы быть». Несомнѣнно, впрочемъ, авторъ въ своемъ разсказѣ перемѣшалъ истину съ вымысломъ, такъ что трудно сказать, гдѣ кончается одна и начинается другая. Такой книгѣ, разумѣется, нельзя придавать серьезнаго значенія, но прочесть ее небезъинтересно, такъ какъ авторъ въ своихъ вымышленныхъ разговорахъ съ нѣкоторыми современными дѣятелями, все-таки даетъ довольно мѣткую ихъ характеристику.

(Daily News).

«*In a Man'mind*» *by John R. Watson* (*Unwin*). (*Въ душѣ человѣка*). Книга рисуетъ жизнь въ Бризбонѣ (Австралія), со всѣми ея, какъ положительными, такъ и отрицательными сторонами. Авторъ—совсѣмъ еще новый писатель, только недавно выступившій въ австралійской литературѣ, но уже умѣвшій обратить на себя вниманіе. Его новое произведеніе, знакомящее съ австралійскою жизнью, можетъ вполнѣ подтвердить составленную имъ репутацію талантливаго писателя.

(Daily News).

«*Gorillus and Chimpanzees*» *by R. L. Garner* (*Osgood, Melivaine and C°*). (*Горилы и шимпанзе*). Исторія доктора Гарнера достаточно хорошо извѣстна. Въ 1892 году онъ отправился въ Экваторіальную Африку съ намѣреніемъ изучить нравы и характерныя особенности обезьянъ, а также ихъ языкъ. Для этой цѣли онъ поселился въ тропическомъ лѣсу, въ особоустроенной проволочной

желѣзной клѣткѣ и назвалъ свое мѣстопребываніе «Фортомъ Гориллы». Повидимому, предпріятіе его не увѣнчалось успѣхомъ и даже навлекло на него массу насмѣшекъ и обвиненій въ шарлатанствѣ. Но, во всякомъ случаѣ, оно дало ему возможность написать интересную книгу объ обитателяхъ тропическихъ лѣсовъ, гориллахъ и шимпанзе, которыхъ онъ наблюдалъ изъ своего проволочнаго убѣжища. (Daily News).

«*La vie future devant la science*» *par C. B.* (*Будущая жизнь передъ лицомъ науки*). Авторъ этой любопытной книги стремится согласовать религіозный догматъ съ данными современной науки. Онъ говоритъ о вѣчности матеріи и вѣчности энергіи. Смерть—это только одинъ изъ видовъ эволюціи жизни. Въ концѣ-концовъ поэтическая фантазія увлекаетъ автора за предѣлы науки и ученый исчезаетъ, уступая мѣсто поэту, разсуждающему о безчисленномъ количествѣ міровъ, населяющихъ небеса, и о жизненной силѣ. (Revue de Paris).

«*Les profondeurs de Kyamo*» *par S. H. Rosny.* (*Глубины Кіамо*). Неутомимые авторы, стяжавшіе уже извѣстность своими изображеніями доисторической жизни, переносятъ теперь мѣсто дѣйствія своего разсказа въ Африку, въ дебри сказочнаго лѣса Кіамо. Какъ и всѣ произведенія авторовъ, разсказъ этотъ написанъ увлекательно и читается съ захватывающимъ интересомъ.

(Revue des Revues).

«*Histoire du cardinal de Richelieu*» *par Gabriel Hanotot.* (*Исторія кардинала Ришелье*). Нынѣшній французскій министръ иностранныхъ дѣлъ употребляетъ свой досугъ для историческихъ изслѣдованій. Онъ пишетъ теперь исторію кардинала Ришелье и два тома этого труда появились въ печати. Въ нихъ авторъ изучаетъ путь, приведшій его героя къ власти; онъ подробно изслѣдуетъ поведеніе Ришелье въ 1614 году и во время министерства Кончини-Барбенъ, въ которомъ онъ былъ государственнымъ секретаремъ. Авторъ старается проникнуть всѣ тайные замыслы того, кто впослѣдствіи долженъ былъ называться кардиналомъ Ришелье, но въ то время былъ просто Арманъ, люсонскій епископъ. Достоинство историческаго изслѣдованія автора заключается въ томъ, что авторъ не ограничивается только изученіемъ исторіи своего героя, но даетъ прекрасное изображеніе эпохи. Въ ряду историческихъ сочиненій эта книга займетъ, конечно, не послѣднее мѣсто. (Journal des Débats).

«*The British Barbarians*» *by Grant Allen* (*Keynotes Series*). (*Британскіе варвары*). Въ высшей степени ѣдкая сатира на современное англійское общество, въ которой авторъ со свойственнымъ ему талантомъ и остроуміемъ доказываетъ, что современные англичане во многихъ отношеніяхъ мало отличаются отъ дикарей съ ихъ грубымъ фетишизмомъ и суевѣріями.

(Literary World).

«*The coming Individualism*» *by A. Egmont Hake and O. E. Weslau* (*Archibald Constable and C°*). (*Наступающій индивидуализмъ*). Оба автора совмѣстными усиліями нападаютъ на всѣ существующія соціальныя программы, доказывая, что въ нихъ не слѣдуетъ искать никакой панацеи противъ современныхъ бѣдствій. Высказывая много здравыхъ взглядовъ, по поводу крайняго развитія индивидуализма, въ которомъ, по ихъ мнѣнію, заключается главное зло и опасность, грозящая современному обществу, авторы выдвигаютъ на сцену собственную программу, быть можетъ, оригинальную, но, во всякомъ случаѣ, такую, противъ которой найдется многое, что возразить.

(Daily News).

«*The psychic philosophy*» *as the foundation of a religion of Natural Law. By V. C. Descrtis. Wiel W. an introduction by Alfred Bussthallace* (*Психическая философія*). Интересная книга, отличающаяся глубиною взглядовъ и духомъ терпимости. Возвышенная философія, проповѣдуемая авторомъ, придерживающимся, однако, строго научной почвы во всѣхъ своихъ выводахъ, должна непремѣнно оставить глубокій слѣдъ въ душѣ каждаго читателя.

(Literary World).

«*Miracles and Modern Spiritualism*» *Three essays. By Alfred Bussel Wallace. New and revised Golition with Chapters on Phantasms and Apparitions.* (*Чудеса и современный спиритуализмъ*). Высокое положеніе, занимаемое авторомъ въ ученомъ мірѣ, конечно, увеличиваетъ значеніе книги. Она очень интересна и сама по себѣ, какъ попытка научнаго объясненія современнаго спиритуализма.

(Literary World).

«*Evolutionary Psychology of Feeling*» *by Hiram M. Stanley. American Psychological Association* (*Swan Sonnenschein and C°*). (*Эволюціонная психологія чувствъ*). Нѣкоторыя изъ главъ этой книги были раньше помѣщены въ спеціальныхъ журналахъ (Psychological

Review, Philosophical Review и др.). Авторъ пересмотрѣлъ и дополнилъ ихъ новыми данными. Въ предисловіи авторъ говоритъ, что «психологія изъ всѣхъ наукъ, пожалуй, самая несовершенная» и нуждается въ новыхъ спеціальныхъ изслѣдованіяхъ и фактахъ. Поэтому-то авторъ и заботился больше всего о фактахъ и критическомъ изслѣдованіи явленій, безъ всякой предвзятой теоріи, дающей имъ то или иное объясненіе. Книгу автора ни въ какомъ случаѣ нельзя причислить къ заурядным сочиненіямъ по психологіи и упрекнуть въ поверхностности. Напротивъ, взгляды автора отличаются глубиною, кромѣ того, трудъ его тщательно обработанъ. (Literary World).

«*The brotherhood of Mankind*». *A study towards a christian Philosophy of History, by the Bev. Sohn Howard Crawford Edinburgh* (*T. and T. Clark*). (*Братство людей*). Книга проникнута самымъ высокимъ альтруизмомъ. Авторъ старается доказать, что «конечная цѣль, къ которой стремится человѣчество, это всеобщее братство». Къ такому выводу авторъ приходитъ на основаніи наблюденій надъ господствующими въ человѣческомъ обществѣ теченіями и стремленіями. Исходя изъ этой точки зрѣнія, авторъ объясняетъ всѣ историческіе процессы, и если въ чемъ можно упрекнуть автора, то никакъ не въ желаніи унизить человѣчество, которому онъ приписываетъ самыя возвышенныя стремленія, не смотря даже на всѣ противорѣчивые факты, рисующіе человѣчество совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ. Авторъ считаетъ все это лишь временными уклоненіями и проникнутъ глубокою вѣрою въ человѣчество, которая невольно передается читателю.

(Daily News).

«*Sir Thomas More*» *by William Holden Hutton* (*Methuen and C°*). (*Сэръ Томасъ Моръ*). Авторъ этой, очень интересно написанной біографіи великаго англійскаго писателя, проникнутъ чувствомъ глубокаго восхищенія и уваженія къ своему герою, личныя качества котораго таковы, что его приходится поставить выше всѣхъ его знаменитыхъ современниковъ XVI вѣка. Очень хороши главы, описывающія судъ и смерть Мора. Вообще, эта біографія принадлежитъ къ числу такихъ книгъ, которыя не мѣшаетъ имѣть во всякой библіотекѣ. (Daily News).

«*Buckle and his Critics*». *A study in Sociology. By Ldhn Mackinnon Robertson* (*Swan Sonnenschein and C°*. (*Бокль и его критики*). Книга эта увидѣла свѣтъ благодаря полутораста подписчикамъ, заинтересованнымъ программой мистера Робертсона, напечатанной въ «Free Reviev», и собравшимъ нужную сумму для ея изданія. Авторъ, безъ сомнѣнія, вложилъ много труда въ свое произведеніе, но за то его книга представляетъ далеко не заурядную работу и обладаетъ достоинствами серьезнаго научнаго и талантливаго изслѣдованія. Въ книгѣ собраны мнѣнія всѣхъ противниковъ Бокля, при чемъ авторъ подвергаетъ ихъ строгому критическому разбору. Авторъ принадлежитъ къ числу горячихъ поклонниковъ Бокля, и это, безъ сомнѣнія, вліяетъ на его отношеніе къ критикамъ Бокля, хотя среди этихъ критиковъ и встрѣчается много авторитетныхъ именъ. Но, во всякомъ случаѣ, надо отдать справедливость автору, что его произведеніе принадлежитъ къ числу такихъ, которыя могутъ быть полезны для каждаго современнаго мыслителя и образованнаго человѣка. (Literary World).

«*Anna Kingsford. Her Life, Letters and Work*» *by her Collaborator Edward Maittand, illustrated with portraits, wiws and facsimile.* (*George Redway*). (*Анна Кингсфордъ, ея жизнь, письма и труды*). Это біографія одной изъ выдающихся современныхъ англійскихъ женщинъ, которая добилась ученой степени еще въ то время, когда женское движеніе только начиналось. Она была однимъ изъ піонеровъ этого движенія, трудясь на медицинскомъ и общественномъ поприщѣ. Въ послѣдніе годы жизни она, однако, уклонилась отъ этого пути и увлеклась антививисекціонистскимъ движеніемъ и оккультизмомъ. (Literary World).

«*The Story of the Earth*» *Prof. H. G. Seeley* (*Library of Useful stories*). (*Исторія земли*). Прекрасная книга, могущая служить очень хорошимъ руководствомъ для всѣхъ интересующихся исторіей нашей планеты. Проф. Сили въ краткомъ изложеніи (на пространствѣ 200 небольшихъ страницъ) знакомитъ читателей съ новѣйшими геологическими теоріями и выводами современныхъ ученыхъ. Несмотря на свой научный характеръ, книга можетъ заинтересовать и обыкновенныхъ читателей.

(Literary World).

«*Essai d'histoire et de littérature*» *par Charles Felgères.* (*A. Savine*). (*Опытъ исторіи и литературы*). Книга представляетъ сборникъ статей, помѣщаемыхъ раньше въ различныхъ жур-

налахъ. Тутъ есть критическія статьи о Гизо, Морисѣ, Бушорѣ, Толстомъ, Бурже и Кастелланѣ. Историческая часть книги заключаетъ интересныя статьи о знаменитой сектѣ теофилантроповъ, а также двѣ монографіи: «Россія и Римъ во времена Петра Великаго» и «Послѣдній армянскій король». Въ первой монографіи говорится о введеніи католическаго культа въ Россіи и его развитіи; во второй же разсказывается почти совершенно неизвѣстная исторія Леона Лузиньяна, который былъ возведенъ на престолъ волею народа, затѣмъ подвергая осадѣ въ своей столицѣ, и пробылъ пять лѣтъ плѣнникомъ султана въ Каирѣ. Онъ умеръ въ Парижѣ, гостемъ Карла VI, посѣтивъ предварительно всѣ европейскіе дворы, гдѣ его принимали съ тріумфомъ. (Journal des Débats).

«*Vingt jours sur les côtes de la Mediterannée*» *par Constant de Tours* (*May et Motteror*). (*Двадцать дней на берегахъ Средиземнаго моря*). Прекрасно иллюстрированное изданіе, особенно полезное для тѣхъ, кто желаетъ выбрать мѣсто для зимняго пребыванія на берегу Средиземнаго моря. Авторъ подробно знакомитъ читателей съ тою частью морского берега, которая идетъ отъ Марсели до испанской границы. (Journal des Débats).

«*Les Etats-Unis en 1900*» *par le docteur Auguste Lutaud* (*Соединенные Штаты въ 1900 г.*). Авторъ много путешествовавшій въ Соединенныхъ Штатахъ, собралъ массу документовъ, касающихся Новаго Свѣта и особенно тѣхъ большихъ городовъ, быстрое развитіе которыхъ повергаетъ Европу въ изумленіе. Интересныя подробности авторъ сообщаетъ о различныхъ сектахъ, развившихся на почвѣ Америки. Авторъ изслѣдуетъ политическій механизмъ и американскую конституцію, во всѣхъ направленіяхъ. Вообще, его книгу можно назвать очень основательнымъ изслѣдованіемъ Америки конца XIX вѣка. (Revue de Paris).

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ

съ 15-го сентября по 15-е октября.

Кривенко. По Дагестану. Изд. Суворина. «Новая библіотека». Спб. 1896. Ц. 60 к.

Отчетъ Общества попеченія о начальномъ образованіи въ Барнаулѣ. Барнаулъ. 1896.

Л. З—скій. Руководство для чиновъ волостной и уѣздной полиціи. Спб. 1896. Ц. 1 р. 50 к.

Виноградовъ. Книга для чтенія по исторіи среднихъ вѣковъ. Вып. I. Москва. 1896. Ц. 1 р. 50 к.

Народный театръ. Сборникъ. Изд. Лавровой и Попова. Москва. 1896. Ц. 2 р.

Памяти К. Д. Ушинскаго (по случаю 25-лѣтія со дня кончины). Спб. 1896. Ц. 50 к.

Нефедовъ. Дѣтство Протасова. Изд. второе, Банникова. Москва. 1897.

Дегереневъ. Удобренія и микроорганизмы почвы. Кіевъ. 1896. Ц. 80 к. Первая серія.

Н. Сперанскій. Очерки по исторіи народной школы въ Западной Европѣ. Москва. 1896. Ц. 2 р.

К. Марксъ. Критика нѣкоторыхъ положеній политической экономіи. Пер. Ру. мянцева. Изд. 2-е Бончъ-Бруевича. Ц. 1 р. Москва. 1896.

Жукъ. Мать и дитя. Изд. 2-ое Губинскаго. Спб. 1897. Ц. 3 р.

Монтегацца. Счастье и трудъ. Изд. 3-е Павленкова. Спб. 1896. Ц. 50 к.

Сіязовъ. Краткій курсъ ботаники (съ 120 рис. въ текстѣ). Изд. 2-е Павленкова. Спб. 1896. Ц. 50 к.

Д-ръ Ш. Летурно. Соціологія. Пер. подъ редакціей проф. Трачевскаго. Изд. Павленкова. Спб. 1896. Ц. 1 р. 50 к.

Э. Пименова. Францискъ Ассизскій. Изд. Павленкова. Жизнь замѣчательныхъ людей. Спб. 1896. Ц. 25 к.

Гроссъ. Экономическая система Карла Маркса, пер. съ нѣм. Изд. 2-е Павленкова. Спб. 1896. Ц. 20 к.

Д-ръ Ш. Летурно. Физіологія страстей, пер. съ франц. Изд. Павленкова. Спб. 1896. Ц. 1 р.

Классенъ. Жизнь Лассаля. Спб. 1896. Ц. 1 р.

Кржвицкій. Антропологія. Изд. «Популярно-научная библіотеки». Спб. 1896. Ц. 1 р. 50 к.

I. Potapenko. Erzählungen und Skizzen «Universal-Bibliothek». Leipzig. 1896. Pr. 28 Pfen.

Пѣснь о Роландѣ, пер. Чудинова. Изд. Глазунова, «Русская классическая библіотека». Спб. 1896. Ц. 50 к.

Пѣснь о Нибелунгахъ, пер. Кудряшева. Изд. Главунова, «Русская классическая библіотека». Спб. 1896. Ц. 45 к.

Немировичъ-Данченко. Волчья Сыть. Изд. О. Н. Поповой. Ц. 1 р. 50 к. Спб. 1897.

Э. Тейлоръ. Первобытная культура. Изд. 2-е О. Н. Поповой. Т. I. Спб. 1896.

Щербина. О Кіевской старинѣ. Изд. 2-е Кіевской коммиссіи народныхъ чтеній Кіевъ. 1896. Ц. 15 к.

Проф. Шершеневичъ. Опредѣленіе понятія о правѣ. Казань. 1896. Ц. 75 к.

Аргамаковъ. Двѣ рѣчи на открытіе выставки въ Н.-Новгородѣ. Полоцкъ. 1896. Ц. 30 к.

Его-же. Мысли о современномъ и будущемъ воспитаніи. Полоцкъ. 1896. Ц. 1 р.

Д-ръ Сегель. Курсъ гигіены. Новочеркасскъ. 1896. Ц. 1 р.

Отчетъ о дѣятельности комитета по устройству сельскихъ библіотекъ за 1895 годъ. Харьковъ. 1896.

Коростовецъ. Китайцы и ихъ цивилизація (съ приложеніемъ карты). Изд. Ледерле. Спб. 1896. Ц. 4 р.

Ж. Лурбе. Женщина передъ судомъ науки, пер. Предтеченскаго. Изд. Павленкова. Спб. 1896. Ц. 30 к.

Феоктистовъ. Анекдоты о Петрѣ Великомъ. Изд. Ледерле. Спб. 1896. Ц. 1 р. 60 к.

Иванъ Щегловъ. Плѣнный турокъ. Изд. Ледерле. Спб. 1896. Ц. 40 к.

Михневичъ. Разсказы маленькимъ дѣтямъ изъ естеств. исторіи. Изд. Ледерле. Ц. 30 к.

Проф. Цвѣтаевъ. Основаніе русскаго флота. Спб. 1896.

Кузнецовъ. Въ странѣ льдовъ. Изд. Ледерле. Спб. 1896. «Иллюстрир. естеств.-научная библіотека».

Мижуева. Луи Пастеръ. Изд. Ледерле. «Нашему юношеству разсказы о хорошихъ людяхъ». Спб. 1896. Ц. 20 к.

Уставъ Тульской общественной библіотеки. Тула. 1896.

Проф. Данилевскій. Душа и природа. 2-е изд. Книги маг. Брейтигама. Хар. 1896. Ц. 1 р.

Челпановъ. Указатель литературы по вопросу о матеріализмѣ. Кіевъ. 1896. Ц. 40 к.

Списокъ изданій книгоиздательства «Посредникъ» (1885—1896). Москва. 1896.

Станли Джевонсъ. Краткое руководство политической экономіи. Спб. 1897. Ц. 60 к.

Трайль. Общественная жизнь Англіи. Изд. К. Солдатенкова. Москва. 1896. Ц. 3 р.

Изданіе О. Н. ПОПОВОЙ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ, НАУЧНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„НОВОЕ СЛОВО".

Второй годъ изданія.

Выходитъ ежемѣсячно отъ 25 до 30 печатныхъ листовъ.

Подписной годъ съ 1-го октября.

Кромѣ общихъ задачъ журналистики, «НОВОЕ СЛОВО» поставило себѣ цѣлью обратить особенное вниманіе на запросы и нужды провинціи, съ которою желательна живая связь. Поэтому редакція заинтересована въ полученіи непосредственно и изъ возможно большаго числа мѣстъ свѣдѣній по всѣмъ вопросамъ и отраслямъ мѣстной жизни. Въ этихъ видахъ, кромѣ отдѣльныхъ статей, внутренняго обозрѣнія и обзора провинціальной печати, въ журналѣ будутъ помѣщаться еще «Письма изъ провинціи».

Съ другой стороны, зная, насколько важно сопоставленіе европейской науки и опыта съ русской дѣйствительностью, мы желаемъ обратить серьезное вниманіе на европейскую литературу, науку и жизнь.

Въ журналѣ принимаютъ участіе: Я. В. Абрамовъ, И. А. Бунинъ, В. В., М. Горькій, П. В. Засодимскій, Н. Н. Златовратскій, Н. А. Каблуковъ, С. Н. Кривенко, Д. Н. Маминъ-Сибирякъ, Г. А. Мачтетъ, Н. Максимовъ, Вас. И. Немировичъ-Данченко, Николай —онъ, Л. Е. Оболенскій, В. А. Поссе, И. Н. Потапенко, А. С. Пругавинъ, Н. А. Рубакинъ, А. М. Скабичевскій, К. М. Станюковичъ. В. А. Тимирязевъ, проф. К. Тимирязевъ, Ант. П. Чеховъ, Щепотьевы (Е. С. и С. А.), проф. В. Г. Ярошкій, А. И. Эртель и др.

Съ 1-го октября 1896 года по 1-ое октября 1897 года.

Подписная цѣна	съ пересылкой	на годъ	10 р. — к.
»	»	» полгода . . .	5 » — »
»	»	» три мѣсяца . .	2 » 50 »
»	безъ пересылки	на годъ	9 » — »
»	съ перес. за границу	на годъ. .	12 » — »

Лица, внесшія сразу полную подписную сумму, за весь годъ, пользуются, кромѣ даровой пересылки, уступкой въ 10% со всѣхъ изданій О. Н. Поповой, исключая сочиненій Н. А. Добролюбова и изданій по подпискѣ.

Адресъ конторы редакціи: С.-Петербургъ, Спасская ул. (уг. Надеждинской), д. № 15, кв. № 1 **Отдѣленіе конторы:** С.-Петербургъ, Невскій пр., д. № 54, «Библіотека Черкесова».

Москва: отдѣленіе конторы журнала «НОВОЕ СЛОВО», книжный магазинъ «Трудъ», Тверская, д. Спиридонова.

Книжные магазины, при полной годовой подписной платѣ, пользуются уступкой 40 к. съ экземпляра. Подписка по частямъ года допускается только черезъ контору редакціи и ея отдѣленія.

Получая неоднократно заявленія отъ провинціальныхъ читателей о затрудненіи въ выборѣ и выпискѣ книгъ, контора редакціи беретъ на себя составленіе списковъ, высылку каталоговъ и книгъ, и съ удовольствіемъ будетъ отвѣчать на всѣ запросы провинціальнаго читателя.

Лица, выписывающія изданія О. Н. Поповой черезъ контору редакціи и ея отдѣленіе, за пересылку не платятъ, исключая сочиненій Н. А. Добролюбова и изданій по подпискѣ, за пересылку которыхъ взимается по разстоянію. Каталогъ изданій по требованію высылается безплатно.

Редакторъ А. Н. Поповъ. 1—3. Издательница О. Н. Попова.

Открыта подписка на новое изданіе О. Н. ПОПОВОЙ:

ПЕРВОБЫТНАЯ КУЛЬТУРА.

Изслѣдованія развитія миѳологіи, философіи, религіи, языка, искусства и обычаевъ.

Эдуарда Б. ТЭЙЛОРА.

ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ,

исправленное и дополненное по третьему англійскому изданію,

подъ редакціей Д. А. КОРОПЧЕВСКАГО

въ 2-хъ томахъ.

Томъ I вышелъ изъ печати.

Содержаніе: Наука о культурѣ.—Развитіе культуры.—Переживаніе въ культурѣ.—Эмоціональный и подражательный языкъ.—Искусство счисленія.—Миѳологія.

Томъ II выйдетъ въ декабрѣ.

По выходѣ II тома цѣна будетъ повышена.

Цѣна за оба тома по подпискѣ **2** р. **50** к., съ пересылкой **3** р. *).

При требованіи наложеннымъ платежомъ въ суммѣ **3** р. (2 р. 50 к. стоимость сочиненія и 50 к.—перес.) прибавляется **10** коп. за наложенный платежъ.

Подписка принимается въ конторѣ изданій **О. Н. Поповой** (Спб., Невскій, 54, библіотека Черкесова) и ея отдѣленіяхъ (Спб., Спасская, 15, редакція журнала „НОВОЕ СЛОВО“) и **Москва**, книжный магазинъ „Трудъ“, Тверская, д. Спиридонова.

Иногородныхъ просятъ обращаться исключительно въ контору изданій.

Лица, выписывающія изданія **О. Н. Поповой** изъ конторы изданій, за пересылку не платятъ, исключая соч. **Н. А. Добролюбова, и изданій, выходящихъ по подпискѣ.**

Вышелъ новый Каталогъ изданій О. Н. Поповой; по требованію высылается безплатно.

XIII г. изданія. **Открыта подписка на 1897 г.** XIII г. изданія.

на еженедѣльный иллюстрированный журналъ путешествій и приключеній на морѣ

ВОКРУГЪ СВѢТА.

ВЪ ТЕЧЕНІЕ ГОДА ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЪ

50 еженедѣльныхъ иллюстрированныхъ №№., содержаніе которыхъ составляютъ романы, повѣсти, путешествія, популярно-научныя статьи и многочисленные рисунки.

БЕЗПЛАТНО

12 ТОМОВЪ, иллюстрированныхъ знамен. художн.: Эмилемъ Байяромъ, Невилемъ, Піу и другими, и содержащихъ въ себѣ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

ЖЮЛЯ ВЕРНА.

Собраніе это будетъ состоять изъ 12 томовъ большого формата, и въ него войдутъ восемь слѣдующихъ романовъ, переведенныхъ съ полныхъ французскихъ изданій безъ всякихъ измѣненій и сокращеній:

I. 80.000 верстъ подъ водою. 2 т.
II. Дѣти капитана Гранта. 2 тома.
III. Таинственный островъ. 3 тома.
IV. Воздушный корабль.
V. Зеленый лучъ.
VI. Вокругъ свѣта въ 80 дней.
VII. Вверхъ дномъ.
VIII. Путешествіе къ центру земли.

Кромѣ того подписчики, при доплатѣ 1 р., получатъ **2 РОСКОШНЫЯ ПРЕМІИ,** состоящія изъ 2-хъ художествен. картинъ (олеографій). Картины, размѣромъ 20¼ вер. въ длину и 13½ вер. въ ширину, исполнены въ артистическомъ заведеніи бр. Кауфманъ въ Берлинѣ съ оригиналовъ художника Кондратенко.

1) **Южный берегъ Крыма** съ видомъ Ялты
2) **Видъ Днѣпра у Кіева,**

Оригиналы этихъ картинъ спеціально для преміи 1897 года.

Подписная цѣна на журналъ остается прежняя.

НА ГОДЪ съ собран. соч. Жюля Верна съ доставк. и пересылкою **4 Р.**

Допускается разсрочка: при подпискѣ 2 рубля, къ 1-му апрѣля и 1-му іюля по 1 р.—За премію—при послѣднемъ взносѣ.

АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ: Москва, Валовая ул., д. Т-ва И. Д. Сытина.

КРОМѢ ТОГО, ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: во всѣхъ книжныхъ магазинахъ Москвы, Петербурга и другихъ городовъ Россіи.

Журналъ издается Высочайше утвержденнымъ Т-вомъ И. Д. Сытина.

3—1.

Открыта подписка на 1897 годъ на

ТЕХНИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ

и ВѢСТНИКЪ ПРОМЫШЛЕННОСТИ,

ежемѣсячный журналъ открытій, изобрѣтеній, усовершенствованій и вообще *новостей* по *всѣмъ отраслямъ техники и промышленности*,

(8-й годъ изданія),

Фабриканты, заводчики и техники найдутъ въ журналѣ много полезныхъ и необходимыхъ для нихъ матеріаловъ.

Задавшись цѣлью служить интересамъ фабрично-заводской техники и промышленности, редакція стремится давать въ журналѣ возможно болѣе полезнаго матеріала по всѣмъ отдѣламъ программы.

Въ программу журнала входятъ: машиностроеніе и механическое дѣло, механическая и химическая технологія, желѣзнодорожное дѣло, архитектура, инженерное и строительное искусства, электротехника, техническое образованіе, обзоръ дѣятельности торгово-промышленныхъ учрежденій и техническихъ обществъ, біографіи выдающихся дѣятелей техники и промышленности, критика и библіографія; смѣсь: замѣтки о новостяхъ техники, промышленности, разныя мелкія извѣстія и т д.; справочный отдѣлъ: отвѣты на запросы гг. подписчиковъ, торговыя и статистическія свѣдѣнія, данныя о спросѣ и предложеніи; правительственныя распоряженія.

Въ 1896 г. на страницахъ журнала помѣщено было описаніе „Всероссійской промышленной и художественной выставки въ Нижнемъ Новгородѣ".

Журналъ одобренъ Ученымъ Комитетомъ Минист. Народн. Просвѣщенія.

Полные экземпляры журнала за 1890, 1891, 1892, 1893, 1894, 1895 и 1896 гг. по 16 руб. высылаются по первому требованію съ наложеннымъ платежомъ.

Подписавшимся среди года высылаются всѣ вышедшіе въ свѣтъ №№

Пробные №№ высылаются по первому требованію, съ наложеннымъ платежомъ по 1 р. 50 к.

Допускается разсрочка. — 16 руб. въ годъ съ перес. и дост., за ½ года—9 руб.— Учащимся—скидка въ 25%.

Адресъ редакціи: Москва, Долгоруковская ул., д. № 71.

Подписка принимается: въ РЕДАКЦІИ журнала и во ВСѢХЪ книжн. магазинахъ.

Редакторъ-Изд. Учен. Инж.-Мех. К. А. Казначеевъ.
Редакторъ Инж.-Техн. А. М. Кудрявцевъ.
3—1

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ НА

РЕМЕСЛЕННУЮ ГАЗЕТУ

(12-й годъ изданія).

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ОБЩЕПОЛЕЗНОЕ изданіе съ рисунками въ текстѣ и съ приложеніемъ, сверхъ того, при каждомъ нумерѣ двухъ листовъ исполнительныхъ чертежей или образцовыхъ рисунковъ новыхъ издѣлій, инструментовъ, станковъ, приспособленій и пр. предметовъ по различнымъ ремесламъ, а также кустарнымъ и мелкимъ фабрично-заводскимъ производствамъ, съ подробными описаніями и наставленіями, къ нимъ относящимися.

Въ «Рем. Газ.» дано было описаніе Всероссійской промышленной и художественной выставки 1896 г. въ Нижнемъ-Новгородѣ.

«РЕМЕСЛЕННАЯ ГАЗЕТА» необходима спеціальнымъ школамъ, технику, ремесленнику, кустарю, торговцу, сельскому хозяину, любителю ремеслъ и потребителямъ ремесленныхъ издѣлій, т. е. во всякомъ семействѣ.

Контора изданія оказываетъ гг. иногороднимъ подписчикамъ **БЕЗПЛАТНО** всевозможное **СОДѢЙСТВІЕ** по различнымъ справкамъ, также по выпискѣ книгъ, инструментовъ и др. предметовъ, которые высылаются по первому требованію **немедленно съ НАЛОЖЕННЫМЪ платежомъ.**

«РЕМЕСЛЕННАЯ ГАЗЕТА» въ теченіе истекшихъ 11-ти лѣтъ успѣла пріобрѣсти

огромный составъ читателей, не только въ виду ея характера и крайней дешевизны, но, главнымъ образомъ, вслѣдствіе того ОБИЛІЯ полезнаго и необходимаго для всякаго матеріала, который она даетъ своимъ подписчикамъ, а именно:

1) 50 №№ ВЪ ГОДЪ, содержащихъ до 1000 статей со множествомъ рисунковъ (гравюръ) въ текстѣ и 2) СТО листовъ приложеній (замѣняющихъ преміи къ «Рем. Газ.»), которыя отдѣльно стоятъ въ розничной продажѣ СВЫШЕ 20 р. с. 3) Изящно иллюстрированный настѣнный календарь.

Редакція въ состояніи давать все это своимъ читателямъ лишь въ виду ихъ многочисленности и широкаго развитія своего дѣла.

Подписавшимся среди года высылаются всѣ вышедшіе №№.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА 6 р. въ годъ съ пересылкой и доставкой (за полгода 4 р).

ПОЛНЫЕ ЭКЗЕМПЛЯРЫ «Ремесленной Газеты» со всѣми приложеніями за 1886 г. по 10 р., а за 1887, 1889, 1890, 1891, 1892, 1893, 1894, 1895 и 1896 г. (безъ книгъ) по 5 р. высылаются по первому требованію съ наложеннымъ платежомъ.

Экземпляры за 1885 и 1888 гг. всѣ разошлись.

«Ремесленная Газета» РЕКОМЕНДОВАНА г. Министромъ Народ. Просвѣщенія: 1) для техническихъ и ремесленныхъ училищъ—мужскихъ и женскихъ; 2) для городскихъ и сельскихъ училищъ; 3) для учительскихъ институтовъ и семинарій, а также 4) для библіотекъ реальн. училищъ.

АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ: Москва, Долгоруковская ул., домъ № 71.

Редакторъ-Издатель Ученый Инженеръ-Механикъ К. А. КАЗНАЧЕЕВЪ.

3—1.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 г.

на ежедневную

политическую, общественную, литературную и торговую газету

ОРЛОВСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

съ доставкой на домъ въ Орлѣ и пересылкой въ др. города

НА ГОДЪ—7 РУБ.,

11 мѣс.—6 р. 50 к., 10 мѣс.—6 р., 9 мѣс.—5 р. 50 к., 8 мѣс.—5 р., 7 мѣс.—4 р. 50 к., 6 мѣс.—4 р., 5 мѣс.—3 р. 50 к., 4 мѣс.—3 р., 3 мѣс.—2 р. 40 к., 2 мѣс.—1 р. 70 к., 1 мѣс.—90 к., 1/2 мѣс.—50 к.

Для УДОБСТВА ПОДПИСЧИКОВЪ подписка принимается и съ РАЗСРОЧКОЙ, съ платою не менѣе какъ въ мѣсяцъ 1 р., до выплаты всей суммы, причемъ высылка газеты прекращается въ соотвѣтственный взносу срокъ.

Для ознакомленія—№№ газеты высылаются безплатно.

Подписка принимается только съ 1 числа мѣсяца. За перемѣну адреса иногородніе уплачиваютъ 25 к., причемъ необходимо сообщать прежній адресъ. Копѣйки могутъ быть высылаемы марками.

Плата за объявленія: за каждую строку петита въ 35 буквъ, въ одинъ столбецъ, или за занимаемое строкой мѣсто, позади текста, въ первый разъ уплачивается 10 к. и въ слѣдующіе разы 5 к. за строку. На первой страницѣ, впереди текста, плата вдвое дороже. За объявленія, печатаемыя отъ 20 до 100 разъ, дѣлается уступка отъ 10% до 40%. За объявленія, не менѣе 100—150 разъ,—уступка 50%.

За разсылку при газетѣ отдѣльныхъ объявленій, каталоговъ, прейсъ-курантовъ и проч. 5 р. съ 1000 экз., или по 50 к. со 100 экз. 3—1.

Вышла въ свѣтъ ЧЕТВЕРТАЯ (сентябрь-октябрь) книга журнала

„ВОПРОСЫ ФИЛОСОФІИ И ПСИХОЛОГІИ",

издаваемая Московскимъ Психологическимъ Обществомъ.

СОДЕРЖАНІЕ: Н. А. Иванцовъ. Задачи искусства.—Н. А. Умовъ. Значеніе Декарта въ исторіи физическихъ наукъ.—Л. Е. Оболенскій. Самосознаніе классовъ въ общественномъ прогрессѣ.—Кн. С. Н. Трубецкой. Основанія идеализма.—Вл. С. Соловьевъ. Нравственная организація человѣчества.—Л. М. Лопатинъ. Декартъ какъ основатель новаго философскаго и научнаго міросозерцанія.—В. А. Гольцевъ. По поводу статьи г. Оболенскаго.—С. А. Сухановъ. Ученіе о нейронахъ въ приложеніи къ объясненію нѣкоторыхъ психическихъ явленій *(съ рисунками)*.—А. К. Живелловъ. Вико и его система философіи исторіи.—В. П. Сербскій. Четвертый международный конгрессъ криминальной антропологіи въ Женевѣ.—Критика и библіографія: 1) Новый философскій журналъ. Александра Ив. Введенскаго; 2) Обзоръ книгъ; 3) Обзоръ журналовъ; 4) Новости иностранной философской литературы. Извѣстія и замѣтки. Психологическое Общество.—А. Л. Токарскій. Записки психологической лабораторіи Психіатрической клиники Императорскаго Московскаго Университета.

Открыта подписка на 1897 годъ.

Условія подписки: на годъ (съ 1-го января 1897 по 1-е января 1898 г.) безъ доставки 6 руб., съ доставкой въ Москвѣ 6 руб. 50 коп., съ пересылкой въ другіе города 7 руб., за границу 8 руб.

Учащіеся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, сельскіе учителя и сельскіе священники пользуются скидкой въ 2 руб. Подписка на льготныхъ условіяхъ принимается только въ конторѣ журнала: Москва. Б. Никитская, уг. Леонтьевскаго пер., д. 2—24. Тамъ же продается новое изданіе Московскаго Психологическаго Общества: Куно Фишеръ «Артуръ Шопенгауэръ». Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей В. П. Преображенскаго. Цѣна 5 руб.

Предсѣдатель Общества Н. Я. Гротъ. Редакторы: Л. М. Лопатинъ, В. П. Преображенскій.

3—1.

Un Numéro spécimen sur demande

REVUE DES REVUES

Un Numéro spécimen sur demande

ET

REVUE D'EUROPE ET D'AMÉRIQUE

Au prix de 14 fr. en France et de 18 fr. à l'étranger (ou en envoyant par lettre 7 roubles, 9 florins, 15 mark ou 20 lire), on a un abonnement d'*Un an* pour la Revue des Revues, richement illustrée.

«Avec elle, on sait tout, tout de suite» (Alex. Dumas fils), car «la Revue des Revues est extrêmement bien faite et constitue une des lectures des plus intéressantes, des plus passionnantes et des plus amusantes» (Francisque Sarcey); rien n'est plus utile que ce résumé de l'esprit humain» (E. Zola); elle a conquis une situation brillante et prépondérante parmi les grandes revues françaises et étrangères» *(Les Débats)*, etc.

La Revue paraît *le 1-er et le 15* de chaque mois, publie des articles *inédits* signés par les plus grands noms français et étraugers, les meilleurs articles des Revues du monde entier, etc., etc. La collection annuelle de la Revue forme une vraie encyclopédie de 4 gros volumes, ornés d'environ 1500 gravures et contenant plus de 400 articles, études, nouvelles, romans, etc. La Revue offre de NOMBREUSES PRIMES à ses abonnés.

On s'abonne *sans frais* dans *tous les bureaux de poste* de la France et de l'etranger, chez tous les principaux libraires du monde entier et dans les bureaux de la Revue.

Rédaction et Administration: 32, Rue de Verneuil, Paris.

3—1.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ

НА ГАЗЕТУ

„КУБАНСКІЯ ОБЛАСТНЫЯ ВѢДОМОСТИ".

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО.

Поставивъ главной своей задачей служить всестороннему изученію обширной Кубанской области, выясненію ея разныхъ потребностей и указанію, по возможности, болѣе вѣрныхъ средствъ къ удовлетворенію этихъ потребностей, редакція неоффиціальной части «Кубанскихъ Областныхъ Вѣдомостей» даетъ мѣсто въ газетѣ разнороднымъ статьямъ и сообщеніямъ своихъ многочисленныхъ корреспондентовъ, задавшихся благою цѣлью послужить на пользу нашего края.

Съ этою же цѣлью въ этой части газеты разрабатываются мѣстные матеріалы: этнографическіе, статистическіе, историческіе, географическіе, топографическіе, археологическіе и др.; затѣмъ помѣщаются разнородныя, полезныя для мѣстнаго населенія свѣдѣнія, извѣстія о дѣятельности городскихъ, станичныхъ и сельскихъ общественныхъ управленій, судебныя извѣстія и свѣдѣнія о чрезвычайныхъ явленіяхъ и происшествіяхъ въ области, а также о явленіяхъ метеорологическихъ; на ряду съ этимъ печатаются статьи и свѣдѣнія о сельскомъ хозяйствѣ, объ урожаѣ, промыслахъ, торговлѣ, фабрикахъ, ярмаркахъ. рынкахъ, судоходствѣ, о движеніи поѣздовъ Владикавказской жел. дор., о рыночныхъ справочныхъ цѣнахъ, о торговыхъ и другихъ обществахъ, о выданныхъ привелегіяхъ на изобрѣтенія, отзывы о книгахъ, некрологи извѣстныхъ въ области лицъ и пр.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

Съ доставкою и пересылкою на годъ . . . . . 5 р. 60 к.
» » » » 1/2 года . . . . . 3 р. — к.

За перемѣну адреса взимается 40 к.

Отдѣльно на неоффиціальную часть подписка не принимается.

Подписка на газету принимается исключительно въ г. Екатеринодарѣ, въ конторѣ типографіи Кубанскаго Областного Правленія.

На основаніи разрѣшенія Кубанскаго Областнаго Правленія (№ 62 «Куб. Обл. Вѣд.» за 1895 г.), подписныя деньги можно высылать, въ интересахъ скорѣйшаго полученія газеты, не чрезъ казначейство, а на имя завѣдывающаго типографіей — Эдуарда Александровича Нейберга.

Редакторъ неоффиціальной части В. Скиданъ.

3—1.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА ЕЖЕДНЕВНУЮ (350 №№ ВЪ ГОДЪ)

ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННУЮ ГАЗЕТУ ЗАУРАЛЬЯ

ДѢЛОВОЙ КОРРЕСПОНДЕНТЪ.

(*Въ Екатеринбургѣ*).

Подписная цѣна: съ доставкою и пересылкою на 12 мѣсяцевъ 5 р., на 11 м. 4 р. 50 к., на 10 м. 4 р., на 9 м. 3 р. 75 к., на 8 м. 3 р. 50 к., на 7 м. 3 р. 25 к., на 6 м. 3 р., на 5 м. 2 р. 75 к., на 4 м. 2 р. 50 к., на 3 м. 2 р., на 2 м. 1 р. 50 к., на 1 м. 1 р. Отдѣльные номера 50 к.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи: Екатеринбургъ, Колобовская ул., д. Магницкаго, № 21, и у агентовъ. (см. заголовокъ газеты).

Редакторъ П. П. Басинъ. Издатель В. Н. Алексѣевъ.

3—1.

Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ С.-Петербурга продаются слѣдующія сочиненія

А. АННЕНСКОЙ:

Зимніе вечера. Сборникъ разсказовъ для дѣтей. Изданіе второе. Ц. 2 руб.

Своимъ путемъ. Сборникъ разсказовъ для дѣтей. Ц. 2 р.

Анна. Романъ для дѣтей. Изданіе второе. Ц. 60 к.; въ переплетѣ, съ рисунками Е. М. Бемъ—1 р. 20 к.

Мои двѣ племянницы. Четыре разсказа для дѣтей. Ц. 1 р.

Маленькій оборвышъ. Романъ Джемса Гринвуда. Передѣлка съ англійскаго. Изданіе третье. Ц. 1 р.

Робинзонъ Крузе. Новая переработка темы Де-Фо. Съ картинами и политипажами. Изданіе четвертое. Ц. 2 р.

ІОАННА д'АРКЪ.

Историческая хроника **Н. М. ДЕМЕНТЬЕВОЙ.**

Роскошное изданіе, иллюстрированное многочисленными гравюрами и фототипіями.

Рекомендовано для ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній Вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи; **одобрено** для ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Складъ изданія при типографіяхъ Высоч. утв. Товар. И. Н. Кушнарева и К° въ Москвѣ (Пименовская ул., собственный домъ), въ С.-Петербургѣ (типогр. Мин. Пут. Сообщ., Фонтанка, № 117) и въ Кіевѣ (Бибиковскій бульваръ, № 8).

1—3.

НОВАЯ КНИГА.

Л. МЕЛЬШИНЪ.

ВЪ МІРѢ ОТВЕРЖЕННЫХЪ.

ЗАПИСКИ БЫВШАГО КАТОРЖНИКА.

Изданіе редакціи журнала **„Русское Богатство“.**

Цѣна **1** р. **50** к., съ пересылкой **1** р. **80** к.

СКЛАДЫ ИЗДАНІЯ:

Въ Петербургѣ.—Контора **„Русскаго Богатства“**, Бассейная ул., 10.

Въ Москвѣ.—Отдѣленіе конторы **„Русскаго Богатства“**, Никитскія ворота, д. Гагарина.

1—3.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ

НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

иллюстрированный журналъ для дѣтей школьнаго возраста

ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ

съ приложеніемъ «Педагогическаго Листка»

ДЛЯ РОДИТЕЛЕЙ И УЧИТЕЛЕЙ.

Въ 1897 году «ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ» вступаетъ въ 29-й годъ своего существованія.

«ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ» допущено Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, городскихъ и уѣздныхъ училищъ и для сельскихъ библіотекъ; одобрено Ученымъ Комитетомъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи и Главнымъ Управленіемъ Военно-Учебныхъ Заведеній.

Въ журналѣ «ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ» помѣщаются: а) повѣсти, разсказы, легенды и сказки (оригинальные и переводные); б) стихотворенія; в) историческіе очерки и біографіи замѣчательныхъ людей; г) популярно-научныя статьи, знакомящія съ природою и человѣкомъ; д) путешествія; е) мелкія статьи (по бѣлу свѣту, изъ книгъ и журналовъ); ж) шутки, игры и занятія; з) задачи, ребусы, шарады и проч.

При журналѣ «ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ» издается «ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ», выходящій четыре раза въ годъ отдѣльными книжками отъ 4 до 6 листовъ. Большая часть статей «ПЕДАГОГИЧЕСКАГО ЛИСТКА» посвящается домашнему воспитанію, элементарному обученію и вопросамъ по народной школѣ. Въ «ПЕДАГОГИЧЕСКОМЪ ЛИСТКѢ» помѣщается періодическій указатель дѣтской и учебной литературы, содержащій въ себѣ краткое описаніе и разборъ вновь выходящихъ книгъ для дѣтей, учебниковъ, руководствъ, и пособій для родителей, воспитателей и учителей.

Въ 1896 году въ журналѣ «ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ» среди многихъ другихъ разсказовъ были напечатаны—разсказы Д. Н. *Мамина*, К. М. *Станюковича*, Г. А. *Мачтета*, П. В. *Засодимскаго*, С. Т. *Семенова*, К. В. *Лукашевичъ* и др., большія повѣсти М. Н. *Альбова*, И. Н. *Потапенко*, историческіе разсказы Д. А. *Мордовцева*, Ив. Ив. *Иванова*, А. К. *Сизовой* и др., комедія для дѣтей П. М. *Невѣжина* и много научныхъ статей. Объемъ журнала былъ значительно увеличенъ: книжки выходили въ 12 и 14 листовъ, и въ общемъ дано сверхъ обѣщаннаго до тридцати печатныхъ листовъ, что составитъ за годъ—цѣлыхъ двѣ лишнихъ книжки.

Въ журналѣ «ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ» въ 1897 году примутъ участіе: *Альбовъ М. Н.—Баранцевичъ К. С.—Борисовъ Н. А.—Вагнеръ Н. П.—Вагнеръ Ю. Н.—Величко В. Л.—Глинскій Б. Б.—Гольцевъ В. А.—Ермиловъ В. Е.—Засодимскій П. В.—Зенченко С. В.—Каразинъ Н. Н—Коропчевскій Д. А.—Кораллинъ М. С.—Лавровъ В. М.—Ладыженскій В. Н.—Лукашевичъ К. В.—Мамина-Сибирякъ Д. Н.—Мачтетъ Г. А.—Михаловскій Д. Л.—Михѣевъ В. М.—Монастырскій А.—Невѣжинъ П. М.—Немировичъ-Данченко Вас. Ив.—Немировичъ-Данченко Вл. Ив.—Острогорскій В. П.—Потапенко И. Н.—Рубакинъ Н. А.—Семеновъ С. Т.—Серпенко П. А.—Сизова А. К.—Скабичевскій А. М.—Соловьевъ-Несмѣловъ Н. А.—Станюковичъ К. М.—Чеховъ Ан. П.* и др.—Въ художественномъ и музыкальномъ отдѣлахъ: *Андреевъ В. И.—Гуляновъ И. Г.—Литвиненко П.—Кашкинъ Н. Д.—Корещенко А.—Чичаговъ К. Н.*

На 1897 годъ редакція «ДѢТСКАГО ЧТЕНІЯ» имѣетъ уже для печатанія двѣ большія повѣсти «Поднебесный аулъ» *Вас. Ив. Немировича-Данченко*, съ рисунками *К. Н. Чичагова*, «Два таланта» *И. Н. Потапенко*, разсказы *К. М. Станюковича*, *Д. Н. Мамина-Сибирякъ*, *Г. А. Мачтета*, *В. М. Михѣева* и др.

Январьская книжка 1897 г. выйдетъ до праздника Рождества.

Подписная цѣна на годъ: безъ доставки въ Москвѣ 5. руб.; съ доставкою и пересылкою во всѣ гг. Россіи 6 руб.; за границу 8 руб.; на полгода 3 руб.; на четверть года 1 руб. 50 коп.

Подписка принимается въ редакціи: Москва, Тверская улица, д. Гиршмана, кв. 40 — Дм. Ив. Тихомирова, и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ (уступка книгопродавцамъ 30 коп. съ годового экземпляра).

При редакціи книжный складъ,—«Библіотека Дѣтскаго Чтенія»,—каталогъ высылается безплатно. 3—1.

Издательница *Е. Н. Тихомирова.* Редакторъ *Д. И. Тихомировъ.*

14 DAY USE
RETURN TO DESK FROM WHICH BORROWED
LOAN DEPT.
This book is due on the last date stamped below, or
on the date to which renewed.
Renewed books are subject to immediate recall.
ICLF (N)
LD 21A–45m-9,'67
(H5067s10)476B
General Library
University of California
Berkeley

U. C. BERKELEY LIBRARIES
C042636604